

Теймур Атаев

КАВКАЗСКИЕ КОЛЛИЗИИ РОССИИ

От Петра I до Иосифа Сталина

Киев 2017

Теймур Атаев

Кавказские коллизии России

От Петра I до Иосифа Сталина

С благодарностью своим родителям за все,
что они сделали для меня.

Автор выражает признательность своему дяде,
проф. Рауфу Гусейнову, за консультации
по ряду исторических вопросов.

Киев – 2017

ИДРАК

Атаев Теймур

Кавказские коллизии России. – Киев: ТОВ «СІК ГРУП УКРАЇНА», 2017. – 508 с.

ISBN

Кавказское направление внешней политики России в течение последних трех веков раскрыто автором в геополитическом контексте – через призму отношений России с ведущими западными странами. Это позволяет ему представить собственные версии причин некоторых исторических процессов, определивших судьбу Кавказа: проникновения России в кавказский регион; создания ею «христианского пояса безопасности» на азербайджанских территориях; возникновения в мире «армянского вопроса»; событий 1915 г. в Османской империи, в некоторых случаях преподносимых как «геноцид армян»; образования независимых кавказских республик после распада Российской империи; ликвидации Османской империи и др. Наряду с кавказской темой, автор подробно касается важнейших геополитических событий второй половины XIX – первой половины XX века: Крымской войны, Берлинского конгресса 1878 года, международных конференций начала 1920-х годов и других. Одно из центральных мест в книге занимает авторское расследование роли нефтяного фактора в геополитической борьбе внутри и вокруг Кавказа, а также глубинных причин и последствий революционных событий в России в 1905 г.

Книга, написанная в научно-публицистическом стиле, предназначена как для профессиональных историков, политологов, журналистов, студентов гуманитарных факультетов, так и для широкого круга читателей.

Все права защищены. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения владельцев авторских прав.

Редактор: Т. В. Гончарова

© Теймур Атаев, 2017

© Общественное Объединение «Идрак», 2017

КАСПИЙСКИЙ ИНТЕРЕС ПЕТРА I

С начала первой половины XVIII в. Южный Кавказ стал одним из стержневых узлов мировой геополитики. Связано это было с ослаблением Персии¹ и укреплением Российской империи.

Просчитывая варианты геополитического закрепления на западном побережье Каспийского моря, правитель России Петр I стремился предотвратить его занятие Османской империей. Дело в том, что в 1714 г. в донесении на его имя капитан Преображенского полка (потомок кабардинских князей) Александр Бекович-Черкасский (до принятия православия – Девлет-Гирей-мурза), излагая планы османов «соединить под своею властью» все кавказские народы «вплоть до персидской границы», воспользовался удобным моментом для подчинения этого региона вследствие «интереса государственного» (в целях недопущения иметь против себя «онный народ» (горские племена) во время предполагаемой новой войны с османами) [1].

Поэтому выдающийся русский историк Сергей Соловьев писал, что «Россия волею-неволею должна была вмешиваться в дела кавказских народов», так как «на перешейке между Черным и Каспийским морями» ее интересы сталкивались с внешнеполитическими намерениями Турции и Персии [2].

Вместе с тем, по словам А. Бековича-Черкасского, удачная Каспийская экспедиция поспособствовала бы получению Россией не только политических, но и экономических выгод, т. к. «кавказский край богат всякими рудами» [1]. В связи с этим целесообразно совершить небольшой экскурс в историю абшеронской нефти.

Из истории бакинской нефти

О природных богатствах Абшерона было известно еще с периода раннего средневековья. Историческая хроника «Дербенд-наме» гласит, что в 885/886 г. халиф Багдада ал-Мутамид «отделил половину нефтяных скважин и соляных копий от владений Ширвана и сделал их вакуфом в пользу населения Дербента», приказав создать «хранилище в Бадку на берегу моря» [3].

Согласно переводчику хроники, выдающемуся ученому, организатору российского востоковедения Мирзе Мухаммеду Али Казем-Беку (азербайджанцу по происхождению), под Бадку имеется ввиду Бадкубэ

¹ Здесь и далее автором используется название «Персия» при описании событий, предшествующих 1935 году, начиная с которого официально признанным на международном уровне стало самоназвание этой страны «Иран» – прим. авт.

(персидское название г. Баку). В свою очередь, ал-Истахри (X в.), первый по времени представитель классической арабской географической школы, чей труд дошел до нас, упоминает «источники белой и темно-серой нефти в Баку» [4]. По описанию масштабной экспедиции русов на Каспий арабским историком и географом аль-Масуди (X в.), в 912/913 г. русские, двинувшись «по направлению к Адарбайджану», достигли «Нефтяного берега в области Ширвана, известного под названием Баку» [5].

В XII в. арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати писал: «Видел я на берегу Хазарского [Каспийского] моря поблизости от города», называемого «Бакух [Баку], местность, в которой [из земли] выходит битум». Ночью «показывается огонь вроде серного огня», в «этой местности выходит нефть» [6]. Бакинский «нефтяной источник, изливающий беспрерывно, днем и ночью, белую, как ртутное масло, нефть», упоминается и у арабского ученого XII–XIII вв. Йакута аль-Хамави [7].

Знаменитый Марко Поло в своей «Книге» (1298 г.), говоря об Абшеронском п-ове, также указал на наличие в этом ареале «источника масла [нефти], и много его – до сотни судов можно зараз нагрузить тем маслом... Издалека приходят» за ним [8]. Следовательно, «черное золото» вывозилось.

Оказавшийся в регионе через два десятилетия французский миссионер, монах-доминиканец Журден де Северак поведал, что в «Баку копают колодцы, из которых извлекают и вычерпывают масло; называется оно нефть, и горячее это масло, и целебное, и хорошо горит» [9]. Персидский географ Хамдаллах Казвини (1339 г.) упомянул о выкапывании колодцев «поверх земли», вслед за чем «добираются до источника нефти», а «вода, спускаемая в эти колодцы, выталкивает нефть на поверхность» [10].

Азербайджанский географ Абд ар-Рашид ал-Бакуви (нач. XV в.) обращал внимание на добычу нефти в Баку в количестве «ежедневно более чем двести верблюжьих выюков». Причем очень интересным способом: с тюленей «сдирают шкуру и вытапливают жир, [используемый] как масло в светильниках». Из шкур «выделяют мешки, наполняют их нефтью и перевозят на кораблях в [другие] страны» [11].

Этот нюанс отразил и епископ Нахчывана (с 1377 г.) Иоанн де Галонифонтибус², отмечая наличие на Абшероне источников, дающих «огромное количество пахнущей нефти». При рытье ямы «глубиной в два

² Как правило отождествляется с архиепископом кафедры Сольтание в Иране, т. е. Иоанном Султанийским. – прим. авт.

эля³ или даже меньше» моментально ударяет «сильный фонтан воды». Если какое-то ее количество вычерпать и слить «в открытые сосуды», вода «через некоторое время испарится и останется одна нефть», которая «собирается в мешки и вывозится даже на расстояние в пятьдесят дней пути». Она «используется как горючее для плавающих фитилей и лампад, для которых в других странах используют растительное масло или нутряное сало» [12].

Тверской купец Афанасий Никитин, осуществивший путешествие в Индию (во второй пол. XV в., охарактеризовал Баку как город, «где огонь горит неугасимый» [13], подразумевая, безусловно, выходы горящих газов в районе Баку.

Естественно, бурение колодцев продолжалось (кустарным способом). Сохранившаяся надпись на камне в обнаруженном в Бакинском районе Балаханы колодце 35-метровой глубины свидетельствует о его сооружении в 1594 г. Аллахъяром Мамеднур оглы. Побывавший в Азербайджане немецкий ученый Адам Олеарий (1636 г.) дает подробное описание увиденного: «Нефтяные колодцы – это разнообразные ямы, числом до тридцати, расположенные почти все на расстоянии» одного ружейного выстрела. Из них «сильным ключом бьет нефть: это oleum petroleum». В целях спуска «в глубину на две сажени к трем главным колодцам» были сооружены «несколько поперечных балок, которыми можно было пользоваться в качестве лестницы». Сверху слышалось, насколько «бурлят эти ключи»; здесь «можно вычерпывать и бурую и белую нефть, но первой больше, чем второй» [14].

Нидерландский путешественник Ян Стрейс, находившийся в Азербайджане в 1670 г., свидетельствовал, что «нефть или петролиум» выступает из земли, «пробивается и бежит по разным жилам среди скал [15]. Весьма примечательно, что в последней четверти XVII в. Ян Стрейс отправился в Россию в свите голландского посольства, т. е. к «чисто» географическим причинам путешествий добавилась политико-экономическая составляющая.

Каспийская экспедиция Петра I

Таким образом, вышеприведенное замечание А. Бековича-Черкасского об экономических выгодах для России Каспийской экспедиции было неслучайным. К тому времени «нефтяная тематика» уже находилась в поле зрения Петра I. Еще в 1713 г. в направленной им обер-прокурору Павлу Ягужинскому записке было отмечено: «По получении сего письма скажи в Сенате, чтоб нефти довольно число, а

³ 114 см – прим. авт.

именно чтоб ведер десять или больше мерою прислали сюды» [16]. В 1719 г. функции распоряжения недрами страны были возложены на Берг-коллегию.

Ну а когда Петр, вслед за успешным окончанием для России Северной войны (1700–1721 гг.)⁴ в 1722 г. организовал Каспийский (Персидский) поход русских армии и флота, в инструкцию для командующего войсками генерала Михаила Матюшкина («Когда даст Бог Баку возьмем что чинить») император включил пункт: «Разведать о пошлинах и доходах, а особливо о нефти и шафране» [17].

Предлог же для Каспийской экспедиции был найден более чем удобный. Согласно свидетельству действительного статского советника, правителя канцелярии при российском главнокомандующем в Грузии Семена Броневского, осенью 1721 г. в Персии сложились «следующия обстоятельства». «Лезгинский бунтовщик Дауд бег, соединясь с Сурхай ханом казыкумышским, напали на ширванскую область, взяли город Кубу и потом Шемаху, убили хана шемахинского, разорили богатый и торговлю процветавший сей город, перебили купцов или захватили в плен». При этом «погибло до трехсот человек российского купечества, находившагося в Шемахе, и убыток, при сем случае причиненный российской торговле, восходил до четырех миллионов рублей». Притесняемый со всех сторон шах Хусейн «отправил трех послов к российскому государю, прося помощи», в связи с чем Петр I повелел «сделать к походу нужная заготовления» [18].

Фактор ограбления русских купцов в Шемахе становился удобным поводом для начала Россией военных действий. Хотя официальные лица утверждали о защите российским правительством своих исконных торговых прав, истинной причиной войны был геополитический аппетит России на прикаспийский ареал.

Приказ о наступлении Петр I отдал в мае 1722 г. В июльском императорском «Манифесте к народам Кавказа и Персии» говорилось, что «ввиду отказа Дауда-Гаджи и Сурхай-хана дать удовлетворение, мы принуждены против предреченных бунтовщиков и всезлых разбойников войска привести» [19].

К началу сентября русские без боя вступили в Дербент, предполагая двигаться к Шемахе. Данный шаг, конечно же, вызвал недовольство Османской империи. На тот период открытая конфронтация с османами не стояла на внешнеполитической повестке дня России, и в сентябрьском рескрипте 1722 г. Российской государственной коллегии иностранных дел резиденту учрежденного в 1721 г. в Стамбуле постоянного

⁴ Северная война (1700–1721 гг.) обеспечила выход России к Балтийскому морю и налаживание морской торговли с Европой. – прим. авт.

российского представительства Ивану Неплюеву поручалось «накрепко обнадёжить» Порту в том, что «наши войска» вынуждены были подойти к Шемахе, но «к турецким границам в Жоржию⁵ и Армению не будут приближатца», а «токмо подле берегов Каспийского моря маршировать имеют» [20].

Вместе с тем, Давуд-бек и Сурхай-хан обратились за помощью к Константинополю, «предаваясь в подданство Порты Отоманской». Первый был принят под покровительство, став «дагистанским владельцем», после чего османы потребовали у России не препятствовать «ему владеть Ширваном» [18].

Нежелание России обострять в тот период взаимоотношения с Портой наверняка способствовало приостановлению Каспийского похода. «Официальным» обоснованием этому было не только оскудение провианта и наличие в российских «руках» Дербента, но и тот факт, что «всех бы басурман на себя охрабрили», так как «им опасения есть далее идти пока Шемаха у нас будет в руках». Правда, при этом Петр I заверил о скорых планах возвращения в регион с «будущей кампанией» [21].

Так что не случайно османский султан продолжал проявлять беспокойство. В декабрьском письме Петру I государственный канцлер граф Гавриил Головкин, сообщая о требовании Стамбула вывести «ис персидских стран все [российские] войски», ставил царя в известность о готовности осман к военным действиям [22]. Русский государь прекрасно понимал, что может нести для России активизация Османской империи на Кавказском направлении, а потому начал готовить продолжение Каспийского похода.

Для успешного достижения этих задач Петр I принял решение укрепить христианский фактор на своих южных границах, прежде всего за счет значительного изменения этно-демографической ситуации на Южном Кавказе. Перед более детальным рассмотрением данного нюанса целесообразно обратиться к вопросу происхождения армян.

Происхождение армян и их перманентные миграции

Как отмечают авторитетные армянские историки, в VIII в. до н. э. во Фракии, на Балканах, объявились киммерийцы, один из «народов моря», по определению древнеегипетских письменных памятников. Здесь они вступили в контакт с предками армян, которых увели с собой на восток – в Малую Азию [23]. Киммерийцы обитали на обширных пространствах Северного Причерноморья – от Фракии на западе до Кавказа на востоке. Теснимые с востока скифами, они через Балканы перебрались в Малую

⁵ Грузию – прим. авт.

Азию, куда, по словам армянских исследователей, и привели с собой «потомков Хайка», то есть предков армян.

В результате этой первой, начальной миграции далеких предков армянского народа они оказались во Фригии – исторической области в западной части Малой Азии [24].

Это подтверждается и другими армянскими источниками, согласно которым в период известных переселений «народов моря» армяне проникли в Малую Азию вместе с родственными им фрако-фригийскими племенами из Балкан [25].

По словам выдающегося русского востоковеда, лингвиста, специалиста по древним письменностям Игоря Дьяконова, «можно было бы думать, что до скифского вторжения армяне составляли часть фригийцев, а в связи с этим вторжением отселились и продвинулись на восток». Но это предположение «неприемлемо» вследствие лингвистических данных, показывающих, что «фригийский и древнеармянский разделились, отойдя от общего языка-основы», значительно раньше. Древнеармянский – особый язык фрако-фригийской ветви, а не диалект фригийского языка VIII в. до н. э.

Следовательно, протоармяне могли участвовать в общем движении фрако-фригийских племен конца II тысячелетия до н. э., но не в качестве части фригийцев (мушку или мушки, по ассирийским и урартским источникам), а как отдельный народ или племенная группа. А раз «общее движение» фрако-фригийских племен шло «с запада на восток, то в протоармянах мы должны видеть головной отряд этого движения» [26].

С падением Хеттского царства фригийцы (включая предков армян) окончательно расселились в пределах проживания хеттов, в центральной части Малой Азии, где оставались на протяжении многих веков (их язык окончательно вымирает лишь в VI в. н. э.).

С учетом же того, что «армены» продвинулись «дальше на Армянское нагорье» [25], взгляд на протоармян как на автохтонов нагорья, «основанный на большом архаизме их индоевропейского языка, почти сравнимого по архаизму с языками хетто-лувийской группы», нужно признать «неосновательным».

Поскольку из индоевропейских языков армянский ближе всего греческому, фракийскому, отчасти фригийскому и, далее, индоиранским, но весьма далек от хетто-лувийского, он вполне мог соседствовать первоначально (до II тысячелетия до н. э.) с носителями древнеанатолийских архаичных языков не с востока, а с запада, т. е. по ту сторону Босфора и Дарданелл, где он и контактировал с протогреческим, фригийским и т. п. [27].

Ну а образовался армянский народ на Армянском нагорье в конце II – начале I тыс. до н. э. в результате постепенного слияния проживавших на

нем издревле племен и союзов, также некоторых других племен, осевших здесь в конце II тыс. до н. э. [25]. Мидяне и персы называли этот новообразованный этнос армянами по имени арменов, а саму территорию – Арменией. Однако это – иноназвание, ибо предки армян заняли тогда территорию, где до них обитали армены, которых они ассимилировали. Так же именовали этот народ и территорию его расселения греки и римляне, благодаря которым данные названия – этноним «армяне» и ороним «Армения» как физико-географическое понятие – получили распространение.

На основе вышеизложенного можно заключить, что армяне автохтонами Малой Азии не являются, так как их предки обитали на Балканах. Древнеармянский народ первоначально сложился в верхнеевфратской долине из хурритов, лувийцев и протоармян (мушков). Хурриты, будучи наиболее многочисленными, явились основой армянского народа, определив главную линию физической преимущества. А уже позднее, с Армянского нагорья, армяне появились на Южном Кавказе, что было связано с первой утратой армянской государственности в IV в. и с мировыми миграционными потоками в периоды существования Арабского халифата и Сельджукской империи, в которые оказались вовлечены народы, находившиеся под властью арабов и сельджуков. Таким путем часть армян перебралась на Кавказ, в основном на его южные территории, где поселилась на исторических азербайджанских землях.

Происхождение армян не из Малой Азии и тем более не с Южного Кавказа подтверждается этнической составляющей такого понятия как «периодическая (армянская) болезнь» (известна и под названием «средиземноморская лихорадка») – сравнительно редкое «генетически обусловленное заболевание», встречающееся «преимущественно у представителей народностей, предки которых жили в бассейне Средиземного моря, особенно у армян, евреев (чаще сефардов), арабов, независимо от места их проживания» [28]. Армянские источники подтверждают, что «приблизительно 15–20% армян имеют гены, предрасположенные к этой болезни» [29].

Кавказская Албания

Кавказская Албания располагалась на территории нынешнего Азербайджана и принадлежит к его истории. Данный факт подтверждают историки, в том числе армянские. Как отмечает историк-медиевист, автор учебного курса по христианской символике Роман Багдасаров, это была территория албан, аборигенного населения Азербайджана, приморского Дагестана и части Алазанской долины Грузии [30].

В период описания карты, приведенной в Тибетско-шаншунском словаре, известному российскому историку, создателю учения о человечестве и этносах как биосоциальных категориях Льву Гумилеву и российскому буддологу и тибетологу Брониславу Кузнецову удалось расшифровать и даже датировать комбинацию топонимов II в. до н. э.: «43. Snang-ldan-'bum-gling – судя по местоположению, Албания кавказская, современный Азербайджан и Южный Дагестан» [31].

Имя «албан» неоднократно звучало в греко-римских источниках. Согласно Страбону, албаны – собирательное понятие для определения совокупности 26 автохтонных племен, имевших свои языки и общего царя: «Теперь царствует один над всеми. Перед тем каждое племя, отличающееся особым наречием, имело собственного царя. Между ними существует двадцать шесть языков, потому что они не так легко смешиваются между собою» [32]. Уточняет место обитания албан Плиний Старший: «В горах Кавказа и на берегу Каспия, южнее удин до реки Кура» [33].

Одной из основных в Кавказской Албании являлась провинция Карабах-Арцах, охватывавшая часть территорий нынешнего Нагорного Карабаха и Мильской степи. Со II в. н. э. на территории Албании распространяется христианство. Как отмечает митрополит Московский и Коломенский Макарий (1879–1882 гг.), «с проповедью» Южный Кавказ посетили «пять святых апостолов». Но «явно, что этот апостол, которого армяне единодушно называют своим первым апостолом, не проникал собственно в Армению и особенно в ту часть ее, которая находится ныне в пределах нашего отечества, ибо город Эдесса лежал не в самой Армении, а в верхней Сирии, или Месопотамии, принадлежавшей только тогда к Армении. Разве принять за достоверное известие армянских летописцев, которые уверяют, что Фаддей от семидесяти проповедовал целые 18 лет (с 32 г. по 49-й) в самой Армении, Великой и Малой, что здесь он и скончался, здесь и погребен в области Шаваршан, в деревне Артаз и что на могиле его здесь устроен даже монастырь» [34]. Комментарии к сказанному митрополитом излишни.

В то же время, апостол Елисей (Егише) отстроил церковь в Гисе (район азербайджанского города Шеки). Полное наименование основанной им Албанской церковной организации – Албанская Автокефальная Апостольская церковь, которая обслуживала Албанское государство. Ко времени Агуэнского собора (488 г. или 493 г.), созванного албанским царем Вачаганом III Благочестивым, местная церковь уже имела своего архиепископа (резиденция г. Партав-Бердаа) и восемь епархий.

Как отмечается, находясь «под идейным влиянием соседей», Албанская церковь выступила против Халкидонского собора 451 г., осудившего монофизитство. Поэтому халкидониты объявили албан

монофизитами, те же расценили Халкидонский собор как возврат к несторианству [35]. В 591 г. византийский император Маврикий, заполучивший в результате подписанного с Сасанидским государством мирного договора значительную часть Армении, находившейся с 387 г. в составе Персии [36], для отдаления от Армянской церкви тех армян, которые оказались на контролируемых им землях, учредил для них альтернативный Халкидонитский католикосат. В результате глава Албанской церкви, приостановившей отношения с расколовшейся («отступившей») армянской церковью, стал рукополагаться на месте (учреждение католикосата). Кроме того, к рукоположению от Албанского католикоса перешел Сюник, бывший под юрисдикцией армянской церкви [35].

Третий Двинский Собор (607 г.) осуществил формальное отделение части армянской церкви от католической церкви. Это было первое появление в истории отделенной армянской церкви (т. е. Армянской Апостольской Церкви, ААЦ). Однако часть армянской церкви (сегодня ее представителей назвали бы «армяно-католиками») все еще оставалась в общении с католической церковью. В этой связи создатель сайта “The Armenian Catholic Church” Уильям Тер-Газарян ссылается на архиепископа ААЦ Нерсояна, согласно которому с середины V по середину VII в., когда Армения была поделена между Византийской и Персидской империями, епископы «западной части» в большей степени принадлежали к халкидонитам (были в общении с католической церковью), а находившиеся на востоке придерживались противоположных взглядов.

Партия сторонников отделения в конечном итоге стала преобладающей и получила власть, постепенно вовлекая всю армянскую церковь (АЦ) «в состояние отделения, разрыва общения с Греческой и Римской Церквями». Но в АЦ было немало желавших единства с католической церковью [37].

В VIII в. Южный Кавказ оказывается под властью Арабского халифата. В 705 г. армянский католикос Илия «доложил» халифу Абд-Малику о соглашении албанского католикоса, халкидонита Бакура-Нерсеса, с византийским императором, добившись низложения первого [38]. Получив поддержку Халифата, АЦ вытеснила албанское духовенство с занимаемых им позиций, начав «усиленную этническую, культурную и религиозную арменизацию албан», т. е. их этноцид. В результате Албанская церковь потеряла свою самостоятельность, оказавшись подчиненной армянскому католикосату [39].

В IX в. Албанское царство, куда входил и Арцах, было частично восстановлено. В XII–XIII вв. в Арцахе возвысилось Хаченское княжество, правителем которого являлся Хасан-Джалал – потомок

албанских князей Михранидов. Им был построен монастырский комплекс Гандзасар. Древний же монастырь Гандзасар, существовавший задолго до Хасан Джалала, являлся родовой усыпальницей хаченских владетелей – Джалалидов. Там же похоронен сам Хасан Джалал. Гандзасарский собор был построен им к 1238 г., по настоянию албанского патриарха Нерсеса. Окрестил строение Хасан Джалал «престольным собором Албании».

Потеряв политическую светскую власть, представители рода Джалалидов, владевших Хаченом до X в., становятся духовными владыками страны, патриархами, католикосами самостоятельной Албанской церкви [40].

В XV в. албанские удельные владетели из рода Хасан-Джалала стали именовать себя меликами. Произошло это во времена азербайджанского государства Гара-Гоюнлу, при падишахе Джахан-шахе. Карабахские владетели явились к Джахан-шаху в знак почтения и признания его власти и поставили шаха в известность о дроблении рода Хасан-Джалала на пять дочерних ветвей. Они обратились к нему с просьбой присвоить каждому из них соответствующий титул, что позволило бы пресечь распри в их роду и получить поддержку от государства Гара-Гоюнлу. Положительно откликнувшись на просьбу, Джахан-шах присвоил титул мелика каждому из пяти владетелей из рода Хасан-Джалала. После этого все они заявили себя меликами [41]. Так единое владение Хасан-Джалала раздробилось на пять албанских меликств – мелких автономных княжеств, а факт того, что все они были по происхождению албанскими, является бесспорным. Неслучайно по сей день азербайджанцы, прямые их потомки, носят фамилии Мелик-Егановы, Мелик-Пашаевы, Мелик-Шахназаровы.

Здесь отметим еще один важнейший факт из истории XV века. До середины этого столетия престол католикоса армян находился в столице Киликии – г. Сис. Сюда с 1065 г., т. е. после очередной, второй утраты Арменией своей государственности «из-за войн с византийцами, ослабившими Армению и подготовившими почву для вторжения сельджуков», переселялись многие армяне. В 1441 г. «восточные учителя» (сторонники разделения и противники единства с Римом) избрали нового католикоса в Эчмиадзине⁶. По словам У. Тер-Газаряна, события 1441 г., приведшие к расколу между «армяно-католиками и представителями» ААЦ, произошли в то время, когда «был еще жив законно избранный и правомочный католикос в Киликии» [37].

⁶ Документальных данных о том, что Эчмиадзин ранее этой даты являлся центром армяно-григорианской церкви, нет. – прим. авт.

Происшедшее, естественно, не могло вызвать поддержку у османов. С учетом нахождения Эчмиадзина на территории, подвластной Персии, в 1461 г. султан Мухаммед II Фатих основал патриархию армян Стамбула, что свидетельствовало об его намерении «держат под контролем армян» своей империи. Осуществить это предполагалось посредством местного патриарха, наделенного духовно-светской властью, «как этнарха» [42].

Говоря другими словами, Стамбул не желал воспринимать «персидский» Эчмиадзин центром общеармянской церковной власти, которому должны были бы «духовно» подчиняться и османские армяне.

О карабахских меликствах

Возвращаясь к геополитической идее Петра I о переселении армян соседних стран в прикаспийские районы, отметим, что ее рождение было далеко не внезапным. Еще в 1711 г. он призвал сенат «армян, как возможно, приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда» [43]. Другое дело, что для реализации этой политической задачи Петру I значительно ценнее было опираться на «инициативу с мест». Таковой стала жалоба на имя российского императора, поступившая в марте 1723 г. от армянской стороны (представляемой, вроде, четырьмя «карабахскими меликами»). В связи с такой позицией меликов (меликств) стоит хотя бы кратко рассмотреть их историю.

Согласно исследованиям выдающегося советского историка-востоковеда Ильи Петрушевского, одну из феодальных групп в тех землях составляли потомки старинной местной знати – «азербайджанской и местами армянской, не принадлежавшей к кочевым племенам». Эта знать, почти полностью истребленная в южной части Азербайджана, была заменена кызылбашской и курдской кочевой знатью. Но потомки первых «уцелели кое-где в Карабахе и особенно в Ширване». Обычным титулом высших представителей этой части знати был «мелик». По словам И. Петрушевского, представители дореволюционной кавказоведческой историографии «видели в меликах исключительно представителей армянской знати». Но эта точка зрения «ошибочна», поскольку владетельные мелики-мусульмане в прикаспийских странах были известны как в XIII–XV вв., так и при Сефевидях и в период полунезависимых ханств. Однако значение понятия «мелик» не всегда четко определено. Чаще всего оно встречается в двояком значении: 1) мелкий владетельный феодал, потомок старинных местных владетелей, подчинившихся шахской власти; 2) старшина

селения или группы селений, и в таком значении обычно упоминается рядом с термином «кедхуда»⁷ [44].

С учетом первого значения, указанного И. Петрушевским, а также на основе анализа открытых источников и исторической литературы, азербайджанский историк Гевхар Мамедова выделяет два основных момента, определявших категорию «мелик»: а) социально-правовое положение, т. е. имущественный ценз; б) принадлежность к классу феодалов (бекскому сословию), местное албанское происхождение и старинная родословная, восходящая корнями к албанским знатым фамилиям. В свою очередь, армянские исследователи, стремясь доказать армянское происхождение титула «мелик» и хорошо понимая, что местные потомственные мелики, хотя и получили крещение, но принадлежат к истории Кавказской Албании и никакая фальсификация в этом невозможна, ухватились за их христианство. Посему зажиточную деревенскую верхушку, близкую по статусу к «танутэрам», стали выдавать за армянских меликов [45]. Между тем, в центральных советских изданиях 1930-х гг. подчеркивалось, что «в провинциях Закавказского края мелики (из армян и татар) были всегда потомственными правителями больших и малых участков; важность места обозначала степень значения мелика, и титул этот всегда служит доказательством древности происхождения фамилии (не говоря о самозванцах, которые могут быть во всех разрядах сословий)» [46].

Другое дело, что, по словам Г. Мамедовой, несмотря на четкое и полное раскрытие этой формулировкой смысла термина, подразделение меликов на армян и азербайджанцев несло неисторический характер. Советский историк Вадим Левиатов указал, что «в массе своей армяне Нагорного Карабаха так же, как и азербайджанцы», являлись «потомками албан, местного населения, коренных жителей страны», одна часть которых во времена господства Арабского халифата была обращена в мусульманство, а другая – продолжала оставаться христианами: албаны-христиане и «подверглись арменизации» [47].

Говоря другими словами, лица, представляемые «армянскими меликами», в реальности были потомками христианских албанских феодалов, включенных в лоно армянской церкви в 705 г. и впоследствии арменизированных. Последний факт являлся результатом проармянской колониальной политики российского государства, предусматривавшего проведение скорейшей деэтнизации поздних албан в целях их арменизации. Оно расширяло и укрепляло на Южном Кавказе, в первую очередь в Азербайджане, удобную и послушную ему

⁷ С перс. буквально «домовладыка», в одном из значений «сельский», или «квартальный староста»; синоним армянского слова «танутэр» с тем же буквальным и терминологическим значением. – прим. авт.

армянохристианскую прослойку. В вышеотмеченном же значении титул «мелик», присваиваемый представителям потомственной местной знати независимо от ее вероисповедания и языка, сформировался и получил дальнейшее развитие в Азербайджане – в Карабахской, Ширванской и Зангезурской (Сюникской) областях, т. е. на территории Кавказской Албании [45].

В рассматриваемый период владеть христианские мелики властвовали в пяти меликствах Карабаха – Чараберде (Джраберте), Гюлистане, Хачене, Варанде и Дизаке. Однако они появились здесь лишь в XVII–XVIII вв., а их главы (за исключением Хаченского) являлись выходцами из разных местностей. На некоторых из них и была возложена задача обратиться к России за военной помощью, о чем говорилось чуть выше.

Как отмечал в этой связи тот же В. Левиатов, рассматривая армян Кавказа в качестве «союзника в среде местного населения для предстоящей оккупации прикаспийских областей и закрепления их за Россией», Петр I готовил меликов-армян к оказанию ими в нужный момент помощи его войскам. Потому впоследствии «армяно-григорианское духовенство и мелики собрали весьма значительную вооруженную силу», которая готовилась выступить при подходе российских войск к Шемахе. Это было необходимо России в целях «облегчения проведения оккупации Азербайджана и южного побережья Каспия» [47].

Использование Петром I «армянской карты» в его «кавказской игре»

Мартовская (1723 г.) жалоба меликов на имя Петра I гласила, что «нашу провинцию лезгинцы» и «персицкие бесурманы разоряют», а последние еще и в «подданство берут» [48]. Примерно в это же время к императору обратились с прошением проживавшие в Персии патриархи Нерсес, Исая и др. Утверждая о «превеликом гонении от неверных», они ратовали за принятие их Россией «по христианству» под «протекцию свою» [49].

Эта «местная инициатива» была услышана Россией, призванной, по С. М. Соловьеву, «на помощь христианским народонаселением» и не могущей «позволить усилиться здесь магометанскому влиянию, особенно турецкому» [2]. В июне того года Петр I не только высказался об «особливой» к армянскому народу «нашей императорской милости», но и объявил о возможности персидских армян свободно приезжать в города «на Каспийском море» и «внутри нашего государства без всякого опасения», так как «мы не токмо» их «купечество защищать» повелим и

учинить «всякое потребное вспоможение», но и наделить «некоторыми особливыми» привилегиями [50].

Тогда же царский двор «сосватал» для передачи этой государевой грамоты армянам выходца из армянской купеческой среды Петербурга Ивана Карапета. Он также был снабжен служебной запиской от имени коллегии, которая содержала неявный ответ на предшествующее прошение к Петру «обретающих в Персии» патриархов Нерсеса, Исайи и др. Правда, в данной записке, подтверждавшей добро государя «для объявления армянскому народу» положительного ответа, указывалось на необходимость того, чтобы «мы прежде на Каспийском море утвердились», лежащими «на оном море местами овладели», к чему «старание имеем» [49].

После этого в июле 1723 г. четыре российских полка под командованием генерала М. Матюшкина морским путем направились к Баку с целью «взять сей город». Получив «от султана бакинскаго неблагоприятный ответ», командующий отдал приказ бомбардировать Баку, намереваясь овладеть городом «приступом». К концу июля «султан и жители бакинские отворили ворота и сдались». Описывая происходящее, С. Броневский не преминул обратить внимание на нефтяной фактор, отмечая получение Баку главного дохода вследствие продажи «нефти во всю Персию» [18].

А в сентябре того же года Персия и Россия подписали Петербургский договор, статьи которого закрепили нефтяной Абшерон за Российской империей. Весьма примечательным является обоснование в преамбуле документа активного продвижения русских войск к Каспию неспособностью персидского шаха дать «бунтовщикам надлежащую управу». Чтобы не допустить «приближения» этих бунтовщиков к «российским границам» и доведения Персии «до последней погибели», Россия и приняла решение применить «оружие свое против тех бунтовщиков», в результате чего были освобождены некоторые города, «на берегах Каспийского моря лежащие».

Вслед за этим важным идеологическим вступлением договор зафиксировал уступку шахом России «в вечное владение» Дербента и Баку, «со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами», а также провинций Гилян, Мазандаран и Астрабад (фактически все западное и южное побережье Каспия). Россия, в свою очередь, гарантировала военную поддержку шахскому режиму против внешней агрессии, «от кого б то неприятельство» не имело места. Естественно, последний пункт своим острием был направлен против Османской империи.

Не менее важным положением договора для России была гарантия подданным с «обеих сторон» беспрепятственной возможности в «оба

государства переезжать и тамо по своей воле свободно жить и купечество свое отправлять», вплоть до запрета какой-либо «задержки и обиды» желающих выехать [51].

Это положение служило надежным основанием российского плана по изменению конфессионально-демографической карты Кавказа за счет заселения региона персидскими армянами. Уже в начале 1724 г. патриарх Исая, «припадая к стопам вашего императорского величества», сообщил об ожидании «всякую минуту» присылки российских войск, с которыми «мы все к совокуплению готовы». С выражением готовности исполнять все, что «от вашего величества повелено будет» [52].

Тогда же «армяне ис провинции Дизагу и Варанду» («знатные», «духовные и воинские») клятвенно пообещали «быть подданными его императорского величества», чью волю исполнять «отныне и вовеки» [53]. Мало того, озвучивая просьбу к Петру I ради «веры христианской» нас «не оставить», некоторые из карабахских меликов просили Санкт-Петербург направить «в Шемаху войска российского» с возможностью присоединить к ним местные силы в количестве «двадцать тысяч, токмо в том числе без ружья десять тысяч» [54].

Дальнейшее развитие «армянского вопроса»

Константинопольский договор, подписанный в июне 1724 г. между Российской и Османской империями, разграничил сферы их влияния на Южном Кавказе. Россия, сохранившая завоевания Петербургского договора в Каспийском секторе, признала за османами Тифлис, Эриван, Шемаху, Тебриз и североперсидские земли (Казвин).

По словам С. Броневского, «столь щастливый успех в делах политических» позволил Петру I приступить к получению экономических дивидендов. Так, он «назначил три пункта на Каспийском море, чрез которое должны были проходить избытки азиатския и оттуда сливаться в Астрахань». В связи с этим планировалось построить несколько пристаней, в частности на Куре и у Астрахани («для восточной торговли с Хорозаном, Бухариєю, Саморкандом», вплоть до Индии). Российскому послу в Османской империи Александру Румянцеву тем временем предписывалось «уговаривать армян» переселяться в Гилян, «где обещаны им многия выгоды». Правда, развитие «армянского вопроса» С. Броневский пытался представить в чисто экономическом контексте. Он подчеркивал, что «особенное внимание» Петра I «народ армянской» привлекал вследствие своего искусства «в купеческих промыслах». Посему император приказал желающим из них и просящим российского покровительства «отвести земли по рекам Сулаку, Аграхану и Тереку» [18].

Внешне ситуация вокруг переселения действительно выглядела как исполнение чаяний армян-христиан православной Россией. Отсюда и экономическая составляющая данного процесса в рассуждениях С. Броневского. Но из вышеизложенного видно, что этот вопрос был поднят именно Российской империей как одно из важнейших звеньев ее внешней политики в кавказском направлении. А по словам Фридриха Энгельса, в отношении находившихся под «владычеством» османов исповедующих христианство армян «царизм мог провозгласить» себя «освободителем» [55].

При этом все происходящее вокруг данного вопроса представлялось следствием внимания империи к «инициативе с мест». Так, в октябре 1724 г. император принял у посольства армян грамоту, в которой «с великими слезами» озвучивалась просьба на разрешение свободного переселения армянского населения на отошедшие к России провинции по Каспийскому побережью, с гарантией свободного исповедания веры [56].

Мог ли «центр», повлиявший именно на такое развитие событий, ответить отрицательно? Вопрос риторический. В ноябре 1724 г. «армянскому патриарху Исаию» была предоставлена жалованная грамота «о принятии армянского народа в покровительство» и «позволении армянам селиться в Гиляне, Мазендиране, в Баке и других удобных местах» [18]. Одновременно до М. Матюшкина довели указ Петра I о ласковом приеме армян в Баку, Дербенте и др. местах, где надлежит заселить их «в пристойных местах» [57]. А разве не к этому все шло?

Эту же политику продолжила императрица Екатерина I, которая в 1726 г. грамотой на имя патриархов Исаии и Нестора обнадежила армянский народ «нашею милостию» [58]. На следующий год указ Верховного тайного совета обязал командующего войсками на Кавказе Василия Долгорукова, «собрав тамо войска нашего сколько возможно, ввести далее в Персию». Его целью была демонстрация вида «к действиям» и ободрение армян «к вящей надежде на нас» и в нем подчеркивалась необходимость «всякими способами укреплять», чтобы они «твердо стояли» и «не поддавались» османам [59]. То есть Россия пыталась окончательно закрепить за армянами статус своего союзника в противостоянии с Османской империей.

Таким образом, иммиграция армян в Россию, усилившаяся в первой половине XVIII в., не была спонтанной. Как писал русский писатель того времени, издатель журнала «Русский вестник» Сергей Глинка, «армяне, внимая Петру Великому, как и зову их сердец, со своими семьями спешили переселиться» в пределы России. Постепенно «в Москве и на берегах Невы» им были предоставлены «земельные участки» [60].

В 1717 г. образовалась Астраханская армянская епархия, включившая все армянские церкви на территории России. В середине XVIII в. в

Москве оказалась семья Лазаревых (во главе с Лазарем Лазаряном, выходцем из Персии). Продолжив проармянскую политику своих предшественников, Екатерина II пожаловала представителям этого рода российское дворянство. Мало того, возглавивший армянскую общину Санкт-Петербурга Иван Лазарев стал советником императрицы по вопросам восточной политики, советником Государственного банка России, ювелиром императорского двора. Также он числился викарием Эчмиадзинского патриаршего престола.

На такой ноте завершился первый раунд реализации восточного интереса российских императоров на кавказском направлении. Одной из его основ была продуманная Петром I ставка на армян и их церковь в Эчмиадзине. Известный русский военный историк (конец XIX – начало XX вв.) Василий Потто писал, что, «прорубая окно в Европу, вводя в страну совершенно новые отношения к европейскому образованию», Петр I «предвидел и ту громадную роль, которую пришлось впоследствии играть великой империи на дальнем азиатском Востоке». В этой политике, предполагавшей открытие «новых торговых путей с богатой Индией», Кавказ представлял начальную «этапную станцию», и императору «представился повод обратить на него серьезное внимание» [61].

Вполне очевидно, что правители России не воспринимали как «своих» ни азербайджанцев, ни кавказских мусульман в целом. Поэтому Петербург разыгрывал этно-конфессиональную карту, инициируя переселение армян с соседних территорий в Азербайджан. Предстояли дальнейшие шаги по укреплению русско-армянского тандема, причем в различных вариациях, включая привлечение армян на ответственные посты в Петербурге.

1. «Черкасский, князь Александр Бекович». Статья в Большой биографической энциклопедии
http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/16151/%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9
2. Соловьев С. История России с древнейших времен. Том 18
http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_1180.shtml
3. Дербенд-наме (Румянцевский список)
http://www.drevlit.ru/texts/d/dag_hr_derbent_name_text.php
4. Ал-Истахри. Китаб масалик ал-мамалик (Книга путей и стран)
 Цит. по: Караулов Н. А. Сведения арабских писателей X и XI веков от Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербейджане
<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/Karaulov/text1.htm>

5. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/frame11.htm
6. Абу Хамид ал-Гарнати. Му'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб («Ясное изложение некоторых чудес Магриба») или Нухбат алазхан фи аджаиб ал-бул-дан («Выборка воспоминаний о чудесах стран»)
<http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frame1.htm>
7. Йакут ал-Хамави. Муджам ал-булдан («Алфавитный перечень стран»)
<http://www.vostlit.info/Texts/rus/Jakut/frame1.htm>
8. Книга Марко Поло. Москва, 1955, с. 56–57.
9. Журден де Северак. Чудеса, описанные братом Журденом из ордена проповедников, уроженцем Северака и епископом города Колумба, что в Индии наибольшей
<http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Jurden/frame1.htm>
10. Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-кулуб («Услада сердец»)
http://www.vostlit.info/Texts/rus/Kazvini_Chamdallach/frame1.htm
11. Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Талхис, ал-асар ва 'аджа'иб алмалик ал-каххар («Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могучего»)
<http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Bakuwi/frame1.htm>
12. Иоанн де Галонифонтибус. Книга познания мира
<http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Galonifontibus/frame1.htm>
13. Афанасий Никитин. Хождение за три моря
<http://rodon.org/na/hz.htm> <http://rodon.org/na/hz.htm#b17>
14. Адам Олеарий. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию
<http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Olearij/text14.phtml?id=1039>
15. Ян Стрейс. Третье путешествие
<http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Strejs/frame1.htm>
16. Цит. по: Завьялов А. Что общего у Менделеева с Черномырдыным?
<http://www.ug.ru/issue/?action=topic&toid=4321>
17. Письма и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину
<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XVIII/1720-1740/Komarov/briefe.htm>
18. Броневский С. М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доньне
<http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Bronevskij/frame1.htm>

19. Цит. по: Тахнаева П. О пребывании Петра I в Дагестане
<http://gazavat.ru/history3.php?rub=9&art=247>
20. Из рескрипта Государственной коллегии иностранных дел И. Неплюеву
http://www.hrono.info/libris/lib_n/karabah019.php
21. Объявление о действиях и кампании
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1720-1740/New_doks_osv_dviz/text.phtml?id=2384
22. Письмо канцлера графа Головкина Петру I
http://www.hrono.info/libris/lib_n/karabah020.php
23. См. подр.: Адонц Н. Армения. Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. СПб, 1912, том 3.
24. См. подр.: Рауф Гусейн-заде. О родословной армян и истории их миграции на Кавказ
<http://irs-az.com/new/pdf/090620134340.pdf>
25. История армянского народа. С древнейших времен до наших дней. Ереван, 1980, с. 27.
26. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа
<http://Annales.info/other/djakonov/03.htm>
27. История Востока. (Восток в древности)
<http://gumilevica.kulichki.net/HE1/he118.htm>
28. Периодическая болезнь
<http://medarticle.moslek.ru/articles/30896.htm>
29. Армянская периодическая болезнь
<http://husisapail.narod.ru/bolezn.htm>
30. Багдасаров Р. Свастика: священный символ
<http://bagdasarovr.narod.ru/swastika.htm>
31. Гумилев Л., Кузнецов Б. Две традиции древнетибетской картографии
<http://kulichki.com/~gumilev/articles/tibet08.htm>
32. Страбон. География: в 17 кн. (перевод Г. А. Стратановского). Л., М., 1964, кн. XI, гл. 4.
33. Плиний. VI, 13, 38–39.
34. Митрополит Московский и Коломенский Макарий. История русской церкви
http://society.polbu.ru/makariy_churchhistory/ch05_i.html
35. Кузнецов И. Удины (Материалы к изучению Кавказской Албании)
<http://www.vehi.net/istoriya/armenia/kagantv/udiny.html>
36. См. подр.: История Византии. Том I
<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000047/st024.shtml>

37. Уильям Тер-Газарян. История Армянской Католической Церкви
http://agnuz.info/tl_fi les/reading_room/istoriya_armyanskoj/content.
38. Иеромонах Алексей Никоноров. Албанская церковь
http://iereyalexandr.narod.ru/alb_ser.htm
39. Иеромонах Алексей Никоноров. История Христианства в Кавказской Албании
http://baku.eparhia.ru/history/albania/viii_centure/
40. Гандзасарский монастырский комплекс. Историческая справка. В кн.: История Азербайджана по документам и публикациям под ред. З. Бунятова
<http://ebooks.preslib.az/pdfbooks/rubooks/velixanov.pdfhtm>
41. Интервью с член-корреспондентом НАН Азербайджана, профессором Фаридой Мамедовой
http://erevangala500.com/?direct=news_page&id=28
42. Патриархия Константинополя (с 1461 г.)
<http://www.hayastan.com/armenia/religion/ru/catalicosat/index5.php>
43. Указ Петра I о передаче власти Сенату
<http://rusarchives.ru/statehood/06-14-ukaz-petr-1-senat.shtml>
44. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв.
<http://www.istoriya.az/kitablar/Petrushevsky-Ocherki-istoriiAzerbayjana.pdf>
45. Мамедова Г. Н. К вопросу о меликах и меликствах Азербайджана в XVIII в.
<http://myazerbaijan.org/index.php?p=history/47>
46. Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане. Москва-Ленинград, 1936, т. I, с. 133.
47. Левиатов. В. Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке
http://ebooks.preslib.az/pdfbooks/rubooks/leviatov_book.pdf
48. Послание четырех карабахских меликов Петру I
http://www.hrono.info/libris/lib_n/karabah022.php
49. Мемория, выданная Ивану Карапету вместе с грамотой армянскому народу
http://www.hrono.info/libris/lib_n/karabah023.php
50. Грамота Петра I армянскому народу
http://www.hrono.info/libris/lib_n/karabah024.php
51. Петербургский договор
http://pod-styagom-rossii.narod.ru/Pod_styagom_Rossii.html
52. Письмо католикоса Исайя
http://www.hrono.info/libris/lib_n/karabah027.php
53. О принятом решении армян Дизага и Варанды
http://www.hrono.info/libris/lib_n/karabah029.php

54. Обращение карабахских меликов к Петру I
http://www.hrono.info/libris/lib_n/karabah028.php
55. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма
http://scepis.ru/library/id_758.html
56. Вартанян В. Г. Армяне в политике России до присоединения Восточной Армении: к истории вопроса
<http://rsru.edu.ru/university/publish/journal/lexicography/conference/vartanian.htm>
57. Указ Петра I генералу М. Матюшкину
http://www.hrono.info/libris/lib_n/karabah036.php
58. Грамота Екатерины I
http://www.hrono.info/libris/lib_n/karabah041.php
59. Выписка из Указа Верховного тайного совета генералу Долгорукову
http://www.hrono.info/libris/lib_n/karabah048.php
60. Цит. по: Овсепян А. Внимая Петру Великому
<http://noevkovcheg.1gb.ru/article.asp?n=63&a=003>
61. Потто В. А. Кавказская война (в 5-ти томах). Том 1
<http://www.vehi.net/istoriya/potto/kavkaz/12.html>

КАВКАЗСКОЕ ОТВЕТВЛЕНИЕ «ГРЕЧЕСКОГО ПРОЕКТА» ЕКАТЕРИНЫ II

«Османский» интерес России

Для Европы последней трети XVIII века характерным стало устремление континентальных держав прежде всего на Балканы. Западные страны нацелились на лакомые кусочки Османской империи, представлявшей из себя, по красноречивому определению Фридриха Энгельса, «обломки прежнего величия» [1]. Естественно, с вожделием смотрел в эту сторону и усилившийся Петербург, намеревавшийся проникнуть на Кавказ и укрепиться на Черном море.

Дело в том, что Россия, заполучив по результатам русско-османской войны 1735–1739 гг. Запорожье и Азов, по Белградскому мирному договору была лишена права иметь у последнего укрепления. Также Петербургу запрещалось держать военный флот на Азовском и Черном морях, осуществляя торговые операции с Османской империей только с использованием султанских кораблей. Т. е. задача выхода к Черному морю фактически не была решена.

Османь, в свою очередь, намеревались усилиться в Причерноморье и на всем Кавказе, да и в целом на Каспии. Поэтому русско-османская война 1768–1774 гг., в которой на стороне русских выступили Картли-Кахетинское и Имеретинское царства, была одной из важнейших в череде российско-османских столкновений. Неслучайно в ее преддверии (начало 1768 г.) появился указ Екатерины II о создании под председательством императрицы Совета, должного иметь «рассуждение», дабы «ничего не было упущено к обороне и безопасности государства, тоже и к военным действиям» [2].

В январе 1769 г. был издан «Манифест к славянским народам Балканского полуострова», обвинявший Порту, находящуюся в «обыкновенной злобе» к «православной церкви нашей», в развязывании войны, в связи с чем документ, «по ревности ко православному нашему христианскому закону и по сожалению к страждущим в Турецком порабощении единоверным нам народам», призвал балканские народы «воспользоваться» войной для свержения «ига и ко приведению себя по-прежнему в независимость» [3].

Проживавшее в этом регионе население в абсолютном большинстве придерживалось греко-православного вероисповедания, становясь «единоверцами русских»; сербы и болгары были «и их соплеменниками». Поэтому «стоило лишь России объявить о своем призвании защищать угнетенную православную церковь и порабощенное славянство», как «почва для завоеваний – под маской освобождения – была уже здесь

подготовлена» [1]. Действительно, в Черногории, Албании, Боснии, Герцеговине и Македонии без особых проволок устраивались антиосманские восстания.

В начале 1770-х гг. русские войска овладели причерноморскими Кафой (Феодосия) и Гезлевым (Евпатория), что не могло не вызвать опасений Австро-Венгрии и Пруссии. В качестве промежуточного геополитического хода в 1772 г. произошел трехсторонний раздел Польши (Речи Посполитой). Австрии перепала Галиция, Пруссии – Поморье и часть Великой Польши, России – Восточная Беларусь с границами по Западной Двине, Друти и Днепру.

Переселение христиан Крыма

В конце 1772 г. Петербург заключил договор с крымским ханом Сахиб-Гиреем, по которому Крым объявлялся независимым от Османской империи, переходя под покровительство России. Подписанный же в 1774 г. между русскими и османами Кючук-Кайнарджийский договор объявил «все татарские народы», в том числе крымские, кубанские и др., «совершенно независимыми от всякой посторонней власти», с пребыванием «под самодержавной властью собственного их хана». Крымское ханство становилось независимым, с допущением «в духовных обрядах, как единоверные с мусульманами», сообразоваться «правилам, законом их предписанным». Крепости Керчь, Еникале, Кинбурн со степью между Бугом и Днепром, Азов, Кабарда переходили к России. Договор открыл прямой выход России к Черному морю, как и к Мраморному морю, которое об'являлось свободным для торговых судов подданных России. При этом султанский режим гарантировал «твердую защиту христианскому закону и церквам оного», позволяя «воздвигнуть» в Константинополе православную («греко-российского исповедания») церковь, которая не должна была подвергаться «никакому притеснению или оскорблению» (при допустимости российским министрам «делать по всем обстоятельствам» в ее «пользу»).

Кроме того, договор, постанавливавший возвращение Россией Османской империи всей Бессарабии, крепости Бендер, Валашского и Молдавского княжеств, обязывал султана не препятствовать «совершенно свободному» исповеданию тамошними жителями «христианского закона» и строительству новых церквей. При этом османами практически признавался факт покровительства России над Дунайскими княжествами (Молдова и Валахия), так как «министры российского императорского двора, при Блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух» земель [4].

Независимость Крыма открыла новую страницу в российской политике расселения христианского населения вокруг Кавказа. На этот раз – при помощи выселения с насиженных мест крымских христиан. Конечно, процесс не мог бы пройти безболезненно, находясь на крымском престоле реальный защитник интересов населения. Однако с 1777 г. ханство возглавил ставленник Петербурга хан Шагин-Гирей [5], поэтому российский императорский двор легко решил необходимые политико-демографические вопросы, тем более что конфессиональная ситуация была под его контролем.

Так что идея, поддержанная «инициативой с мест», была в очередной раз успешно реализована, тем более что инициатива эта состоялась благодаря использованию возможностей митрополита Готфрейско-Кефайской кафедры в Тавриде Игнатия. Согласно документам того времени, опубликованным русским историком Николаем Дубровиным⁸, при его посредстве летом 1778 г. «все общество крымских христиан, греческого, армянского и католического законов» озвучило просьбу к Екатерине II о дозволении им переселяться «в христианскую державу» для получения «свободы» от «ига варварского» [6/а].

Подобную же тональность пытаются придать этим событиям и некоторые современные эксперты. В частности, отмечается, что «в тяжелые дни страданий крымских греков под игом жестокого агарянского нечестия», подведших к угрозе «уничтожения за исповедание веры Христовой», Игнатий «вернул им право на жизнь», избавив «от рук мусульманских правителей» [7].

По словам бывшего директора Российского института стратегических исследований (РИСИ) Леонида Решетникова, «сотворенный» митрополитом «духовный и гражданский подвиг», направленный на спасение греческого народа «от турецко-татарского ига», «спасал православную веру» [8]. Игнатий «вывел из татарского духовного плена более 30 тысяч православных греков, армян и грузин», что позволило им «свободно исповедовать» веру и сохранить культуру «под покровительством православной Российской империи» [9].

Однако далеко не все так однозначно с вышеотмеченными «обоснованиями». Как отмечает профессор Евгений Анимича, выселение христиан из Крымского ханства определялось «геополитическими, стратегическими и экономическими интересами и соображениями царской России». Дело в том, что по результатам Кючук-Кайнарджийского мира территория России расширилась к югу, «где население было крайне малочисленным», а страна не обладала «необходимыми людскими ресурсами» для ее заселения. Подавляющая

⁸ Секретарь Российской АН с 1893 г. – прим. авт.

часть населения была закреплена и лишена возможности свободного передвижения по территории империи. Но, преследуя цель скорейшего заселения новых краев, царское правительство стало использовать политику колонизации. А именно, через привлечение «колонистов» [10]. Еще в 1762 г., в расчете на перспективу, Екатерина II подготовила манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу», «наиторжественнейшим образом» обещавший переселенцам монаршью «милость и благоволение» [11].

В последующие годы права «колонистов» расширились, вплоть до появления указа о раздаче им казенных земель для освоения, что заинтересовало, прежде всего, немцев Эльзаса, Восточной Пруссии и др. регионов. В этом контексте, как пишет Е. Анимича, можно рассматривать и политику Петербурга по переселению христиан Крыма в Приазовье и вокруг. Правда, в отношении этих земель он указывает на некоторые нюансы. С одной стороны, в Крыму «действовала» духовная власть османов. С другой – из-за ориентации производства и внешней торговли Крымского ханства на Османскую империю оно было зависимым от султанского режима. А ремесленное производство, торговля, хлебопашество, «составлявшие главные откупные статьи доходов, находились в руках греков, а также армян». Поэтому «выход христиан из Крыма основательно подрывал экономику ханства», лишая казну «основных поступлений». По выражению профессора, покидая регион и присоединяясь «к потоку иностранцев», заселяющих и «хозяйственно осваивающих пустующие южные губернии страны», крымские христиане «уносили с собой и всю крымскую экономику». Как следствие, их переселение было возведено в России «в ранг государственной политики» [10].

В свою очередь, украинский журналист Анатолий Герасимчук убежден, что одновременно с подрывом «экономики ханства» империя осуществляла «заселение земель Запорожской Сечи – вместо выселяемых на Кубань и ушедших за Дунай казаков» [12].

Действительно, манифестом Екатерины II 1775 г. Запорожская Сечь была уничтожена и причислена к Новороссийской губернии: «Нетъ теперь болѣе Сечи Запорожской въ политическомъ ея уродствѣ, следовательно же и Козаковъ сего имени» [13]. Позже императрица признавала, что «сеча, уничтоженная манифестом, не оставила по себе ушамъ приятное прозвание» [14].

Однако, по словам А. Герасимчука, факт переселения крымских христиан обосновывался «просвещенной Европе» (в том числе) путем доведения до нее информации о жестокости «мусульманского населения Крыма по отношению к православным народам», в свете чего

происходящее преподносилось в качестве благородной миссии «по спасению христиан» от «магометанского ига» и «убережения их» от «мстивого ятагана» [12].

Расширение христианского пояса вокруг Кавказа

Популярная ростовская журналистка В. Волошинова, называя Крымский полуостров всегда «лакомым кусочком» для России, отмечает, что в конце 1770-х гг. у Петербурга появилась возможность «взять желаемую Тавриду без единого выстрела». И екатерининские политики ловко разыграли «эту партию – подрыв экономики ханства путем выселения из Крыма всех христиан под предлогом защиты единоверцев». Однако, по ее словам, «армяне (а с ними греки, грузины, валахи)» не хотели покидать этот благодатный край, где в течение нескольких веков они жили рядом с татарами. «Веры у этих народов были разные, но все эти годы как-то удавалось им мирно уживаться».

Без шума и пыли расслоить крымчан по конфессиональному принципу оказалось несложно, так как «денег на подкупы “выразителей общественного мнения” было отпущено достаточно». По данным Волошиновой, «Шагин Гирей, стоящий тогда во главе Крымского ханства, получил за свое молчаливое согласие от екатерининских эмиссаров 50 тысяч рублей, католикос армян Маргосян – 2820, митрополит греков Игнатий – 6500». Не пожалели денег «и на распространение слухов» о намерении мусульман «вырезать живущих в мире и согласии с ними христиан-соседей» [15].

Таким образом, в петербургской разнарядке на переселение явно просматривается политическая канва. По-видимому, армянская составляющая в ней в немалой степени была направлена на создание христианского пояса вокруг Кавказа [16].

Еще в весеннем (1778 г.) рескрипте Екатерины II генерал-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому повелевалось «живущих в Крыму греков, армян и грузин, кои добровольно согласятся прибегнуть под покров наш и пожелают поселиться в Новороссийской и Азовской губерниях», принимать «со всею ласкою и всепомоществованием» («довольствуя во время пути провиантом»). Указом императрицы «новороссийскому, азовскому и астраханскому губернатору князю Григорию Потемкину» надлежало снабдить переселенцев «достаточным числом земли» и «нужными к заведению домостроительства их пособиями» [6/б]. В письмах из «центра» на места содержался призыв обнадеживать изъявлявших желание на переезд находждением их «подъ покровом ея императорского величества», перспективами спокойнейшей жизни и возможного благоденствия [6/в]. Вслед за чем постанавлялось

закрепление за переселенцами (в течение первых десяти лет) льгот, освобождение их от «всяких податей и поборов», с указанием местным правителям «всем снабдить», во всем «охранять» приезжающих, не давая места никакому «их обременению» [6/г].

Греческая часть крымского населения начала переселяться в Мариупольский уезд, где для них была учреждена особая епархия «готфейская и кафайская» (Мариупольский греческий округ). А 12600 крымских армян были расселены на юге России. Покинув Крым в 1778 г., неподалеку от крепости св. Дмитрия Ростовского (в границах современного Ростова-на-Дону) они основали город Новая Нахичевань. В его окрестностях появилось несколько армянских селений [17].

Мусульманский Кавказ стал «окружаться» христианским «кольцом» с северной стороны, в связи с чем особую значимость приобретала армянская церковь. Начали вырисовываться контуры официальных сношений Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством. Еще в 1770 г. Екатерина II распространила власть Эчмиадзина на все армянские церкви, находившиеся на территории России. В том же году императрица положительно отреагировала на прошение общины допустить открытие армянских церквей. Им было дозволено строить Дома Божьи в Петербурге и Москве, с разрешением «отвести от полиции способные места» [18]. В 1773 г. католикос Симеон уредил Российскую епархию Армянской апостольской церкви.

«Греческий проект» Петербурга как шаг к осуществлению идеи «Москва – Третий Рим»

Ряд исследователей считают переселение греков частью особого отношения Екатерины II к так называемому «греческому вопросу», а именно к его православной составляющей. Общеизвестна тяга императрицы к «Греческому проекту», подразумевавшему разделение османских территорий в Европе на два государства: Дакию (Молдова, Румыния, северная часть Болгарии) и Греческую империю (воссозданная Византия с константинопольским престолом), включающую Грецию, южную Болгарию и Македонию. При таком развитии событий Австро-Венгрии «перепали» Сербия, Босния, Далмация, а Франция становилась «обладательницей» Египта.

Говоря другими словами, речь шла о реконструкции идеи «Третьего Рима». Сущности этого понятия посвящено наше отдельное исследование, поэтому здесь мы на нем останавливаться не будем. Лишь сошлемся на Федора Достоевского, отметившего, что с покорением мусульманами Константинополя в 1453 г. христианский Восток обратил свой «молящий взгляд» на Россию, только вышедшую из «татарского

рабства», предугадывая в ней «будущий всеединящий центр себе во спасение». Россия «приняла знамя Востока», поставив «царьградского двуглавого орла выше своего древнего герба» и фактически обязавшись «хранить» исповедующие православие народы «от конечной гибели». Наименование же русского правителя «царь православный» закрепляло за ним функции «охранителя, единителя, а когда прогремит веление божие, – и освободителя православия и всего христианства, его исповедующего, от мусульманского варварства и западного еретичества» [19].

По словам Ф. Энгельса, «метрополия всего православного мира, город, одно уже русское название которого Константинополь-Царьград служит выражением господства над Востоком и того авторитета, которым наделен его властитель в глазах восточных христиан», являлся военной добычей, равной которой не было в Европе. Но «Царьград в качестве третьей российской столицы, наряду с Москвой и Петербургом», включал в себя «не только духовное господство над восточно-христианским миром», становясь «решающим этапом к установлению господства над Европой», что означало «безраздельное господство над Черным морем, Малой Азией, Балканским полуостровом». В таком случае Черное море превращалось «в русскую военную гавань», а «господство над Балканским полуостровом» продвигало границы России до Адриатического моря. Но их юго-западное ответвление было бы непрочным «без соответствующего перенесения всей западной границы России». Условия для этого были «благоприятные», так как находившаяся к тому времени «в состоянии полного расстройств» Польша являлась «легкой добычей» России [1].

Как писал русский драматург и поэт XIX в. Николай Сушков, мысль о возрождении греков и славян и затмении блистательной Порты настолько преследовала Екатерину II, что она не просто «завещала новое имя дому Романовых, окрестя одного из внуков своих Константином, при котором с детства его находились гречанка-няня и грек-камердинер», но учредила «греческий кадетский корпус»; новую «епархию Херсонскую», порученную «архиепископу Евгению Булгару⁹»; приготовила «медали на завоевание» Османской империи [20].

Последние эпизоды произошли спустя год после заключения Кючук-Кайнарджийского мира, воспринятого Петербургом как важный шаг по дальнейшему ослаблению империи османов. Вскоре появился «Мемориал по делам политическим», составленный Александром

⁹ Хотя самого города с этим названием еще не существовало. – прим. авт.

Безбородко¹⁰, который предусматривал план раздела Османской империей между Россией и Австрией. Одновременно с этим А. Безбородко лоббировал антибританскую идею морского вооруженного нейтралитета, родившуюся во время блокады Англии провозгласившими независимость США. В 1780 г. по инициативе России была принята декларация о праве нейтральных государств на защиту своего свободного судоходства в любом направлении и охрану судов. Ее подписали Франция, США, Испания, Нидерланды. Петербург получил значительные внешнеполитические выгоды, поскольку до этого российский флот обладал определенной «свободой действий» лишь в пределах внутренних вод – Балтийского, Черного и Каспийского морей.

На этом фоне были отмечены попытки сближения с Россией Австрии. Вступив в схватку с Пруссией за гегемонию в мире и ведя с ней борьбу за Баварию, Австрия вынуждена была согласиться на Тешенский мир 1779 г., предоставивший ей лишь небольшой кусок баварского наследства. При этом Вена отказывалась от дальнейших притязаний на Баварию. Гарантом нового порядка становилась Россия в связке с Францией.

Развитие событий, не устраивавшее Австрию, привело Вену к сближению с Петербургом. Поэтому нет ничего удивительного в заключении в 1781 г. межгосударственного договора (в форме обмена идентичными письмами) между австрийским императором Иосифом II и Екатериной II, который имел характер оборонительного союза, своим острием направленного против Османской империи. На следующий год в конфиденциальном письме Иосифу II Екатерина озвучила намерение начать создание нового независимого государства, которое объединит Молдову, Валахию и Бессарабию. Речь шла все о том же королевстве Дакия, «предназначенном» для правления Г. Потемкина. Там же она раскрыла идею о Константинопольском престоле. Иосиф, изложивший свои встречные планы, сообщил о сложностях реализации екатерининского проекта из-за позиции Пруссии. Но в крымском векторе своей внешнеполитической деятельности Екатерина II нашла полную поддержку австрийского «эпистолярного» визави [21]. В результате этого в 1783 г. появился манифест Екатерины II, постановивший взятие под «державу нашу полуостров Крымский, остров Тамань и всю Кубанскую сторону», причем не иначе как «по долгу предлежащего нам попечения о благе и величии отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить» [22].

¹⁰ Секретарь Екатерины II с 1775 г., «полномочный для всех переговоров» коллегии иностранных дел с 1780 г. – прим. авт.

Говоря другими словами, Крым с прилегающими территориями был присоединен к России, в чем немалую роль сыграл Г. Потемкин. Тем самым вождельный Стамбул, как важнейшая часть «Греческого проекта», стал к России еще ближе. В 1784 г. Крым был переименован в Тавриду, а порт и крепость в нем получили название Севастополь. Чуть позже в Херсоне «на восточных воротах» начала красоваться надпись на греческом языке: «Дорога в Византию» [20].

Кроме того, обращение в 1782 г. Картли-Кахетинского царя Ираклия II к Екатерине II с просьбой принять Грузию под покровительство Петербурга дало основания для включения в Георгиевский трактат 1783 г. между Россией и Картли-Кахетинским царством (Восточная Грузия) пункта о признании верховной власти России. Грузия перешла под ее протекторат.

Армянское царство?

Известный армянский писатель XIX в. Раффи писал, что 6 апреля 1783 г. Г. Потемкин, «увлеченный надеждой стать во главе независимого армянского княжества, подписал ордер тогдашнему командующему русской армией на Кавказе» Павлу Потемкину, предписывавший «свергнуть шушинского Ибрагим-хана и помочь армянским меликам создать в Карабахе независимое армянское княжество». В ордере от 9 мая П. Потемкину предписывалось «ободрять армян в их содействии видам русского правительства, которое намеревается с их помощью создать сильное христианское государство под высочайшим покровительством России» [23].

По-видимому, говоря о пророссийском христианском государстве на Южном Кавказе, Раффи имел в виду гипотетическое «независимое армянское княжество». На самом же деле в своем рапорте на имя Екатерины II Г. Потемкин сообщал о данной им П. Потемкину резолюции («не имев еще» на то «повеления» императрицы) «об Ибрагим-хане Шушинском, сблизжающей его к повиновению». «Тут предлежит рассмотрению, чтобы при удобном случае область его, которая составлена из народов армянских, дать в правление национальному и чрез то возобновить в Азии христианское государство, сходственное высочайшим в. и. в. обещаниям, данным чрез меня армянским меликам» [24].

Безусловно, при большом желании можно ассоциировать «Армянское княжество» с христианским государством, но, как следует из упомянутого документа, речь шла о крупном объединении не этнического, а конфессионального формата.

Правда, в письме на имя А. Безбородко Г. Потемкин отметил, что «великую можно приобрести из сего пользу и миролюбно устроить край Армянский», как и часть, которую «составить должна Албания, так же и царство Ираклиевое». «Краем», по мнению известного азербайджанского исследователя Фариды Мамедовой, мог быть Ереван (Эривань) с окрестностями, который являлся «наследственным владением азербайджанского хана», где имелось «незначительное армянское население» [25].

Ну а В. Потто подчеркивал, что П. Потемкин, при котором были учреждены первые кавказские города Кизляр, Моздок, Ставрополь, Георгиевск и др., «хлопотал о привлечении в новозаселяемый край армян, на которых смотрел, как на посредников в нашей торговле, начинавшей уже мало-помалу зарождаться кое-где в пограничных местах между русскими и горцами» [26/a]. Не исключено, что В. Потто пытался завуалировать политическую составляющую переселения армян экономическим фактором. Но речь об «Армянском царстве» при этом вообще не шла. Хотя в плане укрепления российской власти на Кавказе могло (с натяжкой) подразумеваться воссоздание Кавказской Албании.

По данным Н. Сушкова, в дневнике (или Записках) его дяди, статссекретаря Екатерины II с 1782 по 1793 г. Александра Храповицкого, встречаются несколько отметок, указывающих на мысль, постоянно занимавшую императрицу. Вот несколько выписок из его дневника: «В сундуке отыскал для себя и читал секр. проэкт кн. Потемкина, чтоб, воспользуясь Персидскими неурядицами, занять Баку и Дербент, и присоединя Гилян, назвать Албаниею для будущего наследника вел. кн. Константина Павловича (внук Екатерины II)» [20].

Судя по всему Кавказский регион здесь предполагался лишь как составная часть «Греческого проекта». Но и под христианский форпост на южных рубежах царские власти изначально закладывали «албанский фактор».

С другой стороны, нам не удалось найти источники о планах Г. Потемкина «воссадить» себя во главе «Армянского царства». Если ему «светила» «корона Дакии», то желал ли он возглавлять отдельную часть Кавказа, тем более что вслед за присоединением Крыма он стал фактическим «главой» всего Юга России? Что же касается вышеупомянутого Ибрагим-хана – правителя образованного в 1747 г. независимого Азербайджанского Карабахского ханства, – то следует отметить, что в рассматриваемый период оно столкнулось с определенными проблемами. В свое время основателю ханства Панахали-хану Джаванширу удалось погасить центробежные стремления вассальных меликств [27]. Но трое из них попытались добиться независимости. Вполне очевидно, что за этим процессом стоял

Петербург, хотя внешне все выглядело как обычная «местная инициатива». Так, по словам С. Броневского, «армянские мелики просили неоднократно от России помощи для свержения Ибрагим-хана», имея «частыя сношения с фельдмаршалом князем Потемкиным Таврическим и с бывшим на Кавказе начальником генерал-поручиком Потемкиным, чрез гайнанского архиепископа Иосифа (Овсепа) Аргутинского» [28]. К слову, последнего будущий глава гражданской администрации в Грузии Сергей Тучков характеризовал как человека весьма хитрого и пронырливого. Г. Потемкин «употреблял его по части дипломатической азиатского кабинета», чему способствовало знание им «восточных языков, положение земель азиатских, знание обстоятельств, а также природные дарования». Он приобрел «чрез то благорасположение» Г. Потемкина, вскоре достигнув сана архиепископа [29].

Однако тот же Раффи признает, что некоторые мелики «оставались дружественными хану», в частности Хндзристана и Варанды. Мало того, в период очередных войн России с османами (1787–1791 гг.) и Швецией (1788–1790 гг.) Ибрагим-хан, «перехватив переписку армянских меликов с русскими, начал преследовать их». По его приказу был «разграблен монастырь Гандзасар», убиты католикос Ованес и некоторые мелики. Другие из них, настроенные против Ибрагим-хана, бежали из Карабаха, где остались только «сочувствующие хану или боящиеся его» [23].

К слову, завершивший вышеупомянутую российско-османскую войну Ясский мир закрепил за Петербургом Крым и Очаков, отодвинув границу между двумя империями до Днестра. Произошел очередной раунд переселения армян на территорию России. «Из Молдовы и Бессарабии было выведено 4000 армян, которые в 1792 г. у реки Днестр zaloжили город Григориополь, а неподалеку – деревни Васильевку и Иосифовку» [17].

От раздела Польши к военным действиям на Кавказе.

Фактор Хрисанфа

В начале следующего года произошел очередной раздел Польши между Россией и Пруссией. К первой отошли белорусские земли до линии Динабург-Пинск-Збруч, восточная часть Полесья, украинские области Подолье и Волынь. Ко второй – территории, населенные этническими поляками: Данциг (Гданьск), Великая Польша и др. Ну а в 1795 г., вслед за заключением антипрусского договора между Австрией и Россией состоялся третий раздел Польши, «преподнесший» Петербургу территории к востоку от Буга и линии Немиров-Гродно, разделенные на Курляндскую, Виленскую и Гродненскую губернии. Отошедшие к

Пруссии земли «превратились» в Западную, Южную и Новую Восточную Пруссию. В австрийских руках оказались Краков, часть Малой Польши и др.

По результатам разделов Польши польские земли, населенные этническими поляками, были поделены между Пруссией и Австрией. К России перешли литовские, белорусские (кроме части с городом Белосток, отошедшей к Пруссии) и украинские земли за исключением Галиции, оказавшейся у Австрии.

Известный русский лингвист первой половины XX в., публицист евразийского направления Николай Трубецкой отмечал оправдывание Россией разделов Польши ссылкой на историческую вражду поляков. Но, по его убеждению, «врагом» соседняя страна была как «форпост в наступательном движении европейской цивилизации и латинства». Разделение же Польши привело не только к усилению геополитических конкурентов России, но и к «закреплению украинского населения Галичины», т. е. восточнославянского племени, составляющего «естественное географическое продолжение евразийской территории», под «властью латинян» [30].¹¹

А Екатерина II с разрешением «польского вопроса» вновь развернулась в сторону Кавказа. Тем более что правитель Персии АгаМухаммед-хан, взявший Хорасан, атаковал Грузию, сославшись на ее союз с Россией. Тбилиси был разрушен, огромное количество местных жителей оказались перебиты или угнаны в рабство. В ноябре 1795 г. Екатерина II приказала русским войскам при очередных попытках персов ограбить «Картлинию или Кахетию» удерживать «честь и славу оружия нашего». Императрица также предписывала обеспечить принятие «всех надлежащих мер», дабы не дать им [персам] овладеть Шемахой, Баку, Дербентом, приблизившись «к Каспийскому морю и к пределам нашим». При резкой же активизации персидской стороны командованию предписывалось «стараться опрокинуть скопище АгаМагоммед-хана поражением» и его искоренением [31].

В целом, с учетом оценки кавказского вектора как начального шага в дальнейшем продвижении на Восток Петербург довольно серьезно отнесся к специальной записке Хрисанфа Неопатрасского, митрополита расположенных близ Афин Новых Патр. Эта личность больше была известна в качестве путешественника, дотошно исследовавшего почти всю Азию, Ближний Восток.

¹¹ Отметим, что спустя несколько лет вместо упраздненной в России Киевской греко-католической (униатской) митрополии Ватикан основал Галицкую (во Львове), ставшую правопреемницей ликвидированной Киевской. – прим. авт.

В начале 1796 г. по повелению Екатерины II Хрисанф был вызван в Петербург и, скорее всего, по ее указанию подготовил документ о геополитической значимости для России посещенных им регионов (с информацией о возможных путях их завоевания). В записке, в частности, указывалось, что многих ханов «легко можно возмутить против общего их врага», правителя Персии Ага-Мухаммед-хана Каджара¹².

Ну а после утверждения в регионе России «низвернется» Османская империя, во главе которой стоит султан, «беспрерывно ухищряющийся противу России». Для успеха необходимо использовать греков, и в период военных действий «с Оттоманскою Портою» вся «оная сила» нанесет «на врага имени христианского конечной удар».

Вместе с тем, «оставя за собою и Дербент», целесообразно «заключить с персианами взаимный союз». «Имея» с российской стороны «и Грузию», при объявлении с османами войны, «нечаянное со стороны Туркомании на них нападение причинит безсомненно в короткое время конечное истребление Турецкого Государства», что облегчит действия «российских войск на западе», могущих воздвигнуть «знамение победы на берегах Дуная» (при параллельном прохождении в «восточной» части до Трабзона). В союзе с персами «можно будет атаковать» Карс и Муш, а в тандеме «с грузинцами» – Ахалцихе.

При атаке Эрзурума «нечего опасаться со стороны Вана и Баязета», так как «большая часть войска Ванского состоит из армян», христиан. Если «Эрзрум придет под» Россию, «Малая и Великая Армения» может «выставить до ста тысяч оруженосцев» (да и курдов «весьма легко склонить» на русскую сторону). Практически вся армянская нация повинется «повелениям» пребывающего в Эчмиадзине патриарха. «Сей Патриарх великую имеет силу во всех тех местах» и «нет в свете его богачее, разве монастаре» в итальянском Лорето, «в папском владении состоящий». Лишь сокровища Римского католического престола могут сравниться с хранящимися в Эчмиадзине. Поэтому «в нынешних обстоятельствах» важно использовать «армянского патриарха, употребив к тому все возможные средства», так как он может «не токмо снабдить» финансами и «съестными припасами» войско Российское, но и «приумножить» его. А по «одному его позыву вся Малая и Великая Армения двинется на соединение с россиянами». В целях получения от него положительного ответа предварительно можно распустить слух о планах персов напасть на Эчмиадзин. «Армян надобно любить и ласкать, но нелегко полагаться на их верность».

Далее Хрисанф выгодным для России пристанищем назвал персидский Астрабад, откуда «российское войско пройдет до Хивы» за

¹² С весны 1796 г. персидский шах. – прим. авт.

несколько дней, вслед за чем «откроется удобный путь в Бухарию». «Сей способ» есть «наилучший к завоеванию со временем» Бухары и «к распространению в тамошних краях» успехов, «могущих доставить Российской Империи весьма важные и знатные выгоды» [32].

Документ был направлен на имя находившегося в фаворе у Екатерины II Платона Зубова, который определял российскую внешнюю политику. Наверняка, изложенное в записке соответствовало внешним пристрастиям Петербурга, поэтому весной 1796 г. брат П. Зубова Валериан возглавил персидский (второй каспийский) поход России. В. Потто приводит мнение о нахождении этой наступательной акции «в тесной связи» с «греческим проектом, обновленным редакцией» П. Зубова, так как рассматривался вопрос о захвате В. Зубовым (после победы над «Персией у себя в тылу») Анатолии, с угрозой «с малоазиатских берегов» непосредственно Стамбулу. Одновременно с этим другая часть российских войск должна была вторгнуться на территорию османов «через Балканы и Адрианополь». На фоне успешного продвижения в обоих направлениях Екатерина II, «находясь лично на флоте с П. Зубовым», осадила бы «турецкую столицу с моря».

За короткий срок были покорены Казикумухское, Дербентское, Бакинское, Кубинское, Карабахское, Шекинское и ряд других ханств. «Весь берег Каспийского моря, от устьев Терека до устьев Куры» был занят русскими войсками, «расположившимися также и в Муганской степи». Азербайджан лежал перед ними «незащищенный», дорога к Тегерану была открыта, и передовые русские посты уже появлялись в Гиляне. Оставалось лишь воспользоваться выигрышными результатами, утвердив «за собой обширные приобретения».

Но последовавшая в ноябре 1796 г. смерть Екатерины II внесла значительные коррективы в восточную кампанию. Сменившая императрицу сын Павел I «не разделял политических видов» матери, и «программа России» сразу же претерпела изменения. В. Зубов сложил с себя звание главнокомандующего, а «начатый блистательным успехом» второй Каспийский поход окончился «возвращением персидскому шаху всех покоренных земель» [26/6]. В декабре 1796 г. русские войска были выведены из Южного Кавказа, что фактически означало помещение «Греческого проекта» под сукно.

В связи с первоначальным захватом каспийского побережья Россией весьма примечательными кажутся откровения того же Иосифа Аргутинского, с 1800 г. ставшего католикомосом всех армян. По его свидетельству, с прибытием в Дербент российских войск армяне, «лаская себя вечным благополучием пользоваться спокойствием под державою Российской Империи, во всех случаях, оказывая услуги, обнаружили свою преданность» [33]. Вполне очевидно, что уже в тот период русско-

армянские отношения приняли особый характер, повлиявший на дальнейшую судьбу Кавказа. Так, в конце 1799 г. Павел I подписал жалованную грамоту о дозволении «основать город на месте, где были Старые Маджары, с наименованием оного Святой Крест» [34]. Речь шла об образовании одной из новых армянских колоний.

1. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма
http://scepsis.ru/library/id_758.html
2. Введение к уложению государственных законов М.М. Сперанского
<http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3848894/>
3. Потерянные Россией земли
<http://protown.ru/information/hide/3732.html>
4. Кючук-Кайнарджийский мирный договор
http://hrono.info/dokum/1700dok/1774ru_tur.php
5. См. подр.: Адхат Синугыл. Последний крымский хан Шагин Гирей
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1780-1800/Shagin_Girej/fi_rmany_1781.phtml?id=7938
6. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Т. II
а/ № 214 <http://www.runivers.ru/bookreader/book10050/#page/578/mode/1up>
б/ № 114 <http://www.runivers.ru/bookreader/book10050/#page/342/mode/1up>
в/ № 130 <http://www.runivers.ru/bookreader/book10050/#page/375/mode/1up>
г/ № 215 <http://www.runivers.ru/bookreader/book10050/#page/583/mode/1up>
7. Святитель Игнатий Мариупольский
<http://www.ortodox.donbass.com/svjati/ignatij.htm>
8. Святитель Игнатий Мариупольский: подвиг веры и созидания
<http://www.riss.ru/?newsId=507>
9. Иеродиакон Тихон (Васильев). Святитель Игнатий Мариупольский и переселение крымских греков в Приазовье
<http://www.pravoslavie.ru/put/4387.htm>
10. Анимица Е. Г., Антонова Л. Г. Малоянисоль: история, события, судьбы (1780–2010)
<http://lib.usue.ru/resource/free/retro/11/m471769.pdf>
11. Манифест Екатерины II от 4 декабря 1762 г.
<http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu0=2&hmenu01=7&hmenu02=44&id=>

12. Герасимчук А. Зачем из Крыма изгнали греков? Как донецкими стали греки крымские
<http://h.ua/story/99960/>
13. Манифестъ Государыни Императрицы Екатерины II: Объ истребленіи Запорожской Сечи
http://nasledie.russportal.ru/index.php?id=histrus.manifest1775_08_03
14. Из писем Екатерины II князю Г. А. Потемкину-Таврическому
http://fershal.narod.ru/Memories/Texts/Ekaterina/Ek_Pismo_Potemkin.htm
15. Вера Волошинова. История армян – против Екатерины!
<http://werawolw.ru/?p=2999>
16. О предыдущих шагах в этом направлении см. подр.: Атаев Т. Из истории появления в мировой геополитике «армянского вопроса». Часть II
<http://islamsng.com/arm/pastfuture/6091>
17. Мартиросян А. Армения и армяне Самарской губернии
<http://samarahay.ru/commune/2.htm>
18. Архимандрит Августин (Никитин). Армянская христианская община в Петербурге
<http://magazines.russ.ru/neva/2011/1/a25.html>
19. Достоевский Ф. М. Дневник писателя
http://libereya.ru/biblus/dost/d1877_3.html
20. Кое что о временах Екатерины II. (Из записок Н. В. Сушкова)
<http://mikvl.narod.ru/text/SushkovRA65.htm>
21. Мадариага де Исабель. Россия в эпоху Екатерины Великой
http://sbiblio.com/biblio/archive/madariaga_ros/16.aspx
22. Манифест Екатерины II о присоединении Крымского полуострова, острова Тамани с всея Кубанской стороны к России
<http://kro-krim.narod.ru/ZAKON/manifest.htm>
23. Раффи. Меликства Хамсы
http://www.armenianhouse.org/raffi/novels-ru/khamsa/meliks15_34.html
24. Цит. по: Мельтюхов М., Тер-Саркисянц А., Трапезников Г. Исторические фальсификации с политической подоплекой
<http://sumgait.info/caucasus-conflicts/historicalfalsifications/historical-falsifications-1.htm>
25. См. подр.: Мамедова Ф. Истина о Карабахской проблеме
<http://www.karabakh-doc.azerall.info/ru/articls/artc014.htm>
26. Потто В. А. Кавказская война (в 5-ти томах). Том 1
 а/ <http://vehi.net/istoriya/potto/kavkaz/111.html>
 б/ <http://vehi.net/istoriya/potto/kavkaz/25.html>

27. О меликах и меликствах см. подр.: Атаев Т. Из истории появления в мировой геополитике «армянского вопроса». Часть II
<http://islamsng.com/arm/pastfuture/6091>
28. Броневский С. М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича донныне
<http://vostlit.narod.ru/Texts/rus9/Bronevskij/text32.htm>
29. Тучков С. А. Записки. 1766–1808
<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1780-1800/Tuckov/frametext2.htm>
30. Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока
<http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns11.htm>
31. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. III
<http://www.runivers.ru/bookreader/book42963/#page/66/mode/1up>
32. Объяснение греческого митрополита Хрисанфа Неопатрасского
<http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Hrisanf/frametext.htm>
33. Цит. по: Наатакян Р., Акопян В. Исход в российские пределы
<http://argostav.narod.ru/ocherk/page3.html>
34. В память об основателях Буденновска воздвигнут поклонный крест
<http://www.pravoslavie.ru/news/11510.htm>

ОВЛАДЕНИЕ РОССИЕЙ ЮЖНЫМ КАВКАЗОМ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ БАТАЛИЙ

События и процессы, происходившие в первые десятилетия XIX в. в Европе, вокруг Османской империи и Персии (в том числе на Кавказе), исследователи обычно рассматривают вне геополитического контекста, что разрывает общую историческую «нить». «Комплексный» же подход к рассмотрению обстановки того времени позволяет увидеть в ее перипетиях корни сегодняшнего противостояния между ведущими геополитическими игроками.

Франция, Англия и Россия – важнейшие игроки в мировых геополитических процессах на рубеже XVIII–XIX вв.

В 1797 г. Наполеон I Бонапарт, еще в чине командующего Итальянской армией Франции, нанес ряд сокрушительных поражений соседним странам, включая Австрию, вслед за чем приступил к проведению египетской кампании 1798 г. Выдающийся советский исследователь Евгений Тарле отметил, что французские правящие круги с давних пор воспринимали омываемый Средиземным и Красным морями Египет в качестве региона, «откуда можно угрожать торговым и политическим конкурентам в Индии и Индонезии». Поскольку таковыми в конце XVIII в. стали англичане, Наполеон понял, что для разгрома Англии «нам нужно овладеть Египтом» [1].

Но его египетский вояж привел к катастрофическому поражению французского флота от англичан. Египет тогда являлся османской провинцией, поэтому неслучайным было последовавшее в конце 1798 г. подписание 8-летнего оборонительного договора между Османской империей и Россией, впервые обеспечившего Петербургу право свободного прохода его военных кораблей через Босфор и Дарданеллы¹³.

Однако вскоре геополитическая обстановка на континенте изменилась. Как отмечал еще в XIX в. Александр Арсеньев, русский писатель, активно исследовавший историческую тематику, император Павел I начал серьезно рассматривать заключение с Наполеоном «военной конвенции против недавней нашей союзницы Англии», которую великий полководец намеревался задушить «континентальной блокадой», закрыв «все европейские порты для торговли» с ней. А чтобы уязвить Англию, Наполеон выбрал Индию, средоточие «богатств и

¹³ Вместе с расположенным между ними Мраморным морем они обычно именуется «Проливами» – это единственный путь сообщения между Черным и Средиземным морями. – прим. авт.

могущества», и никто, «кроме русского императора, не мог ему быть лучшим в этом деле помощником» [2].

Довольно теплые отношения Петербурга и Лондона действительно охладели. Как известно, одной из важнейших причин антибританского демарша Павла I – разрыва дипотношений с Лондоном и введения санкций против английских компаний, являлся захват Британией в 1800 г. Мальты, главой которой (и Великим магистром Мальтийского ордена) в то время был государь России.

Внешне продолжением этой политики стал подписанный уже Александром I¹⁴ Парижский мирный договор 1801 г., провозгласивший мир и дружбу между Францией и Россией (Петербург принимал на себя посредничество в заключении мира между Парижем и Османской империей), с констатацией взаимного отказа от помощи внешним и внутренним врагам другой стороны. Однако геополитические декорации к тому времени сменились, поскольку Александр I дезавуировал антибританские шаги своего предшественника. Подписанная им англо-русская морская конвенция провозгласила установление дружеских отношений между странами, отменив эмбарго России на передвижение английских кораблей.

Мало того, Англией были предприняты и другие антифранцузские шаги. В начале 1801 г. Лондон заключил важнейшие для него политико-торговые договоренности с Персией. Выход на персидского Фетх-Али шаха Великобритания осуществила как для предотвращения франко-персидского сближения, которое могло привести к возможному использованию Персии в качестве плацдарма для нападения французов на контролируемую англичанами Индию, так и для недопущения атаки на тамошние британские владения со стороны афганцев. В политическом плане Тегеран обязался направить свои войска в Афганистан (в случае нападения оттуда на британскую контрольную зону) и изгнать французов из Персии. Англия, в свою очередь, обязалась снабжать Персию военным снаряжением в случае нападения на него Франции или Афганистана. Подписанный между сторонами торговый договор закреплял за английскими и индийскими купцами льготы и привилегии на территории Персии, предусмотренные ранними соглашениями [3].

Тем самым движение Англии в персидском направлении имело двоякий смысл. С одной стороны, здесь фигурировала индийская «тема» – Лондон понимал неприемлемость для Парижа фактического британского контроля Индии. Он был установлен осенью 1800 г., когда Великобритания, заключив договор с низамом Хайдарабада, стала обладателем бывших владений Типу-Сагиба, ранее захваченных

¹⁴ Сменившим на императорском престоле Павла I. – прим. авт.

низамом. При этом Лондон не исключал возможность франко-русского тандема в вопросе продвижения к «английской» Индии. С другой стороны, англо-персидские соглашения напрямую касались России. Еще в январе 1801 г. манифест Павла I, «внимая прошению», объявил о присоединении «Царства Грузинского на вечные времена под Державу Нашу». В связи с чем «для удержания внутреннего в земле устройства» и «ограждения оной от внешних нападений» в Грузию вводились российские войска [4].

Устремление Петербурга на Кавказ не могло быть воспринято Тегераном молчаливо, и договор Англии с Персией имел явную антипетербургскую направленность, придавая шаху уверенность в неизбежном противостоянии с Россией. В целом же, как довольно четко отмечал Карл Маркс, Англия «стремилась захватить какую-нибудь позицию в Персидском заливе», и в первую очередь «овладеть островом Харак, расположенным в северной части этого залива». Она рассматривала его «как центральный пункт торговли Турции, Аравии и Персии» [5]. Речь идет об иранском острове в Персидском заливе Харк (Харг, Хорг), расположенном на расстоянии 57 км от г. Бушир (Бушер) и в 25 км от побережья Ирана¹⁵ [6].

Здесь же отметим, что осенним манифестом 1801 г. Александра I сообщалось об учреждении в Грузии правления, могущего «утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона» [7]. Назначенному главнокомандующим в Грузии Карлу Кноррингу поручалось принять от «всех обитающих в Грузии состояний» присягу «в ненарушимой верности и в повиновении постановляемой от нас над ними власти» [8].

Россия и Дунайские княжества

В геополитических играх вокруг Османской империи важное значение имело молдово-валахское направление. Интерес России к этому региону не спадал – для конкретных действий нужна была лишь очередная «инициатива с мест». Поэтому в январе 1802 г. Александру I поступило прошение знатного молдавского боярства и духовенства «об оказании помощи в защите от османского гнета». В нем отмечалось, что все жители Молдовы пребывают в разорении и «великом несчастьи» от притеснений и «бесчисленных налогов». Смена господарей через каждые два года становится разорительной, ибо неизмеримо дорого «стоит нам». К тому же новые господа назначают на места сопровождающих их

¹⁵ В настоящее время с острова, где находится крупнейший экспортный нефтяной терминал Исламской Республики Иран, экспортируется свыше 90% иранской нефти. – прим. авт.

стамбульских греков. Ежедневно «сюда приходят турки», отнимающие имения и убивающие поселян. Они стремятся «со временем веру нашу и промыслы уничтожить». «Не имея другого защитника», кроме России, подписавшие письмо «слезно» обратились с просьбой к Петербургу «высоким своим покровом защитить и спасти несчастную землю нашу» тем способом, каким российский император посчитает за благо, чтобы «освободить бедствующую Молдавию от несносного ига сего», а «здешний православный народ удостоить причастия» благополучия, пользуемого Россией [9/а].

А уже летом российский посланник и полномочный министр в Стамбуле Василий Тамара, отметив факты реквизиций в Молдове и Валахии в ноте султанскому правительству, сослался на требования народа отменить «любые новые налоги, подати, денежные или натуральные» поборы, введенные в последнее время. Подчеркнув значительный рост благосостояния регионов в период господства в Валахии и Молдове князей Александра Ипсиланти¹⁶ и Константина¹⁷, он также настаивал «на окончательном установлении семилетнего срока» для господарей, «за исключением случаев установленного правонарушения» [9/б].

По-видимому, Стамбул воспринял петербургский сигнал, дав в сентябре согласие на назначение в Валахию и Молдову пророссийских Константина Ипсиланти (сын А. Ипсиланти) и Александра Мурузи (сына К. Мурузи). Причем своим рескриптом султан Селим III «срок управления воевод» (господарей) Валахии установил в семь лет, с невозможностью их смещения, за исключением случаев совершения «проступка». Мало того, документ постановлял, что если за воеводой «будет обнаружена какая-либо провинность», об этом Османской империей «будет сообщено российскому послу». Лишь если посол будет уверен в факте проступка воеводы, последнего «разрешено сместить». Данным пунктом фактически признавалось, что Стамбул мог лишить полномочий господаря исключительно при наличии явной вины, установленной совместно с российским посланником.

Также рескрипт обязывал «принимать во внимание претензии» посла России «относительно привилегий его страны», включая и зафиксированную в нем отмену всех податей для подданных Валахии [10].

Аналогичный рескрипт был издан и в отношении Молдовы [11]. В дополнение к чему османская сторона, признав наличие фактов «искажения некоторых» ранее принятых условий, заявила, что «все

¹⁶ 1775–1782 гг. – прим. авт.

¹⁷ 1775–1782 гг. – прим. авт.

старые и новые положения», включенные в последние фирманы (указы) для Валахии и Молдовы, не будут нарушены [9/в].

В центре Европы

Начало 1804 г. ознаменовалось сербским восстанием против янычар. Его поддержка султанской властью свидетельствовала, что Стамбул его и организовал. Дело в том, что после переворота 1801 г. в Белграде здесь была установлена диктатура четверых янычарских военачальников – дахий. К середине года янычарское правление оказалось свергнутым и на территории Белградского пашалыка была восстановлена законная власть султана. Но движение сербов продолжилось, теперь уже под лозунгом предоставления политической автономии Белградскому пашалыку в составе Османской империи.

По-видимому, сербов в то время контролировала Россия, стремившаяся ослабить Османскую империю изнутри. Вполне очевидно, что это происходило не напрямую, а через «инициативу с мест». Так, в августе 1804 г. сербские старейшины обратились к Петербургу с просьбой помочь обрести и гарантировать статус политавтономии для Сербии, после чего Россия стала официальным патроном сербов в его реализации.

В том же 1804 г. произошел разрыв франко-русских дипломатических отношений, на фоне чего была подписана секретная декларация о союзе России с Австрией. На следующий год Петербург заключил союзные договоры со Швецией и Англией. Последний включал образование антифранцузской коалиции, одной из важнейших задач которой являлось содействие восстановлению во Франции свергнутой революцией 1789 г. династии Бурбонов, а в Нидерландах – Оранской династии. К союзу также присоединились Австрия, Неаполитанское королевство и Швеция. Сформированная Третья коалиция осенью 1805 г. посредством австрийских войск вторглась в Баварию. Но битва под Аустерлицем в конце того же года, в которой участвовала и Россия, принесла успех Наполеону, приведя к распаду коалиции и переходу Австрии в союзницы Франции.

В то же время, подписанный в 1805 г. российско-османский договор предусматривал взаимную вооруженную помощь при нападении на одну из сторон, подтверждая обязательство Турции способствовать проходу русских военных судов через Проливы во время войны.

Что касается сербов, весной 1805 г. они направили прошение султану по поводу вопроса об автономии. Брошенное против восставших войско в августе было разбито, вслед за чем сербов объявили мятежниками. В течение года восставшие занимали земли Белградского пашалыка,

продвигаясь к приграничным регионам, населенным их соотечественниками.

Штурм Гянджи, Талышское ханство и роковой для П. Цицианова бакинский выстрел

В свою очередь, Петербург продолжал проявлять особую активность на южно-кавказском направлении. В конце 1803 г. сменивший К. Кнорринга Павел Цицианов (инспектор пехоты на Кавказе и Астраханский военный губернатор) приступил к экспедиции по покорению азербайджанских ханств. Согласно документам, опубликованным Н. Дубровиным¹⁸, продвигаясь в этом направлении, П. Цицианов направил правителю Гянджинского ханства Джавад-хану письмо, в котором, ссылаясь на отторжение в свое время этого края с округами от Грузии, заявил, что с присоединением последней Россия не может «оставить Ганджу» в «руках чужих». В связи с чем предложил сдать город, угрожая, при отсутствии положительного ответа, применить против города «огонь и меч» [12].

Джавад-хан же в ответном письме сообщил, что «никто не поверит» рассказам о нахождении Гянджи «во времена царицы Тамары» в «подчинении у Грузии». Так как «управляли Грузиею» наши «предки Аббасгулу-хан и прочие». «Если ты замышляешь со мной войну, – заключил хан, – то я готов». Победу в ней он ставил в зависимость от решения Аллаха [13].

С. Тучков, ставший главой гражданской администрации в только что присоединенной к России Грузии, подчеркивает, что предложенные П. Цициановым Джавад-хану «жестокые условия» не могли позволить тому «согласиться на сдачу города». По словам С. Тучкова, этот шаг князя был вызван тем, что он «старался показать» Александру I «воинские свои способности и для того искал кровопролития». Джавад-хан, понимая невозможность «противиться» русским, был «столь оскорблен дерзким отзывом» князя, что решил «лучше умереть, нежели предать себя его власти». В результате последовавшего штурма город был взят без особых волнений, «почти все жители истреблены, а Жеван-хан убит, сражаясь на стене» [14/а].

По свидетельству В. Потто, в те дни местные жители-армяне были на стороне русских войск. Так, «архиепископ Иоаннес и монах Нерсес собрали армянскую дружину в полторы тысячи человек», став «во главе этого ополчения» [15/а].

¹⁸ Секретарь Российской академии наук с 1893 г. – прим. авт.

После падения Гянджи город был переименован в Елизаветполь (в честь супруги Александра I), с включением одноименного округа в состав Тифлисской губернии. Ханская мечеть оказалась превращенной в православную церковь. Новые правила «для магометанского духовенства Елисаветпольской округи» лишали его права исполнять «суд и расправу»; наказывали «ахунду и муллам в проповедях говорить обывателям о верности государю Императору и правлению». В то же время новые власти обязывались «пять мечетей, назначенных в штате по селениям, обывателям магометанской веры исправить, возобновить и построить непременно, и на содержание оных ежегодно со двора давать по 50 коп. русскими деньгами» [16].

В июне 1804 г. персидский шах Фетх-Али, подписавший, напомним, договор с Великобританией, объявил войну России. Согласно советской историографии, начиная «агрессивную войну против России», Тегеран возлагал надежды на союзный договор с Англией, поскольку «планы завоевания Грузии и изгнания русских за Кавказский хребет» не могли казаться шаху «реальными» без надежды на британскую помощь [17].

В связи с этим весьма примечательным является «конфиденциальное письмо английского консула, написанное по-фарсидски» и направленное на имя Мир Мустафы-хана Тальшинского еще в 1803 г. В нем говорилось: «Хотя Вы имеете ориентацию к русскому императору, по примеру Закавказских ханов, надеюсь, что он предоставит Вам право на сохранение своей самостоятельности и независимости, искренне не советую Вам перейти под протекторат России, ибо самодержавный царь сначала погладит Вас по головке, а потом, подчинив своей власти, задушит Вас, держа своей железной пятой, под которой Вы долго будете стонать <...> тогда вы не сумеете освободиться изпод тягостного гнета самодержавия». Следовательно, «сжальтесь над своими потомками и не доведите их до рабства».

В свою очередь, Мустафа-хан, получив выгодное предложение от Фетх-Али шаха о заключении родственных уз посредством династического брака их потомков и дав на это добро, в ближайшем окружении заявил о желании заручиться «покровительством белого могущественного русского царя». В свете чего он наказал «отправить депутацию в Петербург к императору с ходатайством о принятии Тальшского ханства под свой милостивый протекторат», чтобы «обезопасить себя от Персии». Так что вскоре до Мир Мустафы-хана была доведена высочайшая грамота о взятии Петербургом Тальшского ханства «под свое покровительство», с предоставлением правителю звания генерал-лейтенанта. «Мы теперь гарантированы навсегда от нападения Фетх-Али-Шаха, который не осмелится «всунуть свой длинный нос» в мою территорию, боясь могущественного белого царя»,

– заключил Мир Мустафа-хан. Выслушав же ряд критических замечаний в свой адрес, в частности о превращении его родины «в будущую рабскую колонию русского императора, могущего держать мусульман в ежовых рукавицах», вытесняя ислам, он заявил: «Я готов быть рабом русского самодержавия, нежели самостоятельным ханом персидского шаха» [18].

Ну а вскоре начались бои у Эривани, которая, как и Нахичеванское ханство, еще не была взята русскими. Согласно исследованиям азербайджанского ученого-просветителя Аббас-Кули ага Бакиханова, в целях «защиты Эривани и Карабаха» сюда был направлен сын Фетх-Али шаха – Аббас-мирза. Мухаммад-хан Каджар Эриванский, «тайно враждовавший с Персией», выслал многих эриванцев в пределы Османской империи, а сам, запершись в крепости Эривань, «запросил помощи у русских». Естественно, клич был услышан, и П. Цицианов разбил войско противника. Однако прибывший в крепость великий везир шаха Мирза-Шафи сумел «примирить Мухаммад-хана с правительством персидским». П. Цицианов разобрался с прибывшим на помощь шахом, но продолжительность осады крепости, недостаток продовольствия, массовые болезни и смерти принудили его в 1805 г. возвратиться в Грузию. «Вследствие этой неудачи, лезгины, осетины и кабардинцы» перешли на сторону «врагов России», сообщение с которой оказалось прерванным на некоторое время. На этом фоне в подданство России вступило Карабахское ханство, правитель которого Ибрагим-хан «обязался вносить ежегодную дань в 10 тысяч червонцев. Ему на помощь в крепость Шушу было послано 500 солдат» и жаловано звание генерал-лейтенанта [19].

Кюрекчайский договор между Ибрагимом-ханом и П. Цициановым, подписанный в мае 1805 г., подтвердил вступление первого, со всем его «семейством, потомством и владениями в вечное подданство Всероссийской Империи». Ибрагим-хан Шушинский и Карабахский «навсегда» отрекся «от всякой зависимости от Персии или иной державы», объявив о непризнании «над собою и преемниками моими иного самодержавия», кроме российской «верховой власти» [20].

Аналогичный договор был подписан с шекинским ханом. Правитель же Баку Гусейнгулу-хан оказал жесточайшее сопротивление русским войскам. 11-дневная бомбардировка Каспийской флотилии успеха не принесла, и в сентябре российская армия сняла осаду с города. К концу 1805 г. в подданство России перешло Ширванское ханство.

В начале 1806 г. П. Цицианов, высадив десант у Баку, вновь потребовал немедленной сдачи города. По свидетельству С. Тучкова, князь «сказал, что он сам пойдет с двумя тысячами войска сухим путем и уверен, что чрез несколько дней возьмет Баку». Но во время встречи с

Гусейнгулу-ханом один из сопровождавших правителя Баку выстрелил «в самый затылок» П. Цицианову. Прятавшиеся персидские всадники, окружив высоту, отрубили головы всем членам русской делегации, «исключая казака, которого отпустили в лагерь; тела же убитых увезли в крепость» [15/б].

Судьба Ибрагим-хана

«После сего несчастного случая, – писал А. Бакиханов, – все ханы, кроме шамхала, возмутились». Мустафа-хан Тальшинский, «опасавшийся всегда Персии и искавший покровительства России», перешел на сторону персов и «начал враждовать с русскими». «Пристал к врагам России» валий имеретинский [19].

Причиной этого было изменение конфигурации российского внедрения на Кавказ после убийства П. Цицианова [21]. Увязшая в походах антинаполеоновской коалиции Россия не могла позволить себе укрепить войсками кавказские части. Поэтому Петербург чуть приостановил движение в этом направлении, что сразу же позволило персам форсировать Аракс.

В июне главнокомандующим на Кавказе был назначен Иван Гудович, «немедленно» направивший «генерала от инфантерии Булгакова командовать войсками, в Дагестане находившимися, предписав» ему «сделать предприятие на Баку и взять оную» [22]. На этом фоне Ибрагим-хан Карабахский, «начавший уже дружеские сношения с персами, стал просить у них помощи для свержения у себя власти русской» [19]. По данным Н. Дубровина, сторонники Ибрагим-хана обосновывали этот его шаг «суровым обращением» и «беспрерывным вмешательством» в «дела внутреннего управления» ханства командира 17-го егерского полка Дмитрия Лисаневича. Но, по предположению Н. Дубровина, Ибрагим-хану «просто наскучила опека русского правительства» и «он решил, что добровольная сдача Шуши» персидскому шаху помирит его с последним. Поэтому с подступлением персидских войск к Карабаху Ибрагим-хан «покинул Шушу и выехал в лагерь».

Потребовавший возвращения хана в Шушу Д. Лисаневич услышал отказ. Ввиду нахождения персидской конницы «в одном переходе» от крепости «для Лисаневича измена хана представлялась ясною», в связи с чем он предпринял попытку его ареста. В июне 1806 г. лагерь был взят штурмом и в числе убитых оказались Ибрагим-хан, его супруга, один из сыновей и одна из дочерей [12/б].

Однако некоторые источники, основываясь на данных тома III Актов Кавказской археографической комиссии, приводят августовский рапорт И. Гудовича на имя министра военно-сухопутных сил России Сергея

Вязмитинова, в котором он, ссылаясь на командующего войсками в Грузии генерала Петра Несветаева, констатирует, что Ибрагим-хан «сам вышел из палатки на встречу отряда» Д. Лисаневича, «не сделав ни одного выстрела; но егери начали стрелять и колоти штыками, где Ибрагим-хан убит и все бывшее с ним имение досталось в добычу учинивших нападение». В то же время И. Гудович, опираясь на свидетельство генерала Петра Небольсина, «секретно разведывавшего о всех обстоятельствах сего важного происшествия», сообщил министру иностранных дел России А. Будбергу, что Ибрагим-хан «убит понапрасну подполк. Лисаневичем, об отдании коего под следствие я с сею же эстафетою всеподданнейше доношу» государю [23].

В результате этого Д. Лисаневич «был предан военному суду». Среди обвинений значились (в том числе) «намеренное убийство ханского семейства» и «разграбление его имущества». Однако суд оправдал Д. Лисаневича. В любом случае, после смерти Ибрагим-хана персидская конница «поспешно отступила назад» [12/б].

***Антибританский настрой Наполеона.
Обострение франко-русских взаимоотношений
в различных географических координатах***

В середине 1806 г. Наполеон стал протектором созданного им Рейнского союза из 16-ти германских государств. При этом первый правитель Австрийский Франц I вынужден был под давлением Наполеона отказаться от титула императора «Священной римской империи германской нации», которая тем самым прекратила существовать.

В этом же году Россия, Англия, Пруссия и Швеция образовали очередную антифранцузскую коалицию. В ответ Париж попытался привлечь на свою сторону Османскую империю. В письме к султану Селиму III Наполеон подчеркивал, что сербское восстание организовано Россией.

Кроме того, летом 1806 г. он направил инструкцию новому послу в Стамбуле Горацию Себастиани. Отмечая, что «я, Порта и Персия – против России», Наполеон призвал к закрытию Босфора и всех портов для русских судов, а также к возвращению султану господства над Молдовой и Валахией, особо подчеркивая нежелание раздела Османской империи («даже если мне предложили бы три четверти ее») и ратуя за ее усиление.

Французские предложения возымели действие, и в августе османы сменили господарей Молдовы и Валахии, что являлось прямым нарушением российско-османских договоренностей 1802 г. В сентябре

Османская империя закрыла Проливы для прохода российских судов. Тогда же российский полномочный министр при Порте Андрей Италийский в послании А. Будбергу сообщал о склонности османов («под давлением французов») уничтожить «наше политическое влияние» [24]. Петербург потребовал отменить решения, но их дезавуирование затягивалось османской стороной, благо Наполеон достиг блестящих военных успехов в Европе.

Получив в начале октября ультиматум Пруссии об отводе французских частей за Рейн, Наполеон, разгромив прусскую армию при Йене и Ауэрштедте, торжественно вступил в Берлин. В ноябре Наполеон разослал в ведущие европейские страны декрет, объявлявший блокаду Британии. Запрещались всякие сношения с ней; принадлежащие английским подданным товары подлежали конфискации; европейские порты обязывались не принимать суда под любым флагом, идущие в Великобританию или из нее.

Петербург не мог не отреагировать на демарши Парижа и Стамбула, и в конце ноября 1806 г. Россия объявила Франции войну, приказав армии продвинуться через Гродно к Висле (Пруссия передала под русское командование остаток своих боевых частей). В ноябре того же года российские войска, переправившись через Днестр, двинулись к Дунайским княжествам. Такая акция имела скорее антифранцузский, чем антисултанский подтекст. В декабре российские войска выбили османов из Бухареста, заняли Молдову с Валахией.

В эти дни султанское правительство подписало соглашение (Ичков мир) с сербами, практически обеспечившее Сербии автономию. Сербам передавался сбор налогов и административное управление на всей территории пашалыка. То есть в преддверии прозвучавшего 18 декабря объявления войны Петербургу османские власти попытались выбить у него «сербский» козырь. Однако главнокомандующий Днепровской армией Иван Михельсон поддерживал военные связи с лидером сербского движения Карагеоргием (Черный Георгий), в распоряжение которого направлялись большие финансовые средства и военные инструкторы. Командующий довел до сведения повстанцев манифест о наступлении часа «ратникам имени христианского низвергнуть иго мусульман», возвратив «страждущие племена христианские к древнему достоянию их».

Объявление войны Порте Россия обосновывала попечением Петербурга «о благе единоверных народов». Российское командование считало сербские отряды полностью подконтрольными. Поэтому Министерство иностранных дел направило дипломату Константину Родофиникину рекомендацию о необходимости уведомить сербов, чтобы при вступлении русских войск в османские области они «силы свои» не

раздробляли, «дабы удобнее можно было главнокомандующему российско-императорскою армиею направить их туда, куда нужда востребует» [25].

После этого «возобновление неприятельских действий» между сербами и османами ознаменовалось взятием первыми 30 декабря 1806 г. «верхней крепости Белградской» [26].

Надеясь на российскую поддержку, в феврале 1807 г. сербы отказались от «Ичкова мира», ставя вопрос о полной независимости. Как писала пресса в начале 1807 г., когда «Порта требовала» сражения за нее, «сербы отвечали, что они, как люди независимые, никогда не поднимут оружия против своих одноверцов» [27].

В феврале того же года британские морские части, войдя в Дарданеллы, уничтожили османские морские силы у Абидоса и остались в Мраморном море. Причиной тому был вполне ожидаемый отказ султана Селима III от исполнения британского ультиматума, требовавшего от Стамбула объявить войну Франции; передать дунайские княжества России, а османский флот (вкуче с укреплениями в Дарданеллах) – Британии. Однако османам при помощи французов удалось противостоять англичанам, вынудив их отойти в Средиземное море.

Османо-персидско-кавказский отзвук европейских геополитических баталий

В мае 1807 г. Наполеон подписал Финкенштейнский договор с представителями Фетх-Али шаха, своим острием направленный против Российской и Британской империй. Тегеран, терявший позиции в войне с Россией, безоговорочно принял профранцузские пункты соглашения, в частности ликвидацию всех политико-торговых отношений с Англией; объявление ей войны, вплоть до склонения к этому афганцев; продвижение персидской армии к британским владениям в Индии. Шах обязывался пропустить через Персию в Индию французские войска, приняв на себя их продовольственное снабжение. В ответ на что Наполеон, гарантировавший неприкосновенность иранской территории, признавал права Тегерана на Грузию, пообещав побудить Россию вернуть ее Персии. Париж также подтвердил предоставление вооружения и инструкторов для реорганизации персидской армии. Во исполнение договора в Персию прибыла французская военная миссия во главе с генералом Клодом де Гарданом [28].

В доведенной до него инструкции Наполеон разъяснял, что в глазах Франции Персия – это «естественный враг России» и «проход в Индию». Посему на миссию возлагалась задача как изучения возможности экспедиции в Индию, так и разжигания войны Персии против России. В

связи с этим К. Гардану предписывалось содействовать военным операциям персов, в частности добиваясь захвата ими Грузии и оттеснения русских на Кавказский хребет. Также рассматривался вопрос заключения персидско-османского военного против России [29]. По приезду К. Гардана шах предоставил французам большие торговые льготы.

В июне в Афонском сражении русская эскадра нанесла поражение османам. Тогда же, согласно свидетельству российского генерала Александра Ланжерона, в июне 1807 г. командующий 11-й дивизией в составе Дунайской армии Михаил Милорадович, взяв крепость Обилешти, разбил один османский корпус, а другой «обратил в поспешное бегство». Вслед за чем, встреченный жителями Бухареста «с большим триумфом», «приказал выгравировать свой портрет с подписью, им же продиктованной: «Милорадович – спаситель Бухареста». Великий визирь «был ужасно перепуган этим поражением и после него не делал никакого движения» [30].

Между тем, «сербское войско, простиравшееся» до «80 000 человек, сделалось несравненно страшнее, когда в июне 1807 г. соединилось оно с Российской армией» [26]. К тому времени в Сербии появился русский уполномоченный (К. Родофиникин), и совместные силы в середине июня начали осаду крепости Неготин.

Происходило это на фоне российско-французских боевых действий. После оккупации Пруссии Наполеон столкнулся с русскими войсками. Тяжелейшее для обеих сторон февральское сражение при Прейсиш-Эйлау конкретного победителя не определило. Наполеон предложил Петербургу мир, не принятый, однако, Россией. А 14 июня русские войска были разгромлены в сражении при Фридрихс-Валде.

Правда, на Кавказском фронте русские войска добились успеха. И. Гудович, еще в начале 1807 г. выступивший «с войсками, в Грузии и Кахетии находившимися, дабы в предпринятом мною движении против турок обеспечить от впадения персиян в ханства Карабахское, Шехинское и Грузию», в июне нанес поражение османам в Арпачайском сражении («неприятель побежал стремглав»). Это предотвратило попытку персидских войск, ожидавших результатов битвы, вторгнуться в Грузию. Персидский хан поздравил И. Гудовича с победой, назвав его «начальником непобедимых войск», и отвел свои части к Эривани. Затем наследник шаха Аббас-Мирза прислал ему «верховную лошадь с богатым убором» [22].

Однако этот успех не мог затмить неблагоприятный для России ход действий на западном фронте. Как писал российский историк XIX века Андрей Петров, продолжать войну с французами, «главным образом для поддержания интересов Пруссии, не было ни основания, ни

возможности», так как помощь от союзников отсутствовала. «Пруссия находилась в отчаянном положении»; Англия «ограничивалась обещаниями выставить армию от 10 до 12 тысяч», что в столкновениях с Наполеоном «равнялось нулю»; «ежегодная денежная субсидия в 2.000.000 ф. ст.», обещанная союзникам Лондоном, «даже не окупала расходов войны», тем более что эту сумму «приходилось делить между Пруссией и Австрией».

При таком раскладе, да еще и в условиях войны с Османской империей, продолжение военных действий с Францией Александр I «находил невозможным». Они могли возобновиться лишь в случае требований Наполеона «каких-нибудь территориальных уступок в пользу» султана или Польши. К мирным переговорам с Парижем Россия подготовила предложения о возвращении Наполеоном всех занятых им прусских владений и отказе Петербурга от Молдовы и Валахии в пользу османов. Наполеон, однако, желая сохранить за собой все завоеванные земли и создать на них подвластное ему Саксонское государство, для получения на это согласия русского императора предложил ему «часть Восточной Пруссии» и принадлежащие пруссакам «все польские земли» с получением титула «короля Польши». Александр отказался, фактически сохранив Пруссию как государство [31/a].

В результате Россия, воевавшая параллельно с османами и персами, подписала с Францией в июле Тильзитский мир, включавший, в частности, признание Россией Рейнского союза; взаимную гарантию своих владений; провозглашение «прекращения неприятельских действий» между Россией и Османской империей; вывод русских войск «из княжеств Валахского и Молдавского» (но без занятия их османскими войсками до окончательного мира между Российской и Османской империями); принятие Петербургом «посредничества Франции для заключения мира» с османами. Польские территории, отошедшие во время разделов Речи Посполитой к Пруссии и Австрии, поступали «в полную собственность и обладание короля саксонского, под названием Варшавского герцогства», становившегося протекторатом Франции [32].

Такие условия не могли удовлетворить Петербург. Кроме того, неафишируемым пунктом Тильзитского мира Россия присоединилась к континентальной блокаде против Англии, практически полностью отказываясь от торговли со своим главным партнером, что противоречило экономическим интересам России. Как отмечают французские историки Эрнест Лависс и Альфред Рамбо, к этому времени Англия имела фактическую монополию торговли с Россией. Из 1200 судов, ежегодно заходивших в Неву, более 600 шли под британским флагом. Русские землевладельцы вывозили из своих поместий на Британские острова хлеб и лес, получая взамен, кроме значительных

барышей, всевозможные предметы потребления. Разрыв с Лондоном был бы для России бедствием, грозившим нарушить привычные экономические связи и многих разорить [33/а].

Но секретное дополнение к договору стало реальностью, а смена геополитических декораций (в плане превращения России и Франции в союзников) привела к заключению в августе между Россией и османами Слободзейского перемирия, временно приостановившего военные действия. Стороны должны были отвести войска из Молдовы и Валахии, с сохранением османских гарнизонов в Браилове и Измаиле. Правда, Александр I так и не ратифицировал договор.

В то же время, договор не затронул османо-сербский фронт, что вызывало опасения сербов. В письме А. Будбергу сербский депутат Иеремия Гагич, выразив надежду на Россию своего народа, всегда устремлявшегося «против врагов православной веры», отметил его отчаяние из-за отсутствия «уведомления о своей участи» в свете русско-османского перемирия, и задал Петербургу вопрос: «Заслуживает ли народ сербский в отечестве своем быть под покровительством и защищением всевысочайшего двора российского или вечной гибели предаться?» [34]. Эта тема довольно живо обсуждалась, и в ноябре 1807 г. новый главнокомандующий русской армии на Дунайском театре войны Александр Прозоровский сообщал о переданном ему Г. Себастиани обещании Стамбула, что «до окончательного заключения мира с Портою» сербы будут оставлены «в спокойствии» [35].

Ноябрьский захват англичанами Копенгагена, столицы вечной российской союзницы Дании, еще более обострил противоречия между Лондоном и Петербургом, который с октября разорвал дипломатические отношения с Великобританией. В ноябре Александр I объявил о прекращении торговых связей с Англией.

В конце декабря 1807 г., по договоренности с находившимся в Тегеране К. Гарданом, в Финкенштейнский договор было внесено дополнение, по которому Персия отказывалась от острова Карек в пользу Наполеона, допустив образование военных факторий в Гомбруне и Бушире.

В феврале 1808 г., после заключенного Англией союза со Швецией началась русско-шведская война. Ну а вскоре состоялось перемирие между османами и сербами – «по общему согласию на то полководца Российского с Георгием Черным». Заключено оно было 14 июля в Слободзе – «главной квартире Сербского войска». Тогда Карагеоргий, с приближенными лицами занявшийся «гражданским устройством Сербии», торжественно был «облечен» в «достоинство» князя. «Сверх того» ему был «пожалован» чин генерал-лейтенанта Российской службы»

и орден Св. Александра Невского. Место заседаний Сената было перенесено в Белград [26].

На Кавказском фронте в сентябре начался поход русских войск к Эривани и Нахичеванскому ханству. Эти местности представляли важное геостратегическое звено для России, включая экономическую составляющую. Как отмечал впоследствии командированный в регион чиновник министерства финансов России Василий Григорьев, через Нахичеванскую зону, служащую «средоточием сухопутных сообщений между Персией и Грузией», проходит «главный торговый путь из Гавриза в Тифлис», а оттуда в Россию. Нахичевань также являлась важной точкой на маршруте от западной части Северной Персии к Шуше, позволяющей осуществить связь «с прибрежными к Каспийскому морю провинциями» [36/а].

Первоначально российской стороне сопутствовал успех – взятие Эчмиадзина и Нахичевани. Но к ноябрю штурм Эривани был отбит, а Нахичевань оказалась у Аббас-Мирзы. И. Гудович вынужден был отступить в Грузию.

Англо-русское соперничество за Восток

На европейском театре геостолкновений осенние переговоры 1808 г. между Наполеоном и Александром I (Эрфуртский конгресс) привели к подписанию 12 октября двустороннего договора, который, в частности, утверждал антибританский союз. Кроме того, Наполеон, нуждавшийся в поддержке Россией блокады против Англии и предстоящей войны с Австрией, соглашался на присоединение Молдовы и Валахии к России (при условии неприкосновенности остальных частей Османской империи). Обсуждался и вопрос о диалоге с Англией при условии признания Лондоном «вхождения» в Россию не только Дунайских княжеств, но и Финляндии. Париж обязался действовать совместно с Россией против Вены (в случае поддержки ею османов), а Петербург пообещал поддержку Франции при объявлении ей войны со стороны Австрии.

Результаты этих переговоров не могли не сблизить позиции Лондона, Вены и Стамбула, разочарованного позицией Парижа, которая была воспринята султанским правительством как предательская. Так что неслучайно последовавшее в начале января 1809 г. подписание в Чанаке (ныне Чанаккала) Дарданелльского мира между Османской империей и Великобританией. Ст. XI документа, впервые зафиксировавшая в договорном порядке закрытие Проливов для иностранных военных кораблей, гласила: «Ввиду того, что во все времена было запрещено военным судам входить в Константинопольский канал, а именно в пролив

Дарданеллы и в пролив Черного моря, и так как древнее правило Оттоманской империи должно быть также и впредь соблюдено в мирное время в отношении всякой какой бы то ни было державы, то британский двор обещает равным образом сообразоваться с этим принципом».

Согласно ряду источников, проект этой статьи, предложенный Османской империей, был без возражений принят английской стороной, что на первый взгляд казалось уступкой Лондона. В действительности же Стамбул впервые ограничил свой суверенитет над Проливами, поскольку до этого «древнее правило» Империи применялось как внутренняя полицейская мера: Порты, располагая неограниченным верховным правом, держала Проливы закрытыми для военных кораблей, но могла и открывать их, по договору или без договора, в пользу той или иной державы по своему усмотрению.

Однако ст. XI договора превращала «древнее правило» Порты в ее обязательство, должное соблюдаться «в отношении всякой, какой бы то ни было державы». Тем самым Стамбул допустил иностранное вмешательство в свои правила пропуска судов через Дарданеллы и Босфор [37]. Хотя не исключено, что авторство данной статьи принадлежало Англии. Провозглашение Проливов свободными от присутствия военно-морских было в любом случае направлено против России, лишаящейся выхода из Черного моря в Средиземное.

В этой связи Александр I писал А. Прозоровскому, что «Порта переменяла свое поведение», допустив в Стамбул «английского полномочного». Император, подчеркнув неприятие такого шага, оценил его как «разрыв и прекращение перемирия». Тогда же товарищ министра иностранных дел России Александр Салтыков отметил, что сближение с Англией Австрии и «склонение к тому же» османов «заставляет не доверять» Вене.

На таком фоне в Яссах начались российско-османские переговоры. Предложения Петербурга, доведенные до султанских представителей, включали признание Портой перехода к России на «вечное владение» Молдовы, Валахии, Бессарабии, а также Грузии, Имеретии, Мингрелии и Гурии; установление «внутреннего управления» для Сербии и согласие с покровительством над ней Петербурга; допустимость свободного прохождения русских судов в Босфор и Дарданеллы. Кроме того, 26 февраля русская сторона потребовала от султана в двухдневный срок выполнить ультиматум: «выслать английского посла» из Стамбула [31/6].

Развитие ситуации привело ко вполне прогнозируемому результату. Оказавшаяся в союзе с Англией Османская империя 12 марта 1809 г. довела до Петербурга султанский фирман об объявлении войны. Такая дата очевидно была «поставлена» Англией, которая в этот же день подписала договор с Персией. Дело в том, что бесперспективность войны

с Россией вынуждала Тегеран заключить с Петербургом мир, укрепляющий позиции русских. Не желавший допускать этого Лондон обязался выплачивать Персии субсидию с предоставлением персидской армии военного снаряжения и инструкторов. Персия гарантировала продолжение войны с Петербургом и разрыв отношений с Францией [38].

Другого ожидать не приходилось, поскольку французы практически не реализовывали франко-персидские договоренности. После Тильзита и Эрфурта это было неудивительно, что, вполне естественно, привело к англо-персидскому сближению, которое активизировалось с начала 1809 г. По результатам же договора в начале 1810 г. генерал Джон Малькольм сопроводил из Индии в Бендер-Бушир значительный транспорт оружия и «многочисленных офицеров англо-индийской армии», приступивших к обучению персидских войск [39].

Таким образом, на фоне русско-персидской войны и укрепления позиций Лондона в Тегеране и Стамбуле Петербург был вынужден прийти к взаимопониманию с Парижем. Что касается османов, то с началом очередного этапа войны с русскими они двинулись к Сербии, решительным шагом дойдя до Белграда.

Несостоявшийся брак, «польский вопрос» и игры вокруг «континентальной блокады»

Весьма примечательно, что когда в июле 1809 г. настало время исполнения принятых в Эрфурте обязательств, российская сторона проигнорировала договоренности, и в Ваграмском сражении Наполеон одолел австрийцев без помощи русских войск. Петербург, в свою очередь, в сентябре 1809 г. по итогам завершившего русско-шведскую войну Фридрихсгамского мирного договора заполучил Финляндию (включая Аландские острова), вошедшую в состав Российской империи на правах автономного княжества.

Вряд ли новое приобретение России было положительно воспринято Парижем (ранее давшим на это согласие), так как русско-французские отношения становились все холоднее, в особенности вследствие очередного всплеска «польского вопроса». Наполеон периодически обыгрывал данный нюанс, в нужный для себя момент заговаривая о «воссоединении Польши». Россия же и слышать не желала о пересмотре раздела страны. К концу 1809 г. стороны подписали конвенцию о Польше, гласившую, что «Польское королевство никогда не будет восстановлено» [40].

Однако ратификацию договоренностей Наполеон ставил в зависимость от женитьбы на сестре Александра I, русской княжне Анне Павловне, которую он планировал осуществить в целях сближения с

Россией. Но под предлогом ее юного возраста Петербург не согласился с такой идеей, и в начале 1810 г. Наполеон вступил в брак с Марией-Луизой, дочерью Франца II, что означало поддержку им Австрии в балканском направлении.

Прозвучавший вслед за этим отказ Наполеона ратифицировать конвенцию «по Польше» свидетельствовал, что ему не приемлемы пункты документа о невосстановлении Польского королевства и невозможности расширения Варшавского герцогства за счет территорий, составлявших бывшую Речь Посполитую.

Несмотря на это, Россия решила нанести укол Франции и с другой стороны. Антианглийская блокада, должная привести к закрытию для британской торговли всего европейского континента, явно давала сбои. Контрабандным путем английские товары попадали в Европу через Пиренейский полуостров, Балканы, приморский шведский город Готенбург (Гетеборг) и непосредственно северогерманское побережье, но наибольшее их количество оказывалось в России. Это способствовало расширению транзитных перевозок в России речным путем, по которому британские товары доставлялись в Западную Европу.

Париж, явно владевший информацией о контрабанде, в августе 1810 г. ввел в действие так называемый Трианонский тариф, допускавший ввоз колониальных товаров (даже в британской «упаковке»), но с уплатой высокой таможенной пошлины. Мало того, рядом пунктов документа практически допускалась прямая торговля с Англией колониальной продукцией при условии вывоза товаров французской промышленности на равную сумму. Трианонский тариф оказался своеобразным «откупом» от континентальной блокады». Другое дело, что он, будучи выгоден странам с более или менее развитой крупной промышленностью, ударял по экономике стран, экспортировавших сырье и закупувших продукты, в частности России, Швеции, северovýchотных земель Германии. Следовательно, Петербург никак не мог согласиться с Трианонским тарифом, затронувшим экономические интересы страны.

Вполне вероятно, что Франция вынуждена была сделать такой ход ввиду активной деятельности России по пробитию бреши в организованной Наполеоном антибританской блокаде. Поэтому не исключено, что его послание Александру I, отправленное в октябре 1810 г. через флигель-адъютанта русского императора князя Александра Чернышева, было еще одной попыткой приостановить ухудшение русско-французских отношений. Отмечая в нем нахождение в гавани Балтийского моря свыше 600 английских купеческих кораблей, Наполеон призвал Александра I конфисковать весь этот торговый флот. Это послание появилось на фоне наполеоновского декрета об изъятии и

сожжении продукции английских фабрик во всех странах, занятых французскими войсками.

Но ситуация уже набирала иные обороты. Россия установила значительную пошлину на шелка, кружева и другие предметы роскоши, нейтрализовав контрабандные операции с этими товарами. Данная мера однозначно несла атифранцузский оттенок, приведя к антироссийским решениям Наполеона.

13 декабря 1810 г. Франция присоединила северогерманские земли, включая Любек, что обеспечивало Парижу выход к Балтийскому морю. Это вызвало очередное недовольство Петербурга, к которому присовокупился и факт, имевший оттенок личного оскорбления Александра I. Речь шла об объявлении Наполеоном территорией Франции герцогства Ольденбургского, в то время как родная сестра русского правителя была замужем за принцем Ольденбургским (правда, в преддверии оккупации Наполеон предлагал герцогу в качестве компенсации Эрфурт, но царь отсоветовал тому соглашаться с таким предложением) [41].

Наверняка, французский «щелчок» Александру I, совпавший во времени с подчинением Наполеоном географических зон, «причастных» к контрабандной доставке на континент английских товаров, сделал российско-французскую войну неизбежной. По словам тогдашнего французского посла в России Армана де Коленкура, Наполеон считал необходимым нанести удар России как «единственной решающей державе, еще остающейся на континенте и могущей причинить ему беспокойство, присоединившись к Англии». Он называл полезным отстранение «русских от европейских дел» и создание «в центре» государства, должного стать «барьером против нашествий северной державы». Этот «последний удар» нужен для завоевания всеобщего мира и годов «благоденствия для нас и наших детей после стольких лет лишений и затруднений, хотя и полных славы» [42].

На пути к войне

На этом этапе стороны заручались поддержкой соседних стран. Важная роль среди них отводилась Швеции, наследным принцем которой являлся бывший наполеоновский маршал Бернадот (Карл XIV Юхан). «Антитрианонский тариф» побудил Швецию выступить в политико-экономической связке с Россией, но в преддверии войны конфигурация могла принять иные очертания. Наполеон пообещал Бернадоту Финляндию в случае поддержки выступления против России, но тот, все же, предпочел предлагавшуюся ему Александром I Норвегию, и союзный договор, заключенный в апреле 1812 г. между Россией и Швецией,

гарантировал взаимную целостность владений обеих стран с условием высадки десанта в Северной Германии для действий против Франции. К союзнчеству с Россией Бернадота склонило не большее богатство Норвегии в сравнении с Финляндией, а то, что Швецию от Наполеона ограждало море, «а от России – ничто» [43].

Развязка быстро приближалась. 3 августа 1811 г. Наполеон в присутствии представителей европейских государств обратился к российскому послу в Париже Александру Куракину. Свою двухчасовую речь он завершил заявлением о нежелании Парижа вести войну за восстановление в прежних границах Польши, а также о неприятии агрессивной политики Александра I, направленной, в частности, на присоединение к России Варшавского герцогства и Данцига. Это практически всеми было воспринято как заблаговременное объявление Наполеоном Петербурга виновным в грядущей франко-русской войне [44].

В марте 1812 г. был подписан русско-шведский договор о нейтралитете Швеции, позволивший России передвинуть на Запад часть войск с северо-западной границы. Одновременно с этим Петербург стремился освободиться и от войны с османами, добившись в мае 1812 г. подписания Бухарестского мирного договора. Россия возвращала Османской империи все кавказские территории, «оружием [российским] завоеванные», т. е. Анапу, Поти и Ахалкалаки. Сухуми и другие регионы, перешедшие в русское подданство, остались в составе России. (Заметим, что после взятия русскими войсками летом 1810 г. Сухума «владелец Абхазской области князь Сефер-Али бек, при крещении названный Георгием Шаваршидзе, присягнул Александру I, поклявшись быть ему «верным, добрым и послушным» подданным, «противности никакой ни тайно, ни явно не чинить» [45]).

Петербург уступил Стамбулу «землю Молдавскую, лежащую на правом берегу реки Прута, а также Большую и Малую Валахию с крепостями». Россия получала «земли, лежащие по левому берегу Прута, с крепостями», т. е. территорию, впоследствии ставшую известной как Бессарабия (с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия и Измаил) [46].

В свете последнего приобретения России Э. Лависс с А. Рамбо пишут, что к «похищению Буковины» австрийцами в 1775 г. теперь добавилось «похищение Бессарабии» русскими. Согласно французским историкам, валахские бояре обратились к султану с энергичным протестом, имевшим, однако, так же мало последствий, как и предшествующий. Население региона «болезненно» отреагировало на «покушение на его национальную самобытность». Со слов румынского писателя Драгичи, «по мере приближения рокового дня выполнения договора» все

прощались с отцами, братьями и родственниками, «быть может, навсегда». Прут, отныне разделявший румынские области, стал называться «проклятой рекой» [33/6].

Середина реки Прут действительно стала границей между странами. Петербург закрепил за собой право торгового судоходства на всем течении Дуная. Российские военные корабли получили возможность «ходить с Килийского устья до соединения реки Прута с Дунаем».

В свою очередь, от заключения договора выиграли сербы, которым Стамбул предоставил «управление внутренних дел их, определив меру их податей, получая оные из собственных их рук». Говоря другими словами, Сербия стала обладателем внутреннего самоуправления, что явилось значительным шагом на пути получения полной независимости [46].

Бухарестский мирный договор обеспечил для России нейтралитет Османской империи в уже грядущей войне с наполеоновской Францией.

22 июня 1812 г. Наполеон обратился к войскам с воззванием, обвиняя Петербург в нарушении Тильзитского соглашения и называя нападение на Россию второй польской войной. Спустя сутки началась переправа французских войск через пограничный Неман (у литовского Ковно). 24 июня 1812 г. Александру I доложили о вторжении Наполеона.

Такой ход событий способствовал подписанию в июле в Эрбру англо-русского мирного договора, оформившего восстановление дипотношений между странами. Возобновлялась двусторонняя торговля (на основе принципа взаимного наибольшего благоприятствования), а Британия обязывалась оказывать помощь России в войне с Наполеоном. Заключенный в это же время англо-шведский договор положил начало трехстороннему антифранцузскому союзу.

Подписание Гюлистанского договора на фоне отступления Наполеона из России

Поражения русской армии на первом этапе войны с французами и вступление Наполеона в сентябре 1812 г. в Москву вдохновили Тегеран (или контролирующий его Лондон?). 19–20 октября персидские войска под предводительством Аббаса-Мирзы, руководимые, что весьма примечательно, английскими офицерами, перешли в наступление, столкнувшись с отрядами, возглавляемыми генералом Петром Котляревским, у Асландуза (Асландузский брод через р. Аракс). Персияне планировали, перейдя Аракс, нанести молниеносное поражение малочисленным силам русских, вслед за чем осуществить

проход через Карабах в Кахетию и Грузию в целях соединения с «грузинскими мятежниками»¹⁹ [47].

Аббас Мирза также приказал Эриванскому хану одновременно атаковать российские пограничные посты. Однако персидские силы потерпели поражение, что привело к окончательной утрате Тегераном военной мощи, свидетельством чего явилось приближение русских в декабре к Ленкоранской крепости. Блокировав ее, П. Котляревский потребовал от «командующего Сардаря Садых-Хана» ее сдачи [48]. Но в ответном письме Садых-хан заявил, что «вы пришли не освободить Талышинское Ханство из рук персов», как о том утверждалось, «а расширить свою территорию за счет чужой земли». «Отличаясь ненасытной жадностью, – писал Садых-хан, – ваши императоры поставили себе целью подчинить своей власти все слабые царства, а в особенности мусульманские, пользуясь их неподготовленностью к войне», но «не лучше ли избавить и спасти своих крестьян из-под гнета и оков ваших помещиков?» Далее он заключил: «Мы с вами не воюем, а обороняемся от вас, как от нападающих диких хищных зверей, заявляя вам категорически, что мы все костями ляжем и поголовно умрем, а не сдадим крепости вам добровольно» [18].

Получивший это письмо П. Котляревский, «видя упорность» всего гарнизона и имея «недостаток в снарядах для продолжения блокады», «должен был решиться на последнее средство – штурмовать». «Мне, как русскому, – говорил он позднее, – оставалось только победить или умереть: ибо отступить значило бы посрамить честь оружия русского, отдать навсегда в руки персиян Талышинское владение» [48].

Штурм крепости начался в ночь на 1 января 1813 г. Несмотря на героическое сопротивление защищающихся, российские воины овладели ею, правда, ценой массовых жертв. «Ожесточение русских войск достигало высшей степени своего озлобления и мести: все живое человеческое существо, встречавшееся на пути рукопашной битвы, погибало под штыками и шашками свирепевших озлобленных солдат, не исключая даже грудных малюток, беременных женщин, старух и стариков. Сопротивление сделалось немыслимым и уцелевшие еще защитники, оттесненные к береговой стороне крепости, начали бросаться в реку, надеясь спастись на противоположном берегу ее; но и здесь встречала их меткая картечь двух пушек, заблаговременно поставленных на правом берегу речки Ленкоранки, под прикрытием 80 стрелков» [18].

В апреле 1813 г. министр иностранных дел России Николай Румянцев в письме главнокомандующему в Грузии и главноуправляющему по гражданской части Николаю Ртищеву писал, что российские

¹⁹ Подразумевается продолжавшееся с весны 1812 г. антироссийское восстание в Кахетии. – прим. авт.

«победоносные войска», изгнавшие Наполеона, перейдя «за пределы империи», продолжали «торжественное свое шествие» через «Пруссию и Варшавское герцогство». Он ставил его в известность о том, что «российские знамена развеваются уже за Эльбою; Берлин, Дрезден, Любек, Гамбург в наших уже руках. По всей Германии распространяется дух волнения против Франции и в разных местах явно уже обнаружился». С учетом того, «в каком блистательном положении дела наши находятся», ежедневно «круг благодетельного влияния его императорского величества должен распространяться более и более». Посему, «вновь открывшийся» путь «иметь сношения с персидским правительством» позволяет «распространить сии известия в Персии». Вслед за чем заявить, что «когда Ленкорань уже за нами, непременно должна утвердиться и независимость ханства Тальшинского» «под защитой и покровительством Российской империи». Александру I «угодно» внесение данного пункта «в число неперменных условий, на случай, если бы возобновились мирные переговоры с Персией» [49].

Подписанный 12 октября 1813 г. в с. Гюлистан (Карабах) русскоперсидский мирный договор признал часть Тальшского ханства за Россией, к которой перешли Бакинское, Карабахское, Гянджинское, Ширванское, Шекинское, Дербентское и Кубинское ханства, а также Картли, Кахети, Мегрелия, Имеретия, Гурия и Абхазия. Петербург получил исключительное право иметь свой военный флот на Каспийском море.

Весьма примечательно, что в этих событиях прослеживается армянский фактор. Так, В. Потто приводил отрывок из донесения Н. Ртищева на имя Александра I по поводу «кахетинского бунта», в котором отмечено, что «армянский народ» сражался с мятежниками, «выказывая» образцы «искреннейшей верности» [16/a]. После чего в грамоте «армянскому народу нашему, обитающему в Грузии», русский император провозгласил, что армяне выделились «примерным постоянством и преданностью» в момент, когда «неблагоданмеренность» пыталась «поколебать водворенное» в «Грузии спокойствие». Александр I, подчеркнув твердость и непоколебимость армян «в своем усердии» к «престолу нашему», заявил об обязательности «засвидетельствовать перед целым светом справедливую нашу им признательность и благоволение» [50].

Вполне очевидно, что итоги гюлистанских договоренностей никоим образом не могли удовлетворить Великобританию. Это привело к подписанию Лондоном в ноябре 1814 г. нового договора с Персией, предусматривавшего (в том числе) аннулирование шахом соглашений и союзов «со всеми враждебными Англии европейскими государствами»; недопустимость пропуска Тегераном, а также правителями Хорезма,

Бухары и Самарканда через свои территории войск европейских держав в Индию. Тегеран обязывался оказывать военную помощь англичанам в случае войны между Афганистаном и Индией; приглашать военных инструкторов для персидской армии только из Англии или из дружественных ей стран. При нападении на Персию какой-либо европейской державы (естественно, подразумевалась Россия) Лондон гарантировал помощь отправкой войск из Индии или выплатой ежегодной субсидии. Кроме того, Англия обязывалась добиться пересмотра установленной в Гюлистане русско-персидской границы и не занимать какие бы то ни было части его территории [3].

В соответствии с этим договором важнейшим завоеванием англичан стало превращение Лондона в единственную военно-морскую державу в Персидском заливе – благодаря переходу «в распоряжение шаха» британского флота, который базировался на острове Харк и должен был оказывать помощь Персии. Содействие Тегерану «на море» обуславливалось его важностью, определяемой британцами [51].

Идеологическое обоснование «прав» России на Польшу

В Европе англо-русское противостояние проявилось на открывшемся после поражения Наполеона Венском конгрессе европейских держав (осень 1814 г.), где был принят ряд значительных территориальных решений по континенту. В частности, Петербург претендовал на владение герцогством Варшавским, что вызвало мощнейшее противодействие Лондона, не желавшего дальнейшего усиления России. Проявилось это, прежде всего, в заключении Англией в январе 1815 г. союза с Австрией и Францией (во главе со вновь «воцарившимися» в Париже Бурбонами) против России и Пруссии.

Несмотря на все перипетии, Венский конгресс закрепил за Британией Мальту и Ионические острова, весной 1815 г. удовлетворив, пусть и не полностью, запрос Петербурга. Россия заполучила часть герцогства Варшавского под названием Царство Польское (Александр I стал обладателем польской короны). Здесь следует отметить, что после раздела Польши Петербург начал ограничивать влияние католического духовенства на греко-униатское направление. В 1805 г. был учрежден 2-й Департамент Римско-католической духовной коллегии, ведавший делами униатов по аналогии с тем, как ведал делами католиков 1-й Департамент, ранее представлявший единый орган власти для католиков и униатов. В 1806 г. указом Александра I была восстановлена так называемая Киевская униатская митрополия, однако территория, на которую распространялась юрисдикция возглавлявшего ее иерарха,

митрополита униатской Церкви в России, находившегося в Вильно, не уточнялась [52].

Помимо конфессиональных вопросов Александр I наверняка занимался подготовкой «идеологического обоснования» решения «польского» вопроса в интересах Петербурга. Ведь неслучайно в 1803 г. в империи была учреждена новая должность – историограф. В задачи назначенного на нее русского ученого Николая Карамзина входило сочинение «полной Истории Отечества», с разрешением «читать сохраняющиеся как в монастырях, так и в других библиотеках, от святейшего Синода зависящих, древние рукописи, до российских древностей касающиеся» [53].

Безусловно, Петербург был заинтересован в историческом обосновании своих внешнеполитических притязаний во всех направлениях. Поэтому идея книги неслучайно совпала во времени с продвижением геополитических интересов России на Кавказе. Но более важное значение для нее все-таки имел западный вектор.

Русский историк, профессор Иван Лаппо, организатор работы Русского исторического общества в Праге в первой половине XX в., отмечал оживление интереса в XVIII – начале XIX вв. к историческому прошлому, поскольку «стали понемногу вырисовываться и этнографические особенности малороссийской ветви русского народа», получившей возможность «войти в общую культурную жизнь, создававшуюся Российской Империей». Но, со слов профессора, в конце XVIII в. возникла идея Польши «от моря до моря», «никогда не существовавшей» в реалии. «Национальное государство русского народа, Россию, польская националистическая идеология Русью не признала», так как Россия, по ее определению, «не Русь», а Московия. Откуда следовало, что «Русь старой Речи Посполитой совсем не те русские – “россияне”», составляющие «основной народ России»: эти русские – «москали, прямые потомки финнов и татар, с рускославянской примесью». Поэтому «пусть гибнет Москва» и «живет Польская Речь Посполитая, как слитые в одно целое Польша, Литва и Русь!» Так историческая действительность Польши стала представляться «в идиллической картине полного слияния в польских культуре и национальности всех трех народов федеративной и разноплеменной Речи Посполитой» [54].

Как бы то ни было, под пером Н. Карамзина родилась знаменитая «История государства Российского», в которой, согласно ряду исследователей русской истории, впервые в научный оборот был введен термин «Киевская Русь». В этой связи основатель и директор российского Центра древней славянской письменности и культуры Валерий Чудинов «наиболее общим и частотным смыслом» термина

называет «пояснение определенного периода в развитии Руси». Вследствие чего «можно говорить о Руси Киевской, Владимирской, Московской и, с некоторой натяжкой, Петербургской (ибо в этот период Русь уже называется Россией)» [55]. То есть в книге обосновывается лидирующая роль разных частей государства в определенные исторические периоды, хотя в ней, конечно же, затрагиваются и иные аспекты.)

Российский журналист, филолог и педагог XIX в. Николай Греч отмечал, что Н. Карамзин, «по поднесении им государю» первых «осьми томов», был награжден чином статского советника, летние месяцы проводил в Царском Селе, где «по Высочайшему повелению отведена ему была квартира в дворцовом флигеле» [56].

Следовательно, сочинение удовлетворяло правителя России. Историк не только прославлял в нем самодержавие и сильного монарха как гаранта стабильности государства, но и с помощью *исторических* параллелей обосновывал *историческое* предназначение (призвание) России, предопределяя ее будущую геополитическую роль. Поэтому вряд ли можно назвать спонтанными начальные слова первой главы Н. Карамзина: «Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею» [57].

Неслучайно русский князь, поэт, литературный критик XIX в. Петр Вяземский писал о «возбуждении каждой страницей» карамзинского труда любви «к своему отечеству», развитии «национальной гордости, без которой нет общественного духа, а, следовательно, нет и общественной силы, свойственной только высшей степени гражданственности» [58].

Другой русский историк, писатель, публицист Михаил Погодин отмечал, что, в контексте «исторической критики», произведение «можно в некотором смысле назвать указательницею задач, которых разрешение необходимо для будущей истории», подчеркивая важность этого «скорейшего узнавания» «великого своего отечества» [59]. Поэтому не удивительна отмеченная известным российским журналистом XIX в. Николаем Полевым «холодность», с какою отозвались европейцы об ученом, «узнав его в переводах» [60].

Н. Карамзин не просто описывал историю России, но преподносил исторические факты в определенном духе. Вспоминая приведенную выше первую фразу его книги, можно отметить, что он неслучайно характеризует взаимоотношения средневековой Руси с монголами с евразийских позиций. Кроме того, территориально-историческое и конфессионально-демографическое «обоснование» Карамзиным названия «Киевская Русь» позволяло доказать и «законность» итогов

Венского конгресса по вопросу о Царстве Польском (а также предыдущих шагов по разделу Польши).

Но добиться решения другого вопроса на Венском конгрессе Петербург оказался не в силах. Речь идет о попытке давления на Османскую империю с европейского континента посредством православного фактора. Создав в 1814 г. в Одессе тайное греческое общество «Филики Этерия», провозгласившего целью организацию восстания в Греции, Петербург предложил участникам конгресса «взять на себя защиту» проживавших на территории Османской империи христиан. Но Англия и Австрия, понимая, что под предлогом защиты христианского населения Петербург в любой момент может «одной ногой» стать в центр Европы, сделали все, чтобы не допустить включение этого вопроса в повестку дня. В ответ на это Александр I «зарубил» проект Вены – принять «под охрану соединенной Европы неприкосновенность Турецкой империи». А сразу же после закрытия конгресса Александр I для укрепления своего авторитета инициировал создание «Священного союза европейских монархов», направленного на поддержание установленного в Вене международного порядка. Россия, Пруссия и Австрия обязались руководствоваться «заповедями святой веры», считая себя «членами единого народа христианского» [61]. Таким образом, внешнеполитические цели прикрывались конфессиональными соображениями.

«Греческий вопрос» в русско-османском пасьянсе и «внутренние» шаги Николая I

«Греко-православный» вопрос обрел новую силу в 1821 г., когда началась война за независимость Греции, возглавляемая «Филики Этерией». Весьма примечательно, что участники этой организации, возглавляемые генералом русской армии, князем Александром Ипсиланти (сын бывшего валашского господаря), перейдя на Балканы через Прут, призвали к вооруженному выступлению против османского владычества население Дунайских княжеств.

Хотя Россия изначально демонстрировала свое неучастие в происходящем²⁰, Фридрих Энгельс считал, что «достигнутую в Европе гегемонию» русская дипломатия пыталась «использовать с целью дальнейшего продвижения к Царьграду». Для достижения этого она «могла пустить в ход три рычага: румын, сербов, греков», причем последние являлись «наиболее подходящим элементом». Однако создаваемые греческим восстанием «благоприятные возможности» для

²⁰ Лондон признал восставших греков воюющей стороной. – прим. авт.

России могли быть реализованы при предотвращении «вмешательства со стороны Запада». А для этого требовалось, чтобы «Запад был занят своими внутренними делами». Поэтому Петербург призывал европейских монархов «к самым энергичным действиям против их мятежных подданных» (во время революционного брожения), а сам («для видимости») осудил движение греков, хотя именно он и «разжигал это восстание».

Но политика русского царя, который под «предлогом освобождения греческих христиан от мусульманского гнета» стремился сам «занять место мусульман», не достигла «желаемых успехов». Ибо не желающие укрепления России западные монархи поддерживали Османскую империю, не предоставляя «высокого согласия Европы» на «занятие [Петербургом] Дунайских княжеств» [62].

Поэтому в 1821 г. Запад предоставил Османской империи добро на жесткие антироссийские шаги. Так, русско-турецкий торговый договор 1783 г. гарантировал судам России свободное плавание через Босфор и Дарданеллы. Однако с началом греческого восстания все входившие в Босфор торговые суда подвергались обыскам, товары конфисковывались. Султан наложил эмбарго на провоз хлебных грузов, что наносило большой ущерб российскому купечеству. Поскольку для хлебного экспорта фрахтовались в основном греческие суда, подвергавшиеся особым преследованиям в тот период, проблема хлебных перевозок из России встала со всей остротой. Дело доходило до прямого насилия, когда груз конфисковывался в Константинополе и продавался там по твердо установленной цене [63].

Из-за такого развития событий новый император России Николай I вынужден был заняться укреплением позиций на черноморском побережье и обеспечением наиболее благоприятного режима Босфора и Дарданелл. Но перед этим он решил укрепиться «внутренне», в 1826 г., после подавления движения декабристов, издав указ о создании III Отделения императорской канцелярии, основной задачей которого стал политический сыск и надзор. В подчинении этого ведомства находился корпус жандармов, Россия была поделена на пять жандармских округов. Тем самым, на фоне роста оппозиционных настроений в стране императорская власть пыталась укрепиться (в том числе) за счет полицейской машины.

Восточные нюансы

А уже затем, как отмечал русский генерал, военный историк начала XX в. Михаил Шишkevич, Николай I «обратил особое внимание на персидские дела». Он считал необходимым поддерживать с Персией мир

до тех пор, пока он сам «явно не нарушит Гюлистанский договор», и «даже соглашался на уступки южной части Тальшинского ханства».

Но мир был нарушен 19 июля 1826 г., когда «боевые действия начались на границе Карабаха без объявления войны. Малочисленные и разбросанные русские посты, застигнутые врасплох, были вынуждены отступить». 25 июля «60-тысячная армия Аббаса-Мирзы обложила Шушу». При этом персидский командующий «торопился в Тифлис, и Шуша ему была не нужна, но он боялся оставить ее у себя в тылу, и потому», окружив крепость «со всех сторон», вступил в переговоры с командиром русского отряда, полковником Реутом, «о добровольной сдаче с правом вывода гарнизона с оружием в руках». Предложение было отвергнуто, и гарнизон Шуши продержался до 5 сентября, «приковав к себе почти всю армию Аббаса-Мирзы в течение 40 дней», что предоставило возможность «сосредоточить разбросанные русские войска».

Вторжение персидской армии в Карабах «отразилось на всех соседних с ним» ханствах: «восстали елисаветпольские татары, и бывшая столица ганжинского ханства Елисаветполь была занята без всякого сопротивления»; «вернулись в свои бывшие столицы изгнанные ханы в сопровождении персидских отрядов» и, согласно М. Шишкевичу, «с мешками английского золота». К сентябрю «почти все провинции восточной части Закавказья подпали под власть Персии», не восстал лишь Дагестан [64].

Что касается именованя азербайджанцев «татарами», сошлемся на слова известного русского публициста конца XIX – начала XX в., редактора газеты «Кавказ» (орган Кавказской администрации) Василия Величко. «Адербейджанцев называют татарами, – писал он, – но это совершенно неточно, если относить притом татар к монгольскому племени». Если «в жилах адербейджанцев и есть татарская кровь, то лишь как результат монгольского нашествия времен Батюя, Мангу и (в Закавказье) Хулагу-хана; такого же рода результаты остались и после арабов: доселе в восточном Закавказье попадаютя люди арабистанскаго типа и даже напоминающие мулатов, с очень темною кожей и курчавою шерстью на голове». По основному же происхождению «адербейджанцы – тюрки, туранцы, кровные родственники древних огузов, сельджуков, современных турок и курдов» [65].

Российский этнограф XIX века Евгений Вейденбаум также отмечал, что «солдаты наши соединяют под именем татар всех кавказских мусульман, несмотря на различие рас и языков. Неправильное название это господствовало долгое время и в официальной переписке» [66/а].

Возвращаясь к рассматриваемой теме, отметим, что восстания некоторых азербайджанских ханств против России ни к чему не привели.

Победы русских войск в сентябре 1826 г. в Шамхоре (Шамкир) и под Гянджой предрешили исход русско-персидской войны в пользу Петербурга. Такой итог уже не вызывал сомнений и у персов. По свидетельству находившегося в Тегеране поручика российского генерального штаба Носкова, информация о поражении персиан произвела «перемену в народном духе», что «разительно было заметно из обращения со мной некоторых особ, с которыми имел я сношения». Многие «из почетных придворных посещали меня, оказывая различные услуги, чего прежде не было» [67].

Подписанная в том же сентябре османо-русская Аккерманская конвенция подтвердила признание Стамбулом границы по Дунаю, переход к России Сухума, Редут-кале и Анакрии (Анаклии) – последние два пункта располагались около Поти. Важность для России РедутКале заключалась в том, что эта местность служила перевалочным пунктом для товаров, идущих из Средиземного, Черного и Азовского морей на Южный Кавказ. Именно здесь европейские корабли выгружали свои грузы, переправлявшиеся в Тифлис по суше. Османская империя обязалась предоставить русским подданным право беспрепятственной торговли на всей ее территории, а российским торговым судам – право свободного плавания в Проливах и по Дунаю. Гарантировалась автономия Дунайских княжеств и Сербии, господа Молдовы и Валахии должны были назначаться из местных бояр и не могли быть отстранены без согласия России.

В документе, однако, не получил отражения «греческий вопрос», хотя, согласно подписанному в апреле 1826 г. англо-русскому протоколу, перед Стамбулом ставилось условие создания самостоятельного государства Греции (при сохранении вассальной зависимости от Порты в форме уплаты ежегодной дани), с правом греков приобретать османские имения в Греции. В случае отклонения османами предложения о британском посредничестве предусматривалось «общее или единичное» воздействие на них и греков для достижения примирения [68].

Лондонская конвенция между Россией, Великобританией и Францией, подписанная в июле 1827 г. после избрания в апреле 1827 г. народным собранием в Трезене президентом Греции Иоанна (Ивана) Каподистрии²¹, также предусматривала воздействие на Османскую империю в целях ее согласия на автономию Греции.

Штурм Эривани и туркменчайские договоренности

²¹ Бывшего министром иностранных дел России при Александре I. – прим. авт.

В начале августа 1827 г. Аббас-Мирза вторгся в Эриванское ханство. В результате Ошаканской битвы русский отряд под командованием генерала Афанасия Красовского прорвал окружение и быстрыми темпами направился на помощь осажденному персидскими войсками Эчмиадзину. А уже в конце сентября русские осадили Эривань. Как писал один из участников военных действий с российской стороны (письмо было опубликовано в «Московском Телеграфе» № 19 от 1828 г.), 28 сентября 1827 г. «32 орудия гремели во весь день без умолка». Ранее «непобедимые стены Эривани» под аккомпанемент «разрывающихся в них бомб и гранат» обрушивались «в крепостной ров». «Осадная артиллерия» с участием «до сорока наших разнородных орудий» грохотала и в последующие дни. Повсюду раздавались «визг пуль, ядер, дикий крик гарнизона и вопли несчастных жителей». 1-го октября защитники крепости, «махая белыми платками», объявили о сдаче крепости. Русские военнослужащие повсюду находили разбросанное оружие, включая английские ружья.

Весьма примечательны сведения одного из участников тех событий, который обстоятельно описал обстановку во время и после штурма: «Татары, хозяева домов; жены их, с детьми всех возрастов, закутанные с головы до ног разноцветными покрывалами, стояли на плоских крышах домов своих, пристроенных к стене улицы и в страхе, забыв о грехе показывать лицо мужчине постороннему, воздевали руки к небу, низко кланяясь проходящим и проезжающим». Из его слов следует, что основными жителями Эривани являлись азербайджанцы. Более того, автор письма, уже поселившись в Эривани, указывая на наличие «в одной стене на улице у домика моего» окна, отмечал: «Когда опустишь раму, то свету в комнате, как в чулане. Она не опустится у меня до первого мороза, а там, вопреки музульманам, в стене на улице – велю прорубить большое Русское окно». То есть факт проживания в Эривани в основном азербайджанского населения подтверждается и упоминанием в цитируемом письме чисто религиозных нюансов [69].

К середине октября русские войска продвинулись вглубь персидской территории, достигнув Тебриза (Гавриза), что приблизило подписание Туркменчайского мирного договора между Петербургом и Тегераном (10 февраля 1828 г.). «Шах персидский от своего имени и от имени своих наследников и преемников» уступил России «в совершенную собственность ханство Эриванское по сию и по ту сторону Аракса и ханство Нахичеванское». Ст. VIII подтверждала право российских и персидских купеческих судов «плавать свободно по Каспийскому морю и вдоль берегов оного». С учетом исторически имевшего место плавание военных судов «под российским военным флагом» на Каспийском море подтверждалось «сие исключительное право с тем, что кроме России

никакая другая держава не может иметь на Каспийском море судов военных». Ст. XIV констатировала, что «обоюдные подданные, кои перешли или впредь перейдут из одного государства в другое, могут селиться и жить всюду, где дозволит то правительство, под коим они будут находиться». «Всем жителям и чиновникам» исторического Азербайджана, оставшегося в пределах Персии, предоставлялся «годовой срок» (со дня подписания трактата), «для свободного перехода со своими семействами из персидских областей в российские», без «всякого со стороны правительства и местных начальств препятствия» [70].

Данный нюанс имел важнейшее значение для Российской империи, ставившей целью продолжить создание христианского «пояса безопасности» на южно-кавказской территории, поскольку это позволяло начать очередной раунд переселения персидских армян в Россию. Неслучайно В. Григорьев, проводивший в 1828 г. статистико-экономическое описание Нахичеванской провинции, к числу «многих важных выгод, доставленных России славным Туркменчайским договором», «без сомнения» относил «переселение в наши пределы большей части живущих в Персии армян» [36/6].

В то же время, между русскими и персами был подписан и торговый договор, что вызвало недовольство Англии.

Снова война с османами

Октябрьское (1827 г.) Наваринское морское сражение между соединенной эскадрой России, Англии и Франции, с одной стороны, и османо-египетским флотом, с другой, привело к сокрушительному поражению последнего. Ослабление османских морских сил было на руку укреплявшейся России, поэтому аннулирование Аккерманской конвенции, объявленное в декабре 1827 г. султаном Махмудом II, не особо встревожило Петербург. А победоносное завершение войны с персами позволило России в апреле 1828 г. уверенно объявить войну Османской империи.

Как отмечает подполковник российского Генштаба, крупный русский военный историк начала XX в. Павел Андрианов, при каждом новом столкновении с османами русская армия все глубже «проникала в империю падишаха, стремясь достигнуть заветного Царьграда, как конечного объекта своих действий».

Россия к тому времени уже обрела «полное господство» на Черном море. Но в целях недопущения «политических осложнений в Европе» Петербург старался по возможности не занимать территории Придунайских княжеств, а также Сербии и Болгарии, так как появление

в этих землях русской армии послужило бы сигналом к восстанию против османов, что угрожало бы целостности Империи, «ревниво оберегаемой европейскими державами, главным образом, Австрией и Англией». Поэтому, «базируясь на Бессарабию», 2-я армия «должна была переправиться через Дунай и, форсируя Малые Балканы, направиться к Варне» [71].

Однако военные действия на Балканах приняли затяжной характер. А вот на Южном Кавказе летом 1828 г. русскими войсками были взяты Карс, крепость Ахалкалаки, Ахалцихе, Ардаган, Поты и Баязет. Спустя год российские части оказались в Адрианополе и Эрзуруме, и в сентябре 1829 г. был подписан Адрианопольский мирный договор, по которому Россия возвращала Османской империи Молдавию в границах, существовавших «до начатия войны», Валахию; все занятые во время войны балканские территории, за исключением устья Дуная с островами; а также «Карса, Баязида, Арзерума».

Отдельным актом обеспечивалась автономия Дунайских княжеств, вплоть до возможности возведения в «звание» государя «на всю жизнь». Зафиксированная договором обязательность приведения «в действие постановлений Отдельного акта о Сербии» Аккерманской конвенции означала признание султаном автономии Сербии. Согласие Стамбула с условиями Лондонского договора 1827 г. свидетельствовало о поддержке османским правительством автономии Греции. В свою очередь, «в вечном владении» России оказывался «весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая», т. е. крепости Анапа, Суджук-кале и Поты, а также города Ахалцихе и Ахалкалаки. Стамбул признавал Босфор и Дарданеллы открытыми «для российских судов под купеческим флагом, с грузом или с балластом, имеющих приходить из Черного моря в Средиземное» и наоборот.

Что касается миграционных вопросов, то стороны, подписавшие документ в Адрианополе, в унисон туркменчайским статьям предоставили жителям обеих стран право в 18-месячный срок (со дня подписания документа) «перейти со своими капиталами и движимым имуществом во владения той или другой из договаривающихся держав» [72]. Политика расширения христианского «пояса безопасности» вокруг Кавказа продолжилась.

Армянский фактор в военных кампаниях

До рассмотрения отдельных деталей переселения армян из Персии в Россию отметим наличие в российских политических кругах параллельного предложения о создании на Кавказе, на границе с Персией и Османской империей, «защитного пояса, составленного из поселений

военнообязанных христиан». Для его реализации не исключалась возможность переселить в регион «80 тысяч семей малороссийских казаков» из «Полтавской, в основном, губернии» [73].

Однако в плане укрепления христианского фактора на Кавказе на первое место все же вышла армянская составляющая, что было вполне ожидаемо. В период кавказских войн первой трети XIX в. Петербург, во-первых, использовал армян Персии в качестве «пятой колонны»; во-вторых, «наглядно-идеологически» доказывал им перспективы в случае переселения в Россию, в том числе на примерах успешности российских армян, в частности на службе в русской армии, где они занимали высокие должности. Выдвижение армян по этой линии, в общем-то, уже не особо удивляло.

Первый поток армянских переселенцев, как отмечалось выше, довольно прилично обосновался в России. Многие из переехавших не просто поступили на государственную службу, но и стали обладателями значительных государственных постов, включая армию. Так, известным деятелем был Лазарь Серебряков (Казар Арцатагорцян), в кампании 1828–1829 гг. принимавший участие в блокаде Варны и др. боях. В южно-кавказских военных кампаниях должности военачальников занимали Валериан Мадатов и Василий Бебутов.

Лазарь, сын одного из основателей Института восточных языков (открывшего двери для значительного числа абитуриентов из армянской среды), богатейшего промышленника и землевладельца Екима Лазарева, также пошел по военной стезе. Как отмечает известный русский писатель того времени Сергей Глинка, в 1827 г. Лазарь по просьбе главнокомандующего на Кавказе Ивана Паскевича «был назначен к нему по особым поручениям». И. Паскевич был заинтересован в нем, поскольку «одно [только] имя Лазарева служило армянам поручительством в искреннем к ним расположении сынов России». В основном полковник Лазарев занимался установлением связей между отдельными частями российской армии, отыскивая надежных проводников, затем был назначен комендантом главной квартиры в Дейкаргане и в Туркменчае, где проходили русско-персидские переговоры [74].

Что касается проводников российских сил на театре военных действий, Л. Лазарев, по всей видимости, справился с возложенным на него заданием. По словам С. Глинки, «армяне, воодушевленные вызовом полковника Лазарева, на крыльях усердия и любви летели к полкам русским», оказывая «важнейшие услуги». «Многие из армян» простерли «братские объятия к русским воинам», служа «им проводниками», извещая «о каждом движении неприятеля» и действуя «на поле битвы» [75].

Так, согласно анонимной реляции об Ошаканской битве, подготовленной, по убеждению ряда исследователей, генералом А. Красовским, информацию до русских войск о переходе в августе 1827 г. Аббаса-Мирзы к реке Карасу (между Эчмиадзином и Сардарабатом) довел «родственник архиепископа Нерсеса, аштаракской армянин Бедрос Маркаров». Об этом «известие объявил ему приверженный к нам эриванский армянский старшина Мелик Исааков», вслед за чем командующий «немедленно соединил весь» его отряд [76]. В. Потто писал, что «армяне служили проводниками для русских войск, предупреждали измену и возмущения, доставляли сведения о неприятеле, давали провиант» [15/a].

Такого рода факты явились основной причиной включения российской стороной в Туркменчайский договор статьи, согласно которой жители Персии не могли подвергаться преследованию как за «поступки свои или поведение в течение войны», так и «в продолжение временного занятия помянутой области российскими войсками» [70]. Аналогичный пункт значился и в адрианопольских соглашениях: Российская и Османская империи обязывались даровать «совершенную амнистию» подданным, «в продолжение войны» принимавшим «участие в действиях» и обнаруживавшим «приверженность к которойлибо из двух договаривающихся держав» [72].

Переселение армян на азербайджанские территории

Российский министр-резидент (посол) в Персии, известный русский писатель XIX в. Александр Грибоедов отмечает, что организация заселения персидскими армянами кавказских мест была возложена на Л. Лазарева и Моисея Аргутинского-Долгорукого (внук Иосифа (Овсеп) Аргутинского-Долгорукого, католикоса всех армян). Она осуществлялась на фоне преобразования в марте 1828 г. Эриванского и Нахичеванского ханств в Армянскую область.

Светлана Лурье, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург), руководитель межкафедрального исследовательского центра по этнопсихологии при Ереванском государственном университете, считает, что армяне, предоставляя свои отряды «на помощь русской армии», «рассчитывали на признание своих заслуг в виде дарования Армении статуса автономии» [77]. По словам же В. Потто, новое наименование присоединенных к России провинций – «Армянская область» – «воочию свидетельствовало армянам» о наступлении в их жизни новой эры, и «мусульманское иго» не есть «вечный удел» [15/б]. В «предписаниях, данных по этому случаю от г. Главноуправляющего в Грузии Армянскому областному правлению и

тому штаб-офицеру, которому поручено было самое переселение, изложены со всевозможною подробностью правила, которыми предписывалось руководствоваться в столь важном деле» [36/б].

В письме министру иностранных дел Карлу Нессельроде А. Грибоедов приводил данные армянского архиепископа Нерсеса (впоследствии католикос всех армян Нерсес V Аштаракец) «насчет переселения 8000 семейств армян, которые пришли из-за р. Аракс, чтобы поселиться в наших провинциях» [78]. Е. Вейденбаум конкретизировал, что «перешло в наши пределы из Азербейджана и водворилось» в Армянской области «около 40000 армян» [66/б]. В. Григорьев отмечал, что «народонаселения по городу Нахичевану и округу оного считается теперь до 5500 домов; полагая же на дом по 5 душ, получим итого 27.500 душ». «По происхождению» В. Григорьев подразделял жителей Нахичеванского округа «на два разряда: 1. Мусульман и 2. Армян», конкретизируя: «первых 2791 двор, армян старожилых 434, переселенных из Персии, 2285» [36/в].

Говоря о принятых «къ переселенію армянъ изъ Персии и водворенію въ нашихъ областяхъ», А. Грибоедов фиксировал их поселение «большею частью» на «земляхъ помещичьихъ мусульманскихъ» [79]. «В Нахичеванской области нашел я еще более беспорядка и притеснений от переселения армян, нежели в Эривани», – отмечал он в письме на имя главноначальствующего на Кавказе Ивана Паскевича [80].

В. Григорьев сообщал, что «многие партии» армянских переселенцев «сами собой селились в тех лучших деревнях», где «замечали хотя несколько пустых домов или избыток в пахотной земле и потом уже прибегали к началству с просьбами об утверждении их в избранном месте». От этого «много потерпели коренные жители: стесненные в своем хозяйственном быту новыми пришельцами», на которых «местное начальство обращало больше внимания», азербайджанцы «должны были уступить им значительную часть земли своей и других угодий». Таким образом «происходило первоначальное водворение в Нахичеванской провинции 2.551 семейства пришедших из Персии армян» [36/г].

Советский исследователь И. Газарян, касаясь вопроса о стремлении армян обосноваться «на наиболее плодородных, орошаемых» землях, где были «готовые жилища» отмечал, что кратковременное отсутствие азербайджанцев в этих домах являлось вынужденным изза желания спастись с семьей «в горах от бедствий военного времени». Возвратившись же после наступления мира, они находили «свой жилища занятыми» [81]. Поэтому, по словам А. Грибоедова, «брожение и неудовольствие в умах татарских» доходило «до высочайшей степени». Очень легко может случиться, говорил он, что азербайджанцы в отчаянии бросят свое хозяйство и имущество, и тогда напрасно мы это будем

приписывать персидским внушениям. А. Грибоедов обращал внимание, как «кн. Аргутинский всеми силами противился новому переселению некоторых семейств из Нахичеванской области в Даралагез», слишком горячо вступаясь «за интересы вверенных ему выходцев». «Это ему честь делает, – подчеркивал А. Грибоедов, – но дело главного начальства знать, какие, в частности, допускать уступки для достижения общей пользы» [80].

Позиция А. Аргутинского-Долгорукого однозначно свидетельствует, что такой процесс заселения был для армянской стороны четко продуманным шагом. В. Григорьев характеризовал переселенцев так, что «армяне, уже несколько столетий не составляя самобытной нации и будучи поработаны под деспотическим правлением персиян», приняли «все порочные качества своих повелителей». Мало того, «прибавили к ним еще другие, в которых, однако, они извиняют себя, называя их необходимым последствием уничтоженного состояния». «По нынешнему понятию» армян «хитрость, обман и благоразумие суть синонимы: они называют того человека глупым, который не умеет хитрить и обманывать; все поступки их и побуждения на этом основаны» [36/д].

Сам А. Грибоедов «не мало разсуждал» с О. Аргутинским-Долгоруком о «внушениях ... мусульманам, чтобы помирить их с нынешним их отягощением (которое не будет долговременно), искоренив из них опасение на счет того, что армяне завладеют навсегда землями, куда их на первый раз пустили» [79].

В сентябрьской записке А. Грибоедова и гражданского губернатора в Грузии Петра Завелейского (на имя И. Паскевича) о проекте «Российской закавказской компании», которым предусматривалось создание «в изобильных провинциях, по сю сторону Кавказа лежащих», виноделия, шелководства, хлопчатой бумаги, красильных, аптекарских «и других произведений», значился специальный пункт о материальной поддержке армянских переселенцев. Говоря о приобретении этой компанией определенного количества «пустопорожних земель», авторы проекта почли долгом «коснуться состояния армян», перешедших «в российские пределы из-за Аракса». Сообщив о готовности принять «в свое ведение то число семейств», которое «собственными средствами содержать себя не может», А. Грибоедов и П. Завелейский настаивали на выдаче, сразу же «по утверждению устава», достаточной суммы «заимообразно на счет компании, для обеспечения существования означенных армян» и дозволения их немедленного принятия «в ведение компании» [82].

Озвученные в проекте идеи ни в коей мере не соответствовали ранее приведенному высказыванию А. Грибоедова о необходимости развеять опасения мусульман насчет того, что «армяне завладеют навсегда» их землями. Поэтому В. Григорьев подчеркивал, что «излишне говорить» о

выгодах, полученных армянами от смены места жительства. Но при этом он отмечал, что хотя «русские извлекли» армян «из ничтожества», предоставив «им гражданское бытие», «кажется, они не умеют ценить всей великости этих благодеяний». «На словах беспрестанно твердя о вечной благодарности, которую обязаны они питать к русским», вдруг «переменяют душевное расположение и образ мыслей, если дело коснется до пожертвований. Это заметно было при сборе милиции во время Турецкой кампании» [36/е].

В то же время, весьма примечательны сведения А. Грибоедова о попытках армян России приобрести особые полномочия на Южном Кавказе, предпринятых во время переселения. С его слов, полковник Лазарев «помышлял только о сочинении прокламаций» о «формировании регулярного Армянского ополчения, полагая даже включить в круг своих замыслов» также «самый Карабах и прочия области» [79].

Комментарии к последнему эпизоду будут излишни, но все-таки стоит привести факт из недавней истории. Выдающийся советский и азербайджанский востоковед Зия Буниатов отмечал, что «в 1978 г. в селе Марага или Марагашен (совр. Ленинаван) Мардакертского района НКАО²² был установлен обелиск в честь 150-летия переселения первых 200 армянских семей из города Мараги (Южный Азербайджан) на земли Карабах» [83]. Село получило свое название в честь родины переселенцев – города Марага в Персии. Так вот, в наши дни слово «Марага» и число «150» на памятнике отсутствуют, хотя его фотографии в первоначальном виде сохранены [84]. Но это так, к слову.

Как бы то ни было, благодаря армянам-мигрантам кавказский «христианский пояс» к концу первой трети XIX в. действительно возник. Тем более что в дополнение к почти 40 тыс. персидских переселенцев после заключения Адрианопольского договора, согласно армянскому исследователю Н. Сарухяну, из Османской империи на азербайджанскую территорию перебрались 14047 семей, «что по приблизительным подсчетам составляло около 100 тысяч человек» [85].

По словам русского публициста начала XX в. Михаила Меньшикова, «у турецких, и у персидских армян разгорелись глаза на казенные русские земли». К 1830 г. переселенцам были предоставлены «лучшие земли в Елисаветпольской и Эриванской губерниях, а также в трех уездах Тифлисской губернии». В целях «водворения армян было отведено 200 000 десятин казенных земель и куплено более чем на 2 000 000 рублей земли у мусульман» [86]. Поэтому глава Тифлисского патриотического общества того же периода Николай Шавров отмечал, что Петербург начал «колонизаторскую деятельность» не с размещения «в Закавказье

²² Нагорно-Карабахская автономная область Азербайджанской ССР. – прим. авт.

русских людей, а с водворения инородцев». С переездом в регион в 1819 г. «500 семей вюртембергских немцев из числа элементов, забракованных на родине» были образованы «колонии в Тифлиской и Елизаветпольской губерниях». Вслед за чем наступил период иммиграции армян [87].

А уже после подошел черед русской колонизации Южного Кавказа. Что касается малороссийских казаков, то И. Паскевич организовал отправку «в предполагаемую» для этого зону – пространство «между Цалкою, Ахалкалаком и Манглисом, а также озером Гокчая и на возвышенной плоскости между Карабаба и Гюрсами» – двух экспедиций «топографов и землемеров». По результатам исследования в представленном Николаю I докладе он, отметив необходимость выделения для переселенцев «25 десятин земли на каждую душу», заявил об отсутствии таковой территории на всем «пространстве границы нашей с Персией». В связи с чем И. Паскевич предложил сформировать грузинские линейные батальоны, должны стать «основой военных поселений» на южных «границах наших» [73].

А в октябре 1830 г. Государственный совет России утвердил первый законодательный акт о заселении Южного Кавказа русскими переселенцами. Их решено было привлекать как путем создания военных поселений, когда несшие службу солдаты имели свое крестьянское хозяйство и семью, так и расселения гражданского населения из числа сектантов, в основном молокан и духоборцев [88]. Регион, рассматриваемый центром как «колония, населенная нецивилизованными азиатами», постановлением Госсовета от 1833 г. должен был «составить с Россией единое тело (притом местное население привести к тому, чтобы оно по-русски говорило, по-русски думало и чувствовало)» [89]. Так в Азербайджане появились переселенцы из Тамбовской, Саратовской, Воронежской и других губерний [90].

Но данные о переселении русских значительно уступали аналогичным данным об армянах. По словам преподавателя Ереванского государственного университета Левона Казаряна, «без преувеличения можно сказать, что имела место армянская колонизация. Не столько русские колонизировали» Южный Кавказ, «сколько армяне – русское Закавказье». Вообще, за 150 лет здесь, «практически на пустом месте, более, чем в 100 раз возросла численность армянского населения, ставшего преобладающим» [91]. При этом, как было сказано в представленном в начале 1831 г. проекте сенатора Евграфа Мечникова, осуществлявшего ревизию Закавказского края, «армянские попы» думают «о восстановлении армянского царства, в котором бы патриарх был властителем, как папа в своих духовных владениях» [89].

Важный геополитический плацдарм для России

Профессор Дипломатической академии МИД РФ Игорь Панарин отмечает, что к 1830 г. между Российской и Османской империями «не осталось ни буферной зоны в виде Закавказья, ни естественных преград в виде Кавказского хребта». Приобретя «новую линию южной границы», Петербург заполучил «ключевой геостратегический плацдарм для создания непосредственной угрозы подступам к Персидскому заливу» [93].

Размещение же на южных рубежах России армянского населения, преследуя цель укрепления христианского буфера на границе с мусульманскими странами, способствовало решению и других задач, включая разведывательные мероприятия, подобные особой миссии, с которой еще в 1774 г. по линии астраханской губернской канцелярии был направлен к Нурали-хану²³ переехавший из Персии офицерармянин Мирза бек Ваганов (получил в России звание майора). В числе данных ему оперативных поручений было получение информации, в каком «состоянии находится» хан, «у кого в руках наши пленные» и т. д. [94].

Кроме того, поскольку перебравшиеся на Кавказ армяне имели немалое число родственников в Персии и армянонаселенных вилайетах Османской империи, заинтересованные российские структуры могли получать информацию о событиях в этих странах изнутри. А будучи уже российскими подданными, армянские переселенцы вполне могли привлекаться Петербургом для пропаганды среди армян, скажем, Османской империи в нужном центре политическом формате. Это давало России возможность дестабилизировать ситуацию в соседней стране, в том числе посредством султаноподданных армян, что могло иметь место в преддверии или во время русскоосманских войн.

Такой сценарий предусматривал агитацию в среде османских армян (в нужное для Петербурга время), с призывом составлять обращения к России о помощи как к «стране-покровителю христианских народов», что могло стать поводом к официальному вмешательству Петербурга во внутренние дела Османского государства вплоть до озвучивания (и последующей реализации) идеи по присоединению к России «Турецкой Армении» под предлогом защиты проживавшего там христианского населения.

Но все это оставалось бы лишь идеей, если бы центральные власти не приравнивали армян по статусу к русским (как к гражданам России). По замечанию Павла Пагануцци, профессора кафедры русского и сербского языка Вермонтского университета (Канада) XX в., одновременно

²³ Правителю Младшего казахского жуза (Меньшой киргис-кайсацкой орды). – прим. авт.

читавшего лекции по русской истории, литературе и культуре, «армянам жилось привольно» в России. Они могли «свободно продвигаться по государственно-служебной лестнице, как и все остальные русские» [95]. Неслучайно известный армянский писатель XIX в. Хачатур Абовян писал, что пока у армян есть «дыхание в устах», увидя лицо русского, «денно и ночью» они должны «всякий раз перекреститься и прославить бога» за приведение «нас под могущественную державную руку русского царя» [96]. А чуть позже писатель-публицист Мигран Свазлян, один из основателей первых армянских лоббистских организаций в Великобритании и США, призвал армян запомнить, что «если бы России не существовало, следовало бы ее создать, ибо этого требуют высшие интересы армян». По «своей сути» Россия «также необходима нам, как вода, которую мы пьем, и воздух, которым мы дышим» [97]. Как следствие, армянское население практически на всем Востоке стало проводником российской политики в регионе.

Что касается азербайджанцев, то бывшие азербайджанские ханства были разделены на провинции, возглавляемые комендантами. Власть комендантов, «назначавшихся из русских офицеров, была почти столь же безгранична, как и власть прежних ханов». Они председательствовали в местном суде, наделенном правом выносить любые приговоры, кроме смертных; утверждали всех чиновников из местных феодалов и даже главу мусульманского духовенства, в связи с чем «судьба сотен тысяч азербайджанцев зависела от произвола царской военщины» [98]. Карабахская провинция, вместе с Ширванской, Шекинской и Талышской, входила в состав Мусульманского округа, с 1824 г. возглавляемого военно-окружным начальником (резиденция располагалась в Шуше).

По определению известного американского исследователя азербайджанской истории Тадеуша Свентоховского, первые десятилетия XIX в. оказались новым поворотным пунктом в истории Азербайджана, поскольку «власть здесь перешла к европейской державе». Со времени разделения исторической азербайджанской территории по р. Аракс между Персией и Россией Петербург «разными способами и в разной степени» начал оказывать воздействие «на ближневосточное, исламское и тюркоязычное традиционное общество Азербайджана» [99].

1. Тарле Е. Наполеон
<http://www.lib.ru/TARLE/napoleon/part03.html>
2. Арсеньев А. В. Атаман Платов – завоеватель Индии
<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1800-1820/Arsenjev/text.htm>

3. Англо-иранские договоры и соглашения
http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/96/%D0%90%D0%9D%D0%93%D0%9B%D0%9E
4. Манифест от 18 января 1801 г. «О присоединении Грузинского Царства к России. С приложением формы Императорского титула»
<http://baz zakonov.ru/doc/?ID=2118117>
5. Маркс К. Англо-персидская война
<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/12/010.htm>
6. С острова Харк экспортируется более 90% иранской нефти
http://www.oilcapital.ru/news/2011/08/261633_171017.shtml
7. Высочайший манифест 12-го сентября 1801 года
<http://www.hrono.ru/dokum/gruz1801.html>
8. Рескрипт от 12 сентября 1801 г. главнокомандующему в Грузии
<http://www.hrono.ru/dokum/gruz1801.html>
9. а/ Прощение знатного молдавского боярства и духовенства Императору Александру I об оказании помощи; Нота российского посланника в Константинополе В. С. Томары турецкому правительству об управлении Молдавией и Валахией
б/ Нота российского посланника в Константинополе В. С. Томары османскому правительству
в/ Нота османского правительства В. Томаре от 24 сентября 1802 г. Документы приведены в: Стрижов И. М., Терехова Н. М. Россия и ее колонии. Как Грузия, Украина, Молдавия, Прибалтика и Средняя Азия вошли в состав России
http://www.plam.ru/hist/_rossija_i_ee_kolonii_kak_gruzija_ukraina_moldavija_pribaltika_i_srednjaja_azija_voshli_v_sostav_rossii/p3.php
10. Священный рескрипт
<http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1800-1820/Turk12/text3.htm>
11. См. подр.: Михаил Губоглу. Два указа (1801 г.) и «Священный рескрипт» (1802 г.), связанные с турецко-русско-румынскими отношениями
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1800-1820/Selim III/Dva_Ukaza_i_Sv_reskript/pred.htm
12. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе
а/ Том IV
<http://www.runivers.ru/lib/book3084/9703/>
б/ Том I
<http://www.runivers.ru/bookreader/book18681/#page/273/mode/1up>
13. Цит. по: Гумбатова Т. Путешествие в Гянджу и ее окрестности
<http://www.proza.ru/2012/08/21/1585>

14. Тучков С. А. Записки. 1766–1808
 а/ <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1780-1800/Tuckov/frametext2.htm>
 б/ <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1780-1800/Tuckov/frametext3.htm>
15. Потто В. Кавказская война
 а/ Том 3. Персидская война 1826–1828 гг.
<http://www.libros.am/book/read/id/166909/slug/kavkazskayavojjna.-tom-3.-persidskayavojjna-1826-1828-gg>
 б/ Том 4. Турецкая война 1828–1829 гг.
<http://www.libros.am/book/read/id/166910/slug/kavkazskayavojjna.-tom-4.-tureckaya-vojjna-1828-1829gg>
16. Указ Именной, данный Главноуправляющему Грузией, Князю Цицианову 30 июня 1805 г. «О правилах для Магометанского Духовенства Елисаветпольской округи»
<http://constitutions.ru/archives/329>
17. Иоаннисян А. Р. Борьба Англии и Франции против присоединения Армении к России
[http://bass.asj-oa.am/840/1/1953-3\(49\).pdf](http://bass.asj-oa.am/840/1/1953-3(49).pdf).
18. Теймур бек Байрамалибеков. История Тальшского ханства
<http://www.talish.org/kitobon/teymur-istoriyatalish-xanata.pdf>
19. Аббас-кули ага Бакиханов. Гюлистан-и ирам
<http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Bakihanov/frametext5.htm>
20. Кюрекчайский договор
http://www.azerbaijan.az/_Karabakh/_Documents/Documents/document_01_r.html
21. Савинков Б. Генерал от инфантерии князь Цицианов. Статья в Русском биографическом словаре А. А. Половцова
http://wars175x.narod.ru/bgr_cic.html
22. Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И. В. Гудовича, составленные им самим
<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1780-1800/Gudovic/frametext.htm>
23. Ибрагим Халил-хан
http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%BC_%D0%A5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B-%D1%85%D0%B0%D0%BD
24. Деша А. Я. Итальянского А. Я. Будбергу об уклонении Порты от выполнения русско-турецкого договора

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1800-1820/Perv_serb_vosst_1/161-180/169.phtml?id=8456

25. Из лекционного курса профессора Овсянникова В. И.
http://nisaa1.narod.ru/Lekcciya_2.2.pdf

26. Георг Петрович Черный. (Краткая биография). Из Гамбургского политического журнала. Вестник Европы, Часть 95. № 20, 1817 г.
<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1800-1820/Karageorg/text2.phtml?id=9007>

27. Вестник Европы. Известия и замечания. Часть 34. № 13. 1807 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1800-1820/Vestnik_evropy/1807_s_34_nom_13.phtml?id=8997

28. Ирано-французские договоры
http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/565/%D0%98%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%9E

29. Иоаннисян А. Р. Из истории франко-русских отношений на Востоке в 1807–1808 гг.
[http://bass.asj-oa.am/1432/4/1957-6\(27\).pdf](http://bass.asj-oa.am/1432/4/1957-6(27).pdf).

30. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812. События в Валахии
<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1800-1820/Lanzeron/text4.htm>

31. Петров А. Война России с Турцией 1806–1812 гг.
а/ Том I
<http://www.runivers.ru/bookreader/book18597/#page/280/mode/1up>
б/ Том II
<http://www.runivers.ru/bookreader/book18598/#page/174/mode/1up>

32. Русско-французский мирный договор
<http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/1807tilzit.php>

33. Лависс Э., Рамбо А. История XIX века
а/ Том 1. Часть 1. Время Наполеона I. 1800–1815
http://krotov.info/history/19/55/laviss_02.htm
б/ Том 2. Время Наполеона. Часть вторая. 1800–1815
http://www.tinlib.ru/istorija/tom_2_vremja_napoleona_chast_vtoraja_1800_1815/p7.php

34. Письмо сербского депутата И. Гагича [А. Я. Будбергу] с просьбой о решении сербского вопроса
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1800-1820/Perv_serb_vosst_1/281-300/293.phtml?id=8581

35. Предписание А. А. Прозоровского
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1800-1820/Perv_serb_vosst_1/321-340/322.phtml?id=8610
36. «Статистическое описание Нахичеванской провинции», составленное Василием Григорьевым, Санкт-Петербург, 1833 г.
 а/ с. 22;
 б/ с. 82;
 в/ с. 29, 31;
 г/ с. 83–84;
 д/ с. 37–38;
 е/ с. 40–41.
37. Англо-турецкие договоры. Статья в «Дипломатическом словаре», изд. 1948 г.
http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/114/%D0%90%D0%9D%D0%93%D0%9B%D0%9E
38. Англо-персидский договор 1809 г.
<http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/68776/%D0%90%D0%9D%D0%93%D0%9B%D0%9E>
39. Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке
http://militera.lib.ru/h/shteynberg_el/02.html
40. Русско-французская конвенция относительно Польши, заключенная в С.-Петербурге 23 декабря 1809 г.
<http://www.noisette-software.com/russko-francuzskaya-konvenciyaotnositelnopolshi-zaklyuchennaya-v-s-peterburge-23-dekabrya1809-g-4-yanvary-a-1810-g/>
41. См. подр.: Разрыв союза России и Франции
http://storyk.ru/raznoe/voina_1812/razriv_soyza_rossii_francii.html
42. Коленкур А. Поход Наполеона в Россию
<http://militera.lib.ru/h/caulaincourt/01.html>
43. История дипломатии, Том 1
<http://books.google.ru/books?hl=ru&id=1MиHAAAАMAAJ&dq=%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F+%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B8+%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BA%D0%B8%D0%BD&q=%D0%BD%D0%BE%D1%80%D0%B2%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F>
44. Отечественная война и Русское общество. Том III
http://www.museum.ru/1812/library/Sitin/book3_12.html
45. Присяга абхазского князя Георгия Шаваршидзе (Сефер-Алибека) 23 августа 1810 года при вступлении в подданство России

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820/Prisjaga_Serwasidze_1810/text.htm

46. Бухарестский мирный договор 1812 года. Текст

<http://warsonline.info/1812-god/bucharestskiy-mirnyy-dogovor1812-goda-tekst.html>

47. «Асландуз». Статья в «Военной энциклопедии» под ред. Новицкого В. Ф. и др., 1911–1915

<http://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%92%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%D0%20%D1%8D%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F/%D0%90%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%83%D0%B7/>

48. Донесение командующему в Грузии, генерал-лейтенанту Ртищеву, генерал-майора Котляревского

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820/Kotljarevskij_P_S/pokorenie_lenkorana_01_01_1813.htm

49. Письмо Н. П. Румянцева И. Ф. Ртищеву от 16 апреля 1813 г.

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820/Otec_vojna_narod_Kavkaza/text.htm

50. Высочайшая грамота Александра I «всему любезно-верноподданному армянскому народу, обитающему в Грузии» от 15 сентября 1813 г.

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1760-1780/Snos_Ecmiadzin_Ross/pril06.htm

51. Англо-иранское сближение во время русско-иранских войн первой трети XIX века

<http://www.nationshistory.ru/nhistorys-144-4.html>

52. Булгак

<http://www.pravenc.ru/text/153623.html>

53. Указом императора Александра I Н. М. Карамзин назначен официальным историографом

<http://www.prlib.ru/history/Pages/Item.aspx?itemid=316>

54. Лаппо И. Происхождение украинской идеологии Новейшего времени

<http://ukrstor.com/ukrstor/vestnik20075-lappo.html>

55. Миф об отсутствии славян в Киевской Руси

<http://chudinov.ru/mif-ob-otsutstvii-slavyan-v-kievskoy-rusi/>

56. Греч Н. И. О жизни и сочинениях Карамзина

http://az.lib.ru/g/grech_n_i/text_0050.shtm

57. Карамзин Н. М. История государства Российского
<http://bibliotekar.ru/karamzin/1.htm>
58. Вяземский П. Несколько слов на замечания г. Арцыбашева, перепечатанные в 19 и 20 нумерах «Московского вестника» 1828 года
http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0330.shtml
59. Погодин М. Слово от издателя (к статье Н. Арцыбашева об «Истории государства Российского» Н. Карамзина)
http://az.lib.ru/a/arcybashew_n_s/text_0030.shtml
60. Полевой Н. А. История государства Российского. Сочинение Карамзина
http://az.lib.ru/p/polewoj_n_a/text_0220.shtml
61. «Священный союз» – русская попытка спасения христианской Европы
<http://www.rusidea.org/?a=25092706>
62. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма
http://www.rummuseum.ru/lib_e/vnesh_pol3.php
63. Проблема Черноморских проливов и заключение Ункяр-Искелесийского договора 1833 г.
http://www.lindos-star.gr/sea/?Voennopoliticheskie_soyuzy_Rossii_i_Turcii_v_konce_18_-_pervoi_treti_19_stoletii:3.%0AProblema_Chernomorskih_prolivov_i_zaklyuchenie_Unkyar-Iskelesiiskogo_dogovora_1833_g.:Stranica_4
64. Шишкевич М. И. Покорение Кавказа. Персидские и кавказские войны. В кн.: «История русской армии»
http://militera.lib.ru/h/sb_istoria_russkoy_armii/82.html
65. Величко В. Л. Кавказ. 1886–1895
<http://www.ksam.org/index.php?mtype=news1&mid=508>
66. Вейденбаум Е. Очерк этнографии Кавказского края
 а/ Часть 1
<http://www.altstav.ru/stv/stv68.php>
 б/ Часть 2
<http://www.altstav.ru/stv/stv69.php>
67. Носков. Записки
<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Noskov/text.phtml?id=7695>
68. Петербургский протокол 1826 г.
<http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/13390/%D0%9F%D0%95%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%91%D0%A3%D0%A0%D0%93%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99>

69. Два письма из Эривани. «Московский Телеграф» № 19, 1828
http://a-u-l.narod.ru/MT-1828_Dva_pisma_iz_Erivani.html
70. Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном
<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/turkman.htm>
71. Андрианов П. М. Русско-турецкая война 1828–1829 гг. В кн.: «История русской армии»
http://militera.lib.ru/h/sb_istoria_russkoy_armii/71.html
72. Адрианопольский мирный договор 1829 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Mir_adrianopol_1829/text.htm
73. Шестаков В. Как Паскевич полтовчан от переселения спас
<http://www.poltava.pl.ua/project/362/>
74. Цит. по: Михайлова О. И., Лазарев Л. Е. Знакомый Грибоедова
http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/fom89/str_154.htm
75. Цит. по: Амирханян М. Д.. Русская художественная литература и геноцид армян
<http://www.genocide.ru/lib/amirkhanyan/rufiction/2.htm>
76. Подробная реляция о сражении 17 августа 1827 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Krasovskij_A_I/relation_schlacht_osakan_17_08_1827.htm
77. Лурье С. Дитя Империи
<http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/L/LurieS/babiImp.html>
78. Письмо А. С. Грибоедова к К. В. Нессельроде
<http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/enik.htm>
79. Грибоедов А. Записка о переселении армянъ изъ Персїи въ наши области
http://feb-web.ru/feb/griboed/texts/piks3/3_4_v3.htm
80. Письмо А. Грибоедова И. Паскевичу
http://feb-web.ru/feb/griboed/texts/fom88/ps88_150.htm?cmd=0&hash=@04
81. Газарян И. Переселение армян из Персии в Армянскую область в 1828 г.
[http://bass.asj-oa.am/1451/1/1957-7\(61\).pdf](http://bass.asj-oa.am/1451/1/1957-7(61).pdf)
82. Записка об учреждении Российской закавказской компании
http://feb-web.ru/feb/griboed/texts/orlov/zap59_1.htm
83. Буниятов З. Предисловие к книге: Есаи Хасан-Джалалян. Краткая история страны албанской (1702–1722)
<http://www.vostlit.info/Texts/rus/Esai/pred1.phtml?id=482>

84. Гусейнов Р. Разрушение памятника в честь 150-летия переселения армян в Карабах
<http://armdeza.blogspot.com/2011/09/150.html>
85. Саруханян Н. Б. Знаменательный этап в истории Армении
http://lraber.asj-oa.am/469/1/28_Saruxanian_N._%2B12.pdf
86. Меньшиков М. Письма к Русской нации
http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml
87. Шавров Н. И. Новая угроза русскому делу в Закавказье: предстоящая распродажа Мугани инородцам
<http://karabakh-doc.azerall.info/ru/articls/artc007.htm>
88. Семенов И. Из истории появления русских поселений в Армении
<http://www.hayastan.ru/Vestnik/vestnik.phtml?var=Arkhiv/2000/1-2/statya19&number=?1-2+2000г.>
89. Червоная С. Абхазо-грузинские отношения в исторической ретроспективе (краткий обзор)
<http://www.abkhazia.dot.ge/war/200506124638392556743.php>
90. Дадашова Ш. Хотят ли русские...?
<http://www.caucasusjournalists.net/ItemPrint.asp?id=122>
91. Из статьи Левона Казаряна на форуме сайта «kreml.org» в теме «Происходящее сегодня в Армении – «тихая революция»»
http://kreml.org/forum/74674554?user_session=dedce22d07a7cfe0f51ca45c626
92. О преобразовании системы управления в Закавказье и колонизации края. Из проекта ревизовавшего Закавказский Край сенатора Е. И. Мечникова
<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Mecnikov/text.htm>
93. Панарин И. Н. Международные сценарии эволюции геополитической ситуации на Кавказе.
http://vmg.pp.ua/books/%D0%93%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B5/Polit_econom_history/%D0%9F%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%81%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B8%20%D1%8D%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B3%D0%B5%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D1%81%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%9A%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B5.htm

94. Изложение отчета Майора Мирзабека Ваганова о его миссии к Нурали-хану
<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1760-1780/Pugachev/Vaganov/text2.htm>
95. Пагануцци П. Император Николай II – спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида
<http://www.xx13.ru/kadeti/armenia.htm>
96. Абовян Х. Раны Армении
<http://www.armenianhouse.org/abovyan/wounds-of-armenia/2.htm>
97. Авакян К. Р. Западник Мигран Свазлян о России
<http://lraber.asj-oa.am/470/1/248.pdf>
98. «История государства и права СССР» под ред. С. А. Покровского
<http://www.biografia.ru/arhiv/istgos10.html>
99. Свентоховский Т. Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане
http://old.sakharov-center.ru/publications/azrus/az_002.htm

НОВАЯ ОБОЛОЧКА ПРАВОСЛАВНЫХ ИДЕЙ НА ФОНЕ РОССИЙСКО-ОСМАНСКОГО СБЛИЖЕНИЯ В 1830–1840 гг.

После Адрианопольского договора, Лондонский протокол 1830 г., подписанный Россией, Великобританией и Францией, официально признал независимость греческого государства, получившего название Королевство Греция.

Однако британо-российское противостояние не только не исчезло, но незаметно и постепенно приобрело глобальный характер. Это и понятно, поскольку благодаря туркменчайским договоренностям оживилась русско-персидская торговля: «вывоз в Персию поднялся до 5,5, ввоз до 2.3/4 млн рублей». Но Британия приложила все усилия для недопущения развития ситуации в таком ключе. Так, в результате предпринятых ею действий в 1832 г. первый показатель снизился до 900 тыс. руб., а последний – до 450 тыс. руб. Несмотря на преференции и льготы русскому купечеству, российский экспорт в Персию к 1850 г. возрос лишь до 1,5 млн рублей, а импорт – до 8,5 млн рублей [1].

С другой стороны, русско-британские (да и не только) противоречия проявились и в период османо-египетского кризиса.

Петербург в связке с... османами

Правитель Египта Мухаммед Али, оказавший помощь Стамбулу во время войны Греции за независимость, надеялся заполучить от султана Сирию. Столкнувшись же со встречным предложением стать «всего лишь» губернатором Крита, Мухаммед Али решил овладеть Сирией собственными силами. В 1831 г. его сын атаковал эту страну и к концу следующего года захватил практически всю ее территорию, что открывало ему прямой путь на Стамбул. Однако приказ отца дожидаться подкрепления позволил султану договориться с Петербургом о помощи.

Россия, не желавшая укрепления Мухаммеда Али как фактора усиления на Ближнем Востоке Франции, приняла решение оказать содействие Османской империи (естественно, с перспективой получения политико-экономических дивидендов). В апреле 1833 г. русский флот преградил египетским войскам путь к Стамбулу в районе Ункяр-Искелеси (на Босфоре).

Такой ход русских вызвал неприятие Парижа и Лондона, которые, дабы не допустить вмешательства Петербурга в события, сразу же потребовали от султана Махмуда II и правителя Египта достижения скорейшего мира. Как по команде, в мае 1833 г. был заключен Кютайский мир, признавший Мухаммеда Али наместником Сирии и Аданы.

Тем самым помощь Николая I османам теряла прежнее значение. Но Петербургу, чья эскадра располагалась на Босфоре, у врат вожделенного Царьграда-Константинополя-Стамбула, в июле удалось заполучить у султана Ункяр-Искелесийский договор сроком на 8 лет, обязавший стороны откровенно «согласовываться» по всем вопросам, имеющим значение для «их обоюдного спокойствия и безопасности», оказывать «взаимно существенную помощь». Россия гарантировала предоставление Османской империи вооруженных сил при необходимости и в нужном количестве. Секретное дополнение к соглашению обязывало Стамбул случае войны закрывать Дарданелльский пролив для иностранных военных кораблей [2].

Как писал в этой связи Карл Маркс, «наконец-то исполнилась старинная мечта России. Варвар с берегов холодной Невы держал в своих цепких объятиях пышную Византию и залитые солнцем берега Босфора. Самозванный наследник греческих императоров владел теперь – хотя и временно – восточным Римом» [3]. Вполне очевидно, что Маркс, «обосновывая» тягу российских императоров к Стамбулу, подразумевает их православие. Весьма показательно связи с этим усиление идеологической активности Петербурга на религиозном поле на фоне неприятия идей панславизма.

Панславистские идеи и русско-польское противостояние

Вслед за подавлением восстания декабристов 1825 г. Петербург возобновил поиск идеологических формул для укрепления российской государственности. Поспособствовало этому и рождение в Европе панславизма, одним из родоначальников которого считается словацкий поэт, философ и лютеранский священник Ян Коллар.

В 1824 г., будучи проповедником евангелической церкви в Пеште, он выпустил книгу сонетов «Дочь Славы», пропагандирующую идею славянского единства. Во введении к ней он пишет о посвящении труда «желанным дням объединенья», когда «все ручьи сольются» в «едином, всеславянском море», и «соединимся ж все мы без изъятья: серб, русский, чех, болгар, поляк»; «одна хоругвь, один да будет стяг», «дрогнет супротивный враг». Непосредственно в сонете, давшем название книге, Я. Коллар конкретизирует объединительный формат славян: «Голова – Россия, величава, Польша – стан, за ними чередом, чехи – руки и, двойным столбом, сербы – ноги. Так стояла б Слава» и «взнеслась бы ввысь до облаков», а «Европа на колени б пала, вняв всемирный гром ее шагов!» [4]. Лейтмотив идеи вполне очевиден, хотя многие поддерживали концепцию чешского историка Франтишека Палацкогo –

австрославизм, т. е. выступали за федеративную Австрийскую империю, состоящую из славян, австрийцев и венгров.

В изначальном смысле термина «панславизм», впервые предложенного в 1826 г. в Чехии Яном Геркелем, чувствуется его антигабсбургский (антиимперский) оттенок, а не антиосманский вектор, как это нередко предподносится.

«Чехо-словацкий» аспект в качестве основы для идеологии объединения славян далеко не случаен. В условиях формирования в первые десятилетия XIX в. европейских наций, способствовавших росту национальных движений, словаки пытались разрешить свой «внутренний» вопрос. Находясь в составе Венгерского королевства, входившего на особых правах в Австрийскую империю, они были лишены собственного национально-правового уклада. Поэтому концепция панславизма вполне укладывалась на «чехо-словацкую» почву.

Другое дело, что эта идея не могла быть полностью воспринята Россией, поскольку ее протестантское обрамление никак не устраивало Петербург. К тому же в общеславянское единство, наряду со «своими» для России православными сербами и болгарами, «принимались» католические поляки, разделенные между Австро-Венгрией и Россией (причем будучи в первом случае значительно автономнее).

Отметим, что в 1828 г. из Римско-католической духовной коллегии в виде самостоятельного органа была выделена Греко-униатская духовная коллегия, ведавшая делами церкви этой конфессии, в особенности охранением чистоты греческих обрядов на основе акта 1595 г., положившего начало унии. Но насколько эти и аналогичные нюансы могли поколебать польский католицизм? Проблема, однако, проявлялась далеко не только в конфессиональной разнице «одинаковых» славян в лице русских и поляков, а и в «принадлежности» значительной части Польши России. Т. е. имперский Петербург вряд ли согласился бы на «равенство» поляков и русских, не ощущая первые себя россиянами по сути. При этом антиимперский по духу характер панславизма позволял «русской» Польше ставить вопрос о своей независимости и вхождении в единое общеевропейское славянское сообщество на равных со всеми, пусть даже с определенной лидирующей ролью России. Но у Петербурга было иное восприятие ситуации.

После подавления антироссийского восстания поляков 1830–1831 гг., во время которого сейм лишил Николая I прав на трон Царства Польского, в начале 1832 г. появился так называемый «Органический статут», объявивший эти польские земли частью России. Сейм и польское войско канули в Лету, воеводства сменились губерниями, фактически превратив Царство Польское в российскую провинцию.

Наступил этап проведения Петербургом политики обращения грекокатоликов в православие.

По мнению ряда историков, бежавшие из пределов Российской империи поляки создали непригляднейший образ России как антидемократического государства. Тиражирование этих настроений заинтересованными в ослаблении России западными странами способствовало резкому росту в Европе русофобии. Известный русский мыслитель XIX в., революционер, панславист Михаил Бакунин говорил, что «повсюду имя русского является синонимом грубого угнетения и позорного рабства», орудия «завоевания в руках ненавистнейшего и опаснейшего деспотизма». На русских «повсюду смотрят, как на врагов цивилизации и человечества», а «наши повелители пользуются нашими руками» для порабощения народов. Отсюда – «новый позор» всякого успеха России. В плане Польши с 1772 г. «мы позорим себя каждый день жестокими насилиями»; война 1831 г. «была с нашей стороны войной безумной, преступной», заключавшейся в покушении «на свободу брата». Будучи политическим самоубийством для России, антипольская война велась в интересах «деспотизма и ни коим образом не в интересе нации русской» [5].

В любом случае, прозвучавший из центра Европы клич к панславизму не мог быть принят Петербургом безоговорочно.

Конфликт лозунга «Православие, самодержавие, народность» с идеями панславизма

Поэтому в докладе Николаю I (1833 г.) российский министр народного просвещения Сергей Уваров отмечал, что для удержания «умов в границах порядка и тишины», недопущения нарушения «общего устройства» России необходимо безотлагательно, «во всем объеме», реализовать «государственную задачу», от «коей зависит судьба отечества». Осуществление этого возможно посредством следования программным установкам, названными С. Уваровым тремя «началами» («политическая религия»), без которых Россия не может «благоденствовать, усиливаться, жить: 1) Православная вера. 2) Самодержавие. 3) Народность».

Первое из них он обосновал гибелью народа «без любви к вере предков», ибо в этом случае человек лишается «их крови» и живет с «вырванным сердцем». Самодержавие, на которое опирается «русский колосс», министр окрестил «главным условием политического существования России в настоящем ее виде», подчеркнув необходимость развития «этой истины» в «народном воспитании». Чувство народности же нужно «поддерживать» как связующее звено между «троном и

церковью» для укрепления их «могущества». В деле народного воспитания «любовь к отечеству, преданность монарху» призывают искать «единства» и «прочности» в «духе монархических учреждений». Любопытно то, что С. Уваров упомянул о проблематичности организации народного воспитания, соответствующего «нашему порядку вещей» и одновременно не «чуждого» европейским идеям, «без коих мы не можем уже обойтись». Но, по его мнению, если последние «искусно» не «обуздать», «гибель» страны «неминуема» [6].

Появление этого документа одновременно с Ункяр-Искелесийским договором неслучайно, поскольку он являлся «внутренним» отображением геополитики. Говоря другими словами, на этапе взаимопонимания с османами идеи панславизма были совершенно не актуальны для России – поскольку, будучи антиимперскими по своим целям, они еще больше будоражили антиосманские настроения в славянской среде. И если раньше Петербург сам подогревал их, сейчас в этом не было нужды. Тем более что Россия не хотела осложнений с Австрией, на территории которой родилось направленное против нее же панславистское движение, и Николай I намеревался укрепить взаимоотношения с Веней. Пропагандируемая же промонархистско-православная линия давала свои плоды. Так, М. Бакунин отмечал, что для русских царь – «земной бог», «идеал», «род русского Христа, отец и кормилец русского народа, весь проникнутый любовью к небу и мыслью о его благе». И он давно «дал бы народу все что нужно ему – и волю и землю», но «бояре да злое чиновничество вяжут его» [7].

Возвращаясь к Ункяр-Искелесийскому договору, отметим, что налагаемое на Стамбул обязательство закрывать Дарданелльский пролив для иностранных военных кораблей в случае войны не могло приветствоваться ведущими европейскими странами. На этом и решил сыграть Николай I, предложив в сентябре 1833 г. заключить Мюнхенгрецкую конвенцию между Австрией, Пруссией и Россией. Она предусматривала отпор любым шагам, могущим нанести ущерб османскому режиму, в том числе посредством совместных действий сторон в случае ниспровержения существующего в Империи порядка.

По мнению Петербурга, конвенция ударяла по Франции, поддерживающей Мухаммеда Али. В свою очередь, Пруссия и Австрия, подписав документ, лишили русских возможности самостоятельно решать «османские проблемы». Другой конвенцией стороны договорились о взаимопомощи в случае «внутренних смут» или внешней опасности; Россия и Австрия предусмотрели взаимную гарантию польских владений каждой из сторон [8].

Согласимся, такое взаимопонимание между Веной, Петербургом и Стамбулом никак не способствовало поддержке Россией панславистских идей в тот период.

Сербия становится неинтересной для России?

Сложившееся «взаимопонимание» между Россией и Османской империей видоизменило русско-сербские отношения. Так, направленный Петербургом осенью 1833 г. в Сербию флигель-адъютант барон Будберг заявил правителю Милошу Обреновичу о рассмотрении царской властью сербской автономии исключительно в качестве владения, «принадлежащего Оттоманской империи» [9].

Дело в том, что в 1833 г. Сербия распространила свое влияние даже на области (нахии), ранее отторгнутые от региона (Тимокская краина и юго-восточная часть Сербии) [10]. По-видимому, это были не согласованные с Россией шаги, поэтому миссии Будберга было предписано «поставить на место» сербское руководство, которое, по мнению Петербурга, начало проявлять слишком большую самостоятельность. Такие оттенки в тоне России не могли не повлечь рост русско-сербских противоречий [9].

В начале 1835 г. в нескольких округах Сербии вспыхнуло восстание против власти М. Обреновича, что заставило его объявить о вступлении в силу Сретенского устава (конституции). Успокоив страсти, в марте он отменил это решение. Происходящее вызвало недовольство султана, и Николай I должен был проявить понимание. В этой связи российский поверенный в делах в Османской империи Аполлинарий Бутенев, осудив поведение «нарушителей общественного порядка» в Сербии, высказался о полной моральной поддержке Стамбула для восстановления там спокойствия [11].

Понятно, что такая позиция Петербурга не могла не вызвать антироссийские настроения в Сербии, к тому же здесь активизировалась Австрия, открывшая в княжестве консульство, а в 1837 г. то же самое сделал и Лондон. Естественно, Британия стала играть на русско-сербских противоречиях, и М. Обренович согласился на последующие гарантии сербской автономии в Османской империи со стороны уже не только России.

Закавказский край

Что касается Южного Кавказа, еще в представленном в начале 1831 г. проекте сенатора Евграфа Мечникова, проводившего инспекцию Закавказского края, отмечалось, что несмотря на охрану Россией

спокойствия местного населения «с пожертвованием значительных сумм и людей», народ, «оставленный в прежнем положении, чуждается России». Для обеспечения «жителям счастливой жизни чрез соединение их политическими и гражданскими связями с Россиею»; создания условий для самообеспечения Кавказского края и уплаты им, как части «общего государственного тела», дохода «от остатков на прикрытие общих» госрасходов; самостоятельной защиты («сам себя») края, Е. Мечников предлагал создание «обдуманной и единожды навсегда утвержденной» системы с неизменным следованием ей.

Способами достижения «сей цели» в крае сенатору виделись учреждение губернского порядка, «колонизация русских», учреждение «русского дворянства», раздача имений в собственность «русским чиновникам». Для этого Е. Мечников предложил приспособлять нравы и обычаи местных народов «к нашему законоположению», а учреждаемые новые порядки – «к ним». Посему «из их привычек и обычаев, а паче религиозных» нужно оставить «нечто», но «в духе порядка и благоустройства, дабы сим нечувствительно приучить к гражданству». Реализация этого возможна (в том числе) внедрением в крае нового образования, «которое должно быть совершенно русское или в духе нашего правительства». Главная цель всего этого – «обрусить край или, говоря аллегорически, спаять его с Россиею» [12].

Положение об Армянской церкви

Понятно, что Петербург, намереваясь политически закрепить в регионе, не мог не рассматривать его религиозную составляющую. С учетом нахождения Эчмиадзина (после присоединения части Азербайджана к России) на российской территории, в 1836 г. появилось «Положение об управлении делами Армяно-Григорианской церкви (АГЦ) в России». Именно в этом документе Армянская Апостольская Церковь впервые названа «Армяно-Григорианской» (по имени первого епископа Армении Григора Просветителя). По мнению некоторых исследователей, сделано это было для того, чтобы не именовать армянскую церковь православной. Согласно армянским источникам, «национальным общественным мнением» наименование «армяно-григорианская» воспринялось неоднозначно, так как у церкви был отнят «ее характер непосредственного апостольского наследия» [13].

Положение, определившее жизнедеятельность АГЦ в Российской империи, разделило армянские приходы страны на шесть епархий: Нахичеванская и Бессарабская (с охватом Санкт-Петербурга, Москвы, губерний Новороссийских, Бессарабской области), Астраханская, Эриванская, Грузинская, Карабахская (собственно Карабах, Шекинская и

Талышинская зоны) и Ширванская (сам Ширван, Кубинская, Бакинская и Дербентская зоны). Так, Албанская автокефальная церковь оказалась упраздненной. В положении было записано, Ташевская митрополия «отделяется от Карабахской провинции» со «всею ея паствою» к епархии Эриванской. Управление АрмяноГригорианской Церковью (АГЦ) возлагалось на Эчмиадзинского патриарха как на верховного католикоса «народа гайканского». По всем вопросам ему должен был содействовать Эчмиадзинский синод. Духовенство АГЦ освобождалось от «платежа всяких личных податей и повинностей».

В то же время полной самостоятельности АГЦ Петербург не предоставил. Так, на этапе избрания патриарха каждая из епархий назначала «двух депутатов», которые присоединялись для этой цели ко всем членам синода и находящимся «в это время» в Эчмиадзине семи старшим епископам. На место патриарха избирались два кандидата, чьи фамилии подавались Главноуправляющему на Кавказе (для «благоусмотрения» их российским императором). Один из них государем и назначался католикосом, с пожалованием грамоты и повелением, «по учинении им присяги на верность всероссийскому престолу», совершить посвящение по обычаям АГЦ.

В свою очередь, католикос армян, имея «постоянное пребывание в Эчмиадзинском монастыре», при намерении «отлучиться» более, «нежели на четыре месяца», должен был испросить «на сие чрез Главноуправляющаго Грузиею, Кавказскою и Закавказскими областями» соизволения императора. Кроме того, АГЦ наделялась правом приобретения и отчуждения недвижимых имений не иначе, как получением на это разрешения у Петербурга (через Министерство внутренних дел). Непосредственно главы епархий также назначались царем (подлежав увольнению им же). Вступая в должность, они приносили «присягу на верность подданства и службы» [14].

Таким образом, «кадровый» вопрос в управлении Армянской церкви, как и приобретение Эчмиадзином недвижимости, Петербург закрепил за собой (хотя и при таком раскладе полномочия АГЦ выглядели внушительно). Петербург, возможно, учитывал подчинение (пусть и формальное) стамбульского и иерусалимского патриархов Эчмиадзину. Это означало, что расположенные в Османской империи армянские патриархии вполне могли быть вовлечены османами (или Западом через султана) в какие-либо игры вокруг выбора фигуры католикоса. Тем более что, со слов американского историка-русиста Пола Верта, ввиду роста армянского населения в Стамбуле «константинопольский патриарх», ставший «особенно важной фигурой в местной церкви», проявлял «достаточную независимость», действуя «как глава церкви в Османской империи». Правительство Порты признало его «единственным главой

всего армянского миллета (общины) империи», даровав ему исключительную административную и судебную власть [15].

Кроме того, пытаясь «замкнуть» католикоса на себе, российские власти наверняка подумывали об использовании его фигуры для продвижения ряда важных политических вопросов, в том числе воздействия на армян сопредельных стран, в нужном для Петербурга векторе.

Что касается Албанской церкви, как отмечает председатель албаноудинской христианской общины Азербайджана Роберт Мобили, после ее упразднения албаны-христиане, в том числе удины, вынуждены были «принять григорианство», исповедуясь в епархиях Эчмиадзинской церкви. Это привело «к культурно-идеологической ассимиляции части албан». А агрессивное присвоение «албанского этнокультурного наследия и трансформация его в армянское», осуществлявшиеся Эчмиадзином «с помощью царской России», вкупе с «демонстрацией церквей для албан-христиан» вели к их «деэтнизации» [16].

Созданный же спустя год Комитет по устройству Закавказского края должен был выработать программу политико-административных преобразований в регионе.

1. «История торговли в России». Статья из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона
http://www.economicportal.ru/facts/trade_russia_2.html
2. Ункяр-Искелесийский договор
<http://www.hrono.ru/dokum/1833unkyar.html>
3. Маркс К. Лорд Пальмерстон
<http://www.marxists.org/russkij/marx/1853/palmerston/04.htm>
4. Из поэмы Я. Коллара «Дочь Славы»
http://nnm.ru/blogs/ariskveda/doch_slavy_sl225vy_dcera/
5. Речь М. Бакунина в годовщину польского восстания 1830 г.
http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0140.shtml
6. Сергей Уваров. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения
<http://www.krotov.info/acts/19/1830/1833119>
7. Михаил Бакунин. Народное Дело. Романов, Пугачев или Пестель?
http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0150.shtml
8. Мюнхенгречская конвенция
http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/857/%D0%9C%D0%AE%D

0%9D%D0%A5%D0%95%D0%9D%D0%93%D0%A0%D0%95%D0%A6%D0%9A%D0%90%D0%AF

9. Общая ситуация на Балканах

<http://bibliofond.ru/view.aspx?id=560001>

10. Сретение – начало современной Сербии

<http://voiceofserbia.org/ru/content/%D1%81%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B0%D0%BB%D0%BE-%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%125%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B8%D0%B8>

11. Россия и Сербия. Сербское княжество: самостоятельность и международные отношения

<http://emsk.org/portal/rossiya-i-serbiya-serbskoe-knyazhestvosamostoyatelsnost-imezhdunarodnie-otnosheniya.htm/page/3/>

12. О преобразовании системы управления в Закавказье и колонизации края. Из проекта ревизовавшего Закавказский край сенатора Е. И. Мечникова

<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Mecnikov/text.htm>

13. Армянская апостольская церковь

<http://armhak.narod.ru/>

14. Положение о управлении делами Армяно-Грегоріанской Церкви в России

<http://erevangala500.com/booke//pdf/1324321669.pdf>

15. Верт П. Глава церкви, подданный Императора: Армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики империи, 1828–1914 гг.

<http://faculty.unlv.edu/pwerth/Glava-tserkvi.pdf>.

16. Роберт Мобили. Албанская церковь и армянская фальсификация

<http://udi.az/articles/0009-2.html>

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ ПОД ЗОРКИМ ОКОМ ЕВРОПЫ И «АДМИНИСТРАТИВНАЯ» АКТИВИЗАЦИЯ РОССИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Кто самый проосманский?

Ввиду особой активности Петербурга в османском направлении с начала 1830-х гг. ведущие европейские страны предприняли действия по перехвату инициативы у России. Так, Пруссия решила выйти на султана через османские вооруженные силы, в 1836 г. направив в Империю военных инструкторов, в том числе капитана Гельмута фон Мольтке (будущий фельдмаршал). Париж начал воздействовать на Стамбул через «образовательную систему». Во Франции получали образование в высших и специальных учебных заведениях выходцы из Османской империи независимо от национальной и религиозной принадлежности. Французы служили консультантами в «Совете общественной пользы» – центре по разработке османских реформ [1/а].

В 1837 г. в докладной записке на имя султана Махмуда II османский дипломат, будущий министр иностранных дел Мустафа Решид-паша освещал лондонскую линию. Правда, начальная часть записки кажется несколько своеобразной, но именно так отражал ситуацию Мустафа Решид, который впоследствии возглавил проведение реформ.

В Англии хорошо понимают, писал он, намерения России оказать поддержку Мухаммеду Али (разъединив этим силы Османской империи), завоевать Персию и захватить Индию. Лондон также в курсе тайных планов Петербурга по овладению Египтом и оказанию оттуда определенного рода помощи Персии, уничтожая «опасное для себя сопротивление». Поэтому «нынче» Англия «питает ненависть» к России. В то же время, по словам М. Решида, глава внешнеполитического ведомства Англии лорд Пальмерстон принципом политики Лондона назвал сохранение Османской империи (при условии укрепления Стамбулом «черноморского пролива»). Лорд Пальмерстон призвал султана, «невзирая на ухищрения и запугивания» России, прилагать усилия «к завершению военной реорганизации и благоустройству страны» путем развития торговли. В случае же попыток Петербурга прибегнуть «к устрашению» и «соответствующим действиям с намерением помешать Османской империи достичь необходимого усиления или завоевать ее территории» британский английский флот «готов прийти на помощь» [2].

Но условия помощи такого рода были, конечно же, небескорыстные, свидетельством чего явилось рождение в 1838 г. британо-османской торговой конвенции, запрещавшей султану вводить на всей территории

Империи, включая Египет, экспортные монополии и устанавливавшей низкую (пятипроцентную) таможенную пошлину на ввозимые английские товары. Таковую же конвенцию с Турцией вскоре подписала и Франция, экономическое влияние которой непрерывно возрастало в Сирии и Ливане, где активничали французские католические миссии [3]. Замораживание пошлины на ввозимые товары на уровне 5% приравняло иностранных бизнесменов к местным торговцам, из-за чего значительная часть торговли в Османской Империи оказалась в руках зарубежных коммерсантов.

Египет против Османской империи и инициативы Лондона

Правитель же Египта Мухаммед Али, ратовавший за независимость возглавляемой им страны от осман, отказался ввести у себя торговые льготы, полученные Англией у Стамбула, из-за чего Лондон стал подстрекать султана к военным действиям с египетскими войсками. Втягивая османов в войну с «сепаратистами», Британия стремилась ослабить французское влияние в Египте и не допустить возобновления русско-османских договоренностей 1833 г.

Османская армия двинулась на Египет весной 1839 г., но в июньском сражении при Низибе оказалась разгромленной. Османский флот перешел на сторону Мухаммеда Али, на фоне чего после смерти Махмуда II власть перешла к его 16-летнему сыну Абдул-Меджиду. Это позволяло Мухаммеду Али, поддерживаемому Францией, попытаться захватить власть в Стамбуле.

Попытки османов, ссылавшихся на Ункяр-Искелесийские договоренности, опереться на Россию для разгрома египтян натолкнулись на «вежливый, но твердый отказ» Петербурга. Такое развитие событий было на руку Лондону, сразу же принявшему сигнал Порты. Вскоре первая группа британских моряков оказалась в Стамбуле [1/б].

Вместе с тем, опасаясь очередного законного выхода Петербурга на Босфор (вследствие осmano-египетского конфликта), в июле 1840 г. Лондон склонил Россию, Австрию и Пруссию к заключению (с его же участием) конвенции с Османской империей об оказании европейцами султану коллективной помощи против египетского паши. Страны Европы выразили согласие наблюдать за поддержанием целостности и независимости Империи, гарантировав защиту Проливов и Стамбула в случае нападения Египта. Мухаммеду Али предлагалось признать верховную власть султана. Ряд источников причиной согласия Николая I на конвенцию называют его антифранцузские настроения, преследовавшие цель усугубить противоречия между Парижем и

Лондоном. В реальности же торжествовала Англия: Ункяр-Искелесийский договор сразу же потерял актуальность, поскольку Османская империя оказалась под официальной опекой западноевропейских держав [4].

Вооруженные меры, предпринятые участниками конвенции, принудили египетского правителя согласиться с требованиями и он, признав себя вассалом Стамбула, вынужден был ввести в Египте в действие торговую конвенцию 1838 г. Париж не решился противостоять нажиму соседних стран, молчаливо наблюдая за происходящим [5].

Ну а в 1841 г. Лондон окончательно похоронил Ункяр-Искелесийский договор, блестяще использовав 8-летний срок его действия для предпринятия мер, ослабляющих геополитические завоевания России. Англия добилась подписания конвенции о режиме Проливов (Россией, Великобританией, Францией, Австрией и Пруссией). Босфор и Дарданеллы объявлялись закрытыми для военных судов всех стран в мирное время. За султаном сохранялось право выдавать разрешения на проход легких военных судов, состоящих в распоряжении посольств дружественных стран. О режиме Проливов во время войны в конвенции ничего не говорилось. Россия, утратившая преимущества Ункяр-Искелесийского договора, фактически лишилась возможности следить за закрытием Проливов для военных судов (для получения информации об этом Петербургу оставалось полагаться на слово османов).

В том же году Англия заключила торговый договор с Персией, согласно которому купцам обеих стран дозволялось «ввозить на территории друг друга» в целях продажи товаров «всякого рода» [6]. Он вступал в силу после выхода персидских войск с территории Гератского княжества. Этот шаг был вынужденным, поскольку Британский флот вошел в Персидский залив на основе подписанного в 1839 г. договора о дружбе между Ост-индской компанией и шахом Камраном Гератским. Торговый договор провозглашал «постоянный мир» между ним (его наследниками) и британским правительством, обязующимся предоставлять шаху офицеров, «обеспечивать его денежными займами и всякими другими средствами» во имя защиты интересов правителя «против любых вторжений иностранных держав» [7].

Происходило это на фоне изданного в 1839 г. султаном Абдул-Меджидом (в период реформ в Османской империи) хатти-шерифа, провозглашавшего равные права христиан и иудеев с мусульманами: им гарантировалась жизнь, честь и имущество.

Здесь же отметим, что в 1842 г. в Сербии прервалось правление Обреновичей, которых Россия все же поддерживала, и Стамбул узаконил княжеское достоинство пришедшего к власти Александра Карагеоргиевича. Вскоре и Россия нормализовала отношения с ним.

Однако министр иностранных дел Сербии Илия Гарашанин предпочел крен в сторону Франции и Великобритании в противовес влиянию Австрии и России, так как последняя, вслед за сближением с Венной, естественным союзником Сербии осталась лишь теоретически. Он ратовал за свержение османской власти на южнославянских землях, должных объединиться под властью монархической Сербии. Это позволило бы, по мнению И. Гарашанина, помешать тем же Англии, России, Австро-Венгрии поддерживать Османскую империю на Балканах.

Административная реформа в России и Южный Кавказ

С 1841 г. в Российской империи вступила в силу административная реформа. На Южном Кавказе была упразднена комендантская система. Главное управление региона составили: главноуправляющий Закавказским краем (подконтрольный непосредственно императору), тифлисский военный губернатор и совет Главного управления. Армянская область ликвидировалась, образовывались Грузино-Имеретинская губерния и Каспийская область, включавшая Ширванский, Шекинский, Тальшский, Бакинский, Дербентский, Кубинский и Шушинский (в который была переименована Карабахская провинция) уезды. Судебная реформа привела к рассмотрению уголовных дел в общегражданских судах (вместо военных). За духовенством сохранялось право вести исключительно бракоразводные процессы и дела о наследстве.

В 1842–1843 гг. были разработаны подробные положения о наместнике и начальнике гражданского управления. Окончательно наместничество оформилось к 1844 г. Наместником (и одновременно главнокомандующим войск на Кавказе) стал Михаил Воронцов. По словам состоявшего в его распоряжении Александра Дондукова-Корсакова, в то время Кавказ «еще считался для большей части русского общества “terra incognita”; о нем только знали по разговорам гвардейских офицеров, командируемых ежегодно для участия в экспедициях, из официальных реляций Кавказского Начальства и сведений военного Министерства». Кавказ рассматривался как место ссылки «всех почемубы то ни было провинившихся не только офицеров, но даженижных чинов», хотя для центрального управления военного Министерства представлял «широкое поприще к проявлению стратегических, тактических и военных соображений его». Для гвардейских офицеров, «посылавшихся с каждого полка по одному, а также по одному из армейских бригад», Кавказ «служил самым удобным средством для получения повышений, наград» [8].

По свидетельству Луки Исарлова, грузинского историка того периода, цензора туземных и восточных языков Кавказского цензурного комитета, губернатор Грузии Николай Палавандов в то время отмечал, что М. Воронцов «в дополнение положения 1840 г. исходатайствовал и установил назначать в судебные места» в «мусульманских провинциях наших (Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской губерниях и Дербентском округе) от высшего мусульманского сословия» [9].

В 1846 г., с разделением Закавказья на Тифлисскую, Кутаисскую, Шемахинскую и Дербентскую губернии (Каспийская область была упразднена), Николай I подписал рескрипт об утверждении за ханами, султанами, меликами, агаларами и беками в потомственном владении земель, которыми они владели на момент подчинения Российской империей. Этим указом также было велено заняться определением и личных прав этого сословия, приравнивая их к правам «дворянству российскому присвоенным». По проекту, составленному специальным комитетом из высших должностных лиц Закавказья, всем представителям высшего мусульманского сословия присваивался титул «благородия». Звания же князей с титулом «сиятельства» достаивались только прямые потомки последних владетельных ханов с непосредственного «высочайшего» утверждения для каждой фамилии. Однако все это так и не получило окончательного юридического утверждения [10].

В трактовке Т. Свентоховского, ввиду утери беками своих властных позиций Петербург стал проводить курс на создание новой элиты, поднимая ее статус до уровня общероссийского дворянства. В результате при помощи кавказских образовательных программ началось восхождение класса местных профессиональных бюрократов, получавших европейского типа образование в русских или «русско-татарских» школах – новом элементе для традиционного общества [11].

Здесь же отметим, что в состав Тифлисской губернии, образованной из Грузино-Имеретинской, вошли (в том числе) Елисаветпольский, Эриванский, Нахичеванский и Александропольский уезды. Последние три из них (за исключением Ахалкалакского участка Александропольского уезда), согласно поступившему в 1849 г. в Сенат указу Николая I, оказались во вновь образованной Эриванской губернии. Эта губерния была разделена на пять уездов: Эриванский, Ново-Баязетский, Нахичеванский, Александропольский и Ордубадский (включавший, в том числе, участок «Мигринского» уезда «с селением Капак Шушинского уезда») [12].

Очередной панславистский оттенок

В 1848 г. в Праге состоялся первый панславянский конгресс. В принятом к европейским народам манифесте отмечалось, что «давно притеснявшийся» славянин «поднял голову» и «сбрасывает с себя иго насилия», требуя свободы. В документе также была заявлена решимость «добиваться в Австрии всеми доступными» способами «полного признания за нашими народностями таких же прав в государстве, какими уже пользуются нации немецкая и мадьярская». И подчеркивалось ожидание отступления «правительства прусского и саксонского» от «систематической денационализации славян» [13].

Немало участников конгресса значительные надежды возлагали на Россию, и в этой связи довольно интересным выглядело выступление М. Бакунина. Ранее отмечая, что «лишенные политических прав» русские являются лишь бездушными колесами в «чудовищной машине притеснения и завоевания, которую называют русской империей» [14], на съезде М. Бакунин конкретизировал: ожидание «спасения от России» должно заключаться в уповании не на поработенную страну «со своим притеснителем и тираном», а на восставшее «для свободы» государство, «сильный русский народ», от имени которого, как «русский», М. Бакунин сказал, что «все наше» избавление не в могуществе Николая, а «в революции», т. е. «в той России, которая свергнет эту императорскую Россию и сотрет ее с лица земли» [15].

Прозвучавшие на форуме антиимперские настроения европейских славян по-прежнему вызывали неприятие России, к тому же М. Бакунин фактически призвал к революционному свержению власти в стране. Еще за год до съезда в циркуляре попечителям учебных округов (1847 г.) российский министр народного просвещения С. Уваров подчеркивал «политический смысл» родившейся в Богемии мысли о слиянии «когда-нибудь» рассеянных по Европе народов славянского происхождения в «государство славянское». Так как «драгоценное для 80 млн» название «славянства» употребляется «ныне во зло под личиною чистого братства». Отмечая тяготение «идей Запада о славянстве» к России вследствие «дыхания» в «языке русских, в вере, в законах» древнего «начала народной жизни», циркуляр предупреждал об опасности увлечения «не прозревающими опасности своих мечтаний» людьми «западными понятиями». В связи с чем идеи «русского славянства» должны были ограничиться рамками «безусловной приверженности к православию и самодержавию». Все за «этими пределами» называлось «примесью чуждых понятий». Но основой «славянства русского» будет не «примесь политических идей», а государственность, обеспечивающая непоколебимость «трона» и «алтаря», собственно «русского начала, русского духа, нашей святыни». Лишь в таком «объеме» славянства

русским дозволялось «искать своего родного начала, источника и народного просвещения» [16].

Была ли эта идеология приемлема для русских и тем более «нерусских» славян Российской империи? По-видимому, нет, если через год в докладе Николаю I «О цензуре» С. Уваров призывал «для обуздания издателей журналов большей ответственностью» подкрепить «власть цензурного начальства», находя эту меру «единственным средством заставить издателей быть внимательными в выборе статей для своих журналов» [17]. Хотя имели место и другие немаловажные нюансы, приведшие к появлению закона о цензуре.

Здесь же отметим заключенный в 1847 г. конкордат между Россией и Ватиканом, который, объявив Папу Римского главой российских католиков, предоставил ему право особой буллой определить пространство и пределы католических епархий в пределах Империи, что ранее являлось исключительной прерогативой русских государей [18].

1. Договор в Ункяр-Искелеси и Мюнхенгретцкая конвенция
а/ <http://emsk.org/portal/dogovor-v-unkyar-iskelesi-i-myunhengenreckayakonvenciya.htm/page/17/134>
б/ <http://emsk.org/portal/dogovor-v-unkyar-iskelesi-i-myunhengenreckayakonvenciya.htm/page/16/>
2. Докладная записка (ляиха) Мустафы Решида паши султану Махмуду II
<http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Zapiska1837/text.htm>
3. Жуков Е. М. и др. Всемирная история в десяти томах. Том VI
<http://bookish.link/vsemirnaya-istoriya/vostochniy-vopros-stranyiblijnego-vostoka-93311.html>
4. Османская империя в XVI–XIX вв. Возникновение «Египетского кризиса». Ункяр-искелесийский договор
http://www.fndhistory.ru/fi_hists-147-3.html
5. Восточный вопрос и страны Ближнего Востока. Всемирная история. Энциклопедия. Том 6.
<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000036/st252.shtml>
6. Торговый договор, заключенный английским правительством с шахом Персии в 1841 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Dok_Angl/frametext.htm
7. Договор о дружбе и союзе между достопочтенной Ост-индской компанией и Его Величеством шахом Камраном Гератским

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Dok_Angl/frametext.htm

8. Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. Часть II
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Dondukov_Korsakov/text9.htm

9. Исарлов Л. С. Из воспоминаний бывшего грузинского губернатора князя Н. О. Палавандова
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820/Isarlov_L_S/text1.htm

10. Исмаилов Э. Э. Генеалогия Тальшинских-Талишхановых
<http://karabakh-doc.azerall.info/ru/azerpeople/ap035.php>

11. Свентоховский Т. Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане
http://old.sakharov-center.ru/publications/azrus/az_002.htm

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXIV. Отделение первое. 1849. ст. 23303
<http://www.runivers.ru/bookreader/book9907/#page/1/mode/1up>

13. Манифест Славянского съезда в Праге 1848 года к европейским народам
<http://slawia.org/ru/book/Manifest-Slavyanskogo-sezdav-Prage-1848godak-Evropeyskim-narodam>

14. Речь М. Бакунина в годовщину польского восстания 1830 г.
http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0140.shtml

15. Речь М. Бакунина на Славянском съезде 1948 г.
http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0140.shtml

16. Циркуляр міністра народної освіти попечителю московського учбового округу заходи щодо спрямування діяльності словянофілів у дусі офіційної народності
<http://litopys.org.ua/rizne/kmt04.htm>

17. Сергей Уваров. О цензуре
<http://www.krotov.info/acts/19/1830/1833119>

18. 165 лет назад между Россией и Ватиканом был подписан конкордат
<http://www.prlib.ru/history/pages/item.aspx?itemid=204>

«КРЫМСКОЕ» ФИАСКО РОССИИ И НЕФТЯНОЙ ФОН БАКУ

Конфессиональный фон геополитической борьбы

С начала 1850-х гг. Николай I стал продвигать идею о наступлении благоприятного момента для овладения частью Османской империи. Прежде всего, он поставил перед Стамбулом вопрос о предоставлении православным подданным страны покровительства русского царя.

Естественно, это требование не устраивало не только султана, но и европейские державы, поскольку речь шла о территориях, расположенных в центре Европы. Как обычно бывает в такого рода случаях, принявшая новые очертания геополитическая ситуация внешне обострилась по второстепенной причине. В феврале 1847 г. Николай I утвердил основание Русской духовной миссии в Иерусалиме. В том же году между греко-православным и римско-католическим духовенством разгорелся спор вокруг похищенной серебряной звезды с греческого алтаря в Вертепе Рождества (Иерусалим), вскоре приведший к конфликту между Парижем и Петербургом. Вызвано это было тем, что в результате переворота 1851 г. во Франции к власти пришел Наполеон III, которого русский государь не воспринял в качестве законного правителя. Тот являлся представителем династии Бонапартов, исключенных из французского престолонаследия Венским конгрессом.

В ответ Париж «выставил» Петербургу претензию религиозного толка, в 1852 г. поставив перед Стамбулом вопрос о передаче Франции надзора за церковью Рождества Христова в Вифлееме²⁴. Это был очень грамотно рассчитанный удар по амбициям России, представлявшей себя, особенно в тот период, защитницей всех православных.

Но это было не все. В том же году один из французских линкоров в нарушение Лондонской конвенции 1841 г. оказался на Босфоре, после чего султан под предлогом нависшей над Османской империей угрозы отдал ключи от вифлеемской церкви Парижу. Такой политический ход привел к тому, что в феврале 1853 г. Николай I направил в Стамбул возглавляемую Александром Меншиковым (чрезвычайным послом) миссию с требованием признания Портой прав Элладской церкви²⁵ на святые места в Палестине, а также покровительственной роли России над христианскими подданными султана. Отказ султана на согласие со вторым требованием привел к разрыву дипломатических отношений между империями, и в июне 1853 г. российские войска оккупировали

²⁴ Что предполагало передачу католической Франции ключей от этого Дома Божьего, хранившихся в православной общине. – прим. авт.

²⁵ Греческая православная церковь с резиденцией в Афинах. – прим. авт.

Валахию с Молдовой, что было обосновано Петербургом нежеланием Стамбула «защитить неприкосновенность прав и преимуществ» православной церкви. Правда, манифест Николая I, отмечая отсутствие у России намерения «начинать войну», факт занятия княжеств представил в качестве залога, который бы «ручался нам в восстановлении наших прав» [1].

Геополитика Крымской войны

Ультиматум султана о выведении российских частей из Дунайских княжеств не возымел действия, и 4 октября 1853 г. Стамбул объявил войну России. Специальным манифестом Николай I, известив о бесполезности склонения «мерами дружеского убеждения» Порты к «соблюдению трактатов», ввод русских войск в Молдову и Валахию назвал необходимым. С открытием же Стамбулом военных действий на Дунае России остается «прибегнуть к силе оружия», дабы вынудить султана исполнить требования («законную заботливость нашу») о «защите на Востоке православной веры» [2].

Уничтожение османских морских сил русской эскадрой в Синопском сражении в ноябре 1853 г. ускорило вступление в войну против России Англии и Франции, которые обосновывали свое участие в ней необходимостью оградить суда и порты Османской империи от российских атак. На рубеже 1853–1854 гг. эскадры обеих стран, вкуче с сохранившимися частями султанского флота, вошли в Черное море. Петербург остался один на один практически со всей Европой и Османской империей.

Анализируя сложившуюся геополитическую ситуацию, известный русский географ, геолог и путешественник XIX в. Петр Чихачев писал, что речь идет лишь о соперничестве между Англией и Россией за контроль над Востоком. Британия, «завоевав влияние в Константинополе», не желает признать попытки России «вновь обрести справедливую долю влияния, положенную ей как соседней державе, обязанной оберегать в Турции религиозные интересы своих единоверцев и безопасность своей черноморской торговли». Поэтому истинным интересом Лондона является безраздельное властвование в Стамбуле, а «не афишируемая ею забота о целостности Оттоманской империи». Кроме того, открытие военных действий позволяло Лондону надеяться на ослабление «морской мощи» Парижа. Англии доставила бы «удовольствие картина взаимного истребления русских и французских судов ради ее превосходства и устройства ее дел на Востоке» [3].

Франция же, стремившаяся приподнять свой авторитет и вновь оказаться «во главе великих наций Европы», на том этапе забыла о своих

извечных геополитических противоречиях с Англией. Поэтому обе страны «громогласно заявили об одних и тех же намерениях и общей цели» и, проклиная «позорное честолюбие» Николая I, «клянутся в вечной верности друг другу в пользу этой интересной Турции, которую представляют Европе то как невинного агнца, то как грозного льва» [4].

По мнению Карла Маркса, эти «священные потасовки» служат лишь «прикрытием для весьма нечестивой войны». Поэтому вопрос о протекторате над святыми местами является «только одной из фаз восточного вопроса, постоянно вновь возникающего, всегда заглушаемого, но никогда не разрешаемого» [5]. К. Маркс считал, борьба между Западной Европой и Россией за обладание Стамбулом «заклучает в себе вопрос о том, падет ли византизм перед западной цивилизацией или же антагонизм между ними снова оживет в более ужасных и насильственных формах, чем когда-либо раньше». По его образному выражению, Стамбул представляет собой «золотой мост между Востоком и Западом, и западная цивилизация, подобно солнцу, не может обойти вокруг света». Но «без борьбы с Россией» пройти этот мост невозможно [6].

Военные действия

Оказавшись в одиночестве, Россия была вынуждена вывести боевые части из Молдовы и Валахии, сразу же занятых Австрией, на фоне чего летом 1854 г. флот союзников приблизился к Севастополю. Осенью началась высадка экспедиционного корпуса в Евпатории. Покуда союзники блокировали Севастополь, на Кавказском фронте русские овладели Баязетом.

В этой связи следует отметить, что в 1854 г. произведенному в полковники Михаилу Лорис-Меликову (армянин по происхождению), возглавлявшему один из отрядов на Кавказском фронте, было поручено сформировать отдельную команду «охотников». Эта группа, будучи в составе части генерала Василия Бебутова (также армянин по происхождению), осуществляла нападения на османскую кавалерию. Под тремя сотнями «охотников» подразумевались кавказские (в основном армянские) добровольцы – «сорвиголовы», держащие «в страхе» османов [7].

По словам Кавказского наместника, командующего отдельным кавказским корпусом Николая Муравьева, Лондон признал «за нужное назначить комиссара к турецкой армии», полковника Вилльямса, ставшего дивизионным начальником в османском войске. Виллиамс, пораженный «равнодушием правительства и корыстолюбием начальников», к началу кампании 1855 г. все же сумел довести войско до

определенной «степени благоустройства». Все действия анатолийской армии «подчинились английскому правительству, ревновавшему об исключительном владычестве на азийском театре войны» [8]. Летом 1855 г., уже в период императорства Александра II, желая ослабить давление на Севастополь, Петербург принял решение атаковать османский Карс. Когда российские «регулярные войска окружили Карс», блокируя его, «разбойники Лорис-Меликова» осуществляли «дерзкие вылазки в город», перекрывая «все пути к нему, нападая на обозы с провизией», высылаемые Стамбулом «к осажденной крепости» [7].

Но к началу осени союзники вошли в Севастополь (через южную часть города), чуть позже взяв и Кинбурн. А на кавказском театре боевых действий в ноябре османы начали переговоры о капитуляции. По свидетельству их участника А. Дондукова-Корсакова (в тот период командующего Нижегородским драгунским полком), обеспечивавший оборону Карсской крепости британский генерал Уильям Ф. Уильямс объявил, что «как он, так и все английские офицеры должны разделять участь пленной турецкой армии». Подписанный «Акт сдачи города и крепости Карса» устанавливал, в частности, немедленное назначение русских комендантов на всех постах «по выходе турецких войск». После осуществленной «переписи» все военнопленные «со своими офицерами во главе» принимались «русскими войсками, назначенными для конвоирования их». По образному выражению А. Дондукова-Корсакова, «ключи» от Карса открыли для России «двери всей Малой Азии» [9].

Пост-итоги войны

Однако по результатам венчавшего Крымскую войну Парижского мирного договора Петербург обязывался возвратить «султану город Карс», как «и прочие части оттоманских владений, занимаемые российскими войсками». Поэтому, по словам А. Дондукова-Корсакова, договор «закрыл нам и надолго» двери в Малую Азию. Но, с его слов, «кровь кавказских воинов не без пользы пролита была», так как «против неудач наших на Дунае и в Крыму» только успехи на Востоке «могли быть поставлены на весы на Парижском конгрессе», где «так страдала вековая военная слава и народная гордость России» [9].

Как следствие, захваченные союзниками Севастополь, Евпатория, Керчь, Еникале, Кинбурн и др. территории возвращались России. Черное море объявлялось «нейтральным»: открытым «для торгового мореплавания всех народов», но с запретом входа в него «военным судам» прибрежных и «всех прочих держав». При этом Россия и Стамбул обязывались «не заводить и не оставлять» на черноморском побережье «никакого военно-морского арсенала», т. е. Петербург потерял право

держат в Черном море военный флот. Русская сторона также согласилась на «проведение новой граничной черты в Бессарабии», позволяя присоединить устье Дуная «к Княжеству Молдавскому под верховной властью Блистательной Порты». Для Валахии и Молдовы, также «под верховной властью» Стамбула, но уже «при ручательстве договаривающихся держав», сохранялись все преимущества и льготы. Ни одному из этих государств не предоставлялось «исключительного покровительства» над княжествами и права «вмешательства» в их «внутренние дела» [10].

Говоря другими словами, Петербург лишился завоеваний КючукКайнарджийского мира 1774 г., предоставлявших ему протекторат над Дунайскими княжествами. По итогам Парижского мирного договора Россия теряла лидирующие политические позиции и на Балканах. Документ предоставил независимое и национальное управление Сербии, но оставлял княжество все под той же «верховой властью» султана. Определяющие «права и преимущества» Сербии султанские указы подтверждались, но «при общем совокупном ручательстве договаривающихся держав». Без их «предварительного соглашения» любое «вооруженное в Сербии вмешательство» не допускалось [10].

Таким образом, Парижский договор лишал Россию единоличного протектората над Сербией и остальным православным населением Османской империи, передав их под международный контроль.

Здесь же вспомним о подписании спустя год англо-персидского договора, который включал пункт об эвакуации британских войск «с персидской территории», но оговаривал его реализацию рядом условий, среди которых: амнистия всех подданных Персии, «каким-либо образом» скомпрометированных «связями с британскими войсками»; отказ Тегерана «от всех претензий на суверенитет над территорией и городом Гератом и районами Афганистана» [11].

Южный Кавказ

Прежде всего, отметим, что с конца 1859 г., в связи с разрушением Шемахи землетрясением, все губернские учреждения Южного Кавказа оказались переведенными в Баку. Посему Шемахинская губерния была переименована в Бакинскую. Баку стал губернским городом.

Что касается ситуации после Крымской войны, то, по-видимому, Петербург активизировался на Южном Кавказе на нескольких направлениях. В частности, ставилась задача продемонстрировать, что Эчмиадзин является главным центром всего армянства. Именно этим можно обосновать разрешение российских властей на избрание католикосом османского армянина Маттеоса I (1858 г.), которого

соответствующие российские структуры наверняка намеревались «обработать» в пророссийском духе.

Запад, конечно же, не согласился быть в роли статиста, предприняв шаги по контролю армянского населения Османской империи для ослабления российской «хватки» на ее территории. Согласно «Положению об армянской нации», утвержденному султанской властью в 1863 г., «для ведения внутренних дел» османских армян избиралось Национальное собрание (законодательный орган) с представительством от духовенства и светских кругов. Регулирование «политических дел» возлагалось на Политическое собрание, а «ведение церковных» дел в патриаршестве – на Духовное собрание. В случае необходимости предусматривалось образование Общего собрания. «Главой нации» и посредником в исполнении законов государства признавался армянский патриарх [12]. «Положение» практически полностью освобождало армянское население Османской империи от какого-либо восприятия Эчмиадзина духовным лидером всех армян мира.

Это вынуждало Россию предпринимать меры, направленные на ослабление духовной связи российских армян с сопредельной территорией. Поэтому нет ничего неординарного в согласии Петербурга с избранием в 1865 г. католикосом всех армян османского армянина Кеворка (Геворга) IV. Также отметим учреждение в 1863 г. так называемых «бекских комиссий», утвердивших все фамилии, в чьей родovitости не возникало сомнений, в потомственном бекском достоинстве [13].

Очередная порция «польского вопроса» и идеологические акции Петербурга

Начало 1860 гг. вошло в историю и как очередной этап активизации польского движения. Надеясь не допустить повторения событий 30-летней давности, Петербург решил разрешить назревавшие проблемы мирными средствами. В 1861 г. вышел указ о восстановлении госсвета, открытии вузов; было проведено уравнивание евреев в гражданских правах; предоставлены возможности для расширения изучения польского языка и культуры в школах и т. д. Однако в определенных польских кругах продолжал муссироваться вопрос о восстановлении исторических границ Речи Посполитой с предоставлением независимости. Начался этап террора, вплоть до покушения на наместника.

На этом фоне в 1862 г. Александром II было проведено масштабное мероприятие, посвященное тысячелетию России. Как пишет российский исследователь Ольга Майорова, организаторы торжества придали ему «символический смысл, превратив праздник в зримое свидетельство

новой стратегии власти – той модели самодержавия, которую пытался реализовать Александр II». По задуманному сценарию государь дважды приплывал к своим подданным. Эпизоды прибытия царя в Новгород и поездка в Рюриково городище стали символическим повторением «державного пути легендарного варяжского князя» (Рюрика). «Не менее важную нагрузку несла одна из центральных церемоний праздника – коленопреклоненное благодарственное молебствие на Софийской площади Новгородского Кремля». Главным моментом всего действия оказалось продвижение идеи о сплетении христианской составляющей самодержавия «с его уникальной – выборной и добровольной – природой». Христианский «подвиг на троне», вкупе с «добровольно» установленной властью, служили «скрепляющим началом державного нарратива», мыслившись «основой национального единения». Поэтому сюжетная линия празднества замкнулась на русской православной государственности [14]²⁶. Но общеславянский акцент на нем вновь не прозвучал, поскольку «образ России» ненавязчиво подтягивался «к складывавшемуся на Западе представлению» о «национальном государстве» [14].

Но воспринималась ли Империя таковой (истинно национальной) для всех населяющих ее народов? Ситуация в стране свидетельствовала об обратном. В начале 1863 г. провозглашенное в Польше Временное народное правительство призвало поляков к вооружению, вслед за чем начались нападения на российские гарнизоны. Белорусский историк Евгений Новик называет восстание шляхетским, так как шляхта была его основной движущей силой. Она намеревалась вернуть себе «золотые шляхетские вольности», которыми обладала в Речи Посполитой. Белорусские крестьяне, в основном оказавшись не на стороне восставших, поддержали «законную власть российского государя», за что получили неприятности от повстанцев и царскую благодарность [15].

Тем временем вокруг России сразу сложилась напряженная международная обстановка. Между ней и Пруссией была подписана Конвенция Альвенслебена²⁷, позволявшая войскам обоих государств преследовать восставших на территории друг друга. Но Франция с Англией потребовали от Петербурга прекращения антипольских действий, ратуя за созыв международного саммита по этому вопросу. Австрия также не поддержала Россию. В итоге Петербург, как во время

²⁶ Отметим, что еще в 1834 г. Греко-униатская коллегия постановила обновить храмы в православном духе, приобрести книги православной печати, устранить заимствования из латинского обряда. А в начале 1837 г. униатская церковь была подчинена ведению обер-прокурора Святейшего Синода.

²⁷ Не была ратифицирована – прим. авт

Крымской войны, рисковал остаться один на один с ведущими европейскими странами.

Ответ Петербурга через американское побережье

Российские власти приняли решение ответить континентальным геоконкурентам через «океан». В тот период в разгаре была Гражданская война в США (1861–1865 гг.), вызванная стремлением некоторых юго-восточных штатов выйти из федерации 24 северных штатов (Союза) для создания Южной конфедерации с сохранением режима рабовладения. Англия, прежде всего, и Франция поддерживали Юг, будучи готовы вмешаться в войну на его стороне.

Россия была заинтересована в укреплении позиций президента Северо-Американских Соединенных Штатов Авраама Линкольна, что однозначно вело к появлению у Англии нового сильного геополитического противника в лице США. В результате взаимопонимания между ним и Александром II, достигнутого посредством военно-морского атташе России в США Степана Лесовского, из России к берегам Америки направились военные эскадры. Осенью 1863 г. у Нью-Йорка и Сан-Франциско появились российские крейсерские эскадры под командованием контр-адмиралов – того же С. Лесовского и Андрея Попова. Операция, вошедшая в историю как Американская экспедиция российского флота, с одной стороны, создавала проблемы торговому судоходству Англии, с другой – при начале прямого столкновения противоборствующих сил у американских берегов становилась фактором прямой угрозы морским коммуникациям Великобритании. В итоге Лондон и Париж были вынуждены отказаться как от вмешательства в гражданскую войну США, так и от явных антироссийских шагов в «польском вопросе».

Российская акция несколько приподняла престиж Петербурга. В дни «Московские ведомости» писали, что «восемь судов с тремястами орудиями» в американских портах принесли «самую существенную услугу России», оказав «не малое влияние на ее отношения с западными державами». Поэтому осуществленное имеет для Петербурга «цену выигранного генерального сражения» [16].

К весне 1864 г. восстание в Польше было подавлено и русские эскадры благополучно вернулись в Россию. Вслед за этим начался процесс русификации Польши и распространение православия: запрет использования польского языка в школах, администрации, общественных местах, запрет церковных книг на польском языке.

«Польский вопрос» и взаимоотношения России с Ватиканом

Все католические монастыри Польши, «принявшие участие в восстании», подверглись ликвидации. Согласно Высочайшему указу от июля 1864 г., «ввиду участия католического духовенства» в событиях 1863 г. стало «невозможным оставить далее» монастыри Царства Польского в «исключительном положении», ранее предоставлявшемся им «по особому снисхождению правительства» [17].

Как следствие, тем же летом энцикликой “*Ubi urbaniano*” Папа Римский Пий IX, с одной стороны, осудил «легкомысленное восстание» в Польше и внушил восставшим необходимость послушания властям, с другой – в самых жестких выражениях обличил антикатолические меры российских властей.

Обнародованные в 1865 и 1866 гг. новые указы Александра II еще больше урезали права католической церкви в России, поскольку все дела российских католиков (и духовных, и светских лиц), подлежащие рассмотрению Ватикана, должны были направляться в образованную Петербургом Римско-католическую духовную коллегию. Ввиду нарушения данным порядком канонической традиции Пий IX опубликовал энциклику “*Levate*”, осудившую создание Коллегии и запретившую католическим епископам в России принимать участие в ее деятельности. Шесть епископов, выразивших послушание этому запрету Папы, были отправлены российскими властями в ссылку. Кроме того, Россия заявила о разрыве дипломатических отношений с Римом, попутно расторгнув и конкордат 1847 г. [18].

Нефть Баку

Еще в 1735–1736 гг. член Российской академии наук, директор Медицинской канцелярии Иоанн Лерхе (Иван Лерх), посетивший западное побережье Каспия, описывая путь «от неугасимого огня²⁸ до Балахан к черным нефтяным кладезям», неповрежденными из них насчитал «только 26», глубиной «20 сажений, из коих один весьма сильно бьет и ежедневно доставляет 500 батманов нефти» [19].

В 1803 г. бакинский купец Гасымбек Мансурбеков начал добычу «черного золота» со дна Каспия, соорудив два нефтяных колодца (на расстоянии 18 и 30 м от берега) в бакинском районе Биби-Эйбат. За сутки удавалось добывать не более четырех ведер.

В «Обозрении Российских владений в Закавказье» за 1837 г. сообщалось, что «из царства минералов, составляющих большое

²⁸ Сурахань – прим. авт.

богатство для провинции», нефть «встречается в большом изобилии во многих местах Апшеронского полуострова» [20].

По проекту директора бакинских и ширванских нефтяных и соляных промыслов Николая Воскобойникова в 1838 г. в Балаханы, у подножья горы Бог-Бог, был построен предназначенный для получения керосина нефтеперегонный куб. Он же выдвинул идею осуществления добычи нефти путем бурения нефтяных скважин. Однако в связи с увольнением его с должности идея начала осуществляться в БибиЭйбате (район Баку) с 1846 г. под руководством майора корпуса горных инженеров Алексеева. Результат появился в 1848 г., когда впервые в мире была пробурена нефтяная скважина ударным способом с применением деревянных штанг. Манаф Сулейманов, известный азербайджанский писатель и публицист XX в., прекрасный знаток азербайджанской истории, по образованию инженер-нефтяник, говоря об «усовершенствованном способе» Н. Воскобойникова, добавляет, что «построенный новым методом²⁹ колодец давал по 110 пудов нефти в сутки» [21]. Но на этом развитие процесса затормозилось.

В середине 1850-х гг. в России появляется Русское общество пароходства и торговли, основной учредитель которого, предприниматель и меценат Василий Кокорев применительно к Баку обратил внимание на выводы известного немецкого химика Юстуса Либиха о возможном использовании выходящих на поверхность земли природных богатств. Жители бакинских пригородов покрывали свои одноэтажные домики киром, являющимся смесью загустевшей нефти с землей. При непосредственном участии В. Кокорева к концу 1850-х гг. в Сураханах завершилось строительство (по проекту Ю. Либиха) первого нефтеперегонного завода для переработки кира в осветительное масло (фотоген), говоря другими словами – в керосин. Одновременно был построен «керосиновый завод на о. Артема аптекарем Витте». В 1863 г. его бывший служащий, Джевад Меликов, «построил керосиновый завод в Баку» [22]. Он же впервые в мире применил в процессе нефтеперегонки холодильник. Однако получать осветительные масла в нужном объеме не получалось. Для выхода из ситуации В. Кокорев еще в 1860 г. пригласил в Баку известного в будущем химика и ботаника, а тогда магистра МГУ Вильгельма Эйхлера. По его совету он приступил к перегонке так называемой «колодезной нефти», получаемой в Балаханы посредством бурения. Но доход от продажи на российском рынке этого керосина («фотонафтиль») также не удовлетворял предпринимателя, имевшего огромные производственные издержки.

²⁹ На 11 лет раньше, чем в США. – прим. авт.

Он вновь обращается к помощникам со стороны. В 1863 г. Баку посещает гениальный Дмитрий Менделеев, в одночасье оценивший ситуацию. Высокая цена керосина даже для внутреннего потребления была следствием низжайшего уровня транспортировки продукта. Керосин заполнялся в деревянные бочонки, перевозимые на арабах (повозках), или водным способом – в дубовых (затем стальных) бочках. Д. Менделеев предложил осуществлять перевозку нефтепродуктов в специально оборудованных трюмах судов методом налива. Он, в частности, указывал на «необходимость прежде всего непрерывной перегонки³⁰ и тщательного производства эмалированных (при помощи смеси клея с патокой) бочек, а затем устройства наливной перевозки по морю и доставки от завода до берега моря керосина по трубам, чтобы по возможности удешевить дорогую доставку». Но лишь «часть этих предложений, вместе с г. Эйхлером, была тотчас осуществлена». И даже эта малость позволила сураханскому заводу получать доход, хотя «цены керосина стали падать» [23].

1. Высочайший манифест 14 июня 1853 г.
http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=146929&PORTAL_ID=7146&SECTION_ID=6778
2. Высочайший манифест 20 октября 1853 г.
http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=146930&PORTAL_ID=7146&SECTION_ID=6778
3. Чихачев П. А. Об англо-французской политике в Восточном вопросе
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1840-1860/Cichacev_P_A/text1.htm
4. Чихачев П. А. Прочен ли Парижский мир?
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1840-1860/Cichacev_P_A/text21.htm
5. Маркс К. Объявление войны. К истории возникновения восточного вопроса
<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/10/24.htm>
6. Маркс К. Поражение правительства по финансовому вопросу. – Извозчики. – Ирландия. – Русский вопрос
<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/09/34.htm>
7. Холмогорова Е., Холмогоров М. Белый ворон. Ненаписанные мемуары
<http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/3/holm.htm>

³⁰ Перегонка до тех пор велась до тех пор лишь днем, на ночь останавливалась. – прим. авт.

8. Из записок генерал-адъютанта Муравьева о войне 1855 года в Малой Азии
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Muravjev_Karskij/text2.htm
9. Дондуков-Корсаков А. М. Воспоминания о кампании 1855 года в Азиатской Турции
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Dondukov_Korsakov/text3.htm
10. Текст Парижского трактата
<http://www.diletant.ru/articles/40881>
11. Англо-иранский договор от 4 марта 1857 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Dok_Angl/frametext.htm
12. Национальная конституция 1860 г.
<http://www.genocide.ru/enc/national-constitution.htm>
13. Исмаилов Э. Э. Генеалогия Талышинских-Талишхановых
<http://karabakh-doc.azerall.info/ru/azerpeople/ap035.php>
14. Майорова О. Бессмертный Рюрик. Празднование Тысячелетия России в 1862 г.
<http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/s6.html>
15. История Польского восстания 1863 года фальсифицирована
<http://www.newsalt.ru/detail/?ID=8127>
16. Из статьи в газете «Московские ведомости» от 5 октября 1863 г.
<http://www.runivers.ru/Runivers/calendar2.php?ID=61683&month=&year=>
=
17. Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в.
<http://www.verigi.ru/?book=207&chapter=13>
18. Александр II Романов. Статья из Католической энциклопедии
<http://catholic.ru/modules.php?name=Encyclopedia&op=content&tid=335>
19. Цит. по: Брод И. Тайны нефти
http://nglib-free.ru/book_view.jsp?idn=000148&page=7&format=html
http://nglib-free.ru/book_view.jsp?idn=000148&page=8&format=html
20. Обзорение Российских владений в Закавказье. СПб, 1837, с. 25.
21. Сулейманов М. Дни минувшие
http://azeribook.com/history/manaf_suleymanov/dni_minuvshie.html
22. Цит. по: Фролов В. И. Экономика нефтяного хозяйства. М.-Л., 1928, с. 208.

23. Менделеев Д. «Нефть». Статья из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона
<http://bibliotekar.ru/ben/127.htm>

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ТОНАЛЬНОСТИ В ПРЕДДВЕРИИ РУССКО-ОСМАНСКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг.

Славянский съезд в России

Как только православная составляющая Европы была выведена из-под протектората России, для достижения внешнеполитических целей Петербург попытался опробовать другие панславистские идеи. Так, на фоне антипольской волны и обострения взаимоотношений с Ватиканом в России был проведен в 1867 г. Славянский съезд, посвященный сущности славянского единства, необходимости введения русского языка в качестве «культурного» языка славян, освободительной роли России и др. [1].

К новым формам панславизма Россию подтолкнуло создание в 1866–1867 гг. Балканского союза посредством заключения премьерминистром и министром иностранных дел Сербии Илией Гарашаниным договоров с Румынией, Черногорией и Грецией. Так что неслучайной была и проведенная во время съезда славянская этнографическая выставка, отразившая, по словам российского исследователя Ольги Майоровой, «не только полиэтничную империю, но господствующий этнос», протягивающий руку славянам, «не входившим в состав империи». Представление «русских прежде всего славянами» и «общеславянская» линия, занявшая «центральное место в риторике съезда», способствовали тому, что «решительно» менялись «воображаемые географические контуры России». Поэтому съезд воспринимался как прямое следствие и результат «возрожденного культа Кирилла и Мефодия», первый шаг к «воссоединению славянских племен», как «зримое свидетельство славянского единения» [2].

Но если российские участники съезда славянское единение в основном воспринимали как духовный союз с опорой на Россию, а русский язык – как базу общеславянского единства, для европейских участников более актуальным было «решение конкретных вопросов политической жизни» и реализация «ближайших национально-политических целей». Поэтому лидеры европейского славянского движения, признавая «единое племенное целое» разных славянских народов «по языку», «по крови», «гармонии интересов», выступили против их культурно-политического объединения, попутно отвергнув и тезис о едином общеславянском языке. Но при этом они говорили о долге России помочь в освобождении южных славян.

И хотя съезд не утвердил формально политическое старшинство

России над славянами, Москва получила своеобразный статус «центра славянского мира». Русский государь при этом рассматривался как царь «всех славян», а Москва – как сакральный центр, объединяющий «славянские племена в единый народ». Но русские панслависты «намеренно» игнорировали «поликонфессиональность славянского мира, явным и косвенным образом подчеркивая» на съезде «первенство православия» [1].

Говоря другими словами, главной в российском панславизме была православная составляющая. Одновременно с панславистской деятельностью Россия пыталась устранить неблагоприятные для нее последствия Крымской войны. Этому способствовало поражение Франции в войне с Пруссией в 1870 г., в немалой степени изменившее европейскую геополитическую раскладку. Так, в депеше во все ведущие европейские государства и Османскую империю министр иностранных дел России Александр Горчаков подчеркнул, что в связи с неоднократными нарушениями ими договоров, считаемых «основанием европейского равновесия», безопасность российской границы стала иметь «лишь теоретическое значение». Поэтому русский император «не может долее считать себя связанным обязательствами трактата 1856 г.», так как они «ограничивают его верховные права в Черном море» [3].

Англия не восприняла такой демарш, но усилившаяся Пруссия, не желавшая столкновений с Петербургом, признала позицию России, предложив в 1871 г. подписать конвенцию о Босфоре и Дарданеллах. Ведущие страны Европы и Стамбул согласились с открытием Проливов для военных кораблей «дружественных и союзных» Османской империи держав не только в военное время. Этот пункт не устраивал Россию, но она добилась отмены статьи Парижского трактата об ограничении числа русских военных судов на Черном море.

Здесь же отметим, что в последней трети XIX в. западных губерниях России начался процесс русификации. С 1866 по 1871 год российские власти упразднили в Царстве Польском Госсовет, правительственные комиссии и Исполнительный комитет. В 1874 г. наместничество было заменено варшавским генерал-губернаторством. В результате Царство Польское в качестве автономной государственной единицы практически перестало существовать, а польские территории начали именоваться «губерниями Царства Польского» (Привислинский край). Использование польского языка было запрещено за исключением употребления в быту; католики не имели права занимать госдолжности; под запретом оказались церковные книги на польском языке. Судопроизводство в Польше стало вестись на русском языке. Вместо закрытого Варшавского университета учрежден был Императорский, с преподаванием на русском. С

ликвидацией греко-католической церкви в 1875 г. униаты принуждались к переходу в православие.

Активизация Петербурга на южно-кавказском направлении

На Южном Кавказе еще в конце 1867 г. указом «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края» была образована Елизаветпольская губерния, в состав которой вошли Елизаветпольский, Нухинский, Шушинский уезды и часть упраздненного Ордубадского округа. В границах этой губернии также были созданы Казахский и Зангезурский уезды.

«Положение о поземельном устройстве государственных поселян, водворенных на землях лиц высшего мусульманского сословия, а равно меликов из армян в губерниях Закавказских: Елизаветпольской, Бакинской, Эриванской и части Тифлиской», введенное в конце 1870 г. по решению Кавказского наместника, распространялось на имения ханов, беков, агаларов и меликов. Утверждалось их потомственное право частной собственности на собственные «имения», в том числе на земли, исконно принадлежавшие крестьянам, получившим наименование «государственных поселян». Документ предоставлял крестьянам право беспрепятственно оставлять бекские земли путем отказа «от пользования всей землею своего надела», оставаться в своем сельском обществе или переходить в другое. За закрепленный за ними в постоянное пользование земельный надел они должны были нести определенные повинности в пользу землевладельцев.

В отличие от российских губерний, в Азербайджане правительство полностью отказалось как-либо содействовать крестьянам в выкупе земли. Который, к тому же, в этом регионе не был обязательным. Только уплатив за землю сполна наличными, крестьяне могли перейти в разряд крестьян-собственников. Насколько непосильными оказались для крестьян эти условия, видно из того, что подавляющее большинство крестьянских домов не выкупили свои наделные земли в собственность [4].

В 1872 г. было утверждено Положение об управлении Закавказского мусульманского духовенства (ЗМД) шиитского и суннитского учений, согласно которому «в общем административном порядке, надзор за точным исполнением мусульманским духовенством законов и распоряжений правительства, а также надзор за мусульманскими духовными училищами (по губерниям и уездам Закавказья) возлагался на губернаторов и уездных начальников». Управление ЗМД шиитского учения подчинялось Министерству внутренних дел (МВД).

Высшее шиитское духовенство составили шейх-уль-ислам, члены Духовного правления, медрес и казии; приходское (мечетское) духовенство – муллы. Назначение шейх-уль-ислама происходило по представлению главноначальствующего гражданской частью на Кавказе «высочайшим повелением, испрашиваемым чрез МВД».

Мусульманское духовенство, «исполняя обязанности по отправлению богослужения, обрядов и треб, по правилам своей веры», одновременно обязано было соблюдать «законы и распоряжения правительства». Независимо от «собственного примера» обязывалось «поучениями своими внушать единоверцам непоколебимую верность и преданность Государю Императору и послушание установленным властям». Во все «высокоторжественные дни» духовенство должно было возносить в мечетях, «по обрядам мусульманской религии», моления «Господу Богу о здравии и долголетию» императора, его супруги, наследника престола и «всего Царствующего Дома» согласно правилам и предписаниям «по сему предмету от высшего начальства». Также чины мусульманского духовенства обязывались «по требованию правительственных мест и лиц» приводить мусульман «к присяге, неуклонно соблюдая предписанные шариатом условия для действительности, силы и ненарушимости клятвенного обещания». Кроме того, на них возлагалась обязанность «увещевать обвиняемых и преступников» и, в целом, исполнять поручения начальства, «свойственные духовному званию» [5/а,б]. Аналогичные пункты касались и суннитского направления, с той лишь разницей, что вместо должности шейхуль-ислама значилась должность муфтия [6].

Геополитические и идеологические тонкости «восточного вопроса»

1875 г. вошел в историю как год, вернувший средиземноморскому региону его былую геополитическую роль.

На востоке особое значение приобрел Суэц. Еще в 1854 г. французский дипломат Фердинанд де Лессепс получил от правителя Египта Саида-паши концессию на сооружение Суэцкого канала для соединения Красного и Средиземного морей (Атлантического и Индийского океанов). По геополитическим соображениям Британия стремилась помешать реализации проекта, поэтому контролируемая Лондоном Османская империя, провинцией которой являлся Египет, затягивала его утверждение. Но в 1859 г. строительство началось, хотя султанское согласие на это было получено лишь в 1866 г. В 1869 г. проект постройки канала был осуществлен. Это позволило сократить водный путь между Западной Европой и Индией (Азией) почти на 8 тыс. км, так как морской транспорт начал проходить в обе стороны без огибания Африки.

Однако Париж не сумел удержать геополитическое преимущество в этом вопросе, перешедшее к Великобритании. В 1875 г. Лондон, приобретя за 100 млн франков 177 тыс. акций Суэцкого канала, находившихся в собственности египетского хедива (вице-короля) Исмаила паши, стал практически единоличным его хозяином.

Ну а краугольным событием мировой геополитики в 1875 г. представляется антиосманское восстание в Боснии и Герцеговине, распространившееся на следующий год на Болгарию. Оно открыло так называемый «восточный вопрос». Как видим, на политическую поверхность вновь всплыла «славянская» тема, откуда следует, что за происходящим так или иначе стояли Австро-Венгрия и Россия.

Как только ситуация на Балканах обострилась, австрийский министр иностранных дел Дьюла Андраши от имени ведущих европейских стран направил ноту Стамбулу, требующую проведения реформ по установлению равноправия славянского населения с османским, свободы вероисповедания и др.

Россия в этом открыто не участвовала, и сдерживающим ее фактором был пункт Парижского трактата, завершивший Крымскую войну. Он гласил, что в случае возможного несогласия между Османской империей и другими подписантами, могущего «угрожать сохранению дружественных между ними сношений», Стамбул и «каждая из сих держав» наделяются правом предупредить дальнейшее столкновение «через свое посредничество» [7]. Следовательно, в случае противостояния Стамбула с одной из европейских столиц Англия и Австрия могли поддержать Османскую империю, что не позволяло Петербургу вступать в открытую конфронтацию со Стамбулом.

Но хотя Россия воздерживалась от открытых действий во время обострения обстановки на Балканах, внутренние идеологические баталии вокруг «восточного вопроса» там не утихали. С одной стороны, они подпитывались идеями, озвученными на Славянском съезде 1867 г., с другой – достоянием общественности становились публицистические материалы на эту тему, внимательно отслеживаемые на Западе. Например, русский социолог, культуролог, публицист XIX в. Николай Данилевский писал, что, возведя Европу в сан «верховой решительницы достоинства наших поступков», вместо «одобрения народной совести» нравственным двигателем наших действий мы признали «унизительно-тщеславное удовольствие от ее похвал». Такую позицию высших образованных слоев русского общества он назвал «европейничаньем», т. е. подведением явлений внутренней и внешней жизни России «под нормы жизни европейской». По его мнению, это болезнь, препятствующая осуществлению «великих судеб русского народа», так как с иссушением самобытного родника «народного духа» историческая жизнь русского

народа лишается «внутренней зиждательной силы», т. е. «самое его существование» становится «бесполезным». Вслед за этим он подчеркивает важность образования «федерации славянских народов и всех вкрапленных между ними инородных племен», так как «Царство Константина, Феодосия и Юстиниана» может ожить исключительно в форме «славяно-греческой федерации, и только таким образом может и Греция принять участие в его славе и величии». Но в любом случае наличие всеславянской федерации – «с Россией во главе, со столицей в Царьграде» – это единственно «разумное, осмысленное решение великой исторической задачи», известной в качестве «восточного вопроса» [8/а,б]. Поэтому «мы должны быть верным другом и союзником» желающих содействовать нашей «неизменной цели» – продвижению «к освобождению и объединению славянства», приближаясь «к Цареграду». В свете чего «нам необходимо» отрешиться от мысли «о какой бы то ни было солидарности с европейскими интересами» [9]. Правда, появлялись произведения и с другим акцентом.

С другой стороны, в год начала боснийско-герцеговинского восстания известный российский философ и публицист XIX в. Константин Леонтьев, определив «всеславизм» аморфическим, неорганизованным представлением, противопоставил ему «византизм» – здание, в государственном формате подразумевающее «самодержавие»; в религиозном – «христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов».

«Что такое семья без религии?», «религия без христианства?», «христианство в России без православных форм, правил и обычаев, т. е. без византизма?», вопрошал К. Леонтьев. Вслед за этим он писал, что под знаменем византизма мы «будем в силах выдержать натиск» интернациональной Европы, которая, «разрушивши у себя все благородное», может со временем попытаться предписать России «гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости!». Но «сила наша» органически сопряжена «с родовой монархией нашей, освященной православием, которого мы естественные наследники и представители во вселенной». Изменяя этому византизму, «мы погубим Россию». Увлекаясь «обманчивой тенью» презренного «всемирного блага», мы можем «расстроить организм нашего Царства», ибо «идея всечеловеческого блага, религия всеобщей пользы» – самая «неосновательная из всех религий».

Далее К. Леонтьев пишет, что «славизм» к конкретному смыслу – это «племенное этнографическое отвлечение», не представляющее «отвлечения исторического», под которым бы разумелись все религиозные, юридические, бытовые, художественные признаки, «составляющие в совокупности своей полную и живую историческую

картину известной культуры». Другое дело, что «для существования славян необходима мощь России», берущая начало из «византизма». Поэтому «кто потрясает» его авторитет, «подкапывается» под основы «русского государства». При этом Леонтьев шел еще дальше, подчеркивая, что «славизм отвлеченный, так или иначе, но с византизмом должен сопрячься». Ведь «византийское начало» – единственный надежный якорь «не только русского, но и всеславянского охранения» [10].

Выдающийся русский писатель XIX в. Федор Достоевский сущность «восточного вопроса» также очертил как «разрешение судеб православия», слитых «с назначением России». По его словам, «римское католичество, продавшее давно уже Христа за земное владение» и ставшее «главнейшей причиной матерьялизма и атеизма Европы», породило и социализм. Последний стремится разрешить судьбу человечества «вне бога и вне Христа», утраченный образ которого сохранился в «свете чистоты своей в православии». Потому «новое слово миру навстречу грядущему социализму» пронесется с Востока, и, возможно, «вновь спасет европейское человечество». В этом для России заключается «восточный вопрос», но «для такого назначения» нужен Константинополь.

Утверждая об осознании Россией себя носительницей «идеи Христовой» и что «слово православия переходит в ней в великое дело», Ф. Достоевский уверял, что «не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников» и «явных врагов», как «все эти славянские племена». «Чуть только их Россия освободит», а Европа согласится признать освобожденными, «особенно приятно будет» для них «трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс», ненавистник «европейской цивилизации». Хотя, «разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью», так как «всегда будут инстинктивно» чувствовать: «Европа естественный враг их единству», а Россия «сдерживает их целость» [11].

Следовательно, в российском обществе того времени православная идея представлялась центральной в «восточном вопросе». И хотя многие из мыслителей резко критиковали панславизм, но если бы он принял исключительно православный формат при лидерстве России, они вполне адекватно бы к этому отнеслись. Однако балканский православный аспект уже находился под международным контролем, а потому внешнеполитические устремления России в направлении Османской империи (с европейского континента), пусть и с конфессиональным уклоном, могли быть реализованы только в слависткой оболочке.

Ввиду такой откровенной панславистской тенденции Фридрих Энгельс высказывается о России того периода как об оплоте «европейской реакции», не отказывающей себе «в удовольствии подготавливать посредством панславистских подстрекательств дальнейшие завоевания в Австрии и в Турции» [12]. Согласимся, однако, что Россия была далеко не единственным таким «оплотом».

Хотя с именами К. Маркса и Ф. Энгельса связывают рождение в середине XIX в. одного из популярных словосочетаний по отношению к России – «жандарм Европы», конкретно к панславизму в их произведениях это выражение не употребляется. Другое дело, что, по словам Ф. Энгельса, в 1848 г. издаваемая К. Марксом в Кельне газета «*Neue Rheinische Zeitung*» призывала «ко всеобщей войне революционной Европы против могучей опоры» европейской реакции, «действительно страшного врага» революции – России [13].

Признаем, что в свете европейских событий середины XIX века, в частности подавления континентальных революций 1848 г., прежде всего венгерской, царизм действительно мог представляться «международным жандармом». Но разве в условиях сложившейся во второй половине XIX в. геополитической палитры Россия была в силах вести собственную линию? Другое дело, что геоконкуренты Российской империи не намеревались допустить использования Россией движения панславизма в собственных интересах. Этот нюанс четко просматривается в подписанном летом 1876 г. Рейхштадтском соглашении между Россией и Австро-Венгрией, чьи мощные силуэты маячили за кадрами объявления Сербией и Черногорией войны Османской империи. В соглашении записано, что если в противостоянии «победят христиане», подписавшие его «не окажут содействия образованию большого славянского государства». Однако в таком случае Черногории и Сербии перепала «возможность аннексировать» ряд сопредельных территорий. Аналогичные действия предусматривались для Австрии, а России возвращалась «часть Бессарабии», утраченная в 1856 г. Рассматривались и другие нюансы, вплоть до объявления Стамбула «вольным городом» [14], но последнее уже исходило от Британии. Дело в том, что правительство Бенджамена Дизраэли готово было согласиться с разделом пост-османской «балканской добычи» между Петербургом и Веней, но за геополитическую оплату «дружеских услуг»: Б. Дизраэли видел Стамбул «с соответствующим районом», превращенным в «свободный порт под защитой и опекой Англии по примеру Ионических островов» [15].

В этой игре, не намереваясь (внешне) допустить ведение Россией военных действий против Османской империи, Австро-Венгрия и Великобритания молчаливо отслеживали их приближение.

Нефтяной фактор в мире

В отличие от России, где идеи Дмитрия Менделеева о прокладке трубопроводов для доведения по ним сырой нефти до судов или расположенных на море заводов все еще не были реализованы, великого ученого услышали в США, где лишь в 1859 г. началась добыча нефти путем бурения в штате Пенсильвания.

Джон Рокфеллер, который в 1863 г. построил свой первый нефтеперегонный завод возле Кливленда, а в 1870 г. создал нефтяную компанию Standard Oil³¹, взамен гарантированного объема нефтяных грузов получил у Пенсильванской железной дороги огромные скидки на перевозку. А затем, чтобы не быть зависимым от работы железнодорожного транспорта при перевозке нефтепродуктов и в целях их удешевления, он, как пишет классик американской литературы нач. XX в. Теодор Драйзер, «захватил в свои руки все нефтепроводы в стране». Став их обладателем, он «мог перекачивать свою нефть куда хотел, не прибегая к услугам железных дорог».

Став «нефтяным Голиафом», Дж. Рокфеллер сосредоточил в своих руках целую систему нефтепроводов «общей протяженностью в 35 000 миль»³² [16]. Хотя, согласно ряду источников, именно «люди Рокфеллера» в 1865 г. устроили поджог первого в мире 6-ти километрового нефтепровода из деревянных труб диаметром 60 мм, построенного его конкурентами.

Как бы то ни было, постепенно Дж. Рокфеллер стал обладателем четко отлаженной, разветвленной сети сбыта нефтепродуктов за пределами США. И хотя Россия первой в мире начала производство керосина, этим продуктом российский рынок обеспечивался за счет США, причем с ростом потребления. Впервые американский керосин поступил в Санкт-Петербург в 1862 г., «в 1864 г. в Россию было завезено 189,1 тыс. пудов керосина, в 1869 г. – 1099,5 тыс. пудов, а в 1872 г. – 1790,3 тыс. пудов. Сумма выручки за поставленный керосин составила 35 млн рублей» [17].

Русское самодержавие вынуждено было зашевелиться, поскольку даже официальное разрешение на бурение нефтяных скважин на Абшероне 1868 г., выданное правительством с опозданием на 20 (!) лет, лишь ненамного способствовало улучшению нефтяного дела. В результате в начале 1872 г. последовали высочайше утвержденные «Правила о нефтяном промысле и акцизе с фотогенового производства» и «Правила об отдаче в частные руки казенных нефтяных источников Кавказского и Закавказского края, состоящих в откупном содержании».

³¹ В 1871 г. в Пенсильвании появилась первая нефтяная биржа. – прим. авт.

³² 1 миля соответствует 1,609 км. – прим. авт.

Ими разрешалась реализация с торгов нефтеносных участков на Абшероне и беспрепятственный поиск нефти на всех свободных казенных землях Кавказа «лицами всех состояний, как русским подданным, так и иностранцам». С этого года и началась промышленная разработка недр Абшеронского полуострова. В 1874 г. появляется Бакинское нефтяное общество – первая акционерная компания в российской нефтяной промышленности с уставом, утвержденным Александром II. В 1875 г. впервые за многие годы доходы нефтяной промышленности России превысили расходы. А через два года под давлением Д. Менделеева произошло «освобождение фотоголового производства от акциза», что еще более способствовало увеличению добычи нефти.

1. Досталь М. Ю. Славянский съезд 1867 года в Петербурге и в Москве
<http://slawia.org/ru/book/Slavyanskiy-sezd-1867-goda-v-Peterburgei-v-Moskve>

2. Майорова О. Славянский съезд 1867 года: Метафорика торжества
<http://magazines.russ.ru/nlo/2001/51/mayor.html>

3. Циркулярная депеша министра иностранных дел России А. М. Горчакова
<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/grchakov.htm>

4. История Азербайджана (под ред. Игара Алиева)
<http://www.azerbembassy.org.cn/rus/historical19.html>

5. О управлении Закавказского Мусульманского духовенства шиитского учения

a/

http://bib.convdocs.org/v28120/%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D0%B2_%D0%B4.%D1%8E._%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC_%D0%B2_%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B8?page=8

б/

http://bib.convdocs.org/v28120/%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D0%B2_%D0%B4.%D1%8E._%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC_%D0%B2_%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B8?page=9

6. О составе и устройстве управления Закавказского Мусульманского духовенства суннитского учения

http://islamri.narod2.ru/otdelenie_pervoe_o_sostave_i_ustroistve/

7. Парижский трактат
<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/paris.htm>
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа
а/ <http://samoderjavie.ru/node/360>
б/ <http://samoderjavie.ru/node/363>
9. Данилевский Н. Я. Россия и франко-германская война
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/danil/ross_fr.php
10. Леонтьев К. Византизм и славянство
<http://knleontiev.narod.ru/texts/vizantizm.htm>
11. Достоевский Ф. М. Дневник писателя
<http://www.magister.msk.ru/library/dostoevs/dostdn21.ht>
12. Энгельс Ф. Эмигрантская литература
<http://fb2.books.gid.com/content/A2/karl-marks-sobranie-sochineniytom-18/130.html>
13. Энгельс Ф. Маркс и “Neue Rheinische Zeitung”
<http://lib.rus.ec/b/207867/read>
14. Рейхштадтское соглашение между Россией и Австро-Венгрией
<http://istmat.info/node/27175>
15. Из лекционного курса «Новое время и новые международные отношения»
<http://rudocs.exdat.com/docs/index-549381.html?page=>
16. Драйзер Т. Трагическая Америка
<http://www.lebed.com/2006/art4462.ht>
17. Орхан Мамед-заде. Бакинская нефтяная промышленность до и после отмены откупной системы
<http://n-t.proc.ru/tp/ie/bnp.htm>
18. Ахмедов А. Азербайджанские тюрки в революции 1905 г. Баку, 2003, с. 83.

ОТДЕЛЬНЫЕ НЮАНСЫ РУССКО-ОСМАНСКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг. ФАКТОР ИСМАИЛА ХАНА НАХИЧЕВАНСКОГО НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Карты раскрываются?

Летом 1876 г. султанские войска остановили сербское наступление, возглавляемое князем Миланом IV Обреновичем, что приблизило начало российско-османской войны 1877–1878 гг., закулисно одобренной ведущими европейскими державами. Главнокомандующим сербов являлся, по просьбе их правительства³³, русский генерал Михаил Черняев. С его назначением в сербскую армию потянулись российские добровольцы, что привлекло еще больше внимание российского общества к происходящему вокруг Балкан и породило в нем надежды на победу сербов. Однако в результате последовавшей атаки османская армия оказалась всего лишь в одном дне пути до Белграда.

В связи с этим довольно интересны воспоминания Анны Аксаковой, дочери известного русского поэта XIX в. Федора Тютчева, которые проливают свет на происходящее в тот период в России. Она являлась супругой русского публициста, поэта, одного из лидеров славянофильского движения Ивана Аксакова. Он был членом Славянского благотворительного общества (Славянский комитет), оказывавшего помощь пострадавшим в Боснии и Герцеговине и снаряжавшего добровольцев в Сербию и Болгарию.

Как пишет А. Аксакова, с отходом сербских частей в связи с османским наступлением в России распространилась информация о том, что сербская артиллерия «отказалась сражаться». Русские добровольцы, «предательски брошенные сербами, за которых сражались», все остались на поле боя. В любом случае, сербская линия рубежей была прорвана, и в Москве «возникла растерянность».

30 октября 1876 г. Россия предъявила Османской империи ультиматум, требующий заключения перемирия на двухмесячный срок. Российский чрезвычайный посланник в Стамбуле Николай Игнатьев пригрозил в случае отказа выведением всего представительства посольства из Османской империи. По словам А. Аксаковой, этот ультиматум в Москве был встречен «с энтузиазмом; никто не сомневается, что дело идет к войне», которую «уже давно требует наша поруганная национальная честь». Поэтому согласие Стамбула вызвало «сильное недовольство» в обществе, призывавшем «раз и навсегда

³³ Как обычно преподносится историографией. – прим. авт.

решить восточный вопрос», каждые 10–20 лет приводящий к «конфликтам между нами и Европой».

4 ноября 1876 г. направленный великим князем Николаем Николаевичем к И. Аксакову генерал Николай Столетов сообщил, что перемирие нужно для выигрыша времени, так как все «деятельно готовятся» к войне, а государь собирается объявить «манифест о мобилизации войск». Они обсуждали, что «осталось сделать для вооружения Болгарии» по линии Славянского комитета. Если ранее эта деятельность велась «тайно, хотя и по инициативе великого князя Наследника через Московское купеческое общество, передававшего средства в руки моего мужа, действовавшего независимо от Славянского комитета», в те дни «русское правительство» возжелало «само руководить вооружением». Завершая свое выступление перед представителями дворянства 10 ноября, Александр II неслучайно высказал «твердое намерение действовать самостоятельно», с расчетом «на Россию». Его последними словами были: «Да поможет нам Бог исполнить наше святое призвание!» [1].

Откровения А. Аксаковой однозначно свидетельствуют, что все происходящее на Балканах в плане действий болгар (да и сербов) изначально контролировалось Петербургом. Следовательно, и фактор М. Черняева возник не просто так, хотя официальная информация на этот счет изначально утверждала, что высшие власти России были против направления генерала в Сербию.

Война становится реальностью

Воинственные намерения России не могли не оказаться в центре внимания европейских стран, и в декабре 1876 г. Англия созвала Константинопольскую конференцию. Представив османской стороне проект территориальных изменений по Болгарии, Сербии, Черногории, ее участники вдруг услышали информацию о провозглашении Османской империи конституционным государством. По словам представителей Стамбула, конституция, в комиссии по подготовке которой участвовали османские немусульмане, в частности член Государственного совета, армянин Ованес Чамич, устанавливала равноправие религиозных меньшинств в стране, так что принятый конференцией план реформ становился ненужным. Османы отказались признать ее итоги, в ответ на что участники конференции отзывали своих послов из Стамбула.

Война приблизилась 15 января 1877 г., когда Австро-Венгрия и Россия подписали секретную конвенцию, предусматривающую аннексию Венной, в случае русско-османской войны, Боснии и Герцеговины (за

исключением части, находящейся между Сербией и Черногорией). Российская империя получала право на части Бессарабии, что восстанавливало ее границы до 1856 г; в сферу влияния России включалась и Болгария. Сербии «отводилась» роль так называемой буферной зоны. Хотя документом предусматривалась независимость Болгарии, Албании и остальной Румелии, с присоединением Фессалии, части Эпира и острова Крит к Греции, в нем оговаривалась недопустимость создания «большого сплоченного славянского» государства [2].

Ну а в конце марта Россия, Англия, Франция, Австрия и Германия подписали Лондонский протокол, подтверждающий решения Константинопольской конференции. При обсуждении документа британский кабинет потребовал демобилизации русской армии. Петербург настаивал на обсуждении этого вопроса исключительно между Россией и Османской империей. В результате достигнутого компромисса в приложениях к протоколу Петербург заявил, что приступит к демобилизации, «как только явится уверенность» в подчинении османского правительства «советам Европы» [3].

Стамбул отказался принять пункты Лондона. После чего 12 апреля 1877 г. в Кишиневе епископ Кишиневский и Хотинский Павел (Лебедев) зачитал манифест Александра II об объявлении войны Османской империи. В документе подчеркнута постоянное «живое участие» России «в судьбах угнетенного христианского населения» в Порте, а также обозначены первоначальные намерения Петербурга «достичь улучшений» в их положении мирными средствами. Однако непреклонность Порты привела «к действиям более решительным», требующим чувства «собственного Нашего достоинства», повеления войскам «вступить в пределы Турции» [4].

Военный министр России Дмитрий Милютин обращал внимание на отсутствие в Европе даже «одного государства», сочувствовавшего «решению восточного вопроса в желаемом нами направлении». С его слов, все мировые державы стараются противодействовать «малейшему нашему успеху», опасаясь даже элементарного «нравственного» усиления Петербурга на Балканском полуострове. Но появились «шансы привести» войну к «желаемому результату», так как Франция и Италия «склонны воздержаться от прямого участия», и «даже сама Англия торжественно заявила, что не намерена действовать ни против, ни за Турцию» [5].

Не будь согласия Лондона, вряд ли Петербург самовольно объявил бы войну Османской империи. Позицию Великобритании немало исследователей связывают с появлением осенью 1876 г. брошюры лидера оппозиции Уильяма Гладстона «Болгарские ужасы и восточный вопрос»,

подвергнувшей резкой критике политику невмешательства Лондона в жестокое подавление болгарского восстания. Обвинив правящий кабинет в поддержке Стамбула, политик ратовал за предоставление Боснии, Герцеговине и Болгарии автономии. По мнению большинства экспертов, брошюра вызвала резкое недовольство британской общественности правительством Б. Дизраэли, что вынудило власти дать согласие России на начало войны, забыв о предыдущих договоренностях о недопущении этого.

Но, по-видимому, Великобритания подпустила русских к войне по все тем же геополитическим причинам. Уже в мае 1877 г. Лондон озвучил позицию, согласно которой Великобритания не позволит осуществить блокаду Суэцкого канала, оккупацию Египта (даже временную), занятие Константинополя и изменение статуса Проливов [6]. Вполне очевидно, что эти пункты возникли не с первых дней войны, а были оговорены сторонами значительно ранее. Но Лондон интересовали гарантии в отношении Суэцкого канала. В том же мае парламентский деятель, будущий издатель известных «Военно-морских ежегодников» Томас Брэсси отмечал, что открытие Суэцкого канала давало возможность небольшим военным судам, вооруженным сильной артиллерией и с незначительным запасом угля, благополучно доходить до отдаленных морей Востока, имеющих важнейшее значение для британской торговли. Поэтому Гибралтарский, БабЭль-Мандебский и Сингапурский проливы, как «главнейшие морские станции», должны быть заняты английскими войсками, «в высшей степени пригодны для надлежащего пользования подобными небольшими судами» [7]. По словам Н. Игнатьева, Англия «заявила условия» нейтралитета; «мы ответили, что принимаем» их и «не дотронемся до этих интересов» [8].

Начавшиеся военные действия Н. Данилевский характеризовал как «первое сознательное действие русского народа и русского государства во имя освобождения поработанного славянства», его независимости и единства. Славянские «единицы» должны составить «твердый союз, как между собой, так и с Россией», скрепленный «общим обладанием Цареградом и проливами». Подразумевается и включение в союз «не чисто» славянских элементов, вкрапленных «в славянское тело» (Румыния, Греция и Венгрия) [9].

По словам Д. Милютина, «быстрый и решительный успех нашей армии» может сильно повлиять на мнение Европы», вынудив ее на такие уступки, «о которых теперь нельзя и думать». Допустив же «мысль мира во что бы то ни стало и, дав противнику хотя малейший повод подозревать нас в слабости, мы можем через несколько месяцев быть втянуты в решительную войну», но при «неизмеримо худших обстоятельствах» [5].

Кавказский фронт

На Кавказском фронте еще накануне войны к османской границе был выдвинут Отдельный Кавказский корпус под командованием генерала Михаила Лорис-Меликова, разделенный на три части, включая Эриванский отряд под командованием генерала Арзаса (Аршака) ТерГукасова. Отряд расположился в Игдыре для дальнейшего наступления на Эрзурум по Алашкертской долине в обход Карса через Баязет и Даяр. С объявлением Россией войны Османской империи действующий русский корпус двинулся к османской границе. Вскоре Баязет оказался в руках русских.

С мая командование войсками Баязетского округа было возложено на Григория Пацевича. Как отмечал русский военный историк, начальник военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа В. Томкеев, основными задачами гарнизона были определены контроль за безопасностью «коммуникационного пути» и «расположенных в них войск» [10]. Главной же целью являлось овладение Карсом. Его стратегическое значение участник тех событий, историк, генерал Степан Кишмишев обосновывал тем, что Карс, «кроме репутации своей недоступности, имел еще значение опорного пункта для наступающей турецкой армии». К тому же эта местность, «отделяясь от Анатолии цепью малодоступных хребтов, за которыми нельзя было устроить операционных пунктов», давала «возможность наступающему сохранять» в ней «все свои склады, а при неудаче укрыть» здесь «разбитую армию». Поэтому российские части во время русско-османских войн всегда стремились занять «Соганлугский хребет, через которые проходили главные пути из Карса в Эрзурум». Не стала исключением и кампания 1877 г., во время которой османские отряды укрепились в Соганлуге, что позволяло им «при первой возможности, пользуясь превосходством собственных сил», перейти в наступление «против главных частей» российского корпуса или «действовать против Эриванского отряда» [11]. В результате этого, покуда российские войска блокировали Карс и брали Ардаган, под мощнейшим ударом османов оказалась крепость Баязет.

Вокруг крепости Баязет

Как писал по горячим следам современник событий Константин Гейнс (впоследствии генерал), серьезно исследовавший происходившее, среди русских «усиленно циркулировали слухи о намерении османов вернуть крепость». Действительно, Ванский отряд под командованием Фаика-паши продвигался к Баязету. 31 мая 1877 г. «получено было

предостережение» из «Персии от макинского хана, сообщавшего преувеличенные сведения, будто 30 000 турок с 12 орудиями находятся уже на реке Саук-Су», после чего Пацевич направил кавалерийский отряд перепроверить информацию. 4 июня эти силы столкнулись с османскими частями, начавшими теснить русских. «Быстрое появление турок перед Баязетом застало бывших там врасплох; толчая у ворот цитадели усилилась: толпы шнырявшего народа» походили «на муравьев разоренного муравейника». «Для увеличения толкотни» сыграл роль и продовольственный вопрос. Дело в том, что «запас хлеба для войск, попавший в цитадель, был самый скудный, так как подрядчик, армянин Саркиз-Ага-Мамуков, доставлявший войскам сухари, хотя и имел их в достаточном количестве, но по непонятной причине держал склад не на месте, служащем средоточием войск, а вне цитадели, подвозя их войскам по мере надобности». Столпотворение перед крепостью усиливалось, так как в это время здесь «появились и эшаки Саркиз-Ага-Мамукова, нагруженные сухарями, поздно спохватившегося свозить их туда, где надо было до этого иметь постоянный склад». Появление вскоре у цитадели раненых, «то без поддержки, то на носилках» подняло «еще большую суету». Постепенно «многочисленные силы турок, широко раскинувшись по горам, стали обрисовываться яснее». Пацевич, «поспешно прихлебывая чай», отдавал «приказания для новой попытки отбросить турок от цитадели». Однако Пацевич, обнаружив, что «турки плотно обложили наше расположение и численная сила» их «превышала нашу», отдал приказа «начать отступление» [12].

Здесь стоит обратить внимание, что 4 июня 1877 г. в телеграмме на имя А. Тер-Гукасова азербайджанский генерал Келбали Хан Нахичеванский, с мая 1877 г. назначенный командующим конно-иррегулярной бригадой, образованной из Эриванского и Куртинского (Курдского) конно-иррегулярных полков (входила в состав Эриванского отряда с задачей прикрытия государственной границы от возможного вторжения османских войск на территорию Эриванской губернии), просил распорядиться «в случае надобности подкрепить баязетский гарнизон». Однако собственноручной резолюцией на телеграмме А. Тер-Гукасов дал команду «сообщить, что баязетский гарнизон обеспечен по возможности и не должен рассчитывать более на подкрепление». 5 июня Келбали Хан вновь телеграфировал об ожидании приказа: «В случае надобности подкрепить баязетский гарнизон или держаться на границе?» На этот раз А. Тер-Гукасов, сославшись на невозможность «руководить вашими действиями» из-за нахождения «в отдалении», предоставил генералу Нахичеванскому «распоряжаться сообразно обстоятельствам в соглашении» с Пацевичем. В тот же день Келбали Хан направил в помощь обороняющим Баязет 300 человек из Эриванского конно-

иррегулярного полка во главе со своим родным братом – полковником Исмаил Ханом (назначен на эту должность в мае 1877 г.) [10].

Однако в результате атак османов в течение 6 июня погибли около 600 русских. Вдобавок ко всему, «струя из крана водопровода» совершенно «исчезла: – воду отвели». «Обширный резервуар» остался пустым, так как «о настоятельной необходимости запasti» воду «заблаговременно не приходила мысль ни тому, кому следовало по обязанности, ни тем, кто должен был посоветовать». Как образно подытожил происшедшее в первые июньские дни 1877 г. К. Гейнс, «неожиданность блокады, заставшей нас в цитадели, не подготовленной к обороне», являлась следствием «злосчастной рекогносцировки и обыденной привычки креститься только во время грозы».

Так начался период, известный истории как «Баязетское сидение» – 23-дневная (с 6 июня) защита крепости Баязет. При этом обороняющиеся от атак довольствовались лишь ложками воды [12].

«Баязетское сидение» глазами очевидцев. Фактор Исмаила Хана Нахичеванского

7 июня 1877 г. М. Лорис-Меликов, сообщая А. Тер-Гукасову о событиях у Баязета, указывал на опасность, угрожавшую Эриванской губернии. «Необходимость подать помощь нашему гарнизону» со стороны «главных сил Эриванского отряда» отмечал и начальник штаба армии генерал Павлов [10].

Ситуация начала выходить из-под контроля. 8 июня Пацевич приказал переводчику идти «на переднюю стену» и сообщить османам, что «если они нас выпустят из крепости, мы сдадим им весь город». Переводчик, армянин по-национальности, навязав на прихваченную палку «что-то белое», бегом «взошел на крышу» и «начал что-то кричать». Но после прозвучавшего от одного из османов ответа переводчик ретировался. Среди русских стали распространяться слухи, что с противоположной стороны прозвучало: «Сдавайтесь или не сдавайтесь, мы все равно всех вас вырежем». А тут еще «сплошная черная туча курдов» ободрительно прокричала: «Русские сдаются, русские наши». Одновременно с этим раздался приказ командования «перестать стрелять». Вслед за чем появившийся солдат, «с простыней на штыке», сообщил, что «ему приказано выставить флаг». А Пацевич пригрозил расстрелом тем, «кто осмелится послушаться моих приказаний». В этот момент «пуля через спину» пробила Пацевичу грудь, ранив его. «Настроение оборонявшихся», призвавших: «На стену, братцы, бей их», сразу изменилось. В результате, «прорваться сквозь ворота» цитадели османы не смогли и отступили. Тут же войсковой старшина Кванин попросил

«Измаил-хана Нахичеванского», как «старшего, принять командование войсками после подполковника Пацевича», услышав в ответ, что тот «уже вступил в эту должность». После этого Исмаил Хан предложил Кванину «приводить в исполнение все его распоряжения по обороне Баязета». Старшина «изъявил полное согласие» [12].

Этот диалог однозначно свидетельствует, что Исмаил Хан сразу после смерти Пацевича принял командование на себя, следовательно, он и организовал оборону крепости. 10 июня им была отправлена записка А. Тер-Гукасову в надежде «вызвать главный отряд на помощь баязетскому», но результата не последовало. Вечером османская сторона довела до Исмаил хана условия сдачи крепости: «положить оружие и знамена, а самим поселиться в одном из кварталов города». Полковник ответил на это «презрительным молчанием». По убеждению К. Гейнса, в данном эпизоде проявилось «много мужества», чтобы «предпочесть непривлекательную будущность позорной сдаче, хотя бы и обеспечивающей жизнь без страданий» [12].

В свою очередь, все того же 10 июня Келбали Хан Нахичеванский, ставя в известность Эриванского военного губернатора генерала Михаила Рославлева об отсутствии «до сих пор» ожидаемых «войск из Александрополя и из Эриванского отряда», заявил, что рискованно «с отрядом из 4-х рот, 150 казаков, без орудий идти на выручку, тем более, что сначала нам приходится взять штурмом город, который занят неприятелем». Но все же спустя два дня, как о том генерал Нахичеванский извещал М. Рославлева, он, «в ожидании прибытия на помощь для совместной выручки баязетского гарнизона колонны генерал-майора Лорис-Меликова», во главе вверенного ему отряда «выступил с Чингильских высот к Баязету». Однако из-за превосходства османских сил вынужден был отступить.

13 июня 1877 г. А. Тер-Гукасов уведомил о невозможности оказания «в настоящее время» Баязету «никакой непосредственной помощи», как «по отдаленности от этого города», так и вследствие полученного им приказа «содействовать главному корпусу» [10].

По всей видимости, он ссылаясь на планируемую атаку основной части русских войск против османов в районе Зивина (на полпути от Карса до Эрзурума). Однако российские войска потерпели неудачу, из-за чего М. Лорис-Меликов вынужден был снять осаду Карса. (Отметим, что на европейском фронте 15 июня, в «великий день» поИгнатьеву, русские войска форсировали Дунай «в центре стратегической линии турок, разорвав ее на две части». Это обеспечило «50% успеха всей кампании») [13].

Ну а «настроение заключенных в стенах» Баязета «по уходе Калбалай хана» было «крайне нехорошее». Многим солдатам «не приходилось по

дню и по два освежать рот даже каплей воды». К 16 июня истощился «ничтожный запас сухарей», и «голод стал пробиваться сквозь страдания от жажды» [12]. «Недостаток питания вызвал общий упадок сил, доходивший до того, что отдача ружья сбивала стреляющего с ног» [10]. С 21 июня от голода, приводившего к бессилию, стали погибать лошади. Видя «безысходную гибель» животных, комендант «приказал их резать, а мясо разбирать во все части гарнизона». «Безжизненная мертвенность царила в опустевших домах».

На фоне этого поступила информация о скорой помощи со стороны А. Тер-Гукасова. Но лишь 27 июня его отряд оказался на «позиции перед» Баязетом, изготовившись атаковать османов на следующий день. Во второй половине дня 28 июня «сражение кончилось: турок прогнали; гарнизон вызвали и стали готовиться к выступлению в Игдыр» [12].

Несмотря на вышесказанное, известный российский историк, исследователь перипетий русско-османской войны 1877–1878 г. (включая и их «подводные камни») Рудольф Иванов с сожалением замечает, что в телесериале «Баязет» Исмаил Хан показан как «расчетливый, двуличный, явно симпатизирующий туркам подполковник». Однако служивший в крепости «с первых дней существования гарнизона азербайджанский «58-летний офицер, отец 9 детей, почти всю свою долгую службу находившийся в подчинении главнокомандующего Кавказской армией и имевший шестнадцатилетний стаж службы в чине полковника, был отважным и честнейшим офицером» [14].

Подтверждает сказанное тот факт, что Нахичеванский Исмаил Хан (Измаил-Хан-Эксан-Хан-Оглы) 31 декабря 1877 г. стал кавалером ордена Святого Георгия IV класса, о чем имеется информация на портале, представляющем список всех кавалеров Императорского Военного Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия [15]. Согласно статуту этого ордена, учрежденного Екатериной II как высшая военная награда Российской империи, им могут награждаться только те, кто «должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему», а также «отличили еще себя особливим каким мужественным поступком, или подали мудрые, и для нашей воинской службы полезные советы» [16]. Поэтому награждение Исмаил Хана было вполне естественным, поскольку, по оценке К. Гейнса, «беспримерное мужество гарнизона», командование которым Исмаил Хан принял на себя, «спасло Эриванскую губернию от разграблений и убийств среди мирного населения» [12].

1. Анна Аксакова (Тютчева). Честь России и Славянское дело http://az.lib.ru/a/aksakowa_a_f/text_0010.shtml

2. Секретная конвенция между Россией и Австро-Венгрией
<http://istmat.info/node/27176>
3. Лондонский протокол 1877 г.
http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/779/%D0%9B%D0%9E%D0%9D%D0%94%D0%9E%D0%9D%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99
4. Высочайший манифест 12-го апреля 1877 г.
<http://ru.pravoslavie.bg/?p=4257>
5. Из записки военного министра Д. А. Милютина царю
<http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/1877milyutin.html>
6. Шувалов Петр Андреевич. Статья в дипломатическом словаре
http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/1344/%D0%A8%D0%A3%D0%92%D0%90%D0%9B%D0%9E%D0%92
7. Цит. по: Киселев Д. В. «Дипломатия канонерок» по-китайски (1880–1890-е гг.)
http://www.synologia.ru/a/%C2%AB%D0%94%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%8F_%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%BA%C2%BB_%D0%BF%D0%BE-%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8
8. Игнатъев Н. П. Походные письма 1877 года
http://militera.lib.ru/db/ignatyev_np/02.html
9. Данилевский Н. Война за Болгарию
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/danil/01.php
10. Томкеев В. И. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре с планами. Под ред. И. С. Чернявского. Том 4
<http://www.runivers.ru/bookreader/book17102/#page/1/mode/1up>
11. Кишмишев С. О. Война в Турецкой Армении 1877–1878 гг.
<http://www.runivers.ru/bookreader/book428421/#page/44/mode/1up>
12. Славное Баязетское сиденье в 1877 . Гл. 1–29. Очерк. Состав. К. К. Гейнс. В журнале «Русская старина». Том XLV. 1885. Выпуски 1–3.
<http://www.runivers.ru/bookreader/book199650/#page/167>
13. Игнатъев Н. П. Походные письма 1877 года
http://militera.lib.ru/db/ignatyev_np/01.html
14. Иванов Р. Оборона Баязета: правда и вымысел
http://nvo.ng.ru/history/2003-11-28/5_bayazet.html
15. Кавалеры Святого Георгия IV класса
<http://george-orden.narod.ru/ordgrg4st1877.html>

16. Статут военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 1769 г.

<http://george-orden.narod.ru/statut1769.html>

ОТ АДРИАНОПОЛЯ В БЕРЛИН С ОСТАНОВКОЙ В САН-СТЕФАНО

Окончание русско-османской войны 1877–1878 гг.

К концу 1877 г. русские войска достигли значительных успехов в войне с Османской империей по всем направлениям. После захвата Шипкинского перевала и взятия Софии российские части отбили у османов болгарскую Плевну. В результате «балканского марша» к концу осени для России открылся прямой путь к Стамбулу.

На Кавказском фронте русские осадили Эрзурум и овладели Карсом. Ноябрьским приказом по Кавказской армии и Кавказскому военному округу (№ 409) была учреждена Карсская область, включившая земли Карсского и Чалдырского санджаков Османской империи, Ее формирование завершилось в конце декабря. Первоначально в состав образования входили областной город Карс, 6 округов (Карс, Ардаган, Заришат, Шорагял, Кагызван, Олти-Почхов) и 2 приставства (Чил-дырь, Хорасан) [1].

На фоне продвижения к Стамбулу Россия вручила султанским уполномоченным «предварительные основания мира», включавшие признание Болгарии автономным княжеством с запрещением султану вводить в страну свои войска; предоставление полной независимости и расширение границ Сербии и Черногории с условием выхода последней к морю; денежные и территориальные компенсации России и др. [2].

Первоначально отвергнув российские предложения, османы все же вынуждены были согласиться с ними. Дело в том, что 8 января 1878 г. русские войска, без единого выстрела заняв Адрианополь, вполне могли оказаться у стен Стамбула. Согласно русскому советскому историку Андрею Зайончковскому и др. авторам «Истории русской армии», в письмах Александру II главнокомандующий действующей армией на Балканах, великий князь Николай Николаевич писал, что дальнейшее продвижение принесет Петербургу такой «ценный залог» как «Константинополь и берега Босфора». Успех послужит «ограждению нашей безопасности в Черном море в случае могущего произойти столкновения с одной из морских держав». Поэтому «для полного обеспечения наших интересов на Востоке» и в особенности «для предупреждения захвата в чужие руки» необходимого нам выхода из Черного моря в Средиземное «неизбежным делается, вместе с движением на Константинополь, занятие Галлиполи и Дарданелл».

Спустя неделю русский император ответил ему, что «в случае вступления иностранных флотов в Босфор» нужно предусмотреть «водворение общими силами порядка» в Стамбуле лишь по просьбе

местных жителей или представителей «других держав» об «охранении спокойствия» в Стамбуле, «констатировать этот факт особым актом и ввести наши войска», но ни в коей мере не отступая от высказанного «нами Англии заявления» об отсутствии намерений «действовать на Галлиполи», так как Британия также обещала «ничего не предпринимать для занятия Галлипольского полуострова» [3].

Поэтому неудивительно, что 19 января 1878 г. между Османской империей и Россией было подписано Адрианопольское перемирие, обязывавшее султана очистить дунайские крепости (Силистрию, Русук, Виддин) и чаталджинскую позицию перед Стамбулом. Россия приобретала возможность пользоваться (для довольствия) портами Варны и Бургаса. На Кавказском фронте Петербургу перепал Эрзурум. Также была определена демаркационная линия [4].

От Сан-Стефано к Берлину

Естественно, эти итоги не удовлетворяли Австрию и Англию, подчеркнувшую недействительность пункта о необходимости обеспечения султаном сохранения «прав и интересов России в проливах Босфорском и Дарданельском» [2].

В результате 13 февраля 1878 г. шесть английских броненосцев под командованием вице-адмирала Британского Средиземноморского флота Джеффри Хорнби прошли через Дарданеллы (минуя согласие султана) и оказались в Мраморном море. В свою очередь, АвстроВенгрия объявила мобилизацию армии в Карпатах. Вполне очевидно, что обе «меры» скорее были сигналом России, который она уловила. Не желая в очередной раз оказаться перед необходимостью ведения военных действий со всей Европой, подобных Крымской войне, Россия приостановила движение к Стамбулу. Противоборствующие стороны договорились обсудить вопросы, связанные с территориальными приобретениями России по итогам войны с Османской империей, на международной конференции. По всей видимости, Петербург надеялся удержать завоевания на общеевропейском саммите.

19 февраля 1878 г. был подписан прелиминарный мирный договор в Сан-Стефано, согласно которому Стамбул «окончательно» признал «независимость княжества Черногории», Сербии, Румынии. Болгария, образовывавшая «самоуправляющееся, платящее дань, княжество, с христианским правительством и земским войском», включала территории в Мезии, Фракии и Македонии. Образование, простиравшееся от Дуная до Эгейского моря, от Черного моря до Охридского озера, должно было два года находиться под русским управлением, после чего получить полную автономию. Османские

войска теряли право «находиться в Болгарии». Босния и Герцеговина образовала автономную область. Россия присоединяла к себе «отчужденную от нее трактатом 1856 г. часть Бессарабии». Османская империя должна была выплатить в 1,410 млрд руб. контрибуции, из которых 1,1 млрд погашались за счет территориальных уступок – Ардаган, Карс, Батум, Баязет в Азии и ряда районов в Европе. В то же время предусматривалось «очищение русскими войсками» в шестимесячный срок «занимаемых ими в Армении местностей», которые должны быть возвращены Империи.

Кроме того, во избежание в этом регионе столкновений, могущих «вредно отразиться на добрых отношениях обоих государств», Стамбул обязывался «осуществить, без замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами и оградить безопасность последних от курдов и черкесов» [5]. Стамбул также обязывался «не преследовать никоим образом и не позволять преследовать турецких подданных», замешанных «в сношениях с русской армией во время войны». Этот пункт соответствовал аналогичным пунктам Туркменчайского договора России с Персией и Адрианопольского – с Османской империей.

Подписанная спустя месяц османо-британская Кипрская конвенция гласила, что в случае попыток России захватить новые части османской территории султан соглашается «предназначить остров Кипр для его оккупации и управления Англией» [6].

Такое развитие событий было неслучайным, поскольку Сан-Стефанский договор никоим образом не мог устроить Великобританию, прежде всего, и Австро-Венгрию. В особенности Лондон настораживал тот факт, что через контролируемую Болгарию Россия получала выход на Средиземное море. Поэтому англичане созвали новую международную встречу в верхах для пересмотра итогов Сан-Стефано, в том числе переноса границ Болгарии, чтобы лишить ее выхода к Эгейскому морю.

По результатам состоявшегося летом 1878 г. Берлинского конгресса Болгария разделялась на три части: вассальное княжество с центром в Софии; автономная османская провинция Восточная Румелия; Македония. Предусматривалось возвращение Османской империи земель до Адриатики и Эгейского моря без каких-либо изменений в их статусе. «Временное управление Болгарии» определялось «под руководством российского императорского комиссара» на срок не более «девяти месяцев». Независимость Черногории, Сербии и Румынии закреплялась, но с урезанием территориальных приращений Черногории и Сербии. Провинции Босния и Герцеговина оказывались «заняты и управляемы Австро-Венгрией». Фракия и Албания оставались за

Османской империей. К России отходила Южная Бессарабия. Петербург сохранял за собой Ардаган, Карс и Батум, «с портом последнего», с объявлением российским императором намерения «сделать» его «порто-франко по преимуществу коммерческим» (порт свободной торговли). Но долина Алашкерта и Баязет возвращались османам.

Что касается местностей, населенных армянами, то Берлинским конгрессом подтверждались пункты Сан-Стефанского договора об обязательстве Стамбула по обеспечению безопасности армянского населения «от черкесов и курдов» и о скорейшем проведении там реформ. На османов дополнительно возлагалось периодическое уведомление держав-наблюдателей «о мерах, принятых» для реализации последнего пункта [7]. Таким образом, в Берлине Россия потеряла значительное геополитическое поражение.

Причины появления пункта о реформах под международным контролем

В документах, принятых и в Сан-Стефано, и в Берлине, отдельным пунктом значились реформы в османских провинциях с наибольшим представительством армянского населения. Отсюда следовало, что если ранее «армянский вопрос» использовался Россией в собственных целях, в последней трети XIX в. он был выведен на международный уровень, на что имелись свои геополитические причины.

Как отмечал директор Турецкого института армянских исследований Омер Лютем, планы Российской империи найти «выходы к южным морям» привели к резкому росту интереса «к армянам как к христианскому меньшинству в Восточной Анатолии» [8]. «Стремление русского торгово-промышленного капитала к захвату Черного моря, Босфора и Дарданелл» стало, по словам советского востоковеда Владимира Гурко-Кряжина, прикрываться лозунгами «борьбы за освобождение христиан от ига мусульманской Турции» [9].

В условиях геополитической борьбы за господство на Востоке между Россией и ведущими европейскими державами Запад определенно начал опасаться намерений Петербурга по аннексии «Турецкой Армении» под предлогом «защиты угнетенных христиан», что способствовало бы значительному укреплению позиций России в Азии. Дело здесь в том, что «славяно-православный» путь через центр и юг Европы к сердцевине Османской империи стал для России затруднительным из-за активного вмешательства европейских держав в сербский и греческий вопросы. Фридрих Энгельс отмечал, что «даже на Балканском полуострове», где Россия «выступает в роли освободительницы народов», Петербургу во второй половине XIX «ничего не удастся добиться» [10].

Это стало еще очевиднее после Берлинского конгресса, наделившего «одинаковыми правами, преимуществами и привилегиями» духовных лиц, паломников и иноков «всех наций», путешествующих «в Европейской или Азиатской Турции». При этом право «официального покровительства» как «по отношению вышепоименованных лиц, так и их учреждений духовных, благотворительных и других на Святых местах и в других местностях», признавалось «за дипломатическими и консульскими агентами держав» в Османской империи [7]. Следовательно, «фраза об освобождении народов всемогущим царем отжила свой век», оставшись применимой «разве только еще в отношении Крита или Армении» [10]. Это и подтолкнуло европейские государства к вмешательству в «дела» османских армян.

С другой стороны, как отмечал советский и российский востоковед Михаил Лазарев, султанский режим, видя «в Закавказье своего рода внешнюю базу армянского освободительного движения в Османской империи», стремился противостоять «помощи российских армян своим турецким собратьям» [11]. Поэтому в недопущении развития «армянского вопроса» в Османской империи в пророссийском ключе интересы султана и европейских правительств полностью совпали.

Неслучайно армянский советский историк, министр иностранных дел Армянской ССР Джон Киракосян подчеркивал, что к концу 70-х годов XIX в. армянский фактор «превратился в международный политический вопрос». Из этого и нужно исходить, проясняя причины, по которым Берлинский конгресс дезавуировал пункты Сан-Стефанского договора о переходе армянонаселенных долины Алашкерт и г. Баязет России, а также возложил контроль за проведением озвученных реформ «не единично Россией», а «концерном» шести «великих держав» [12].

Виноваты «русские сионисты»?

В связи с вышеупомянутыми событиями армянский исследователь Арутюн Саркисян пишет, что «злым духом» для армянского народа оказался премьер-министр Англии лорд Биконфильд (Дизраэли), приложивший силы для сохранения (на Берлинском конгрессе) за Османской империей местностей, по статье Сан-Стефанского договора переходивших к России. При этом А. Саркисян утверждает: «Не турки, а русские сионисты, или тот же лорд Дизраэли, или еще кто подал идею о том, что если турки согласятся на создание в Палестине автономии для евреев, то пусть Англия, в свою очередь, не поддержит требования о проведении реформы в армянских областях», как это предусматривал Берлинский конгресс» [13].

В целом, как отмечал в своей книге автор, на том этапе ведущие европейские державы преследовали собственные геополитические цели на Ближнем Востоке в том числе под видом защиты «реальных религиозных чаяний еврейского народа» [14].

В частности, при активном содействии Лондона развитию сионистских идей Б. Дизраэли подготовил правительственную программу переустройства Ближнего Востока. Именно ему приписывается появление накануне Берлинского конгресса анонимного сочинения по «обоснованию права евреев на Ханаан». По свидетельству еврейских источников, в Берлине «при поддержке Дизраэли в договор был включен параграф, гарантирующий гражданские права евреев в балканских государствах, ставших независимыми от Турции» [15].

Действительно, в Берлине Стамбул в отношении Болгарии, Черногории, Сербии, Румынии признал, что «различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем», относящемуся к пользованию «правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям» [7]. Однако по выкладкам С. Арутюняна получается, что британцы (в лице своего премьера, еврея по происхождению), продвигая вопрос об уравнивании евреев в правах с мусульманами, пожертвовали решением армянских проблем. Но насколько историчен этот вывод?

Выше отмечалось, что на Берлинском конгрессе европейским «монстрам» значительно важнее было «урезать» возможности Петербурга по воздействию на православную часть континента. С другой стороны, провозглашение сионистских идей позволяло тому же Лондону «оказывать давление» на Османскую империю не только из Европы. А что касается «армянского вопроса» и постоянных попыток России предстать покровителем армян, то, как мы уже говорили, ведущие европейские страны пытались их нейтрализовать. Поэтому после Сан-Стефано они были заинтересованы в пересмотре территориальных приобретений России в восточном направлении и с этой целью прекрасно обыграли в Берлине вопрос о реформах в армянонаселенных провинциях Османской империи, интернационализовав его.

Очередной этап укрепления Петербургом «христианского пояса безопасности» вокруг Кавказа

Берлинским трактатом была также подтверждена принадлежность России (на тот период) территорий, составивших Карсскую область. Мусульманское население этого региона начало вынужденно переселяться в Османскую империю. С 1878 по 1881 гг. число

переселенцев составило 82 тыс. человек; только Карс покинули до 11 тыс. [16].

В результате же притока в область османских христиан здесь возрос «удельный вес армян», достигший в 1882 г. почти 32 тыс. человек. (Отметим, что к этому времени, после административного деления 1881 г., Карская область была переформирована в 4 округа – Карский, Ардаганский, Кагызванский, Олтинский) [1]. По данным М. Меньшикова, после войны 1877–1878 гг. «генерал Тергукасов (армянин) вывез к нам в Сурмалинский уезд 35 000 зарубежных армянских семей» [17].

Эти лица водворялись в азербайджанских местностях, жители которых (98 сел) покинули исконные места проживания во время боевых действий. Именно с того времени отмечается рост армянского населения в Иреванской (Эриванской) губернии [18]. По данным одного из томов «Энциклопедии военных и морских наук», составленной под редакцией заслуженного профессора Николаевской академии Генерального штаба Генриха Леера в 1885 г., к тому времени здесь уже проживали 54% армян. Цифра эта стала реальностью исключительно за счет переселенных лиц, основная масса которых осела на присоединенных Россией территориях Персии и Османской империи. В Эчмиадзинском уезде армяне составляли 61% (против 38% азербайджанцев), в Александропольском – 90% против 6%, в Ново-Баязетском – 67% против 29% соответственно. Непосредственно же в Эриванском уезде число азербайджанцев значительно превышало армян – 61% против 36%. Аналогичная картина была характерна и для Нахичеванского уезда – 57% и 41%. К слову, в Зангезурском уезде Елизаветпольской губернии азербайджанское население также превышало армянское (53% против 46%). Эти цифры по Елизаветпольскому уезду выглядели как 56% против 28%. Комментарии здесь излишни.

Отметим, что огромная разница в пользу азербайджанцев попрежнему оставалась и в Бакинской губернии. Неслучайно, согласно Энциклопедии, в совокупности на Южном Кавказе только «5-е место принадлежит армянам, обитающим преимущественно в южной части Закавказья» [19].

Однако на этом этапе несколько видоизменяется исключительно прорусский настрой армян Османской империи. По Гурко-Кряжину, итоги Берлинского конгресса «вызвали в руководящих кругах армянской буржуазии надежды на помощь в своей борьбе за создание национально-армянского государства – уже не России, а всех великих держав». Эти «иллюзии» усиленно поддерживались английской дипломатией, сулившей армянам «Великую Армению от моря до моря» [12]. Потому, как пишет российский историк Георгий Чочиев, в тот период «в

значительной мере» был «предопределен» выбор «армянскими лидерами в качестве основного адресата своих апелляций иностранных правительств и общественности». Подобного рода обращения «создавали весьма удобную базу» для вмешательства европейских держав в османские дела в необходимый для них момент [20].

Таким образом, после Берлинского конгресса «армянский фактор» в Османской империи наряду с Россией начинает контролировать и Запад. Помимо ослабления тандема между царизмом и армянами ведущие европейские страны могли в скором времени рассчитывать на территориально-экономические дивиденды от султана, усиливая на него давление по вопросу проведения реформ. Так, в 1879–1882 гг. Великобритания настойчиво потребовала от султанского правительства реформ в пользу армян, хотя главной причиной здесь было стремление Лондона овладеть Египтом. После оккупации этой страны и ее превращения в один из протекторатов Британии «английская дипломатия» стала «замалчивать свои же вчерашние положения об Армении». Кроме того, в связи с планами в отношении Египта англичане содействовали финансовому проникновению в Османскую империю и Франции, лишь бы последняя «не мешала ей в вопросе Суэцкого канала» [21].

Следовательно, как только вопрос о реформах в армянонаселенных провинциях Османской империи был выведен на международный уровень, «армянский вопрос» превратился в разменную монету между мировыми геополитическими силами.

1. Карсская область
<http://www.genocide.ru/enc/kars-province.htm>
2. Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг.
<http://flot.com/publications/books/shelf/belyaev/52.htm?print=Y>
3. Зайончковский А. и др. История русской армии. Том 3
http://www.e-reading-lib.org/chapter.php/1003108/42/Nive_Petr_-_Istoriya_russkoy_armii._Tom_tretiy.html
4. Святая Гора XVIII–XX. Исторический контекст эпохи
<http://www.isihazm.ru/?id=1247>
5. Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор
<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/stefano.htm>
6. Русско-турецкая война 1877–1878 гг.
<http://kniga-uchebnik.com/mejdunarodnyie-otnosheniya-knigi/russskoturetskaya-voyna-1877.html>
7. Берлинский трактат
<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm>

8. Омер Лютем. Турция отвергает обвинения в геноциде армян
http://www.ng.ru/polemics/2001-09-05/10_turku.html
9. Гурко-Кряжин В. Армянский вопрос. Статья из Большой Советской Энциклопедии. Изд. 1, т. 3, М., 1926
<http://www.karabakh-doc.azerall.info/ru/articls/artc029.htm>
10. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма
http://www.rummuseum.ru/lib_e/vnesh_pol3.php
11. Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917)
<http://kurdissue.narod.ru/05u.html>
12. Киракосян Джон. Западная Армения в годы первой мировой войны
<http://www.genocide.ru/lib/kirakosyan/2-1.htm>
13. Саркисян А. Сионизм от Теодора Герцля до лорда Ротшильда и армянский вопрос
<http://www.hayastan.ru/Vestnik/vestnik.phtml?var=Arkhiv/1999/1-2/statya28&number=?1-2+1999т.>
14. См. подр.: Теймур Атаев. Светско-религиозный тандем в геополитике, или глобализационное миссионерство. Глава «Ислам и иудаизм»
<http://www.idmedina.ru/books/islamic/?935>
15. «Дизраэли Бенджамин». Статья из «Электронной еврейской энциклопедии»
<http://www.eleven.co.il/article/11429>
16. «Карсская область». Статья из энциклопедии Брокгауза-Ефрона
<http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedicdictionary/049/49279.htm>
17. Михаил Меньшиков. Письма к Русской нации
http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml
18. Габиб Рагимоглу. Незабвенные имена, незалеченные раны
<http://west-land.az/index.php?mod=static&page=ssr7&lang=ru>
19. «Энциклопедия военных и морских наук». Составлена под главной редакцией генерала Леера. Том VI
<http://www.runivers.ru/lib/book3180/10127/>
20. Чочиев Г. В. Северокавказские этнические группы в Восточной Анатолии: расселение и проблемы социальной адаптации (вторая половина XIX–XX вв.)
http://osetia.su/stati/Sev_kav_gr.htm
21. Киракосян Дж. Великобритания и армянский вопрос
<http://www.genocide.ru/lib/kirakosyan-a/1-1.htm#1>

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАМЛЕНИЕ «АРМЯНСКОГО ВОПРОСА» К КОНЦУ XIX ВЕКА

«Проливные» идеи на фоне русификации

Вполне очевидно, что итоги Берлинского конгресса 1878 г. ни в кой мере не могли устроить Россию. Поэтому Петербург продолжал искать пути укрепления своих геополитических позиций.

В записке Александру III «О занятии Проливов» (1882 г.) советник российского посольства в Константинополе Александр Нелидов подчеркивал роль России как «завоевательницы» Стамбула, что предназначено «судьбою и историею» государства. По его убеждению, «утверждение на Босфоре окончательно закрепляет» за Петербургом все «закавказские владения», соединяя при этом «оборонительную линию берегов Черного моря» и предоставляя «решительное влияние на судьбы Балканского и Малоазиатского полуостровов». Кроме того, усиливается защита западной границы России, в чем и состоит «выгодное решение восточного вопроса», которое осуществимо военным или мирным путем. Все это можно реализовать, побуждая Порту «к тому, чтобы самой искать нашего содействия». Возле последнего пункта Александр III пометил: «Конечно, это было бы самое желательное».

Весьма примечательно, что А. Нелидов пишет о ненужности «нам» в Константинополе «никогда и ни под каким видом являться полновластными хозяевами». Будучи городом «всевозможных исторических воспоминаний, религиозных верований и самых разнообразных народностей, Царьград должен быть и оставаться городом независимым, принадлежащим только самому себе». Но с условием нахождения «под покровительством» Петербурга, «охраняться нашими войсками», с возможной оплатой «данью за оказываемую защиту». Неприсоединение Константинополя к России и сохранение его политико-административной свободы позволило бы жителям видеть «в русском протекторате залог и источник своей безопасности и своего благосостояния» [1]. К слову, в 1883 г. А. Нелидов стал послом России в Османской империи.

Правда, непосредственные шаги по реализации озвученного не предпринимались, в том числе по причине создания в 1879–1882 гг. Германией, Австро-Венгрией и Италией военно-политического блока (Тройственный союз).

На фоне происходящих геополитических изменений Александр III стремился как-то укрепить ситуацию внутри Российской империи, главным образом за счет русификации. Эта тенденция особенно проявилась в отношении Царства Польского и Финляндии. Началось

активное внедрение русского языка местностях Балтии, сопровождавшееся переходом протестантов в православие. Были запрещены украинский и белорусский языки. Ограничения вводились и против еврейского населения. В том же 1882 г. появились «Временные правила», запрещающие евреям селиться вне городов и местечек, за исключением существующих земледельческих колоний.

Политику русификации окраин довольно своеобразно охарактеризовал К. Леонтьев. Прежде всего, он обращал внимание, что на Россию ложится задача быть «главной опорой» православия «на всем земном шаре». Однако «русификация окраин есть не что иное, как демократическая европеизация их», т. к. она предполагает не насаждение православия, а «европейский прогресс самого разлагающего свойства». Но ведь «мы русские, более всех иных русских подданных – европейцы в худом значении этого слова, то есть медленные разрушители всего исторического и у себя, и у других» [2]. Вместе с тем проводилась политика усиления роли поместного дворянства в качестве важнейшей опоры царской власти.

Что касается Южного Кавказа, упраздненный в 1882 г. аппарат наместничества в 1883 г. был заменен «Учреждением управлением Кавказского края» во главе с главноначальствующим гражданской частью на Кавказе, который одновременно являлся командующим войском Кавказского военного округа и войсковым наказным атаманом Кавказских казачьих войск. Тогда же был издан закон «Об устройстве поселян, водворенных в Закавказском крае на землях лиц, не имеющих права владеть населенными имениями». Согласно документу, у крестьян оставалась вся усадьба, а также полевой надел, который не мог быть уменьшен либо заменен без их согласия. В том же случае, когда надел был менее пяти десятин на душу, крестьяне имели право требовать прирезки. Однако положение их оставалось тяжелым, т. к. оросительная система оставалась полностью в руках землевладельцев, что способствовало грабежу крестьян. Некоторая их часть (около 6 тыс. душ мужского пола), не имевшая земли до реформы, не была ею наделена [3].

Особое совещание по вопросу избрания католикоса всех армян

После смерти католикоса всех армян Кеворка IV, в марте 1883 г. состоялось специальное совещание под председательством министра внутренних дел России Дмитрия Толстого при участии министров: иностранных дел (Николай Гирс) и народного просвещения (Иван Делянов), главноначальствующего Гражданской частью на Кавказе (им к тому времени стал А. Дондуков-Корсаков) и начальника Азиатского департамента МИД – тайного советника (Иван Зиновьев).

Основным вопросом встречи со столь солидным представительством являлось обсуждение «образа действия» правительства при предстоящем избрании на эчмиадзинский престол нового католикоса: выходцу из каких армян отдавать предпочтение.

Дело в том, что, как отмечалось ранее, вывод вопроса реформ в армянонаселенных провинциях Османской империи на международный уровень повлек за собой интернациональный контроль их осуществления. Поэтому ведущие европейские страны довольно уверенно чувствовали себя на стамбульском поле. А это не могло позволить Петербургу однозначно положительно оценивать избрание католикосом представителя османских армян.

Неслучайно А. Дондуков-Корсаков, указав на «враждебный относительно России образ действий Кеворка», назвал несостоятельной систему «явного покровительства армянам-иностранцам в ущерб своим подданным» и постоянных уступок требованиям стамбульского народного собрания. Ведь католикосы не из России подчиняются «всесильному влиянию Константинополя», подверженного «всецело влиянию западных держав, преимущественно Англии».

Это мнение поддержал и И. Делянов (армянин по национальности), в результате чего на специальном совещании было принято решение, «отказываясь на будущее время от поддержки кандидата на звание католикоса из турецких армян, отдавать предпочтение русскому подданному» (не обращая внимания на территориально-географическое происхождение) [4]. Как отмечает в этой связи П. Верг, «смутные опасения» Петербургом «сепаратизма» переросли в убеждение о стремлении части армянской интеллигенции «к возрождению Армянского царства, и что церковь является частью этой национальной программы» [5].

Вместе с тем, А. Дондуков-Корсаков затронул еще несколько вопросов. По его словам, «армянское общество» Стамбула, «стремящееся к достижению чисто национальных целей», смотрит на католикоса «как на орудие в его руках, а не как на главу армянской церкви». Поэтому, «противодействуя константинопольским армянам, мы в то же время ослабим зарождающиеся и на Кавказе зачатки сепаратистических стремлений», в будущем могущих «получить значение при поддержке их извне». Вслед за чем он подчеркнул, что армянские училища, «прикрываясь названием духовных и пользуясь открытою поддержкою и покровительством покойного католикоса», оказались «изъяты из-под контроля местного учебного начальства». Эти училища, основанные сочувствующими «сепаратистическим стремлениям своих турецких соплеменников», внушают армянскому юношеству убеждения, противоречащие предначертаниям российского правительства.

В свою очередь, в записке генерального консула в Эрзуруме А. Даннета на имя совещания отмечалось, что в сложившихся условиях цели армянской общины Стамбула не имеют «ничего общего с политическими интересами России» и тем более со стремлениями Лондона осуществлять протекторат над «армянским вопросом». В частности, «серьезные попытки, обещанием реформ и обязательным покровительством, склонить на свою сторону надежды и симпатии армян» [4].

Закручивание и ослабление «армянских» гаек

В нешуточной борьбе Запада и России за региональное влияние на «армянское движение» фактор армянской церкви становился очень ощутимым. Поэтому неудивительно введение Петербургом в начале 1884 г. Правил «об армяно-григорианских церковных училищах на Кавказе», как и их направленность. Правила в обязательном порядке требовали преподавания русского языка; а в училищах с такими предметами как всеобщая история и география – преподавания их на русском языке. Предусматривалось использование «руководства только из числа одобренных министерством народного просвещения или попечителем учебного округа». Училища, готовящие учеников «к поступлению в духовенства армяно-грегорианского исповедания», оставались «в ведомстве министерства внутренних дел» [6].

Эчмиадзинский синод отказался принять Правила к исполнению, ссылаясь на то, что «распоряжения об училищах может делать лишь католикос, а престол вакантен». В ответ Министерство внутренних дел со ссылкой на несоответствие новым правилам приступило к закрытию армянских школ, в частности церковно-приходских школ в Дербенте, Кизляре и др. [7].

Тем самым эчмиадзинский престол еще больше укрепил свою политическую значимость, а фигура эчмиадзинского католикоса становилась одним из основополагающих факторов влияния, с которым должны были считаться и Россия, и Запад. Поэтому в 1885 г. Петербург не утвердил в этой должности главу армянской епархии османской Смирны Мелкиседека (Гарегина) Мурадянца, единогласно избранного католикосом всех армян³⁴ [8].

Католикосом был утвержден второй кандидат, получивший на выборах меньшее количество голосов³⁵. Им оказался российский подданный, архиепископ Нахичевано-Бессарабской епархии Макар (Макар I Техутци). Ну а когда армянская община Стамбула признала его

³⁴ 30 голосами – исключительный случай в истории выборов католикоса. – прим. авт.

³⁵ Что такж произошло впервые в истории выборов католикоса. – прим. авт.

католикосом, российские политические круги сочли это победой законов России, в частности Положения 1836 г. Спустя год российские власти разрешили открыть ранее закрытые армянские школы. Практически все армянские источники выделяют в этом роль Макара I [9/а,б].

Дж. Киракосян не нашел внятной причины для обоснования происшедшего. Он писал, что армянские училища вновь открылись «по каким-то соображениям, оставшимся не вполне ясными, быть может, чтобы не очень возбуждать общественное мнение, раздраженное неутверждением выбранного обществом католикоса» [10].

Однако причины тому могут быть более прозаическими. Петербург пошел на это для увеличения авторитета «своего» католикоса в глазах армян Российской и Османской империй, чтобы еще больше привязать нового духовного лидера армян к российским властям. Это позволяло решать через него более глобальные и стратегические вопросы.

Болгарские страсти

После Берлинского конгресса, по предложению Александра II первым правителем независимой Болгарии (1879 г.) стал племянник его супруги – российский генерал, князь Александр I Болгарский (Баттенбергский), что было признано ведущими мировыми державами. Болгарскую армию сразу же возглавили русские офицеры.

Но князь, не «сработавшийся» с правительством, распустил его. Опиравшийся на Россию, вскоре он приостановил действия принятой Тырновской конституции, а в исполнительную власть также назначил русских офицеров; русские министры возглавляли министерство внутренних дел и военное министерство. Вскоре и с ними у Александра начались проблемы, из-за чего он помирился с оппозицией, поручив ее представителям формирование правительства, и восстановил конституцию. В результате русские генералы, подав прошение об отставке, покинули страну. Были отозваны Петербургом и другие чины, после чего Александр уволил остальных россиян, состоявших на болгарской службе. Правда, вскоре конфликт был улажен, но русским офицерам не позволялось участвовать в политических делах.

Осенью 1885 г. Александр, несмотря на протест России (не желавшей ссориться с Австро-Венгрией), объявил о присоединении к Болгарии Восточной Румелии, на тот период автономной османской провинции, что фактически воссоединяло страну. В результате Австро-Венгрия подтолкнула Сербию к объявлению войны Болгарии, обещая за это территориальные приобретения. Однако Бухарестский мирный договор 1886 г. признал объединение Болгарии свершившимся фактом.

В том же году пророссийские силы сместили Александра с должности правителя Болгарии. После обращения народного собрания Болгарии к императору Александру III с просьбой взять болгарский народ под защиту (то есть по «инициативе с мест») в княжество со специальной миссией был направлен генерал Николай Каульбарс.

Но болгарское правительство было настроено против Петербурга, организовывая антироссийские акции, вплоть до оскорбления российского флага и нападения на сотрудника генконсульства России. Осенью 1886 г. Н. Каульбарс вместе с персоналом миссии покинул страну, заявив в ноте, что российское правительство не находит возможным поддерживать сношения с болгарским правительством как с утратившим доверие России.

Дипломатические отношения между странами были прерваны, а в середине 1887 г. на болгарский престол воссел Фердинанд Кобургский (офицер австрийской армии, ставленник Австрии и Германии), хотя Россия поддерживала кандидатуру князя Николая Дадзиани, последнего правителя Мегрелии до упразднения этого княжества после его вхождения в состав Российской империи.

Полномочный министр болгарского посольства в России профессор Петр Куцаров трактует ситуацию так, что «по своему содержанию» русская политика в Болгарии включала «ярко выраженный компонент своеобразного принуждения и устрашения». Но, по его мнению, в этом случае можно говорить «не об агрессивности, а о давлении с использованием различных средств для получения нужных результатов». В любом случае, «вместе с объединением» Болгарии наблюдалось «русско-болгарское рассоединение» [11].

В том же 1887 г. был возобновлен Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия), направленный как против Франции, так и против России. Поэтому для недопущения войны на два фронта Берлин ориентировался на особые договоренности с Россией. Так родился германо-русский договор, известный как «перестраховочный». Обе стороны обязывались сохранять благожелательный нейтралитет при войне одной из них с третьей великой державой, за исключением нападения Германии на Францию или России на Австро-Венгрию. Германия признавала приобретения и интересы России на Балканах, но Берлин и Петербург не должны были допускать территориальных изменений в этом регионе. Поскольку соглашение препятствовало русско-французскому сближению, Петербург потребовал компенсации, оформленной в секретном дополнении. Берлин соглашался с оказанием дипломатической поддержки России в случае, если бы она сочла необходимым «принять меры к защите входа в Черное море» [12].

Требования Западом «армянских реформ»: элемент геополитической игры

Напомним, что взяв (после Берлинского конгресса) под контроль проведение реформ в населенных армянами вилайетах Османской империи, Запад смог не только ослабить влияние в них России, но и добиться от султана политико-экономических дивидендов, усиливая на него давление в данном вопросе. Но здесь нужна была грамотная постепенность и, естественно, испытанный метод – «инициатива с мест».

Первый шаг в этой игре Запад сделал, продемонстрировав «реальное» сочувствие «армянским чаяниям» через содействие различного рода «организациям поддержки» армянского населения Османской Империи. В Англии, например, появились англо-армянские ассоциации по типу “Growenor House Association”, в состав которых входили члены английского парламента и правительства, общественные и церковные деятели [13].

Европейцы также поддержали создание на континенте армянских националистических партий, в частности «Гнчак» (1887 г., Женева). Действия Запада на российском «поле» привели к созданию в 1890 г. в Тифлисе партии «Дашнакцутюн». Все эти структуры, хотя и в различных формулировках, провозгласили целью создание «независимой свободной Армении» на османских территориях. В частности, своей главной задачей дашнаки определили «достижение с помощью западных держав в России, а также, в случае необходимости, посредством вооруженных выступлений, освобождения Западной Армении от турецкого ига и создание автономного армянского государства на территории Турции» [14].

Таким образом, под воздействием европейских держав «армянское движение» в тот период стало приобретать «официальные» черты. Но, несмотря на его легализацию, османские власти никаких антиармянских акций не предприняли. Дж. Киракосян, ссылаясь на материалы османской печати 1890–1893 гг., отмечал, что Стамбул «поначалу» воздерживался «приписывать армянам более или менее серьезные политические намерения».

Но вскоре «армянское движение» подошло к практической реализации теоретических тезисов о вооруженных акциях. Интернационализация «армянского вопроса» подвела армянских лидеров к его восприятию «не внутренней, а международной проблемой». Благо, Запад подогревал эти настроения, поддерживая в Европе манифестации, требовавшие от Стамбула исполнения предусмотренных Берлинским конгрессом реформ, а затем и вооруженных антисултанских выступлений [15].

Так, в османском г. Арабкир в 1880-х гг. «действовал тайный кружок», занимавшийся «доставкой оружия». Гнчакисты, организовавшие вооруженный отряд из 112 человек, подняли «в Арабкире и соседних гаварах восстание против турецких властей», намереваясь «потребовать от европейских держав немедленного решения армянского вопроса». После убийства в марте 1891 г. начальника полиции Юсуфа «несколько десятков гнчакистов» подверглись аресту [16].

Армянский историк, академик АН Армянской ССР Цатур Агаян также отмечает организацию партией «Гнчак» в 1890-х гг. ряда «вооруженных восстаний» в Османской империи [17]. В результате этого «в первой половине 1895 г. гнчакская организация была раскрыта и разгромлена» [16].

В тот же период гнчакисты М. Таматян и др., мобилизовав новые силы, подготовили «для революционных действий» ситуацию и в османском Муше, намереваясь поднять «восстание в Сасуне» [18]. Для его поддержки в Персии были организованы базы боевиков, откуда дашнаки проникали в Османскую империю [19]. Как признавал член «Дашнакцутюн», впоследствии генерал дашнакской армии и вермахта Нжде (Гарегин Тер-Арутюнян), в качестве тактического оружия дашнаки приняли «гайдуцкие налеты, террор» [20].

Вслед за формированием дашнаками в Османской империи партийных ячеек и направлением туда отрядов, должных «вооружить армянское население для защиты» армянского вопроса (21), в конце 1894 г. началось восстание армян Сасуна, перекинувшееся и в другие места проживания армян. По словам М. Лазарева, из-за сложившегося положения в восточно-анатолийских вилайетах Стамбул испытывал «самые серьезные опасения», поскольку это давало Западу удобный предлог «для дальнейшего вмешательства во внутренние дела империи» и ускорения ее раздела [22].

Поэтому неудивительно, что армянское восстание, принявшее характер межнациональных столкновений между армянами, турками и курдами, было жестоко подавлено. Дело в том, что еще в 1891 г. султан Абдул-Хамид II создал военные формирования «гамидие», которые вербовались главным образом из курдских кочевников и возглавлялись вождями курдских родов [23].

Нередко события 1894–1896 гг. в Османской империи преподносятся исторической литературой как «резня армян». Действительно, массовая гибель армян имела место, но в этой связи стоит обратить внимание на ряд фактов. Так, легендарный норвежский полярный исследователь, почетный член Петербургской Академии Наук Фритъоф Нансен, занимавшийся изучением «армянского вопроса», отмечал, что «молодые армяне собирались в маленькие вооруженные группы и прятались в

недоступных горных провинциях», действия «этих отрядов по отношению к туркам никак нельзя было» назвать «мягкими» [23]. В августе же 1896 г. группа армян в 30 человек, «вооруженная револьверами и динамитными бомбами, овладела центральным банком султанского правительства – Оттоманским банком». Одновременно в различных кварталах города «неизвестные лица метали из окон бомбы, были совершены нападения на полицию и войска» [13].

При этом, как сообщает Г. Чочиев со ссылкой на архивы зарубежных стран, в различных документах зафиксирована «тактика использования боевиками армянских подпольных радикальных группировок («Гнчак», «Дашнакцутюн» и др.) черкесского костюма при совершении террористических актов против официальных османских лиц и учреждений, а также мирного мусульманского и христианского населения» [24].

В свою очередь, М. Лазарев подчеркивает, что, «не снимая вину с турецких правящих кругов и части курдской феодальной верхушки за кровавые события», нельзя не указать «на дурную услугу армянскому народу» дашнаков и членов других армянских националистических организаций, разжигавших «у него ненависть к курдскому и турецкому народам» [22].

Исторические свидетельства однозначно подтверждают, что дашнаки сознательно вели эту политику. В одном из январских (1895 г.) номеров органа «Дашнакцутюн» – газеты «Дрошак» – отмечалось, что 1894 г. «стал самым успешным в нашей революционной жизни» в «качественном плане» и в аспекте «своей масштабности». Хотя картина революционной жизни того периода «вызывает озабоченность, поскольку постоянно льется кровь», но в то же время «воодушевляет». Армянский историк, писатель Лео (Аракел Бабаханян) задавался вопросами: «Разве без повода и причины» Абдул-Хамид «приказывал убивать армян?»; «Кто давал повод и кто был причиной – гольтьба, спавшая у края тонира, или демагоги, которые на бумаге представляли этих бедных людей непобедимыми борцами и драли глотку», крича на каждом шагу «восстание, восстание!» [21].

Дальнейшее развитие событий оказалось вполне прогнозируемым. Запад проявил недовольство происшедшим, но до определенного предела. Англия и Франция ограничились демаршами в адрес султана в пользу проведения «обещанных» реформ [22].

Германия получила концессию на строительство Багдадской железной дороги, что, по словам главы германской геополитической школы Карла Хаусхофера, являлось «крупнoprостранственной геополитической идеей в сфере коммуникаций» [25]. Общая ее длина должна была составить 3000 км, и проезд от Стамбула до Багдада длился бы менее двух суток.

После открытия в конце XIX в. богатых нефтяных месторождений в Мосуле это представляло особый интерес. Срок строительства был определен по концессии в 8 лет, т. е. к 1908 г. К тому же концессионеры дороги получали право на эксплуатацию «всякого рода полезных ископаемых» в десятикилометровой зоне по ту и другую сторону дороги. Говоря другими словами, интересы Германии протянулись к бассейну Тигра и Евфрата, к Месопотамии, предварающей путь в Индию. Поэтому концессии на строительство железной дороги от Стамбула до Басры вызвали недовольство Великобритании, оценившей ситуацию как прямую угрозу персидским нефтяным залежам, уже ставшим основным источником английской нефти [26].

Вскоре немецкий концерн «Анатолише айзенбан гезельшафт» («Анатолийская железнодорожная компания»), занятый строительством Багдадской железной дороги, получил право на разведку и разработку нефтяных месторождений в двух районах – мосульском и багдадском [27]. Также Берлину достались права на доки порта в Хайдер-Паше.

Непосредственно у англичан «была здоровая доля» в «Оттоманском банке». По образному выражению известного французского историка и писателя XX в. Жака Бенуа-Мешена, часть национального дохода, не шедшая «напрямую в сундуки султана, утекала в лондонские, парижские, венские и берлинские банки»; «внушительные» зарубежные банкиры в своих элегантных дворцах на Босфоре «были могущественнее» султана, управляя «финансами государства»; «европейский капитализм достиг зенита в этот момент и сосал кровь своей жертвы» [28].

К этому же периоду относятся и первые попытки «монополистов США разместить капиталы в Османской империи». Но, столкнувшись с сопротивлением Германии и даже Англии, стремившейся помешать росту американского влияния в регионе, Вашингтон вынужден был отступить [29].

Так, Запад превосходно использовал тему «армянских реформ» в собственных интересах. «Какой дьявольский гений мог предвидеть то чудовищное предательство, – писал один из идеологов «Дашнакцутюн» Микаэл Варандян, – которое готовила по отношению к армянам конституционная и свободолюбивая Англия» [13/6].

Ф. Нансен признавал, что «несмотря на все обещания и ожидания» европейские державы «откровенно предали армян», добиваясь от осман «новых уступок и, очевидно, вовсе не имея серьезных намерений» помочь «страдающему народу» [23]. По замечанию британского историка сэра Джона А. Р. Марриота, армяне осознали, что исходящие от Запада заверения «не стоят бумаги, на которой они были написаны» [30]. Дж. Киракосян указал на отсутствие со стороны Европы каких-либо

шагов, «помимо пустозвонных и пустопорожных протестов», а Россия «и не думала о вмешательстве» [15].

В целом, позиция Петербурга была вполне естественной. Россия опасалась получить «рано или поздно» в «качестве соседа армянское государство», находящееся под влиянием «какой-либо враждебной» европейской державы [22]. В том числе из-за этого еще в 1889 г. появился указ об изъятии отдельного преподавания истории и географии Армении «из числа предметов обучения в церковно-приходских армянских школах, как недозволенного законом» [31]. (Все это происходило на фоне восстановления в 1894 г. между Россией и Ватиканом дипломатических отношений, прерванных в 1866 г.).

Данным событиям сопутствовал рост нефтяного сектора мировой экономики, который постепенно становился определяющим фактором геополитики.

1. Записка А. И. Нелидова в 1882 г. о занятии Проливов
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1880-1900/Nelidov_A_I/zapiska_zanjatii_proliv_06_12_1882.htm
2. Леонтьев К. Наши окраины
http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0330.shtml
3. Зайончковский П. Отмена крепостного права в России
<http://www.hse.ru/data/2012/09/23/1245663099/%D0%97%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D1%87%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%9F.%D0%90.%D0%9E%D1%82%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B0%20%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0%20%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B81968.pdf>
4. Журнал совещания по вопросу об избрании армяно-григорианского патриарха-католикоса
[http://raber.asj-oa.am/3301/1/1991-3\(148\).pdf](http://raber.asj-oa.am/3301/1/1991-3(148).pdf)
5. Верт П. Глава церкви, подданный Императора: Армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики империи, 1828–1914 гг.
<http://faculty.unlv.edu/pwerth/Glava-tserkvi.pdf>
6. Правила об Армяно-Грегорианских церковных училищах на Кавказе
<http://margarian.livejournal.com/1803.html>

7. Халидова О. Б. Развитие образования и духовной культуры армян Дагестана в XIX в.
<http://topreferat.znate.ru/docs/index-14402.html?page=145>
8. Знаменитые деятели ААЦ <http://armenian-church.narod.ru/simple.html>
9. а/ Католикос всех армян Макап I Тегуци
<http://armenia.h1.ru/Churchs/Katolicos/deyateli/21.html>
б/ Католикосы Армении
<http://www.noev-kovcheg.ru/mag/2011-09/2572.html>
10. Киракосян Дж. Алексей Дживелегов и его историко-публицистическое наследие
<http://www.genocide.ru/lib/kirakosyan/jivelegov/4-073.htm>
11. Куцаров Петр. Воссоединение Болгарии в 1885 году и Российская империя.
12. Цит. по: Никитин С. А. Источниковедение истории СССР. XIX век
<http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/nikitin/?id=1319&txt=1>
13. Киракосян Дж. Великобритания и Армянский вопрос
<http://www.genocide.ru/lib/kirakosyan-a/3.htm>
14. История, структура и идеология партии «Дашнакцутюн»
http://mahada.do.am/publ/istorija/istorija_struktura_i_idealogija_partii_da_shnakcutjun/2-1-0-123
15. Киракосян Дж. Младотурки перед судом истории
<http://www.armenianhouse.org/kirakosyan/youngturks-ru/chapter01.html>
16. Арабкир. Статья из энциклопедии сайта «genocide.ru»
<http://www.genocide.ru/enc/arabkir.htm>
17. Агаян Ц. П. Гнчак
<http://bse.sci-lib.com/article011146.html>
18. Джохк Грайр. Статья на сайте «fedayi.ru»
<http://www.fedayi.ru/hrair.php>
19. Крусанов П. Действующая модель ада. Очерки о терроризме и террористах
<http://scienceport.ru/lib/Pavel-Krusanov.-Deystvuyuschaya-modelada.-Ocherki-o-terrorizme-iterroristah.-7697.html>
20. Тер-Арутюнян Г. Исторические условия возникновения «Дашнакцутюн» и ее характеристика
<http://www.ceghakron.com/pages/menu/menu4/ist.htm>
21. Мамиконян Н. Призывы к примирению
http://www.aravot.am/2005/aravot_rus/April/19/st01.htm
22. Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917)
<http://kurdissue.narod.ru/04u.html>

23. Нансен. Ф. Армения и Ближний Восток
<http://www.armenianhouse.org/nansen/docs-ru/armenia1.html>
24. Чочиев Г. В. Северокавказские этнические группы в Восточной Анатолии: расселение и проблемы социальной адаптации (вторая половина XIX–XX в.)
http://osetia.su/stati/Sev_kav_gr.htm
25. Хаусхофер К. Панидеи в геополитике
<http://grachev62.narod.ru/haushofer/chapt29.htm#s28>
26. Германский империализм и ближний восток в начале 20 века
http://www.easyschool.ru/sosh/Germanskijj_imperializm_i_Blizhnijj_Vostok_v_nachale_20_veka.doc
27. Брукс М. Нефть и внешняя политика
http://www.libma.ru/politika/neft_i_vneshnjaja_politika/p8.php
28. Цит. по: Смит Дж. В. Исторические причины терактов 11 сентября 2001 года
<http://agso.narod.ru/docs/iswne/sm1.htm>
29. История США. Том второй. 1877–1918. Под ред. Г. Севостьянова
<http://usatruuth.by.ru/c3.files/istorijatom2gl13.htm>
30. Цит. по: Ваагн Дадрян. Турецко-армянские отношения в свете исторических и политических последствий геноцида армян
<http://books.nt.am/readbook.php?ID=104&page=32&LangID=5>
31. Высочайшее повеление от 22 марта 1889 г.
<http://margarian.livejournal.com/1803.html>

БОРЬБА МИРОВЫХ ГИГАНТОВ ЗА БАКИНСКУЮ НЕФТЬ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Приезд в Баку Нобелей

В 1873 г. Абшеронский полуостров своим вниманием удостаивает Роберт Нобель, представитель знаменитой семьи, в 1842 г. переехавшей из Стокгольма в Петербург. Хотя его приезд был связан с необходимостью приобретения ореховой древесины для реализации правительственного заказа на производство ружей, Р. Нобель моментально оценил перспективы нефтяного дела.

Брат Роберта Людвиг принял в свои руки бразды правления этим делом, сразу же предложив реформировать транспортировку нефти путем постройки нефтепроводов от промыслов до нефтеперегонных заводов, что позволяло заменить гужевой способ на трубопроводный. Он обосновывал преимущества нефтепроводов тем, что они не требуют сооружения железных резервуаров для хранения нефти и нефтепродуктов и обеспечения их наливной перевозки в вагонах-цистернах.

Ну а в 1878 г. началось строительство 20-километровой железнодорожной ветки Баку – Сураханы – Сабунчи.

Тогда же Санкт-Петербургская компания «Бари, Сытенко и Ко», возглавляемая инженером-предпринимателем Александром Бари и членом Императорского Русского технического общества Николаем Сытенко, «вышла» на шведов с инициативой технического осуществления его планов. И уже к концу года по заказу Л. Нобеля талантливый инженер и новатор, в последующем почетный член Академии наук СССР Владимир Шухов, руководивший в Баку отделением компании А. Бари, спроектировал и осуществил техническое руководство строительством первого российского 10-километрового нефтепровода, протянувшегося от Балаханы до так называемого Черного города (бакинская окраина). В рамках проекта в эксплуатацию были сданы резервуары-нефтехранилища (облегченные, по сравнению с американскими).

Властями Российской империи были приняты и другие предложения Л. Нобеля, в том числе по созданию разветвленной системы хранения и сбыта нефтепродуктов в России. В скором времени бакинская нефть достигала Петербурга на нефтеналивных судах. Если в 1876 г. фирма Нобелей вывезла из Баку «6 248 пудов керосина, то в 1879 г. – 551 428 пудов керосина и 466 673 пуда нефтяных остатков» [1].

Постепенно «Товарищество нефтяного производства бр. Нобель», возглавляемое после смерти Людвигу его сыном Эммануилом, стало одной из ведущих российских компаний. Основным «нобелевским»

маршрутом являлся путь Баку – Астрахань – Волга. За пределы России он еще не выходил, к тому же Нобели являлись сторонниками реализации за рубеж нефтепродуктов, а не сырой нефти, которую гнали на российские нефтеперерабатывающие заводы.

Но одновременно с нефтеобеспечением России «Товарищество» постепенно вытесняло с внутреннего рынка «Стандарт Ойл»: начиналась геополитическая борьба за Каспийский регион, продолжающаяся по сей день.

Ротшильды на Абшероне

В 1879 г., в целях развития российского торгового мореплавания и в качестве вспомогательной структуры для военного флота, в России был основан Добровольный флот (ДФ), агентства которого появились в Батуми, Новороссийске, Стамбуле, Коломбо, Сингапуре, Нагасаки, Шанхае и т. д. Особое место в списке занимал присоединенный в 1878 г. к России портовый Батум с выходом в Черное море, так как через него успешно могла осуществляться доставка азербайджанской нефти за границу.

Промышленнику Сергею Палашковскому и инженеру Андрею Бунге (при содействии дяди последнего – Николая Бунге, товарища министра финансов России) удалось получить концессию на строительство железной дороги Баку – Тифлис – Батум. Ими было образовано «Батумское нефтепромышленное и торговое общество» (БНИТО).

Однако ограниченность финансовых возможностей концессионеров не позволяла им самостоятельно завершить начатое дело. И тут очень кстати объявились представители знаменитой семьи Ротшильдов, к которым и обратились С. Палашковский с А. Бунге, скорее всего, опять по совету родственника последнего из российского Минфина.

Парижские Ротшильды появились в российских бизнес-кругах не случайно. В период отмены крепостного права российские власти предприняли ряд экономических реформ, в том числе в области финансов. В связи с чем правительство привлекло внешние займы посредством заключения в 1862 г. соглашения с банками «Натан Майер Ротшильд и сыновья» (Лондон) и «Братья Ротшильд» (Париж) на сумму в 15 млн ф. ст. (под 5%). Российские ценные бумаги были размещены на европейских финансовых биржах, и длительный период финансовым представителем Петербурга в Лондоне являлся член британской палаты общин Лайонель Ротшильд (до своей смерти в 1879 г.). Через возглавляемый им банк прошли все российские займы. В свою очередь, представителем дома Ротшильдов в Пруссии был берлинский банк Герсона Блейхредера, также размещавший русские ценные бумаги. Но на

фоне обострения отношений Петербурга с Лондоном и Берлином, особо проявившегося во время русско-османской войны 1877–1878 гг., этот фактор мог сыграть роль экономического шантажа против России (в период войны российское правительство пустило в обращение кредитные билеты на сумму 398 млн рублей, что привело к сильному падению курса кредитного рубля). Возможно, именно тогда Петербург стал строить планы как последующего размещения русских ценных бумаг на французской бирже (что и произошло позднее), так и привлечения в Россию средств парижской ветви семьи Ротшильдов.

Этому могли быть и иные причины, вплоть до личной заинтересованности отдельных высокопоставленных российских чиновников. Но факт заключения в 1882 г. Тройственного союза между Германией, Австро-Венгрией и Италией, одним острием направленного против Франции, в условиях обострившихся германо-российских отношений не мог не подтолкнуть Петербург в сторону Парижа. Как бы то ни было, в нефтеносном Баку оказался французский капитал Альфонса Ротшильда.

Кавказский вектор финансовых магнатов объяснялся не столь самим фактом абшеронского нефтяного богатства, сколь возникшей возможностью удешевления его транспортировки путем завершения строительства железнодорожной ветки Баку – Батум. Что это сулило в будущем, Ротшильд прекрасно понимал.

В 1882 г., когда под руководством В. Шухова в Баку было завершено строительство еще четырех нефтепроводов пропускной способностью 3200 т нефти в сутки, изобретатель процесса глубокого разложения нефти Александр Летний на основе проведенных расчетов пришел к выводу о значительном сокращении материальных затрат на транспортировку бакинской нефти в случае ее осуществления по Закавказской железной дороге. Следовательно, Ротшильды прекрасно просчитали выгоду от вступления в российский нефтяной бизнес, так как на горизонте замаячил реальный финансовый успех из-за удешевления транспортировки. Результатом этого могло стать не просто окончательное вытеснение американского «Стандарт Ойл» с российского рынка, но и новая статья дохода от экспорта абшеронского богатства. Потому-то Альфонс Ротшильд рискнул сделать колоссальные вложения в завершение строительства железнодорожной ветки из Баку, за счет чего Баку еще более укрепил свое геостратегическое значение.

В тот период отмечалось, что наряду с нефтяной промышленностью, имеющей «первенствующее значение для Баку», в городе процветали и другие отрасли торговли. «Благодаря удобству своей гавани» и наличию здесь центрального пункта Каспийского пароходства Баку являлся «складочным пунктом закавказских и персидских товаров», поступавших

«во внутренние губернии России и отчасти за границу через Черное море», – хлопка, риса, шелка, вина, сухих фруктов, орехового дерева, рыбы, а также русских мануфактурных товаров, железных изделий и сахара, следующих «отсюда в разные города Закавказья и Персии». «Сношения с устьями Волги и персидскими портами очень оживлены» [2].

Но основным пунктом геостратегической борьбы за обладание Баку все же являлась нефть. Со вводом в эксплуатацию железной дороги Баку – Батуми, в 1883 г. нефтяной «вывоз достигает 3,6 млн пудов» [3], что привело к резкому сокращению поступления в Россию американского керосина.

Сырая нефть и трубопроводы

Здесь же стоит отметить, что в тот период быстрыми темпами началось освоение Приморья, так как с 1883 г. переселенцы стали доставляться в регион судами Добровольного флота «Одесса – Владивосток» через открытый в 1869 г. Суэцкий канал, в связи с чем достичь крайней точки можно было всего за полтора месяца вместо одного года.

На фоне расширения возможностей для экономического роста в России благодаря эксплуатации Закавказской железной дороги и активному освоению дальневосточного региона, в начале 1885 г. международная конференция в Берлине приняла «Генеральный акт» (по Африке), согласно которому европейские страны могли установить свой протекторат над любой страной африканского континента. Хотя Россия участвовала в конференции, ее документ напрямую не касался, но в российской публицистике проскальзывает мнение, что Акт мог дать повод и для последующих антироссийских шагов. В связи с этим отмечалось, что речь шла о природном сырье, а именно: если страна не в состоянии обеспечить его эффективную добычу и реализацию, другие государства и мировые корпорации должны ей в этом содействовать.

Действительно, европейская промышленность в то время стремительно развивалась. Поэтому, с одной стороны, она нуждалась в рынках сбыта, с другой – в приобретении (желательно за бесценок) сырья. Но все же нельзя однозначно согласиться с тем, что подтекст Акта имел антироссийскую направленность.

Ну а на этом фоне в 1886 г. А. Ротшильд выкупает БНИТО, на основе которого создает «Каспийско-черноморское нефтепромышленное общество» (КЧНО, управляющий Жюль Арон). Примечательно, что будучи известной еврейской фамилией, Ротшильды не столкнулись с

действием утвержденных Александром III в 1882 г. «Временных правил», запрещающих евреям владеть землей или даже арендовать ее.

Предоставляя мелким и средним бакинским предприятиям кредиты на выгодных условиях, взамен КЧНО скупала всю их продукцию, что лишало эти фирмы независимости от Общества. Но на их предложение объединиться «Товарищество» Нобеля, контролировавшее российский внутренний рынок, ответило отказом.

В любом случае, с 1886 г. Россия уже перестала импортировать американский керосин, а КЧНО через черноморские проливы успешно вывозила абшеронскую нефть в Европу и Азию, вплоть до индийского Бомбея³⁶, Туниса и Австралии. Приобретение российского керосина оказалось выгодным османам и Персии.

Однако себестоимость бакинской нефти оставалась высокой, что объяснялось дороговизной доставки абшеронского богатства до потребителя. Д. Менделеев отмечал, что из Баку для торговли нефтепродуктами «есть только три пути: Волга, Закавказская дорога и Закаспийский край». Но последний, «по неразвитости там всех условий культуры, спрашивает еще очень немного нефтяных продуктов». Добывая около 300 млн пудов нефти, Баку может сбывать только до 100 млн пудов ее продуктов, реализуя остальные как топливо. Это подтверждает «коренные недостатки» в «современной организации нашего нефтяного дела». «Проведение от Баку до Черного моря трубопровода или нефтепровода» позволит увеличить спрос на бакинскую нефть. С увеличением же добычи «цена ее станет более равномерной и выгодной для добывателей» [4].

Но вокруг нефтепровода продолжались игры нефтемагнатов и, естественно, чиновников, что особо видно по ситуации 1887 г. В декабре российский Кабинет министров дал согласие на создание Акционерного общества Каспийско-Черноморского нефтепровода. Решение лоббировала семья Ротшильдов, и речь шла о вывозе из Баку сырой нефти с ее последующей переработкой на планируемом к строительству заводе в Батуме. Такой шаг никоим боком не устраивал семью Нобелей, так как ее представители вывозили продукты обработки сырой нефти – керосин и смазочные масла, следовательно, могли получить конкурентов.

Позиция Нобелей была поддержана Шестым экстренным съездом нефтепромышленников в г. Баку (1890 г.), ходатайствовавшим перед министром путей сообщения России о «безотлагательной постройке Закавказской железной дорогой шестидюймового керосинопровода общего пользования от ст. Михайлово до ст. Квирилы»³⁷. Дело том, что

³⁶ сегодня Мумбаи – прим. авт.

³⁷ сегодня Хашури – Зестафони, Грузия – прим. авт.

непосредственно керосинопровод позволял транспортировать и экспортировать за рубеж нефтепродукты. Его строительство съезд обосновывал ссылкой на недостаточную «правоспособность» горного участка Сурамского района железной дороги, указывая на необходимость увеличения «пропускной» возможности перевала. Для большей убедительности съезд подчеркнул, что «Товарищество братьев Нобель» не находит «нужным увеличение производства своего завода за неимением достаточного количества вывозных средств по Закавказской железной дороге». Отметим, что железнодорожное сообщение через Сурамский перевал заработало в 1872 г., а к 1890 г. был сдан в эксплуатацию Сурамский тоннель, позволивший увеличить пропускную способность участка Квирилы – Михайлово почти в два раза (до этого через перевал могли следовать лишь составы небольшой массы). Так вот, нефтепромышленники «главным тормозом в развитии бакинской нефтяной промышленности» определили отсутствие керосинопровода, а также «ветвей от существующих соединительных путей к заводам» на Бакинской станции Закавказской железной дороги.

Реализацию проекта на съезде активно поддерживал русский предприниматель Виктор Рагозин, почетный инженер-технолог, управляющий (с 1883 г.) бакинским отделением Товарищества «С. М. Шибаев и Ко», что совершенно неудивительно. У него уже был опыт полной переработки нефти с получением из нее керосина и смазочных масел высокого качества на нефтеперерабатывающем заводе в г. Балахна Нижегородской губернии. На всемирных выставках в Антверпене и Париже минеральные смазочные масла возглавляемого им бакинского филиала «Товарищества» были удостоены золотых медалей [5].

Как бы то ни было, хотя Петербург в тот период не дал согласие на строительство керосинопровода, было приостановлено и решение о вводе в строй нефтепровода. Правда, затягивание этого вопроса не отражалось на работе трубопроводов в Баку, протяженность которых к 1890 г. приблизилась к 300 км.

Хотя, по некоторым данным, Ротшильдам не удалось добиться и беспослинного экспорта за границу нефтеостатков, на вывоз керосина акциз не распространялся, что свидетельствует о заинтересованности в тот период российских властей в экспорте не сырой нефти, а нефтепродуктов. В 1889 г. Россия обеспечивала менее 30% мирового рынка нефтепродуктов, но бакинский керосин уже «освещал» Китай. Именно в Азии Ротшильды видели дальнейшие перспективы своего экономического процветания.

«Цифровые» показатели и маршруты бакинской нефти

При посредничестве британца Фреда Лэйна, владельца компании “Lane and Macandrew”, осуществлявшей морские перевозки, услугами которого Ротшильды пользовалась при фрахтовке судов, в Баку они встретились с другим британцем – Маркусом Сэмюэлем. М. Сэмюэль вместе со своим братом Сэмом еще в 1886 г. впервые закупил керосин у “Standard Oil” для реализации его в Японии (с Дальним Востоком у семьи Сэмюэлей была налажена четкая связь). Керосиновый бизнес, по их представлению, мог затмить все остальные семейные предприятия.

Увидев собственными глазами нефтяные коммуникации Баку и Батума, на этой исторической встрече британцы и Ротшильды ударили по рукам, решившись не только догнать, но и перегнать Рокфеллера. Предварительно между сторонами был заключен 10-летний договор (1891 г.) о предоставлении КЧНО Сэмюэлям монопольного права на реализацию их продукции к востоку от Суэца. Дело оставалось за «малым»: решить вопрос с транспортировкой, объемами перевозок и рынками сбыта «черного» продукта. Для этого по всему предполагаемому маршруту на Дальний Восток и в Индию³⁸ в срочном порядке стали сооружаться базы с резервуарами для хранения груза (под руководством племянников Сэмюэлей – Марка и Джо Абрахамсов).

Параллельно с этим вопрос о разрешении на прохождение танкеров через Суэцкий канал прорабатывался в парламенте Англии. Согласно ряду источников, здесь подсутились Ротшильды, потребовав «возврата долгов». Дело в том, что еще в 1875 г. британская ветвь семьи субсидировала тогдашнего премьера Англии Бенджамина Дизраэли для скупки у Египта акций Суэцкого канала. Поэтому разрешение в 1892 г. было быстро получено, затем приобретены танкеры нового типа, первый из которых, «Мюрэкс», летом того же года отправился с бакинским керосином (4 тыс. т) в Сингапур, прибыв на основанную М. Абрахамсом базу. Согласно данным биографов семьи Сэмюэлей Яна Кумминса и Джона Бизанта, если в 1893 г. Суэцкий канал «пропустил» 11 танкеров, то из 69 танкеров, прошедших через него к концу 1895 г., лишь 4 принадлежали конкурентам Маркуса. «Его» керосин продавался по всему Дальнему Востоку, что полностью нивелировало «эффект от излюбленной демпинговой стратегии Рокфеллера – резко снижать цену на одном рынке, завышая ее на другом» [6].

Довольно интересно сложившуюся в тот период ситуацию описал советский экономист, глава секции Госплана СССР в конце 1920-х гг. Лев Эвентов: «Фирма бр. Нобель завладевает внутренним рынком, вытесняя из него американскую нефть и открывая русскому “черному золоту”

³⁸ Лондон контролировал все промежуточные порты в дальневосточном направлении: от Гибралтара до Гонконга. – прим. авт.

доступ на внешние рынки. При помощи английского капитала, занятого энергичным поиском нефти, как одной из основ британского морского господства, российская нефтяная промышленность далеко продвинулась в области концентрации производства. Тем самым, она организационно оформилась в качестве составной части мировых трестов, разбросавшихся почти по всем частям света» [7].

В статистических показателях сказанное выглядело следующим образом. Согласно Александру Аргутинскому-Долгорукову, в 1884 г. нефти в США было добыто 188 млн пудов, в России – 90 млн. По отношению «к общей сумме добычи этих государств американская нефть составила 67,5%, русская – 32,5%». В 1893 г. добыча нефти на всем земном шаре достигла 735 млн пудов, из которых на долю США приходилось 375 млн (52,6%), России – 339 (47,4%). Т. е. добыча нефти в Америке относительно уменьшалась с каждым годом, в то время как в России (Абшерон) возрастала, «давая правильное и прогрессивное увеличение ее»: 1832 г. – 150 тыс. пудов; 1882 г. – 50 млн пудов; 1894 г. – 309 млн пудов.

При этом А. Аргутинский-Долгоруков указывал на значительно более высокие издержки «на производство американского керосина». По данным 1889–1990 гг., его стоимость определялась в 108,5 центов за баррель в 42 галлона. Следовательно, американский керосин «обходится производителю в 3 раза дороже, чем бакинскому заводчику». И хотя «доставка пуда керосина из Баку в Лондон» стоит на 12,5 копеек дороже, чем из Нью-Йорка, на месте «русский керосин» оказывается на 18,5 копеек дешевле. Это позволяло России «успешно конкурировать» на данном рынке с США.

Отмечая, что «Бакинский район, господствующий на нефтяном рынке почти в равной мере с Америкой», является «исключительным поставщиком русской нефти и ее продуктов», А. Аргутинский-Долгоруков вполне обоснованно прогнозировал дальнейший рост русского нефтяного дела, «по крайней мере в ближайшем будущем», с перспективами занятия Россией преобладающего положения на мировом рынке [8]. В частности, Россия уже основательно потеснила США с перспективнейшего в экономическом отношении Дальнего Востока: «привоз в Нагасаки русского керосина увеличивается (с 1871 иена в 1888 г. до 121 844 иена в 1894 г.)» [9]. В том же году бакинский керосин превысил поставки американского в Фучжоу. В Ханькоу было ввезено продукции на 219 тыс. руб. Поступал керосин в маньчжурский порт Инкоу. Российские товары оказывались в Монголии и Синьцзяне [10].

Причем Сэмюэли организовали производство канистр для керосина, также поставлявшихся потребителям. Вместе с тем, к 1894 г. керосиновая направленность российской нефтяной промышленности сменилась

мазутной, т. е. значительную часть реализуемых нефтепродуктов стало составлять энергетическое топливо, пришедшее на смену средствам освещения. Естественно, подобная активизация российских нефтяных компаний больно ударила по «Стандарт Ойл» Дж. Рокфеллера. Но его попытки повлиять на ситуацию путем «вхождения» на Южный Кавказ не встретили понимания Нобелей и Ротшильдов, а, следовательно, и российского правительства.

Не увенчались успехом и «сепаратные» переговоры американцев с М. Сэмюэлем, после чего не сработал также очередной демпинговый «демарш» Рокфеллера. Правда, инициированное им резкое снижение цен на нефть в 1894 г. привело к определенным финансовым проблемам КЧНО, которая к тому же получила внутри Азербайджана еще одного конкурента (кроме «Товарищества бр. Нобель») в лице Александра Манташева, сумевшего по дешевке скупить разорвавшиеся мелкие бакинские нефтекомпании. Но и здесь «бакинские» семьи Нобель и Ротшильд устояли перед натиском Рокфеллера. В том же году в Баку была создана Ассоциация, участники которой договорились о разделе рынков сбыта абшеронского богатства: А. Манташеву были «отданы» Ближний Восток и Индия, шведам «досталась» Европа, а за КЧНО «остался» Дальний Восток. Таким образом, в разгаре была мировая экономическая война за обладание рынками сбыта нефтепродуктов, прежде всего на огромном дальневосточном пространстве.

В целом, за фасадом жесточайшего российско-американского нефтяного противостояния скрывалось американо-британское столкновение за обладание бакинским «черным золотом» и его доставку в различные регионы мира, важнейшим «золотым дном» которого виделся Дальний Восток. Говоря другими словами, США нуждались в дальневосточном регионе прежде всего как в рынке сбыта бакинского природного богатства – не только вследствие небольших запасов американской нефти, но и из-за финансовой выгоды. Поэтому взоры Лондона и Вашингтона были обращены на Абшерон, тем более что в 1896 г. началось строительство керосинопровода Баку – Батум. Лидировавшая в той «смертельной» схватке семья Сэмюэлей (30 океанских танкеров, 351 склад на пути от Баку до Шанхая, из которых 31 собственный) в 1897 г. создала «Транспортно-торговую компанию Шелл» (Shell Transport and Trading Co.), танкерный флот которой стал крупнейшим частным флотом в мире.

Внешняя безоблачность в российско-британских взаимоотношениях

При всем при этом имел место один важнейший нюанс. Согласно заключенному в 1891 г. 10-летнему договору с КЧНО, Шелл оказалась

зависимой от Ротшильдов, так как банкирский дом мог прекрасно диктовать «нефтяную» ценовую политику, что в условиях отсутствия в арсенале Сэмюэлей «личных» нефтяных территорий и предприятий нефтепереработки делало Маркуса уязвимым. Поэтому в 1896 г. семья командировала талантливого Марка Абрахамса на поиски нефтяных залежей близ о. Суматра, где, однако, в роли «искателей» (как и в Вест-Индии) выступали прямые конкуренты англичан в лице основанной в 1890 г. в Нидерландах компании «Ройял Датч» (Royal Dutch Company), владевшей крупным собственным танкерным флотом.

Как только у М. Абрахамса появились проблески успеха в поисках нефти, «Шелл» сделала предложение «Ройял Датч» о слиянии (при естественном старшинстве англичан), но глава компании Джин Кесслер ответил отказом. Тем временем компанией Д. Кесслера заинтересовалась и «Стандарт ойл», с которой отказывались сотрудничать «Шелл» и КЧНО. Но Д. Кесслер не принял ее предложение. В свою очередь, неудачи в поисках нефти вынудили голландцев также закупать бакинский керосин для реализации на Дальнем Востоке.

Когда заканчивалось 10-летнее соглашение «Шелл» с КЧНО, к Ротшильдам (да и Нобелям) в очередной раз стала подбираться «Стандарт Ойл». Но «бакинцы» перезаключили контракт с Сэмюэлями, после чего США фактически утратили Абшерон. Не помогли и очередные переговоры «Стандарт Ойл» с англичанами, а также с «Ройял Датч», уже возглавляемой знаменитым Генри Детердингом (к тому времени голландцы заполучили концессию на нефтяные месторождения в Румынии).

Не имея непосредственного доступа к абшеронскому богатству, англичане (как Сэмюэли, так и в целом правительство Великобритании) осознавали, что ключ от Баку не находится в Лондоне. Ротшильды в любой момент могли пойти на соглашение с американцами, что не просто урезало прибыль Сэмюэлей, но и политические дивиденды Великобритании. Но и это полбеда. Лондон полностью отдавал себе отчет, что в таком случае Англия в скором времени лишится и возможности использования «маршрутной удавки» – поскольку в тот период танкеры с бакинской нефтью могли попасть в дальневосточную зону лишь по контролируемому Лондоном маршруту (Суэцкий канал и Гибралтар). Укреплявшиеся на нефтерублях российские власти уже не желали покорно наблюдать за происходящим, смиряясь с наличием лишь «английского» пути для азербайджанской нефти до рынков сбыта.

В Петербурге не могли не понимать, что в случае обострения русско-британских взаимоотношений англичане спокойно наложат «вето» на прохождение судов с каспийскими природными ресурсами через подконтрольные им территории. Так возникла идея Великого Сибирского

рельсового пути (ВСРП) как альтернативы Суэцкого маршрута к Дальнему Востоку, и уже в 1891 г. началось строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, должной связать Владивосток с Санкт-Петербургом.

1. Нобель Людвиг Эммануилович (1831–1888)
<http://funeral-spb.narod.ru/necropols/smolenskoel/tombs/nobelludvig/nobelludvig.html>
2. Статья «Баку, губернский город» из Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона
<http://www.brockhaus.ru/text/008/583.htm>
3. Фролов В. И. Экономика нефтяного хозяйства. М.-Л., 1928, с. 246.
4. Менделеев Д. Вазелин. Статья для Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона
<http://be.sci-lib.com/article017566.html>
5. Труды Шестого экстренного съезда нефтепромышленников в г. Баку 15, 16 и 17 января 1890 г., Баку, 1890, с. 82, 96–99.
6. Кумминс Ян, Бизант Джон. Shell шокирует мир. Секреты и спекуляции нефтяного гиганта
<http://www.classs.ru/library1/strategy/kummins/print/?full=1>
7. Эвентов Л. Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. М., 1931, с. 49–50.
8. Аргутинский-Долгоруков А. Закавказская железная дорога и ее экономическое значение. Тифлис, 1896, с. 42–43, 60, 73–74.
9. Грум-Гржимайло Г. Нагасаки. Статья для Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона
www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=ru&base=brokgauz2&page=showid&id=2813
10. См. Дацышен В. Проблемы российско-китайской торговли в конце XIX в.
<http://www.old.kspu.ru/annual/an3/p10-05.doc>

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОГО НЕФТЯНОГО СТОЛКНОВЕНИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Путь к Дальнему

В 1893 г. увидела свет записка сотрудника Азиатского департамента Министерства иностранных дел России, по совместительству крестника императора Александра III и специалиста по тибетской медицине Петра Бадмаева российскому государю «О задачах русской политики на Азиатском Востоке». В документе, рассматривавшем возможность присоединения к России Монголии, Китая и Тибета, отмечалось, что по завершении Великого Сибирского рельсового пути (ВСРП) «вся» китайская торговля «попадет в наши руки, европейцы не в силах будут с нами конкурировать», несмотря на наличие в их распоряжении водных путей. С вводом ВСРП «начнется финансовоэкономическое могущество России» [1].

Уже осенью 1893 г. в Петербурге был основан «Торговый дом “Бадмаев и Ко”», одно из важнейших головных подразделений которого, находившееся в Чите, разрабатывало планы покорения Дальнего Востока. Строительство шло усиленными темпами. Через некоторое время министр финансов России того периода Сергей Витте отмечал, что ВСРП «являлся действительно транзитным, мировым путем, соединяющим Японию и весь Дальний Восток с Россией и с Европой». С приближением ВСРП к Забайкалью С. Витте подчеркивал важность дальнейшего его продления «во Владивосток, перерезывая Монголию и северную часть Манджурии». Решение вопроса заключалось в достижении цели «путем миролюбивым, основанным на взаимнокоммерческих выгодах» [2/a].

Ввиду этого власти России решили предпринять необходимые внешнеполитические шаги, в результате которых в мае 1896 г. Петербург и Пекин, «желая укрепить счастливо восстановленный на Дальнем Востоке мир и охранить азиатский материк от нового чужеземного вторжения, решили заключить между собой оборонительный союз», согласно которому началось сооружение Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Правда, в договоре подчеркивалось, что соединение железнодорожной линии через Амурскую и Гириинскую провинции Китая в направлении на Владивосток с русской железной дорогой «не может служить предлогом к какому-либо захвату китайской территории» [3].

С другой стороны, в российско-китайской конвенции, подписанной в конце лета того же года в Берлине и определявшей условия строительства КВЖД, оговаривалась допустимость отправки войск и российских военных материалов «транзитом по этой линии», т. е. «с одной русской

станции на другую», без «остановки в пути, под каким бы то ни было предлогом» [4]. Это означало, что Петербург не имел возможности расквартировывать свои войска на территории Северной Маньчжурии. Но главной целью конвенции являлось прикрытие факта предоставления российской стороне концессии на строительство железной дороги от Читы до Владивостока через Маньчжурию. Строительство же КВЖД как южной ветки Транссибирской магистрали являлось средством проникновения России в Маньчжурию и Корею, что укрепляло российское военное присутствие на берегах Желтого моря.

Петербург, подготавливая альтернативу Суэцкому каналу, создавал условия для обеспечения ее безопасности. Но эти шаги России были просчитаны Лондоном, несмотря на дипломатическую ремарку тогдашнего министра иностранных дел России Алексея Лобанова-Ростовского в адрес британского премьера и министра иностранных дел Р. Солсбери о том, что Сибирская железная дорога предназначена, «кроме прочего, для облегчения перевозки наших сухопутных сил», но она не оказывает «влияния на морские перевозки», требующиеся «ввиду прогрессирующего развития наших отношений с Дальним Востоком» [5].

Вместе с тем, весной 1896 г. между Россией и Японией был подписан Московский протокол, в неафишируемых статьях которого стороны, «вследствие какой-нибудь внутренней или внешней причины», оставляли за собой право ввода в Корею «войск сверх того количества, которое необходимо для безопасности их подданных и для охраны телеграфных линий» [6]. Т. е. Петербург и Токио установили военный контроль над Кореей.

Фактор А. Безобразова. Китай в капкане

А вслед за этим начинается период фактического раздела Китая. При молчаливом согласии Петербурга в ноябре 1897 г. Германия, чуть ранее ставшая обладателем концессий на проведение сети железных дорог на Шандуне, захватила порт Циндао. Скорее всего, Россия даже ожидала эту акцию, которая оправдывала ее собственные намерения по экспансии в Китае, и поэтому и не отреагировала на просьбу китайской стороны о вмешательстве.

Согласно С. Витте, тогдашний российский министр иностранных дел Михаил Муравьев требовал занять Порт-Артур или Дальний (входивших в Ляодунский п-ов), подчеркивая стратегическое значение этих портов. Однако С. Витте отверг с эту идею, которая «несомненно возбудит Китай», а также вызовет реакцию со стороны Японии и Англии.

Хотя признание С. Витте того факта, что «Порт-Артур и Даляньван, очевидно придется тогда соединить с восточно-китайской дорогой», чтобы «хоть таким образом как-нибудь обеспечить прочность владения этими пунктами» [2/а], свидетельствует, что он ожидал именно такого развития событий. Как бы то ни было, в 1897 г. российский флот оказался в гавани Порт-Артура. Российско-китайская конвенция 1898 г. гласила, что «император китайский соглашается предоставить российскому правительству в арендное пользование порты Артур (Люшунь-коу) и Тянь-вань ³⁹ вместе с прилегающим к этим портам водным пространством». Т. е. Пекин предоставлял России на 25-летний арендный срок фактически весь Ляодунский полуостров, причем с распространением концессии Общества КВЖД на продолжение железной дороги «от одной из станций магистральной линии до Тянь-ваня, а также, если в том окажется необходимость, от той же магистральной линии до другого более удобного пункта на побережье Ляодунского полуострова между городом Ин-цзы и устьем реки Ялу» [7].

Довольно любопытно вторжение на Ляодунский п-ов оценивал С. Витте, согласно которому последствия захвата (именно так!) Квантунской области «несомненно» будут «на основании документов выяснять историки», так как происшедшее «представляет собою акт небывалого коварства» [2/а]. С. Витте говорит на дипломатическом языке, но даже из сказанного им явно усматриваются захватнические устремления определенных политических сил внутри России в отношении Дальнего Востока.

В этой связи целесообразно обратить внимание на появление на исторической арене на рубеже 1896–1897 гг. знаковой фигуры. По словам С. Витте, «некий отставной ротмистр кавалергардского полка [Александр] Безобразов» начал «проповедывать» активизацию попыток Петербурга «добиваться нашего влияния» посредством «установления в Корее различных концессий», имеющих «по виду совершенно частный характер», но в действительности «поддерживаемых и руководимых правительством», постепенно, «по системе паука», могущих захватить Корею. Речь идет о подготовленном А. Безобразовым документе, который предсказывал неизбежность русско-японской войны (вследствие проведения наступательной политики Японии в Корее и Маньчжурии) и предлагал создать в Маньчжурии, по границе с Кореей, вдоль реки Ялу, особые заслоны в виде коммерческих предприятий, вполне способных произвести постепенное мирное завоевание Кореи. Таковую «мысль Безобразов представил» не только члену Госсовета графу Воронцову-Дашкову, при ком состоял «молодым офицером» в бытность

³⁹ Дальний – прим. авт.

того начальником личной охраны Александра III, но и «подъехал с этой же самой идеей к Великому Князю Александру Михайловичу» [2/6].

Русский писатель, журналист, военный корреспондент периода русско-японской войны генерал-лейтенант Владимир Апушкин метко оценил происходящее: «Каждый день на международный рынок выносилась какая-нибудь новая корейская ценность». Так появилась «концессия на эксплуатацию лесов Северной Кореи». Из-за опасения по поводу ее приобретения Японией, «под видом работников» могущей водворить «на границе русско-маньчжурской территории новую японскую армию», лоббировалась идея создать «между нами – в Маньчжурии и японцами – в Корее нейтральную полосу земли частного пользования», благодаря которой облегчался заблаговременный контроль движения японских войск к российским границам [8]. И хотя в оценке В. Апушкина преобладает оборонно-разведывательный аспект, экономическая составляющая в ней тоже присутствует.

В любом случае, вслед за вышеупомянутым российско-китайским договором 1896 г. власти Кореи предоставили русской стороне концессию на эксплуатацию лесов на р. Тумень возле пограничной реки Ялу и о-ве Дажелет. «Официальным» владельцем лесной концессии на Ялу оказался владивостокский купец 1-ой гильдии Юлий Бриннер (Бринер), подписавший с корейским правительством соглашение об образовании «Корейской лесной компании», с предоставлением ей на 20-летний срок права на оговоренном участке возводить здания, строить дороги, проводить телеграф и т. д., т. е. фактически управлять Северной Кореей. Ну а весной 1898 г. до царских властей было доведено предложение А. Безобразова о создании специальной экспедиции для исследования перспектив северокорейской территории. Царь Николай II дал добро на организацию лесных разработок на р. Ялу и строительство деревообрабатывающих фабрик.

Так что вряд ли можно назвать случайным совпадением появление той же весной 1898 г. российско-китайской конвенции о Ляодунском полуострове, по результатам которой началось строительство Южно-Маньчжурской ветви (ЮМЖД) КВЖД от Порт-Артура до ст. Куаньчэнцзы. По словам Георгия Сюннерберга, будущего агента министерства торговли и промышленности в Российском генеральном консульстве в Шанхае, с 1912 г. и консула Финляндии, с получением Ляодунского п-ова Россия, имея возможность «посылать свои товары по водам Тихого океана во все стороны мира» и «обладая, наконец, прекрасным незамерзающим портом», могла бы «в должной мере развивать свой торговый флот», конкурируя на рынках Дальнего Востока со «старыми соперниками» [9].

Такое продвижение Петербурга не могло не обеспокоить Англию, Японию и США. По словам В. Апушкина, все коммерческие сношения Кореи с иностранными рынками велись только при посредстве японских банков. Японцы обслуживали железные дороги и порты Кореи своим торговым флотом; обеспечивали строительство в Корее новых железнодорожных путей; эксплуатировали золотоносные земли, «водворив для этих работ в стране целую армию японских рабочих». Англичане владели таможнями и лучшими золотыми рудниками. Американцы – трамваями в Сеуле [8].

О напряженности и непредвиденности обстановки на Дальнем Востоке можно судить по словам судового врача сибирского флотского экипажа и тихоокеанской эскадры, будущего издателя-редактора журнала «XX век» Василия Черевкова: «... ввиду занятия Германией Киао-чау, Россией Порт-Артура и Талиенвана, – трудно сказать, что станет с Вей-ха-веем... Говорят будто Англия займет его. Кто знает? Дальний Восток полон теперь грозных неожиданностей!» [10].

Британцы не собирались молчаливо наблюдать за укреплением евроазиатского блока. После получения Берлином от османского султана концессии на строительство Багдадской железной дороги и удлинения Транссибирской магистрали Лондон не исключал возможность германороссийского тандема. В случае признания сторонами внешнеполитических заявок Японии к гипотетической оси мог присоединиться и Токио. Однако интересы Японии Берлином и Петербургом не учитывались, в связи с чем Токио, форсируя строительство морского флота и укрепляя порты, встал на сторону Англии. Заручившись предварительным добром Токио, весной 1898 г. англичане захватили порт Вей-ха-вей и на условиях аренды (по типу Ляодуна), получили п-ов Цзюлун. К слову, аналогичным образом Франция приобрела Гуанчжоу, завладев впридачу железнодорожными концессиями. Китай фактически оказался разделенным между европейскими государствами. Такое развитие событий вряд ли устраивало США, поскольку оно неминуемо вело к окончательному поражению Вашингтона на нефтяном «поле».

США и Дальний Восток. «Боксерское» восстание

По-видимому, США, отчетливо осознавшие невозможность нефтяного закрепления на Дальнем Востоке экономическими средствами, решили подойти к региону, битва за который определяла геополитику того периода, с другого берега. Внешнеполитическая активизация США происходила на фоне строительства современного военно-морского флота.

В 1898 г. США аннексировали Гавайи, после чего перешли к захвату колоний Испании, объявив ей войну и добившись в августе ее капитуляции. К США отошли Пуэрто-Рико, Гуам и Филиппины, что имело важнейшее значение для Вашингтона. Если Пуэрто-Рико рассматривалось в качестве морской базы ввиду планов строительства Панамского канала, Филиппины фактически явились путем для проникновения в Китай. Естественно, закрепление в этих стратегических «точках» объяснялось намерением привнесения американцами в страны «цивилизации и христианства» и, конечно же, внедрением «демократических традиций». Наверное, именно для реализации данных пунктов в 1898 г. в США был создан Комитет по американским интересам в Китае.

Ну а в 1899 г. до мировых держав были доведены сформулированные госсекретарем Джоном Хэйем принципы так называемой «политики открытых дверей» в отношении Поднебесной. В сентябрьской ноте посла США британскому премьеру подчеркивалась надежда на сохранение там «открытого рынка для всей мировой торговли» – посредством проработки совместных действий «контролирующих» регион держав. Обосновывалась (или прикрывалась?) эта политика необходимостью проведения в Китае административных реформ, «столь необходимых» для «сохранения целостности» страны. В связи с чем документ настаивал на согласии всех государств, претендующих на «сферы интересов» в Китае, с рядом пунктов, в частности с признанием «неблагоразумным» вмешательство в зоны их интересов [11].

Хотя внешне речь шла о защите территориальной целостности Китая, главной целью Вашингтона являлось беспрепятственное проникновение американского бизнеса в контролируемые европейскими державами регионы Китая. Но если Россия принцип «открытых дверей» не поддержала, американцам удалось склонить на свою сторону европейских лидеров и Японию, опасавшихся распространения влияния Петербурга в этом регионе.

Ну а средством убеждения «несогласных» с политикой Вашингтона послужило так называемое «Боксерское» (Ихэтуаньское) восстание, внешне воспринимаемое исключительно как антиимпериалистическая война Китая. Хотя вся цепь предшествующих событий свидетельствует о неслучайности выступления китайцев именно в тот момент. К тому же настроения восставших подогрела публикация в июне 1899 г. во всех (!) газетах американского города Денвера о планируемом сносе Великой китайской стены для строительства на ее месте шоссе (по причине поиска иностранных инвестиций китайским правительством), с информацией о начале приема заявок от американских бизнесменов на осуществление проекта. Для подтверждения «правдивости» идеи статья с

дополнительными «подробностями» была помещена во всех центральных европейских изданиях [12].

Естественно, никаких договоренностей такого рода не было и в помине, но «утка» сработала. А далее можно было подогревать толпу. Примечательно, что одним из первых объектов нападения ихэтуаней⁴⁰ стало германское посольство. Хотя в ходе беспорядков погибли многие иностранцы, в том числе по религиозному признаку, действия «боксеров» могли быть и целенаправленными. Как отмечал очевидец событий, русский военный журналист Дмитрий Янчевецкий, «строившаяся с величайшими трудами русскими инженерами» Маньчжурская железная дорога «наполовину разрушена». Из-за осаждения восставшими центрального пункта дороги Харбин строители Южного отделения дороги «спасались бегством», около 20 железнодорожных служащих погибли во время отступления. «Раненых, убитых и пропавших казаков Охранной стражи, а также всех русских, пропавших без вести в Южной Маньчжурии, около 150 чел.» [13]. Практически полностью разрушенной оказалась железнодорожная колея (из 1400 км в «живых» остались менее 430 км) и необходимая инфраструктура (телеграфные столбы и т. д.).

Кроме того, восстание было явно направлено и против компании «Шелл». На фоне резкого падения цен на нефть вследствие дестабилизации в Китае (возможно и умысленной) во время выступлений были разграблены и серьезно повреждены принадлежащие «Шелл» резервуары и другие сооружения, расположенные в Кантоне, Ханьчжоу, Тяньцзине и Шанхае. Обеспокоенный этим Лондон направил в Китай подкрепление в лице британской морской пехоты под командованием вице-адмирала Эдварда Сеймура.

Хотя восстание завершилось подписанием осенью 1901 г. так называемого «Заключительного (Боксерского) протокола» между Китаем и европейскими державами, позволяющего последним оккупировать «12 пунктов от побережья к Пекину», российским интересам на Дальнем Востоке был нанесен значительный урон (хотя из наложенной на Китай контрибуции России доставалось 30% репараций). США же, некоторое время назад выступавшие против раздела Китая, новой оккупации страны не противились. А чем она мешала Вашингтону, коль ему достались 7% репараций, да к тому же геоконкурентам был нанесен значительный урон?

Ситуация вокруг «Шелл»

⁴⁰ По названию религиозного общества «Ихэцюань» – «кулак во имя справедливости и согласия», клятвенно провозгласившего борьбу за «уничтожение чужеземцев. – прим. авт.

В результате деятельности «боксеров» в огромном минусе оказалась «Шелл», из-за предварительного (до падения цен на нефть) заполнения танкеров и снижения расценок на перевозки. Учитывая проблемы, возникшие у британцев возле островов Борнео и Суматра, «Шелл» практически оказалась перед возможностью выхода из «большой игры».

Как бы просчитав данный вариант (или спровоцировав его?), в этот момент тут как тут оказались представители «Стандарт Ойл», предложившие выкупить значительную долю пакета «Шелл». Какой из сторон это было важнее, сложно сказать, но сделка так и не состоялась. По той простой причине, что в последние дни 1901 г. возникла новая компания «Шелл транспорт Ройял Датч петролеум компани» («Бритиш Датч»), название которой все объясняет. Вслед за этим на ее основе в июне 1902 г. был образован концерн “Asiatic Petroleum Company Limited”, включивший ротшильдовский КЧНО. М. Сэмюэль стал председателем правления, а Г. Детердинг – директором-распорядителем⁴¹.

Однако на фоне невероятных успехов созданного гиганта, который занимался реализацией нефти и нефтепродуктов на Дальнем Востоке и продукции ост-индийских месторождений во всех регионах, оправиться «Шелл» уже не смогла и ее падение продолжалось. Причиной тому было как укрепление позиций «Стандарт Ойл» в Румынии, так и очередной демпинг американцев на керосин, вызванный возросшими потребностями в бензине. Скорее всего, Маркуса от четкого управления своим детищем отвлекали его «социальные» достижения (в 1902 г. он стал лордом-мэром Лондона). (Заметим, что в 1907 г. произошло слияние двух «наименований», но при фактической сдаче позиций Сэмюэлем. «Шелл» стала холдинговой компанией, владевшей не более чем 40% акций вновь созданной «Роял Датч Шелл»).

Не воспринятый Россией сигнал «боксеров»

Итоги боксерского восстания должны были стать для российского правительства тревожным сигналом из-за умышленного характера разрушения железнодорожной ветви, резкого снижения цен на нефть и проблем «Шелл», неявно отразившихся на развитии российской нефтяной промышленности. Хотя Англия тоже несла значительные убытки от ситуации вокруг «Шелл», но она укреплялась в Персии. А вот у России геополитической замены для абшеронского нефтяного фактора не было. Поэтому «постбоксерская» ситуация полностью удовлетворила

⁴¹ Его штаб-квартира оказалась в Лондоне, а не по годам мудрый Г. Детердинг, приняв британское подданство, впоследствии получил титул «сэр» – прим. авт.

«Стандард Ойл», чему способствовали и явно обозначившиеся англо-русские противоречия.

Однако, как свидетельствуют последовавшие события, Россия не прислушалась к прозвучавшему геополитическому сигналу. Принимая участие в совместном с другими державами подавлении «боксерского» восстания в Китае, Петербург (под предлогом обеспечения охраны КВЖД) санкционировал ввод российских войск в Маньчжурию. С. Витте, соглашаясь с этой мерой в целях поддержки китайских властей (до прекращения «смуты»), признал, что после нормализации обстановки «мы все же оставались в Манджурии». Несмотря на уговоры китайского правительства оставить регион, «мы, тем не менее, под тем или другим предлогом не уходили» [2/б].

После вступления в силу «Боксерского протокола» Министерство иностранных дел России выступило с инициативой о выводе всеми странами войск из Пекина. Но при этом Петербург оставлял за собой право «временно» дислоцировать войска в Маньчжурии для охраны разрушенной КВЖД.

По-видимому, на такое развитие событий вновь повлиял «фактор А. Безобразова», принявший довольно «массовые» масштабы. Имеется в виду так называемая «группа» А. Безобразова, окрещенная «Безобразовской кликой», в которой оказались будущий российский министр внутренних дел и шеф отдельного корпуса жандармов (в 1902–1904 гг.) Вячеслав Плеве, российский контр-адмирал Алексей Абаза, главный начальник и командующий войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана в 1899–1903 гг. Евгений Алексеев.

Согласно воспоминаниям начальника канцелярии Министерства Императорского Двора Александра Мосолова, министр Императорского Двора, граф Владимир Фредерикс «усмотрел», что Николай II «несколько раз давал совершенно негласные аудиенции» некоторым членам «Безобразовской клики». В связи с чем обратил «внимание Его Величества на нежелательность таких приемов без ведома ответственных лиц». На это царь возразил, что «лично очень интересуется этим весьма широко задуманным и умным делом». Услышав следом непосредственно от А. Безобразова информацию о том, что Николай II «согласился стать акционером на сумму в 200 000 рублей», В. Фредерикс «энергично советовал императору отказаться от участия в деле», подчеркивая, что «никогда русский самодержец не становился акционером» и «это может вызвать нежелательные толки». Однако вскоре министр «получил собственноручную записку Николая II», гласившую: «Прошу вас выдать Безобразову 200 тысяч рублей». В. Фредерикс, «не признавая возможным контрассигновать такое распоряжение государя», решил подать в отставку, которую царь не принял и «был смущен происшедшим». Чтобы

«вывести государя из неловкого положения», В. Фредерикс «предложил считать, что 200 000 рублей выдаются Безобразову в виде личного пособия» [14].

В «группу» А. Безобразова вошли и другие важнейшие фигуры, приближенные к правительству, в частности учредитель «Товарищества Митрофаньевской мануфактуры бумажных изделий» помещик Михаил Родзянко, ординарец главнокомандующего Дунайской армией (в рассматриваемый период полковник в отставке) Владимир Вонлярлярский. Последний в 1900 г. «неведомыми путями», в «кратчайший срок», раздобыл концессию на поиски и разработку золота на Чукотке «на особых условиях». Поисковую экспедицию В. Вонлярлярского с целью закрепления русского приоритета на Чукотке должен был возглавить геолог Богданович. Но «по странной логике событий» экспедиция «снаряжалась в Сан-Франциско», отправившись на американском судне с норвежской командой. «В качестве рабочих везли китайцев, инженерами были в большинстве англичане»; лишь позднее выяснилось, что «Вонлярлярский был подставной фигурой, за его спиной стоял ряд английских банков», не подоспевших «к дележке клондайкского золота» и решивших «компенсировать упущенное на Чукотке» [15].

Организованное по инициативе А. Безобразова и В. Вонлярлярского в 1901 г. «Русское лесопромышленное товарищество», с государственной субсидией в два миллиона, приобрело у Ю. Бринера корейскую концессию. По свидетельству В. Алушкина, руководители «Товарищества» быстро позабыли, что «целью проектированных Ялу операций является не коммерческая выгода», так как лесная концессия – «это лишь политический наблюдательный пункт». «Заправилы Товарищества» стали «торопливо хвататься за новые виды промышленности». Они приобрели Фушунские угольные копи, открыли в Инкоу склад русских мануфактурных изделий, начав «настойчиво домогаться концессии на железную дорогу Инчжоу – Сеул».

Могли ли в таких условиях другие страны согласиться на официальное размещение российских войск в Маньчжурии для охраны разрушенной КВЖД, пусть и с объявленным Петербургом «временным» ограничением? Вопрос, конечно, риторический. «Японское правительство видело в операциях Товарищества на Ялу базис к совершенному завладению Кореей; японская печать трубила о коварстве России» [8].

Как следствие, Англия еще более сблизилась с Японией, в начале 1902 г. подписав Договор о союзе, зафиксировавший наличие «особых интересов» британцев в Китае, а японцев – в Китае и Корее. Важнейшим пунктом договора являлись ст. 2 и 3, согласно которым в случае

вовлечения Японии или Англии в военные действия с третьим государством «другая договаривающаяся сторона будет соблюдать строгий нейтралитет»; «если при вышесказанных обстоятельствах какая-либо другая держава или державы присоединятся к враждебным действиям против таковой союзницы, то другая договаривающаяся сторона придет к ней на помощь и будет вести войну сообща и заключит мир во взаимном с нею согласии» [16].

Последняя статья явно имела антироссийскую направленность, фактически готовя Японию к войне с Россией. К тому же вслед за данным договором Токио призвал Петербург согласиться с японским протекторатом над Кореей в обмен на признание Японией права российской стороны на охрану железнодорожного полотна в Маньчжурии. Но Россия отвергла компромисс, решив воспользоваться подписанным 26 марта 1902 г. соглашением с Пекином.

Петербург согласился «на восстановление власти китайского правительства» в Маньчжурии как составной части Китайской империи и на возвращение Пекину права «осуществить там правительственную и административную власть, как это было до занятия означенной области русскими войсками». В свою очередь, китайская сторона обязалась обеспечить безопасность в пределах Маньчжурии всех «находящихся там русских подданных и учреждаемых ими предприятий». Однако осуществить зафиксированную в договоре поэтапную (в полуторогодичный срок) эвакуацию из Маньчжурии российских войск Петербург готов был в том случае, если «не возникнет смут и, образ действий других держав тому не воспрепятствует» [17]. Т. е. российские войска фактически остались в Маньчжурии, что свидетельствовало о нежелании Петербурга смягчить внешнеполитические акценты. Следовательно, другие заинтересованные стороны прорабатывали меры, направленные на «наказание» России за «непонимание» характера сигналов.

Безусловно, деятельность «Безобразовской клики» способствовала дальнейшему обострению обстановки на Дальнем Востоке. Поэтому многие наблюдатели считают, что череда предпринятых ею коммерческих шагов в корейском направлении (прикрываемых военно-политическими действиями России) пошла во вред Петербургу.

В этой связи некоторыми даже не исключается возможное нахождение в «клике» (или в ее ближайшем окружении) лиц, являвшихся «внутренними проводниками» политики Запада, направленной на развязывание российско-японской войны, которая должна была нанести огромный экономический урон России. Согласно С. Витте, российский министр внутренних дел Дмитрий Сипягин неоднократно задавал ему вопрос: «Скажи мне, пожалуйста, кто это такое Безобразов,

Вонлярлярский и Абаза. Я по всему вижу, что они имеют какое-то тайное, серьезное влияние наверху, и очень боюсь последствий тех авантюр, которые они затевают» [2/б]. Ситуация на Дальнем Востоке обострилась.

1. Записка П. А. Бадмаева Императору Александру III о задачах русской политики на азиатском востоке
<http://abirus.ru/content/564/623/626/632/746.html>
2. Витте С. Воспоминания: Царствование Николая Второго
а/ http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0040.shtml
б/ http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0050.shtml
3. Союзный договор между Россией и Китаем 1896 г.
<http://abirus.ru/content/564/623/626/632/743/11215.html>
4. Контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги. Берлин, 27 августа (8 сентября) 1896 г.
<http://hronos.km.ru/dokum/18980908.html>
5. «Лобанов-Ростовский Александр Борисович (1824–1896)». Статья из Дипломатического словаря
<http://www.mezhdunarodnik.ru/dictionary/?id=16>
6. Русско-японский протокол от 28 мая 1896 года
<http://rjw.narod.ru/documents/28051896.htm>
7. Конвенция между Россией и Китаем о Ляодунском полуострове 1898 г.
<http://abirus.ru/content/564/623/626/632/743/11216.html>
8. Апушкин В. Русско-Японская война 1904–1905 гг.
<http://abakus.narod.ru/russo-japanese/apushk.htm>
9. Сюннерберг Г. Русские в Шанхае (до революции 1917 года)
<http://russianshanghai.com/history/before1917.php>
10. Черевков В. Д. По китайскому побережью
<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1880-1900/Cherevko/text1.htm>
11. Нота посла США, врученная 22 сентября 1899 г. лорду Солсбери, премьер-министру и министру иностранных дел Великобритании
<http://www.grinchevskiy.ru/19/doktrina-otkrytyh-dverei.php>
12. См. «Снос Великой Китайской стены». Статья из Большой Советской Энциклопедии
http://www.enci.ru/Снос_Великой_Китайской_стены
13. Янчевецкий Д. Г. У стен недвижимого Китая. Дневник корреспондента «Нового Края» на театре военных действий в Китае в

1900 году

http://militera.lib.ru/db/yanchevetsky_dg/29.html

14. Александр Мосолов. При дворе последнего императора

<https://unotices.com/book.php?id=79809&page=50>

15. Куваев О. Два цвета земли между двух океанов

<http://gallery.net.ru/lib/kuvaev/twocolor.html>

16. Англо-Японский союз 1902 года

<http://hronos.km.ru/dokum/19020130.html>

17. Русско-Китайский договор 26 марта 1902 г.

<http://rjw.narod.ru/documents/26031902.htm>

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТЯМИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ НА ФОНЕ ПЕРСПЕКТИВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

С чего вдруг «зубатовщина»?

Экономическое развитие и геополитическая активность России, в значительной степени основанные на нефти, с конца 1890-х годов сопровождались революционным движением, сыгравшим определяющую роль в дальнейшей судьбе империи. В связи с рассматриваемыми нами процессами мы затрагиваем этот фактор из-за его воздействия на нефтяную промышленность России и ее экономику в целом.

Господствующим революционным направлением в России того периода большинство источников определяют социал-демократию, проявившуюся через организацию кружков, издание нелегальных листков и т. д. В 1897 г. I (Учредительный) съезд представителей групп еврейских социал-демократов основал «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» (Бунд). Спустя год была создана «Российская социал-демократическая рабочая партия» (РСДРП), которая изначально поставила своей целью борьбу как за политические (всеобщее избирательное право, свобода слова, совести, печати, собраний, полное равноправие всех граждан, независимо от национальности и т. д.), так и экономические (8-часовой рабочий день, улучшение материального, жилищного положения рабочих и др.) права. На рубеже XIX–XX вв. на авансцене России появились эсеры (партия социалистов-революционеров), в программе которых наряду с политическими пунктами значился вопрос об обобществлении земли, поскольку движущими силами революции они считали демократическую интеллигенцию, крестьянство и пролетариат, но отводили последним двум классам важнейшую роль.

В то же время в социал-демократической среде выделилось так называемое экономическое течение, отрицавшее политическую борьбу рабочих. Борьба с этими взглядами велась посредством газеты «Искра», прежде всего одним из основателей русского марксизма Григорием Плехановым, Владимиром Ульяновым (Лениным) и другими.

Вскоре, как бы в унисон экономизму, все же несшему революционный дух, на политической арене России возник феномен, нередко называемый «полицейским социализмом» [1]. С начала 1901 г. в центральных городах

России стали возникать организации рабочих⁴², созданные начальником Московского охранного отделения Сергеем Зубатовым и действующие «под контролем полиции» [2]. Так, по инициативе С. Зубатова возникла Еврейская независимая рабочая партия, формально основанная группой бывших членов Бунда [3]. Аналогичным образом был создан «Совет рабочих механического производства г. Москвы» и другие организации.

Сам С. Зубатов обосновывал свое «коллективное детище», образно окрещенное «зубатовщина», тем, что с «1896 г. в Москве обнаружилось массовое рабочее движение, поднятое революционерами». За арестами «главарей, в помещение охранного отделения потянулись» массы рабочих [4]. По его словам, «вся техника» страны «обреталась» в руках рабочего класса, объединяемого «самым процессом производства», опиравшегося «внизу» на крестьянство, «вверху же» необходимо соприкасавшегося с интеллигенцией (в лице отдельной прослойки социал-демократов). Будучи «разъярен социалистической пропагандой и революционной агитацией в направлении уничтожения существующего государственного и общественного строя», конгломерат рабочих «неминуемо мог оказаться серьезнейшей угрозой для существующего порядка вещей» (строя).

Революционеры «настаивали» на политическом характере рабочего движения, а ведь могло иметь место формирование его буржуазного формата – «союзно-профессионального». Поэтому в целях пресечения провокаций «со стороны революционеров» (забастовки, сходки) «столичной власти пришлось» войти в «рабочие дела». Ею было поддержано создание в Москве «центрального рабочего бюро», должного разбирать «все претензии рабочих через их же собственных выборных». Постепенно «рабочая масса» привыкла к «бюро по оказанию помощи путем товарищеских советов».

Переехав в Санкт-Петербург после назначения в 1902 г. на должность главы Особого отдела Департамента полиции, С. Зубатов «через подручных мне московских деятелей» приступил к организации там «незаконного рабочего движения», определение которого полицейским социализмом «лишено всякого смысла», так как оно боролось с социализмом, защищая принципы частной собственности, а его экономической программой был «прогрессирующий капитализм, осуществляющийся в формах все более культурных и демократических». В перспективе все проблемное «умиротворялось [бы] само собой, без внешнего принуждения». Допуская же «в виде опыта выступление рабочих на путь самопомощи, самодеятельности и самоопределения в

⁴² Которые будущий глава Временного правительства России (в 1917 г.) Александр Керенский называл легальными рабочими союзами. – прим. авт.

фабрично-заводских делах», администрация имела в виду внести «успокоение в рабочую среду в отношении социалистической пропаганды, отнюдь не предполагая наносить тем какой-либо урон интересам предпринимателя» [5].

Не нуждающийся в особом представлении священник Георгий Гапон (известный как поп Гапон) приводил слова С. Зубатова об агитации интеллигенцией «только в пользу своих политических целей». Поэтому интеллигенты «нуждаются» в рабочих исключительно «как в орудии для приобретения политической силы себе», в связи с чем соответствующие властные структуры должны «бороться против такого эгоизма и обмана простого народа» [6]. (Отметим, что С. Зубатов соглашался с внедрением Г. Гапона «в среду рабочих через единомышленных мне лиц», поскольку тот был рекомендован «петербургским градоначальством, как состоявший на самом лучшем счету» [4]).

По поводу «зубатовщины» один из авторитетных революционеров Лев Троцкий с сарказмом отмечал, что поступающий из департамента полиции «патент» на «чисто русский дух» включает в себя «три составные части: полицейское самодержавие, полицейское православие и полицейскую народность». Поэтому «агенты г. Зубатова» будут говорить рабочим «не о смирении и покорности», а о «сословной самостоятельности и взаимной помощи». К зубатовским агентам примкнет «несколько предателей и несколько глупцов», и «разрешение» рабочего вопроса «в чисто русском духе» будет «на мази». Л. Троцкий писал, что «зубатовцы» планировали на «легальных» рабочих собраниях «выслеживать» высказывающихся не в «чисто-русском духе». Поэтому прения, рождающиеся на «легальной сходке» (с участием «агентов-подстрекателей в руках Зубатова»), кончатся «для рабочихреволюционеров в Охранном Отделении» [7].

Говоря другими словами, российская власть в лице ведомого С. Зубатовым Департамента полиции попыталась перехватить у социал-демократов инициативу по воздействию на массы с дальнейшим «отстранением» от революционного движения «не своих». Поэтому инициаторы рабочего движения «сверху» не только тихо и мирно решали экономические проблемы рабочих, но и способствовали возникновению контролируемых ими групп и союзов. Структуры такого рода, наштапованные С. Зубатовым «своими» людьми, фактически оказывались в авангарде протестной борьбы, стремясь лишить ее политической составляющей. Через лидеров этих организаций среди рабочих пропагандировалась идея, что их экономические интересы в корне несовместимы с интересами интеллигенции, а правительство готово идти им навстречу в случае отказа «от революционных заблуждений» [1].

Основатель и идеолог движения сионистов-ревизионистов, один из создателей Еврейского легиона, писатель, публицист, журналист Владимир (Зеев) Жаботинский писал, что в соответствии с законом и традицией забастовки рабочих считались в России государственным преступлением, но Зубатов воскликнул: «Почему? Разве таким путем вы не делаете рабочих врагами государства? Напротив, экономическую забастовку мы разрешим и позволим, и даже организацию рабочих не распустим, но лишь с тем условием, что они не будут вмешиваться в вопросы политики» [8].

Лидер партии эсеров Виктор Чернов вспоминал сказанное ему Зубатовым во время одного из его задержаний: «Одни шли кормить голодающих, а другие бунтовать голодающих. Гораздо человечнее не допустить их до деревни, чем дать возможность разразиться бунту, а потом встать перед необходимостью бунтовщиков расстреливать» [9]. Поэтому С. Зубатов, как писал генерал-майор Отдельного корпуса жандармов (с 1903 г. – начальник Киевского охранного отделения) Александр Спиридович, решил не отдавать московские рабочие массы в руки социалистов», предоставив им «направление полезное и для них и для государства». Следствием этого «явилась легализация рабочего движения» [10].

Российский министр внутренних дел и шеф отдельного корпуса жандармов в 1902–1904 гг. Вячеслав Плеве первоначально относился к зубатовскому начинанию очень сдержанно, но, получив в 1902 г. доклад академика Ивана Янжула (старший фабричный инспектор московского промышленного района), предлагавшего расширить рабочее движение в России, стал к нему более благосклонен [11]. По свидетельству А. Спиридовича, заинтересовавшись «проектами» С. Зубатова, В. Плеве «признал его начинания полезными для государства», дав «согласие на их продолжение и развитие» [10].

Весной 1902 г. В. Плеве даже принял депутацию рабочих Москвы, дав устное добро на формирование профессиональных союзов в нескольких профессиях (текстильной, парфюмерной, табачной) и ряде других сфер [11].

Тем временем С. Зубатов предложил московским промышленникам создать на предприятиях (совместно с охранным отделением) рабочие комитеты для разрешения трудовых конфликтов [12]. Он ознакомил их с полицейскими отчетами агентов, действующих на предприятиях, согласно которым рабочие говорили о хозяевах исключительно как об «ублюдках», «кровопийцах», «жуликах» и «дармоедах». Посему С. Зубатов призвал хозяев предприятий «делиться» [13], но они, естественно, отказались. Здесь в дело и вмешались «детища» С. Зубатова.

В итоге рожденное во властных кабинетах Российской империи рабочее движение оказалось активнейшим детонатором революционных настроений масс, готовых по первому зову сметать все и вся. Главная опасность здесь, безусловно, грозила нефтяной промышленности, хотя в начале XX в. в России возникали и другие отрасли.

Персидские миниатюры

Политико-экономический интерес России в тот период охватывал не только дальневосточное, но и южное направление. К первой половине 1890-х гг. России удалось потеснить Великобританию с персидского рынка. Если в 1883 г. общий объем торговли последней с Персией равнялся 75 млн франков, спустя 10 лет он упал до 50 млн, в то время как российско-персидский товарооборот достиг 125 млн франков. Россия поставляла, прежде всего, керосин, сахар, железо. 40,5% ввозимых в Персию промышленных товаров также приходилось на Россию (на Англию – 55,3%) [14].

На этом фоне в 1901 г. проживавший в Австралии британский подданный, предприниматель и адвокат Уильям Нокс Д'Арси прислушался к экс-послу Великобритании в Персии Генри Вольфу, предложившему ему начать работы по разведке в стране запасов нефти. Д'Арси подписал с шахиншахом Музаффар-ад-Дином и его министром Мохассадом Голи Мадждом соглашение, согласно которому за 20 тыс. фунтов стерлингов и 10% акций еще не основанной фирмы по разведке нефти он получал концессию на 60-летние исследования на территории, равной 75% общей площади Персии. После окончания этого срока все имущество фирмы должно было перейти в собственность Персии.

Из-за определенных финансовых затруднений спустя пару лет он решил реализовать концессию семье Ротшильдов. Но не заинтересованное в утере английского контроля над концессией британское Адмиралтейство в целях проработки вопроса о совместной работе с Д'Арси задействовало шотландскую *Burmah Oil* (впоследствии известна как *Castrol*).

Вместе с тем, Петербург все еще рассматривал идею реализации родившегося в 1884 г. проекта строительства нефтепровода от Каспийского моря к Персидскому заливу. С другой стороны, «Русское общество пароходства и торговли» (РОПиТ) обеспечивало регулярную работу грузопассажирской линии Одесса – порты Персидского залива, использовавшей исключительно российские пароходы. Кроме того, с учетом подписанного в 1899 г. договора между Великобританией и кувейтским шейхом Мубараком, практически положившего начало британскому протекторату над территорией Кувейта (номинально

входившей в состав Османской империи), в том же году тогдашний товарищ (заместитель) министра иностранных дел России Владимир Ламздорф в письме управляющему Морским министерством Павлу Тыртову отмечал важность плавания в водах залива российских кораблей: «Появлением русского флага» Петербург продемонстрировал бы «англичанам, а равно и местным властям, что мы считаем» данный ареал «вполне доступным плаванию судов всех наций в противность стремлению великобританского правительства обратить их в закрытое море, входящее в сферу его исключительных интересов» [15].

В результате в 1900 г. в Персидский залив «влилось» первое российское военное судно (канонерская лодка «Гиляк»), открыв движение русских кораблей в регион, включая посещение залива крейсером «Варяг» по пути из Средиземного моря на Дальний Восток.

В 1901 г. В. Ламздорф фиксировал усиленное внимание англичан к информации о том, что наиболее удобным «конечным пунктом» для Багдадской железной дороги видится Кувейт, ибо Лондон всегда считал «Персидский залив входящим в сферу исключительного своего влияния» [16].

В связи с этим российский зоолог Николай Богоявленский в письме управляющему генконсульством России в Бушире (Персия) Г. Овсеенко писал, что «на Бахрейне» он «подолгу» беседовал «с шейхом Дарейна» Магометом-Абдул-Вахабом, просившим «передать просьбу г. русскому генеральному консулу в Бушире о желательности» захода кораблей на Бахрейн. «Англичане здесь почти сто лет, их все знают, у них есть здесь и пушки, и военные суда, – говорил он, – других же европейцев, которые бы помогли арабам, если бы последние не захотели делать так, как хотят англичане здесь нет». Так вот, со слов М. А. Вахаба, в случае прихода «сюда» русских «арабы мало-помалу совсем бы перестали бояться англичан». Вслед за чем Н. Богоявленский отметил, что «на арабском берегу существуют: большая симпатия или уважение к России и очевидное недовольство Англией, и всеобщим желанием является присутствие русской военной силы в виде военного судна в водах Персидского залива». «Обаяние России как могучей державы» было «усилено прибытием» крейсера «Варяг», а шейх М. А. Вахаб «своим явным доброжелательством к русским становится в явно враждебные отношения к английским властям на Бахрейне и турецким в Эль-Катыфе», – заключил Н. Богоявленский [17].

Что касается связанных с нефтью формальностей, и Лондон, и Петербург соблюдали правила игры по невмешательству в интересы друг друга. Даже концессия Д'Арси не распространялась на пять северных персидских провинций, граничащих с Россией. При этом возглавлявший британскую миссию в Персии Артур Гардинг приложил массу усилий,

чтобы не дать России получить концессию на строительство керосинопровода от Персидского залива к Каспийскому морю. Проект его прокладки к 1902 г. был подготовлен, но британцам удалось не допустить его реализации.

А могло ли быть по-другому, если через Персидский залив для России открывался прямой доступ в Индийский океан? Мало того, по словам американского историка, заслуженного профессора истории Йельского университета Фируза Каземзаде, керосинопровод позволял России укрепить позиции в различных направлениях. Речь шла не только об уменьшении затрат на транспортировку нефти, но, например, о необходимости обеспечения охраны находившихся вокруг трубы насосных станций, ремонтных складов и т. д., что «оправдало бы размещение русских войск» по всей Персии [18]. Однако и в этом случае главенствовали, прежде всего, нефтяные интересы, в особенности на фоне неимоверного роста российской нефтепромышленности.

Виток вверх российских нефтяных «цифр»

Развитие промышленности, в том числе нефтяной, а также железнодорожного строительства, стимулировала проведенная С. Витте денежная реформа 1895–1897 гг. Как отмечают специалисты, экономическому росту способствовала замена бумажных ассигнаций на твердую валюту, укрепившая госфинансы, так как российская валюта приобрела значительную устойчивость благодаря золотому обращению и свободному обмену кредитного рубля на золото.

В рассматриваемый период Россия заняла высшую позицию среди производителей нефти. Если в 1896 г. в России было выработано около 90 млн пудов нефти, в 1900 – почти 120 млн [19]. В 1898 г. объем добычи нефти в стране оказался на 15% больше, чем в США, на следующий год превышение составило 19%, в 1900 и 1901 гг. – 25 и 26% соответственно [20].

При этом ожидался дальнейший значительный рост. Еще в 1899 г., в связи с сокращением срока службы скважин на «эксплуатируемых площадях», бакинские нефтяные магнаты ставили вопрос об изыскании «новых нефтяных районов». При этом они подчеркивали необходимость быстрее пуска «в оборот» разведанных земель. XIII съезд нефтепромышленников, отметив важность разведки «новых нефтяных месторождений в самых широких размерах», возбудил ходатайство перед Министерством земледелия и государственных имуществ России об «ускорении открытия проектированного в Баку горного училища», а перед этим – о создании школы буровых мастеров [21].

Согласно данным о нефтяной промышленности России, к 1902 г. общее число заводов, «занимавшихся обработкой нефти и ее продуктов», составляло 91; экспорт нефтепродуктов из России достиг 84 млн пудов нефти (против 58,3 млн в 1897 г.) [22]. Помимо этого успешно развивался дальневосточный маршрут ее транспортировки.

XVI же съезд нефтепромышленников (Баку, декабрь 1901 г. – январь 1902 г.) указал на «полную возможность» бакинской нефтяной промышленности («при современном оборудовании промыслового и заводского районов») в «самое ближайшее время поставить на внутренние рынки России» жидкое топливо в количестве, могущем «заменить минеральное топливо, привозимое из-за границы». Предлагалось, в частности, проведение железнодорожной линии Астрахань – Царицын, улучшение судоходства по Волге, «устройство нефтепроводов до Москвы и Петербурга с распределительными складами в этих двух пунктах» [23].

Вместе с тем, на Каспийском море наблюдался «рост парового наливного флота»: если к 1892 г. число судов равнялось 58, к 1903 г. оно достигло 127 [22].

Возникновение русского пароходства на Дунае

С началом XX в. Россия приступила к реальному зондированию шагов по «экономическому продвижению» в сторону Юго-Восточной Европы. Согласно информации российского журнала «Морской флот» за 1903 г., сообщение между черноморскими и дунайскими портами поддерживалось исключительно судами Черноморского дунайского пароходства (ЧДП), вытеснившего «Австрийский Ллойд и разные частные пароходства» [24].

В свое время РОПиТ предложил образованному на акционерных началах ЧДП ссуду в 120 тыс. рублей на постройку двух береговых резервуаров в Рени⁴³ [25], и вскоре член Российского Императорского общества судоходства Иван Лысковский указал на наличие в городке железных резервуаров, принимающих керосин, поступавший «наливными пароходами» РОПиТ из Батума. Зарубежная линия по Дунаю была доведена до Железных Ворот, т. е. до пункта соединения австрийской и румынской железных дорог, с включением в район действия ЧДП двух сербских портов, специально сооруженных барж и двух пароходов [26].

На лето 1903 г. планировался переход ЧДП «всцело в руки казны». Главным маршрутом нового государственного Русского пароходства на

⁴³ В настоящее время Рени – небольшой город в Одесской области. – прим. авт.

Дунае (РПД) предполагался путь от Рени к Верхнему Дунаю и на Прут, что способствовало бы как развитию промышленности придунайской и припрутской Бессарабии (центр – Кишинев), так и укреплению связей с балканскими странами. Основной задачей РПД было определено открытие 9 линий (5 – заграничных) охватывающих города Галац, Тулча, Исакча (молдавско-румынские города); Свистов, Варна, Бургас (Болгария), Кладово (Сербия) и др. Один из рейсов планировалось осуществлять по маршруту Батуми – Галацкая линия с заходом в Ризе и Трапезунд (Османская империя). Значительная роль отводилась «хлебному» маршруту по р. Прут, в связи с чем готовилось открытие агентств в Кагуле, Фальче (молдавско-румынские города), Леово (Бессарабская губерния); строительству зернохранилищ и пакгаузов для товаров; выделялись финансовые средства для закупки новых, более совершенных судов [24].

Выгодность дунайской линии обуславливалась удешевлением транспортировки товаров судами РДП между южной Европой и Причерноморьем. Транспортировка удешевлялась и благодаря открытию новых линий, связывающих Одессу и Николаев с придунайским регионом.⁴⁴

Таким образом, в плане увеличения возможностей по транспортировке нефте- и других продуктов за пределы империи в первые годы XX в. Россия уверенно двигалась и в «дунайском» (европейском) направлении. Тем самым, наряду с прогнозируемым ростом добычи нефти на Абшероне (Баку) и ожидаемой эксплуатацией КВЖД (Дальний Восток), появился третий вектор обеспечения экономического процветания России, а, следовательно, ее политического могущества. Не заметить этого мировые геополитические центры, конечно, не могли. Так что они наверняка уже просчитывали ходы, чтобы не просто затормозить развитие России, но и отбросить ее назад.

Данная тенденция вполне естественна для геополитической борьбы, очень четко охарактеризованной Лениным как реализация в эпоху «нового капитализма» определенных отношений между странами и мощнейшими структурами планетарного масштаба на почве экономическо-территориального «раздела мира, борьбы за колонии», за «хозяйственную территорию» [27].

⁴⁴ Актуальность данного маршрута подтверждается и в сегодняшние дни. Так, в 1998 г. в румынском Галаце представители Украины (Одесская область), Румынии (уезды Бреила, Галац и Тулча) и Молдавии (Вулканешты, Кагул и Кантемир) подписали соглашение о создании Еврорегиона «Нижний Дунай». По мнению специалистов, функционирование переправы между Украиной и Румынией приведет к увеличению грузопотока, уменьшению потерь автоперевозчиков, усовершенствованию автобусного сообщения и, как следствие, к улучшению отношений между жителями приграничных районов. – прим. авт.

Мировой исторический опыт показывает, что победа в борьбе такого рода чаще всего обеспечивается за счет дестабилизации обстановки в стране-геоконкуренте. Для этого используются различные методы политического или экономического влияния, а также привлекаются союзники «на местах». Последующие события в России и вокруг нее являются ясным тому свидетельством.

1. Россия. Революционное движение в России (дополнение к статье). Из Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона
http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/139737/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F
2. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте
<http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt03.htm>
3. «Еврейская независимая рабочая партия». Статья из Электронной еврейской энциклопедии
<http://www.eleven.co.il/article/11506>
4. С. В. Зубатов. Письмо в «Вестник Европы»
http://www.hrono.ru/libris/lib_z/zubатов_vestnik.php
5. С. В. Зубатов. Зубатовщина
http://www.hrono.ru/libris/lib_z/zubatovschina.php
6. Георгий Гапон. История моей жизни
http://www.hrono.ru/libris/lib_g/gapon07.php
7. Троцкий Л. Зубатовщина в Петербурге
<http://magister.msk.ru/library/trotsky/trot1996.htm>
8. Владимир (Зеев) Жаботинский. Повесть моих дней
<http://gazeta.rjews.net/Lib/Jab/pov6.html>
9. Чернов В. М. Записки социалиста-революционера
<http://www.rummuseum.ru/portal/node/850>
10. Спиридович А. Записки жандарма
<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/gendarme.htm>
11. Пospelовский Д. На путях к рабочему праву
<http://www.granik.org/archive/3/28>
12. Малахов А. Профсоюзная жизнь по-царски
http://www.kommersant.ru/k-money-old/story.asp?m_id=15324
13. Лобок Д. Интервью газете «Версия в Питере»
<http://www.konkretno.ru/versia.php?article=3238>
14. См. Борьба европейских держав за Персию
<http://farsiiran.narod.ru/aboutiran/englrussian3.htm>

15. Письмо В. Н. Ламздорфа П. П. Тыртову. 23 октября 1899 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1880-1900/Voen_korabli/text.phtml?id=7776
16. Письмо В. Н. Ламздорфа П. П. Тыртову. 20 октября 1901 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1880-1900/Voen_korabli/text.phtml?id=7776
17. Письмо Н. В. Богоявленского управляющему генеральным консульством России в Бушире (Персия) Г. В. Овсенко. 16 июня 1902 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1880-1900/Voen_korabli/text.phtml?id=7776
18. Фируз Казем-Заде. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии
http://statehistory.ru/books/Firuz-Kazem-Zade_Borba-za-vliyanie-vPersii-Diplomaticheskoe-protivostoyanie-Rossii-i-Anglii/7
19. Ахмедов А. Азербайджанские тюрки в революции 1905 г. Баку, 2003, с. 84.
20. Садчиков И. Экономика отрасли нефтяной и газовой промышленности
http://gendocs.ru/v2124/%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B8_%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B8_%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8?
21. Труды XIII очередного съезда нефтепромышленников в г. Баку с 3-го по 17-е мая 1899 г. Баку, 1899, с. 51–52, 171–172.
22. Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1902 г. Часть I. Баку, 1903, с. 323, 465.
23. Труды XVI очередного съезда нефтепромышленников. Том II. Баку, 1902, с. 500–501.
24. Краснобаева Л. Быть по сему
<http://www.riverships.ru/danube/002-6.htm>
25. Нобель. Одесса. Рени
<http://u-osho.com.ua/news/00132/10.php>
26. Цит. по: Рашдауи Н. От Сулина до Железных ворот
<http://www.riverships.ru/danube/002-5.htm>

27. Ленин В. Империализм, как высшая стадия капитализма
<http://lugovoy-k.narod.ru/lenin/27/52.htm>

ПОГРОМЫ КАК ДЕСТАБИЛИЗАЦИОННЫЙ ФАКТОР РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Погромный апрель 1903 г. в Кишиневе

Накануне открытия Русского пароходства на Дунае (РПД) в Кишиневе произошел еврейский погром, причем в дни празднования православной Пасхи. Повод для него был обычен для мировой практики еврейских погромов. Так, в марте в поселке Дубоссары Херсонской губернии был найден мертвым некий мальчик, представленный кишиневской газетой «Бессарабец» христианином, убитым евреями с целью получения крови младенца для мацы. Практически одновременно прошли слухи о смерти в еврейской больнице молодой христианки. И хотя данные по первому факту вели к родственникам, а по второму – к самоубийству, о «еврейском следе» уже говорили повсеместно.

Пресса тех дней сообщала, что погромы 6–7 апреля, начавшись с разграбления еврейских лавок и квартир, вскоре переросли в «сплошные бесчинства». Рассыпавшиеся по городу буяны били стекла в окнах еврейских домов (причем случайно были разбиты стекла и в нескольких квартирах христиан). «Разъяренная толпа» избивала евреев, «которых заставляла» в их жилищах, уничтожая и расхищая имущество. В ход были пущены камни, палки, железные ломы и револьверы. «Бессарабец», описывая картину «полного разрушения», отмечал, что «пострадала, главным образом, беднота», многие остались без крова и пищи.

Хотя в газетах подчеркивалось, что Кишинев переведен на режим усиленной охраны по линии МВД, и отмечалось, что бесчинства происходили несмотря на усилия «полиции, а затем и призванных в помощь ей воинских частей», один из корреспондентов, озвучив вопрос: «Что же делали в это время войско и полиция?», сам же на него и ответил: «Они стояли и смотрели». Когда подвергшийся нападению дом был «совершенно разгромлен», патруль «врывался в центр толпы с криком: «Расходись, расходись!» Но, деля «толпу на две части», уходил, фактически позволяя погромщикам «соединиться снова» и «работать дальше» [1].

По данным французского историка Леона Полякова, с началом погрома «ничего не изменилось в праздничных церемониях и протокольных визитах». Губернатор «оставался у себя, начальник полиции во второй половине дня посетил епископа, военный оркестр играл на площади», в то время как по ее периметру толпа нападала на евреев, поджигая их дома. Армия вступила в действие лишь вечером следующего дня. С арестом нескольких сотен погромщиков порядок был восстановлен в считанные минуты, без единого выстрела [2].

Последняя фраза Л. Полякова подтверждается свидетельством С. Витте, что вмешательство армии или полицейских без особых проблем урезонило бы толпу. С. Витте, в частности, приводит откровения графа Мусина-Пушкина, командующего войсками Одесского округа, приехавшего в Кишинев для расследования действий войск, по словам которого, «все произошло оттого, что войска совершенно бездействовали», не имея «приказания действовать» со стороны «гражданского начальства, как того требует закон» [3/а].

Сведения С. Витте подвели ряд исследователей к предположениям об особой роли В. Плеве в трагических событиях.

Целенаправленный характер погрома

Прежде всего, отметим, что В. Плеве, первоначально поддерживавший инициативу С. Зубатова о создании рабочего движения в России, впоследствии изменил позицию по этому вопросу.

По словам С. Зубатова, в целом В. Плеве был убежден в отсутствии в России «общественных сил», утверждая о наличии лишь групп и кружков. «Стоит хорошей полиции обнаружить настоящий их центр и заарестовать его, и всю эту видимую общественность как рукой снимет», – говорил он. Активизация рабочего движения посредством «зубатовских» организаций привела к тому, что «настоятельность репрессии» в глазах В. Плеве «все более и более возрастала, и он начал на меня [С. Зубатова] сердиться, что я пустяками отвлекаюсь от настоящего дела». Вслед за чем перешел к грубому требованию «все это» (то есть «зубатовские» организации) «прекратить» [4].

Как писали французский социалист Жан Лонге и член российской партии эсеров Георгий Зильбер, в лице «бессердечного, холодно-жестокое честолюбца» В. Плеве самодержавие приобрело крупную силу, беспощадную в репрессиях, хитрую, изворотливую, изобретательную и неутомимую в своей борьбе с революцией. Плеве не останавливался ни перед какими средствами для достижения своих целей. В частности, погром в Кишиневе был организован, «несомненно, им» при помощи «знаменитой впоследствии “Черной сотни”», чьим «основателем» в значительной степени В. Плеве «может считаться» по праву [5].

Следует отметить, что с кишиневскими событиями связывается некий секретный циркуляр В. Плеве кишиневским властям, косвенно свидетельствующий о «руководящей» роли МВД России в политике погромов, хотя здесь не все так однозначно.

Сергей Урусов, назначенный губернатором Бессарабии после погромов, «с большим сомнением» относился «к известию о письме,

будто бы написанном» его предшественнику В. Плеве и «оглашенном в английских газетах». В нем «в осторожных, но прозрачных намеках» губернатору рекомендовалось «снисходительное отношение к активной борьбе христианского населения с его врагами и притеснителями – евреями». С. Урусов высказывал глубокую убежденность «в поддельности» письма, так как В. Плеве «не был способен на столь неосторожный поступок», рискуя «оставить доказательства своих провокаторских планов» [6].

В то же время, об управляемом характере погрома можно судить из того факта, что «разбушевавшаяся пьяная толпа», подвергнув разгрому 1500 еврейских домов и 660 лавок, благополучно прошла мимо публичных домов по той простой причине, что они находились под охраной полиции, получавшей с этих объектов «постоянные взятки и бесплатное обслуживание». Поэтому ни хозяев публичных домов, ни их обитательниц «погромщики не тронули», хотя «на еврейских улицах» было «самое большое количество публичных домов».

Но как бы кощунственно это ни звучало, кишиневский погром оказался выгоден различным силам, например экономическим конкурентам евреев. По данным Еврейского колонизационного общества, в 1898 г. из 38 фабрично-заводских предприятий Кишинева 29 принадлежали евреям; из семи паровых мельниц шесть были еврейскими (120 рабочих, большинство их которых евреи). Из семи табачных фабрик и складов пятью владели евреи (170 рабочих, почти все – еврейской национальности). Также евреям принадлежали четыре из пяти кишиневских типографий и т. д. [7].

За сионизм, революцию и права человека

Однако погром, пусть и опосредованно, мог сработать на укрепление идеи сионизма. В России еще в начале 1880-х гг. родилось движение за переселение евреев в «Землю Обетованную» («Любовь к Сиону»). Евреи России приняли участие в Первом сионистском конгрессе 1897 г.⁴⁵, выработавшем программу создания «национального очага для евреев в Палестине», где они могли бы жить «под защитой закона». Для достижения этой цели конгресс рекомендовал поощрение еврейской колонизации региона, сплочение всего еврейства посредством общих и местных учреждений, устроенных на законных основаниях, укрепление еврейского национального чувства и народного самосознания и т. д. По итогам форума основатель политического сионизма, создатель Всемирной сионистской организации Теодор Герцль написал в своей

⁴⁵ На нем присутствовали 204 делегата из еврейских общин 17 стран. – прим. авт.

газете «Вельт», что явившее невообразимую «культурную мощь» российское еврейство, представленное на конгрессе около 70 (!) делегатами, выразило «мысли и чувства пяти с половиной миллионов русских евреев». При этом он определил российских сионистов «евреями-националистами», хотя и отметил отсутствие у них «ограничений и нетерпимой национальной заносчивости» [8].

В 1898 г. состоялась первая Всероссийская сионистская конференция, а в 1902 г. – вторая. Следовательно, в России имелась значительная часть еврейского населения, считавшего важнейшей задачей переезд в Эрец-Исраэль. Как отмечает специалист по истории и политологии Израиля Алек Д. Эпштейн, «реализация основной цели сионизма – (вос)создание еврейской государственности – была бы невозможной в принципе» без массового участия евреев в переселенческом проекте, являвшемся «непременным условием для формирования общества», могущего «претендовать на право на самоопределение» [9]. К слову, к 1903 г. число еврейских поселенцев в Палестине достигло 25 тыс. человек, проживавших в близком соседстве с полумиллионом арабов на правах подданных Османской империи [10].

Так вот, Кишинев второй половины XIX века стал центром деятельности сионистских организаций. С 1886 г. здесь действовало отделение «Любящие Сион» и функционировало так называемое «Почтовое бюро», осуществлявшее связь между сионистскими организациями России. В конце XIX – начале XX века в Кишиневе побывали все наиболее выдающиеся деятели сионистского движения: Хаим Вейцман, Менахем Усышкин и др. [7].

Но после кишиневского погрома у многих, кто не был особым приверженцем идеи сионизма, могли возникнуть сильные сомнения в ее правоте. Поэтому автор и говорит о косвенном воздействии апрельских событий в Кишиневе на сионистскую идеологию.

Вопрос сионизма, пусть и в связи с Бундом, не мог не затронуть и Лев Троцкий. По его словам, «находясь в атмосфере повышенного национального самочувствия, имея самодержавие перед собой и сионизм за собою», Бунд должен был «настаивать на том, что именно он представляет подлинные национальные интересы еврейских масс». Однако, «став на эту почву, он оказался не в силах установить настоящее соотношение между национальным и классовым моментами». То есть сфера деятельности Бунда характеризуется «не государственным, а национальным признаком», хотя пролетарская партия «может ограничиваться только политическими, т. е. государственными рамками». Лишь в этом случае «всеобщее и закономерное» (принципы социалдемократии) «залагут в основу движения». Говоря другими словами, Л. Троцкий фактически противопоставил формирование

«чисто» еврейских интересов внутри революционного движения общепролетарской борьбе без национальных ограничений. Бунд же, являвшийся «представителем социал-демократической партии в среде еврейского пролетариата», превратился в представителя «интересов еврейского пролетариата пред социал-демократической партией» [11].

Практически об этом же, но применительно к кишиневской трагедии, говорил и Ленин. Отмечая, что цель погрома – отвлечь внимание «народных масс от борьбы с самодержавием», он указал на мобилизацию реакционных сил «против революционного пролетариата и идущей рядом с ним интеллигенции». Поэтому в целях совместной работы за «общерусское дело» Ленин призвал еврейские массы «покинуть нелепую и реакционную точку зрения самостоятельной национальной рабочей партии, разбедняющей пролетария еврея от поляка и русского». Все «связаны единством конечной и ближайших классовых задач», поэтому деятельность «в теснейшем слиянии с русским пролетариатом» означает для еврейских пролетариев подготовку ликвидации ярма, тяготеющего «над русскими евреями» [12]. То есть с точки зрения Ленина еврейский погром оказался немаловажным пунктом по «идеологическому» выводу определенной когорты евреев из сионистского «обособленчества» на общероссийский революционный путь.

В то же время проявилась и международная реакция на погром. Митинги протеста с требованиями вынудить российские власти наказать виновных и не допускать повторения подобного, организованно прошли в США. В связи с «народной инициативой» Государственный департамент США озвучил желание получить от Петербурга полную информацию о погромах и рассмотреть возможность оказания помощи его жертвам. Тогдашний американский президент Теодор Рузвельт, резко осудив события в Кишиневе, заявил, что, хотя «чувство симпатии к жертвам» выражает «все цивилизованное человечество», особенно сильно оно проявляется в США, поскольку в этой стране изначально «большинство успехов было достигнуто благодаря признанию долга еврейской расе и справедливости по отношению к американским гражданам», являющимся евреями и по происхождению, и по вере [13]. Фактически с того времени «еврейский вопрос» стал для Белого дома легальным средством давления на Россию. И тема «прав евреев» при необходимости умело использовалась вашингтонской администрацией.

Кишиневский погром оказался мощнейшим дестабилизационным фактором для России. Как уже отмечалось, во внешнем мире немало кто был заинтересован в подобном развитии ситуации в Российской империи. Но и внутри страны наверняка имелись силы, которым это было выгодно. Правда, без документальных сведений было бы неисторично утверждать, что какие-либо из них являлись проводниками внешних игроков. В

любом случае, тот же С. Витте, признавая неоспоримость факта «исключительного участия евреев в смуте и революционной каше», отмечал, что «устроенный попустительством Плеве» кишиневский погром, сведя «евреев с ума», окончательно «толкнул» их в революцию [3/а, б].

1. Выдержки из газет 1903 г.

а/http://starosti.ru/key_article.php?keyword=%EA%E8%F8%E8%ED%E5%E2%F1%EA%E8%E9%20%EF%EE%E3%F0%EE%EC

б/<http://oldchisinau.com/history/newspapers.html>

2. Поляков Л. История антисемитизма

http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Judaizm/Pol_IstAntisem/9_2.php

3. Витте С. Воспоминания: Царствование Николая

Второго. Том 1

а/http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0050.shtml

б/http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0060.shtml

4. Зубатов С. В. Письмо в «Вестник Европы»

http://www.hrono.ru/libris/lib_z/zubatov_vestnik.php

5. Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка.

http://www.krotov.info/libr_min/l/long924b.html

6. Урусов С. Записки губернатора

http://www.belousenko.com/books/urusov/urusov_zapiski_gub.htm

7. Хахам Д. Еврейское местечко Кишинев

http://zguritsa.ru/publ/mir_evrejskikh_mestechek/evrejskoe_mestechko_ki_shiniov/26-1-0-53

8. Цит. по: Румер-Зараев М. Девять российских дней Теодора

Герцля

<http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/8/ru14.html>

9. Эпштейн А. Создание Государства Израиль как национальный проект российского еврейства

<http://www.lechaim.ru/ARHIV/193/epshteyn.htm>

10. Первый сионистский конгресс

http://www.bbc.co.uk/russian/specials/mideast_timeline/1897.stm

11. Троцкий Л. Разложение сионизма и его возможные преемники

<http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm013.htm>

12. Ленин В. Мобилизация реакционных сил и наши задачи

<http://prometej.info/new/history/1878-pogrom.html>

13. Цит. по: Киперман С. Теодор Рузвельт и евреи

<http://www.jewish.ru/history/press/2010/12/news994292078.php>

СТАЧЕЧНОЕ ЛЕТО 1903-го. ТРЕВОЖНЫЙ СИГНАЛ ДЛЯ НЕФТЯНЫХ ПЕРСПЕКТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Революционный июль 1903-го в Баку. Немного теории о революционной ситуации

С июля 1903 г., с вводом в действие ветки КВЖД, проходящей через Маньчжурию, заработало регулярное сообщение между СанктПетербургом и тихоокеанскими портами России – Владивостоком и Дальним. 1 (14 июля) 1903 г. также был полностью введен в строй Великий Сибирский Рельсовый Путь (ВСРП), хотя один из рельсовых отрезков прерывался: через Байкал приходилось переправлять поезда на специальном пароме [1].

И с этого июльского дня в России начинают происходить события, преподносившиеся советской историографией как «рост революционных настроений масс», связанный с активизацией деятельности социал-демократов. Неудивительно, что зачинателем «движения», вскоре охватившего весь юг России, стал нефтеносный Баку.

Исторический опыт показывает, что ни одно революционное движение, то есть массовое проявление недовольства, будь оно хоть трижды инициируемо из-за рубежа, без внутренней почвы сформироваться не сможет. Поэтому какими бы солидными внешними структурами ни «инициировалась» дестабилизация в определенном регионе, даже с привлечением проверенных «агентов» на местах, желаемый результат может быть обеспечен только при наличии внутренних факторов, становящихся детонаторами революционных процессов [2].

Здесь невозможно не согласиться с Лениным в том, что главными признаками революционной ситуации являются «кризис верхов», создающий «трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов»; обострение их нужды и бедствий; повышение, «в силу указанных причин, активности масс» [3]. Он подчеркивал, что «революция невозможна без общенационального кризиса», назреванию которого способствует осознание большинством мыслящих рабочих необходимости «переворота», а также правительственный кризис, втягивающий «в политику даже самые отсталые массы». Последний, «обессиливая» власть, создает «для революционеров» возможность ее скорого свержения [4].

Правда, в рассуждениях Ленина никак не упомянут внешний почерк возможных революционных событий. Но это и не удивительно, поскольку если одна из движущих сил революции признает «заграничную помощь», будь то идейную или финансовую, тогда под сомнением окажутся внутренние причины смены власти.

Упомянув теорию Ленина о возникновении революционной ситуации как следствия только внутренних причин, мы не собираемся обсуждать ее недостатки. Когда мы рассматриваем происходящее в Российской империи в первые годы XX в. в «революционно-нефтяном» русле, главное для нас – понять, что почва для массового недовольства людей сложившейся обстановкой уже была подготовлена и без участия внешних сил. Уж слишком активной являлась в России когорта недовольных и возмущенных, «привлекаемых», по Ленину, «к самостоятельному историческому выступлению».

Естественно, выразителями протестных настроений могут стать представители любой социальной группы. Вспомним, например, декабристов XIX в., объединивших блестящих русских офицеров; деятельность «Солидарности» в Польше в начале 1980-х; интеллектуальную элиту СССР, возглавившую оппозиционную «либерально-демократическую» перестройку в конце тех же 1980-х; нескончаемую «арабскую весну»; сегодняшний недовольный «средний класс» то в Греции, то в Испании, то в Италии и др. Т. е. «униженным и оскорбленным» может почувствовать себя любой. Но даже беглый анализ проявлений недовольства свидетельствует, что где бы они ни возникали, действенность протестной волны зависит от ее поддержки определенными силами во властных структурах. Подругому и быть не может, поскольку власть можно расшатать лишь при условии отсутствия (пусть и неафишируемого) единства в ее высших эшелонах, то есть, по Ленину, в случае «правительственного кризиса» и «обессиливания» власти. А оппозиция в верхах, то ли идейная, то ли контролируемая из-за рубежа, – это обязательный элемент программы внутривластного обострения ситуации в любом регионе.

Как бы то ни было, в России начала 1900-х протестной массой стал рабочий класс. И на это, как отмечено выше, были реальные причины.

Революционный июль 1903-го в Баку. На пути к практике

По данным советского революционера, одного из создателей Бакинского комитета Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) Александра Стопани, в 1900-х гг. на нефтяных промыслах Азербайджана «буровые партии», в особенности «при исправлении скважин», работали «в два комплекта по 12 часов» [5]. В обзоре рабочего движения, составленном Кавказским горным управлением, отмечено, что нефтепромышленники проявляют минимальную заботу о рабочем («как человеку»); они стремятся «дать ему наивозможно меньшее за его 12–18-часовой труд, благодаря (чему) армяне, лезгины кавказских селений, в особенности персидско-

подданные рабочие», из-за собственной «некультурности», представляли собою «весьма благоприятный элемент для эксплуатации их нефтедобывателями» [6].

Техника безопасности находилась на самом низком уровне, увечья и несчастные случаи со смертельным исходом никого не удивляли. За редчайшим исключением, медицинская помощь на промыслах отсутствовала. Среди рабочих нефтепромыслов и нефтеперегонных заводов были распространены тяжелые профессиональные заболевания. Примерно в 40 лет рабочий становился нетрудоспособным и вынужден был покинуть промысел. Нефтепромышленниками практически не выделялись финансы на устройство быта и культурное обслуживание рабочих. Из-за отсутствия канализации окраины города и промысловые районы (Балаханы, Биби-Эйбат, Сабунчи и др.) утопали в грязи и нечистотах, а необеспеченность города, в особенности промысловых кварталов, питьевой водой вынуждала население пользоваться в этих целях загрязненными колодцами, являвшимися источником массовых эпидемических заболеваний. В Баку, прежде всего на промыслах, не хватало бань. Рабочие жили в тесных грязных казармах. Высокая квартирная плата за помещение, зачастую совершенно не пригодное для жилья, поглощала значительную часть бюджета рабочих [7].

Нижайший уровень жизни рабочего класса упоминался даже на XIV съезде нефтепромышленников (1900 г.), отметившем малодоступность «керосина для народных масс». Его участники признавали дороговизну этого продукта, составляющего «крайне важный предмет потребления» населения, что приводит к невозможности для народа «пользоваться вечерним и ночными часами» в целях «какого-либо производительного труда (кустарных промысловых, мелких домашних производств и работ проч.)»; к задержке «в развитии грамотности в народе»; к распространению «глазных болезней» и т. д. [8].

Так что причины первой политической стачки в Закавказье, разразившейся в первые дни июля 1903 г., имели объективный характер. По словам итальянского писателя, историка, дипломата Луиджи Виллари, началась она на нефтепромыслах, при участии «русских и армянских рабочих». «Армянские рабочие, как и социал-демократы, выдвигали экономические требования, хотя их комитеты были прежде всего политическими» [9]. Следовательно, в Баку явно имела место революционная активность армянской стороны, на что были свои причины.

Петербург и «армянский вопрос»

События конца XIX в. в Османской империи и вокруг свидетельствовали об определенном охлаждении России к лидерству в «армянском вопросе».

Согласно русскому журналисту Александру Амфитеатрову, причины, заставившие Россию «отказаться от своего векового ампула защитницы христиан, живущих под мусульманским игом» [10], лежали на поверхности. После перехвата Западом инициативы у России в вопросе «армянских реформ» царские власти стали проявлять настороженность к «армянскому фактору», хотя ранее активно поддерживали создание на территории Османской Империи союзнического России «самостоятельного» армянского государства.

В частности, министр иностранных дел России в 1882–1895 гг. Николай Гирс отмечал «разочарование» России в отношении «балканских народов», так как полученная болгарями по результатам войны 1877–1878 гг. автономия поспособствовала росту «болгарского национализма нового типа», обернувшегося принятием оскорбительного для России девиза «Болгария для болгар» [11].

Поэтому сменивший на этом посту Н. Гирса Алексей Лобанов-Ростовский высказывал нежелание видеть превращение «Турецкой Армении» во «вторую Болгарию» и использование «против нас» «русскими армянами» учреждений, создаваемых армянской автономией «под турецким протекторатом» [10]. Тем более что контроль «армянского движения» Западом в тот период привел к образованию в 1890 г. в Тифлисе партии «Дашнакцутюн» («Армянская революционная федерация»; «Армянский Революционный Союз») [12]. Следовательно, чтобы не допустить использование Западом армянского населения (в том числе живущего в России) в качестве «силы давления» на царские власти, а также «образования в Азии территории, где армяне пользовались бы исключительными преимуществами», Петербург усилил «русификаторскую политику в Закавказье» [13], пытаясь обосновать ее идеологически.

Так, Н. Шавров, упоминая о захвате армянами «из безземельных пришельцев» огромного пространства «казенных земель», отмечал, что в их руках сосредоточено экономическое владычество в Закавказье, позволившее армянам стать «хозяевами края» [14]. Е. Вейденбаум отмечал, что, концентрируя «в своих руках капиталы, городские армяне монополизируют в свою пользу всю торговлю и промышленность края», держа «в экономической зависимости земледельческое население» [15]. В. Величко указывал, что армянские промышленные фирмы и банки занимают господствующие позиции в Поти и Батуме, «черноморских конечных пунктах дороги», оказавшейся «целиком в их руках». «Манташевы, Арамянцы, Арафеловы, Макарьянцы и другие армянские

тузы», скупая «за бесценок грузинские земли», населяют их «выходцами из Турции» [16].

Армянские источники подтверждают принадлежность «армянским капиталистам» немалого числа «предприятий легкой и пищевой промышленности в Тифлисе». Крупные армянские промышленники – Манташев, Тер-Гукасов, Арамянц и другие, вложив «свои капиталы» также «в нефтяную промышленность Баку», выдвинулись «в первые ряды промышленной буржуазии России» [17]. «Топливный фактор» отмечал и военный министр России Александр Куропаткин: «Нефтяное дело на Кавказе в значительной степени в армянских руках», в коих оказались и «многие рыбные промыслы на Каспийском море» [18].

На основании этих данных С. Лурье заключает, что Баку «со временем начинает принимать черты почти армянского города» [19]. А русский публицист, гласный Московской городской думы Алексей Шмаков заявляет, что, «мы» не только «предоставили армянам» Кавказ, не расселив там «избытка в русском крестьянстве», а, «наоборот, у русских же, главным образом, мужиков отобрали 20.000.000 рублей для возобновления» армянами «нефтяных вышек в Баку». При этом «мы», будто «ослепнув», предали «армянам гораздо более важные интересы родины», позволив им «почти монополизировать гражданскую и военную власть на Кавказе» [20]. «Вся, теперь без исключения, кавказская печать находится во власти или под влиянием армян» [16]. К слову, вице-консул России в г. Эрзурум (Османская империя) на рубеже XIX и XX вв. Владимир Маевский, раскрывая роль, «которую в армянском вопросе сыграла армянская печать», отмечал, что «благодаря ее недобросовестному усердию армянский народ никогда не мог правильно уяснить себе» творимого его агитаторами, поскольку «истина в армянских делах покрывалась таким густым слоем лжи», через который «невозможно было пробиться лучам правды» [21].

В то же время, начальник третьего тайного отдела правительства России Алексей Липранди, отмечая отсутствие в Закавказье «русской государственной власти» (хотя «мы вырвали Кавказ из когтей Англии, Персии и Турции»), обосновывал это тем, что «туземцы закрыли дорогу для русских», даже не пытаясь «скрывать своей неприязни» к ним, «особенно армяне» [22].

Доктор медицины Э. В. Эриксон, опубликовавший в тот период психоантропологический портрет народов, населявших Кавказ, обращал внимание на единодушное недовольство представителей «администрации Эриванской, Елисаветопольской и Бакинской губерний» вследствие того, что «с армянами им гораздо трудней справляться». Многие из армян «выдвинулись на крупные посты», но «эгоизм их не имеет границ», поэтому «общегосударственные интересы»

им «чужды». «Брать от окружающих племен и народов как можно больше – вот их девиз» [23]. По словам той же С. Лурье, колонизация армянами «в значительной степени» региона привела к тому, что они взяли на себя колонизаторские функции, «которые русские совершенно не собирались выпускать из своих рук» [24].

То есть армяне уже не считали себя пришлыми на Кавказ. Однако не этот аспект был главенствующим во «внутренних» причинах антиармянских настроений российской власти, так как «арменизация» южной части России составляла важнейшую часть политики Петербурга. Дело в том, что армянские лидеры начали предпринимать реальные шаги по проведению в регионе собственной «национальной политики», без «согласования» с центром, а нередко и в ущерб ему. Как отмечает М. Меньшиков, после войны с Османской империей, «когда были присоединены богатые землями новые области», великий князь Михаил Николаевич «настаивал на необходимости переселения в Карскую область 100000 русских поселенцев из внутренних губерний». Но министр внутренних дел России (начало 1880-х) Михаил Лорис-Меликов (армянин по национальности) «настоял на отказе в этом ходатайстве. Факт необыкновенно характерный» [25]. В 1897 г. доля русских в регионе составляла 4,5%. Прежде всего, это были военные, занятые в управленческом аппарате, а также большое число инженеров и рабочих, приехавших главным образом в Азербайджан во время бакинского нефтяного бума в конце XIX века [26].

По словам сотрудника Российского независимого центра национальных объединений и межнационального сотрудничества Павла Шехтмана, такая ситуация порождала «реальное и острое ощущение эксплуатации армянами («армяне все забрали в свои руки!», «армяне нас обирают!», «армяне никому ходу не дают!»), которое невозможно было развеять никакими ссылками» [27]. Поэтому обвинения армян в сознательном причинении «препятствия русской колонизации, а тем более, в сепаратизме» можно встретить в публицистике. «Русским оставалось либо закрыть на это глаза», либо «стараться сломать сложившуюся систему» [28].

Сомнений в выборе шагов у Петербурга, естественно, не возникло. Тем более что армянская сторона активно занималась идеологическим «обоснованием» своего нахождения на исторических азербайджанских и других кавказских территориях. Как писал на этот счет классик грузинской литературы Илья Чавчавадзе, «гремят громаы» ради того, чтобы доказать миру существование в Закавказье лишь одной армянской нации, «издревле» существующей. Позоря «наше имя», лишая «нас национального достоинства», армяне «упраздняют и всю историю нашу, и летописи» [29]. Неслучайно некогда секретарь русской миссии в

Тегеране Федор Корф, известный российский прозаик, драматург, журналист XIX в., отмечал, что «страсть армян приписывать важные исторические воспоминания каждому месту своего отечества», заставляет их «всеми мерами укоренять в умах множество поверий». Превратившись «из славной и великой Армении в ничто, этой земле остается жить одним только прошедшим», в связи с чем «ей можно позволить, в виде утешения и возмездия за утраченную славу, пополнить истину кое-каким вымыслом» [30].

Исходя из приведенных выше свидетельств становится понятно, что факт переселения царским режимом на Кавказ армянского населения Персии и Османской империи оказался преданным забвению самими переселенцами.

Власти начали действовать. Главнначальствующий Кавказской администрацией, командующий войсками Кавказского военного округа Григорий Голицын сообщил Николаю II, что, на его взгляд, «армяне слишком о себе возомнили» и, кроме того, «армянская церковь способствует революционизированию местного населения». Дабы проучить «возомнивших», наместник с согласия царя наложил секвестр⁴⁶ на имущество армянских церквей [31].

Известный русский историк и публицист начала XX в. Сергей Ольденбург⁴⁷ автором этой идеи называл все того же В. Плеве, который докладывал государю о расходовании (по линии католикосата) части крупных доходов от армянского церковного имущества «на поддержку армянских национально-революционных организаций» в России и Османской империи. Для предотвращения подобного в будущем В. Плеве предложил передать данные имущества в управление государственной казны, что позволяло бы «все выдачи на законные церковные и культурные потребности армянского населения» осуществлять под контролем власти. В связи с этим увидел свет соответствующий высочайший указ [32]. Несмотря на признание Госсоветом секвестра незаконным и подлежащим отмене, царь аннулировал его решение и указ вступил в силу [31].

Но ситуация практически вышла из-под контроля. По замечанию социал-демократа Богдана Кнунянца, националистические тенденции среди армян были «очень сильны», поскольку «националистическое движение [пустило] глубокие корни» [33].

Революционный июль 1903-го в Баку. Практика

⁴⁶ Запрет органов госвласти на распоряжение каким-либо имуществом. – прим. авт.

⁴⁷ Эмигрировавший во Францию. – прим. авт.

В условиях таких непростых взаимоотношений между «армянским движением» и царскими властями 1 июля, в день открытия ВСРП, в Баку началась стачка. Ее первыми «жертвами» оказались машиностроительный и механический заводы Александра Хатисова (Хатисяна), члена партии кадетов, впоследствии председателя совета министров дашнакского правительства (1918–1920 гг.). Практически мгновенно стачка приняла всеобщий характер, охватив Черный и Белый город, Биби-Эйбат, Балахано-Сабунчинский нефтепромышленный район [34].

Обычно утверждается, что стачкой руководил Бакинский комитет РСДРП. Однако не исключено, что на фоне довольно активно развивавшегося в России рабочего движения, инициированного С. Зубатовым, первоначальные требования бастующих вполне могли быть подготовлены «зубатовцами». По данным Бакинского комитета РСДРП, присутствие «зубатовских» организаций в Баку проявилось в преддверии организованной социал-демократами первомайской демонстрации 1903 г. Тогда «в районе промыслов» распространялись их брошюры («листки») за подписью «группа сознательных рабочих». Одновременно «зубатовцы» начали устную агитацию «в лице одного из жандармских офицеров, недавно прибывшего из России». Всего их было 50, «исключительно» русской национальности [35].

Однозначно утверждать о «зубатовском» происхождении июльской стачки без документальных свидетельств невозможно, но пища для размышлений на этот счет имеется, тем более что 17 (30) июля 1903 г., т. е. через две недели после начала забастовки, в далеком от Баку Брюсселе, передавшем вскоре «эстафетную палочку» Лондону, открылся II съезд РСДРП, собравший революционных лидеров России, в том числе и бакинских товарищей.

Основной своей задачей в тот период руководители российской социал-демократии видели подготовку организационных условий для успешного проведения съезда. Следовательно, вопросы стачечного движения не являлись краеугольной политикой социал-демократов летом 1903 г., да и большой поддержки в массах революционеры еще не имели.

Для оценки роли социал-демократов в стачечном движении того периода стоит обратить внимание и на ростовскую стачку 1902 г. Как отмечают современные исследователи, на начальном этапе требования ростовских рабочих носили «чисто экономический характер»: увеличение зарплаты и т. д. Почти все пункты были выполнены, а это вполне может свидетельствовать, что акция контролировалась властными структурами. В любом случае, советской историографией явно была преувеличена роль Донского комитета РСДРП, присоединившегося к стачке с политическими требованиями уже после

ее начала [36]. Аналогичный сценарий мог иметь место и в июльском Баку. Это косвенно подтверждается тем, что инициатором стачки железнодорожников в Одессе, начавшейся вслед за Баку, был один из зубатовских агентов.

Как бы то ни было, выступление рабочих привело к переполнению промысловых амбаров, резервуаров нефтью, которую «некому было таскать» для загрузки на суда. Заполнять их заставляли военных моряков, капитанов, механиков. «Правительство стягивало войска, применяя самые жестокие меры для усмирения бастующих» [37]. Почти 20-дневный стачечный период осложнил вывоз абшеронской нефти. Мало того, события в Баку получили продолжение в других регионах Южного Кавказа и Украины, в результате чего численность стачечников в России в июле-августе 1903 г. достигла 200 тыс. человек. Что эта цифра означала для экономики России, можно не комментировать.

Тем временем Ленин истолковывал происходящее в свою пользу, отмечая, что «легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а отнюдь не Зубатовым», так как даже «миниатюрное расширение простора для рабочих» ускорит появление «легальных обществ», в которых «не провокаторы будут ловить социалистов», а социалисты – «адептов» [38].

1. Базовая информация о Транссибирской магистрали
<http://www.transsib.ru/cat-geo.htm>
2. См. подр.: Атаев Т. О цвете и оттенках дестабилизации
http://azeri.ru/papers/echo-az_info/69699/
3. Ленин В. Крах II Интернационала
www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php
4. Ленин В. Детская болезнь левизны в коммунизме
http://komsomol-nn.narod.ru/arhiv/chtivo_klassiki/Lenin_Detskaya_bolezn.html
5. Стопани А. М. Заработная плата и рабочий день бакинских нефтепромышленных рабочих в связи с условиями работ на промыслах
<http://istmat.info/node/18335>
6. Бакинская стачка 1904 г., М., 1940, с. 84–85.
7. Статья «Баку» из Большой Советской Энциклопедии (под ред. С. И. Вавилова). Том 4
http://bse2.ru/book_view.jsp?idn=027957&page=90&format=html
8. Труды XIV очередного съезда нефтепромышленников в Баку. 1900 г. С 5 по 28 мая, Баку, 1900, с. 253–254.

9. Виллари Л. Огонь и меч на Кавказе
<http://m.aniv.ru/archive/12/ogon-i-mech-na-kavkaze-prodolzhenie-luidzhi-villari/>
10. Амфитеатров А. В. Армянский вопрос. СПб., 1906, с. 17.
11. Цит. по: Дадрян В. Турецко-армянские отношения в свете исторических и политических последствий геноцида армян
<http://books.nt.am/readbook.php?ID=104&page=15&start=5&LangID=5>
12. История, структура и идеология партии «Дашнакцутюн»
http://mahada.do.am/publ/istorija/istorija_struktura_i_idealogija_partii_dashnakcutjun/2-1-0-123
13. Гурко-Кряжин В. Армянский вопрос. Статья из Большой Советской Энциклопедии. Изд. 1, т. 3, М., 1926, с. 438–439.
14. Шавров Н. Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье. Санкт-Петербург, 1911, с. 65–66.
15. Вейденбаум Е. Очерк этнографии Кавказского края. Часть 2
<http://www.altstav.ru/stv/stv69.php>
16. Величко В. Л. Кавказ. 1886–1895
<http://www.ksam.org/index.php?mtype=news1&mid=508>
17. История армянского народа
<http://armenica.info/history/histor18.htm>
18. Александр Куропаткин. Русская армия
http://militera.lib.ru/science/kuropatkin_an2/02.html
19. Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания
<http://svlourie.narod.ru/metamorphoses/erevan.htm>
20. Шмаков А. Свобода и евреи <http://rus-sky.com/history/library/shmakov/shmakov3.htm>
21. Маевский В. Армяно-татарская смута на Кавказе, как один из фазисов армянского вопроса
<http://www.karabakh-doc.azerall.info/ru/istoch/is010.htm>
22. Цит. по: Айдамиров А. Буря
<http://www.zhaina.com/articles/79/25/%C1%F3%F0%FF>
23. Доктор медицины Э. В. Эриксон. Об убийствах и разбоях на Кавказе
<http://erwaldau.narod.ru/ericson.htm>
24. Лурье С. Российская империя как этнокультурный феномен
<http://svlourie.narod.ru/imperium/russempire.htm>
25. Меньшиков М. Письма к Русской нации
<http://russdom.ru/mom/m5/m533.html>
26. Русскоязычная диаспора в государствах Центральной Азии и Закавказья: современная ситуация и перспективы (Южный фланг СНГ. Центральная Азия, Каспий, Кавказ: возможности и вызовы для

- России) Под. ред. М. М. Наринского и А. В. Мальгина
http://polit.mezhdunarodnik.ru/archives/legoyda_diaspora
27. Шехтман П. Пламя давних пожаров
http://www.bvahan.com/ArmenianWay/aw/Plamya_davnikh_pozharov/Plamya/1.html
28. Лурье С. Восприятие народом осваиваемой территории
http://svlourie.narod.ru/articles/vospriyatie.htm#_ftnref32
29. Чавчавадзе И. Армянские ученые и вопиющие камни. Цит. по: Грузинский политик князь Илья Чавчавадзе был недоволен тем, что иностранные ученые извращают историю Кавказа
<http://www.abkhazeti.ru/pages/5/461.html>
30. Барон Ф. Ф. Корф. Проезд через Закавказский край
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Korf_F_F/text.htm
31. Касвинов М. Двадцать три ступени вниз
<http://lib.ru/HIST/KASWINOW/dwadcattri.txt>
32. Ольденбург С. Царствование императора Николая II
http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/150563/9/Ol'denburg_-_Carstvovanie_imperatora_Nikolaya_II.html
33. Из доклада бакинского комитета РСДРП II съезду РСДРП в 1903 г.
<http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1903dok2.htm>
34. История Азербайджана (под ред. Игара Алиева)
<http://www.azerbembassy.org.cn/rus/historical20.html>
35. Из доклада бакинского комитета РСДРП II съезду РСДРП в 1903 г.
<http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1903dok2.htm>
36. Из интервью Ольги Марышевой
http://www.gorodn.ru/archive/503/5_2.htm
37. Сулейманов М. Дни минувшие
<http://www.ksam.org/index.php?mtype=news1&mid=509>
38. Ленин В. Что делать?
<http://www.marxists.org/russkij/lenin/1902/6-13-3.htm>

ПРУЖИНЫ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ИМПЕРИИ РОМАНОВЫХ

«Ах, Одесса, жемчужина у моря»

«Переброска» бакинской стачки на Одессу затронула очередное звено на важнейшем для России маршрутном пути (Дунайской линии), который позволял удешевить транспортировку товаров между Центральной Европой и Причерноморьем. Еще в середине XIX в. Одесский Комитет торговли и мануфактуры, занимавшийся поставками нефтепродуктов, отмечал, что «по своему географическому положению» Одесса, «скорее, чем другие рынки России», могла бы служить «фокусом для сбыта нефтяных товаров за границу». Речь, прежде всего, шла о Бреслау (Германия), который являлся значительным покупателем керосина. В тот период его поставка осуществлялась сухопутным путем из Царицина, так как морской путь не мог быть задействован «ввиду отсутствия необходимых пароходов» [1].

Действительно, с 1883 г., после завершения строительства ж/д ветки Баку – Батуми – Одесса, ранее служившая «входными воротами» для керосина, становится значительным «маршрутным» игроком. С развитием нефтеналивного судоходства здесь началось расширение и строительство керосиновых складов. В 1887 г. при Одесской наливной станции Бакинским «Товариществом Братьев Нобель» было построено три новых резервуара для хранения керосина емкостью по 120 тыс. пудов каждый (Одесская нефтебаза) [2]. Вскоре на станции Одесса-Пересыпь функционировали уже 6 железных резервуаров для приема керосина, два из которых могли вмещать по 200 тыс. пудов. «На Пересыпи устроена в последнее время нефтяная гавань для стоянки судов с нефтяными продуктами. К гавани в ближайшем будущем предстоит постройка особой железнодорожной ветви, которая даст возможность перегружать нефтяные продукты из наливных судов непосредственно в вагоны» [3].

Через Одессу поддерживалось сообщение с дунайскими пристанями и Дальним Востоком. В 1895 г. общий оборот внешней торговли Одесского порта (по таможенным данным) составлял 146,5 млн рублей (без транзита) или 12,1% общего оборота Российской империи (с транзитом достиг 14%) [4]. В этот период посредством Добровольного флота (ДФ), имевшего 8 современных пароходов, на линии Одесса – порты Тихого океана (Владивосток, Дуэ, Гонконг), с заходами в Ханькоу, Константинополь, Порт-Саид, Аден, Сингапур и Нагасаки, ежегодно совершались 7 рейсов. Только в 1895–1902 гг. пароходами ДФ было перевезено 12 млн пудов железнодорожных рельсов и 25 млн пудов других грузов [5].

В свою очередь, Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) осуществляло четырежды в год рейсы своих судов между Одессой и Персидским заливом (с конечной остановкой в иракской Басре). Сюда доставлялся не только керосин, но также посуда и другой различный инвентарь [6]. Образованное же в 1903 г. Российское Дунайское пароходство (РДП) заключало договоры о доставке грузов как с Австрийским Дунайским пароходством, Сербским пароходным обществом, Болгарскими железными дорогами, так и с железными дорогами России (через Одессу). К слову, для бакинского керосина был определен маршрут (через Батум) к портам Дуная, с его последующей доставкой в Болгарию и Сербию [7].

Приняв на себя функции одного из важнейших геостратегических узлов, Одесса заняла исключительное место в экономической жизни России. Причем не только в вопросе доставки нефтепродуктов за пределы России. К примеру, основная часть регулярных российских войск, участвовавших в подавлении восстания «нихэтуаней» в Китае, оказалась в Маньчжурии морским путем (Одесса-Владивосток). На таком фоне, в июле 1903 г. Одесса подхватила стачечный клич Баку. Забастовали и железнодорожные, и портовые рабочие.

Конец Зубатова

Согласно Александру Керенскому⁴⁸, с зубатовщиной дело дошло до того, что «некоторые полицейские агенты стали не только участниками», но и «организаторами всеобщих забастовок». В частности, главным подстрекателем одесских событий «выступил агент, некий Шаевич» [8].

Речь здесь идет о члене «Еврейской независимой партии» (ЕНП) Генрихе Шаевиче. Владимир (Зеев) Жаботинский, описывая начало своей «сионистской деятельности» в Одессе в 1903 г., вспоминал «странные тревожные речи» о витающей в городе опасности еврейских погромов. Тогда была зафиксирована «первая попытка организовать еврейскую самооборону в России», собраны финансовые средства, у ее членов оказались револьверы, «ломы, кухонные ножи, ножи для убой скота». «В конторе круглосуточно дежурили двое», в одной из комнат на гектографе размножались «листочки на русском языке и на идиш», содержащие текст статей из уголовного кодекса, в которых «написано ясно, что убивший в целях самообороны освобождается от наказания, и несколько слов ободрения к еврейской молодежи, чтобы она не давала резать евреев как скот».

⁴⁸ Министр-председатель Временного правительства в 1917 г. – прим. авт.

Сам В. Жаботинский признается, что удивлен «долготерпению полиции», которая столь долго не обращает внимания «на наши действия». Однако вскоре ему все стало ясно, так как владельцем конторы оказался Генрик Шаевич, известный как «посланец и агент» Зубатова. Правда, В. Жаботинский говорит, что ему безразлично, являлся Шаевич «честным и заблуждающимся человеком» или шпионом, сознательно предававшим. С момента предоставления надежного убежища для вооружения евреев «он искупил все свои грехи» [9].

Лев Троцкий откровенно говорил о простачечной позиции войск. «Поставленные караулом у ворот двора, куда загнаны были демонстранты», они позволили «себя убедить не обращать внимания на бегство арестованных через соседние дворы» (скрылось около 150 человек). Наблюдались не только мирные беседы рабочих с солдатами, но и «факты отнятия оружия» у последних «без особенного сопротивления» [10].

Однако провластная (вроде бы) стачка превратилась в общеполитическую забастовку одесских трудящихся, нанесшую значительный экономический ущерб Российской империи. Да, С. Зубатов намеревался контролировать развитие стачечного движения через своих людей в созданных им организациях, чтобы оградить рабочих от влияния социал-демократов. Однако все произошло совсем иначе. Как писал Ленин, начатое в интересах поддержки самодержавия «зубатовское движение», выйдя из установленных для него рамок, стало «взрывом пролетарской классовой борьбы». В оппозиционное движение втянулись даже самые «отсталые слои рабочих», которых, может, «никогда не встряхнул бы агитатор-социалист». Таким образом, созданное верхами «рабочее движение» постепенно перешло под контроль социалдемократов [11].

События 1903 г. изрядно подорвали социально-экономический порядок в России, что, безусловно, было выгодно ее геополитическим конкурентам. А если так, то некоторые эксперты не исключают, что «рабочее движение» являлось продвигаемым извне «проектом». Не останавливаясь подробно на таких оценках, отметим, что пост-итоном стачки явилось отстранение С. Зубатова от должности главы Особого отдела Департамента полиции. Созданные им организации, в частности ЕНП, были распущены, Г. Шаевича сослали в Сибирь [12].

На фоне происходящего явно усилился революционный настрой масс. К тому же проведенный вне России II съезд РСДРП (июль-август 1903 г.) принял программу, конечной целью которой провозглашалось образование социалистического общества посредством осуществления социалистической революции и установления диктатуры пролетариата, а промежуточными задачами – свержение царского самодержавия,

провозглашение демократической республики, введение 8-ми часового рабочего дня, утверждение права наций на самоопределение, возвращение крестьянам отнятых у них помещиками земель и др. В лице РСДРП Россия получила еще одно звено в цепи внутренней дестабилизации, которая усугубилась результатом деятельности Безобразова и Ко на Дальнем Востоке.

«Клика Безобразова» – на коне?

Сотрудник РОПИТ Николай Врангель (отец Петра Врангеля), упоминая о получении Александром Безобразовым звания статс-секретаря, которого «не все министры удостоены были», пишет, что ему отведено помещение в Зимнем дворце; «доклады Царю шли через него», он «стал всесилен» [13]. Как отмечал А. Куропаткин, в конце мая 1903 г. Безобразов был направлен в Порт-Артур, а командующему войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана Евгению Алексееву царем Николаем II предписывалось принятие мер по недопущению проникновения в Маньчжурию «иностранным влиянием в каком бы то ни было виде». В связи с этим боевая готовность российской армии на Дальнем Востоке начала приводиться «в равновесие с нашими политико-экономическими задачами» для доказательства решимости «отстоять наше право на исключительное влияние в Маньчжурии». В частности, в плане деятельности «русских предпринимателей», при полной поддержке «центральных управлений и местных властей, в особенности в районах, представляющихся важными в политическом и военном отношениях». В связи с последним перед Е. Алексеевым ставилась задача «совместно» с А. Безобразовым «установить сущность наших политико-экономических задач в Маньчжурии и на берегах Тихого океана», с составлением плана «их целесообразной постановки» [14].

Расквартирование российских армейских подразделений в приграничье вызвало негодование Токио, так как это нарушало условия российско-китайского договора 1902 г., ввиду чего государь России высказал сожаление, что «совершенно закономерное появление русских лесопромышленников с охраною вызывает возбуждение умов в Японии». В то же время, 24 июня 1903 г. управляющий делами Особого Комитета Дальнего Востока Алексей Абаза довел до А. Безобразова решение Николая II «допустить японцев к полному завладению Кореей», обоснованное его желанием устранить «риск столкновения» с Японией. Но спустя четыре дня в докладе царю А. Безобразов настаивает на продолжении силовой политики [15].

Наблюдая за стараниями статс-секретаря «об организации эксплуатации богатств Маньчжурии», А. Куропаткин задавался вопросом, «стоит ли» лесное предприятие на р. Ялу ставить «для России превыше всего?». При этом военный министр отмечал, что «на пользу эти предприятия» пойдут «небольшой кучке людей», основывающих их «на казенные или на иностранные деньги». Так есть ли смысл «из-за таких сомнительных для России выгод» оказаться готовыми «к разрыву не только с Японией, но с Европой?». Вышеотмеченное направление «нашей политики на Дальнем Востоке» увеличит «опасность войны с Японией и европейскими державами», так как заинтересованные державы «примут все меры», чтобы спровоцировать российско-японское столкновение, тем более что «накладывание нами руки на Северную Корею послужит и для Японии новым толчком к войне» [14].

В связи с этим кадет Первого Петербургского кадетского корпуса в начале 1900-х гг. А. В. Борщов писал, что русско-османские войны «были близки и понятны русскому сердцу – борьба Креста с Полумесяцем – эта высокая идея волновала русские души из поколения в поколение», поэтому «жертвы и усилия заранее оправдывались». Но «японцы? кто они такие? – задавался он вопросом, – каковы истинные причины конфликта с ними? Неужели все это вызвано меркантильным спором о “Лесных концессиях на Ялу?” и только в интересах господ Безобразовых, Вонярярских и прочих?» [16].

Как бы то ни было, 30 июля 1903 г. Петербург учредил для Дальнего Востока отдельное наместничество, объединившее Приамурское генерал-губернаторство и Квантунскую область. Порт-Артур стал основной военно-морской базой русской Тихоокеанской эскадры на Дальнем Востоке. Назначенный наместником адмирал Е. Алексеев, будучи во главе войск, флота и администрации (включая полосу КВЖД), подчинялся непосредственно царю.

В тот же день Токио предложил Петербургу рассмотреть проект соглашения о признании сторонами «преобладающих интересов Японии в Корее и специальных интересов России в железнодорожных предприятиях в Маньчжурии», включая взаимное право на принятие в контролируемых зонах мер, могущих «оказаться необходимыми» для охраны их интересов. Проект также предполагал признание Россией «исключительного права Японии подавать советы и помощь Корее в интересах реформ и хорошего управления», в том числе военную помощь.

В целом, этот пункт соответствовал позиции царя от 24 июня, пусть даже в документе значились двусторонние обязательства: в случае необходимости отправки войск Японией и Россией в эти контролируемые

регионы отзывать военнотружущих, «как только выполняют свое назначение» [17].

Но наместник Е. Алексеев в письме министру иностранных дел России В. Ламздорфу, отмечая, что «Корейскому полуострову суждено со временем стать достоянием России» и это толкает «нас в Маньчжурию» [15], продолжил проведение агрессивной политики, хотя неизвестно, действовал он самостоятельно или с подачи царя.

Поэтому нет ничего удивительного в срыве⁴⁹ подписания соглашения об отводе «Русскому лесопромышленному товариществу на Дальнем Востоке» земельного участка в корейском порту Йонампо (Енампхо) (для постройки лесопильного завода и складов) между доверенным лицом «Русского лесопромышленного товарищества бароном Г. Г. Гинцбургом⁵⁰ и комиссаром корейского правительства по лесному делу Чо Сон Хебом [18].

Получив вполне прогнозируемый отказ Токио признать Маньчжурию с ее побережьями «во всех отношениях вне сферы» интересов Японии [19], Россия не эвакуировала 26 сентября 1903 г. оттуда войска, хотя в соответствии с русско-китайским договором 1902 г. должна была это сделать. Дальнейшие осенне-зимние взаимные обмены проектами соглашений и нотами лишь обостряли российско-японские взаимоотношения, а вместе с тем и российско-западные.

К этому времени экономические выгоды «корейского» проекта «безобразовской клики» уже вызывали вопросы. По свидетельству В. Апушкина, «грозное для японского политического влияния в Корее» Русское лесопромышленное товарищество только просило «о предоставлении ему в пользование какого-либо нового источника дохода» или о «новой субсидии». Его дела «шли все хуже и хуже, и к ноябрю 1903 г. касса Т-ва была уже совершенно пуста», в связи с чем «решено было» деятельность Т-ва приостановить, «чтобы дать ему новую организацию» [20].

Т. е. коммерческая неудача предприятия не могла являться основой агрессивной политики части российского истеблишмента на Дальнем Востоке. Следовательно, шаги официального Петербурга (в лице «безобразовской» команды) по эскалации конфликта вполне могли иметь иную подоплеку. Иначе сложно трактовать методическую направленность действий «безобразовцев», чьи агрессивные устремления

⁴⁹ По данным различных источников, вследствие «яростного противодействия Японии при поддержке Великобритании». – прим. авт.

⁵⁰ Габриэль (Гавриил) Гинцбург (Гинзбург) был членом известной семьи. Он являлся внуком Евзеля Гинцбурга (создателя банковского дома, одного из главнейших банковских учреждений в Петербурге) и сыном барона Горация Гинцбурга (действительного статского советника и главы петербургского отделения того же банка). – прим. авт.

почти совпадали с некоторыми взглядами В. Плеве. Так, в августе 1903 г. покинувший пост министра Сергей Витте говорил о звучавших из уст А. Куропаткина упреках в адрес главы Министерства внутренних дел, что он был одним из министров, желавших «эту войну» и примкнувших «к банде политических аферистов», причиной чего В. Плеве назвал сложившееся в России внутреннее положение, когда в целях недопущения революции властям была «нужна маленькая победоносная война» [21].

Таким образом, в российской власти присутствовала «партия», явно желавшая обострения обстановки в дальневосточном регионе, что однозначно не было выгодно Российской империи. В январе 1904 г. результат был достигнут: в ночь на 27 января японцы атаковали русские корабли в Порт-Артуре, вскоре подвергнув бомбардировке и непосредственно город.

Так, «безобразовская клика» стала в ряд с российским рабочим движением «от Зубатова», оказавшись одним из важнейших факторов дестабилизации ситуации в России. И даже сама русскояпонская война не привела к уходу с политической арены «безобразовцев». По словам Владимира Коковцова, сменившего С. Витте на посту главы финансового ведомства России, в феврале 1904 г. адмирал Абаза передал ему «повеление Государя переговорить со мною» о ликвидации «предприятия на Ялу». Но при этом Абаза дал понять, что хотел бы «свернуть» его «временно», возобновив деятельность, когда мы «твердо станем на Ялу, по окончании войны». С аналогичной просьбой к В. Коковцову пришел В. Вонлярлярский, после чего министр узнал о приличном вложении им в дело своих личных денег. И не только им: собственные сбережения в предприятие внесли Великий Князь Александр Михайлович и граф Алексей Игнатьев [22].

Естественно, на Западе не просто наблюдали за всем этим. Так, незадолго до начала боевых действий в Японии оказался американский военный министр Уильям Тафт, пообещавший Токио поддержку Вашингтона в случае русско-японской войны. Конечно же, американцам было что терять от постепенного «приращения» Россией Дальнего Востока с точки зрения рынка для абшеронского «черного золота», тем более ввиду ожидаемого увеличения производства российской нефти.

Вряд ли Белый дом готов был спокойно наблюдать за продвижением Петербурга в те края, если это угрожало американским интересам. Например, в 1902 г. американский экспорт в Китай, по сравнению с 1895 г., вырос в 4 раза; усилился и вывоз капитала. Только за 1900 г. американские инвестиции в промышленность Китая составили 17,5 млн долларов. Экономическая экспансия США приняла особо широкий размах в Маньчжурии, куда американский экспорт в 1901 г. составлял 7–

8 млн таэлей, тогда как английский – 5 млн, а японский – 2 млн. В 1901 г. американцы поставили в Маньчжурию свыше 3 млн галлонов керосина. Кроме того, маньчжурский рынок поглощал до 80–90% всех вывозимых из США в Китай хлопчатобумажных тканей [23; 24].

Могли ли в таких условиях США, да и другие ведущие страны Запада, не желать, чтобы Петербурга увяз в дальневосточной войне? Вопрос риторический.

1. Нобель. Одесса. Рени <http://chaspast.h12.ru/news/00132/10.php>
2. Нобель Людвиг
<http://www.port.odessa.ua/ru/history/personalities/entry/5482/>
3. Цит. по: Андреев П. Иллюстрированный путеводитель по юго-западной железной дороге. 3-е изд., испр. 1899
<http://www.library.kr.ua/elib/andreev/kyev.html#1>
4. История Одесского морского порта
http://palariev.sitecity.ru/lttext_2102213715.phtml?p_ident=lttext_2102213715.p_1511231959
5. Добровольный флот
<http://fl.ot.parus.ru/dicsea05.htm>
6. Зинин Ю. Секретная миссия российского капитана в Заливе
<http://www.russianemirates.ru/2004/02/secret.shtml>
7. Краснобаева Л. Быть по сему
<http://www.riverships.ru/danube/002-6.htm>
8. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте
<http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt03.htm>
9. Владимир (Зеев) Жаботинский. Повесть моих дней
<http://gazeta.rjews.net/Lib/Jab/pov6.html>
10. Троцкий Л. Пролетариат и революция
<http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl107.htm>
11. Ленин В. Петербургская стачка.
<http://www.marxists.org/russkij/lenin/works/9-24.htm>
12. Статья «Зубатовщина» из Большой Советской Энциклопедии
<http://www.bonaen.ru/z/zubatovschina>
13. Врангель Н. Воспоминания: от крепостного права до большевиков
<http://dk1868.ru/history/vrang5.htm>
14. Японские дневники А. Н. Куропаткина
<http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra6/ra6-393-.htm>
15. Цит. по: Саркисов К. Порочный круг непоправимых решений
http://www.ng.ru/ideas/2004-02-11/7_war.html

16. Борщов А. В. Мои воспоминания
http://www.xx13.ru/kadeti/pervi_kk.htm
17. Японский проект соглашения 30 июля 1903 г.
<http://rjw.narod.ru/documents/30071903.htm>
18. История действий на море в Русско-японскую войну. 1904–1905
<http://rjw.narod.ru/history/history.htm>
19. Российский проект соглашения 20 сентября 1903 г.
<http://rjw.narod.ru/documents/20091903.htm>
20. Апушкин В. Русско-японская война 1904–1905 г.
<http://abakus.narod.ru/russo-japanese/apushk.htm>
21. Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая Второго. Т.2
http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147165
22. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. М., 1992, с. 46, 48.
23. «История русско-японской войны 1904–1905 гг.» под ред. И. Ростунова
<http://abakus.narod.ru/russo-japanese/rost.htm>
24. Сорокин А. И. «Русско-японская война 1904–1905»
<http://abakus.narod.ru/russo-japanese/sorok.htm>

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ПОД ПРОЛИВНЫМ ДЕСТАБИЛИЗАЦИОННЫМ ДОЖДЕМ

Оборонно-финансовые уколы

По словам А. Куропаткина, стремившаяся «принизить мировое значение России» Англия «способствовала успеху японцев» [1]. Влияние Англии действительно проявилось, причем в довольно любопытной череде событий с участием одной из южноамериканских стран. Так, за год до войны, в январе 1903 г. правительство Чили (посредством торгового дома Ротшильдов) предложило Петербургу приобрести броненосцы. Тогда управляющий Морским министерством адмирал П. Тыртов, ссылаясь на указание царя строить новые корабли только на русских верфях, ответил отказом. Выразивший намерение приобрести броненосцы Токио остался не у дел, скорее всего вследствие недоговоренности из-за цены. Когда же в ноябре 1903 г. Россия все же решила стать обладателем кораблей, в игру вступил Лондон, который за месяц до начала военных действий на Дальнем Востоке приобрел их для британского флота [2].

Такой фон событий был естественным, поскольку, по словам германского морского министра того периода Альфреда фон Тирпица, «стремление Российской империи к земельным захватам» неизбежно сталкивалось «с путями развития британского могущества» [3]. Президент США Теодор Рузвельт тем временем предупредил Германию и Францию, что в случае их выступления на стороне России Соединенные Штаты открыто поддержат Японию [4].

Всего за этот период Вашингтон предоставил Токио свыше 450 млн долларов в качестве различных займов. Согласно еврейским источникам, во время войны значительную финансовую помощь Японии оказали крупнейшие банковские дома США, принадлежавшие евреям. В мае 1904 г. возглавлявший американский банковский трест «Кун, Леб и Ко» Джейкоб (Якоб) Генри Шифф (выходец из именитой германской раввинской семьи) подписал с Токио соглашения о предоставлении Японии кредитов на 5 и 10 млн фунтов стерлингов. «Кун, Леб и Ко» оказался первым зарубежным банком, предоставившим кредит японскому правительству для ведения войны. Посему Дж. Шифф стал первым иностранцем, удостоенным особых почестей со стороны императора Японии.

Непосредственно для Шиффа значение этого займа выходило за рамки финансовой операции, так как он, имея доступ в высшие политические круги США, включая президентов, не только «отказывался участвовать в займах для» Петербурга, но и отговаривал от этого других финансистов.

Главной причиной такого крена Шиффа обычно называется не геополитическая подоплека, а антиеврейские проявления в царской России. В частности, отмечается его ненависть к самодержавию из-за антисемитской политики царского режима, настроенность «против России по причине своей национальности», негодование «по поводу обращения русского правительства со своим еврейским населением», из-за чего он оказывал щедрую помощь группам еврейской самообороны и жертвам погромов в Российской империи [5/а,б].

Деятельность Дж. Шиффа и еврейские погромы

Однако усматривать причину отказа американских банков кредитовать Россию лишь в погромах было бы слишком однобоко. Для начала отметим, что, согласно ряду источников, Дж. Рокфеллер «смог существенно расширить свою нефтяную империю» при «финансовой поддержке Ротшильда через Варбурга и Шиффа» [6]. По всей видимости, под Ротшильдом подразумевается представитель лондонского ответвления этого клана. Что касается фамилии знаменитой «банковской» семьи Варбургов (Гамбург, Германия – США), речь идет о Пауле (Поле) Морице, который после переезда в 1902 г. в США стал членом финансовой корпорации «Кун, Леб и Ко». По информации ряда исследователей, представитель семьи Варбургов был направлен в США непосредственно Ротшильдами, «одной из главнейших целей» которых являлось «создание находящейся в частных руках Системы федеральных резервов (СФР)», благодаря чему можно было бы «передать под контроль денежных монополистов все финансы Соединенных Штатов» [6].

П. Варбург, впоследствии ставший первым председателем Федеральной резервной системы и сформулировавший «львиную долю положений» будущего «Закона о Федеральном резерве», в 1903 г. изложил детально разработанный план Дж. Шиффу. К тому же их связали родственные узы, так как они стали зятьями Соломона Леба, соучредителя компании «Кун, Леб и Ко». В свою очередь, дочь Дж. Шиффа вышла замуж за брата Пола [7]. Говоря другими словами, Рокфеллер, Шифф и Варбург имели значительные совместные экономические интересы, выходявшие за «рамки» США.

Забегая хронологически вперед, отметим, что антироссийская направленность характеризовала позицию Шиффа и в период I Мировой войны. Тогда, в сентябре 1914 г., первый заем в 400 тыс. долларов для Германии был предоставлен все той же «Кун, Леб и Ко», которая считалась «естественными банкирами германского правительства и Рейхсбанка» [8].

Согласно Электронной еврейской энциклопедии (ЭЕЭ), лишь с падением царского режима в феврале 1917 г. «Шифф изменил свое отношение к России». Стремясь поддержать возглавляемое Александром Керенским Временное правительство, он «предоставил ему большой заем» [5/а].

Но некоторые документы вызывают вполне реальные сомнения в однозначной поддержке Дж. Шиффом кабинета А. Керенского. Так, весной 1917 г. от американского посла в Петрограде Д. Фрэнсиса в Вашингтон поступила телеграмма с просьбой о передаче сообщения от «видных российских банкиров-евреев видным банкирам-евреям» в Нью-Йорке, предлагающих им подписаться на «заем свободы» А. Керенского как одно из средств финансовой помощи Временному правительству России. Однако в ответной телеграмме на имя одного из авторов обращения Бориса Каменки⁵¹, подписанной (в том числе) и Дж. Шиффом, сообщалось мнение Госдепартамента о нецелесообразности «в настоящее время» попыток «осуществить широкую подписку на любые иностранные займы». При этом упоминалась «концентрация всех усилий на успехе американских военных займов», позволяющая Белому дому «предоставить средства нашим союзникам по более низким процентным ставкам, чем было бы возможно в ином случае». В связи с чем «наша энергия с целью самым эффективным способом помочь русскому делу должна быть обязательно направлена на поощрение подписки на американский заем свободы» [9].

Тем самым американская сторона фактически отказалась от финансовой помощи Временному правительству посредством выкупа части русского «займа свободы». Из-за этого кабинет А. Керенского столкнулся с финансовыми проблемами. «Займ свободы» дал 3700 млн рублей, но их хватило только на покрытие обычных расходных статей госбюджета. Военные же расходы, составившие в 1917 г. чуть больше 22,5 млн рублей, были покрыты за счет эмиссии бумажных денег [10].

Но можно ли ситуацию вокруг «займа свободы» уверенно трактовать как проявление антироссийского настроения Дж. Шиффа, возникшего в связи с еврейскими погромами в России?

Хотя основная часть министров Временного правительства являлась русскими по национальности, большинство из них не только не выступали с антиеврейскими заявлениями, но и в период царизма ратовали за равноправие евреев. Отсюда следует, что причина неокказания американцами финансовой помощи России периода А. Керенского не может быть обоснована антиеврейским настроением Временного

⁵¹ С 1910 г. – председатель правления Азовско-Донского банка, с 1912 г. – член совета парижского Банка северных стран. – прим. авт.

правительства. Отсюда напрашивается вывод, что все же не еврейские погромы в царской России были поводом для поддержки Японии в 1904–1905 гг. крупнейшими мировыми еврейскими финансистами. Возможно, завесу над этим вопросом приоткрое тот факт, что после прихода к власти большевиков финансирование России со стороны американцев и, в частности, Дж. Шиффа осуществлялось в значительно больших объемах.

По данным профессора экономики Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Энтони Саттона, в 1968–1973 гг. занимавшегося исследовательской работой в Гуверовском институте войн и революций Стэнфордского университета, помощь рожденному большевистскому режиму в 1918 г. «была оправданной ради победы над Германией». Золото тогда являлось «практически единственным средством», позволявшим правительству Ленина «оплачивать свои иностранные закупки»; международные банки «очень хотели облегчить Советам его отправку». Экспорт золота из России, главным образом в виде золотых монет царской чеканки, начался с 1920 г. в Норвегию и Швецию. Оттуда золото переправлялось в Голландию и Германию для передачи по назначению в другие страны, в том числе в США. На запрос корпорации «Кун, Леб и Ко» об официальной позиции Госдепа в отношении получения советского золота был получен ответ об отсутствии какихлибо ограничений на его ввоз. В результате золото поступило в ньюйоркскую пробирную палату [8].

Вышеизложенное явно свидетельствует о пробольшевистском векторе финансовой деятельности Шиффа применительно к России. Однако, по мнению автора, обосновывать данный феномен преобладанием среди лидеров большевиков еврейских фамилий было бы исторически неверно. Например, тот же еврей Ротшильд (парижская ветвь) предлагал содействие царской власти в приобретении чилийских броненосцев, что позволило бы России иметь преимущество в морских сражениях периода русско-японской войны (правда, имеются свидетельства, что параллельно Ротшильд предпринимал и прояпонские шаги, но для бизнесмена это считается вполне приемлемыми «правилами игры»). Другой Ротшильд (британская ветвь) организовывал в этот же период демонстрации в Лондоне в поддержку Японии. Т. е. эти акции обуславливались исключительно политико-экономическими интересами. Аналогично можно рассматривать и факт пожертвования в пользу японцев 10 000 руб. (в рамках открытия подписки на эту акцию лондонскими евреями) Маркусом Самуэлем, к тому времени занявшим кресло мэра Лондона [11]. Тем Самуэлем, интересы которого напрямую были связаны с транспортировкой российской нефти.

Поэтому обосновывать связку «Дж. Шифф – большевики» исключительно национальным оттенком не представляется возможным. По всей видимости, Дж. Шифф сделал «всего лишь» перспективную политико-экономическую ставку на партию В. Ленина, поскольку в первые годы XX в. в оппозиционном самодержавию движении большевики играли далеко не первую скрипку, во многом уступая тем же эсерам. Безусловно, погромы не могли не воздействовать на настрой Шиффа, но в своих действиях он наверняка исходил из национальных интересов США (как и своих личных). То есть судьба займа для царской России решалась лишь исходя из политико-экономических соображений, обоснованных геостратегическими интересами.

Тем временем Запад сделал следующий шаг для дестабилизации России через содействие всевозможным оппозиционным движениям.

Развитие революционного движения в России в разгар русско-японской войны

С началом военных действий между Японией и Россией резко активизировались японские разведслужбы. Особые задачи были возложены на сотрудника разведки японского Генерального штаба, в 1902–1904 гг. действовавшего под прикрытием военного атташе посольства Японии в России, Мотодзиро Акаси (Акаши), который позже, во время Первой мировой войны, стал замначальника Генштаба и командующего вооруженными силами Японии. Вполне очевидно, что в условиях осуществления официальным Токио внешнеполитических шагов в соавторстве с Западом деятельность японских спецслужб осуществлялась при жестком британском контроле. Вскоре в Санкт-Петербург стала стекаться информация о встречах М. Акаси с представителями финского и польского национально-освободительного движения.

Напомним, что в составе Российской империи Финляндия оказалась в 1809 г. Со второй половины XIX в. начала укрепляться ее автономия, а с 1899 г. усилилась борьба за независимость, вызванная процессом русификации. Что касается Польши, русско-японская война укрепила позиции введомой Юзефом Пилсудским Польской социалистической партии, еще до этих событий организовавшей забастовки на промышленных предприятиях Царства Польского. В 1904 г. Ю. Пилсудский пытался добиться от Японии финансирования восстания в Польше. С финской стороны активнейшие контакты с Акаси поддерживал Конни (Жонни) Циллиакус (Зиллиакус), основатель и один из лидеров Финляндской партии активного сопротивления. На него была возложена задача обеспечить прямую связь с российскими

революционерами всех оттенков в целях координации их действий в борьбе с самодержавием.

Фигура К. Циллиакуса была выбрана неслучайно, поскольку он был довольно известен в революционных кругах России. По словам секретаря Северного бюро ЦК РСДРП Елены Стасовой, с начала 1900-х гг. «мы стали получать литературу» через Финляндию и Швецию, «где всем транспортом ведал литератор Конни Циллиакус». Согласно Е. Стасовой, он «совершенно не разбирался в русских политических партиях», считая их все «революционными», поэтому «мы частенько получали вместо ожидаемых большевистских изданий издания меньшевиков, бундовцев, социалистов-революционеров или экономистов» [12].

Но, по-видимому, К. Циллиакус был не так прост, чтобы ошибаться в ветвях революционного движения в России. Он отвечал за координацию всех российских революционных течений, из которых, скорее всего, его кураторы должны были определить наиболее значимые силы с точки зрения воздействия на внутреннюю ситуацию в России. Именно поэтому доставляемая К. Циллиакусом литература отражала взгляды всех революционных течений. Его «литературное поприще» постепенно увенчалось успехом, так как в июньском (1904 г.) докладе М. Акаси отметил, что «отношения между Циллиакусом и основными оппозиционными партиями созрели». В свете чего они оба «почти одновременно отправились в Париж, где вместе с представителями <...> “Сакартвело” Деканози и <...> “Дрошак” (графом Лорис-Меликовым) совещались по поводу плана беспорядков в России» [13]. Под Деканози подразумевался тифлисский эсер, армянин по национальности Георгий Деканозов, издававший в Париже газету «Армения»⁵². «Сакартвело» и «Дрошак» являлись печатными органами соответственно Грузинской партии эсеров-федералистов и «Дашнакцутюна».

Но особое внимание К. Циллиакус уделял эсерам, в связи с чем провел в Лондоне переговоры с Николаем Чайковским [13], одним из их лидеров того периода. Практически все указанные лица согласились на предложение о взаимодействии. Естественно, их «добро» оценивалось материально: Циллиакус получал от 2000 до 4000 франков; Деканозову М. Акаси выплачивал еженедельно 2050 франков, или 750 рублей [14].

По некоторым данным, М. Акаси намеревался привлечь к сотрудничеству и РСДРП, но ее лидеры, в частности меньшевистское крыло в лице Георгия Плеханова и Юлия Мартова, категорически отказались от его предложения [15]. Какая-либо информация о

⁵² Его отец Владимир Деканозов с 1939 г. занимал пост замнаркома иностранных дел СССР. – прим. авт.

сотрудничестве с М. Акаси большевиков во главе с Лениным⁵³ также отсутствует.

Летом 1904 г. Совет РСДРП, объединивший большевиков и меньшевиков, рассматривал вопрос об участии в первой в истории России конференции революционных и оппозиционных партий, планируемой К. Циллиакусом на осень того же года. Но на встрече, организованной в сентябре-октябре 1904 г. в Париже, социал-демократов не оказалось. Наиболее видными лицами на ней были один из лидеров партии кадетов, депутат III и IV Думы от Петербурга Павел Милуков, тот же Н. Чайковский, граф Гейден из Императорского Свободного экономического общества и другие [16].

Согласно сведениям А. Спиридовича, из 17 приглашенных организаций в парижской конференции приняли участие «Союз Освобождения», партия эсеров, «Финляндская партия активного сопротивления», «Польская национальная лига», «Польская социалистическая партия», «Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров», Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн» и «Латышская социал-демократическая рабочая партия». На ней было решено добиваться уничтожения самодержавия, причем «формы, методы, средства, тактика оставались своеобразными для каждой партии». Во имя достижения этой цели, наряду с созданием строя со «свободным демократическим режимом», предусматривающего «право национального самоопределения», гарантирующего свободу «развития для всех народностей», устранение «насилия со стороны русского правительства по отношению к отдельным нациям», участники встречи «должны были соединить свои усилия для ускорения гибели абсолютизма» [17/а,б].

Вспоминая, как суетился в связи с конференцией К. Циллиакус, Павел Милуков отмечал, что «закулисная сторона» происходившего стала ему «известна гораздо позднее из книги “Революции и контрреволюции в России и Финляндии”» [18]. Как бы то ни было, российские революционные партии провозгласили курс на борьбу с самодержавием.

Тот факт, что армянские источники отметили поддержку «Дашнакцутюном» принятых на конференции решений [19], свидетельствует, что на том этапе «взаимоотношения» армянского движения с царскими властями перешли на новый, конфронтационный уровень.

«Армянский вопрос» в новой оболочке

⁵³ Отметим, что большевики открыто ратовали за поражение России в русско-японской войне. – прим. авт.

Еще в 1903 г. российскими властями был издан указ об изъятии у армянской церкви имущества на общую сумму свыше 112 млн рублей [19]. Следом в местах проживания армян на Кавказе стала проводиться «политика насильственного подчинения», выражавшаяся в намерении вынудить их начать «признавать русскую церковь и русский язык» [20]. Как пишут Э. Лависс и А. Рамбо, в армянских школах стартовал процесс русификации, а большинство армянских чиновников, «весьма многочисленных на Кавказе», были переведены «внутри империи» [21].

Последний факт демонстрирует, что царская политика не была всецело антиармянской, к тому же положение армян в Москве и других крупных российских городах никак не изменилось. Петербург, скорее, лишь сигнализировал армянам, усилившим игру на российском поле под диктовку Запада, что они не должны забывать, «кто есть кто». (К слову, в связи со сменой «ориентации» российских армян можно привести сказанное армянским советским писателем, академиком АН Армянской ССР Дереником Демирчяном: «Там, где любое другое племя умеет заслужить только любовь, армянин найдет способ вызвать ненависть», потому что он «не образумился». «Наступает татарин – он ждет русского», пришел «русский – он обращает взор к европейцу». Подошел «англичанин – он снова ждет русского». Приходит «русский – он его не принимает» [22]).

Но, по всей видимости, сигнал из Петербурга оказался неслышимым. Как отмечал А. Шмаков, к тому времени уже функционировали армянские «боевые дружины», а «могущественное, сильно организованное и жестокое сообщество “Дашнакцутюн”», объединявшее их «революционно-национальные» силы, руководило всеми делами. Пользуясь «русской халатностью», дашнаки решили осуществить «пробную мобилизацию» на Кавказе [23]. Осенью 1903 г., в результате осуществленного ими террористического акта тяжелое ранение получил главноначальствующий Кавказской администрацией Г. Голицын, который после этого вынужден был покинуть место дислокации – Тифлис. Состоявший в его конвое Николай Бигаев подчеркивал, что «злоумышленники», захваченные «стражниками и казаками конвоя», оказались «армянами революционной партии “Дашнакцутюн”, действовавшими по постановлению этой партии» [24].

По горячим следам Санкт-Петербургская газета «Новое время» писала, что «события последнего времени, выразившиеся в целом ряде армянских беспорядков на Кавказе», дают основание считать теракт их прямым отзвуком. При этом исполнители назывались «орудием в руках партии», для которой «неприятны принятые в последнее время представителем русской власти на Кавказе энергичные меры к подавлению армянских беспорядков и разбойничьих нападений». В свою

очередь, «Московский листок» обращал внимание на «политический характер тифлиского покушения», находящегося «в неотразимой связи с современным армянским движением». «Восстановить старое армянское царство – вот та сумбурная идея», объявлявшая «головы и сердца армянских политиканов». Газетой отмечалось нежелание ограничить «турецкой землей» будущую славную Армению, должную охватить «русские земли, где ныне живут и преобладают армяне». В целях «пропаганды» этого, вкупе с подготовкой «революционных действий», начали использоваться «все имущества и доходы армянской церкви» [25]. (Как отмечал один из основателей и теоретиков «Дашнакцутюна» Христофор Микаелян, «армянские интеллигенты России и Турции состязались в благородных обещаниях посвятить себя делу освобождения народа». Но потом их «идеалом» стал «земной шар вплоть до родины доллара – Америки», а «армянских интеллигентов России – Баку» [26]).

Ну а состоявшийся в начале 1904 г. III съезд «Дашнакцутюн» принял решение «заменить стратегию самозащиты на Кавказе стратегией революционных действий» [19]. Вслед за чем дашнаки безоговорочно поддержали антироссийские решения Парижской конференции, о чем говорилось выше. При этом нельзя исключить, что провозглашенная в Париже линия на уничтожение российского самодержавия с использованием каждой партией своеобразных форм и методов для реализации этой цели, была опробована дашнаками в Баку (не напрямую под своим «знаменем»).

Так, в декабре 1904 г. созданная братьями Шендрикковыми меньшевистская «Организация балаханских и бибиэйбатских рабочих» («Шендрикковская организация») [27], призвав бакинских рабочих к забастовке, привлекла к выступлению трудящихся почти 40 нефтяных компаний. В результате чего труженики промыслов, «выпустив пар из паровиков», покинули рабочие места. В помощь находящимся в этих районах войскам были посланы дополнительные силы из Тифлиса [28].

По словам большевика А. Стопани, принимавший «энергичное участие» в стачке Бакинский комитет РСДРП «не хотел ее в это время». Работы же на две трети были остановлены обрадовавшимися нефтепромышленниками, так как это позволяло им искусственно сократить производство и повысить цены, переложив ответственность за происшедшее на рабочих [29]. По свидетельству А. Шмакова, «нефтяные акулы образовали стачку», подняв цены на нефть «до пределов государственного бедствия» [23]. Как бы то ни было, перебои в работе нефтепромыслов нанесли ущерб другим отраслям промышленности России. В частности, члены нижегородской биржи обратились в министерство финансов с ходатайством о содействии в завершении бакинской забастовки, так как «продолжительное прекращение добычи

нефти грозит большими убытками и кризисом волжской судопромышленности» [30]. По результатам же двухнедельной забастовки, завершившейся подписанием первого в России коллективного договора Союза нефтепромышленников с рабочими («Мазутная конституция»), в Баку были сожжены 225 нефтяных вышек, а добыча нефти в декабре 1904 г. упала на 30 млн пудов. Мало того, акции перекинулись на Батум, через который экспортировалось абшеронское «черное золото» [31].

Нефтяной промышленности России был нанесен значительный ущерб.

Здесь возникает вопрос: даже если нефтепромышленники, стремясь играть на повышение цен на топливо, и оказали неафишируемую поддержку забастовочному движению, были ли они заинтересованы в сожжении промыслов? А раз ответ напрашивается сам собой, тогда забастовку рабочих в собственных интересах (нанесение ущерба нефтяной промышленности) вполне могли использовать иные силы. Отсюда следует вопрос-сомнение о возможной причастности дашнаков к пожарам. Хотя без документальных подтверждений он и останется таковым. Но факт остается фактом: пожары на бакинских нефтепромыслах не были выгодны российской власти, однако полностью соответствовали озвученным на парижской встрече планам.

1. Куропаткин А. Русская армия
http://militera.lib.ru/science/kuropatkin_an2/07.html
2. Чилийский заказ
http://tsushima.org.ru/bibl_rjw_stat_chilibb.htm
3. Альфред фон Тирпиц. Воспоминания
<http://base13.glasnet.ru/text/tirpitz/t14.htm>
4. История США. Том второй 1877–1918. Под ред. Григория Севостьянова
<http://sovserv.ru/КА6АН/usatruth/usatruth.by.ru/c3.files/istorijatom2g113.htm>
5. Из «Электронной еврейской энциклопедии»:
а/ статья «Шифф Джейкоб Генри»
<http://www.eleven.co.il/print.php?id=14843>
б/ статья «Япония»
<http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=15234&query=>
6. Бернд Фон Виттенбург. Шах планете Земля
http://litbaza.com/elektronnaya_biblioteka/bernd_fon_vittenburg/shah_planete_zemlya.19160/?page=20
7. Голубицкий С. Сад сходящихся тропок
<http://offline.business-magazine.ru/2005/72/188210/page/2>

8. Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция
http://strategema.narod.ru/global/sutton/sutton1.htm#_ftn295
9. Телеграмма американских банкиров (Шифф, Маршалл, Штраус, Моргентгау, Вайз, Готтхайль) в адрес Б. Каменки. Цит. по: Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция
http://strategema.narod.ru/global/sutton/sutton1.htm#_ftn295
10. Денежные реформы 1922–1924 годов. Из истории Банка России
<http://www.ver.ru/bbl/history/cbr20.html>
11. Заметка в газете «Русский Листок» от 29 (16) февраля 1904 г.
<http://starosti.ru/archive.php?y=1904&m=02&d=29>
12. Стасова Е. Страницы жизни и борьбы
http://lenin-pam.narod.ru/stas_txt.htm
13. Павлов Д., Петров С. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг.
http://www.regiment.ru/lib/A/lib_19/lib_19-7.htm#43
14. Гузанов В. Штабс-капитана Рыбникова звали Акаси
<http://ru-jp.org/guzanov04.htm>
15. Меленберг А. Япона матпомощь
<http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/09n/n09n-s42.shtml>
16. Уткин А. К великому океану
http://old.redstar.ru/2005/02/19_02/5_02.html
17. Спиридович А.
а/ Записки жандарма
<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/gendarme.htm>
б/ Революционное движение в России
http://www.hrono.ru/libris/lib_s/spir08cp.html
18. Милюков П. Воспоминания (1859–1917)
http://www.hronos.km.ru/libris/lib_m/milyukov42.html
19. История, структура и идеология партии «Дашнакцутюн»
http://mahada.do.am/publ/istorija/istorija_struktura_i_idealogija_partii_dashnakcutjun/2-1-0-123
20. Нансен Ф. Армения и Ближний Восток
<http://www.armenianhouse.org/nansen/docs-ru/armenia1.html>
21. Лависс Э., Рамбо А. История XIX века.
http://www.krotov.info/history/19/57/laviss_58.htm
22. Демирчян Д. Армянин
<http://armeniangc.com/biblioteka/derenik-demirchyan/armyanin/>
23. Шмаков А. Свобода и евреи
<http://rus-sky.com/history/library/shmakov/shmakov3.htm>
24. Бигаев Н. Последние наместники Кавказа (в свете личных воспоминаний) (1902–1917)

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XX/1900-920/Bigaev_N_A/frametext1.htm

25. Цит. по: Исторические чтения. Покушение

<http://www.temadnya.ru/spravka/29oct2003/3304.html>

26. Микаелян Х. Историческое зло

<http://www.armenianhouse.org/christopher-mikaelian/evil.htm>

27. «Шендриковская организация». Статья из Большой Советской Энциклопедии

<https://slovar.cc/enc/bse/2060293.html>

28. Бакинская стачка 1904 г. М., 1940, с. 85.

29. Цит. по: Островский А. Кто стоял за спиной Сталина

<http://www.fedy-diary.ru/html/102010/20102010-04d.html>

30. Из заметки в газете «Новости дня» (Москва) от 29 декабря 1904 г.

<http://starosti.ru/archiv/januar1905.html>

31. Первые рабочие и союзные организации нефтяников в 1906–1917 гг.

<http://www.museum-rogwu.ru/exposition/detail.php?ID=447>

ПОЖАРЫ НА БАКИНСКИХ ПРОМЫСЛАХ

Баку. Февраль 1905 г.

Центральная российская власть наверняка не могла не отреагировать на антиправительственные проявления «Дашнакцутюна». Проучить же армянскую сторону Петербург решил извечным методом, а именно провоцированием межнационального столкновения, что усматривается из воспоминаний С. Витте, к тому времени занявшего пост председателя Комитета министров Российской империи. Обращая внимание на «резкие революционные» выступления армянского населения Кавказа, он подчеркивал, что постепенно «борьба властей» с ними «перешла в борьбу армян с мусульманами» [1].

Как писал армянский поэт, академик АН Армянской ССР Аветик Исаакян, натравив «друг на друга армян и тюрков», приспешники самодержавия способствовали «бессмысленной братоубийственной распре», игравшей на руку лишь «царской тирании» [3]. Доктор медицины Э. В. Эриксон отмечает, в «злополучном для России» 1905 г. вспыхнула армяно-азербайджанская вражда «в Бакинской, Елизаветпольской и Эриванской губерниях», приведя к резне и перестрелке «с сотнями человеческих жертв с той и другой стороны» [4]. Московская газета «Русское слово» констатировала, что в Баку «происходит форменная война: поминутно раздаются выстрелы; убитые и раненые насчитываются сотнями» [5].

И хотя вице-консул России в г. Эрзурум (Османская Империя) на рубеже XIX и XX вв. В. Маевский говорил, что «кровавые события» поразили «своей неожиданностью», «странностью и непонятностью», а «огромное большинство» до «сих пор не может уяснить себе подобного рода явлений и понять главные их причины» [6], вина царизма как организатора этих событий была понятна с самого начала. Так, член Русского национального совета в Баку в 1918–1919 гг. Борис Байков писал: «Будучи свидетелем этих столкновений, могу сказать с полной уверенностью, что они были инспирированы русской правительственной властью» [7].

События же развивались в следующем ключе. 5 февраля 1905 г. был убит житель бакинского с. Сабунчи Агарза Бабаев [8]. Тем временем «с промыслов вызвали телеграммой знаменитого фидаина Никола Думана» (Никогайос Тер-Ованесян, член партии «Дашнакцутюн»). Одновременно действовали группы под командой Вардана Ханасори (Саркис Меграбян), Мурада Себагаци (Мурад Хримян), Амазаспа (Срвандзтян) и «других фидаинов, получивших боевой опыт в Турецкой Армении» [9/а].

9 февраля, после совершенных массовых убийств преступники собрались в домах состоятельных армян (Балабека Лалаева, Артема Бабаянца, Исая Тер-Осипова и др.), открыв из окон и крыш зданий огонь по улицам города, забрасывая их бомбами, гранатами английского и французского производства [8]. В свою очередь, по Шмакову, армянские священники во главе «военных отрядов» шли «с винтовкой и патронами, лично распоряжаясь избиением татарского населения» [2]. Однако «чиновниками на местах не были приняты никакие меры для предотвращения» столкновений [10]. Такое бездействие правительственных органов свидетельствует о санкционированности столкновений, перекинувшихся из Баку в другие районы Азербайджана.

В Эриванской губернии армяне начали «убивать поодиночке» азербайджанцев «в глухих местностях». Их «враждебные чувства» к «мусульманам дошли» до открытых убийств «в Нахичеванском уезде», где был лишен жизни даже «старик – гаджи на поле во время свершения намаза». Подверглось разгрому селение Карабулах, окружив которое «Ваган Папазян с 50 бойцами» открыли «убийственный огонь с окрестных высот». Азербайджанцы, «с криками метавшиеся по улицам», оказались «безжалостно перебиты». Армяне вошли «в заваленное трупами село», приступив к поджогу домов [9/a].

В связи с этим Т. Свентоховский отмечал, что «все имеющиеся данные указывают» на значительно большие потери мусульман «по сравнению с армянами» [11]. Следовательно, хотя братоубийственная война и была спровоцирована центральной властью, армянская сторона оказалась к ней готова. Причем как с революционной (антисамодержавной), так и с антиазербайджанской точки зрения. По свидетельству В. Маевского, участие «армянских тайных организаций» в «главнейших кровавых столкновениях явилось фактом, не подлежащим никакому сомнению» [6].

А разве это удивительно, если, будучи «прекрасно вооружены и снабжены», кроме «своей вооруженной милиции», армяне располагали двумя собственными эскадронами регулярной кавалерии – около 300 человек и двумя батальонами пехоты – около 800 человек? Азербайджанцы же, у которых «не было “Дашнакцутюна”», защищались беспорядочно. А их отряды «представляли дурно и чем попало вооруженные толпы» [2].

Так завершилось первое открытое армяно-азербайджанское противостояние внутри Российской империи, обернувшееся резней. Наверное, можно долго рассуждать, удовлетворили ли царскую власть результаты этого спровоцированного столкновения, но факт остается фактом: в регионе было восстановлено Кавказское наместничество, во

главе которого поставлен Илларион Воронцов-Дашков. Именно это стало основным политическим итогом межнационального конфликта.

После этого русификация начала сменяться «обрусением окраин», то есть процессом, которому «Империя уже не изменяет до самого конца своего исторического бытия». На Кавказе он происходил через внедрение русского православного населения, то есть колонизацию пустующих и неосвоенных земель добровольными переселенцами из коренных русских губерний, и поддержание «смешанного чересполосного этнического расселения туземцев» [12].

Таким образом, по итогам февральского армяно-азербайджанского противостояния 1905 г. можно заключить, что, с одной стороны, российские власти пытались удержать массы от революционного движения, отвлекая их межнациональными распрями, с другой – что столкновение, по убеждению его организаторов, должно было сдержать «несанкционированную активность» армянской стороны, подготовив почву для укрепления русского представительства в Закавказье. Как отмечал Б. Байков, Баку того периода «представлял серьезный политический очаг», и «созданием этой национальной междоусобной распри» Петербург ликвидировал «нараставшее политическое движение, запугав население призраком гражданской войны» [7].

Безусловно, заглушив такого рода сигнал, центр должен был убедиться, что он дошел до адресата, то бишь «армянского движения». По всей вероятности, власти рассчитывали, что дашнаки «образуются», да и надежды на Кавказское наместничество были немалые. Неслучайно на состоявшемся после событий заседании с участием армян и азербайджанцев И. Воронцов-Дашков определил главным не «вопрос, кто виноват в этой резне», а «средства», могущие оказаться «действительны для прекращения зла, губящего материальное благосостояние страны».

Весьма примечательно, что, по словам В. Маевского, в течение этой встречи со стороны азербайджанских делегатов «нельзя было обнаружить никаких нападок по адресу Кавказской администрации» [6]. Одним из вероятных тому объяснений может быть отсутствие в тот период у Азербайджана какой-либо внешней защиты. В принципе, азербайджанцы не имели ни сил, ни возможностей бороться против центральной администрации, тем более что представители этой нации отсутствовали в ее составе даже на местах, не говоря уже о столице Российской империи. А зарождавшаяся азербайджанская буржуазия была значительно слабее армянской и в финансовом отношении, и по своим связям с российским и международным капиталом. В структуре мусульманского духовенства не было организации, подобной Эчмиадзину с точки зрения влияния на соотечественников и т. д. В целом,

широкие массы азербайджанского населения не были на протяжении многих лет охвачены мощной националистической агитацией. Что совершенно неудивительно, так как лишь в конце 1904 г. образовалась социал-демократическая партия «Гуммет» (первая подобная партия в мусульманском мире), в какой-то степени объединившая азербайджанцев. Потому, как писал А. Шмаков, у азербайджанцев к революции «замечается иммунитет» [2].

Как бы то ни было, загасив спровоцированный им армяно-азербайджанский конфликт, Петербург взял время, чтобы воочию убедиться, насколько армянская сторона уловила сигнал. Но внешние силы не изменили курс на обострение ситуации в Российской империи, продолжая использовать «Дашнакцутюн» в игре против России на ее же поле. Это следует из заключенной Западом очередной «сделки» с оппозиционными российскими партиями революционного толка.

Революция из-за рубежа?

Еще в начале 1905 г. вновь активизировался М. Акаси, поддерживавший тесные контакты с К. Циллиакусом, который обеспечивал прямую связь с российскими революционными партиями в целях координации их антиправительственной деятельности. К. Циллиакус все в том же феврале запросил у Японии новых субсидий, обещая, что к лету 1905 г. революционерам удастся «разжечь большое движение» в России.

В середине марта военное ведомство Японии приняло решение ассигновать на нужды вооруженного восстания в России миллион иен [13], наверняка заблаговременно. Другое дело, что здесь сыграли роль итоги Мукденского сражения между Россией и Японией. Оно завершилось 10 марта 1905 г. победой японцев и, как ни парадоксально это прозвучит, значительно ослабило наступательный потенциал японской армии. По словам авторитетного историка Мартина Кристофера, сражение «не принесло японцам полной победы, о которой те мечтали», «стратегически» не ослабив и русских [14]. Это действительно так, поскольку, по мнению исследователя Шинобу Охе, японская армия не смогла совершить огромную операцию окружения в «величайшей по масштабе битве» под Мукденом и «была потеряна решающая победа в войне» [15].

Если это действительно так, то русско-японская война теряла актуальность для Запада, тем более что Россия явно лишилась ранее завоеванных позиций в дальневосточном регионе, включая, естественно, и нефтяные. Как со скорбью отмечал Г. Сюннерберг, война «нанесла удар нашему престижу и не успевшему еще окрепнуть положению» на

Дальнем Востоке. «Мы еще не успели ни организовать нашей торговли, ни создать крупный торговый флот, ни даже закончить постройку торгового порта в Дальнем», как все это «рухнуло»; нужно было «находить новые способы выхода из создавшегося положения и примениться к нему» [16]. Итог Мукденского сражения не устраивал Запад еще и потому, что русско-японское вооруженное противостояние могло принять затяжной характер, что неминуемо увеличило бы затраты спонсоров войны.

Поэтому Запад стал искать параллельные пути давления на Россию, в очередной раз используя российское оппозиционное движение, а США тем временем предприняли шаги по урегулированию российско-японского противостояния. 18 апреля 1905 г. прозвучала обычная в таких случаях «инициатива с мест»: японский посланник в США Такахира попросил американского президента Теодора Рузвельта выступить с предложением о мире, спустя несколько дней сообщив об обязательстве Японии соблюдать в Китае выдвинутый Вашингтоном принцип «открытых дверей» и эвакуировать по окончании войны свои силы из Маньчжурии.

Что касается итогов Женевской конференции российских оппозиционных партий, состоявшейся в апреле 1905 г., через несколько дней после Мукдена, то М. Акаси отметил обязательство ее участников предпринять летом 1905 г. «отчаянный шаг». «Большое восстание должно начаться в июне, – комментировал он решения конференции в донесении на имя начальника Генштаба А. Ямагата от 12 апреля 1905 г., – и оппозиция предпринимает все новые и новые усилия для приобретения оружия и взрывчатых веществ» [13].

П. Милуков писал, что не владеет информацией о том, что «состоялся второй съезд – одних революционных партий», наметивших антиправительственные «выступления на 1905 г., включая террор», однако ему известно о получении денег для закупки оружия в целях «поднятия восстаний в Петербурге и на Кавказе Цицлиакусом, целиком или отчасти, через японского полковника Акаши» [17].

Упоминание о Кавказе здесь было неслучайным. Это подтверждается активным участием «Дашнакцутюн» в работе Женевской конференции, должной «координировать» деятельность этой партии «в условиях начавшейся революции» [18]. Интересно, что большевики досрочно покинули встречу не из-за несогласия с обсуждаемыми там вопросами, а вследствие явного превосходства на ней эсеров и невозможности особо влиять на развитие ситуации в своих интересах.⁵⁴ Да и сами меньшевики,

⁵⁴ Более подробно см. об этом: Ленин В. И. Речь по вопросу о практических соглашениях с с.-р. 23 апреля (6 мая). Полное собрание сочинений. Том 10. Март-июнь 1905. – прим. авт.

эсеры или дашнаки лидирующую роль ленинскому ответвлению российской социал-демократии отдавать не намеревались, тем более что спонсоры конференции одинаково относились ко всем представленным на ней партиям. Из Женевы большевики поспешили напрямик в Лондон, где с 12 (25) апреля по 27 апреля (10 мая) 1905 г. прошел их «собственный» III съезд РСДРП.

Не вдаваясь в подробности причин организационной помощи в проведении большевистского съезда извечными геополитическими соперниками России – британцами, к тому же имевшими союзнические отношения с японцами, можно лишь отметить, что и в Лондоне «прошли» предложения о вооруженном пути борьбы с царизмом. В специальной резолюции «одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент» была названа задача организации пролетариата «для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания». На основе чего съезд поручил «всем партийным организациям» принять «энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым» [19].

Правда, как подчеркивали ораторы, в частности известный большевик Александр Богданов (Максимов), «революционные действия» и вооруженная борьба являются логическим продолжением общеполитической стачки трудящихся [20], т. е. в понимании большевиков до восстания следовало выдержать «паузу», во время которой, по Ленину, с театра русско-японской войны возвратятся войска, что неминуемо приведет к росту крестьянских волнений. А уже вслед за этим, т. е. весной 1906 г., мощный удар по самодержавию оказывался возможным [21].

В любом случае, вопрос о вооруженном восстании был поставлен на повестку дня практически всеми революционными организациями России. Но разве внешние организаторы антиправительственных выступлений в Российской империи намеревались ждать начала решительных действий до озвученного Лениным срока (середина 1906 г.)?

Следовательно, абсолютно не намереваясь сверять часы по Ленину, заинтересованные силы предприняли реальные шаги по вооружению российских революционеров.

По словам П. Миллокова, К. Циллиакус, «несомненно, участвовал, в качестве «активиста», в попытке осуществить, по его же словам, – «глупейший и фантастичнейший, но тогда казавшийся осуществимым» план ввезти в Петербург морем оружие в момент, когда там начнется восстание» [17]. Но все это было вполне реально, поскольку «в подвале большого лондонского книжного магазина Акаси и Зиллиакус устроили

внушительный склад оружия и взрывчатых материалов» (16 тыс. ружей, три тонны бомб, триста пистолетов, три миллиона патронов)? [22].

Тогдашний заместитель, а впоследствии руководитель террористической «боевой организации эсеров» Борис Савинков приводил слова Циллиакуса о поступлении «через него» на «русскую революцию» пожертвований «от американских миллионеров в размере миллиона франков». Причем с условием расходования сумм «на вооружение народа» и распределения оружия «между всеми революционными партиями без различия программ». Согласившись с этим, центральный комитет эсеров «принял пожертвование». На «американские деньги» решено было снарядить «оружием корабль» (в целях доставки груза революционным партиям), «выгружая его постепенно на Прибалтийском побережье и в Финляндии». Оружие и взрывчатые вещества, которые должны быть доставлены до адресатов к сентябрю, «принял» корабль «Джон Графтон», приобретенный на имя норвежского купца в Англии. Наряду с другими важнейшими задачами эсеров («боевой подготовки масс», подготовки квартир «для складов оружия в Петербурге», изыскания возможностей «приобретения оружия в России») отмечалась необходимость «получить от армян, членов партии “Дашнакцутюн” транспорт бомб, нам ими уступленный» [23].

Итак, «Дашнакцутюн», из-за идейной близости которого с савинковцами ряд источников называет его членов «армянскими эсерами» [24], стал одним из важнейших инструментов расшатывания внутренней ситуации в России в бакинском нефтяном регионе. Призывая к увеличению партийных организаций на Кавказе [25], дашнаки намеревались реализовать свою цель посредством «вооруженной борьбы с самодержавием», одновременно поддерживая программу «Кавказский проект» («Проект Кавказской деятельности») по созданию Закавказской демократической республики в составе России как федеративного государства [18].

Следовательно, в ближайшее время Абшерон вновь должен был «взорваться». Но сначала содрогнулась Одесса, что также неудивительно ввиду рассмотренных ранее причин.

Броненосец «Потемкин» и ущерб на 50 млн рублей

Броненосец «Князь Потемкин Таврический», заложенный в 1898 г., был новым и самым мощным военным кораблем русского Черноморского флота. К лету 1905 г. он закончил ходовые испытания, приступив к испытанию орудий. Для этого 12 июня он направился из Севастополя на учебные стрельбы к Тендровой косе, располагавшейся в сотне миль от Одессы. В море броненосец вышел с полным боевым

запасом боеприпасов. К тому времени Одесса свыше месяца была охвачена всеобщей стачкой. В городе, жизнь которого была парализована, находились введенные казачьи части. На этом фоне 14 июня команда броненосца (восставшие матросы) объявила его кораблем революции. Шесть офицеров были убиты, вслед за чем матросы привели броненосец в бастующую Одессу.

В телеграмме на имя царя Николая II командующий войсками Одесского военного округа генерал Семен Каханов сообщал, что 15-го июня собравшаяся у броненосца толпа в несколько тысяч человек постепенно «начала грабить на одной из пристаней порта пакгаузы», поджигая их. С наступлением темноты в сторону войск полетели разрывные бомбы. В течение всей ночи толпа, «как со стороны города, так со стороны порта», пыталась «надвигаться на войска», но рассеивалась выстрелами.

По горячим следам «Санкт-Петербургский вестник» сообщал, что в результате беспорядков, приведших к пожару в порту, сгорело три незастрахованных парохода Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), «огнем уничтожено портовое управление, пакгаузы», лесные товарные склады многих частных владельцев; «горят товары выгруженных иностранных пароходов». Пожарные команды на тушение допущены не были, да и действиям погромщиков никто не препятствовал до вечера.

При этом цензура «пропускала» не всю информацию о происходящем в Одессе. В частности, не увидели свет ряд сообщений Российского телеграфного агентства о сожжении всей эстакады в порту и вокзала Одесса-порт; о получении многими торговыми фирмами от своих отделений в Одессе уведомлений о невозможности продолжать дела.

И в этот момент происходит неожиданная развязка. 18 июня, покинув рейд, «Потемкин» двинулся по направлению к Румынии: возникла-де нужда в продовольствии, воде и угле. После ряда проволок, 25 июня экипаж броненосца сдался румынским властям на предложенных ему условиях.

Даже беглый анализ всех этих событий показывает, что они происходили по задуманному сценарию. Это подтверждается (в том числе) заметками С. Каханова, со слов которого разгонять толпу в порту с помощью войск было невозможно из-за опасности подвергнуть их «амфиладному обстрелу орудиями броненосца». Открывать же огонь по толпе было нежелательно, так как под обстрел попадал броненосец, а С. Каханов владел информацией, что в таком случае с «Потемкина» «будет немедленно» начата бомбардировка Одессы.

В связи с этим исследователи обращают внимание на попытки лидеров толпы спровоцировать выстрелы со стороны войск в ее сторону, что

привело бы к огню в направлении броненосца. Такое развитие событий повлекло бы непредсказуемые последствия, так как команда корабля намеревалась в ответ бомбардировать город [26]. Отсюда следует, что бунт на корабле, имевшем огромное количество вооружения, был неслучаен.

Организованный характер акции на «Потемкине» подтверждается и беспроблемным его отходом из Одессы вслед за нанесением ему большого материального ущерба. Поэтому можно предполагать, что одной из основных причин такого бунта на броненосце, приведшего его в бурлящую Одессу, было намерение еще больше дестабилизировать ситуацию в важном для экономики России городе. Причем в числе первых пострадавших оказался порт, игравший значительную геостратегическую роль для России, финансовый убыток которого составил почти 50 млн рублей.

Ну а следом наступил черед августовских пожаров на промыслах в нефтяном Баку, устроенных во время мирных российско-японских переговоров при посредничестве Белого дома, проходивших в американском Портсмуте с 9 августа 1905 г. При этом, по словам А. Керенского, «посредничество» американского президента Теодора Рузвельта «в действительности носило несколько курьезный характер», так как он, будучи на стороне Японии, в ходе переговоров «порой был более японцем, чем сами японцы» [27]. Россия же к середине августа заняла в Портсмуте довольно жесткую позицию, что означало затягивание переговоров. Вот режиссеры и решили поспособствовать обострению «нефтяной» ситуации в Баку, чтобы вынудить Петербург согласиться с выгодными Западу решениями.

Пожары на нефтепромыслах

Обстановка на Абшероне дестабилизировалась посредством актуального во все времена межнационального фактора, причем на этот раз в Карабахе. 18 августа 1905 г. «началась армяно-татарская резня в Шуше». В этот день в Шушинском уезде произошли «кровавые столкновения» между армянами и азербайджанцами [28].

Однако официальное Российское телеграфное агентство сообщало, что еще 16 августа армяне Шуши «внезапно напали на мусульман, живущих и торгующих в армянской части города», вырезав «всех их». Следом «армяне подожгли» целый поселок «в 40 домов у Эриванских ворот». Мусульмане численностью в 100 человек, «имея во главе бывшего владетельного хана и председателя комитета по умиротворению Джеванширского уезда», направились в «армянскую часть» для

успокоения населения, но «армяне, напав на них, ранили многих, а остальных взяли в плен» [9/6].

Все дороги в Шушу были перерезаны, и азербайджанцы остались без связи с внешним миром, испытывая нужду в продовольствии. Однако И. Воронцов-Дашков отказался принять в Тифлисе делегацию в составе шейхуль-ислама, муфтия и др., фактически санкционировав дальнейшее нагнетание обстановки. Избавить карабахских азербайджанцев от голода удалось лишь благодаря вмешательству известного азербайджанского нефтепромышленника, мецената Гаджи Зейналабдина Тагиева. Получив телеграммы из Шуши, он, будучи действительным статским советником, поставил И. Воронцова-Дашкова в известность о направлении им голодающим шушинцам продовольствия. Единственная его просьба наместнику заключалась в обеспечении безопасности людей и груза, в связи с чем к каравану был приставлен отряд солдат [29].

Вполне очевидно, что указанная информация доходила до Баку, вызывая недовольство коренных жителей, и даже небольшой инцидент мог привести к кровопролитию. Естественно, повод не заставил себя ждать. Как это часто случается во время межнациональных столкновений, на первый взгляд все произошло довольно случайно. Однако дальнейший ход молниеносно развернувшихся событий однозначно свидетельствует, что факт армяно-азербайджанского противостояния был ожидаем.

В исторической хронологии развитие ситуации выглядит следующим образом. В середине августа в Баку забастовали водители конок (предшественник трамвая), большинство из которых были армяне. Власти обеспечили работу этого вида общественного транспорта, посадив на места забастовщиков солдат [10]. 20 августа трое армян обстреляли конку, убив солдата-кучера. В перестрелке с преследовавшими их казаками [9/6] были убиты правившие конкой солдаты и нескольких азербайджанских пассажиров. Одновременно из армянской церкви послышался печальный колокольный звон, будто послуживший для лавочников-армян сигналом к открытию стрельбы по азербайджанцам. Из окон армянских домов полился дождь пуль, причем жертвами их оказывались не только азербайджанцы, но и русские, грузины; убивали всех попадавших под руку – водоносов, извозчиков [10]. Московская газета «Русское слово» лаконично сообщила: «20-го августа в Баку началась стрельба между татарами и армянами; есть убитые» [30].

Затем постепенно начали возгораться нефтепромыслы и город оказался во власти стихии и огня. Ранним утром 24 августа нефтепромышленники получили депешу о том, что площади «Балаханы, Сабунчи, Романинская, выгорели», а «Биби-Эйбат весь горит». Отмечая

наличие грандиозного пожара «в самом городе Баку», корреспондент одной из центральных газет отмечал его начало «по отдельным местам, очевидно, от поджогов» [31].

26 августа 1905 г. член городской управы г. Одессы Павел Котляревский отметил, что «нечто ужасное» происходит в «государстве нашем», находящемся «в полном разгаре» внутренней войны. Вслед за чем упомянул о сожжении «в Баку и его окрестностях» всех нефтепромыслов и складов. Спустя пять дней он записал, что на Кавказе «сожжена вся нефть, нечем топить фабрики» [32]. «Баку горит», – отметил в своем дневнике известный русский живописец, историк искусств Александр Бенуа [33]. Промыслы «превратились в груды развалин, усеянных человеческими трупами и дымиющимися обломками еще вчерашнего богатства» [34].

Кроме того, как и при декабрьских событиях 1904 г., когда перебои в работе нефтепромыслов нанесли ущерб другим отраслям промышленности России, августовские беспорядки привели к проблемам во многих российских регионах. В Тифлисе резко поднялась цена мазута, бензина и керосина, как только было объявлено, что городского запаса горючего осталось «лишь на несколько дней». «Прекратились всякие сделки с нефтяными продуктами» в Москве и Нижнем Новгороде, откуда 26 августа съезд судовладельцев направил в Министерство финансов России телеграмму о том, что «совершающееся истребление имущества бакинских нефтепромыслов разоряет волжскую судопромышленность», угрожая «полной остановкой пароходству, фабрикам и заводам Волжского района»; и при «нынешнем неурожае» сотни тысяч служащих по пароходству и фабричных рабочих «останутся без хлеба» [35].

И вот здесь возникают вполне резонные вопросы. Каким образом межэтнические столкновения в Баку переросли в поджоги нефтяных вышек? Кем это было осуществлено? Во имя чего? По поводу этих вопросов выдвигаются различные версии, наименее правдоподобная из которых – это поджог нефтепромыслов как результат межнационального противостояния. Но тогда кто непосредственно этому способствовал? Азербайджанцы? Отдельные структуры власти? Социал-демократы (различных мастей) или иные революционные партии, включая «Дашнакцютюн»?

Реален ли азербайджанский след?

Вполне естественно, что «обвинения» в происшедшем могут пасть на азербайджанскую сторону. Л. Виллари, упоминая о превращении Баку «в два военных лагеря», отмечает, что «как только распространились слухи о стычках» в городе, массы азербайджанцев направились в сторону

Балаханов и Раманов, где к ним присоединились сельские жители. В ожидании нападения «армяне заняли оборонительные позиции».

Допустим, азербайджанцы действительно настроились отомстить армянам, решив двинуться в места их проживания. Но ведь по Виллари это привело к иному результату, а именно к поджогу ими балаханинских и раманинских нефтепромыслов, принадлежащих «армянским компаниям»: когда «деревянные, пропитанные нефтью вышки вспыхивали как спички», а огонь перекинулся на близлежащие здания, распространившись «на другие промыслы» [36].

То есть получается, что азербайджанцы, решив наказать армян, пошли на подобную акцию для нанесения экономического ущерба армянским предпринимателям? Но она требовала бы четкой подготовки. А разве в то время в азербайджанской среде существовали организации, способные отработать и искусно реализовать такой сценарий?

Здесь стоит обратить внимание на замечания ряда исследователей о том, что к 1905 г. социальные верхи Азербайджана не сформировали ни политических партий, ни даже политических программ. А по-другому и не могло быть, коль азербайджанцы были практически отстранены от общественно-хозяйственной жизни России, не имея возможности занимать значимые должности в государственных учреждениях.

Кроме того, абсолютное большинство жителей России, за исключением переселившихся в Закавказье, никаких азербайджанцев в глаза не видело. Они были для них «чужими», с непонятным образом мышления и чуждыми убеждениями. Именно по этим причинам не появлялись «свои» Лорис-Меликовы и Лазаревы у азербайджанцев. Непосредственно же весной-летом 1905 г. азербайджанская буржуазия ограничивалась исключительно мирными, легальными методами буржуазно-либерального движения: подачей петиций, посещением тех или иных представителей царской администрации, выступлением на страницах печатных органов.

Мартовское 1905 г. совещание представителей азербайджанской буржуазии и буржуазной интеллигенции только лишь подчеркнуло необходимость осуществления реформ на Кавказе, изложив их по пунктам в петиции. Из этого документа следует, что мусульмане принимали ограниченное участие в общественно-хозяйственной жизни края, имели право на менее чем половину гласных в органах городского самоуправления, не допускались к высшим должностям в государственных ведомствах и к педагогической деятельности, а также ограничивались в выборе занятий свободными профессиями; азербайджанские студенты были лишены возможности пользоваться казенными стипендиями и не принимались во многие высшие учебные заведения. В петиции отражались и другие нарушения прав

азербайджанцев: невозможность свободно проживать, приобретать недвижимую собственность, заниматься торговлей в ряде местностей; лишение их сословных прав русских дворян и купцов. Вместе с этим в ней ставился вопрос представительства мусульман «во всех законосовещательных, законодательных и др. учреждениях представительского характера, которые будут образованы в Империи», о праве занятия ими без ограничений должностей на государственной службе и общественном поприще. В одном из пунктов содержались требования демократического характера: распространение на азербайджанцев свободы совести, слова, печати (на русском и родном языках), собраний и союзов; неприкосновенности личности и жилища; введение всеобщего обязательного и бесплатного начального образования с преподаванием на родном языке и т. д.

Одновременно наместнику были направлены прошения об утверждении уставов Мусульманского благотворительного общества и Общества распространения грамотности среди мусульманского населения Кавказа.

Вместе с тем, азербайджанская буржуазия с восторгом встретила сообщение о подготовке к введению земств, видя в этом возможность добиться самоуправления краем, самостоятельности в решении местных вопросов. Состоявшееся 17 августа 1905 г. первое совещание по организации земских учреждений в Бакинской губернии назначило проведение уездных совещаний на 28 августа, запланировав проведение в Баку в сентябре губернского совещания. Делегаты на него были избраны 19 августа на встрече гласных Бакинской городской думы; их утверждение планировалось на заседании гордумы 22 августа [37].

Так что азербайджанская буржуазия и интеллигенция в преддверие августовских событий в Баку решали задачи, которые никак не могли рассматриваться как подготовка к беспорядкам. Азербайджанские организации не рассматривались Западом в качестве силы для борьбы с самодержавием, а в большевистской среде азербайджанцы практически отсутствовали. Организация «Гуммет» не играла какой-либо значимой роли среди пролетариата, и форпостом большевиков Баку являлись русские и армянские рабочие, представляя наиболее «идейно подготовленный» слой для антиправительственных акций.

Но если рабочие-мусульмане вдруг занялись поджогом нефтепромыслов, принадлежащих, как пишет Л. Виллари, «армянским компаниям», тогда какие силы их направляли? Открытая информация на этот счет отсутствует, поэтому серьезные исследователи могут давать лишь собственные оценки ситуации. Однако здесь возникает вопрос: есть ли в произошедшем поджоге «мусульманский след»?

Персидский фактор

Ахмед Ахмедов, военный инструктор ЦК КП Азербайджана, один из инициаторов создания Азербайджанской социалистической партии в 1925 г.⁵⁵, исследуя рассматриваемый период, отмечал, что среди мусульман-рабочих Баку «больше всего было персидских тюрков, массами приехавших из разоренной и опустошенной Персии». К 1903 г. их численность составляла свыше 50% всех рабочих мусульманского вероисповедания. Ими заполнялись ряды горнорабочих, а в заводском районе укомплектовывались разряды наиболее тяжелых и вредных работ. По его словам, «персы представляли собой массу бесконечно забитую, жалкую, темную, неграмотную и невежественно-фанатичную», к тому же лишенную всякого «национального самосознания и считающую себя частью единой персидской нации» [38/а]. Поэтому неслучайно Кавказское горное управление рассматривало персидскоподданных рабочих («в особенности») как весьма благоприятный элемент «для эксплуатации их нефтедобывателями» (из-за собственной «некультурности») [39].

Следовательно, революционное движение было чуждо этой категории рабочих – им просто было не до него. Но были ли они застрахованы от того, чтобы не поддаваться агитации своих соотечественников для участия в каких-либо акциях? В связи с этим некоторые исследователи утверждают, что незадолго до августовских событий в Баку проникли их религиозно настроенные земляки из Персии. Так, очевидец событий Абас Айвазов отмечал, что «заметил» во время событий «много каких-то пришельцев, по-видимому из селений и Персии» [40].

В тот период жители Персии без проблем могли проникать в Азербайджан. Еще в 1889 г. подданным этой страны – жителям северозападных пограничных местностей – был разрешен въезд в пределы Российской империи без консульской визы и уплаты каких-либо сборов. Такой режим благоприятствовал относительно беспрепятственному переходу персов через границу. Однако не исключались случаи их переправки в обе стороны тайком, без всяких пропускных свидетельств [41].

Конечно, наличие значительного персидского фактора в Баку в разгар августовских беспорядков налицо. Мало того, в рассматриваемый период здесь, по-видимому, появились и вновь прибывшие из Персии. Но если заинтересованные в явном обострении обстановки в Баку силы стравили армян и азербайджанцев, тогда почему в поджоге обвинили персов, причем направленных сюда ради этого из Персии?

⁵⁵ Расстрелян в 1928 г. – прим. авт.

А. Ахмедов отмечал, что, несмотря на общность языка, наречия и религии, персидские и закавказские турки «сильно чуждались друг друга», а «персидский выходец» с «большим недоверием» относился к местному тюрку. «Хотя обе эти группы в общей сложности представляли единую нацию азербайджанских тюрков», сложившиеся исторические обстоятельства установили между ними «значительную разницу касательно их психологического уклада, степени осознанности, культурности и т. д.» [38/6].

С учетом вышеизложенного допустим, что выходцы из Персии действительно совершили поджог. Но ведь кто-то подтолкнул их к этому?

Власть предержавшие?

Нуждались ли в таком развитии событий высшие круги? Реанимированное после февральских беспорядков Кавказское наместничество позволяло властям довольно оперативно влиять на обстановку в этом регионе различным способом. Кроме того, увидев, что армянское движение является основным дестабилизационным фактором в прикаспийском регионе, центр сделал немаловажные уступки в его пользу. В частности, 1 августа 1905 г. Николай II подписал указ о возвращении армянской церкви конфискованного имущества. Одновременно дозволялось вновь открыть армянские национальные школы. Наличие даже двух этих моментов однозначно свидетельствуют о нежелании центра опустить очередное обострение обстановки в регионе.

Однако читатель может предположить, что ставленники Петербурга на местах по тем или иным причинам были заинтересованы в дестабилизации обстановки в Баку. Это не исключено, но если речь идет об И. Воронцове-Дашкове, вряд ли ему нужны были поджоги. М. Сулейманов, упоминая о частых стычках из-за земли в абшеронских селениях Балалаханы, Сабунчи, Раманы, Биби-Эйбат, Бинагади, порой доходящих до суда и кровопролития, отмечает, что в таких случаях местные власти, воспользовавшись предложением, передавали землю, «из-за которой разгорелась драка», в царскую казну или продавали ее с молотка. Так вот, нефтеносными участками нередко завладевали «приближенные к царской фамилии» лица, вследствие чего И. Воронцов-Дашков «стал хозяином богатого промысла» в Балаханах.

В связи с этим М. Сулейманов, с сарказмом говоря о предположении бакинцев, что в свете августовских событий наместник Кавказа «пожаловал» в город «для наведения порядка», упоминает о полном отсутствии у него интереса к тяжелому положению

нефтепромысловиков, невыносимым условиям их жизни и работы, по той простой причине, что он «прямоком» направился «на свои личные промысла», дабы осведомиться «о нанесенном ущербе», вслед за чем сразу вернулся в Тифлис [29]. Значит, И. Воронцову-Дашкову вряд ли была нужна дестабилизация в Баку путем пожаров, поскольку у него здесь были свои нефтепромыслы.

Но почему тогда не вмешивались в беспорядки военные и полиция? Тот же А. Айвазов, говоря о помощи «в спасении вещей грузину Лолуа» во время армяно-азербайджанского столкновения, отмечает, что он обратился к 10 солдатам, причем даже с обещанием им «25 руб. вознаграждения». Но «они ни вещей не спасали, ни грабителям не препятствовали», повторяя: «Не приказано нам разгонять». При желании войска могли прекратить погромы «моментально», в «самом же начале» и даже «не допустить» до них. Но они «толп хулиганов не разгоняли», лишь «безучастно» наблюдая за происходившим. Полицейских «на месте происшествия» вовсе не было видно [40]. (Отметим, что описание бакинских событий совпадает с ситуацией во время еврейского погрома в Кишиневе в 1903 г.).

В продолжение вышесказанного можно привести сведения Л. Виллари о том, что до «вспышки насилия» бакинский генерал-губернатор Семен Фадеев (Фаддеев) роздал около 16 тысяч разрешений на ношение оружия за своей подписью. Правда, по словам Виллари, Фадеева не обвиняют в провоцировании столкновения, но он «не предпринял необходимых мер» в целях предотвращения беспорядков, хотя «личный состав городского гарнизона был увеличен до шести тысяч человек» [36].

В общем-то, данные моменты можно рассматривать как один из вариантов организации событий, однако в реальности не исключен и их «обыденно-бытовой» аспект. Например, министр внутренних дел России с 1906 г. Петр Столыпин просто-напросто считал С. Фадеева слабым руководителем, который неудовлетворительно вел работу. Он подчеркивал, что «несмотря на ежедневные грабежи и убийства, полиция крайне небрежно относилась к своим обязанностям, а генерал Фадеев, осведомляясь об этом, лишь ссылаясь на скорое назначение градоначальника». Даже «наружная полицейская служба не осуществлялась», в связи с чем «можно было заметить полное отсутствие чинов полиции на улицах» [42]. Т. е. в действиях того же С. Фадеева в период обострения обстановки в Баку вполне может усматриваться абсолютный непрофессионализм.

С другой стороны, местные власти явно работали во взаимопонимании с нефтепромышленниками, имея, к тому же, устойчивые позиции и в рабочем движении. Так что власть, ни в центре, ни на местах, не могла быть тогда заинтересована в нанесении удара по нефтяной

промышленности Российской империи. Кроме того, если в феврале Петербург явно подтолкнул армяно-азербайджанскую резню, чтобы направить «месседж» армянскому движению, в августовских событиях данный почерк не просматривается, хотя советская историография и утверждала обратное.

Правда, некоторые наблюдатели задаются вопросом: не были ли пожары на промыслах делом рук большевиков? Однако выше уже было сказано, что хотя III съезд РСДРП выдвинул идею вооруженного восстания, реализовать ее предполагалось путем политической стачки по всей России. Но даже и в этом большевики еще не до конца были уверены в собственных силах. Так, на съезде знаменитый большевик Анатолий Луначарский признавал, что работа по организации всеобщей стачки и единовременных вооруженных демонстраций во всех промышленных городах России «кажется безусловно превосходящей наши силы». Однако это обеспечит «нам все новых товарищей, все новые методы, все новые средства» [20].

Так что обвинения большевиков в организации пожаров являются бездоказательными. Тем более что «социал-демократы, главным образом из числа русских рабочих», агитировали, прежде всего, «в пользу гражданских свобод и улучшения положения рабочего класса» [36]. К тому же ленинцы тогда еще не были зрелой политической партией, имеющей значительное влияние на рабочих. Характеризуя январскую (1905 г.) стачку на Путиловском заводе в Петербурге, Ленин отметил ее «чисто стихийное» начало, хотя и оценивал как одно из «наиболее величественных проявлений рабочего движения» [43]. Но все дело в том, что данная стачка была устроена властями через созданную «зубатовским» методом организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» для отстаивания исключительно экономических требований. Правда, нам здесь интересен не столько этот факт, сколько ленинское признание о том, что лишь с переходом путиловской стачки на политические рельсы в движении «попытались принять участие (хотя, кажется, очень еще слабое) местные социал-демократы» [44].

Таким образом, в 1905 г. большевистская партия еще не имела значительного авторитета в массах, чтобы руководить рабочими. Другое дело, что те же большевики (или социал-демократы в целом) блестяще могли воспользоваться последствиями бакинских событий, демонстрируя себя «своими» для рабочего класса. Но здесь вновь возникает вопрос: кто же тогда был лидирующим звеном?

Ловкая провокация даиначков?

Современный российский исследователь Сурен Манукян пишет, что «провоцируемые царскими властями» армяно-азербайджанские столкновения «служили средством отвлечения дашнаков от активного революционного движения» [44]. То есть, вполне справедливо указывая, что основной силой в «армянском движении» были дашнаки, ответственность за межнациональное противостояние в Баку он возлагает исключительно на Петербург. Действительно, центр, вследствие определенных причин, видел угрозу самодержавию (в том числе) в деятельности «Дашнакцутюн», а потому и устроил в феврале армяноазербайджанскую резню.

Однако приведенные выше факты ясно свидетельствуют о совершенно иной подоплеке, предшествовавшей августовской фазе межнационального столкновения. Здесь сложно согласиться с утверждением С. Манукяна, что Петербург вынуждал «Дашнакцутюн» «вместо осуществления своих программных задач прилагать усилия для организации защиты своих единоплеменников» [44]. Ведь дашнаки не просто провозгласили целью антиправительственную деятельность, но и приступили к ее осуществлению: поддержав идеи Женевской конференции российских оппозиционных партий, они стали главным проводником дестабилизационного плана Запада в направлении Баку. К тому же им перепала немалая часть пожертвований на «русскую революцию» из Вашингтона, в чем не возникает никаких сомнений, поскольку, по признанию Б. Савинкова, американцы давали деньги на условии их распределения между всеми революционными партиями. Следовательно, свою долю для приобретения оружия «Дашнакцутюн» получил.

Поэтому представлять дашнаков обороняющейся стороной, обеспечивающей «защиту» армянского населения, как о том утверждает С. Манукян, просто-напросто неисторично. Например, большевик Филипп Махарадзе отмечал, что в распоряжении «Дашнакцутюн» имелись «подготовленные боевые силы», в то время как азербайджанцы «организационно совершенно не были подготовлены» [45]. Потому армянская сторона преследовала далеко не оборонительные, а наступательные цели. Что и проявилось в двадцатых числах августа 1905 г.

Другое дело, что создаваемая на Абшероне обстановка была направлена на нанесение ущерба нефтяной промышленности Российской империи. Следовательно, внешним инициаторам «проекта» необходимо было продумать внутренний сценарий разгрома нефтяной инфраструктуры. Не исключено, для его реализации был использован «персидский» фактор, предварительно усиленный вновь прибывшими из Персии.

Но читатель заинтересуется, как именно данный контингент мог быть поднят на «борьбу за свои права». Мы ответим, что, возможно, путем обычной «оперативной комбинации». И вспомним, как внезапно началась атака дашнаков на азербайджанских жителей Шуши, незаметно переметнувшись в Баку, где как по команде возникла стрельба по конке, после чего в бой была брошена «тяжелая артиллерия» в лице находившихся на заработках в Баку и проникнувших в город персов. Каким образом? Абсолютно беспроblemным. В ночь на 22 августа «армяне со стороны дворов проникли в лавки, принадлежащие персидским мусульманам, и разграбили их» [10], вслед за чем в дело вполне мог вступить «пришлый» персидский «элемент», приняв на себя роль исполнителя ответных антиармянских мер и призывая действовать вместе с азербайджанским населением. При грамотном же управлении возникшей смутой можно было легко устремить озлобленную толпу на нефтепромыслы, для верности сообщив ей, что большинство нефтепромышленников армяне, а также призвав еще и «наказать богатеев».

И тут как тут появляются «соседние» силы, заинтересованные в погроме (причем они могут выступать вместе, но при этом независимо). Так, согласно ряду источников, механизм августовского армяноазербайджанского столкновения привела в действие чья-то «невидимая рука». «Чины полиции», сообщив азербайджанскому населению о планируемой армянами резне, «настойчиво советовали опередить» их. Одновременно поползли слухи о готовности армян напасть на мечети, перебить всех мулл и начать резать там свиней [9/a], что вполне могло спровоцировать призывы к «священной войне».

Не исключено, что кто-то опять заподозрит власти в сознательном разжигании межнациональной розни. Да, отдельные представители правоохранительных органов действительно пытались в очередной раз наказать представителей «армянского движения». Но есть ли гарантия, что этим они и ограничились? Автор уже отмечал, что обстановка в том или ином регионе не может быть дестабилизирована лишь извне, без участия внутренних сил, включая представителей власти. Поэтому вполне вероятно, что кто-то из них мог быть использован «втемную», а кто-то – выполнять приказы задействованных в оперативной игре высокопоставленных чинов из центральных или местных органов власти.

В любом случае, армянское движение четко вело свою линию. По сообщению московской прессы, с раннего утра 26 августа представители азербайджанской и армянской общественности, «собравшись у генерал-губернатора, порешили во главе с духовенством, обойти город и уговорить армян и мусульман не стрелять друг в друга». Однако «при обходе» к ним «присоединялись мусульмане, армяне же подойти не хотели» [46].

Отсюда следует, что ничего сверхъестественного в возникновении пожаров на нефтяных площадях нет, как и в сожжении «под шумок» «объектов» российских «иностранных» – Нобеля и Ротшильда. В свете чего вполне реальной представляется следующая схема обострения обстановки в Баку в августе 1905 г. (во исполнение замыслов Запада по свертыванию нефтедобычи на Абшероне): организация «армянским движением» антиазербайджанских выступлений в Нагорном Карабахе – их перенос на Баку с последующей армяно-азербайджанской резней – нападение дашнаков на рабочих-персов – поднятие их на ответные антиармянские акции, когда под вброшенным в толпу лозунгом, скажем, «джихада против неверных» вся эта масса тут же устремилась «для отмщения» к «армянским» (христианским) промыслам.

К слову, фактор религиозной идентичности использовался ведущими странами мира в различных регионах. В том же 1905 году британцы разделили Бенгалию на две самостоятельные провинции по конфессиональному признаку: в одной большинство населения составляли индусы, в другой – мусульмане, что в перспективе вело к противостоянию между ними.

Забегая хронологически вперед, также отметим, что этот фактор использовали и большевики после их прихода к власти в России. Так, состоявшийся в Баку в 1920 г. I-й съезд народов Востока призвал всех мусульман мира к коммунистическому джихаду, а именно к борьбе против геополитических конкурентов в лице Великобритании, причем на основе «священной войны», газавата (так написано в тексте принятого съездом документа!). Но об этом ниже.

Здесь возникает очередной вопрос: неужели дашнаки, как бы они ни желали нанести ущерб самодержавию, могли пожертвовать своими соотечественниками? По свидетельству В. Маевского, «армянские организации (служившие идее создания возможно большей смуты на возможно большем пространстве) проявили столько бесчеловечности и жестокосердия по отношению своих же братьев-армян», что приходилось «прямо сомневаться в существовании у них каких бы то ни было человеческих чувств вообще» [6].

Мало того, антиармянские (!) акции самих же дашнаков умело преподносились ими как результат действий азербайджанской стороны. Согласно одному из жандармских донесений, армяне, «как народ, знающий способы приемов революционной борьбы», даже будучи «нападающей на мусульман стороной», ловко «маскировали это и свою враждебность к правительству», убеждая «агентов его», что имевшее место «есть результат проявления панисламизма», проникшего в край «из соприлегающих мусульманских государств». В этом же духе были написаны «статьи и в армянской прессе» [47]. Данное свидетельство

сотрудников охраны имеет немаловажное значение для оценки происшедшего. Кроме того, оно демонстрирует, каким образом реальные режиссеры и исполнители плана по нанесению ущерба нефтяной промышленности России могли остаться в тени.

Но факт остается фактом. Во исполнение решений Парижской и Женевской конференций «Дашнакцутюн» вполне мог справиться с отведенной ему ролью в многоэтапной операции по нанесению значительного удара по российскому самодержавию посредством ослабления нефтяного потенциала России.

Бакинские пожары и ослабление нефтяных перспектив Российской империи

В августе 1905 г. Российская империя получила на Абшероне сильный удар по своим политико-экономическим перспективам. Умелые совместные действия внешних и внутренних сил привели к падению добычи нефти в стране и резкому сокращению экспортных возможностей России в нефтяном секторе. За несколько дней августа Баку лишился около 60% всех эксплуатационных скважин. Было уничтожено «промыслового имущества на десять миллионов рублей» [48]. В докладной записке на имя министра финансов Российской империи бакинские нефтепромышленники упоминали об утере «не менее трех четвертей своего промыслового имущества», в корне подорванного, «сожженного, испорченного или похищенного» [49].

Вследствие постигшей Россию нефтяной катастрофы Петербург был вынужден принимать все возможные меры для скорейшей стабилизации в стране. Поэтому вполне логичным выглядит мирный договор, подписанный 5 сентября 1905 г. по горячим «пожарным» следам между Россией и Японией, по которому Петербург уступил Токио аренду Порт-Артура, Дальнего и прилегающих территорий; Южно-Маньчжурскую железную дорогу от Порт-Артура до Чаньчуня; южную часть Сахалина с прилегающими островами. Правда, внешне Россия пыталась сохранить лицо. Так, накануне заключения договора глава российской делегации С. Витте в телеграмме Николаю II сообщал о согласии Японии принять «Ваши требования относительно мирных условий», в свете чего «мир будет восстановлен благодаря мудрым и твердым решениям» государя, «в точности согласно предначертаниям Вашего Величества». «Россия останется на Дальнем Востоке великой державой, – резюмировал С. Витте, – каковую она была доднесь и останется вовеки» [50]. В реальности же Россия потерпела сокрушительное геополитическое поражение, хотя ущерб (во всех смыслах) от «нефтяных» пожаров и затмил этот факт.

На XXI экстренном съезде нефтепромышленников подчеркивалось: беспорядки, забастовки, «резня и пожары, уничтожение больше половины промыслов в августе» способствовали созданию «той гнетущей обстановки, в которой находится нефтяная промышленность и поныне, совершенно выбитая из обычных норм». Столь «удивительное сочетание на протяжении одного года целой серии бедствий, разразившихся» над бакинской нефтяной промышленностью, вызвали «сокращение добычи и переработки нефти» [51]. Если до августа 1905 г. ежемесячная добыча нефти колебалась в пределах от 45 до 60 млн пудов, в сентябре она составила всего 2 млн (против почти 33 млн в первые 20 дней августа). В ноябре она увеличилась до 26 млн пудов, к декабрю упав до 18 млн. В 1904 г. общая добыча нефти на бакинских промыслах составила 617 млн пудов, но в течение первых 8 месяцев 1905 г. она лишь превысила 350 млн пудов, а за 1905 год составила «всего 414 млн пудов» на «всех шести площадях Апшеронского полуострова» [52–54].

Всю осень промыслы и заводы практически не работали, поэтому почти не заключались сделки, кроме «чисто случайных и незначительных по размерам». Ввиду такой ситуации нефтепромышленникам требовалась весьма значительная правительственная ссуда. Однако надежды на то, что отсрочка казенных платежей в связи с выдачей ссуд на восстановление промыслов и заверения банкиров о том, что кредиты успокоят торгово-промышленный класс, не оправдались. Выдача ссуд затянулась, и до января 1906 г. лишь семнадцать фирм получили около 250 тыс. руб., что не очень облегчило положение нефтепромышленников [52].

По сообщениям прессы того времени, на 1 января 1906 г. «общий итог запасов нефтяных товаров в Бакинском заводском районе» не превышал 35 млн пудов, тогда как в предшествующие годы к этой дате «имелось свыше 100 млн пудов» [55]. Вполне естественно, что такая обстановка привела к обвалу экспорта. По данным департамента таможенных сборов, вывоз из России нефти и ее продуктов сократился в 1905 г. до 55589 тыс. пудов (против 103201 тыс. в 1904 г.). Стоимость вывоза за тот же период упала с 50612 тыс. рублей до 27762 тыс. Керосина же в 1905 г. было вывезено всего 41 млн пудов на сумму 19400 тыс. рублей [53]. Как писала в те дни газета «Русь», «беспорядки зрели исподволь, создалось разбойничье гнездо», поджигавшее промыслы. А «нефть горит – горят миллионы», так как «в казну ежегодно от бакинских промыслов поступало 100 млн рублей» [56].

Возвышение «Стандард Ойл»

В результате таких событий пустующие на мировых нефтяных рынках ниши были всерьез и надолго заняты геополитическими соперниками России.

Так, «Стандард ойл» Джона Рокфеллера вернула под свой контроль дальневосточный регион. Это было вполне ожидаемо, поскольку, как писала тогда пресса, для «Стандард ойл», являвшейся «перворазрядным предприятием», представлялось в «высшей степени» необходимым «захватить азиатские рынки», имеющие для нее «большее значение, чем европейские». Ведь «конкуренция на последних» – не более, чем итог «борьбы на азиатских нефтяных рынках» [57]. К тому же во время русско-японской войны ввоз керосина в Японию и так «ограничивался, очевидно, водами Тихого океана (из США)» [58].

В кратчайший срок США стали ведущим внешнеторговым партнером Японии. Экспорт американских товаров в Японию за 1905 г. вырос в 2,5 раза по сравнению с довоенным 1903 г. Одной из основных экспортных позиций, наряду с боеприпасами и оружием, было горючее [59]. Экспорт из США в Японию в 1905 г. составил 21,5% совокупного японского импорта, тогда как в 1900 г. он не достигал и 10%. Американский капитал надолго закрепил за собой некоторые экспортные позиции, захваченные в годы войны. США увеличили экспорт промышленных изделий как в Японию, так и в Китай, где после войны резко сократился русский импорт нефтепродуктов. Место российского керосина занял американский [60].

Что касается экспорта русского керосина в Японию, если в 1904 г. он составлял 1,1 млн, то к 1907 г. снизился до 0,4 млн [61]. На это, правда, повлиял не только наплыв дешевого американского керосина, но и высокие железнодорожные тарифы на его доставку из России в связи с потерей Петербургом возможности эксплуатации южной ветки КВЖД до ст. Дальний (Далянь) в результате подписания Россией Портсмутского мира. Как ранее отмечалось, Великий сибирский рельсовый путь (ВСРП) позволял, в сравнении с маршрутом через Суэцкий канал, сократить сроки доставки нефтепродуктов на Дальний Восток. Пост-итог же русско-японской войны, лишив Петербург такого экономического преимущества, сыграл на руку Вашингтону.

Согласно информации, просочившейся в тот период в прессу, сложившаяся обстановка позволила доверенному Дж. Рокфеллера заявить С. Витте о том, что «нефтяной король, а также синдикат банкиров готовы оказать России крупное финансовое содействие в случае надобности» [62]. Так что не кто иной, как сам Джон Рокфеллер, не сумевший добраться до «черного золота» Баку и стремительно уступавший России целые ниши мировых нефтяных рынков на рубеже XIX–XX вв., вдруг спокойно предложил Петербургу кредитную линию. Понятно, что дело здесь не в его щедрости, а в игре по неписанным

геополитическим правилам, когда помощь вчерашнему противнику предлагается после отправления его в нокаут. Похороны нефтяных перспектив России, в том числе на Дальнем Востоке, где Петербург потерпел политико-экономическое поражение, совпали с восстановлением утерянных было позиций «Стандарт-империи», что вполне позволяло Дж. Рокфеллеру начать с Россией игру во взаимопонимание.

После разгрома российской нефтяной промышленности Запад спокойно воспринял информацию об открытии 16 (29) октября 1905 г. регулярного движения пассажирских поездов (по рельсам, без использования паромных переправ) от берегов Атлантического океана до берегов Тихого океана (до Владивостока) [63].⁵⁶ Да и последовавший в 1906 г. полный ввод в эксплуатацию керосинопровода Баку – Батуми западным геоконкурентам России был не страшен.

Таким образом, русско-японская война, в разгар которой Запад умело подогрел революционное движение в России, привела, через пожары на бакинских промыслах, к «нефтяному» знаменателю, выгодному «Стандарт Ойл». Тем самым крупнейшая геополитическая «разборка» за «дележ мира» (по Ленину) с участием «керосинового треста» Дж. Рокфеллера, планировавшего «захватить все», разгромив своего главного врага «Шелл», а также сил, которые стремились объединиться «с Россией против Рокфеллера», обладавшего «капиталом неизмеримо более крупным и превосходной организацией транспорта» [64], завершилась очевидным поражением Петербурга.

Россия под дальнейшим прицелом

Потери российской нефтяной промышленности и поражение в войне с Японией усилили внутривластную напряженность в России, что соответствовало интересам Запада. Неслучайно именно в это время из-за рубежа была отправлена очередная значительная партия вооружения для российской левой оппозиции.

Правда, 26 августа (8 сентября) 1905 г. нагруженный оружием пароход John Grafton сел на мель в шхерах Ларсмо возле берегов Финляндии. Но вооружение никуда не пропало, поскольку было выгружено на близлежащие островки. Далее в дело вступает пароход «Сириус» водоизмещением почти в 600 т. Его груз состоял из 8,5 тысяч винтовок «Веттерлей» и от 1,2 до 2 млн патронов к ним. В конце сентября «Сириус», под прикрытием документов коммерческого характера, взял курс из Амстердама к кавказским берегам России. Узнавший об этом

⁵⁶ Непрерывный рельсовый путь между Санкт-Петербургом и Владивостоком появился за год до этого. – прим. авт.

российский посланник в Голландии Николай Чарыков доложил в Санкт-Петербург о содержимом и маршруте парохода. Однако черноморская пограничная стража оказалась бессильной перед «Сириусом» [65]. Следовательно, поджог бакинских нефтепромыслов фактически являлся сигналом к следующим шагам по дестабилизации политической обстановки в России.

Большевики тем временем начали активно действовать и на политическом поле, призвав к бойкоту первой в России Государственной Думы. Дело в том, что еще в февральском (1905 г.) рескрипте Николая II на имя министра внутренних дел Александра Булыгина излагалось намерение привлечь «достоинейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей» к участию в предварительной разработке «законодательных предположений». Выработка проекта закона о созыве Государственной Думы, называемой «булыгинской», возлагалась на Особое Совецание во главе с А. Булыгиным [66]. На самом же деле, как пишет прекрасный азербайджанский писатель и аналитик XX в. Мухаммед Асад бек, «мощный голос преданной царю Думы должен был заставить замолчать либеральные конгрессы и собрания», так как она состояла бы «преимущественно из низших слоев населения, в немом почтении склоняющихся перед волей монарха» [67].

Подготовленный ЦК РСДРП план антидумской кампании, включавший (в том числе) подготовку всероссийской политической стачки (вспомним решения III съезда РСДРП), обсуждался на проходившей в первой половине сентября в Риге конференции социал-демократических организаций России.

Ленин, Сталин и армянские федералисты

Весьма показательным является предостережение Ленина ЦК РСДРП насчет «Армянской с.-д. федерации», прозвучавшее в преддверии встречи. Возможное согласие на ее участие в конференции он окрестил ошибкой, «которую надо во что бы то ни стало исправить». Назвав данную группу парой «жневских дезорганизаторов» и бундовской креатурой, «специально» выдуманной «для питания кавказского бундизма», Ленин выразил отрицательное отношение к этой шайке «литераторов-дезорганизаторов» со стороны всех кавказских товарищей [68].

По-видимому, речь шла о «Союзе армянских социал-демократов», известном также как «Армянская социал-демократическая рабочая организация»⁵⁷ («специфик»), созданная в Тифлисе в 1902 г., после II

⁵⁷ Первая армянская социал-демократическая организация. – прим. авт.

съезда РСДРП. Об этом свидетельствует проведенная Лениным параллель между «Армянской с.-д. федерацией» и бундовцами, тем более что, подобно вторым, «специфики» ратовали за федеративный принцип⁵⁸ построения партии, объявляя себя единственными представителями армянского рабочего класса. При этом они ссылались на «специфические условия каждой нации».

Это было не первое отрицательное высказывание Ленина о так называемой «Армянской с.-д. федерации». Неприятие им «федералистских» лозунгов общеизвестно, поэтому неудивительно, что еще в 1903 г. он подверг критике Манифест «Союза армянских социалдемократов», подготовленный одним из его основателей – Степаном Шаумяном. В те дни Ленин отметил, что правильно подчеркнутые документом требования не национальной автономии, а политической и гражданской свободы и полной равноправности, как и принцип права на самоопределение для каждой национальности, входящей в состав государства, «не вполне еще последовательно проведены» «Союзом армянских социал-демократов». Чтобы быть вполне последовательным, писал Ленин, «Союз» должен изъять из своей программы требование федеративной республики, ограничиваясь требованием демократической республики вообще, так как пролетариат обязан проповедовать не «федерализм и национальную автономию», а сплачивать рабочих «всяких национальностей» для борьбы «за демократическую республику и социализм» [69].

По сообщениям ряда источников, в конце 1902 г. «Союз армянских социал-демократов» организационно слился с Тифлисским комитетом РСДРП [70], но, по-видимому, он активно функционировал в Женеве, оставаясь на позициях, отрицательно оцененных Лениным. Наверняка из-за этого «Союз» была раскритикован Сталиным в 1904 г., который назвал его членов федералистами-соцдемами, призывающими «разделиться на отдельные национальные партии и создать из них “свободный союз”» [71]. Следовательно, и в 1905 г. «Союз» продолжал существовать, хотя к этому времени тот же С. Шаумян уже был избран членом Кавказского союзного комитета РСДРП.

Как бы то ни было, устроители Рижской конференции социал-демократических организаций России (сентябрь 1905 г.) прислушались к Ленину, и армянская сторона участия в ней не приняла [72]. Мало того, ЦК РСДРП отрицательно отреагировал на намерение «Союза армянских социал-демократов» подписаться под резолюцией конференции, так как «был против участия» в ней этой «чисто заграничной» партии, «без серьезных связей в России». А все «желающие помогать действительно

⁵⁸ Национальное разделение пролетариата. – прим. авт.

социал-демократическому движению среди армянских рабочих на Кавказе» должны иметь дело только с кавказскими организациями РСДРП, «издающими армянскую литературу на Кавказе, а не в Женеве» [73].

В любом случае, Рижская конференция одобрила большевистскую линию активного бойкота Думы. По словам Ленина, с призывом к акции «руководимый социал-демократией» пролетариат «поднял открыто и прямо знамя вооруженного восстания», так как ратование «за Думу» соответствует лозунгу подавления революции, а выступления «против Думы» преследуют цель «довести до конца победоносную революцию» [74].

Россия трещит по швам

В октябре 1905 г. сентябрьские разрозненные забастовки успешно переросли во Всероссийскую политическую стачку: железнодорожное движение было приостановлено, что парализовало правительственные силы. На всех узловых железнодорожных станциях действовали революционные забастовочные комитеты. В связи с этим русский политик правого толка, впоследствии член Государственной думы Российской империи III и IV созывов Николай Марков писал, что «прекращение движения», в частности, «по Сибирской железной дороге имело специальной целью вызвать вооруженный мятеж миллионной массы солдат Дальневосточной армии», стремившихся по окончании войны домой и «негодовавших на то, что их не везут обратно» [75].

Для нормализации обстановки 17 октября 1905 г. царь вынужден был подписать Манифест, провозглашающий демократические свободы, вплоть до созыва Государственной Думы (которую большевики не собирались признавать). 26 октября 1905 г. открылось учредительное заседание Петербургского Совета рабочих депутатов.

Ситуация в России приняла новые очертания. Ленин, со слов Надежды Крупской, ранее признававший, что движение рабочих проходило в значительной степени спонтанно, и «в нас так или иначе нет нужды», на волне происходящего принял решение о возвращении из эмиграции в Петербург [21]. Оказавшись нелегально в России в начале ноября и прибыв в Петербург 21 ноября 1905 г., он развернул активную деятельность, возглавив работу Центрального и Петербургского комитетов РСДРП [76].

Естественно, не мог остаться вне игры «Дашнакцутюн». Принятие Россией в Портсмуте пакета западных предложений ослабило антироссийскую деятельность «Дашнакцутюна» в Баку, но тот уже успел исполнить свою роль в «нефтяном» деле. Поэтому вполне логично

выглядит встреча свыше «тысячи азербайджанцев и армян» «в присутствии господина Воронцова-Дашкова», состоявшаяся 14 сентября 1905 г. в Баку, сразу вслед за Портсмутом. С «напутственными словами к собравшимся обратились армянский священник» и все тот же генерал-губернатор С. Фадеев, вслед за чем азербайджанцы и армяне, «дружески пожимая друг другу руки, вместе гуляли по улицам. Повсюду царили счастье и веселье» [10].

Однако «Дашнакцутюн» в то время активно действовал далеко не только на Кавказе. В частности, «дашнаки потихоньку собирали деньги и оружие», создавая «подпольные дружины, а Нахичевань-на-Дону рассматривали как свой глубокий тыл». К концу 1905 г. они настолько усилились, что «открыли свой постоянный центр и настоящий арсенал» на одной из укромных «линий», ближе к окраине. На первом этаже большого каменного дома, окрещенного «бомбической» лабораторией, «армянские боевики наладили выпуск бомб собственного изобретения». По уверениям «древних нахичеванских старожиллов», первую карбидную бомбу умельцы «просто перекинули через забор ближайшей полицейской части». Вторую бомбу «эти химики кинули под ноги безобидному старику-городовому». Потихоньку дашнаки стали снабжать «ручными бомбочками» ростовских революционеров. А 13 декабря 1905 г. на Темернике в Ростове началось «вооруженное восстание пролетариата» [77].

Все это свидетельствовало не только о том, что дашнаки выполняют задачи, возложенные на них извне. Внутри этой партии окончательно укрепилась идея расширения «своей» территории, в том числе в рамках Российской империи, вплоть до «восстановления» «Великой Армении». Благо, с оружием у дашнаков проблем не было: в ноябре, добравшись до Поти, команда парохода «Сириус» перегрузила доставленные ею в Россию оружие и боеприпасы на четыре баркаса, направившихся к заранее определенным местам на кавказском побережье [65].

Так, политика российских властей, с момента присоединения части исторического Азербайджана к России направленная на переселение армян Персии и Османской империи в южно-кавказскую зону (как средство укрепления христианского элемента на стыке с мусульманским Востоком), привела в конечном итоге к совершенно иному результату. При этом лидеры «армянского движения» начали успешно формировать общественное мнение России и Запада относительно августовских событий 1905 г. в выгодном им ключе. По информации одного из мартовских (1906 г.) номеров московской газеты «Русское слово», «русские армяно-григорианские комитеты вырабатывают в настоящее время для предоставления будущей конференции в Гааге замечательные памятные записки о последних событиях в некоторых местностях

России» [78]. Т. е. реальная роль «Дашнакцутюна» в событиях 1905 г., направленная на ослабление изнутри России в интересах Запада, начала затушевываться изначально. В свою очередь, стиль и методы провоцирования дашнаками конфликтов оставались прежними.

Еще немного о болезни армянского национализма

На фоне понесенного нефтемагнатами урона в 1905 г. любопытен один эпизод из работы XXI экстренного съезда нефтепромышленников в Баку (февраль 1906 г.).

Здесь следует отметить, что с XIX века одной из административно-территориальных единиц в Российской империи, наряду с губерниями и областями, было градоначальство. В это образование, возглавляемое градоначальником, входил город с прилегающими землями, выделенный из губернии вследствие его особого значения или географического положения (с непосредственным подчинением министру внутренних дел). После бакинских беспорядков 1905 г. Петербург принял решение (Временное положение) о создании градоначальства Баку.

Так вот, выработанный Кавказским наместничеством «Проект градоначальства» был представлен помощником наместника Кавказа Николаем Джунковским как раз на февральском (1906 г.) съезде нефтепромышленников. Вслед за этим собравшиеся приступили к обсуждению вопроса о выборах в присутствие – орган, состоявший при градоначальнике. С определенной натяжкой его можно уподобить сегодняшнему «горсовету» при градоначальнике, хотя, согласно Н. Джунковскому, совещательное присутствие – «не парламент», посему «никаких политических вопросов там не будет подниматься».

В присутствии предусматривалось участие представителей рабочего класса. Этот вопрос имел немаловажное значение, так как, по утверждению председателя Бакинского биржевого комитета Степана Тагианосова (армянина по национальности), в нем должны были отражаться «интересы города, промышленников и рабочих», а также других социальных групп. Как подчеркивалось им, «только совместное обсуждение» злободневных вопросов с участием «всех заинтересованных сторон» может предоставить «действительные гарантии успокоения».

Речь шла, прежде всего, о предусмотренном паритетном представительстве в присутствии рабочих по национальному признаку. Одним из первых по этому вопросу выступил крупный бакинский нефтепромышленник Абрам (Аршак) Гукасов (Гукасянц). Первоначально он высказал сомнение, каким образом рабочие «будут выбирать своих представителей», если у них отсутствуют профсоюзы. По

его словам, рабочие сумеют выбрать своих представителей только в случае официального признания их права на союзы и собрания. Вскоре, однако, проявилась истинная подоплека его сомнений по выборам в присутствие в целом.

Так, он назвал шокирующим факт «разделения по национальностям», спросив собравшихся, почему «со стороны промышленников, должно быть одинаковое число мусульман и армян, со стороны городской думы один русский, один мусульманин и один армянин?» В его понимании «деление по национальностям», названное им странным, представилось фактором, провоцирующим национальную рознь.

После внесенного членом правления ротшильдовского Каспийско-Черноморского торгового промышленного общества (КЧНО) Арнольдом Фейглем уточнения о действии «ограничения по национальностям» только для рабочей среды, тот же С. Тагианосов призвал сохранить пункт о равном представительстве в присутствии армян, азербайджанцев и русских, «тем более что и сами мусульмане желают этого». А. Гукасов не согласился. По его словам, было бы очень печально, если бы наша жизнь основывалась на таких рассуждениях. Он считал, что не нужно компромиссов, пора освободиться от обязанности выбирать непременно человека той, а не иной национальности.

Следовательно, при обсуждении вопроса о выборах в присутствие выявились две позиции, озвученные армянской стороной в лице крупных предпринимателей: А. Гукасова и С. Тагианосова. С. Тагианосов упомянул, что на предшествовавшем съезде частном совещании азербайджанцы указали на отсутствие в их руках промыслов, в связи с чем они имеют мало «значения в промышленности». Но при этом обслуживающий промыслы персонал на 45% состоит из азербайджанцев, безусловно имеющих «свой интерес», которые «защищать некому». Потому азербайджанская сторона отметила важность («мы настаиваем на этом») участия «своих представителей в присутствии». Назвав такой мотив очень серьезным, С. Тагианосов призвал принять его во внимание.

Отметив нелогичность этого мотива и указав, что азербайджанцы действовали «под известным психозом», А. Гукасов вновь выступил против ввода «ограничений при выборах». В итоге председательствующий вынес «на баллотировку» (голосование) оба предложения. Позиция А. Гукасова была поддержана крупнейшим нефтяным магнатом Степаном Лианозовым (Лианосян), который сослался на «несуразность» разделения по национальному признаку, по форме подчеркивающего «рознь национальностей» и удерживанию «их на расстоянии». По результатам голосования «за выборы с ограничением» высказалось 7 человек; «против всяких ограничений» – 15, т. е. прошло предложение А. Гукасова.

На следующий день С. Тагианосов вновь поднял вопрос о национальном паритете в присутствии. При этом он указал, что после «предварительного соглашения» с азербайджанцами в проекте о градоначальстве появилось предложение о «разделении по национальностям при выборах. Сегодняшнее постановление, подчеркнул он, нарушает состоявшиеся договоренности. С. Тагианосов обратился к секретариату съезда с просьбой запротоколировать сказанное им, поскольку, будучи «связанным» соглашением, он хотел бы «освободить себя от упреков», которые могут «возникнуть вследствие отмены этого пункта экстренным съездом».

Председательствующий сразу же отреагировал на сказанное оратором, пожалев, что участники съезда не были оповещены об этом «раньше». Ввиду «вескости указанных мотивов» он поинтересовался, намерены ли собравшихся «еще раз обсудить этот вопрос», заявив о возможности «перерешить», если съезд единогласно за это выскажется.

Но А. Гукасов тут же возразил. «Мы не дети, – сказал он, – поэтому перерешить нельзя; каждый подал свой голос по совести. Для нас вовсе не обязательны постановления частных совещаний и обещание совета съезда провести» их, – продолжил он, – так как аналогичные документы «для нас не имеют никакого значения». Реплику С. Тагианосова об отсутствии «зрелого обсуждения» этого вопроса и целесообразности «провести в жизнь» исполнительным органом решение, принятое до съезда «громдным количеством членов» совещания, А. Гукасов проигнорировал, сославшись на отсутствие «цифр». Председатель съезда вынужден был ограничиться «занесением в протокол заявления г. Тагианосова».

После чего с заявлением выступил предприниматель-азербайджанец Иса-бек Гаджинский. Он вновь привлек внимание собравшихся к принятому на частных совещаниях армян и азербайджанцев решению об одинаковом числе представителей этих наций в присутствии, заявив, что громадное число «рабочих промыслового района» (азербайджанцев – коренных жителей своей страны) не имеет возможности для защиты собственных интересов. Поэтому «во избежание нежелательных недоразумений» он попросил (именно так!) съезд «оставить в силе редакцию, выработанную» в преддверии съезда нефтепромышленников.

В итоге ряд участников предложили внести «дополнения» в решение съезда, закрепив паритетное армяно-азербайджанское представительство в присутствии «в виде временной меры» (в том числе А. Фейгель и С. Лианозов, обосновавший смену своей позиции тем, что «открылись новые факты»). Но азербайджанскую сторону это не удовлетворило, в связи с чем И. Гаджинский заявил, что намерен ходатайствовать о справедливом решении данного вопроса перед Кавказским

наместничеством. По всей видимости, не желая дальнейшего обсуждения возникшей проблемы, да еще и с подключением вышестоящих инстанций, участники все же видоизменили ранее принятое съездом решение. Председательствующий поставил на голосование предложение «принципиально не изменять постановления предыдущего заседания по вопросу о выборе в присутствии, но в виде временной меры посчитать возможным одинаковое представительство в структуре армян и азербайджанцев». В результате открытого (!) голосования 31 голос был подан «за», один – «против» [79].

Вот так вот националистический угар нередко может оказаться сильнее здравого смысла, логики, да и желания мирной жизни. Спрашивается, что мешало А. Гукасову изначально согласиться с «национальным паритетом» в присутствии при градоначальнике? Наверное, ничего, за исключением сидевшей в нем бациллы ненависти по национальному признаку. Ведь поддержка участниками съезда пункта об одинаковом представительстве в присутствии армян и азербайджанцев, предложенного в проекте о градоначальстве Баку, должна была способствовать умиротворению межнационального конфликта в Баку. Но болезнь национализма не приемлет здравого рассудка. Отметим, что указ об учреждении Бакинского градоначальства появился в октябре 1906 г. С этого же года А. Гукасов занял пост председателя Совета съездов бакинских нефтепромышленников (занимал до 1915г.).

1. Вите С. Воспоминания: Царствование Николая Второго. Т. 2
<http://lib.rus.ec/b/290966/read>
2. Шмаков А. Свобода и евреи
<http://rus-sky.com/history/library/shmakov/shmakov3.htm>
3. Исаакян А. Ованес Туманян
armenianhouse.org/isahakyan/memoirs-ru/tumanyan.html
4. Доктор медицины Э. В. Эрикссон. Об убийствах и разбоях на Кавказе
<http://erwaldau.narod.ru/ericson.htm>
5. Беспорядки в Баку
<http://starosti.ru/archiv/februar1905.html>
6. Маевский В. Армяно-татарская смута на Кавказе, как один из фазисов армянского вопроса
<http://karabakh-doc.azerall.info/ru/istoch/is010.htm>
7. Байков Б. Л. Воспоминания о революции в Закавказье
<http://www.dk1868.ru/history/ZAKAVKAZ.htm>
8. Преступления армянских террористических и бандитских формирований против человечества (XIX–XXI вв.). Краткая хронологическая энциклопедия. Публикация Института по правам

человека НАН Азербайджана

human.gov.az./download/prestupleniyaarmyan.DOC

9. Шехтман П. Пламя давних пожаров

а/

www.bvahan.com/ArmenianWay/aw/Plamya_davnikh_pozharov/Plamya/1.html

б/

www.bvahan.com/ArmenianWay/aw/Plamya_davnikh_pozharov/Plamya/2.html#1

10. Мамед Саид Ордубады. Кровавые годы

http://azeribooks.narod.ru/history/ordubadi/krovaviye_godi.htm

11. Свентоховский Т. Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане

old.sakharov-center.ru/publications/azrus/az_002.htm

12. Зубов А. Политическое будущее Кавказа: опыт ретроспективно-сравнительного анализа

<http://magazines.russ.ru/znamia/2000/4/zubov.html>

13. Павлов Д., Петров С. Японские деньги и русская революция.

Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг.

<http://regiment.ru/Lib/A/32/3.htm>

14. Кристофер М. Русско-японская война. 1904–1905

<http://warsrussian-hystory.ru/?p=199>

15. Цит. по: Шишов А. Неизвестные страницы русско-японской войны. 1904–1905 гг.

http://fictionbook.ru/author/shishov_alekseyi_vasilevich/neizvestniye_stranicy_russko_yaponskoyi/read_online.html?page=22

16. Сюннерберг Г. Русские в Шанхае (до революции 1917 года)

<http://russianshanghai.com/history/before1917.php>

17. Милюков П. Воспоминания (1859–1917)

http://www.hronos.km.ru/libris/lib_m/milyukov42.html

18. История, структура и идеология партии «Дашнакцутюн»

http://mahada.do.am/publ/istorija/istorija_struktura_i_ideologija_partii_dashnakcutjun/2-1-0-123

19. О вооруженном восстании». Резолюция III съезда РСДРП

<http://www.comunist.ru/1905/index.php?1078#res02>

20. Из материалов III съезда РСДРП

<http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1905vosst1.htm>

21. Владимир Ильич Ленин – основатель Советского государства

<http://rulers.narod.ru/lenin/lenin.htm>

22. Уткин А. К великому океану

http://old.redstar.ru/2005/02/19_02/5_02.html

23. Савинков Б. Воспоминания террориста
http://az.lib.ru/s/sawinkow_b_w/text_0010.shtml
24. Дашнакцутюн
http://arunion.info/news/jubilej_arfd/2010-12-03-580
25. Карапетян Л. А. Из истории армянских политических партий на Кубани в начале XX века
http://www.mashtots.ru/archive/history_9.htm
26. См. подр.: Восстание на броненосце «Потемкин» – глазами начальства
http://www.situation.ru/app/j_art_935.htm
27. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте
<http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt03.htm>
28. Хроника событий. Приложение к: Лев Троцкий. Наша первая революция
<http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/CW/Trotsky-1906/Cronicle.html>
29. Сулейманов М. Дни минувшие
http://azeribook.com/history/manaf_suleymanov/dni_minuvshie.html
30. Заметка в газете «Русское Слово» (Москва) от 23 августа 1905 г.
<http://starosti.ru/archiv/september1905.html>
31. На Кавказе. Заметка в газете «Русское слово» от 26 августа 1905 г.
<http://starosti.ru/archiv/september1905.html>
32. Из дневника П. П. Котляревского (1903–05 гг.)
http://www.moria.hut1.ru/ru/almanah_04/01_11.htm
33. Бенуа А. Дневник 1905 года
<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/5811.php>
34. Отчет о деятельности Совета съезда XXIII очередному съезду нефтепромышленников. Отдел П. Баку, 1906, с. 24.
35. По материалам российской прессы за декабрь 1905 г.
<http://www.oilru.com/nr/151/3261/>
36. Виллари Л. Огонь и меч на Кавказе
<http://m.aniv.ru/archive/12/ogon-i-mech-na-kavkaze-prodolzhenieluidzhi-villari/>
37. Деятельность азербайджанской буржуазии в 1905 году
<http://www.5ka.ru/33/7154/1.html>
38. Ахмедов А. Азербайджанские тюрки в революции 1905 г. Баку, 2003
а/ с. 190;
б/ с. 190–191.
39. Бакинская стачка 1904 г., М., 1940, с. 84–85.

40. О беспорядках в Баку
<http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1101.html>
41. Гарскова И., Аханчи П. Экономическая дискриминация и рынок рабочей силы в период индустриализации в нефтяной промышленности Баку (анализ динамических сведений базы данных)
<http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/krug.htm>
42. Письмо Петра Столыпина графу И. И. Воронцову-Дашкову от 11 апреля 1908 г.
http://www.hronos.km.ru/libris/stolypin/stpn_dashk.html
43. Ленин В. Петербургская стачка
<http://www.marxists.org/russian/lenin/works/9-24.htm>
44. Манукян С. Деятельность партии Дашнакцутюн на Дону (1905–1913 гг.)
<http://commons.hayazg.info/images/9/9b/ManukjanSA.pdf>
45. Цит. по: Головков Г. Революция и национальный вопрос. Погромы
http://pohodd.ru/article_info.php?articles_id=688
46. Заметка в московской газете «Русское Слово» от 27 августа 1905 г.
<http://starosti.ru/archiv/september1905.html>
47. Цит. по: Наджафов Б. Лицо врага
<http://karabakh-doc.gen.az/forum/viewtopic.php?t=923>
48. По материалам российской прессы за март 1906 г.
<http://www.oilru.com/nr/154/3360/>
49. По материалам российской прессы за сентябрь 1905 г.
<http://www.oilru.com/nr/148/3146/>
50. Из газеты «Русское слово» от сентября 1905 г.
<http://starosti.ru/archive.php?m=9&y=1905>
51. Труды XXI экстренного съезда нефтепромышленников в г. Баку с 7-го по 21-е февраля 1906 г., Баку, 1906, с. 18–19.
52. Коновалова А. В. Акции нефтяных предприятий в начале XX века на С.-Петербургской фондовой бирже
<http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/STAT/Konovalova.html>
53. По материалам российской прессы за март 1906 г.
<http://www.oilru.com/nr/154/3360/>
54. Отчет о деятельности Совета съезда XXIII очередному съезду нефтепромышленников. Отдел II. Баку, 1906, с. 4.
55. По материалам российской прессы за январь 1906 г.
<http://www.oilru.com/nr/152/3296/>

56. Газета «Русь» от 23 августа/5 сентября (№ 197) 1905 г. Цит. по: Примечания редакции журнала «Наше Наследие» к: Александр Бунуа. Дневник 1905 года
<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/5811.php>
57. По материалам российской прессы за декабрь 1905 г.
<http://www.oilru.com/nr/151/3261/>
58. Егорьев В. Е. Операции владивостокских крейсеров в Русско-японскую войну 1904– 1905 гг.
<http://cruiserx.narod.ru/ovc/37-46.htm>
59. История США. Том второй 1877–1918
<http://sovserv.ru/КА6АН/usatruth/usatruth.by.ru/c3.files/istorijatom2gl13.htm>
60. Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан
<http://flot.com/publications/books/shelf/avarin/25.htm?print=Y>
61. Баландин А. Эпоха зарождения: соседи обречены торговать
<http://ricolor.org/rz/iaponia/jr/ist/2/1/>
62. Из газеты «Русское слово» от сентября 1905 г.
<http://starosti.ru/archive.php?m=9&y=1905>
63. Базовая информация о Транссибирской магистрали
<http://www.transsib.ru/cat-geo.htm>
64. Ленин В. Империализм, как высшая стадия капитализма
<http://uaio.ru/vil/27.htm>
65. Шишов А. Россия и Япония. История военных конфликтов
http://militera.lib.ru/h/shihsov_av/02.html
66. Вступительная статья Б. Т. Мордвинцева к «Письма Императора Николая II министру внутренних дел А. Г. Булыгину, 1905 г.»
<http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra1/ra1-1872.htm>
67. Асад бек М. Николай II. Баку, 2013, с. 230.
68. Ленин В. И. Письмо ЦК РСДРП от 7 сентября 1905 г.
http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=387:pisma-sentybr-dekabr-1905&catid=86:tom-47&Itemid=53
69. Ленин В. И. О манифесте «Союза армянских социал-демократов»
<http://vilenin.eu/t07/p101>
70. Союз армянских социал-демократов
<http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/16598/%D0%A1%D0%9E%D0%AE%D0%97>
71. Сталин И. В. Как понимает социал-демократия национальный вопрос?
http://grachev62.narod.ru/stalin/t1/t1_06.htm#pr06

72. Конференция социал-демократических организаций в России
<http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/98148/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F>
73. Ленин В. И. О так называемой Армянской социал-демократической рабочей организации
http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=3136:otaknazyvaemoj-armyanskoj-soczial-demokraticheskoj-rabochejorganizaczii&catid=49:tom-11&Itemid=53
74. Ленин В. И. Первые итоги политической группировки
http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=3019:pervye-itogi-politicheskoy-gruppirovki&catid=50:tom12&Itemid=53
75. Марков Н. История еврейского штурма России
http://gosudarstvo.voskres.ru/heald/markov_1.htm
76. Владимир Ильич Ленин (1870–1924)
<http://www.istorya.ru/person/lenin.php>
77. Вареник В. Ростовъ и ростовцы. Путешествие в 1913 год
<http://www.russyug.ru/history-rostov/rostovtsi/59-glava-17nashiarmyane-i-nahichevanske-bomby>
78. Последние события
<http://starosti.ru/archive.php?y=1906&m=04&d=07>
79. Труды XXI экстренного съезда нефтепромышленников в г. Баку с 7-го по 21-е февраля 1906 г., Баку, 1906, с. 49, 56–59, 66–67, 76–78.

ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ – ЧАСТЬ ДЕСТАБИЛИЗАЦИОННОГО ПАКЕТА?

Дестабилизация через погромы

В предыдущих главах отмечалось, что действия по дестабилизации в России в начале XX осуществлялись по трем направлениям. Кроме их успеха в двух первых направлениях – нефтеносном Абшере и на Дальнем Востоке – оставалось еще одно. Это был Южный Промышленный район (Донбасс). По ранее упомянутым причинам важное значение здесь приобрели портовые города на Черном и Азовском морях и связанный с ними экономически Ростов-на-Дону.

Таким образом, вполне закономерной была очередная межнациональная вспышка в этом регионе, возникшая с октября 1905 г., которая в отличие от Южного Кавказа приняла форму еврейских погромов.

Закономерность погромов именно в геополитически важных точках подтверждается тем, что в том же 1903 г. еврейский погром произошел в Гомеле, унеся жизнь десяти евреев, приведя к ранению масс людей и разграблению их имущества. При этом Гомель располагался в центре Европы, на перекрестке важнейших торгово-транспортных систем между экономически развитыми западноевропейскими странами и регионами Евразии, обладающими богатейшими природными ресурсами. В сегодняшнем варианте направление этих торгово-транспортных систем выглядит так: Хельсинки – Санкт-Петербург – Витебск – Могилев – Гомель – Киев – Кишинев – Бухарест – Дмитровград – Александруполис (Греция); Гомель – Жлобин – Минск – Молодечно – Вильнюс – Каунас – Клайпеда – Калининград; центральные регионы России – Брянск – Гомель – Мозырь – Пинск – Брест – Варшава. То есть значимость Гомеля для Российской империи налицо.

Новая волна погромов 1905 г. поднялась в последней декаде октября. Причем Россия к этому времени по объемам промышленного производства уже вошла в число пяти крупнейших индустриальных государств мира, а Южный промышленный район превратился в главный центр горной металлургии и один из важнейших экономических центров страны. Именно он, вкупе с Ростовом-на-Дону и Мариуполем (первый – в устье реки Дон при ее впадении в Азовское море, второй – на берегу Азовского моря) оказался ареной еврейских погромов.

Экономическая значимость Одессы, Ростова-на-Дону, Мариуполя

О значимости Одессы для экономики России мы говорили в предыдущих главах. Роль портов на Черном и Азовском морях существенно возросла с начала реформы 1861 г. По вместимости пароходов первое место занимало Черное море, главными портами которого, кроме Батума и Поти, были Одесса, Николаев, Херсон и др. К 1890 г. русский торговый флот «сотрудничал» с портами Балтийского, Черного (зарубежные страны) и Средиземного морей, а также с дальневосточным регионом. Только за 1900 г. через Черное море было вывезено почти 110 млн пудов товаров. Основную часть экспорта составляла сельскохозяйственная продукция, прежде всего хлеб [1]. Лидировал среди портов одесский, через который осуществлялось до 50% экспорта хлеба из южной части России.

Что касается Ростова-на-Дону, в 1900 г. Закавказская магистраль соединилась с общероссийской железнодорожной сетью (Ростов – Баку) [2], и к началу XX в. город стал одним из богатейших и крупнейших торгово-промышленных центров юго-восточной части России. К этому времени в порт прибывало порядка 3 тыс. судов. В Ростове работала не одна сотня промышленных предприятий; по объему грузооборота (главным образом, вывоз зерна, железа, леса) ростовский порт занимал одно из первых мест на юге страны. Годовой торговый оборот города доходил до 5 млрд рублей. Неслучайно здесь располагались 16 иностранных консульств, включая США, Великобританию и Францию [3]. Как отмечал командир парохода «Матвей», составитель известного «Путеводителя по всем русским водным путям» Петр Оленин (начало XX в.), «важнейший после Одессы порт Черноморского бассейна» Ростов-на-Дону благодаря удачному географическому положению при устье Дона «растет очень быстро и торговые обороты его исчисляются миллионами». Ростов соединен железными дорогами с Царицыным-на-Волге, для которого «является черноморским портом, особенно, благодаря судоходству по Дону, с Владикавказом и юго-западной Россией. По этим дорогам идут миллионы пудов грузов» [4].

Мариуполь обрел важное значение после сооружения в 1882 г. железной дороги «Еленовка-Мариуполь», соединившей город с Донбассом, когда в порт начал поступать донецкий уголь для вывоза за границу. Увеличение грузооборота привело к рождению к 1890 г. нового Мариупольского торгового порта, ставшего вторым по грузообороту на юге России после Одессы. Это способствовало строительству в регионе металлургических заводов и превращению Мариуполя на рубеже XIX–XX веков в один из центров металлургической промышленности юга России. В начале XX в. здесь работали предприятия тяжелой, машиностроительной, строительной, легкой и пищевой промышленности, а также железнодорожный и водный транспортные

узлы. Это представляло интерес для российских и зарубежных предпринимателей. По объему ассигнований в период 1867–1904 гг. мариупольский порт, не имевший военного назначения, занимал третье место в России [5].

Такое значение для экономики России Мариупольский порт приобрел благодаря высокому качеству, богатому ассортименту донецкого угля и территориальной близости Донбасса к Стамбулу, а также с развитием парового каботажного судоходства на Азовском и Черном морях, что создавало благоприятные условия для организации сбыта донецкого угля в Османскую империю, Болгарию и позволяло успешно конкурировать с британским углем [6].

Ввиду этого в докладе XX съезду нефтепромышленников «по вопросу об угольной независимости России от Англии» отмечалось, что в свете Высочайшего повеления (15 июля 1904 г.⁵⁹) об образовании при Главном управлении торгового мореплавания и торговли Особого совещания «для выяснения вопроса о замене английского угля донецким в северо-западном районе», XXIX съезд горнопромышленников пришел к ряду выводов, в том числе:

– Донецкий каменноугольный бассейн по производительности каменноугольных и антрацитовых копий может снабдить весь Северо-западный край Российской империи минеральным топливом взамен иностранного и крайне нуждается в новых рынках;

– по разнообразию сортов углей и по их качеству донецкие угли могут вполне заменить все сорта углей иностранного каменного угля русским;

– эта замена необходима в интересах государственной обороны, развития русского торгового флота и улучшения торгового баланса в интересах развития российской каменноугольной промышленности.

Пути для доставки донецкого угля в северо-западный район были определены железнодорожный, морской (из портов Азовского и Черного морей в Балтийское вокруг Европы), а также внутренние водные каналы. Для этого необходимо (в том числе) «углубление мариупольского порта до 26 футов, Керченского канала до 28 футов, улучшение Ростовского порта». Далее отмечалось, что «в интересах государства вопрос о замене иностранного угля русским требует неотлагательного и благоприятного разрешения» ввиду того, что Россия в потреблении топлива зависит от Англии и ежегодно платит «английским производителям» десятки миллионов рублей [7].

⁵⁹ Все в тот же день Высочайшего повеления, 15 июля 1904 г., был возобновлен русско-германский торговый договор. Но это информация к размышлению. – прим. авт.

Со второй половины XIX в. значительно возросли объемы внешнеторгового оборота России, стремительно втягивавшейся в мировой рынок. Совокупный объем экспортно-импортных операций за 1861–1900 гг. увеличился в три раза, достигнув отметки в 1300 млн рублей. Стоимость вывозимых товаров на 20% превышала стоимость ввозимых. К началу XX в. из России на внешний рынок ежегодно поступало до 500 млн пудов зерновых. Среди других экспортируемых товаров были лен, лес, пушнина, сахар [8]. Резко возрос хлебный экспорт: почти 610 млн пудов в год в 1900–1905 гг. Доходы от реализации этого продукта, являясь одним из основных источников накоплений, вкладывались в развитие различных отраслей промышленности. Данный прирост обеспечивался в основном за счет южных и восточных районов страны, где развитию товарного земледелия способствовало железнодорожное строительство, позволившее «русскому хлебу», за счет выхода России на мировой рынок, успешно конкурировать с дешевым зерном из Америки и Австралии [9].

Профессор факультета экономики Хьюстонского университета, один из крупнейших специалистов по истории советской экономики Пол Грегори отмечал, что «темпы роста царской экономики были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX – начала XX века», а Россия «принадлежала к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, таких, как США, Япония и Швеция» [10].

Погромы в Одессе, Ростове-на-Дону, Мариуполе

На таком фоне, вслед за разрушением российской нефтепромышленности, проявилось очередное звено в дестабилизационной цепи России. Весьма показательным, что это произошло сразу же вслед за подписанием царем Николаем II 17 октября 1905 г. знаменитого Манифеста «об усовершенствовании государственного порядка». В целях устранения беспорядка, насилий, охраны «людей мирных», стремящихся к исполнению долга, документ даровал населению Империи неприкосновенность личности, свободу «совести, слова, собраний и союзов», попутно провозгласив развитие общего избирательного права. Отметив невозможность появления какого-либо закона «без одобрения Государственной думы», Манифест призвал «всех верных сынов России» помочь прекращению «неслыханной смуты» и «восстановлению тишины» на «родной земле» [11].

Оценивая документ, который в дату подписания был обнародован во всех солидных изданиях, московская газета «Русское слово» написала,

что с его появлением «русский человек проснулся полноправным русским гражданином», так как «настал конец острой борьбе с произволом». Газета выражала надежду, что вся мощь молодой России будет направлена на «внутреннее развитие» и ее становление «во весь громадный рост на политической арене мира» [12]. Но, словно в насмешку, на следующий день во многих российских городах произошли события, известные в мировой истории как еврейские погромы. Они описаны в российской и мировой историографии, мы же выделим некоторые их детали, чтобы уловить единство сценария этих акций.

Если учитывать значимость одесского порта для российской экономики, тогда погромный беспредел здесь неудивителен. Погром, случившийся в Одессе 18–20 октября 1905 г., еврейские источники оценивают как «самый кровавый» за всю городскую историю: около 400 евреев убито, 50 тыс. остались без крова [13].

Бесчинства приняли «грандиозные, угрожающие размеры», они сопровождались убийствами, насилием, нападениями на мирных жителей и бесконечными грабежами. «Громадные толпы хулиганов, усиленные жителями с окраин, отбросами, портовыми босяками, вооруженными ломami, дубинами и кольями с железными концами», двигаясь по улицам группами, разрушали и грабили «все на пути». В городе «беспрерывно» происходили «похороны евреев», с их захоронением в братских могилах [14]. Лишь утром 22 октября было расклеено объявление командующего войсками генерала Каульбарса о получении войсками приказа стрелять по погромщикам и членам отрядов самообороны. После чего погромы прекратились [15].

Ростов-на-Дону, будучи вторым по значимости портом после Одессы, стал следующим объектом погромов. Еврейские источники определяют ростовский погром как один «из самых жестоких», по «количеству жертв (около 150 убитых)» идущий вслед за Одессой⁶⁰ [16]. По информации российской прессы того периода, утро 19 октября, когда Ростов был «весь во флагах», а «многочисленные толпы» устраивали «грандиозные шествия», с 20.00 сменила «ночь ужасов». Почти «все еврейские магазины разграблены, некоторые подожжены, на улицах полный террор»; все закрыто, «властвуют черносотенцы и босяки». Продолжение погромов и на следующий день свидетельствовало, что власть в городе находится у «разнузданной черни», громящей и грабящей «имущество евреев» и поджигающей «их жилища»; число убитых продолжало расти [14].

Со ссылкой на участников событий сообщалось о проведении погромов по определенному плану группами из 10–15 человек во главе с

⁶⁰ В списке погромов в России до гражданской войны 1918–1920 гг. – прим. авт.

переодетыми жандармами и полицейскими; о роли городского полицмейстера, направлявшего «против немногочисленных еврейскорусских дружин и групп самообороны» конных казаков, под охраной которых бесчинства возобновлялись. Об организованном характере погромов свидетельствует то, что они были немедленно прекращены, как только стали угрожать крупным предпринимателям и властям [17].

Погром не обошел и портовый Мариуполь. В официальном документе, направленном в адрес Министерства юстиции и прокурора Новочеркасской палаты, отмечено, что с утра 20-го октября у мариупольского собора, «под предводительством полицмейстера», соорганизовалась «толпа низов» города. Приняв крест и хоругви из собора, а также неся портреты государя, эта масса с гимном и криками «ура» начала шествие, к которому присоединился городской голова. При подходе толпы к кварталу, «сплошь занятому еврейскими магазинами», по «мнению большинства», раздался «провокационный выстрел», послуживший «сигналом к немедленному погрому». Большинство еврейских домов и магазинов оказались разграблены и разбиты. Полиция и казаки «не только не остановили грабежа, но даже поощряли его»: первые были зачинщиками противоправных акций и поддерживали их, а некоторые из последних «сами принимали участие» в беспорядках. При желании представителей городского самоуправления «остановить погром» это бы осуществилось, но они бездействовали [18].

В результате в организованный в Москве комитет для сбора пожертвований в пользу евреев «из разных концов России» поступили ужасающие сведения о разорении десятков тысяч людей, лишенных пищи и крова [14].

Взгляд на погром глазами Л. Троцкого

Сценарий погромов оказался одинаковым практически во всех крупных населенных пунктах. Его красноречиво описал Лев Троцкий, отметив, что первые навыки массовых уличных действий были приобретены громилами еще в «патриотических» демонстрациях начала русско-японской войны. Именно тогда «определились основные аксессуары: портрет императора, бутылка водки, трехцветное знамя». С того времени «планомерная организация социальных отбросов» получила «колоссальное развитие»: «если масса участников погрома» остается «более или менее случайной», ядро «всегда дисциплинировано и организовано на военный лад». Оно «получает сверху и передает вниз лозунг и пароль», определяя «время и размер кровавых действий». Когда «почва подготовлена», являются «гастролеры – специалисты своего

дела», вместе с которыми «в темную массу» вбрасываются «зловещие слухи», типа наличия у евреев планов напасть на православных и аналогично.

Одновременно с этим ведется «техническая работа»: составляются списки лиц и квартир, подлежащих разгрому в первую очередь, вырабатывается общий стратегический план, из пригородов вызывается «голодное воронье». В назначенный день – патриотическое шествие, «с духовенством во главе, с царским портретом», со «множеством национальных знамен». По «бокам и в хвосте – полиция», кроме того «в толпе рассеяны приезжие инструкторы и местные полицейские в штатском платье», науськивающие ее, внушающие ей сознание, что «все позволено», и приступающие к поиску «повода для открытых действий». Сначала бьются стекла, избиваются отдельные встречные. Затем звучит «провокационный выстрел», после чего залпом бьется «по окнам намеченных заранее квартир»; разбиваются лавки. Банды, носящиеся «по городу в кроваво-пьяном угаре», охраняются «солдатскими патрулями», полицейскими и «провокаторами в качестве руководителей». «Босьяк царит. Трепещущий раб, час тому назад затравленный полицией и голодом», чувствует себя «сейчас неограниченным деспотом. Ему все позволено, он все может», господствующий «над имуществом и честью, жизнью и смертью». Захочет – «и выбрасывает старуху с роялем из окна третьего этажа, разбивает стул о голову грудного младенца, насилует девочку на глазах толпы», истребляет поголовно «целые семейства»; обливает дом керосином, превращая его «в пылающий костер», выбрасывающегося из окна «добывает на мостовой палкой» [19].

Признаем, что это блестящее описание, наверно, единственное в своем роде. Дело тут далеко не в преподнесении исторического материала в художественном стиле, а в том, что знакомство с мастерским отражением погромного сюжета начала XX в. позволяет провести ужасающую параллель (ассоциацию) с инспирированными событиями, потрясшими Советский Союз в период его развала.

Возвращаясь к рассматриваемому периоду, обратим внимание, что у Л. Троцкого, да и в ряде других источников, явно высвечивается факт инициирования погромов «сверху». Важнейшим звеном в осуществлении которых становился «негласный аппарат» правоохранительных органов, грамотно подталкивавший толпу на проведение противоправных акций.

Откуда ветер?

В целом, Октябрьский Манифест мог быть воспринят некоторыми государственными органами как призыв к действиям по борьбе с революционерами. Тем более что с его появлением никто из

революционеров не призвал завершить всероссийскую стачку и не признал незаконность возникших советов рабочих депутатов, а большевики и не думали отказаться от лозунга бойкота Думы.

Власти осознавали, что Манифест не способствовал спаду революционной активности, поскольку отдельные оппозиционеры назвали этот документ половинчатым или вынужденной игрой власти в демократию. Как говорилось на одном из митингов, «царский манифест, смотрите, – это простой лист бумаги. Вот он перед вами, а вот он, скомканный, у меня в кулаке. Сегодня его дали, а завтра отнимут и порвут на клочки, как я теперь рву эту бумажную свободу на ваших глазах!» [20].

В этой связи русский культуролог, историк и краевед Николай Анциферов отмечал, что, хотя Госдума «фактически ограничивала» самодержавие, «ненавистное правящим кругам слово «конституция» не было произнесено». Так что она была готова взять «дарованные права» обратно или постепенно свести их на нет. Казалось, «ограниченный манифестом царь не мог уже называться самодержцем», однако термин «самодержавие» сохранился [21].

Следовательно, в ряде пунктов Манифеста вполне могло «обосновываться» наказание революционеров, да и аспект запугивания бесчинствами обывателя никто с повестки дня не снимал. Другое дело, что революционное движение в стране в немалой степени проецировалось на еврейское население, действительно имевшее огромное представительство в оппозиционных структурах различной направленности. Тем самым, для евреев наступил «час расплаты» (по инициативе якобы патриотически настроенных масс). Как раз под предлогом противостояния их попыткам продолжать бесчинства.

Один из создателей научной истории еврейского народа, публицист Семен Дубнов, говоря об официальном причислении погромов к разряду «патриотических манифестаций», совершаемых «под эмблемою креста и национального флага», отмечал, что они оправдывались «мстью за революционную деятельность евреев» [22]. Согласно Еврейской энциклопедии, организацией погромов власти демонстрировали, что «в революции участвуют только евреи, а широкие народные массы поддерживают самодержавие». Этот «замысел удался» вследствие антисемитского настроения масс населения «в русских и украинских городах», «охотно» принявших «участие в погромах». Хотя против погромов «выступали многие русские рабочие, интеллигенты», в ряде мест участвуя в самообороне и в создании вооруженных дружин, защищавших евреев [23].

Описывая события тех дней в Киеве, Н. Анциферов отмечал, что сигналом к погромам послужили революционные речи 18 октября у здания городской думы, приведшие к сбрасыванию «двуглавого орла».

По его словам, действия черносотенцев «правая печать» («Киевлянин») истолковывала как «отпор народа революционной интеллигенции», взрыв «патриотического чувства негодования широких масс» против осмелившихся «растоптать государственный герб» [21].

Действительно, проправительственные силы преподносили погромы 18–21 октября как реакцию на «антигосударственное революционное движение», и точно так же считала верховная власть. Русский публицист, монархист по убеждению Василий Шульгин приводил отрывок из письма Николая II своей матери, написанного спустя несколько дней после окончания беспорядков, о том, что в первые дни после манифеста «нехорошие элементы сильно подняли головы», но «вся масса преданных людей воспряла», народ «возмутился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как 9/10 из них жида, то вся злость обрушилась на тех – отсюда еврейские погромы» [24].

С. Ольденбург трактовал события так, что «свободу» из Манифеста многие «представляли себе весьма туманно». Толпы народа, вышедшие на улицу с царскими портретами и национальными флагами, «праздновали издание» документа, а «не протестовали против него». Главной причиной «бурной вспышки гражданской войны», названной им «волной погромов» и «выступлением черной сотни», он назвал наличие двух групп демонстрантов: одни праздновали «царскую милость», другие торжествовали по поводу победы над «царской властью». По его словам, в Западном и Юго-Западном крае, «где наиболее видную роль в революционном движении играли евреи, вспышка народного гнева обратилась против них». На этом этапе к толпе «примешались уголовные элементы», и с началом погромов революционеры начали «взывать к властям о защите», как это было в Одессе и др. городах. В то же время, утверждения о том, что бесчинства спровоцированы полицией, С. Ольденбург называл нелепыми [25].

Среди погромщиков – «черносотенцы»?

Во многих свидетельствах о погромных акциях главными участниками выступают черносотенные организации, официальные лица в погонах и подготовленные провокаторы. Тот же Ленин, говоря в октябре 1905-го о принципах создания революционных отрядов, подчеркивал неизбежность восстания «при таких условиях, когда неорганизованные элементы в тысячи раз обширнее организованных». Вслед за чем, определив первейшим долгом революционера «немедленное разжигание революционной страсти толпы» и ее устремление на «самые решительные действия», «прекрасным» боевым крещением для «солдат революционной армии» он назвал борьбу «с

черносотенцами». При этом Ленин подчеркивал важность изучения отрядами вопроса, «кто и как составляет черные сотни», призывая действовать и «вооруженной силой, избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штаб-квартиры и т. д.» [26/ а, б].

Однако ни один источник не конкретизирует, какие силы или структуры подразумеваются под черносотенными организациями. Нередко к ним причисляется «Союз русского народа» (СРН), однако эта самая крупная организация патриотического толка была создана 8 ноября 1905 года, когда возник Главный совет СРН, с утверждением первого устава лишь в августе 1906 г. [27]. Дата 8 ноября указана и в Еврейской энциклопедии, согласно которой эта «массовая черносотенная монархическая организация» СРН создана «при активном участии властей» для «борьбы с революционным движением» в «октябре 1905 г.», хотя начало сплочения «правых сил» приходится на период накануне издания Манифеста («при участии полиции») [28].

В это же время было создано и «Русское собрание» (РС), считающееся первой русской общественной право-монархической организацией. Целью РС было определено формирование, укрепление в общественном сознании и проведение в жизнь «исконных творческих начал и бытовых особенностей Русского народа». В 1904 г. депутацию РС принял Николай II, поблагодарив членов структуры «за честные истиннорусские мысли». Но при всем при этом «в годы революционной смуты 1905–1906 гг. РС ничем особенным себя не проявило» [29].

Далее, с обнародованием в феврале 1905 г. рескрипта Николая II А. Булыгину о привлечении государем «избранных от населения людей» к участию в предварительной разработке «законодательных предположений», начал формироваться «Союз русских людей» (СРЛ). В воззвании, подписанном братьями Павлом и Петром Шереметевыми, русским мыслителем и педагогом Дмитрием Хомяковым и другими представителями московской интеллигенции, задачами СРЛ определялись содействие союзу «Церкви, Престола и Народа»; победа над внешним врагом; водворение порядка и т. д. – для единения «всех коренных сил страны». Одним из средств реализации такой цели провозглашалось противодействие «всеми законными средствами» течениям, стремящимся навязать России «чуждые ей формы правления». Членство в СРЛ предусматривалось для русских по происхождению православных (и старообрядцев). Нерусские и представители иных конфессий могли стать членами СРЛ исключительно по решению общего собрания. Евреи в СРЛ не допускались. 14 октября 1905 г. СРЛ через газету «Московские ведомости» обратился «ко всем верноподанным русским людям» с призывом создать 16 октября при каждом приходе комитеты порядка, фактически используя храмы как опорные пункты

противостояния революции. При приходах планировалось создать «дружины порядка», предназначенные для «борьбы со смутой». Противодействие властей, однако, не позволило осуществить эту идею [30]. Большая советская энциклопедия, называя СРЛ черносотенной организацией, обвиняла «боевые дружины союза» в «разгоне демонстраций, митингов» и устраивании еврейских погромов [31], хотя даже еврейские источники об этом не говорят.

Таким образом, на рассматриваемом этапе каких-либо мощных организаций промонархического толка в России еще не было. Следовательно, словосочетание «черносотенные погромы» несло некий собирательный характер (если не образ). И в него включались «элементы», не поддерживавшие оппозиционное самодержавию движение, называемое революционным.

В этой связи исследователь черносотенного движения профессор Игорь Омелянчук отмечает, что революционная пропаганда затронула «свойственные традиционному обществу архетипы общественного сознания и основанные на них социальные нормы». Наиболее мощному давлению подверглись архетипы «Святой Руси», «Великой державы» и «Царя-батюшки». Насильственное их разрушение порождало социальный страх и беспокойство, вызывая проблемы самоидентификации личности, ее привязки к каким-либо «абсолютным ценностям». Следствием этого явился рост национализма как наиболее простого способа идентифицировать себя с достаточно стабильным социальным образованием – нацией. Так возникла почва для появления «консервативного политического движения», среди идеологических приоритетов которого значились «нация», «государство» и «порядок». Поэтому, хотя черносотенцы восприняли Манифест как покушение на основу основ русской государственности, с учетом происхождения документа «по воле монарха» правые смирились с перспективой Госдумы, но лишь как законосовещательного органа. При этом существование политических партий для большинства монархистов осталось «незаконным».

Вместе с тем, по словам И. Омелянчука, характерной чертой монархической идеологии был антисемитизм, одновременно являвшийся для черносотенцев и способом защиты своей национально-конфессиональной идентичности, и формой борьбы с революционным движением, и инструментом конкурентной борьбы в экономической сфере, и попыткой объединить массы людей, воздействуя на их инстинкты созданием образа общего врага.

Кроме того, И. Омелянчук включает в когорту патриотических сил так называемые элиты, т. е. лиц высокоинтеллектуальных, образованных, составлявших интеллигентно-культурный слой нации [32]. Однако

«прогосударственную толпу» 18 октября составлял совершенно иной контингент, основную массу которого сложно назвать сознательно митингующими в «стройном патриотическом строю».

Безусловно, идейность имела место среди некоторого количества «адептов» (как и среди революционеров). Но всколыхнуть в едином «патриотическом» порыве массы в различных местностях мог лишь механизм, запущенный умелой рукой профессионалов, заинтересованных именно в таком развитии ситуации.

Примечательно, что Н. Анциферов, отмечая «заранее подготовленный характер» киевских погромов, задавался вопросом: как «было организовать этим бандам в столь короткий срок, ведь события у думы только что разыгрались?» [21]. Но если свидетели происшедшего указывали на особую роль в погромах правоохранительных органов, на что мы обращали внимание выше, то «соорганизовать» управляемую толпу было несложно.

Откровения А. Лопухина о деятельности полиции

О том, чем конкретно занимались сотрудники полиции ради искусственного обострения ситуации путем разжигания межнациональной вражды (с «еврейским» акцентом) можно судить из следующего эпизода.

С 1902 по март 1905 года Департамент полиции (административно входил в состав МВД России), обеспечивавший государственную безопасность Российской империи, возглавлял Алексей Лопухин. В связи с отстранением от должности по «служебному несоответствию» (остановимся на этом определении) он оказался на посту губернатора Эстляндской губернии. Но и здесь продержался всего лишь до 27 октября 1905 г., будучи обвинен после еврейских погромов в попустительстве революционному движению. Спустя год в своем рапорте на имя председателя Совета министров России Петра Столыпина, ранее занимавшего пост министра внутренних дел страны, он сделал ряд весомых заявлений. По его словам, вслед за обнародованием Манифеста 17 октября заведующий политической частью департамента полиции, чиновник для особых поручений при министре внутренних дел Петр Рачковский «с целью усиления реакции, предпринял издание соответствующих воззваний». Они печатались в то время жандармскими офицерами в помещении губернского жандармского управления «на станке, отобранном по обыску у революционного кружка». Одним из напечатанных «таким способом» воззваний (подписано группой «русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга»), оказавшимся в руках А. Лопухина, подрывалось «доверие рабочих» к их руководителям

с «уверениями» о расхищении последними материальных средств, собранных на «политическую борьбу».

Такого плана документы были не единственными, рожденными «в жандармском управлении». Затем в «секретном отделении департамента полиции» оказалась закупленная на его средства «усовершенствованная ручная печатная машина, обрабатывающая до 1.000 экземпляров в час». Отвечал за эту работу ротмистр Комиссаров, при котором «состояло два наборщика». На рубеже 1905–1906 гг. машиной было отпечатано «значительное количество воззваний» с «осуждением революционного движения», виновниками развития которого назывались «преимущественно» инородцы, «прежде всего» евреи, к борьбе с которыми документы «и возбуждали». Некоторые из воззваний заключали «самые уродливые обвинения против евреев», призывая к их бойкоту при выборах в госдуму; другие настраивали против них армию [33].

Пусть в этом откровении А. Лопухина речь шла о периоде с декабря 1905-го по начало следующего года, но сам факт однозначно подтверждает возможность отдельных сил департамента полиции влиять на ту или иную ситуацию в обществе в нужном (для определенного периода) направлении. А что касается еврейских погромов, то доказательство участия в них полиции налицо. Но кто конкретно давал на это команду? Здесь стоит пристальнее взглянуть на фигуру П. Рачковского, о котором говорил А. Лопухин.

Фактор Рачковского

В 1869–1873 гг. П. Рачковский являлся чиновником канцелярии одесского градоначальника с откомандированием его в 1869–1871 годах в распоряжение одесского полицмейстера. По всей видимости, в Одессе он впервые столкнулся с проявлениями еврейского погрома (1871 г.), который связывали с действиями экономических конкурентов евреев по городу – греков.

В 1873 г. П. Рачковский оказался в Варшаве. После образования в начале 1874 г. Варшавского генерал-губернаторства он поступил туда на службу в качестве чиновника для письма канцелярии. Недолго проработав на этом поприще, вскоре переходит в Министерство юстиции. В 1879 г. его арестовывают из-за связи с неким лицом, подозреваемым в укрывательстве террориста, приближенного к «Народной воле».

Находившийся под следствием Рачковский, согласившись на оказание агентурных услуг полиции, избежал обвинительного приговора. Примерив новую для себя роль, он успешно внедрил в один из

народовольческих кружков, но после его раскрытия вынужден был покинуть Петербург, перебравшись по линии Министерства юстиции в Вильно. Согласие на возвращение ему дали лишь в 1881 г. и он тут же стал членом «Священной дружины» [34], где получил опыт использования властью инициированных ею же организаций в собственных целях.

Дело в том, что «Священная дружина» была создана в марте 1881 г., а уже с апреля того же года начались еврейские погромы на юге России: в Елизаветграде, Киеве и Одессе. Но, несмотря на чрезвычайно обширную литературу, посвященную «еврейскому вопросу» и истории погромов в Российской империи, многое остается неясным и по сей день. В 1920-х гг. историки подготовили обширный сборник документов о погромах, включая и события 1881 г., но само издание осталось незавершенным. То и дело появлялись слухи, что вроде бы нашелся конкретный источник, указывавший на авторство грандиозной провокации. Имелась в виду деятельность тайного агента охранки Рачковского, якобы завербованного Варшавским генерал-губернатором Ржевским. Однако никто так и не смог убедительно доказать, что истинная подоплека погромов крылась в агентурной деятельности охранительного ведомства [35].

Как бы то ни было, карьера П. Рачковского стремительно шла вверх. В 1883 г. он был зачислен в штат МВД и начал работать в Департаменте полиции. В 1885 г. занял пост заведующего заграничной агентурой Департамента (под прикрытием должности советника при российском посольстве во Париже). По некоторым данным, в 1889 г. на него вышли влиятельные лица Франции, предложив ему стать акционером всех французских заводов и фабрик, работу которых, при его помощи, удалось бы наладить в России. Проще говоря, официальным Парижем ему поручалось вызвать у Александра III симпатии к Франции в целях улучшения условий для вложений французского капитала в российскую экономику. Поэтому он за французские деньги через своего агента создал (в контакте с французской тайной полицией) террористическую структуру, якобы готовящую покушение на государя. Ну а затем, с помощью подручных ему французских СМИ обнародовал информацию о проведенном (в соавторстве с коллегами из Парижа) успешном мероприятии против русских эмигрантов, готовивших теракт в России. А именно об обезвреживании «террористов» при их выезде в Петербург. Громкий судебный процесс, начатый Парижем, смягчил отношение Александра III к Франции, что и нужно было высокопоставленным провокаторам.

П. Рачковский обеспечивал и «избрание» Римским папой ориентированного на Россию кардинала Рампола, в том числе в обмен на согласие Николая II на постоянное представительство в Петербурге

папского нунция [36], что фактически открывало Россию для католичества.

Вместе с тем, «несанкционированные внешнеэкономические контакты» П. Рачковский поддерживал не только с французскими предпринимателями. Среди его партнеров были известные представители европейского делового мира Ребюфен (Франция), Перло (Бельгия), Мицакис (Греция) [34].

В 1902 г. он был отстранен от должности заведующего заграничной агентурой Департамента полиции не ладившим с ним тогдашним министром внутренних дел В. Плеве. Но после убийства Плеве в 1904 г. знаменитым агентом охраны, эсером Евно Азефом, П. Рачковский вновь оказался на плаву. Доказательств его сговора с террористом представлено не было, и вскоре он занял пост вице-директора, заведующего политической частью Департамента полиции.

Вышеизложенные моменты из биографии П. Рачковского демонстрируют, что при определенных обстоятельствах он мог стать успешным проводником интересов внешних сил. Однако без конкретных документальных доказательств было бы неисторично утверждать, что П. Рачковский действительно был связан с зарубежными центрами влияния на развитие ситуации в России. Но факт остается фактом: именно полицейские органы, в иерархии которых П. Рачковский являлся важнейшим звеном, оказались главными организаторами беспорядков в портовых городах России в октябре 1905 г. Не исключено, что он активно использовал занимаемое положение, чтобы подталкивать высшие эшелоны власти к принятию нужных решений. Что вполне могло осуществляться «в темную», скажем, путем подготовки для вышестоящих инстанций документов, раскрывающих «прямые доказательства» антигосударственной деятельности неких структур, в которых преобладали лица с еврейскими фамилиями. То, что П. Рачковский был профессионалом в этом деле, доказывают и источники: в декабре 1906 г. на одном из докладов в свой адрес Николай II начертал резолюцию: «Выдать 75 тысяч рублей Рачковскому за успешное использование общественных сил» [37].

Кто-то из читателей спросит, неужели Российская империя не имела эффективную контрразведку для противостояния агентурной деятельности в пользу иностранных сил? Резонный и справедливый вопрос. Как отмечают источники, с превращением России в начале XX в. в объект пристального внимания внешних сил в Санкт-Петербурге сосредоточилась «едва ли не вся лучшая агентура великих держав». Наиболее «опытными и сильными» были спецслужбы Великобритании, Австро-Венгрии и Германии. Английским разведслужбам удалось создать достаточно эффективную разведывательную сеть в Петербурге и

Москве. Спецслужбы зарубежных стран фактически сформировали разведорганизации, «действующие в среде российской титулованной аристократии», в том числе «в непосредственном окружении» Николая II.

Но, по-видимому, выявить агентуру российским властям было невероятно сложно. Не из-за хорошей подготовки зарубежных разведчиков, а лишь вследствие того, что на рубеже XIX–XX вв. в России не существовало специального контрразведывательного органа. Задачи борьбы с иностранным шпионажем частично выполняло III (охранное) отделение Департамента полиции МВД, чьей основной задачей являлась борьба с революционным движением в стране и наблюдение за русской эмиграцией за границей (вспомним должности, занимаемые П. Рачковским до 1902 г. и с 1905 г.). Ну а непосредственно противодействие внешним разведкам ограничивалось периодическим направлением циркуляров, рекомендовавших жандармским управлениям и охранным отделениям усилить наблюдение за подозрительными иностранцами. Какие-либо специальные инструкции на этот счет отсутствовали. Военное ведомство вообще не имело спецорганов по борьбе с иностранным шпионажем [38].

Как бы то ни было, в погромных акциях явно просматривается полицейский след. Поэтому вполне вероятно, что пропаганда идеи об осуществлении погромов черносотенными организациями (еще не оформившимися к тому времени), запущенная посредством управляемых СМИ, преследовала целью отвлечь внимание общественности от полиции.

Российский историк Олег Будницкий отмечает, что для властей заниматься «организацией погромов» было бы «верхом неразумия», так как это способствовало усилению хаоса в стране, «охваченной революционной смутой». Правда, антиеврейское законодательство, обвинения евреев в их виновности «в своих бедствиях» способствовали массовости погромов. В то же время замечание О. Будницкого о невозможности для правительства «технически» осуществить погромы, так как решение о подписании Манифеста 17 октября «было принято императором в последнюю минуту» [39], все же опровергается умелыми действиями полиции.

Четкость в организации явно характеризовала ход событий. Да и одинаковый погромный почерк во всех крупных городах свидетельствует о наличии изначального сценария, проявившегося даже в одинаковой продолжительности погромной волны в Одессе, Ростове, Мариуполе, Киеве и других городах, словно по заказу продолжавшейся три дня, вслед за чем войскам отдавался приказ применить против погромщиков оружие, что моментально урезонило толпу. В общемто, многое здесь

вполне читаемо, пусть и между строк. Но рядом со «строками» в погромах были и «штрих-пунктиры».

Бизнес-конкуренция, отряды самообороны, финансовая помощь и «права человека»

Одним из упомянутых выше «штрих-пунктиров» является экономическая конкуренция по «национальному признаку». Прежде всего, вернемся назад в год 1871-й, когда в Одессе произошел еврейский погром. Согласно данным еврейских исследователей, он был организован «греческими купцами в ответ» на взятие у них евреями контроля «над большинством банков и внешнеторговых операций» [40].

В связи с обсуждаемой проблемой также сообщим, что и в те погромные дни, когда «более пятисот лавок и восьмисот домов» были разграблены и разрушены, полиция «не вмешивалась». Власти начали действовать «на четвертый день», когда «солдаты ловили погромщиков, секли их на виду у всех и таким оригинальным способом навели порядок в городе» [41]. Так что «три погромных дня» с применением силы против погромщиков на четвертый были уже апробированным вариантом. Этот же сценарий применялся и в погромах в разных регионах СССР в преддверии развала страны.

Евреи в качестве общественно значимой силы стали заметны в России только со второй половины XIX в. Определенная их часть приняла «большое участие в развитии промышленности и финансовых учреждений». Банкирские дома Одессы участвовали своими капиталами в строительстве железных дорог. Самуил Поляков проявлял большую активность в создании каменноугольной промышленности в Южной России [42]. Основными занятиями одесских евреев во второй половине XIX–XX вв. были торговля и ремесла. Они занимали преобладающее положение в торговле зерном [16]. В «значительной степени благодаря еврейским торговцам» в 1900–1905 гг. вывоз хлеба за границу составил 21–22% урожая 50 губерний европейской части России» [43].

В Ростове еврейские предприниматели также выдвинулись на первые роли, особенно братья Поляковы, бывшие одновременно учредителями и обладателями контрольных пакетов акций Азовско-Донского, Донского земельного и других банков, сыгравших большую роль в экономическом развитии края. Евреи превратили Ростов-на-Дону в крупный центр хлебной торговли, во многом благодаря Якову Полякову, основателю и владельцу каботажного Азовского пароходства. Они составляли большинство в правлениях городских банков, около трети домов на главной улице города Большая Садовая принадлежало евреям [16]. И это

далеко не полный перечень «объектов», находившихся в руках евреев в портовых городах.

Следовательно, предпринимательские успехи евреев вполне могли послужить причиной поддержки погромов их торговыми конкурентами на местах. А ведь существовала еще и значительная прослойка российских олигархов-неевреев в центре, также заинтересованная в ослаблении еврейских позиций в бизнесе. Хотя они были не в силах провести столь массовую погромную операцию в России, но вот поспособствовать ей, словом или делом, отдельные конкуренты вполне могли. Потому, как отмечает исследователь Иосиф Кременецкий (Миннеаполис, США), в силу «исторической логики» погромы оказались направлены не только против революционеров, но главным образом «против представителей еврейской буржуазии», враждебных «революционному движению» [44].

Другим немаловажным «штрих-пунктиром» оказались отряды самообороны евреев, получившие в октябре 1905 г. довольно широкое распространение. Оружие для этих «боевых групп в России закупали» еврейские организации иных стран, в частности «Общество самообороны, созданное в США» в 1903 г. реформистским раввином, доктором философии Иехудой Лейбом Магнесом [44]. Оно занималось сбором средств для закупки оружия, «нелегально переправлявшегося» в Россию «отрядам еврейской самообороны» [45]. Глава американского банковского треста «Кун, Леб и Ко» Джейкоб (Якоб) Шифф также «оказывал щедрую помощь группам еврейской самообороны» России [46].

Невозможно не признать, что российские евреи нуждались в организации собственной защиты, что и доказала трагическая для них осень. Но, как бы кощунственно это ни звучало, снабжая боевые отряды оружием, внешние силы действовали евреям во вред. Соппротивление групп самообороны лишь ужесточало побоища, увеличивало число жертв и усугубляло обстановку. Но не эта ли цель преследовалась геополитическими противниками России?

В содействии отрядам самообороны поучаствовали и «французские и английские Ротшильды» (барон Густав де Ротшильд и лорд Натаниэл Ротшильд). Но, как отмечается, организуя денежную помощь жертвам российских погромов (каждый из них выделил для этой цели десять тысяч фунтов стерлингов), они настаивали (!) на доставке собранных средств в Россию через их Лондонский банк для того, чтобы «предотвратить использование пожертвований в радикальных целях», могущее предоставить Петербургу «дополнительную пищу» для обвинений еврейских банкиров в финансировании русской революции». В то же время Ротшильды всячески препятствовали попыткам еврейских

лидеров в своих странах организовать «массовые публичные кампании протеста против официально разжигаемого антисемитизма в России», утверждая, что данные шаги лишь усилят ненависть «к евреям в российских правящих кругах» [47]. Сбор пожертвований в пользу пострадавших от погрома евреев в России осуществлялся и в Нью-Йорке, где на одном из организованных «еврейским обществом» митингов было провозглашено образование специального комитета [14].

Как уже говорилось, начиная с кишиневского погрома 1903 г. «еврейский вопрос» стал для Белого дома легальным средством давления на Россию. И тема «прав евреев» использовалась Вашингтонской администрацией в необходимые исторические моменты. Всякий раз перед этим производилась идеологическая обработка общественности.

Так, президент США Теодор Рузвельт в беседе с известным банкиром Оскаром Штраусом упомянул о невозможности для него что-либо предпринять «в видах прекращения еврейских погромов в России» [14]. Следовательно, трагические события октября 1905 г. были из числа таковых, которые могли использоваться Вашингтоном для давления на Россию под предлогом несоблюдения ею «прав человека».

Общеизвестно, что во взаимоотношениях государств ссылка на «права человека» (нередко применительно к «правам евреев») часто использовалась как вспомогательное средство достижения геополитических целей. В связи с этим автор счел целесообразным совершить небольшой экскурс в XIX век с помощью Льва Троцкого, который с блеском высказывался на любую тему.

Л. Троцкий назвал поразительным то, «как близко» первый рейхсканцлер Германской империи Отто фон Бисмарк (1871–1890 гг.) принимал «к сердцу интересы молдавского еврейства». Однако за «образом бескорыстия» крылась чисто экономическая причина: Берлин лишь хотел обязать Бухарест выкупить у немецких банкиров румынские железные дороги, что было условием «для признания независимости Румынии в ее новых границах». То есть речь шла о перекраивании Берлинским конгрессом 1878 г. карты Юго-Восточной Европы для открытия «европейскому капиталу» беспрепятственного доступа «во вновь сформированные государства».

Поскольку экономическое вторжение нуждалось в стабильности в новых балканских странах, конгресс потребовал от них обеспечения «гражданского равноправия, независимо от национальности и вероисповедания» жителей. От исполнения данного условия зависело признание независимости балканских государств. Последний пункт ставил Румынию перед необходимостью «включить 300 тысяч своих евреев в число полноправных граждан», дабы не оказаться вне «установленного берлинским ареопагом международного права». Затем

между Европой и румынским правительством началась томительная тяжба из-за судьбы местных евреев, кульминацией которой стало требование Берлина к Бухаресту выкупить железные дороги на условиях «берлинских банкиров, во главе которых стоит еврей Блейхредер⁶¹». Ну а далее, согласно описанию Л. Троцким ситуации, складывавшейся вокруг железной дороги Роман – Вырчиора, «тощие абстракции еврейского равноправия пожираются тучными акциями блейхредеровских банков»; а в результате торга с обеих сторон «цена акций в такой мере переплетается с ценою еврейской крови», что сами контрагенты не всегда твердо различают, «о чем, собственно, в данный момент идет речь».

Поэтому Бисмарк напоминает уполномоченному Димитрию Стурдзе⁶², что дороги в Румынии принялся строить «еврей Струсберг»⁶³, привлекая крупных магнатов Силезии. Когда проект застопорился, для его спасения король Вильгельм использовал собственные сбережения, затем – средства Блейхредера. Последний и потребовал выкупа у него акций Бухарестом (на разорительных и унижительных условиях), вслед за чем цену акций Бисмарк приравнял к цене «независимости Румынии». «Так причем тут права румынских евреев?» – вопрошает Л. Троцкий. А при том, что в случае несогласия румынского правительства с предложением «биржевого еврея Блейхредера» Бисмарк пригрозил, что всерьез потребует от него выполнения Берлинского трактата относительно равноправия евреев.

Все свелось «к колоссальному финансово-политическому шантажу», в котором ставкой являлись миллионы марок, «вложенных прусской знатью в предприятие Струсберга, а средством вымогательства служили права румынского еврейства» [48]. Как следствие, при затраченных на строительство 247 млн франков Румыния согласилась с оплатой долга в 713 млн (включая проценты) в течение 44 лет. Ну и канцлер Германии дал отмашку на признание в 1880 г. независимости Румынии, что открыло путь к провозглашению страны королевством [49].

Таким образом, тема защиты «прав евреев», которую поднимали ведущие мировые державы, была не более чем инструментом давления на отдельные режимы, чтобы вынудить их к принятию политикоэкономических решений в угоду геополитическим центрам. По всей видимости, аналогичным образом тему обеспечения «прав евреев» в России по отношению к Петербургу использовал и Вашингтон.

⁶¹ Герсон Блейхредер – один из крупнейших банкиров Германии того времени, чье личное состояние оценивалось в 75–100 млн марок. Он финансировал политические акции Бисмарка по объединению Германии, был его неофициальным советником по финансовым делам. – прим. авт.

⁶² Румынский писатель и государственный деятель. – прим. авт.

⁶³ В. Штрусберг – прим. авт.

Эмиграционная канва

Параллельно с этим хотелось бы обратить внимание еще на одно следствие погромов – возрастание масштабов эмиграции евреев из России. Однако этот процесс имел небольшую предысторию. Согласно еврейским исследователям, в 1881–1890 гг. из России эмигрировали 265 тыс. человек, а с 1891 по 1900 год – свыше 600 тыс. [50].

Наиболее очевидной причиной первой волны эмиграции являются еврейские погромы 1881 г. (Одесса, Екатеринослав, Борисполь и др.). Но для выезда российских евреев имелся еще один немаловажный повод.

Исследуя искусственную политизацию мировыми державами «ханаанской» парадигмы иудаизма, автор останавливался на геополитической подоплеке вывода европейскими державами на мировой уровень доктрин иудейской религии. К 1850 г. вопрос Палестины перешел в ведение Великобритании. Приняв под «опеку» еврейский вопрос, Лондон, стремившийся всеми средствами ослабить Османскую империю, предстал защитником «интересов евреев» в плане содействия их «возвращению на Землю Обетованную». Но одновременно с этим англичане решали еще одну задачу – вызвать к себе симпатии еврейской диаспоры Европы, в том числе России, надеясь дать «зеленый свет» заселению евреями Ближнего Востока [51].

Так вот, с ростом антиеврейских проявлений в России известные представители еврейской интеллигенции, ранее ратовавшие за ассимиляцию или отстаивавшие идею культурной автономии евреев в диаспоре, стали «убежденными сторонниками национального возрождения еврейского народа на его исторической родине – в Эрец-Исраэль». Во многих городах возникли кружки, своей конечной целью провозгласившие переселение в Палестину. В результате же погромов 1881–1882 гг. «за короткий срок» Россию покинуло «несколько десятков тысяч человек» [23], оседание даже малой части которых в Палестине фактически играло на руку Британии.

Правда, эмиграции евреев также способствовало введение российскими властями в 1882 г. «Временных правил», отменивших принятые ранее нормативные акты, позволявшие некоторым категориям евреев селиться в селах и деревнях за так называемой чертой оседлости (хотя новое ограничение не распространялось на получивших это право по образовательному цензу).

Поэтому, несмотря на стремление части евреев избежать мобилизации в российскую армию в период войны с Японией, способствовавшее «росту эмиграции», далеко не это было одной из основных причин выезда евреев из России [52].

В то же время, «главный поток эмиграции» направлялся не «на нашу древнюю родину Палестину», а в США [22], где административные ограничения на иммиграцию еще не были в ходу. В 1881–1889 гг. в США прибыли около 140 тыс. евреев из Российской империи, а в 1903–1907 гг. – почти 500 тыс. [52].

Важнейшим отрицательным для России результатом последнего оттока евреев из страны стало то, что ниша, занимаемая ими в экономике, освободилась, но ее некому было занять. Ведь именно евреи главенствовали в отраслях, приносивших России доход. А тем, кто пришел им на смену, требовалось немало времени для налаживания деятельности. Как это ни покажется удивительным, но отдельные политические деятели России понимали роль евреев в экономическом процветании Российской империи и, следовательно, ущерб для страны от их выезда.

Так, Петр Струве, российский философ, экономист, историк, общественный и политический деятель либерального толка, ставя в основу русской внешней политики «экономическое господство России в бассейне Черного моря», подчеркивал важность политико-культурного преобладания Петербурга на всем Ближнем Востоке (с возможностью осуществления этого «совершенно мирным путем»). По его мнению, если задача России действительно сводится к нашему «расширению» в бассейне Черного моря, то для ее реализации, включая хозяйственный подъем страны, евреи представляют элемент весьма ценный, так как в «экономическом завоевании Ближнего Востока, без которого не может быть создано Великой России, преданные русской государственности, и привязанные к русской культуре евреи прямо незаменимы в качестве пионеров и посредников». Другое дело, что «единственным способом для этого является последовательное и лояльное» осуществление «эмансипации» евреев. Среди «инородцев» России, говорил П. Струве, несмотря «на все антисемитические вопли» нет «элемента», способного легче евреев «быть поставленным на службу русской государственности и ассимилированным с русской культурой». Посему разрешение «еврейского вопроса» неразрывно связано с экономической стороной проблемы Великой России. «Эмансипация» евреев психологически предполагает экономическое возрождение России, являясь одним из орудий создания хозяйственной мощи государства. В связи с этим «центр тяжести политического решения» еврейского вопроса заключается в упразднении «черты оседлости» [53].

Но такие взгляды, являясь единичными, не формировали политические настроения в России. Вместе с тем, эмиграционный процесс также предоставлял возможность Белому дому, да и американскому частному бизнесу, использовать организационно-

административный и предпринимательский опыт экс-российских евреев. Говоря другими словами, США получили в свое распоряжение довольно приличную прослойку специалистов различного профиля.

В целом, еврейские погромы октября 1905 г. довершили череду событий по дестабилизации России, начавшихся с 1903 г. В результате четко организованных действий по обострению обстановки на Дальнем Востоке, Южном Кавказе и в российских портовых городах процесс производства и транспортировки бакинского «черного золота» был нарушен. Промышленное производство в России в 1905 г. сократилось на 3,3% [54] и, самое главное, Империя лишилась перспектив на глобальном нефтяном рынке. Следовательно, стратегическая линия по уничтожению самодержавия, принятая на Парижской конференции оппозиционных российской власти партий, начала успешно претворяться в жизнь. Революционное движение в России, подталкиваемое извне к вооруженным акциям, нанесло значительный экономический (нефтепромышленность) и геополитический (поражение в русско-японской войне) ущерб Российской империи.

1. Черное море. Статья из Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона 1890 г.
<http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/007/113/113395.htm>
2. Кавказ. Статья из Большой Советской Энциклопедии
<http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/057/375.htm>
3. Ростов-на-Дону
http://www.migratio.ru/towns/town_rost.htm
4. Оленин П. Путеводитель по всем русским водным путям
<http://www.gen-volga.ru/biblio/olenin-d.htm>
5. История порта
<http://gold.dn.ua/catalog/27/r0/16336/page16535.html>
6. Донецкий край
<http://gold.skif.net/donetskregion/index.html>
7. Труды XX съезда нефтепромышленников. Том II, Баку, 1905, с. 269–279.
8. Кузык Б., Яковец Ю. Россия: стратегия перехода к водородной энергетике
http://www.kuzyk.ru/upload/objects/docs/1120642570_glava3.pdf
9. Яблонских Е. К. История экономики России XX века. 1900–1917 годы
<http://referat.ru/referats/view/20619>
10. Цит. по: Петров Ю. А. Коммерческие банки и экономическое развитие России в конце XIX – начале XX века
<http://www.vep.ru/bbl/history/cbr28.html>

11. Манифест об усовершенствовании государственного порядка
<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/oct1905.htm>
12. Из газеты «Русское слово» от 31 (18) октября 1905 г.
<http://xn--e1ajblckefu.xn--p1ai/archive.php?m=10&y=1905>
13. Одесса
<http://www.eleven.co.il/article/13047>
14. Из материалов российской прессы за октябрь 1905 г.
<http://starosti.ru/archive.php?m=11&y=1905>
15. Ильницкая О. Погромы: как это делалось в Одессе
http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-names/others/odessa/69_75/ilnitsk/prose/1131180158.html
16. Ростов-на-Дону
<http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=13587&query=%D0%CE%D1%D2%CE%C2>
17. Мовшович В. Е. Печальный юбилей
http://www.pseudology.org/Kojevnikov/Xrestomatiya/Rostov_Pogrom_1905.htm
18. Цит. по: Руденко Н. Еврейский погром в Мариуполе
<http://old-mariupol.com.ua/evrejskij-pogrom-v-mariupole/>
19. Троцкий Л. Царская рать за работой
<http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl204.htm>
20. Троцкий Л. Наша первая революция
http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/98377/17/Trockiii_02_Tom_2%282%29._Nasha_pervaya_revolyuciya._Chast%27_2.html
21. Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания
http://gendocs.ru/v31784/%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2_%D0%BD.%D0%BF._%D0%B8%D0%B7_%D0%B4%D1%83%D0%BC_%D0%BE_%D0%B1%D1%8B%D0%BB%D0%BE%D0%BC_%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F?page=6
22. Дубнов С. М. Письма о старом и новом еврействе
<http://bookold.ru/BookLibrary/00605-Evrei-v-Rossii/1907.-Pismo-oStarom-i-Novom-evreystve.html>
23. Погромы
<http://www.eleven.co.il/article/13251>
24. Шульгин В. Что нам в них не нравится
<http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=138321>

25. Ольденбург С. Царствование императора Николая II
http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/150563/13/Ol'denburg_-_Carstvovanie_imperatora_Nikolaya_II.html
26. Ленин В. И. Задачи отрядов революционной армии
а/ http://www.web-lib.biz/writer/3170/books/24896/lenin_vladimir_lich/zadachi_otryadov_revolyutsionnoy_armii/read/2
б/ http://www.web-lib.biz/writer/3170/books/24896/lenin_vladimir_lich/zadachi_otryadov_revolyutsionnoy_armii/read/3
27. Статья «Союз русского народа» в Большой Советской Энциклопедии
<http://bse.sci-lib.com/article105023.html>
28. Союз русского народа
<http://www.eleven.co.il/article/13916>
29. Степанов А. Русское собрание
http://www.hrono.ru/organ/rossiya/russ_sobr.html
30. Союз русских людей
http://www.hrono.ru/organ/rossiya/soyuz_ru_ludey.html
31. Союз русских людей
<http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/134878/%D0%A1%D0%BE%D1%8E%D0%B7>
32. Омелянчук И. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.)
<http://rudocs.exdat.com/docs/index-197842.html>
33. Письмо Лопухина
<http://interpretive.ru/dictionary/462/word/pismo-lopuhina>
34. Брачев В. Петр Иванович Рачковский
http://www.pseudology.org/Bogatyri_syska/rachkovsky_pi.html
35. Юдофобия: сумма зол
<http://www.timeandspace.lviv.ua/files/library/gatagova245374072bb616.doc>
36. См. Об одной международной провокации
<http://www.agesmystery.ru/node/761>
37. Касвинов М. Двадцать три ступени вниз
http://lib.ru/HIST/KASWINOW/dwadcattri.txt_Piece100.04
38. Старков Б. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914
http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/1008877/2/Starkov_-_Ohotniki_na_shpionov._Kontrrazvedka_Rossiyskoy_imperii_1903-1914.html

39. Будницкий О. Евреи и революция 1905 года в России: встреча с народом
<http://magazines.russ.ru/nz/2005/6/bud15.html>
40. Дружкова И. Еврейские банкиры в Одессе XIX века
<http://www.migdal.ru/times/48/4465/?print=1>
41. Кандель Ф. Очерки времен и событий
http://chassidus.ru/library/history/kandel/2_10.htm
42. Кременецкий И. Евреи при большевистском строе
http://members.tcq.net/joseph/polozch_evr_v_rossii.htm
43. Экономика. Участие евреев в экономике Российской империи в 19 в. – начале 20 в.
<http://www.eleven.co.il/article/15436>
44. Кременецкий И. Участие евреев в политической деятельности России и СССР
<http://www.berkovich-zametki.com/Nomer11/Kremen1.htm>
45. Магнес Иехуда Лейб
<http://www.eleven.co.il/article/12559>
46. Шифф Джейкоб Генри
<http://www.eleven.co.il/article/14843>
47. Ротшильд, семья
<http://www.eleven.co.il/print.php?id=13598>
48. Троцкий Л. Еврейский вопрос
<http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm152.htm>
49. Виноградов В. Румыния: от союза с Россией к союзу с Центральными державами
<http://horthy.narod.ru/vinog5.html>
50. Самооборона
<http://www.eleven.co.il/article/13678>
51. См. Атаев Т. Светско-религиозный тандем в геополитике, или глобализационное миссионерство
<http://www.idmedina.ru/books/islamic/?935#37>
52. Соединенные Штаты Америки
<http://www.eleven.co.il/article/13881>
53. Струве П. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества
<http://mnemosyne.ru/library/struve-1.html>
54. Отечественная история (до 1917 г.) (А. Ю. Дворниченко и др.)
<http://studlib.com/content/view/794/17/>

«АРМЯНСКИЙ» И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ КАК ОТВЕТВЛЕНИЯ «МЛАДОТУРЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Дашнаки вооружают армян Османской империи и Кавказа

Согласно армянским источникам, после событий 1905 г. в Азербайджане «практическая деятельность» «Дашнакцутюн» вновь «была перенесена» на территорию Османской империи [1]. Прежде всего это проявилось в вооружении армянского населения страны. В том же году Андраник Озаян, будущий генерал дашнакской армии, посетил Францию, Швейцарию, Бельгию, Англию, Болгарию и Персию, добиваясь решения вопроса о приобретении оружия, необходимого в «национально-освободительной борьбе армян Западной Армении» [2].

Один из августовских номеров московского «Русского слова» сообщал о поступлении информации из Смирны (Измира) о раскрытии обширного армянского заговора: «найден 80 больших адских машин, 48 динамитных бомб и большое количество взрывчатого материала. Полагают, что готовилось покушение против правительственных зданий, консульств и других построек» [3]. По свидетельству Льва Троцкого, в 1905–1906 гг. возле болгарского города Витоша располагалась партийная военно-инструкторская школа, воспитывавшая «под руководством болгарского офицера, воевод для армянских чет» [4].

В османском Арабкюре в 1906 г. действовало 36 подпольных групп, был организован вооруженный отряд [5]. С 1907 г. дашнак Драстамат Канаян, известный как Дро⁶⁴, «под видом коммерсанта и владельца» фирмы «Сурен эфенди» в османском Баязете, «осуществлял тайную переброску оружия и боеприпасов для армянских гайдуков» [6]. Параллельно, как писал «Русский голос», «ко всем невзгодам султана, на глазах у которого турецкое государство трещит и расползается по всем швам, прибавляется теперь сепаратистское движение в Малой Азии». Армяне «предлагают курдам соединиться с ними, восстать против падишаха и создать независимое армяно-курдское государство» [7].

В то же время продолжалось вооружение и российских армян. Январская (1906 г.) пресса Москвы приводила информацию о сожжении армянами «в кавказских провинциях 27 магометанских деревень» [8]. «Русское слово» сообщало об обнаружении грандиозного подкопа «под склад патронов Сальянского полка, где хранились патроны всех расположенных в Баку войск в количестве миллиона штук. Подкоп начинается из дома армянина Давидянца, из подвала, занятого тремя квартирантами-армянами» [9].

⁶⁴ Будущий командующий Армянским легионом Вермахта периода II мировой войны. – прим. авт.

П. Столыпин приводил данные, что весной 1907 г. в Елизаветполе (ныне г. Гянджа) комитет «Дашнакцутюна» фактически владел «судебной и административной властью над армянами». Собрав «под предлогом борьбы» с азербайджанцами «значительные денежные средства», комитет «скупал оружие», оборудовал «лаборатории для приготовления бомб», «завел свои тюрьмы»; применял «лишение свободы и денежные взыскания к тем», кто, минуя «комитет», обращался «к содействию полиции и суда» [10].

При Екатеринодарском и Армавирском подкомитетах «действовали группы боевиков (зинворы)», помощь в организации и обучении которых оказывали «выпускники армянской военной школы» Витоши [11]. Немаловажное место в тактике дашнаков «занимали экспроприации и террор», архивы «содержат ряд свидетельств о вымогательстве значительных сумм». Деньги использовались «для закупки оружия и переправку в Турцию, Персию и в Эриванскую губернию», в целях чего «создавались небольшие группы из 3–4 человек» [12].

Новые веяния в армяно-османских взаимоотношениях

Однако именно в этот момент взаимоотношения между турками и армянами начинают принимать новые очертания, что связано с активизацией оппозиционной султану партии «Единение и прогресс» («Иттихад ве тереги»). Первый комитет этой организации, основанный в 1889 г. в Стамбуле студентами военно-медицинского училища, был разгромлен властями. Но в 1894 г. возник новый, объединивший видных представителей турецкой интеллигенции.

К возрождению партии, лидерами которой стали Энвер-бей, Талаат-бей и др., по всей видимости, приложил руку недремлющий Запад (аналогично рождению «Гнчак» и «Дашнакцутюн»). Ее сторонники, членов которой европейцы именовали «младотурки», ратовали за превращение султаната в буржуазно-демократическое государство. Они стремились усилить позиции турецкой буржуазии в экономике страны, приобщить ее к политической жизни. Основные партийные кадры составляло чиновничество, офицерство и учащаяся военная молодежь. Комитет «Единение и прогресс» развил агитационно-пропагандистскую работу как среди турецкого населения, так и среди национальных меньшинств Османской империи [13].

Правда, в манифесте, обнародованном съездом младотурок в Париже в декабре 1907 г., задача полного ниспровержения «османского самодержавия» не ставилась. Документ провозглашал сохранность всех оригинальных черт «нашей восточной цивилизации», при заимствовании с Запада только общих результатов «его научного развития»,

необходимого «для просвещения и освобождения нашего народа». Вместе с тем, манифест призывал к реформам во всей империи, которые затронут «евреев, христиан, мусульман» [4]. В связи с этим младотурки и дашнаки приступили к выстраиванию отношений взаимопонимания. Советник представительства МИД во Франции Анатолий Неклюдов сообщал из Франции о заключении на съезде союза между младотурецким движением и «армянскими революционными сообществами, «Дашнакцутюн» и другими», что привело к сближению «младотурецких комитетов с революционными комитетами армянскими» [15].

Здесь стоит отметить, что вся деятельность дашнаков с периода создания партии однозначно свидетельствует об ее изначальном контроле Западом. Следовательно, любое изменение в тактике «Дашнакцутюн» также согласовывалось с нешними силами, в том числе в описываемых событиях. По-видимому, одной из причин заинтересованности Запада в развитии ситуации в Османской империи в духе «сердечного взаимопонимания» между партией «Единение и прогресс» и дашнаками являлась уверенность западных стран в «податливости» младотурок после их прихода к власти в Османской империи. Говоря другими словами, мировые державы, прежде всего Великобритания, намеревались получить от «своих» турецких революционеров политико-экономические преференции без особого давления. Поэтому «армянский фактор» здесь не имел значения. С другой стороны, в Европе отчетливо понимали, что стабильное состояние армянского населения в стране лишало Петербург возможности для вмешательства во внутренние дела Османской империи под предлогом защиты «угнетаемого христианского населения».

Как бы то ни было, члены «Дашнакцутюн» приняли участие в антисултанском Эрзурумском восстании 1906 г. При этом «между армянами и турками» не было не только «никаких инцидентов на национальной почве», но «царило полное взаимное согласие и доверие» [16].

Российско-британское сближение и «македонский вопрос»

С 1907 г. стали отмечаться новые нотки в российско-британских взаимоотношениях. Соглашение этого года между двумя странами признавало протекторат Великобритании над Афганистаном. Стороны признавали Тибет частью Китая, с отказом от попыток установления контроля над ним. Персия делилась на три сферы влияния: русскую на севере, английскую на юге и нейтральную в центре страны. Документ, оформивший создание Антанты (Франция, Англия, Россия) в противовес

Тройственному союзу, устранил, по словам министра иностранных дел России в 1910–1916 гг. Сергея Сазонова, «многие препятствия к участию Англии в борьбе против Германии на стороне России» [17]. (Отметим, что в 1908 г. была добыта первая персидская нефть, а спустя год создана Англо-Персидская нефтяная компания, впоследствии переименованная в British Petroleum. 97% ее акций принадлежало Burmah Oil, а директором компании стал Д'Арси, о котором шла речь в предыдущих главах).

В июне 1908 г. в Ревеле (Таллинн) состоялась историческая встреча между английским королем Эдуардом VII и его племянником – российским императором Николаем II. По сообщению российской прессы того периода, их взаимопонимание вызвало «подавленное настроение» в Берлине, вплоть до отказа германского императора Вильгельма II, другого племянника Эдуарда, «против обыкновения, посетить русскую оперу» [18].

В Ревеле российский император согласился на расширение реформ в Македонии, номинально остававшейся под властью Османской империи. Речь шла о введении административного самоуправления как начального этапа политико-государственного строительства Македонии [19].

В связи с этим стоит отметить, что образованное согласно Сан-Стефанскому мирному договору княжество Болгария включало территории в Мезии, Фракии и Македонии. Вполне очевидна территориально-географическая выгодность этого региона для России, рассматривавшей Болгарию как исключительно «свою». Поэтому естественным выглядело дезавуирование данного договора Берлинским конгрессом 1878 г., разделившим Болгарию на вассальное княжество с центром в Софии, автономную османскую провинцию Восточная Румелия и Македонию. Однако в 1885 г. Александр I Болгарский объявил о присоединении к Болгарии Восточной Румелии. Хотя такой шаг и не был поддержан Россией, наверняка на Западе не исключали попыток Петербурга при удачном геополитическом сценарии вновь активизироваться в «единоболгарском» направлении.

Поэтому неудивительно, что в Македонии возникло движение за независимость от Болгарии. В частности, «македонские болгары» утверждали об отсутствии у Македонии нужды «ни в России, ни вообще в Европе». Если она получит и укрепит собственную свободу, то только благодаря «своим собственным силам в единении с младотурками» [20]. Скорее всего, именно поэтому Лондон и пробил в Ревеле вопрос о македонских реформах, а согласие на них Николая II означало «зеленый свет» движению к независимой Македонии.

Наверняка благодаря этому в Ревеле был поднят и «боснийский» вопрос. Так, «представители находящихся в Сербии эмигрантов из Боснии и Герцеговины», с «восторгом» приветствуя встречу «двух

могущественнейших монархов Европы», в направленной на имя Эдуарда VII и Николая II телеграмме обратились с просьбой «вспомнить», что их соотечественники «продолжают стонать под ярмом» османов, «не получив» обещанного «представителями всех держав» [21].

Речь здесь, безусловно, шла о пункте Берлинского конгресса, согласно которому «провинции Босния и Герцеговина будут заняты и управляемы Австро-Венгрией». По всей видимости, именно Веней, не дождавшейся реализации берлинских договоренностей, и была организована «инициатива с мест». Разыгрывая эпизод с телеграммой, заинтересованные силы прекрасно понимали, что «боснийский вопрос» в Ревеле обсуждаться не будет. Скорее всего, главной целью здесь было озвучить данную проблему, которая впоследствии должна разрешаться одновременно с «македонской».

Вместе с тем, в правительственных кругах России циркулировала информация, что на встрече монархов обсуждался вопрос Проливов. В своем дневнике член Государственного совета Александр Половцев писал, что в совете ходят слухи по поводу обещания Эдуарда VII «добиться открытия для нашего флота свободного прохода через Дарданеллы». Кроме того, в ходе визита Эдуард VII поспособствовал размещению в России займа на сумму 100 млн ф. ст. банкира Эрнста Касселя [22], немецкого еврея, одного из его ближайших друзей, осыпаемых им почестями и титулами [23]. К услугам Э. Касселя прибегало и английское правительство, в частности министр иностранных дел Эдуард Грей воспользовался его заемом в полмиллиона фунтов для «марокканских дел» [24].

«Младотурецкая» революция

По поводу взаимопонимания Лондона и Петербурга относительно Македонии П. Милюков писал, что обычно «в случае особенного напора Европы на Турцию в защиту христианского населения» султаны обнародовали свои хатти-шерифы (указы) по данным вопросам. При этом документы «оставались на бумаге», а режим продолжал «существовать по-прежнему». После Ревеля же «больной человек, которого привыкла опекать Европа, вдруг ожил». Но в лице не правительства, а «самого турецкого народа» [25].

Так, буквально через несколько дней после окончания русско-британских переговоров дали о себе знать «младотурки» Македонии. В своих июньских донесениях управляющий гражданским агентством в Македонии Александр Петряев отмечал большие успехи пропаганды младотурок среди военных чинов III корпуса, около пятидесяти процентов офицеров которого «принадлежат к младотурецкой партии».

Революционное движение охватило «почти всех офицеров, резко критикующих существующий режим и требующих введения конституции». Им сочувствовали старшие командиры частей, включая начальника штаба корпуса. Представители младотурецкого комитета в Солуни (Салоники) обратились с особыми прокламациями к консулам Англии и Франции, протестуя против «исключительного и привилегированного положения в Македонии России и Австрии». 3 июля в македонском Ресене началось восстание, через несколько дней поддержанное большинством находившихся в Македонии подразделений турецкой армии.

В меморандуме партии «Единение и прогресс» основной целью было определено восстановление конституции 1876 г., в свете чего выражалась надежда встретить «у политических деятелей Европы благожелательное отношение» при осуществлении «своих справедливых» стремлений. Документ закреплял «гарантию жизни, чести и имущества всех народов» Османской империи, «без различия национальности и религии». Восставшие вошли в Салоники и другие города, где «образовались временные правительства из военных и штатских чинов, захватившие в свои руки фактическую власть».

«Младотурецкая революция» вынудила султана 24 июля 1908 г. объявить восстановление конституции, освободить из тюрем политзаключенных, выполнить условия младотурок о кадровых изменениях. По свидетельству российского военного агента в Стамбуле Ивана Хольмсена, «вся правительственная система султана рухнула как бы в один миг, а кругом его остались одни конституционалисты». Комитеты же «Единения и прогресса» приступили к успешному исполнению «функции властей, поддерживая в стране примерный порядок».

Довольно интересный аналитический взгляд на происходившее представил драгоман русского посольства в Стамбуле Владимир Майков. Отмечая, что целью султанского режима является сохранение неограниченной власти падишаха «путем жестокого подавления даже самого слабого лепета протеста со стороны жертв злоупотреблений и произвола», В. Майков писал о постепенном угасании «жизни», «существования» каждого подданного страны. Поэтому практически все население, вне зависимости от вероисповедания, изнемогало от деятельности властей. И даже малейший толчок был достаточен для проявления недовольства «в открытом восстании против правительства». Однако «строгая выдержка всех революционных действий младотурецкой партии» показывает, что переворот в государстве осуществлен «опытной рукой», предоставившей «и средства к осуществлению задачи». Ведь нужного количества денег у

младотурецкого кабинета не было. Кроме того, младотурки признали новые кадровые назначения на должности великого визиря и председателя госсовета, хотя ранее заявляли, что не приемлют назначения на посты лиц, связанных со старым режимом. На таком фоне началась череда англофильских демонстраций. В этой связи, заключал В. Майков, не получается оценить переворот как «самостоятельное проявление собственно турецкой мысли и жизни», так как здесь явно просматривается «удачное действие Англии», стремящейся использовать недовольство населения Османской империи «для подрыва ее правительства», которое было «настолько забрано в руки Германией, что Турция» находилась «накануне заключения с ней союза. Теперь Англия заступает на место Германии, выведенной «из сферы влияния» на Империю» [26].

Здесь же стоит добавить, что, по словам Л. Троцкого, «в последние предреволюционные годы» немецкий капитал «праздновал в Турции одну победу за другой», в частности получение «из рук Абдул-Хамидова правительства в мае 1908 г.» концессии на последний участок азиатской железной дороги, «в районе которого имеются, по видимому, богатейшие источники нефти» [27]. Эта информация подтверждается и русской прессой того периода. 10 мая 1908 г. газета «Голос Москвы» сообщила о постановлении османского правительства «приступить к постройке четырех дальнейших участков багдадской железной дороги, протяжением около 800 верст» [28].

Трудное сближение армян и турок

Что касается России, то И. Хольмсен, ссылаясь на опасения Османской империи по поводу возможного вмешательства в события с ее стороны, называл «настоящий момент» важным поворотным пунктом «для будущих» русско-османских отношений, подчеркивая, что России важно расположить к себе молодую Турцию. В противном случае мы «рискуем превратить ее в злейшего и опасного врага». По его словам, «вводение порядка» в стране оказывалось выгодно Петербургу для освобождения «от... массы беспокойного армянского элемента», перешедшего «к нам после 1896 года».

Говоря об «армянском вопросе», А. Неклюдов отмечает, что связка младотурок «с армянскими революционными обществами», которым они дали «известные обещания», должна заставить Петербург «особенно зорко следить за возможным усилением» их действий «в наших собственных пределах», чтобы Турция «в ее настоящем положении, не стала штаб-квартирой наших революционеров». В то же время,

подчеркивая озабоченность комитета «Единение и прогресс» «непримиримую национально-революционную деятельность армян», А. Неклюдов отмечал нежелание младотурок «жертвовать в угоду» армяно-османским связям «надеждами на благожелательное или, по крайней мере, совершенно нейтральное отношение России к переустройству Турции на новых началах» [26].

Как бы то ни было, после младотурецкой революции в Османскую империю потянулись «много дашнаков», развернувших «активную деятельность». Члены «Дашнакцутюн» получили несколько депутатских мест на прошедших выборах в парламент (где большинство вполне ожидаемо оказалось у партии «Единение и прогресс») [29]. Современный армянский исследователь Карен Микаелян отмечает, что дальновидные и реально мыслящие армяне предлагали стратегический путь национального развития, долгий, трудный, но более безопасный и ответственный, заключавшийся «в реформировании и преобразовании всей Османской империи, первым шагом к чему явилась младотурецкая революция (пусть со всеми пороками)», в которой активное участие принимали армяне. Этот путь развития предлагали консервативные представители армянской национальной элиты, такие как Константинопольский патриарх Магакия Орманян и другие, чьи имена и дела, к сожалению, мало известны современному поколению [30].

Одним из таких лиц являлся Микаел Варандян – идеолог партии «Дашнакцутюн», что никак нельзя назвать случайностью. Как отмечает армянский эксперт О. Григорян, М. Варандян был представителем интеллигенции – группы людей, «ответственных за установление различных дискурсов в обществе, в том числе и политического». Начатый им дискурс (партии «Дашнакцутюн») является «классическим примером неколонизированного дискурса, а, следовательно, – некризисного мышления». Постоянное ознакомление с популярными в то время современными ему теоретическими мыслями и мыслителями «подготовило в итоге европейски мыслящего ученого, одновременно до безумия любящего свою страну, но не страдающего шовинизмом, вульгарным этноцентризмом или восточным заштампованным мышлением», воспитав в нем «поразительное качество вполне здорового сочетания европейской мысли и армянской реальности» [31].

Однако процесс сближения армян и турок был основополагающим далеко не для всего армянского движения. Так, армянские источники отмечают, что осмотрительная политика того же М. Орманяна вызвала «недовольство» в ряду армянской интеллигенции и политических партий. В июле 1908 г. армяне, участвовавшие в состоявшейся в Константинополе многолюдной демонстрации, вторглись в резиденцию патриарха и объявили его низложенным [32]. Не случайно же М.

Варандян утверждал, что «предусмотрительность и рассудительность, увы, не были добродетелью армянского деятеля» [33/а]. А армянский прозаик и поэт Гурген Маари говорил устами одного из героев романа «Горящие сады»: «Я поборник того, чтобы общий язык искали и находили либо не находили дипломатическими средствами, мирным путем, и, как ни горько говорить об этом, не могу не заметить, что часто мне легче найти общий язык с турецкими должностными лицами, нежели с армянскими шефами» [34].

Переговоры в замке Бухлау

Видя, как постепенно укрепляется положение младотурок, Вена приступила к проработке вопроса о форме аннексии Боснии и Герцеговины. Выше отмечалось, что телеграмма на эту тему в Ревель на имя Эдуарда VII и Николая II фактически означала согласие Австро-Венгрии со взглядом Лондона и Петербурга на «македонский вопрос», но как бы в обмен на решение «своего» пункта. Не особо воспротивились австрийцы и промладотурецкому (пробританскому) ходу истории.

Другое дело, что в целях успешного достижения задачи Австрия намеревалась умиротворить Россию. В этой связи стоит рассмотреть сентябрьские (1908 г.) переговоры в австрийском замке Бухлау между министрами иностранных дел двух стран – Алоизом фон Эренталем и Александром Извольским.

2 сентября глава внешнеполитического ведомства России в письме своему заместителю Николаю Чарыкову отмечал, что «в более или менее близком будущем» вопрос присоединения Боснии и Герцеговины к Австрии «будет действительно поставлен ребром». При этом он называл важным и драгоценным факт согласия Вены «параллельно с этим включить и обсуждение вопроса» о Босфоре и Дарданеллах, так как тем самым оба пункта становятся «связанными» (хотя такое согласие «будет носить характер отвлеченный и секретный»). Следовательно, А. Извольский намеревался «заручиться согласием» венского кабинета «на предоставление независимости Болгарии и королевского титула для князя Фердинанда», что послужило бы «осязательным эквивалентом», подтвердив отсутствие у Петербурга «эгоистических целей» и повысив «наш престиж на Балканском полуострове» [35].

А. Эренталь уверенно мог оперировать темой Проливов, так как в Вене прекрасно осознавали, что Лондон постарается не допустить «военное» приближение Петербурга к вожделенному водному пространству. Кроме того, согласием России на геополитическую сделку он ставил под удар ее авторитет на Балканах. Однако Н. Чарыков подчеркивал, что «с точки зрения русских интересов» аннексию Веней Боснии и Герцеговины

«нельзя» признать «неблагоприятной», так как она не затрагивает российские стратегическо-экономические интересы. Ведь ее результатом будет «окончательный перевес в австро-венгерской монархии славянского элемента с прибавкой к существующей уже там значительной пропорции православных сербов, издавна нам сочувствующих». А «проявления неославизма, хотя и зачаточные, дают основание ожидать скорее пользы для русских интересов от подобного усиления славян в Австро-Венгрии». Правда, Н. Чарыков признавал несомненным, что Сербии и Черногории «придется отказаться надолго, если не навсегда» от «притязаний на эти области» [36]. На письме Н. Чарыкова Николай II оставил пометку: «Смотрел».

2 сентября 1908 г. А. Извольский подтвердил готовность Вены в обмен на присоединение Боснии и Герцеговины признать пункт о том, «чтобы все суда России и других прибрежных государств Черного моря могли входить и выходить через проливы, при сохранении принципа закрытия их для военных судов других наций». Он также подчеркнул согласие Эрентала «на провозглашение независимости» Болгарии и «королевский титул» для правителя страны [37]. Эта записка тоже была просмотрена Николаем II. А 19 сентября 1908 г. он, поставив резолюцию «хорошо» на проекте меморандума австро-венгерскому правительству, дававшего согласие на аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины (с условием обеспечения «компенсации» Османской империи, России и балканским государствам), утвердил документ.

Среди пунктов меморандума значились:

- право для России и для других причерноморских стран проводить их военные суда свободно и в обоих направлениях через Проливы, связывающие Черное и Средиземное моря, поскольку принцип закрытия этих Проливов установлен государствами, не прибрежными к этому морю;

- независимость Болгарии и ее превращение в королевство;

- полная эвакуация австро-венгерских войск из Ново-Базарского санджака и возможность для Сербии и Черногории считать себя, в случае распада Османской империи в Европе, естественными наследниками данной территории;

- исправление границ в пользу Сербии и Черногории на части Босно-Герцеговинской территории, которая граничит с Санджаком;

- отмена условий статьи 29 Берлинского трактата, ограничивающей суверенные права Черногории;

- пересмотр условий навигации по Дунаю в сторону большего благоприятствования прибрежным балканским государствам [38].

Как писал об этом В. Ленин, «конкуренция капиталистических держав», желающих «урвать кус» и расширить «свои владения», подвела

к предварительному соглашению о шагах по «разделу Турции, в пересмотре под тем или иным соусом вопроса о Дарданеллах» [39].

В то же время, П. Милюков отмечал, что А. Извольский планировал добиться пересмотра вопроса о Дарданеллах на европейской конференции. В целях предварительного получения согласия он начал вояж по европейским столицам, однако А. Эренталь сыграл в собственную игру. На фоне отсутствия согласия Запада по вопросу Проливов, когда 22 сентября 1908 г. Болгария провозгласила независимость (с принятием князем Фердинандом I царского титула), Вена тот час же заявила о присоединении Боснии и Герцеговины [25].

Такое решение Вены было «очень сочувственно» встречено в Германии, пресса которой утверждала об отсутствии у Европы «права вмешиваться» в вопрос, «санкционированный берлинским трактатом». «Поступок» Австрии назывался вполне законным, «ни в коем случае не могущим «быть поставленным на одну ступень» с «болгарской дерзостью и вероломством» [40].

Ну а Николай II, согласно сведениям министра финансов того периода Владимира Коковцова со ссылкой на российского премьера Петра Столыпина (имевшего беседу с царем), сказал, что «никаких полномочий» он А. Извольскому не предоставлял. И государю «не хочется верить», что тот мог «сыграть такую недопустимую роль», поставившую правителя «в совершенно безвыходное положение» [41]. Однако, как свидетельствуют вышеприведенные факты, русский царь изначально контролировал весь процесс.

К слову, когда после объявления Болгарией независимости Стамбул направил «к болгарской границе военные припасы», «Армянский комитет предложил великому визирю Кямилию-паше выставить в случае войны армию из 40 000 добровольцев и пожертвовать два миллиона ливров» [42].

Все согласны со всеми?

«Боснийская» тема вызвала естественное недовольство в Сербии. На митинге в Белграде «ораторы выражали надежду, что Россия не останется глуха к протесту»; «крайние» выступавшие требовали «немедленного объявления войны Австрии».

23 сентября 1908 г. Сербия и Черногория объявили мобилизацию. Надежды же Петербурга на решение в свою пользу вопроса о Проливах оказались беспочвенными. В частности, безрезультатно завершились переговоры А. Извольского в Лондоне об обсуждении этого аспекта на «будущей конференции», которая должна была рассмотреть изменения на европейском континенте.

Мало этого, в ноте австрийскому послу в Петербурге от 5 декабря 1908 г. озвучивалось согласие России «не настаивать» на созыве конференции до окончания переговоров Австрии с Балканскими государствами, с учетом обсуждения на них злободневных вопросов.

В первые январские дни 1909 г. послы ведущих европейских держав призвали Стамбул принять предложения Австрии, предложившей «два с половиной миллиона турецких фунтов не как компенсацию», а в качестве цены «за бывшие государственные турецкие земли в Боснии», и Болгарии, готовой «уплатить 7–8 млн турецких фунтов». Младотурки без проволочек признали аннексию, а Австро-Венгрия отказалась от оккупации Ново-Пазарского санджака.

В середине февраля достоянием общественности стала информация о том, какое удручающее впечатление произвело на сербов согласие России присоединиться к коллективному вмешательству держав в дела Белграда, чтобы заставить Сербию отказаться «от всякой территориальной компенсации» и удовлетвориться «подачкой» АвстроВенгрии. В результате «в ответ на дружеские советы Императорского Российского правительства» Сербия довела до европейских столиц свою позицию: всегда считая «боснийский вопрос – европейским», Белград передает «свое дело без всяких оговорок державам, как компетентному трибуналу».

Ну а в марте в «деле» о «боснийском кризисе» была поставлена жирная антироссийская точка (не самой ли Россией?). Вслед за последовавшим в адрес России фактическим ультиматумом Германии Петербург признал аннексию Боснии. Открытый отказ России поддержать позицию Сербии заставил и Белград согласиться с ней.

Тогдашний председатель Государственной думы России Николай Хомяков определил происшедшее как нравственное самоубийство, потому что «нашего влияния на славян более нет». «Какими глазами» они «будут смотреть на нас?» – задавался он вопросом. Депутат Владимир Маклаков назвал это «Цусимой для иностранной политики России», так как «дипломатическая катастрофа является разгромом нашего морального влияния» [43].

Правда, Россия вмешалась в болгаро-османский финансовый спор, отказавшись от 40 из 74 аннуитетов⁶⁵, еще не оплаченных османами в качестве «военного вознаграждения» по договору от 8 февраля 1878 г. и конвенции 14 мая 1882 г. В ответ Стамбул перестал претендовать на болгарскую дань. Болгария признавалось должником России, и долг в 82 млн франков должен был быть погашен в течение 75 лет (для его выплаты Софии предоставлялся заем на льготных условиях). В результате 19

⁶⁵ Выплаты вознаграждения или части основного долга и процентов по нему. – прим. авт.

апреля 1909 г. был подписан болгаро-турецкий договор о признании независимости Болгарии. Этот шаг был важен для Петербурга с точки зрения создания антиавстрийского блока балканских государств под эгидой России, так как Болгария виделась форпостом будущего Балканского союза. С другой стороны, болгарский долг завязывал Софию на Петербурге, способствуя ее превращению в российского сателлита [44].

Неудавшийся реванш султана

На фоне происходившего Абдул-Хамид предпринял попытку реванша, опираясь на султанскую гвардию, в отличие от других воинских частей не приведенную к присяге на верность восстановленной конституции. Как сообщал телеграммой в Петербург российский посол в Османской империи Иван Зиновьев, 13 апреля 1908 г. «среди войск константинопольского гарнизона обнаружилось всеобщее революционное движение. Офицеры частью заарестованы, частью же скрылись». Солдаты потребовали «упразднения законодательных палат, смены министерств, восстановления шариата и власти султана» [45]. Вместе со студентами стамбульского медресе они разгромили центральный офис структуры «Единение и прогресс» и, разогнав членов парламента, потребовали смещения младотурков с занимаемых ими постов [46]. Младотурки бежали в Салоники, а в Стамбуле восстановилось самодержавие султана. Русский посол во Франции Александр Нелидов ставил в известность о планах Парижа и Лондона направить в Пирей по два крейсера, чтобы те находились поблизости от происходящих в Турции событий [47].

Буквально через несколько часов после возвращения на политическую арену Абдул-Хамида начались межнациональные столкновения в Адане. Достоверной информации о происходящем в этом османском городе не было, и СМИ пестрели идентичными сообщениями. Так, газета «Голос Москвы» информировала читателей о тысячах убитых армян, разгроме армянских домов и магазинов, активном участии турецких солдат «в убийствах и погромах». Также сообщалось, что местные власти не принимают «никаких мер» и младотурки посылают в Адану войска «для восстановления порядка» [48].

По словам исследователя этих событий Чарльза Вудса (Н. Charles Woods), посетившего регион вскоре после событий, «никто толком не может сказать, кто первым начал общее наступление, каждая из сторон возлагает ответственность за открытие огня на другую». Заключенное же между ними перемирие предусматривало «согласие руководителей так называемых армянских революционеров на некоторые условия,

важнейшим из которых было практическое разоружение армян». 16 апреля 1908 г. столкновения, вылившиеся «в завершившуюся вничью битву», прекратилась. «По оценочным данным, за три дня погибло 500–600 мусульман и примерно 700 армян» [49].

Данные цифры реально свидетельствуют, что силы участников столкновения были равны. То же самое подтверждает и исследование директора Центра исследования геноцида Института Зоряна (США, Канада) Ваагна Дадряна (Vahagn N. Dadrian), признающего, что «несколько сот молодых армян запаслись оружием», разработав «стратегию самозащиты». В результате ими не только были отражены атаки, но и нанесены «серьезные убытки нападающим силам» [50].

Все того же 16 апреля находившиеся под началом младотурок (в Салониках) два армейских корпуса начали продвижение к Стамбулу. 21 апреля И. Зиновьев сообщал о наступлении войск «без всякого сопротивления». В тот же день он отметил сосредоточение «английских военных судов поблизости Дарданелл». Э. Грей обосновывал это необходимостью «отражения всякого враждебного покушения на Турцию со стороны ее соседей». Наличие подобной угрозы было косвенно подтверждено А. Извольским, предписавшим российским посланникам в Белграде и Софии убедить правительство, «при коем вы аккредитированы, соблюдать самую большую осторожность». При этом он сослался на заверение А. Эренталя Энвер бею о немедленном выступлении Австрии против Болгарии и Сербии, если те попытаются «при нынешних обстоятельствах создать затруднения для Турции» [51].

Опять Адана

24 апреля 1908 г. войска младотурок заняли Стамбул, а 25 апреля «произошла новая вспышка насилия в Адане». «До сих пор точно не известно, кто был автором» первых «выстрелов». Согласно собранной Ч. Вудсом информации, «солдаты, прибывшие из европейской части Турции, не только открыли огонь по армянам, но и присоединились к толпе наступающих на христианский квартал города». Они же «некоторое время сами занимались грабежом и убийством» армян [15].

Ряд исследователей трактуют происходившее в тот период как подавление восстания армян. Другие утверждают о резне мирного населения. В. Дадрян высказывается так, что «разъяренные от масштабов своих потерь во время первого раунда пожара, турки, при явной поддержке вновь прибывших армейских частей, навалились на совершенно безоружных и беззащитных армян». Правда, он же отмечает, что известные «как явные сторонники и иногда поборники» младотурецких «принципов конституционных свобод» армяне Аданы,

«опьяненные своими вновь полученными свободами», щеголяли ими, «вплоть до провоцирования многих турок, в том числе сторонников Абдул-Хамида, обиженных на новое младотурецкое руководство; чиновников, опасаящихся за свои места, которые в большинстве своем были возмущены и разгневаны от мысли о том, что их бывших гауа («неверных» подданных) придется принять за равных» [16].

В свою очередь, согласно Ч. Вудсу, «хотя причин для опасений армянского восстания совершенно не было», не один «армянский деятель, священник или светское лицо призвал вооружиться для того, чтобы быть готовым к любым возможным событиям». Также «несомненно» то, что «возникновению волнений» способствовал епископ Аданы Мушега, призывавший «паству в районах тратить свои деньги на покупку оружия» [15].

В связи с этим в редакционном примечании (№ 96) к работе Льва Троцкого «Разложение Турции и армянский вопрос» подчеркнуто, что «взаимоотношения армян с турками в Адане были все время довольно мирными, и порядок не был поколеблен даже во время армяно-турецкой резни 1894–1896 гг.», но «к началу 1909 г. положение резко изменилось к худшему. Всякого рода агитаторы (напр., армянский епископ Мушег), действовавшие под прямым или косвенным влиянием русского правительства, стали распространять среди армян слухи о предстоящей резне и советовали армянам заблаговременно вооружаться» [18].

Как бы то ни было, во время тех событий, «по оценкам, около 2000 мужчин, женщин и детей погибло или от меча, или в пламени огня». Пожары уничтожили «не только весь армянский квартал, но и дома в отдаленных районах, принадлежащие христианам. Были сожжены григорианские, римско-католические и протестантские церкви». Со слов Ч. Вудса, «причиной разрастания трагедии» стало «трусливое поведение» губернатора и командующего войсками вилайета (Джевад-бей и Мустафа Ремзи-паша). С тех пор как первый еще до начала столкновения заверил «знатных армян и британских подданных в Адане» об отсутствии каких-либо волнений, и вплоть до завершения «резни», ни губернатор, ни Мустафа Ремзи-паша «не приняли никаких соответствующих мер по восстановлению общественного порядка». «Независимо от того, было ли это христианским восстанием против правительства, или резней армян со стороны турок, какими бы ни были причины возникновения массовых волнений, – пишет

Ч. Вудс, – местные власти, как представители правительства, обязаны были либо восстановить спокойствие, либо же ценой своей жизни попытаться исполнить свои непосредственные обязанности». До конца первого столкновения губернатор и командующий «остались в своих правительственных апартаментах» и не отдавали солдатам «приказа о

патрулировании улиц или принятии соответствующих мер для защиты населения». При этом «слишком широко» трактовалось понятие «редиф»⁶⁶, в связи с чем оружие и боеприпасы выдавались «каждому, кто говорил, что он резервист» [15].

На этом фоне 27 апреля 1908 г. шейх-уль-ислам огласил фетву о низложении Абдул-Хамида и лишении его сана халифа. Он был отправлен в Салоники, на дачу, принадлежащую «богатым салоницким негодьятам евреям Аллатини». С ним отправились 2 младших сына, 11 женщин из его гарема, небольшое число служителей, а также надежный военный конвой. Новым султаном был провозглашен брат Абдул-Хамида, бесхребетный Мехмед-Решад. Как отмечал второй драгоман русского посольства в Османской империи Андрей Мандельштам, с низложением султана положение младотурок значительно упрочилось [51].

Снова вместе?

Что касается осmano-армянских взаимоотношений, они вновь пошли на сближение. По свидетельству посланника США в Стамбуле Дж. Лейшмэна, для изучения аданских событий была создана «смешанная комиссия, состав которой встречает всеобщее одобрение». В ее состав входили «два депутата, предложенных парламентом, два армянина, получивших одобрение патриархата, и два военных чина, отобранных Советом министров» [52].

Как отмечал тот же Ч. Вудс, трудно оценить, какое влияние будет иметь резня в Адане на будущее турецкой империи, но не вызывает сомнения, что христиане, проживающие во всех частях империи, в большинстве своем «были и остаются искренними в своем желании жить в возрожденном турецком царстве и в своей поддержке реформаторов в Турции». В обращении в различные правительственные учреждения, подписанном главами различных христианских общин Аданы, заявлялось «о нашей верности Конституции» и отсутствии «чувства мести», несмотря на испытанные «страдания». В нем была подчеркнута важность воцарения духа «доброй воли и дружбы», появившегося при провозглашении Конституции, и выражена надежда на объединение всех жителей Османской империи во имя «процветания нашей земли. Одним словом, пусть торжествуют единство, братство, равенство и справедливость» [51].

По словам Л. Троцкого, «искреннее желание армян работать рука об руку с турками дошло до того», что «Дашнакцутюн» заключила

⁶⁶ Резерв армии Османской империи. – прим. авт.

«формальный договор» с младотурками в целях поддержания «конституционного режима и осуществления местного самоуправления, дальнейшее развитие которого должно было привести к культурнонациональной автономии».

Вскоре по настоянию дашнаков правительство Османской империи «решилось привлечь к отбытию воинской повинности» христиан, а в конце 1909 г. Министерство иностранных дел выработало проект закона о вилайетах, должного «осуществить административную децентрализацию и создать при генерал-губернаторах советы с участием представителей от населения» [53].

Пошли разговоры о возвращении армянам земель, захваченных у них курдскими феодалами во время событий 1890-х гг. «Кое-где местные власти издали распоряжения; в армянские вилайеты выехали правительственные комиссии», выселявшие курдов, «обосновавшихся в армянских деревнях, разоружали некоторых вождей». Курдские беи, «нажившиеся в свое время на экспроприации армянской недвижимости, начали протестовать» [54].

Один из основателей и руководителей «Дашнакцутюн» Ростом Зорьян заверял в Лондоне одного из своих старых знакомых: «Уверяю тебя, что армянское население Турецкой Армении после 1909 г. никогда не имело такой спокойной и безопасной жизни, как при новом режиме. Я пожил в стране и убедился в этом». В мае 1910 г. на собрании дашнаков Тарона в церкви Аракелоц главари Гармен и Симон Заварян высказались против вооружения и восстания армян против младотурецкого строя [33/а, б].

Отзвук армяно-турецкого сближения в России

Вполне очевидно, что сближение армян с прозападными младотурками не могло не насторожить Петербург, опасавшийся использования европейцами «армянского фактора» против России. Поэтому царизм усилил давление на «Дашнакцутюн». Поводов к антиармянским шагам у российских властей было немало, включая и вышеописанные моменты с вооружением армянских жителей страны. С осени 1908 г. резко участились аресты членов «Дашнакцутюн», в частности в Сочи, Екатеринодаре, на Кавказе [12].

В 1908–1909 гг. в Петербурге состоялся процесс над дашнаками, в конце 1911 г. подобный суд повторился (с привлечением лидеров партии А. Агароняна, А. Огаджаняна, С. Макасяна, С. Хачо и др.). К суду Особого присутствия Сената были привлечены около 160 человек по обвинению в принадлежности к нелегальному революционному обществу [1].

Однако российская пресса выступила в пользу «армянского движения», одним из защитников которого на процессе был Александр Керенский, в тот период присяжный поверенный в Петербурге. Согласно его свидетельству, «перед судом предстала вся армянская интеллигенция, включая писателей, врачей, юристов, банкиров и даже купцов (которые, как утверждалось, предоставляли революционерам денежные средства)». Суд, продлившийся до середины марта 1912 г., шел при закрытых дверях, «в зал заседаний не допустили даже родственников обвиняемых». Из 145 обвиняемых 95 были оправданы, 47 получили тюремное заключение или ссылку в Сибирь и только трех приговорили к каторжным работам [55].

Вследствие антиармянского настроения самодержавия в некоторых российских политических кругах заговорили о необходимости русификации Южного Кавказа. Так, член Русского собрания и Всероссийского национального союза, профессор Павел Ковалевский, отметив, что Россия «с давних пор» с «распростертыми объятиями» принимает переселенцев «славян, армян и пр.», призвал к прекращению «навсегда» этой политики – по той причине, что переселенцы «остаются прежними армянами и проч.». Хотя «русские всегда относились к армянам дружески и братски», «отплатили они нам весьма подло». Впредь так «не должно быть», поэтому желающие «жить в России» должны «стать русскими» [56].

Русский философ Виктор Строганов, говоря о желании «их обрусения», подразумевал под этим понятием становление «инородцев по своим убеждениям русскими» [57].

В чью пользу?

Ну а на османском берегу политика нового турецкого правительства сразу же дала сильный крен в сторону Лондона. Англичане получили права на реорганизацию флота, сооружение портов. Контроль за финансами также оказался в руках Британии, а лорд Мильнер был назначен начальником комиссии по проведению экономических реформ в Анатолии; главным инспектором турецких таможен являлся британский подданный. Вместе с тем англичане усилили свои позиции в Месопотамии, получив право на проведение ирригационных работ и сооружение портов на побережье Персидского залива [58].

В 1909 г. не кем иным, как Э. Касселем был учрежден Турецкий национальный банк с уставным капиталом в 1 млн фунтов стерлингов (с использованием английского и отчасти турецкого капитала). Предлогом тому явилось недовольство младотурок деятельностью Имперского Оттоманского банка.

Леон Поляков отмечал в этой связи, что «некоторые британские агенты и видные чиновники стали прилагать усилия для противодействия финансовым проектам Касселя». В конце концов «эти интриги привели к возбуждению в 1911–1912 годах кампании в прессе», приписывавшей младотурецкую революцию «иудео-сионистскому» (по мнению “The Times”) или «иудео-масонскому» заговору (согласно “The Morning Post”) [23]. Хотя, по данным ряда источников, ради любви к жене Кассель перешел из иудаизма в католицизм [59].

По поводу пробританских шагов младотурок Л. Троцкий отмечал, что во время правления Абдул-Хамида «пароходные линии, отделения банков, монополия доставка оружия, железнодорожные концессии» сулили Германии «золотые горы». Но младотурецкая революция «лишила Гогенцоллерна политического влияния в Константинополе», поставив «под знак вопроса» концессии немецких капиталистов [27]. Правда, стороны пытались как-то экономически смягчить данные обстоятельства, чтобы избежать открытой геополитической конфронтации, могущей привести к непредсказуемым последствиям.

В этой связи можно упомянуть тот факт, что в Турецкой нефтяной компании (Turkish Petroleum Company, TPC), созданной в 1912 г. в целях разработки нефтяных месторождений в Мосуле, по 25% акций принадлежали Royal Dutch Shell и «Дойче Банк», третьим партнером являлся все тот же Национальный банк Турции. Кроме того, Германия активничала в оборонной сфере новой Турции. Были проведены военные учения, открылись новые военно-учебные заведения с немецкими преподавателями. В стране оказалась группа офицеров с фон дер Гольцем, занявшим должность главного инспектора турецкой армии [24].

На этом фоне незримо приближалась I мировая война.

1. История, структура и идеология партии «Дашнакцутюн»

http://mahada.do.am/publ/istorija/istorija_struktura_i_idealogija_partii_d_ashnakcutjun/2-1-0-123

2. Артемов И., Зая И., Политидис Х. Рыцарь византизма

http://tvinp.ucoz.ru/publ/armenija_turcija/vizantijskoe_nasledstvo_genocid_armjan_grekov_i_drugikh_narodov_v_osmanskoj_imperii/rycar_vizantizma_igor_artemov_iosif_zaja_kharlampij_politidis/24-1-0-55

3. Архив московской газеты «Русское слово» за август 1905 г.

<http://starosti.narod.ru/archiv/august1905.html>

4. Троцкий Л. Андраник и его отряд

<http://www.pseudology.org/trotsky/trotm124.htm>

5. Арабкир. Статья из энциклопедии сайта «genocide.ru»

<http://www.genocide.ru/enc/arabkir.htm>

6. Абрамян Э. А. Из истории Армянского легиона
http://www.roa.ru/armenische_leg.html
7. Из газеты «Русский голос» от 27 (14) марта 1907 года
<http://starosti.ru/archive.php?y=1907&m=03&d=27>
8. Из газеты «Русское слово» (Москва) за 11 февраля (29 января) 1906 года
<http://starosti.ru/archive.php?y=1906&m=02&d=11>
9. Из газеты «Русское слово» (Москва) за 29 (16) апреля 1906 года
<http://starosti.ru/archiv/april1906.html>
10. Письмо Петра Столыпина графу И. И. Воронцову-Дашкову от 11 апреля 1908 г.
http://www.hrono.ru/libris/stolypin/stpn_dashk.html
11. Кузнецова Р. Ш. Политический мониторинг Краснодарского края
<http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1996/0396/23.html>
12. Карапетян Л. И. Из истории армянских политических партий на Кубани в начале XX века
http://history.kubsu.ru/pdf/ar_kar.pdf
13. Буржуазно-революционное движение в Турции. Комитет «Единение и прогресс»
<http://www.truehistoria.ru/tias-936-1.html>
14. Младотурки. Статья из Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона
http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/68292/%D0%9C%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%B8
15. Депеша поверенного в делах в Париже от 20 (7) августа 1908 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XX/1900-1920/Tureck_gevol_1908/text2.htm
16. Кочар М. Армяно-турецкие общественно-политические отношения и армянский вопрос в конце XIX – начале XX веков
http://forum.hayastan.com/lofi_version/index.php/t38672.html
17. Сазонов С. Д. Воспоминания
http://militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/01.html
18. Из газеты «Русское слово» от 07 июня (25 мая) 1908 года
http://starosti.ru/key_article.php?keyword=%E2%E8%E7%E8%F2%20%EA%EE%F0%EE%EB%FF%20%DD%E4%F3%E0%F0%E4%E0%20%E2%20%D0%EE%F1%F1%E8%FE
19. Македония накануне первой мировой войны. Илинденское восстание 1903 г.
[Библиотека сайта "Ислам для всех" \[www.islam.plus\]\(http://www.islam.plus\)](http://bog-</div><div data-bbox=)

- roman1991.narod.ru/makedoniya/makedoniya_nakanune_pervoi_mirovoi_voini_ilindenskoe_vosstanie_1903_g_myurtssthegskie_reformi_/
20. Цит. по: Косик В. И. Гордиев узел Балкан
http://www.promacedonia.org/is_ran/is_ran_6.html
21. Из газеты «Голос Москвы» от 13 июня (31 мая) 1908 года
<http://starosti.ru/article.php?id=13419>
22. Лунева Ю. Свидания монархов
http://interaffairs.ru/i/istor_2012.pdf
23. Поляков Л. История антисемитизма
http://jhist.org/shoa/poliakov05_12.htm
24. Династии Европы
<http://www.bibliotekar.ru/dinastii/33.htm>
25. Милюков П. Воспоминания. Том II
http://krotov.info/lib_sec/13_m/il/yukov_05.htm
26. См. документальные свидетельства за июнь-август 1908 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XX/1900-1920/Tureck_revol_1908/text1.htm
27. Троцкий Л. Балканы, капиталистическая Европа и царизм
<http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm086.htm>
28. Из газеты «Голос Москвы» от 11 (24) мая 1908 г.
<http://starosti.ru/archive.php?m=5&y=1908>
29. Дашнакцутюн, партия. Статья на сайте «genocide.ru»
<http://www.genocide.ru/enc/dashnaksutyun.htm>
30. Микаелян К. Армянский вопрос сегодня
<http://www.noevkochev.ru/article.asp?n=86&a=030>
31. Григорян О. Р. Кризис мышления в Армении и пути его преодоления в социологическом наследии М. Варандяна
<http://yanko.lib.ru/books/cultur/grigoryan-dissertation.htm>
32. Орманян Магакия. Статья из энциклопедии сайта «genocide.ru»
<http://www.genocide.ru/enc/ormanian.htm>
33. Киракосян Д.
 а/ «Младотурки перед судом истории»
<http://www.armenianhouse.org/kirakosyan/youngturks-ru/ chapter01.html>
 б/ «Западная Армения в годы первой мировой войны»
<http://www.genocide.ru/lib/kirakosyan/1-2.htm>
34. Гурген Маари. Горящие сады
armenianhouse.org/mahari/orchards/16.htm
35. Письмо министра иностранных дел России А. П. Извольского И. В. Чарыкову от 20 августа (2 сентября) 1908 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XX/1900-1920/Borba_russ_prav_bosn_krisis/text1.phtml?id=9658

36. Письмо Н. В. Чарыкова А. П. Извольскому от 28 августа 1908 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XX/1900-1920/Borba_russ_prav_bosn_krisis/text1.phtml?id=9658
37. Письмо А.П. Извольского Н.В. Чарыкову от 3 (16) сентября 1908 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XX/1900-1920/Borba_russ_prav_bosn_krisis/text1.phtml?id=9658
38. Проект памятной записки австро-венгерскому правительству от 19 сентября (2 октября) 1908 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XX/1900-1920/Borba_russ_prav_bosn_krisis/text1.phtml?id=9658
39. Ленин В. И. События на Балканах и в Персии
http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=2756:sobytiyana-balkanax-i-v-persii&catid=55:tom-17&Itemid=53
40. Из газеты «Русское слово» за 08 октября (25 сентября) 1908 года
<http://starosti.ru/archive.php?y=1908&m=10&d=08>
41. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.
<http://rummuseum.ru/portal/node/3105>
42. Из газеты «Русское слово» от 08 октября (25 сентября) 1908 г.
http://starosti.ru/key_article.php?keyword=%C1%EE%F1%ED%E8%E9%F1%EA%E8%E9%20EA%F0%E8%E7%E8%F1
43. По материалам российской печати за 1908 и 1909 гг.
http://starosti.ru/key_article.php?keyword=%C1%EE%F1%ED%E8%E9%F1%EA%E8%E9%20EA%F0%E8%E7%E8%F1
44. Илюхин М. Отношение царской России к провозглашению независимости Болгарии
http://sibac.info/files/2011_10_17_Social%20science/4.1_Pyuhin.doc.
45. Телеграмма посла в Константинополе от 13 апреля (31 марта) 1909 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XX/1900-1920/Tureck_revol_1908/text3.htm
46. События 31 марта
<http://stambul4you.ru/2010/04/abide-hurriyet-31mart-vakasi/>
47. Телеграмма посла в Париже от 16 (3) апреля 1909 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XX/1900-1920/Tureck_revol_1908/text3.htm
48. Из газеты «Голос Москвы» за 30 (17) апреля 1909 г.
<http://starosti.ru/archive.php?y=1909&m=04&d=30>

49. Вудс Ч. Опасная зона Европы
<http://artsakhwebcombat.am/forum/showthread.php?t=429>
50. Дадрян В. История армянского геноцида
<http://artsakhwebcombat.am/forum/showthread.php?t=429>
51. См. документальные свидетельства за апрель 1909 г.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XX/1900-1920/Tureck_revol_1908/text3.htm
52. Телеграмма посланника США в Константинополе Дж. Лейшмэна госсекретарю США П. Ноксу
<http://genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v1/046-082.htm#54>
53. Троцкий Л. Разложение Турции и армянский вопрос
<http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm123.htm>
54. Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917)
<http://kurdissue.narod.ru/07u.html>
55. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте
<http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt05.htm>
56. Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России
http://nashaucheba.ru/v50179/%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BF.%D0%B8._%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC_%D0%B8_%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B2_%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8
57. Цит. по: Лебедев В. Русские националисты в начале XX века: возникновение политического движения
<http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/article.php?nid=3199>
58. Англо-германские противоречия накануне первой мировой войны
<http://referatya.ru/catalog/download/13658>
59. Мемуары, написанные леди Памелой Хикс (“Daughter of Empire” by Lady Pamela Hicks)
<http://pailish.livejournal.com/556586.html>

ИМЕЛ ЛИ МЕСТО ГЕНОЦИД В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ?

На пути к Первой мировой войне

С 1912 г. Россия вновь поставила вопрос перед Стамбулом о проведении реформ в армянонаселенных регионах Османской империи. На первый взгляд, это может показаться неожиданным, так как в предшествующий период российские власти предпринимали значительные антиармянские шаги внутри страны. Следовательно, возврат Петербурга в период так называемых Балканских войн к старому «формату» восприятия «армянских чаяний» имел свои причины.

Мотив таких шагов можно понять из откровений С. Сазонова, заявлявшего, что Россия в «целях ослабления» Османской империи «считала государственной своей задачей поддержку армян в Турции» и, вследствие этого, «с высочайшего соизволения русская дипломатия, начиная с 1912 г., предпринимает самые энергичные шаги в интересах введения реформ в Турецкой Армении» [1]. То есть русских волновала совсем не судьба османских армян. Как обычно, «армянский фактор» всего лишь использовался Петербургом в качестве средства ослабления Османской империи.

Однако ввиду возврата царских властей к изначальной «концепции» в отношении «армянского движения» возникают два вопроса.

Во-первых, Россия в очередной раз обратилась к «теме» реформ из-за геополитических устремлений на востоке, но почему этому не воспротивились британцы и французы, опекавшие в тот период «армянское движение»? По-видимому, в рассматриваемый период Лондон и Париж стали предпринимать меры по ослаблению позиций Берлина, усиливая свое политико-экономическое присутствие в Османской империи в рамках стратегии продвижения в азиатском направлении. Возможно, что именно поэтому европейские кураторы Турции предоставили Петербургу «право управления» «армянским фактором». Страны Антанты были уверены, что вступление России в игру с «армянскими реформами» приведет к ослаблению позиций Германии как союзника Стамбула.

Во-вторых, почему Великобритания и Франция сами не вернули «армянский вопрос» на политическую повестку дня? Все дело в том, что свое время германский морской министр Альфред фон Тирпиц «развитие принципов Бисмарка, касающихся наших отношений с Россией» называл «главным условием успешной внешней политики». Он писал: «Мы должны были установить пункты, в которых неизменные интересы России не сталкивались с такими же интересами Германии, и пойти России навстречу» [2]. Следовательно, в случае активизации действий

Лондона и Парижа в приграничьи с Россией (путем постановки «проармянских» вопросов) Берлин и Петербург без проблем могли бы увидеть союзников друг в друге. А уж этот тандем становился для Франции и Англии если и не непреодолимым, то труднопроходимым.

Так что интересы Британии, Франции и России по ограничению политического влияния Германии на ближневосточном направлении на данном этапе совпали. Германия пристально наблюдала за развитием околоармянских игр, в 1913 г. командировав на ответственные посты османской армии немецких генералов и офицеров. Приоритеты Берлина в тот период довольно четко определила одна из наиболее влиятельных деятелей европейского коммунистического движения, немецкий социал-демократ Роза Люксембург. По ее мнению, ускоренная ликвидация Османской империи вызвала бы грандиозное увеличение сил России и Англии, поэтому в интересах немецкого империализма входит ее охрана от преждевременного разложения, в свете чего выгодно сохранить «неделимость» страны до тех пор, пока Турция, «разложенная внутри немецким капиталом», не «упала бы, как спелый плод, в лоно Германской империи» [3].

При этом Р. Люксембург приводит слова теоретика германской стратегии на Ближнем Востоке Пауля Рорбаха, что расчленение Османской империи явилось бы для Германии «большим ущербом», т. к. Берлин лишен прямой связи с Востоком. «Немецкая малая Азия или Месопотамия могут стать действительностью» лишь в случае принуждения России и Франции «к отказу от своих существующих в настоящее время целей и идеалов». Если же «главными наследниками Турции будут Россия и Англия», то оба государства «значительно расширят свое могущество» [3]. По этим причинам П. Рорбах призывал не допускать перехода армянонаселенных вилайетов Османской империи в руки России. Подтверждается вышеизложенное и С. Сазоновым, утверждавшим, что в целях осуществления «известного под сокращенным названием “Гамбург – Багдад” грандиозного политического замысла», Берлину «надо было наложить руку на Константинополь», стоящий на рубеже Европы и Азии и «предназначенный природой стать главным распределительным пунктом для того огромного торгового движения, которое неразрывно связывалось с представлением о прямом пути из Немецкого моря в Месопотамию и к Персидскому заливу» [4].

Таким образом, вопрос «армянских реформ» являлся всего-навсего одним из пунктов реализации геополитических устремлений великих держав. Поэтому заявления об интересах армянского населения, звучавшие из уст лидеров этих стран, были совершенно противоположными. Тот же С. Сазонов писал, что «задача России –

воссоздать, во что бы то ни стало, этот армянский клин». Поэтому «значение армянского элемента⁶⁷» приобретает «сугубо важный характер» [1]. Вторил министру П. Струве, утверждавший, что для создания «Великой России есть один путь»: направить «все силы» на область, действительно доступную «реальному влиянию русской культуры» – весь бассейн Черного моря, т. е. «все европейские и азиатские страны» [5].

Но если в кабинетах власти обсуждалась возможность создания автономной Армении в рамках Османской империи, партия кадетов (членом ЦК которой был П. Струве), например, выступала за аннексию территории османов с компактным проживанием армян. В частности, член Госсовета России Владимир Вернадский называл это «самым оптимальным решением», должным связать «армянскую интеллигенцию с русскими интересами». А редактор газеты «Речь» Иван Петрункевич, считая несомненным проведение Западом «в автономной Армении» своих интересов, также ратовал за аннексию Россией этой территории, что становилось выгодным «в торговом и в военном отношении» [6].

В то же время, для постановки перед Стамбулом проблемы «нерешенности армянских реформ» должны были иметь место определенные обоснования, как, например, традиционные «просьбы с мест». Так, в депеше на имя С. Сазонова российский посол в Османской империи Михаил Гирс ссылаясь на призыв католикоса всех армян к России, как «к исконной защитнице христианских народов на Востоке», «Именем Бога» умоляющего «взять под свое покровительство многострадальный армянский народ, живущий в Турецкой Армении» [7/а]. Возможно, что именно в этом воззвании католикоса родился термин о «многострадальности» армян. Но поскольку ее нужно было обосновать «тяжелым положением армянских народных масс», армянская печать Османской империи стала пропагандировать необходимость организации извне помощи «беззащитным армянам», с последующим вводом войск и освобождением их от «османского ига». Затем «Дашнакцутюн» заявил об окончательном разрыве с младотурками, а в опубликованном в 1913 г. в Париже воззвании армянской партии «Гнчак» правительства и народы европейских стран призывались «предоставить возможность армянскому народу взять в свои руки политическую судьбу страны». Османские власти охарактеризовали такой демарш как измену родине, а Лев Троцкий подчеркнул, что «вновь было сделано косвенное обращение через голову Турции к общественному мнению Европы» [8].

Вступление в игру дашнаков свидетельствовало о поддержке на том этапе «армянского движения» не только Россией, но и Лондоном (пусть,

⁶⁷ Не населения, а «элемента» (!) – прим. авт.

в последнем случае, молчаливой). Самостоятельные шаги армян вызвали естественное противодействие Берлина, в частности, обсуждавшегося летом 1913 г. в Ени-Кейе проекту армянских реформ (включавшему образование армянской автономии на территории Османской империи). Но вместе с тем власти Германии предпринимали попытки «мягкого» привлечения армянских симпатий на свою сторону: под руководством востоковеда Иоганна Лепсиуса возникло немецко-армянское общество.

Однако Россию уже было не остановить. 26 января 1914 г. Петербург вынудил османские власти подписать соглашение об армянских реформах, согласно которому предусматривалось создание штатов генеральных инспекторов (не из местных представителей) для «старшинства» в армянонаселенных вилайетах империи. Султан обязался провести аграрную, административную, судебную и другие реформы. Общий контроль возлагался на Россию. Но, как указывал советник российского посольства в Османской империи Константин Гулькевич, это соглашение осталось лишь на бумаге. Он же отметил: «Германия вошла с нами в соглашение по Армянскому вопросу с двойной целью: во-первых, дабы иметь возможность сказать Порте, что она удержала Россию от широких реформ ценой своего согласия» на реформы, «безопасные для Турции; во-вторых, дабы снискать расположение армян» [7/6].

Россия приняла образ защитницы интересов армян. В апреле 1914 г. в послании С. Сазонову католикос Геворк V заявлял, что русская дипломатия взяла на себя активную инициативу «в выработке и в осуществлении реформ в Турецкой Армении». В связи с чем «по Державной воле моего Возлюбленного Монарха Государя Императора Николая Второго армянский народ вновь призывается на историческую арену как единственный элемент, способный проводить в азиатской Турции начала европейской духовной и материальной культуры» [7/в].

Эта культура проводилась «единственным элементом» посредством «Дашнакцутюна». Как отмечал Дж. Киракосян, партия «полностью впряглась в военную колесницу царской России», заключалась «сделка с царизмом – врагом свободы народов» [9].

На фоне же подписанного 2 августа 1914 г. неафишируемого германо-османского союзнического договора (обязывавшего Стамбул выступить против России) совещание в Кавказском наместничестве приняло решение об организации подразделений из османских армян, должных влиться в русскую Кавказскую армию. Один из идеологов «Дашнакцутюна» Ованес Качазнуни признает создание «осенью 1914 г. армянских добровольческих отрядов для борьбы против турок» [10]. Всего в Кавказскую армию вошли четыре добровольческие армянские дружины, сформированные из османоподданных армян. Но Петербург

шел значительно дальше. Так, С. Сазонов в письме председателю Совета министров Ивану Горемыкину отмечал необходимость «поддерживать самые тесные отношения как с армянами, так и с курдами, чтобы использовать их во всякую минуту, если состоится разрыв с Турцией. С этой точки зрения, были бы желательны всякого рода подготовительные действия для быстрой переправы через границу оружия и припасов и раздачи их зарубежному населению, когда разрыв совершится или станет неминуемым» [11].

Уже к концу сентября был подготовлен план восстания курдов, армян и ассирийцев. Как пишет московский политолог Юрий Ханжин, «Петербургу удалось инициировать националистическое движение в турецкой Армении, вплоть до помощи вооруженным выступлением», могущего «в условиях войны облегчить наступление своей армии на Кавказском фронте» [12]. По признанию С. Сазонова, османские армяне «не только не стояли на стороне турок, что в сущности составляло их гражданскую обязанность, но образовали многотысячные дружины, составленные в большинстве своем из армян турецкоподданных» [1].

В свою очередь, османское правительство также пыталось обыграть «армянский фактор» накануне неминуемых боевых действий с Россией. Армянский исследователь Роза Адамянц пишет, что Стамбул предлагал дашнакам, в случае военных действий, «разжечь восстание российских армян» для облегчения проникновения «турецких войск в царскую империю». Взамен обещались «золотые горы», вплоть до создания независимой Армении» [13].

В связи с этим один из лидеров «Дашнакцутюна», будущий военный министр Республики Армения Рубен Тер-Минасян вспоминал, что еще в августе 1914 г. в Эрзуруме активисты младотурок пытались «выяснить позицию армян в случае русско-турецкого столкновения», желая «склонить» их на сторону Османской империи. «Удача наших действий на Кавказе находится всецело в ваших руках, – призывали они, – и в случае вашего согласия стать во главе кавказского антирусского движения достаточно будет двинуть на Кавказ войско в 200–300 тыс. человек, чтобы отбросить русских за Кавказский хребет». После изгнания русских предполагалось образовать «в центральной части» автономную Армению «из Эриванской, Карсской и западной части Елизаветпольской губерний, с присоединением к ним прилегающих частей Эрзрумского, Ванского и Битлисского вилайетов». Однако, по свидетельству Р. Тер-Минасяна, «армяне категорически отклонили все предложения турок. Уходя с совещания, турецкие делегаты заявили армянам: «На Кавказе армяне явно выступили на стороне России и являются помехой стремлениям Турции: ответственность за турецкие неуспехи всецело ляжет на вас, армян» [14/а]. Сам Р. Тер-Минасян считался одним из

дашнакских лидеров, готовых положительно ответить на предложения турок, вплоть до создания армянских отрядов для совместного с османами сопротивления российской армии.

Вступление Османской империи в войну. Ванское восстание

В начавшейся Первой мировой войне, 29 октября 1914 г. Османская империя выступила на стороне Германии, после чего Петербург объявил Стамбулу войну. Как отмечает российский исследователь Владимир Гривенко, одновременно с наступлением русских войск на османской территории дашнаки начали «партизанскую войну с целью включения Турецкой Армении в будущую независимую Армению» [15].

Католикос Геворк V заявлял, что «вместе со всей Россией и победоносным русским войском армяне должны напрячь крайние усилия в борьбе с общими врагами» [14/6]. Поэтому ничего удивительного нет в том, что когда 29 декабря русский командующий, генерал Мышлаевский, «контратаковал в Сарыкамыше, около Карса», среди российских войск находился «дивизион армян», многие из которых «были турецкими подданными, но не проявляли лояльности к Турции» [16]. По этой причине директор Турецкого института армянских исследований Омер Лютем и утверждает, что «в годы I мировой войны» османы воевали на два фронта: «на востоке страны» Османская империя вела военные действия «с русскими войсками и армянскими бандами, воевавшими на стороне России», с другой стороны – «была вынуждена обороняться от армянских восстаний в тылу» [17].

Здесь же стоит отметить, что армянское население было убеждено в положительном решении «армянского вопроса». В немалой степени таким настроениям способствовали соглашения о фактическом разделе Османской империи, подписанные в начале 1915 г. между Россией, Францией и Англией, согласно которым армянонаселенные вилайеты должны были отойти к России. И не случайно сразу же за договоренностями о разделе империи, как пишет в своих воспоминаниях участник войны, хорунжий 1-го Кавказского полка, будущий командующий Корниловским полком (1917 г.) Федор Елисеев, «в Ване 1 апреля вспыхнуло армянское восстание. Армяне разбили небольшой гарнизон турок и полностью захватили власть в городе» [18/a].

Об армянском восстании в тылу османских войск говорит и другой непосредственный участник происходившего, штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера Ставки верховного главнокомандующего, будущий военный историк Николай Корсун, который, правда, явно сознательно делает

необходимую дипломатическую ремарку: «Восстание турецких армян, не направляемое русским командованием на Кавказском фронте, вспыхнуло в начале апреля в областях, примыкающих к оз. Ван. Наиболее организовано оно протекало в районе г. Ван, где восставшие армяне укрепились» [19].

Однако считать это восстание самостоятельным «волеизъявлением» османских армян не представляется возможным, если учесть вышеописанные нюансы, а также послание, направленное еще осенью 1914 г. наместником на Кавказе, главнокомандующим войсками Кавказского военного округа И. Воронцовым-Дашковым Геворку V. В нем настоятельно требовалось обеспечить, чтобы «наши армяне совместно с зарубежными были бы готовы выполнить, как ныне», так и «в случае нашей войны» с Османской империей, его «поручения», намеченные «к осуществлению» [9].

Вместе с тем, Ванское восстание было закономерным итогом пунктов соглашения между странами Антанты о переходе армянонаселенных вилайетов к России. Это подтверждается свидетельством германского консула в Эрзуруме Шойбнера-Рихтера, отмечавшего «катастрофическую по своим последствиям деятельность русских консулов здесь и в Ване», влияние которых, «поддержанное значительными финансовыми средствами», стало «фактором, определившим позицию армян в Ване». Кроме того, «руководители партии Дашнакцакан, известные своей политической близорукостью, полностью находятся под русским влиянием» [7/г].

Потому рассматривать восстание армян в тылу османских войск в отрыве от движения русских войск в Ванском направлении было бы исторически неверным, учитывая синхронность восстания и продвижения войск. По свидетельству Ф. Елисеева, «по получении сведений о событиях в Ване около середины апреля» командующий армией «усиливает 4-й Кавказский армейский корпус». Главную роль в овладении городом Ваном «сыграл Араратский отряд генерала Николаева, состоявший из Закаспийской казачьей бригады, трех армянских дружин и других частей, влитых в этот отряд». 27 апреля «мы заняли небольшой армянский городок Джаник на берегу Ванского озера», а «армянин-лазутчик из самого Вана» известил о нахождении города «в руках восставших». К 6 мая, ко дню «рождения императора Николая II», «конечная цель операции Араратского отряда» была достигнута. В Ване, за накрытым «по-восточному» столом Арам-паша, произнеся «тост за русскую императорскую победоносную армию», обратился к генералу Николаеву с просьбой предоставить ему «разрешение послать русскому императору телеграмму» следующего содержания: «В день рождения Вашего Величества, совпадающий с днем

вступления Ваших Войск в столицу Армении, желая величия и победы России, мы, представители национальной Армении, просим принять и нас под Ваше покровительство» [18/6]. Произносивший тост Арам Манукян вскоре стал губернатором Ванской области (уже не вилайета), а «все три армянские дружины через два-три дня устремились по южному берегу озера Ван». По словам Ф. Елисеева, «они, безусловно, были уверены, что теперь-то, при помощи русских победных войск, будет освобождена и построена их Великая Армения» [18/6].

Р. Тер-Минасян отмечает, что «между 12 июня и 19 июля мушские и сасунские армяне отвлекли на себя свыше 25 000 регулярных турецких войск», благодаря чему османский фронт «был настолько ослаблен, что русские войска без особого со стороны турок сопротивления дошли до сел Варденис и Мкрагом, на расстоянии 4-х часов ходьбы от которых находились позиции армян-повстанцев» [14/а].

В связи со сказанным нужно признать определенную смелость К. Микаеляна, заявившего, что османские армяне «были проводниками российского экспансионизма в южном направлении». Они «могли бы, как советовали им сионисты, сохранять лояльность по отношению к Османской империи, но предпочли занять активную прорусскую позицию» [20].

Были ли геноцид? Слово ученым

Вполне естественно, что османские власти были обеспокоены действиями их армянских подданных. По данной причине, как отмечает турецкий историк Юсуф Сарынай, из 77 735 армян, проживавших в Стамбуле, были арестованы 235 человек, подозреваемых в подрывной деятельности, еще 321 подозреваемый был задержан в Айдыне, Самсуне, Кайсери, Сивасе, Элязыге, Урфе, Диярбакыре и Антепе. Эта дата, называемая армянами «днем геноцида», является датой ареста армянских активистов [21].

Но после Ванских событий данный шаг османских властей вполне укладывался в логику развития событий в период военных действий, что признает и армянская журналистка Асмик Хараджян: «В правительственных кругах витал страх перед всеобщим восстанием в Западной Армении» [22]. Австралийский журналист, историк Алан Мурхед также утверждает, что «все-таки были у турок основания считать армян пятой колонной внутри страны» [23]. А Уинстон Черчилль осветил этот аспект с типично британским дипломатическим подходом: проживавших в османских «восточных вилайетах» армян турки «обвиняли» в действиях «в качестве шпионов и агентов России» и

нападениях на «турецкие линии сообщения. По всей вероятности, эти обвинения были справедливы» [24].

В связи с попытками ряда армянских ученых приравнять события в Османской империи к Холокосту высказывается и еврейская сторона. По словам иудаистического эссеиста Израиля Арье Бараца, армянское восстание «самым решительным образом угрожало существованию турецкого государства (благодаря этому восстанию русские войска могли рассеять территорию Турции)». Османы спасали свое государство. Гитлер же «уничтожал мирных жителей безо всякой связи с войной, направляя их на фабрики смерти, расположенные в глубоком тылу. Он уничтожал своих же лояльных граждан безо всякой рациональной причины, даже с явным вредом для Германии» [25]. Упоминая о частых попытках приравнять армянскую трагедию к Холокосту евреев, автор журнала «Еврейский мир» (США) Нехам Шварц называет Холокост уникальным «по своему характеру и масштабам». А «в годы Первой мировой войны армяне, с помощью русских, подняли восстание на турецкой территории, которую Россия, воевавшая с Турцией, стремилась от нее оторвать. Любая страна в положении Турции подавила бы такое восстание» [26].

После занятия русскими войсками района озера Ван, в мае 1915 г. османское правительство приняло решение о выселении армян из прифронтовой полосы. 30 мая меджлис принял «Закон о депортации», после чего армян, проживавших в восточных вилайетах Турции, начали выселять в города и лагеря на севере Ирака и в центральных областях Сирии. Как пишет турецкий историк Юсуф Халачоглу, согласно османским архивам, всего было депортировано 438 758 армян [27]. По этому поводу посол Германии в Османской империи в 1912–1915 гг. Ганс Вангенгейм писал, что в целях пресечения шпионажа армян и предотвращения новых массовых восстаний османский военный министр Энвер-паша планировал «закрыть значительное число армянских школ, армянские газеты», обеспечив переселение «из недавно охваченных восстанием армянских центров в Месопотамию всех тех семей, которые считаются не совсем благонадежными». Конечно, подчеркивал он, эти меры вызовут серьезные волнения во всем враждебном нам мире и будут использованы против нас, т. к. создадут огромные тяготы для армянского населения, но, умеряя характер предпринимаемых мер, в основном желательно не препятствовать им. «Подрывные действия армян, которые пользуются поддержкой России, – резюмировал Г. Вангенгейм, – приняли такие масштабы, что они угрожают существованию Турции» [7/д].

Депортации было подвергнуто не все армянское население империи. По данным Ю. Халачоглу, из Стамбула, Измира, Айдына и некоторых других городов высланы были лишь немногие. Однако во время

перемещения и на этапах люди умирали от болезней и по другим причинам [27]. Но аналогичные потери несло также турецкое и курдское мирное население империи, что признавал верховный комиссар Лиги наций по делам репатриации военнопленных из России Ф. Нансен, которого даже при всем желании невозможно обвинить в симпатиях к туркам. По его словам, в январе 1916 г., «охваченные безумной паникой и страхом, турки двигались холодной зимой на восток, многие из них умерли на бездорожье горных районов от невероятных страданий и лишений», естественно, «кое-где армянские добровольческие формирования убивали мусульман» [28].

Однако армянские политики и историки стали называть события того периода «геноцидом армянского народа». Но как в таком случае трактовать факты, исследованные профессором турецкой истории Калифорнийского университета (США) Стэнфордом Шоу? Приказы о депортации касались только фактических или потенциальных зон военных действий, отмечает он, командиры военных подразделений оттоманской армии получили предписания не допустить, чтобы депортация была использована курдами или любыми другими мусульманами для отмщения за многолетний терроризм армян. Он также подчеркивает, что «армяне подлежали защите и заботе» до их возвращения «в свои дома после войны». Дополнительный закон предусматривал создание специальной комиссии по определению «стоимости собственности некоторых депортированных и продажи ее на аукционах по справедливой цене», причем полученные средства «депонировались на специальных счетах до их возвращения». Мусульмане, желающие занять покинутые помещения, могли сделать это только как арендаторы, с поступлением платы за аренду «в трастовые фонды». При этом предусматривалось освобождение этих мест проживания, «когда вернутся первоначальные владельцы» [29].

Директор Армянского института международного права и политологии в Москве Юрий Барсегов, занимавшийся глубоким изучением описываемых событий, также признает, что «10 июня 1915 г. был введен дополнительный закон, содержавший указание о порядке обращения с «движимым и недвижимым имуществом, оставленным депортированными армянами в результате войны и чрезвычайных политических условий». Все армянское имущество объявлялось «покинутым» и на него налагался арест. Предусматривалось создание специальных комитетов, на которые возлагался учет «покинутой» собственности и ее надежное сохранение на имя собственников. Скот и другое не подлежавшее сохранению имущество должно было продаваться с публичных торгов, а вырученные средства – сохраняться на счетах собственников» [30].

Несколько приоткрыл причины желания подвести те события в Османской империи под понятие «геноцид» американский демограф, профессор истории Луисвилльского университета Джастин Маккарти: «Западным странам нужно было широко распространять истории об оттоманских и турецких зверствах и заставить поверить в них, чтобы оправдать свои собственные планы аннексии оттоманских земель» [31]. В действительности, по его утверждению, «страдало все население на востоке Оттоманской империи», подвергавшееся «такому террору, что абсурдно пытаться определить, чьи страдания были больше». Значительно лучшим представляется «изучить историю армян и турок как огромную человеческую потерю», отказавшись «от пропагандистских терминов» [31].

В аналогичном ключе высказывается и группа из 69 американских ученых, специализирующихся в области истории Османской Турции и Ближнего Востока. Нисколько не желая «умалить масштабы страданий армян», они подчеркнули, что данный вопрос не может быть рассмотрен «отдельно от страданий, перенесенных мусульманским населением региона». Имеющиеся на сегодня доказательства, говорится в документе, указывают на серьезные межобщинные столкновения, усугублявшиеся «болезнями, голодом, резней в Анатолии и прилегающих районах в годы Первой мировой войны». Однако многое еще предстоит выяснить, «прежде чем историки смогут точно распределить вину между воюющими и безвинными и установить причины событий, повлекших за собой гибель или переселение огромного числа восточно-анатолийского населения как христиан, так и мусульман» [32].

Известный американский востоковед, профессор Принстонского университета Бернард Льюис подчеркивал, что «геноцид есть запланированное уничтожение религиозной и этнической группы, а насколько мне известно, до сих пор нет никакого свидетельства в пользу утверждений армян». С его слов, армяне «хотят извлечь двойную выгоду»: с одной стороны, с гордостью говорят о своей борьбе против «деспотизма» османского режима, в то время как с другой – «сравнивают свою трагедию с еврейским Холокостом» [33].

Профессор Массачусетского университета Гюнтер Леви, проанализировав обвинительные доводы армянской стороны, приходит к заключению, что «три главных армянских утверждения» ни в коей мере не позволяют квалифицировать действия младотурок как «преднамеренное истребление» армян. Другие «голословные» высказывания «о заранее подготовленном плане уничтожения выглядят не лучше». При этом он подчеркивает, что историки не оспаривают факт «выселения и гибели нескольких сотен тысяч христиан», но речь идет о числе погибших и обстоятельствах их гибели [34].

Можно признать, что понимание реалий, имевших место вокруг событий 1915 г., присутствует и в некоторых слоях армянского общества. Так, в одном из номеров газеты «Айастанн Анрапетутюн» за 1996 г. сказано: «Да, мы были виноваты перед Османской империей», так как «она воевала, а мы в ее границах поднимали восстание, формировали добровольческие отряды, сражающиеся в составе армии ее врага». «Мы это называли национально-освободительной борьбой, и если бы даже не делали ничего», государство «все равно могло организовать депортацию» [35]. Один из известных армянских прозаиков XX в. Грант Матевосян со скорбью констатирует: «Мы подпевали песне российского казачества: “Стамбул должен стать морем крови”. Что и стало причиной нашей трагедии. Ладно, я допускаю, что наши интересы совпадали с их интересами, это в высшей степени справедливо. Но потом-то они отступили, и мы оказались один на один с могучим турком» [36]. А по признанию того же Ованеса Качазнуни, «мы создали абсолютную атмосферу иллюзии в наших умах», внедрили «наше собственное желание в умы других», потеряли «наш смысл действительности». Это было «неизбежным результатом психологии, вынашиваемой поколениями армян» [10].

Тема «геноцида армян» и современность

В связи с темой геноцида армян стоит отметить, что власти современной Турции неоднократно обращались к армянской стороне о проведении совместных исследований событий, происшедших в Османской империи в 1915 году. В 2005 г. Реджеп Тайип Эрдоган (в тот период премьер-министр Турции) выступил с инициативой создания турецко-армянской комиссии историков для объективного изучения всех обстоятельств трагедии османского населения в период I мировой войны. Почти 100 депутатов ПАСЕ поддержали эту инициативу, призвав армянского президента (того периода) Роберта Кочаряна положительно отреагировать на предложение Стамбула. В частности, тогдашний Генеральный секретарь Совета Европы Тэрри Дэвис высказался так, что «создание совместной научной комиссии не должно вызвать каких-либо проблем», поскольку имевшие место события «волнуют армянский и турецкий народы». Выразив сожаление по поводу «гибели множества армян в начале XX-го века», он подчеркнул необходимость «понять, какие обстоятельства послужили причиной для этих событий». Готовность обсудить и изучить факты истории «является жестом хорошего тона со стороны Турции» [37]. Однако армянская сторона фактически ответила отказом на призыв Турции и европейских парламентариев, так как, согласно Р. Кочаряну, «за развитие

двусторонних отношений ответственны правительства, и мы не в праве делегировать историков» [38].

В то же время предложения Турции были поддержаны отдельными политическими лидерами Армении, которые приоткрыли завесу над причиной отказа армянских властей. В частности, депутат армянского парламента в те годы, член Межпарламентской Ассамблеи СНГ, председатель Объединенной трудовой партии Армении Гурген Арсенян подчеркивал важность использования предоставившейся возможности для получения реального представления о причинах, приведших к случаям массовой резни, выселения армянского населения из Турции. Отказ же от этого проистекает из опасения тех представителей власти, которые являются «носителем национальной идеологии», «что в данных документах может открыться их участие, их определенная вина». Вместе с тем, «любой диалог, в любой плоскости, любой шаг навстречу друг другу между Арменией и Турцией должен приветствоваться, – сказал Г. Арсенян, – нельзя упускать политические возможности для сближения с соседями». «Я не желаю, чтобы мой ребенок рос в этих условиях антитурецкой истерии, поскольку никакого логического объяснения этому дать невозможно. Мы ставим эксперименты на поколениях», – резюмировал он [39].

Редактор сайта southcaucasus.com (сайт гражданской инициативы «Южнокавказская интеграция: Альтернативный старт») Луиза Погосян подчеркивает в этой связи, что укоренившиеся в армянском сознании «враждебные стереотипы» в большинстве случаев общие «как в отношении к туркам, так и азербайджанцам». «Мифы о геноциде, которыми нас кормили в советское время в течение многих лет, трансформировались в обреченное понятие о вечности вражды между армянами и турками, а также и азербайджанцами». Процесс «признания геноцида», по убеждению Л. Погосян, превратился «у нас, армян, в комплекс своей исключительности и превосходства над всем остальным миром», что стало болезнью, мешающей «нам адекватно воспринимать действительность и двигаться вперед» [40].

Однако «армянский фактор» и сегодня искусственно политизируется заинтересованными силами. Аналогично тому, как в начале прошлого века под предлогом реализации вопроса «армянских реформ» в Османской империи мировые лидеры решали геополитические задачи, в наши дни тема «армянского геноцида» является всего лишь средством давления на Турцию, если страна пытается вести самостоятельную политику. Именно по этой причине Европа то снимает с повестки дня вопрос оценки Стамбулом событий 1915 г. как «геноцида», то вновь вспоминает о нем. Так, после протурецких решений ПАСЕ, в следующем 2006 г. к странам, признавшим «геноцид армян», присоединилась

Франция. А уже в резолюции заседания Европарламента (24 октября 2007 г.) пункт об обязательном признании событий 1915 г. в Османской империи «геноцидом армян» отсутствовал, содержался лишь призыв к туркам и армянам приступить к «процессу примирения».

Таким образом, ожидать снижения геополитической температуры вокруг рассматриваемой темы, к сожалению, не приходится.

1. Докладная записка министра иностранных дел С. Сазонова Совету министров по Армянскому вопросу
<http://www.grazhdanin.com/grazhdanin.phtml?var=Arkhib/2002/16-17/statya5&number=?16-17%C2%A02002%D0%B3>
2. Альфред фон Тирпиц. Воспоминания
<http://base13.glasnet.ru/text/tirpitz/t14.htm>
3. Люксембург Р. Кризис социал-демократии
<http://www.revkom.com/index.htm?/biblioteka/levie/roza-ksd/ksd-4.htm>
4. Сазонов С. Д. Воспоминания
http://militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/index.html
5. Струве П. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества
http://www.patriotica.ru/gosudarstvo/struve_vel_rus.html
6. Цит. по: Девятова Ю. Дживилеговская Армения
<http://www.hayastan.ru/Vestnik/vestnik.phtml?var=Arkhib/2001/1-2/statya28&number=-1-2+2001P>.
7. а/ Деша М. Гирса министру иностранных дел России Сазонову от 26 ноября 1912 г.
б/ Константин Гулькевич. Деша министру иностранных дел России С. Сазонову от 27 января 1914 г.
в/ Послание Геворка V министру иностранных дел России С. Сазонову от 16 апреля 1914 г. Все цит. по: Барсегов Ю. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/resp/186-213.htm>
- г/Шойбнер-Рихтер. Меморандум по армянскому вопросу рейхсканцлеру Германии Бетман-Гольвегу от 10 августа 1915 г.
- д/ Г. Вангенгейм. Доклад МИД Германии от 30 мая 1915 г. Там же:
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/resp/214-244.htm>
8. Троцкий Л. Перед историческим рубежом. Балканы и балканская война.
<http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm123.htm>
9. Киракосян Дж. Западная Армения в годы первой мировой войны
<http://www.genocide.ru/lib/kirakosyan/2-3.htm>

10. Hovhannes Katchaznouni. The Armenian Revolutionary Federation (Dashnagtzoutiun) Has Nothing to Do Any More, New York, 1955, pp. 5–7. In: The Armenian Issue Revisited. Armenian Allegations and Deportees of Malta
<http://www.ataa.org/ataa/ref/armenian/malta.html>
11. Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917)
<http://kurdissue.narod.ru/10u.html>
12. Ханжин Ю. Выступление на радио «Свобода» в передаче «90-летие трагических событий в Турции» от 19 апреля 2005 г.
<http://www.svoboda.org/programs/tw/2005/tw.041905.asp>
13. Адамянц Р. Геноцид армянского народа: живая память
<http://istina.religare.ru/article174.html>
14. Цит. по: Нерсисян М., Саакян Р. Геноцид армян в Османской империи
 а/ Докладная записка в МИД России от 11 ноября 1915 г. Подписана: «Предводитель армянской обороны Сасуна и Муша Рубен ТерМинасян»
<http://www.genocide.ru/lib/nersisyan/176-181.htm>
 б/ Геворк V. Письмо наместнику на Кавказе И. Воронцову-Дашкову от 8 ноября 1914 г.
<http://www.genocide.ru/lib/nersisyan/138-147.htm>
15. Гривенко В. Был ли геноцид на самом деле? Число его жертв преувеличено
http://cis.ng.ru/opinions/2001-02-28/6_genotsid.html
16. Киган Дж. Первая мировая война
<http://lib.ec/b/368351/read>
17. Омер Лютем. Турция отвергает обвинения в геноциде армян
http://www.ng.ru/polemics/2001-09-05/10_turku.html
18. Елисеев Ф. И. Казаки на Кавказском фронте
 а/ http://grwar.ru/library/Eliseeff-Kazaki/KK_03.html
 б/ http://grwar.ru/library/Eliseeff-Kazaki/KK_04.html
19. Корсун Н. Русская армия в Великой войне: Алашкертская и Хамаданская операции
http://www.grwar.ru/library/Korsun-Alashkert/АЧО_11.html
20. Микаелян К. Преодоление заблуждений. Карабахская проблема в аспекте российско-американских отношений
<http://www.hayastan.ru/Vestnik/vestnik.phtml?var=Arkhiv/2000/1-2/statya6&number=?1-2+2000Ц>
21. 24 nisan 1915 nedir?
<http://www.ermenisorunu.gen.tr/24-nisan-1915-nedir>

22. Хараджян А. Армянское цунами или раны Армении?
<http://www.kapitalist.lv/2005-03-21/459.html>
23. Мурхед А. Борьба за Дарданеллы
http://militera.lib.ru/h/moorehead_a/05.html
24. Черчилль У. Мировой кризис
<http://grachev62.narod.ru/churchill/chapt18.htm>
25. Барац А. Там и всегда
<http://abaratz.com/tam.htm>
26. Шварц Н. Урок заблудшим: что значит геноцид
<http://evreimir.com/article.php?id=9684>
27. Prof. Dr. Yusuf Halacoglu. Ermeni Tehciri ve Gercekler
<https://www.tarihtarih.com/?Syf=26&Syz=292366>
28. Нансен Ф. Армения и Ближний Восток
<http://www.armenianhouse.org/nansen/docs-ru/armenia1.html>
29. Stanford J. Shaw. "History of the Ottoman Empire and Modern Turkey", vol. 2, co-authored with Ezel Kural Shaw, Reform, Revolution and Republic: The Rise of Modern Turkey, 1808–1975, Cambridge, London, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 1977, p. 315.
30. Барсегов Ю. Восстановить права народа: державы, причастные к геноциду армян, должны искупить свою вину
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/powers.htm>
31. McCarthy J., McCarthy C. Turks and Armenians: A Manual on the Armenian Question, Washington, DC: Assembly of Turkish American Associations, 1989, pp. 85–94.
32. Statement on House Joint Resolution 192 / The New York Times, 19 May 1985
<http://www.turk.org.au/welcome-en/armenian-issue/declaration-made-by-american-academics-may-19-1985/>
33. Dalia Karpel. There Was No Genocide: Interview with Prof. Bernard Lewis
<http://www.ataa.org/reference/karpel.html>
34. Lewy G. Revisiting the Armenian Genocide
<http://www.meforum.org/748/revisiting-the-armenian-genocide>
35. Цит. по: Мамиконян М. Белый лис
<http://kurg.rtcomm.ru/publ.shtml?cmd=art&auth=4&theme=&id=1435>
36. Цит. по: Вардумян О. Истинная литература та, у которой один адресат – и это я, только я. Беседы с Грантом Матевосяном
<http://magazines.russ.ru/druzhba/2004/1/vard13.html>

37. Цит. по: Генсек Совета Европы считает предложение Эрдогана «жестом хорошего тона»

<http://www.regnum.ru/news/446584.html>

38. Цит. по: Кочарян Р. Ответ на письмо-предложение премьер-министра Турции Реджеп Тайип Эрдогана о создании совместной армяно-турецкой комиссии по исследованию событий 1915 г. в Османской империи.

<http://www.regnum.ru/news/445314.html>

39. Арсенян Г. Выступление на парламентском брифинге в г. Ереване 18 апреля 2005 г. Цит. по: Турция предлагает диалог

<http://www.murmannews.ru/allnews/442049>

40. Погосян Л. Выступление по теме «Гуманитарные проблемы в процессе преодоления конфликтов» на шестисторонней рабочей встрече граждан и НПО Южного Кавказа, проходившей в г. Ереване 8–13 июля 2006 г. Цит. по: Примирение армянского и азербайджанского народов неотделимо от примирения Армении и Турции

<http://www.panarmenian.net/news/ rus/?nid=18902>

БОЛЬШЕВИСТСКО-ДАШНАКСКИЙ ТАНДЕМ. БАКИНСКАЯ РЕЗНЯ 1918 г.

Политические игры вокруг Южного Кавказа

После взятия Эрзурума, к лету 1916 г. русские войска овладели восточными османскими территориями. Регион был объявлен временным генерал-губернаторством Российской империи с подчинением главному командованию Кавказской армии.

Член IV Госдумы России, один из основателей Армянской народной партии Михаил Пападжанов подчеркивал, что армяне Османской империи «для успеха русского оружия» напрягли «все свои силы – моральные, физические и материальные»; армянское население «радошно встречало во вновь завоеванных областях победоносные войска наши, помогало как могло и оказывало торжественный прием всенародно, во главе со своим духовенством» [1]. Информацию М. Пападжанова подтверждал генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта Евгений Масловский. Вспоминая вступление командующего Кавказской армией генерала Николая Юденича в Трапезунд, он писал, что «все греки, составлявшие значительную часть населения города, и армяне, во главе с митрополитом и многочисленным духовенством, вышли навстречу командующему Кавказской армией» [2].

Однако, как отмечает Ю. Ханжин, судьба армян интересовала Петербург «только в той мере, в какой они могли являться для России полезными стратегическими союзниками в период войны» [3]. Николай II был против «чрезмерного увеличения территории Армении», ратуя за включение в состав Империи «стратегически важных для Кавказа» Эрзурума и Трапезунда, и не поддерживал идею предоставления Армении конституции [4].

В то же самое время, вместо создания обещанных Петербургом условий для возвращения ранее депортированных армян в османские вилайеты прорабатывался план по их заселению русскими переселенцами. Н. Юденич, в частности, высказывал убеждение в образовании в этих местностях так называемого «новоевфратского казачества» (путем переезда русского населения Кубани и Дона).

Мало того, в начале 1916 г. состоявшие в русской армии добровольческие армянские дружины были расформированы. Как писал Уинстон Черчилль, когда османы атаковали «русскую Армению, царское правительство отправило 150 тыс. армянских солдат на польский и галицийский фронт», переведя на Кавказ «другие русские войска». Из этих «150 тыс. лишь немногие остались в живых после европейских

битв», что являлось суровой мерой «по отношению к армянскому народу» [5/a].

Однако последовавшее в феврале 1917 г. свержение самодержавия в России прервало осуществление планов русской колонизации османских областей. С образованием Временного правительства на местах началось формирование новых органов власти. Функции Кавказского наместничества перешли в ведение Особого закавказского комитета (ОЗАКОМ), а при мэрии османского Вана возник так называемый Ванский исполком, после чего постановление правительства «Об управлении Турецкой Арменией» потребовало принять «меры к обратному заселению этих областей армянами, переселившимися в пределы России в течение текущей войны и в прежние годы» [6].

Затем в городах Южного Кавказа возникли армянские национальные советы, после чего центральные власти признали правомочность учрежденной должности «армянского военного комиссара», возложенную на главнокомандующего Петроградского военного округа Акопа Багратуни. Это было неслучайно, так как именно с его стороны товарищу военного министра Борису Савинкову был представлен проект создания армянского корпуса по образцу русских армейских корпусов. Так на Кавказском фронте возникло 6 армянских полков, к осени 1917 г. вошедших в состав единого Армянского корпуса (с включением в него и дивизии Андраника Озаяна).

Большевики и развитие «армянского вопроса»

7 ноября 1917 г. Временное правительство сменяется властью большевиков, и все вышеотмеченные «завоевания» армянского движения (за исключением создания Армянского корпуса) остались нереализованными.

Но если в Баку большевикам удалось добиться объявления Бакинского совета высшей властью в городе, то созданное меньшевистским «Комитетом общественной безопасности» в Тифлисе совещание с участием политических партий, ОЗАКОМа, консульского аппарата стран Антанты отказалось признать власть большевиков, провозгласив необходимость создания «Независимого правительства Закавказья». 15 ноября на место ОЗАКОМа «заступил» Закавказский комиссариат.

В свою очередь, 11 января 1918 г. был обнародован Декрет нового российского правительства – Совета народных комиссаров (СНК) – об османских территориях, поддержавший «право армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» на свободное самоопределение вплоть до полной независимости». При этом СНК высказался за «референдум армянского народа», при предварительном образовании «Временного

народного правления “Турецкой Армении” в виде Совета депутатов армянского народа» [7].

Одной из гарантий реализации этих пунктов декрет объявил вывод российских войск из данной зоны при немедленном образовании «народной армянской милиции». «Всяческое содействие» в решении этих и аналогичных вопросов, включая создание комиссии для установления срока и способа вывода войск из пределов «Турецкой Армении», возлагалось на председателя Исполкома Бакинского совета Степана Шаумяна. По словам итальянского писателя, историка Джованни Гуайта, «за видимой демократичностью этого документа скрывалось настоящее предательство: выводя свои войска, Советская Россия передавала Армению в руки ее турецких палачей». Те, конечно, «не простят армянам сотрудничество с русскими». Здесь проявилась «сугубая безответственность коммунистов по отношению к армянскому народу» [8].

Уже на следующий день после обнародования декрета между большевиками и Стамбулом было подписано перемирие, вслед за чем стал происходить стихийный распад фронта и солдаты начали самостоятельно возвращаться в Россию.

Стремительно менявшиеся события вокруг России требовали адекватных шагов от Запада, в частности на кавказском направлении, где одним из узловых становился принимавший новые контуры «армянский вопрос». Как отмечает армянский историк Гаянэ Махмурян, к началу 1918 г. англичане увязывали его со всем комплексом ближневосточных проблем; американцы же говорили об автономии «Турецкой Армении». Первое «было опасно, потому что нефть Ирака, Палестина и Сирия имели приоритетное значение и, добываясь своих целей здесь, англичане должны были делать уступки именно за счет армян». Но и американцы не использовали термин «независимость». Вследствие чего армянский народ «стал предметом переговоров» (к которым «не имел доступа»), не представляя «первостепенной важности» ни для одного из государств [9].

Основным объектом заинтересованности британцев являлся Кавказ в целом. 23 декабря 1917 г. между Великобританией и Францией была заключена конвенция о разделе сфер влияния. Рассматривая этот документ, У. Черчилль отмечает, что англичанам «перепадала» «Турецкая Армения», а также территории казаков, Кавказа, Грузии и Курдистана [5/6].

Активизировался и Вашингтон: по инициативе американского консула в Тифлисе Феликса Смита 10 февраля 1918 г. был создан новый орган государственной власти – Закавказский сейм (как представляется, в качестве первого шага юридического оформления отторжения Южного Кавказа от большевистской России). Такой ход американцев был далеко

не спонтанным, поскольку, согласно российскому историку Николаю Ионичеву, Ф. Смит еще в 1916 г. заявил что «богатый Кавказ представляет «особенный интерес для американцев». Торговый представитель США в России Гонтингтон в том же году провел в Тифлисе совещание представителей ряда американских банков с местными промышленниками, на котором обсуждался вопрос о вложениях заокеанских капиталов в этом регионе, в первую очередь в кавказские нефтяные промыслы» [10].

Но наибольших успехов в игре вокруг центральных регионов России достигла Германия, с которой 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске Петербург подписал мирный договор. Большевики отказывались в пользу важнейшего германского союзника Стамбула от занятых в ходе войны османских территорий, а также Карса, Ардагана и Батума. В этой связи У. Черчилль подчеркивал получение Берлином беспрепятственной возможности «пользоваться житницами Украины и Сибири, нефтью Каспийского побережья и всеми вообще ресурсами огромной страны» [5/в]. Командующий английским экспедиционным корпусом в Персии генерал Лионель Чарльз Денстервиль добавлял, что «занятие Баку» позволяло бы врагу «господствовать на Каспийском море», открывая ему «свободную дорогу в Азию и Афганистан» [11].

Смычка в Баку большевиков и дашнаков

Нефтяными запасами Абшерона объяснялась и заинтересованность Совнаркома в скорейшем распространении своей власти на Баку, что подчеркивал советский историк Яков Ратгаузер: «Помимо самоценности», этот город «имел крупное значение для всей революционной России, и судьба революции в значительной степени зависела от судьбы Баку» [12].

Ленин писал, что «национализация нефтяной промышленности возможна сразу и обязательна для революционно-демократического государства, особенно когда оно переживает величайший кризис» [13]. В свете чего к концу 1917 г. СНК ввел новую должность – чрезвычайный комиссар по делам Кавказа, занятую тем же С. Шаумяном.

С начала 1918 г. бакинские большевики начали создавать в Баку вооруженные отряды. К этому времени в городе были сосредоточены 4 тыс. военнслужащих из добольшевистского «Армянского корпуса». Кроме того, в Баку стекались тысячи покидавших фронты вооруженных солдат-армян. Оседание такого количества вооруженных армян в городе официально обосновывалось закрытием железнодорожного сообщения между Баку и Тифлисом (железная дорога находилась в руках С. Шаумяна и Ко, способных управлять ею по своему усмотрению). Однако

реальной причиной являлась необходимость укрепления власти большевиков в Баку путем их сращивания с «армянским движением» в лице Армянского национального совета, «Дашнакцутюна» и «армянской когорты» экс-Кавказской армии. Тем более что 14 марта 1918 г. на Трапезундской мирной конференции Стамбул, предложив Закавказскому правительству согласиться с правами османов на Батум, Карс, Ардаган, призвал обратиться к Германии, Австрии, Болгарии и Османской империи с просьбой о признании Закавказской республики и оказании ей военной поддержки против большевиков. В этом особо был заинтересован Берлин, так как тем самым подтверждались результаты Брестского мира, но уже независимым от России Закавказьем. Такое развитие событий означало бы начало краха ленинской власти, поскольку нефтеносный Баку однозначно оказывался в зоне влияния Стамбула (читай – Берлина), тем более что 21 марта 1918 г. немецкие войска начали наступление на Западном фронте.

Вполне очевидно отсутствие у большевиков иллюзий по поводу соблюдения Германией условий Брестского мира в случае ее успешной операции против стран Антанты, вследствие чего российские власти решили заблаговременно утвердиться в нефтеносном Азербайджане. Здесь и видится основа для антиазербайджанского тандема большевистского правительства с «Дашнакцутюном».

Американский исследователь истории Южного Кавказа, преподаватель Джорджтаунского университета Майкл Смит отмечает, что большевистскую власть в Баку охраняла «вооруженная милиция, сформированная из российских армейских частей», а также «многочисленные армянские части под руководством дашнаков» [14]. Заместитель главного редактора российского еженедельника «Российские Вести» Станислав Тарасов также обращает внимание, что «дашнаки поддерживали армянина Шаумяна» [15]. Мало того, Баксовет «проводил последовательную политику недопущения партии «Мусават»⁶⁸ к участию в демократических органах власти Баку, несмотря на то, что мусаватисты фактически стали монопольными представителями мусульманской общины города и пользовались поддержкой большинства мусульманских избирателей» [14].

Поэтому неудивительно, что на фоне отсутствия каких-либо крупных вооруженных формирований у азербайджанского населения, «у нас⁶⁹ были уже вооруженные силы около 6 тыс. человек. У «Дашнакцутюн» имелось также около 3–4 тысяч вооруженных частей, которые были в нашем распоряжении» [17]. Сын С. Шаумяна Сурен вспоминал, что

⁶⁸ Образована в Баку в 1911 г. под названием «Мусульманская демократическая партия Мусават». – прим. авт.

⁶⁹ большевиков – прим. авт.

«оружие для формирования частей Армянский национальный совет брал у демобилизовавшихся солдат-армян», скупая его и «у демобилизовавшихся русских солдат». В распоряжении Совета мусульманских общественных организаций в Баку находилась лишь школа прапорщиков» [20/а].

Армянский военный комиссар Акоп Багратуни, обосновавшийся в тот период в Баку с согласия большевиков, отмечая, что «оборона Баку имела большое значение в деле защиты пределов России», подчеркивал ее особенную важность «для армянства». В связи с чем он «постоянно поддерживал мысль о необходимости обороны Баку с чисто даже армянской точки зрения» [22]. Не больше и не меньше.

Мартовская трагедия 1918 г.

«С чисто армянской точки зрения» 31 марта 1918 г. началось физическое истребление коренного населения Баку. Со слов непосредственного свидетеля событий, члена Русского национального совета в Баку в 1918–1919 гг. Бориса Байкова, постепенно «большевистско-татарское ⁷⁰ столкновение начинало приобретать характер национального», причем против азербайджанцев «кроме большевиков, выступали все большие массы армян». «Дашнакцакане» «повели наступление» на азербайджанские позиции, один за другим сносились здания, «особенно дорогие в глазах мусульман: большая мечеть Джума, дом мусульманского благотворительного общества». «Несчастное азербайджанское население», бросая имущество на произвол судьбы, «спешило уйти из-под убийственного огня артиллерии и пулеметов», скрывшись «где-нибудь в окрестностях». Большевики «принялись массами арестовывать татар, и в особенности всех тех, которые хоть сколько-нибудь возвышались над уровнем пролетарских классов; обвинения если и предъявлялись, то или в контрреволюционности, или в принадлежности к “бекско-ханской” партии “Мусават”». Началась реквизиция квартир, помещений и домов [23].

Можно лишь склонить голову перед русским человеком Б. Байковым, откровенно описавшим события. Анализ сказанного им позволяет сделать вывод, что при всей большевистско-дашнакской стыковке «армянское движение» преследовало собственные цели, о которых вскользь упомянул А. Багратуни.

Если первая часть тандема (большевистская верхушка), сыграв на опережение Берлина, дала добро на мощнейшую атаку города в целях

⁷⁰ азербайджанское – прим. авт.

укрепления власти на пути к обладанию нефтяными богатствами, вторая (армянские лидеры) – организовала резню мирного населения.

Российский исследователь Андрей Зубов также отмечает, что «жестокой расправе, фактически погрому, подверглись со стороны победивших большевиков именно мусульмане» [16]. Армянский советский академик, экс-директор Института истории Армении Грант Аветисян сообщает, что в Баку за Советскую власть «сражались четыре бригады Кавказской Армии, состоящей из 25 батальонов и 18 тыс. красноармейцев, около 70% красноармейцев армяне» [21]. Таким образом, происшедшая в марте 1918 г. трагедия в Баку, преподносимая советской историографией как «подавление контрреволюционного мусаватистского мятежа», фактически была запрограммирована большевиками, но осуществлена большевистско-дашнакским тандемом.

Будущий глава делегации Азербайджанской Демократической Республики на Парижской мирной конференции Али Мардан-бек Топчибашев по горячим следам четко размежевал эти силы по их отношению к азербайджанцам: «Чудовищная по своей сути гражданская война привела к массовым грабёжам и убийствам мирных мусульман, санкционированных большевиками со свойственной только им ненавистью и инстинктом разрушения. И претворялось все это с одной лишь целью – прийти к власти» [24/а]. Но далее Али Мардан-бек делает важнейшее уточнение, раскрывающее суть происшедшей трагедии: «Свыше 3 тыс. армянских солдат, возвращавшихся с западного фронта», стали «инициаторами и приняли активное участие в гражданской войне», превращенной ими «в широкомасштабный конфликт на национальной почве между армянами и мусульманами» [24/б].

Сурен Шаумян также признает, что дашнакские части «вмешались в бой на стороне Совета», причем их участие «ознаменовалось погромами и пожарами» [20/б]. Не обходит вниманием этот факт и М. Смит: «Мусульмане потерпели сокрушительное поражение от объединенных сил бакинского Совета, а затем испытали на себе всю безудержную свирепость дашнакских отрядов» [14]. А непосредственно Степан Шаумян без обиняков откровенничал: «Национальный армянский совет самостоятельно арестовывал, обыскивал, реквизирует и т. д.», но «победа настолько велика, что это мало омрачает действительность» [18].

О том, что физическое уничтожение азербайджанцев не было целью большевиков (или русских), свидетельствуют воспоминания Б. Байкова. По его словам, на решение большевиков о прекращении дальнейших боевых действий против азербайджанского населения «повлияла не столько ненужность дальнейшего кровопролития, сколько категорическое заявление двух пехотных русских полков, при возвращении с фронта умышленно задержанных большевиками в

городе». Эти полки, не принимавшие никакого участия в военных действиях большевиков, категорически заявили, что в случае прекращения «дальнейшего кровопролития», они «немедленно сами выступят против большевиков» [23].

Хотя здесь речь идет о большевиках в целом, в реальности подразумевались дашнакские части, входившие в состав правительственных войск. «Что же все-таки послужило причиной событий, – задавался вопросом А. М. Топчибашев, – желание армян наравне с большевиками обладать властью или замешанное на национальной почве чувство мести?» «Историки в будущем раскроют всю правду», – резюмировал он [24/6]. Вполне вероятно, что под «большевистский властный шумок» «армянское движение» приступило к «переформатированию» Баку в «армянский» город – в качестве первого шага к постепенному превращению Азербайджана в базу «своего» государства.

Подтверждается это дальнейшей «армянской вакханалией» в районах Азербайджана, в частности Шамахинском и Губинском, где хозяйничал Амазасп. При этом наряду с азербайджанским уничтожилось и еврейское население. Председатель общины горских евреев Азербайджана Семен Ихиилов отмечает, что в 1980-х гг. им были обнаружены ранее неизвестные широкой общественности «факты массового истребления евреев, имевшие место в период геноцида азербайджанского народа в 1918–19 гг.». На сегодняшний день удалось «документально идентифицировать имя 81 невинно убиенного еврея» [25].

Все вышеизложенное, как и почти идентичные события в Сальянском и Лянкяранском районах, советской исторической наукой преподносилось с точки зрения «установления советской власти в районах Азербайджана». Причем с легкой руки С. Шаумяна, охарактеризовавшего акции как «участие армян в борьбе за советскую власть против мусульманских контрреволюционеров» [19].

В действительности же вместо провозглашенного ленинским Совнаркомом «права наций на самоопределение» большевистско-дашнакский тандем осуществил массовое убийство безоружного азербайджанского населения. Не случайно уже 3 апреля 1918 г. было опубликовано открытое письмо будущего председателя Совнаркома Азербайджана Наримана Нариманова С. Шаумяну, в котором он писал, что происшедшее «пятнает Советскую власть, чернит ее. Если вы в ближайшее время не разорвете эту черную завесу и не снимете это пятно, большевистская мысль и Советская власть здесь удержаться не сумеет» [26].

Один из первых критиков сталинского режима, в 1925 г. погибший при невыясненных обстоятельствах на посту Председателя ВЦИК, был

прав: советская власть в Баку вскоре пала, но причины этого были далеко не в резне азербайджанцев. А по горячим мартовским следам апрельским постановлением Баксовета должен был быть упразднен Армянский национальный совет и распущены армянские национальные полки с их уже официальным вливанием в состав Красной армии. Вслед за чем появилось решение о ликвидации 2-го армянского резервного пехотного полка и батальона Амазаспа. Но реализация этих пунктов была довольно своеобразной. Согласно данным уже цитируемого Г. Аветисяна, дашнакские «вооруженные силы перешли в распоряжение Баксовета. Были организованы три бригады, которыми руководили Амазасп, подполковники Бек-Зурабян и Арутюнян. Командиром корпуса был полковник Казарян, начальником штаба полковник Аветисян» [22].

То есть большевистско-дашнакская связка «узаконилась», вслед за чем прошли выборы в Баксовет: из 308 депутатов дашнаков было 36, мусаватистов – 23, входили также большевики, меньшевики и эсеры и др. С учетом минимального представительства азербайджанцев среди «правых» и «левых» можно сказать, что коренная нация была представлена в этом органе в количестве менее 10%. Армянская же прослойка довольно массово присутствовала во всех фракциях, в связи с чем оперившийся Баксовет 25 апреля 1918 г. образовал Совнарком: председатель и комиссар по иностранным делам Степан Шаумян, он же – чрезвычайный комиссар Советского правительства по делам Кавказа. Представители нации – союзника большевиков (на тот период) заняли и др. ответственные посты: комиссар по военно-морским делам Григорий Корганов, юстиции – Арташес Каринян (Габриэлян), зам. наркома продовольствия – Арам Костандян; военный комендант Баку – Багдасар Авакян, председатель Чрезвычайной комиссии – Саак Тер-Габриелян, редактор «Бакинского рабочего» – Арсен Амирян, редактор «Известий Бакинского Совета» – Сурен Осипянц и т. д.

Как пишет в этой связи корреспондент Русской службы «Би-биси» Владимир Старостин, в Баку «правил Совет, в котором доминировали армяне и русские (социалисты, социал-демократы и большевики)» [27]. При этом продолжал самостоятельную деятельность и Армянский нацсовет.

На этом фоне «нефтяная» мечта Ленина постепенно становилась былью: «только за июнь из Баку в Астрахань было вывезено 328 тыс. тонн нефти и нефтепродуктов», в июле – 410 тыс. тонн. Всего за 1918 г., до временного падения Советской власти, «в Астрахань было доставлено 4 млн 400 тыс. тонн жидкого топлива» [28]. При этом аппетиты большевиков росли, так как со слов председателя Высшего совета народного хозяйства России Алексея Рыкова «все из Баку можно вывезти до 200 млн пудов нефти» [29].

Можно, конечно... «Что нам стоит дом построить?» Но Запад-то не дремал.

1. Пападжанов В. Из выступлений на III и IV сессиях четвертого созыва Государственной Думы России от 27 января и 20 июля 1915 г. Цит. по: Барсегов Ю. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/resp/214-244.htm>
2. Цит. по: Гривенко В. Ответ на редакционное послесловие «Независимой газеты» к его статье
http://saturday.ng.ru/post/2001-03-12/7_mail.html
3. Ханжин Ю. Выступление на радио «Свобода» в передаче «90-летие трагических событий в Турции» от 19 апреля 2005 г.
<http://www.svoboda.org/programs/tw/2005/tw.041905.asp>
4. Уткин А. И. Первая мировая война
<http://militera.lib.ru/h/utkin2/05.html>
5. Черчилль У. С. Мировой кризис
а/ <http://grachev62.narod.ru/churchill/chapt18.htm>
б/ <http://grachev62.narod.ru/churchill/chapt09.htm>
в/ <http://grachev62.narod.ru/churchill/chapt05.htm>
6. Руководящие указания Генерал-комиссару областей Турции, занятых по праву войны. Цит. по: Барсегов Ю. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/resp/278-314.htm>
7. Декрет Совета народных комиссаров о «Турецкой Армении» от 11 января 1918 г. Цит. по: Системная история международных отношений. Под ред. А. Д. Богатурова
<http://www.obraforum.ru/lib/book2/18.htm>
8. Гуайта Дж. 1700 лет верности. История Армении и ее Церкви
<http://www.grazhdanin.com/grazhdanin.phtml?var=Vipuski/2004/4/statya17&number=4+2004Ц>.
9. Махмуриян Г. Англо-американские противоречия и Республика Армения 1918–1920 гг.
http://research.sci.am/gmakhmourian/articles/stat_1.htm
10. Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века)
<http://humanities.edu.ru/db/msg/22499>
11. Генерал-майор Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии. 1917–1918 гг. Воспоминания. Тифлис, 1925, с. 122.
12. Ратгаузер Я. А. К истории гражданской войны на Тереке. Отдельный оттиск из т. XIII «Известий». Изд. Педагогического

факультета Азербайджанского государственного университета. Баку, 1928, с. 100.

13. Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться
<http://vilenin.eu/t34/p169>

14. Смит М. Память об утратах и азербайджанское общество
http://www.sakharov-center.ru/azrus/az_004.htm

15. Тарасов С. Последняя интрига Анастаса Микояна
http://www.rosvesty.ru/numbers/1780/clio/a_01.phtml

16. Зубов А. Политическое будущее Кавказа: опыт ретроспективно-сравнительного анализа
<http://magazines.russ.ru/znamia/2000/4/zubov.html>

17. Шаумян С. Г. Избранные произведения, М., 1978, т. 2, с. 246, 249.

18. Шаумян С. Текущий момент и организация власти. Речь на заседании Баксовета от 19 апреля 1918 г. В кн.: Шаумян С. Г. Статьи и речи 1917–1918 гг. Баку, 1929, с. 250–251.

19. Шаумян С. Костлявая рука голода и темная агитация. В кн.: Шаумян С. Г. Статьи и речи 1917–1918 гг. Баку, 1929, с. 142–143.

20. Шаумян Сурен. Бакинская Коммуна. Баку, 1927
а/ с. 12;
б/ с. 31.

21. Цит. по: Газета «Коммунист», Ереван, 26 августа 1989 г., № 199.

22. Цит. по: Аветисян Г. Генерал Акоп Багратуни (1879–1943)
<http://www.hayastan.ru/Vestnik/vestnik.phtml?var=Arkhiv/1999/1-2/statya26&number=?1-2+1999г>.

23. Байков Б. Л. Воспоминания о революции в Закавказье.
<http://www.dk1868.ru/history/ZAKAVKAZ.htm>

24. Топчибашев А. М. Меморандум, предъявленный находящимся в Константинополе почетным представителям держав Антанты, членом правительства Азербайджанской Республики, чрезвычайным министром-посланником при правительствах Блистательной Порты, Армении и Грузии. Баку, 1993
а/ с. 30;
б/ с. 31.

25. Ихилов С. Письмо в Институт по правам человека Академии наук Азербайджана. Цит. по: Мустафаев Р. Эксклюзивное интервью порталу «Day.Az»
<http://gorskie.ru/php/news/archnew.phtml?id=306&idnew=21466&start=5>

26. Цит. по: Газета «Гуммет» от 3 апреля 1918 г.

27. Старостин В. Интервенция 14 держав в Советскую Россию
<http://www.volk59.narod.ru/inter14.htm>
28. Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана.
Баку, 1963, с. 273.
29. Рыков А. Доклад о деятельности Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Выступление на I Всероссийском съезде СНХ 29 мая 1918 г.
<http://www.magister.msk.ru/library/politica/rykov/rykoa001.htm>

ЛЕНИН, НЕФТЬ И СУДЬБА ЭРИВАНИ

Активизация Германии на Кавказе

В марте 1918 г. на Трапезундской мирной конференции Закавказское правительство не приняло предложение Стамбула о согласии с правами османов на Батум, Карс, Ардаган с последующим признанием независимой Закавказской республики странами Тройственного Союза, хотя это соответствовало условиям Брест-Литовского договора.

Тем временем кровавая большевистско-дашнакская вакханалия в Баку позволила советской власти укрепиться не только в нефтяной столице, но и в ряде районов Азербайджана. В апреле 1918 г. большевики взяли власть и на всей территории Абхазии (за исключением Кодорского участка). Поэтому неудивительно, что одновременно с наступлением Германии на англо-французские позиции на Западном фронте с апреля началось продвижение турок вглубь Южного Кавказа.

Отсутствие не только помощи, но и какой-либо реакции от грузинской и армянской фракций закавказского Сейма на мартовскую резню в Баку вынудило азербайджанскую фракцию поставить вопрос о выходе из Сейма, тем более что «Дашнакцутюн» открыто ратовал за обязательность сохранения в городе армянских вооруженных армянских частей.

Османь тем временем вошли в Карс, Ардаган, Батуми, Озургети, Ахалцихе и другие местности. Протест Наркомата иностранных дел России (НКИД), призывавший Берлин повлиять на Стамбул, не был принят Германией. Турецкое наступление вынудило Закавказское правительство заявить о возобновлении Трапезундских переговоров на предмет согласования положений Брест-Литовского договора, но в качестве предварительного условия Стамбул потребовал официального объявления независимости Закавказской республики, т. е. ее выхода из состава России.

В результате 22 апреля 1918 г. большинством голосов Сейм принял резолюцию о провозглашении независимой Закавказской Демократической Федеративной республики (ЗДФР). В тот же день российский НКИД обратился к Берлину с очередной нотой протеста, так как турки, не услышавшие от нового независимого государства признания Брестского мира, продолжали наступление. Лишь после получения заверений от ЗДФР о намерении согласиться с условиями Бреста, Стамбул, «прихвативший» по пути Александрополь (Гюмри/Ленинкан) с Сардарapatом, признал независимость Закавказья.

Вышеизложенные факты не позволяют однозначно согласиться с утверждением ряда историков о том, что к «остановке» движения османов в закавказском направлении был причастен напуганный

«самостоятельностью» турок Берлин. Например, грузинский историк Автандил Ментешашвили пишет, что «Германия, встревоженная продвижением турок вглубь Закавказья, заставила их 27 апреля 1918 г. подписать секретное соглашение о разделе сфер влияния в Закавказье» [1].

Возможно, повод для такого вывода дают обращения российского и закавказского правительств к Берлину «для воздействия» на Стамбул. Однако весь ход событий свидетельствует, что османы не предпринимали ни одного шага без согласования с немцами. Кроме того, германские войска увязли на Западном фронте, что не позволяло Берлину «разбираться» со своими союзниками, тем более «в ущерб» нефтяным интересам. Как писал фактический командующий ВС Германии с августа 1916 г. Эрих Людендорф, «полковник фон Кресс должен был организовать эксплуатацию железной дороги Батум – Тифлис – Баку, на которой имелся большой парк вагонов-цистерн. Но основным вопросом во всем этом, конечно, было, как нам попасть в Баку» [2].

Руководитель британской военной миссии в Индии, Афганистане и Закаспийской области в 1918–1919 гг. Вилфрид Маллесон отмечал, что Германия находилась «на краю истощения» в отношении «снабжения», особенную нужду испытывая «в нефти и ее отходах [продуктах], а также в хлопке для взрывчатых веществ». Разрушение румынских нефтяных промыслов «лишило ее одного из последних» нефтяных источников. Наличие в Баку запасов нефти вынудило Германию обратить взоры на Восток. Немецкие войска «в течение долгого времени имели доступ к болгарским и турецким берегам Черного моря, теперь они устремились еще дальше» [3]. Естественно, понятие «Восток» не ограничивалось для Берлина исключительно Азербайджаном, простираясь до иракской Басры и еще дальше.

Поэтому хотя внешне военно-политические действия на южно-кавказском направлении вел Стамбул, всей ситуацией управляли немцы. Другое дело, что Германия решила «прилюдно» продемонстрировать свое недовольство «несанкционированным» поведением Стамбула, выступив посредником на начавшихся в Батуми переговорах Османской империи с закавказскими делегациями.

Британский историк Эдвард Карр приоткрывает завесу над этими хитросплетениями. 28 мая 1918 г. был подписан германо-грузинский договор, по которому Грузия признавала границы, установленные по Брест-Литовскому договору. Германия, заполучившая контроль над важнейшей Закавказской железной дорогой, «по которой бакинская нефть отправлялась к Черному морю», хотя и воздержалась от официального признания независимости Грузии, обязалась обеспечить гарантии Грузии «против турецкого вторжения» [4].

Стоит отметить, что договор Османской империи с Грузией как с суверенной страной был четко соблюден юридически. Еще 26 мая 1918 г., в связи с отсутствием от ЗДФР конкретного ответа на предложения о заключении договора, подтверждающего условия Брест-Литовского мира, турки предъявили ЗДФР ультиматум. В тот же день Закавказский сейм объявил ЗДФР более не существующей, вслед за чем Национальное собрание Грузии провозгласило независимую Грузинскую Демократическую Республику.

В свою очередь, 28 мая 1918 г., на следующий день после принятия мусаватской фракцией Сейма решения о выходе Азербайджана из ЗДФР, Азербайджанский национальный совет провозгласил Азербайджанскую Демократическую Республику. Одновременно Армянский национальный совет заявил о создании независимой Республики Армении, фактически без территории и столицы. 29 мая 1918 г. Азербайджан уступил Эривань армянской стороне.

Судьба Эривани

Вопрос о том, каким образом нынешняя столица Армении досталась армянской стороне после провозглашения независимости Азербайджана, периодически обсуждается региональными историками. Пролить свет на происхождение этого решения поможет обнаружение архивных документов многих стран, а на основании имеющейся сейчас информации можно лишь выдвигать предположения на этот счет.

Исходя из содержания докладной записки командира артиллерийского батальона отдельного Армянского корпуса в 1918 г. Христофора Араратова, османские войска, заняв 15 мая Александрополь, расстроили «в значительной степени Армянскую дивизию» и смогли перевалить Джаджурский перевал, подойдя к Караклису. 17–19 мая они стали «теснить наши части вдоль железной дороги Александрополь – Эривань», и усилился «поток беженской волны», которой были «буквально запружены все дороги, идущие на Эривань, а вокруг монастыря Эчмиадзин образовалось сплошное море беженцев». Телеграмма командира Армянского корпуса генерала Назарбекова о полной неудаче, «постигшей наши войска под Караклисом», свидетельствовала, что город Эривань «оказался открытым для вторжения противника с северо-востока» [5].

Судя по этой информации, османские войска находились на подступах к Эривани, следовательно, фактический отказ азербайджанского правительства от города в пользу Армении был политическим шагом. О нем вполне могли договориться на армяно-османских переговорах 27 мая 1918 г., т. е. за сутки до провозглашения независимой Армении. Причем

у Стамбула были на то причины. Еще в период Трапезундских мирных переговоров армянской делегацией (в частности одним из лидеров «Дашнакцутюна», городским головой Тифлиса, будущим председателем совмина правительства Армении Алесандром Хатисовым) предлагалось введение на территории Османской империи автономии для проживающих там армян (районы Баязета, Эрзурума, Муша, Вана, части Битлиса и Батман-су), в ответ на что Стамбул, заявив о недопущении вмешательства во внутренние дела страны, потребовал снять с повестки дня пункт об «армянской автономии». Поэтому не исключено, что на этапе батумских переговоров турки сочли возможным получить «под боком» независимую Армению как часть буфера между Россией и Османской империей. Имея под своим «крылом» армянское государство, Стамбул мог надеяться на нивелирование лозунга создания «Независимой Армении» на территории Турции, постоянно выдвигаемого местными армянами под диктовку России или стран Антанты.

Тем самым договор с независимой Арменией, которая в перспективе должна была быть признанной мировым сообществом, служил своего рода гарантией против инспираций извне (посредством «армянского движения») территориальных претензий к Османской империи. А уже отсюда мог возникнуть «вариант с “армянской” Эриванью», наличие которой способствовало бы переезду туда османских и азербайджанских армян. Не исключено, что Эривань рассматривалась столицей независимой Армении с учетом ее абсолютно нестратегического значения в тот период. Так, К. Микаелян пишет, что «перебравшись из Тифлиса, Баку, других мест в малозначимый город Эривань, армяне сформировали армию» [6]. Даже если допустить сознательное умаление К. Микаеляном значения Эривани, факт остается фактом – этот город действительно уступал по многим параметрам другим закавказским центрам. Но, заполучив нынешнюю столицу, армянское государство практически признало принадлежность Стамбулу занятых им на тот период территорий.

В этой связи также следует учесть, что «жест» с Эриванью мог рассматриваться как промежуточное решение, в особенности на фоне обращения 26 мая 1918 г. азербайджанским населением Ахалцихского и Ахалкалакского уездов к туркам с просьбой присоединить большую часть этих территорий к Османской империи. Вполне очевидно, что данный шаг также был организован, но в стройной цепи всех фактов он свидетельствует о целостности подхода Стамбула к Кавказскому направлению. Косвенным подтверждением вышесказанного является «Нота председателя делегации Армении главнокомандующему оттоманскими войсками на Кавказском фронте от 3 июня 1918 г.»:

«Господин Главкомандующий! В целях полного разрешения вопроса об эвакуации из Баку частей армянских войск и предохранения города Баку и его промышленного района от возможных несчастных случаев, в чем заинтересованы наравне с мусульманами и армяне, имею честь просить ваше превосходительство, чтобы до отправки турецких войск в Баку сообразовали оказать нам содействие, разрешить специальной комиссии Армянского правительства проезжать свободно и в полной безопасности до Баку, чтобы там принять необходимые меры, обеспечивающие успех срочной эвакуации армянских частей, а также дать возможность выехать жителям, желающим покинуть город. Благоволите принять, господин Главкомандующий, уверение в моем глубоком уважении» [7].

По Батумскому договору, подписанному 4 июня 1918 г. между Стамбулом и Арменией, турки сохранили за собой весь Сурмалинский, большую часть Александропольского и Эчмиадзинского, районы Эриванского и Даралаязского уездов. В результате общая площадь территории Армении составила около 10 тыс. кв. км с населением не более 320 тыс. человек. При этом османы получили право использовать железные дороги Армении для переброски войск и грузов.

В тот же день турки подписали мирный договор с Грузией, обеспечивающий пропуск османских войск к Баку через грузинскую территорию. Все того же 4 июня был заключен Договор о мире и дружбе между Стамбулом и Азербайджаном, вслед за чем появилось соглашение между османами, Грузией и Азербайджаном, по которому оба независимых государства взяли обязательства поддерживать в необходимом режиме керосинопровод Баку – Батуми. В течение 5 и 6 июня, по просьбе Азербайджана, османы ввели в Гянджу части 5-й дивизии под командованием Мурсала паши, а также отряд Назима паши. Х. Араратов свидетельствует, что «в эти июньские дни турки продвигались по железной дороге на Улуханлу», подойдя с юга к Эривани на расстояние 7 верст (меньше 8 км) [5]. (Заметим, что данный факт подтверждает стратегический характер передачи Эривани армянам).

С кем Андраник?

Вполне понятно, что мирный договор со Стамбулом с армянской стороны заключали лидеры «Дашнакцутюна». И также очевидно, что бакинские большевики с преимущественным представительством «армянских товарищей» не имели в тот период никакого желания (да и приказа из центра) расставаться с властью. Поэтому неудивительно, что после сообщения С. Шаумяна В. Ленину о «несомненности» выдвижения к Баку десантировавшихся 8 июня в Поти германских войск вооруженные

силы бакинских большевиков 12 июня 1918 г. начали наступление на Гянджу (они были остановлены азербайджано-турецкими войсками под Гейчаем).

Однако в те же дни в азербайджанские Зангезур и Нахичевань вторгся так называемый Армянский отдельный ударный отряд под командованием Андраника, никоим образом не являвшегося социалдемократом. Это вызывает ряд вопросов, так как своими действиями он нарушал июньские договоренности между Арменией и Стамбулом. Мало того, в направленной 14 июля радиограмме С. Шаумяну он заявил: «Нахичеванский уезд, где в настоящее время нахожусь я со своим отрядом, объявил себя неотъемлемой частью Российской Республики. Прошу объявить, кому следует, что я со своим отрядом с сегодняшнего дня нахожусь в распоряжении и подчинении Центрального Российского правительства» [8].

Но без достоверных сведений (да и существуют ли они?) нельзя утверждать, по чьей инициативе действовал Андраник – по собственной или внешней. (Напомним, что он командовал одним из добровольческих отрядов русской армии в период I мировой войны. Согласно армянским источникам, в январе 1918 г. Андраник был назначен командиром дивизии вновь сформированного Армянского армейского корпуса с заданием обеспечить оборону Эрзурумского укрепленного района. В том же месяце командование Кавказской армии присвоило ему звание генерала).

Как свидетельствует цитируемый ранее В. Маллесон, в начале 1918 г., ввиду «серьезной возможности турко-германского вторжения в Среднюю Азию», сводный отряд во главе с генералом Денстервилем «был послан из Месопотамии в Северную Персию с целью захвата Баку». Тогда возник план движения на Баку, на случай неудачи которого был намечен другой – посылка в Центральную Азию «Британской миссии» с целью организовать сопротивление «турко-германскому наступлению» и взять «в свои руки все судоходство на Каспийском море» [3]. Таким образом, поднаторевшие в подобных играх британцы вполне могли попытаться помешать Берлину полностью овладеть Азербайджаном. А нападение Андраника на азербайджанские территории реально осложняло реализацию германского плана в отношении нефтяного Баку.

Русско-германский тандем?

С лета 1918 г. британцы заняли персидский Энзели, откуда до Баку рукой подать, что могло стать причиной ускоренного продвижения турецких войск к Абшерону. Это давало повод для образования очередного русско-германского «тандема», основанного на нежелании

допустить британцев на Кавказ, а также раскрывало причины изменения в восприятии Россией нефтяных интересов Берлина.

Так, период от майского «парада суверенитетов» на Южном Кавказе до подписания батумских договоренностей характеризуется однозначным намерением большевиков не допустить немцев к бакинскому «черному золоту». Именно 28 мая 1918 г. в Баку поступает телеграфное сообщение Наркома по делам национальностей И. Сталина: «СНК утвердил национализацию нефтяной промышленности. Подробные инструкции везет с собой ТерГабриелян⁷¹» [9]. Вслед за чем 1 июня 1918 г. С. Шаумян и Ко издадут Декрет о национализации нефтяной промышленности. Мало того, В. Ленин, не рассматривающий эти меры в качестве гарантии противостояния немецким «щупальцам», идет по пути Нерона, о чем свидетельствуют следующие его слова (3 июня): «Можете ли вы еще передать Теру⁷², чтобы он все подготовил для сожжения Баку полностью, в случае нашествия, и чтобы печатно объявил это в Баку?» [11]. В этой связи профессор Московского юридического института Эльхон Розин писал: «Можно только представить, какими страшными бедами обернулось бы сожжение города, стоящего на нефтяных пластах, для мирного гражданского населения, если бы указание Ленина было выполнено» [10].

Но Баку, слава Богу, в те дни не загорелся, а в последующие этого уже и не могло произойти. По-видимому, в плане допуска к бакинской нефти ленинский СНК предпочел «ненавистным британцам» немцев, с которыми и вступил в переговоры. Рассмотреть детально, в какой форме происходило «взаимопонимание», просто-напросто невозможно. Скорее всего, вначале были некоторые шероховатости, о чем свидетельствуют метания главы большевиков. В телеграмме С. Шаумяну от 18 июня 1918 г. В. Ленин отменяет указания И. Сталина (но не самостоятелен же тот был в 1918 г. в конце-концов!) бакинским большевикам о национализации нефтяной промышленности, подчеркивая, что декрета «пока не было. Предполагаем декретировать» к «концу навигации», пока «организуем государственную монополию торговли нефтепродуктами» [12/а,б].

Но через 2 дня лидер большевиков собственноручно подписывает этот декрет, надеясь на сговорчивость Берлина. И оказывается прав. 30 июня 1918 г. глава СНК пишет И. Сталину о согласии немцев «принудить турок прекратить военные операции дальше брестской границы» и обещании не пускать их в Баку. Но в ответ они «желают получать нефть». Ленин просил обратить «сугубое внимание на это сообщение», с доведением его

⁷¹ То есть член Главного нефтяного комитета, председатель азербайджанского ЧК Саак Тер-Габриелян. – прим. авт.

⁷² Подразумевается тот же С. Тер-Габриелян. – прим. авт.

до С. Шаумяна «поскорее, ибо теперь есть серьезнейшие шансы удержать Баку. Часть нефти, конечно, мы дадим» немцам [13].

Возможно, именно данные договоренности с Германией подвигли левых эсеров на убийство германского посла в Москве 6 июля 1918 г. Но не исключено, что антигерманский настрой этой оппозиционной большевикам партии использовала третья сила, так как теракт, направленный на срыв «взаимопонимания» Москвы и Берлина, явно отражал интересы Лондона. Как бы то ни было, серьезность положения вынудила В. Ленина заторопиться с подтверждением немцам «добра» СНК на Абшеронскую нефть. В ночь на 7 июля он телеграфирует И. Сталину: «Относительно Баку самое важное, чтобы Вы были непрерывно в сношениях с Шаумяном», который должен знать о согласии немцев «приостановить наступление турок на Баку, если бы мы гарантировали немцам часть нефти. Конечно, мы согласимся» [14]. И. Сталин моментально исполняет указание В. Ленина, в письме к С. Шаумяну подчеркивая, что немцы дали добро на оставление «за нами Баку», но с учетом получения некоторого количества «нефти за эквивалент». «Мы эту «просьбу», конечно, можем удовлетворить» [1].

То, что такие переговоры велись, подтверждается записью германского генконсула в Тифлисе Фридриха фон Шуленбурга, приводимой советским историком Георгием Пипия: «Если мы полюбовно договоримся с большевиками, нефтяные источники Баку и тамошние запасы попали бы в наши руки в целостности и сохранности» [15].

Накануне договоренности между Россией и Германией турки продвинулись к Гяндже, Джульфе и Шуше. А после занятия Кюрдамира и Аджигабула нацелились на Шемаху. Борьба за бакинскую нефть обострилась.

С позиций сегодняшнего дня факт германо-османского сотрудничества в тот период может оцениваться по-разному, в том числе и в вопросе Эривани. Однако тот геополитический результат, которого, несмотря на последующее политическое и военное давление со всех сторон, сумел достичь Стамбул (хотя под угрозой было само существование османских турок), свидетельствует о расчетливости стратегии этой страны в 1918 г. Правда, военно-политические успехи Стамбула-Анкары в начале 1920-х гг. оказались достигнуты уже в результате искуснейших и, возможно, единственно верных на тот момент внешнеполитических шагов выдающегося Ататюрка. Но это ни в кой мере не умаляет заслуг ряда его предшественников, сумевших закрепиться на Кавказском направлении. Другое дело, что мировые события в тот период менялись с калейдоскопической быстротой.

1. Ментешашвили А. Из истории взаимоотношений Грузинской Демократической Республики с советской Россией и Антантой. 1918–1921 гг.
<http://sisauri.tripod.com/politic/index2.html>
2. Цит. по: Гречко А. А. Битва за Кавказ
http://victory.mil.ru/lib/books/memo/grechko_aa_1/pre1.html
3. Маллесон В. Двадцать шесть комиссаров
<http://turkmeny.h1.ru/memuar/m1.html>
4. Карр Э. История России. Большевистская революция 1917–1923
http://www.kursach.com/biblio/0002010/311_3.htm
5. Докладная записка командира Армянской артиллерийской бригады Араратова в Бюро по установлению потерь армян от всемирной войны с описанием Сардарабадского, Баш-Абаранского и Караклиссского сражений (от 29 мая 1918 г.)
http://www.golos.am/index.php?option=com_content&task=view&id=8465&Itemid=41
6. Микаелян К. Карабахская проблема в аспекте российско-американских отношений
<http://www.hayastan.ru/Vestnik/vestnik.phtml?var=Arkhiv/2000/1-2/statya6&number=?1-2+2000Ц>.
7. Нота председателя делегации Армении главнокомандующему оттоманскими войсками на Кавказском фронте от 3 июня 1918 г.
<http://www.genocide.ru/lib/treaties/10.htm>
8. Цит. по: Пупко А. Андраник Сасунский
<http://russsdom.ru/2004/200411i/20041123.html>
9. Цит. по: Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917–1918 гг. Баку, 1957, с. 442.
10. Розин Э. Ленинская мифология государства
<http://www.ikota.ru/069/303.htm>
11. Ленин В. И. Распоряжение председателю чрезвычайной комиссии Бакинского Ревнаркома С. Тер-Габриэлянчу от 3 июня 1918 г. Цит. по: Неизвестный Ильич. Статья в газете «Гривна. Субботний выпуск» от 22 апреля 2005 г. (г. Херсон, Украина)
<http://www.grivna.kherson.ua/arhiv/text.php?id=11000>
12. Ленин В. И. Телеграмма С.Г. Шаумяну от 18 июня 1918 г.
а/ <http://vilenin.eu/t50/p102>
б/ <http://vilenin.eu/t50/p103>
13. Ленин В. И. Телеграмма И. В. Сталину от 30 июня 1918 г.
<http://vilenin.eu/t50/p109>

14. Ленин В. И. Телеграмма И. В. Сталину от 7 июля 1918 г.
<http://vilenin.eu/t50/p114>

15. Цит. по: Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг.

<http://www.genocide.ru/lib/pipia/4-2.htm>

КТО И ПОЧЕМУ ПРИГЛАШАЛ АНГЛИЧАН К БАКИНСКОЙ НЕФТИ В 1918 г. МИФ О 26 БАКИНСКИХ КОМИССАРАХ

Кому «сдать» Баку?

В конце июля 1918 г. на подступах к Абшеронской нефти находились как османские войска (то есть Германия), так и продвигавшиеся со стороны Персии британцы. Естественно, стороны пытались «документально» прикрыться «обращениями с мест». Так, летом и. о. госсекретаря США Фрэнк Полк довел до посла США в Великобритании Пейджа информацию о получении им двух писем «от специального посланника армянского католика в Вашингтоне д-ра Г. Пасдермаджяна». Последний сообщал о критической ситуации на Кавказе, ввиду чего союзники могут извлечь для себя пользу, предотвратив «оккупацию Кавказа Германией и Турцией; услуги, которые армяне и грузины могут оказать союзникам, если те им помогут» [1].

Однако наиболее активными в использовании «армянского фактора» для решения собственных интересов были британцы. Отмечая, что связь с Баку у него налажена, Л. Денстервиль откровенничал, что «наши друзья, социал-демократы, казалось, были в состоянии» свергнуть большевиков и «пригласить на помощь англичан» [2/а]. Этот факт признавал и Сурен Шаумян, заявляя, что, войдя «дружбу» с большевиками, «дашнаки в то же время затевают переговоры с английскими интервентами в Персии, подготавливая им почву для приглашения» [3/а].

«Войти» в Азербайджан Британия планировала не иначе как по «призыву с мест», причем со стороны армянских «товарищей». Именно в этой связи англичане обыгрывали «армянский вопрос», что подтверждал в письме Араратианцу⁷³ тот же Денстервиль: «Никаких сомнений в конечной победе союзников быть не может», а это «будет иметь своим последствием восстановление Армении» [2/б].

Использование Лондоном «армянского фактора» принесло плоды 25 июля, когда на расширенном заседании Баксовета было принято решение о приглашении англичан для обороны Баку от наступающих османских войск. Анализ выступлений на этом собрании однозначно свидетельствует, что основной «приглашающей» британцев силой выступили представители «армянского движения».

⁷³ По всей видимости, подразумевается командир Армянской артиллерийской бригады Араратов. – прим. авт.

Нуриджанян (левый дашнак): «Я был бы очень рад, если бы люди подходили к вопросу о приглашении англичан со стратегической точки зрения».

Тер-Оганьян: «Если даже после того, как англичане войдут в Баку, Россия откажет нам в своей помощи, это докажет только что большевики не желают поддерживать Баку... Тов. Нуриджанян сказал: лучше

Баку никому, т. е. туркам что-ли?»

Миракян («Дашнакцутюн»): «Если вы не можете бороться с Германией, то почему вы хотите войны с Англией?»

Аракельян («Дашнакцутюн»): «Когда с одной стороны у нас английские войска, а с другой – германские и турецкие, мы ... решаемся пригласить англичан».

Велунц (эсер): «Завтра город должен быть сдан туркам или нужно найти другие пути. Мы изыскиваем эти пути и приглашаем англичан» [4].

По-видимому, осознавая исторический характер этого заседания, вслух за приглашение англичан армянские депутаты высказывались довольно осторожно, но, несмотря на это, в их позиции видна четкая направленность.

Естественно, что организовавшие «обращения с мест» англичане могли оказаться один на один с османскими войсками. Но в этом случае армянские военнослужащие вроде как должны были находиться на баррикадах рядом с британцами. Однако, по свидетельству Л. Денстервиля, «местные войска, в большинстве случаев армяне», залегали «цепью за гребнями скал и палили оттуда в воздух» чаще тогда, когда турки «не думали переходить в наступление», а «ближайший турецкий солдат находился от нас на расстоянии 3 тыс. ярдов» [2/в].

Еще при подходе турок к Баку стали проявляться истинные способности армянских войск воевать в реальном бою, а не с безоружным населением. По словам Степана Шаумяна, 30 июля 1918 г. турецкие войска «вплотную подошли» к Баку. «Армянские части численностью более 3 000 штыков» и «до этого отказывались занимать заранее намеченные позиции в окрестностях города». А тут командующий большевистскими войсками полковник Аветисов, заявив о решенности участи города, потребовал «разрешить ему выкинуть немедленно белый флаг»; Амазасп и Казаров «высказывали свою солидарность» с ним [5/а].

Наверняка, среди лидеров «армянского движения» витал настолько сильный страх возмездия за содеянное в Баку в марте 1918 г. и раньше, что они предпочли военным действиям сдачу города даже без имитации сопротивления.

Игры Степана Шаумяна

Дальше – больше. Бакинский Совнарком, глава которого Степан Шаумян осуждал дашнаков за тягу к выбрасыванию «белого флага», наперекор центральному большевистским властям 31 июля 1918 г. сложил свои полномочия. По-видимому, здесь сыграл роль национальный состав большевистского СНК Азербайджана. Скорее всего, Шаумян и Ко решили предать забвению антибританские договоренности Ленина с немцами, чтобы не допустить вхождения в город ненавистных им османских войск (пусть те и воевали на стороне Германии). И большевики бескровно сдали нефтяной Баку англичанам, хотя должны были исполнить призыв центра о противостоянии Лондону.

Ссылки на отсутствие у лидеров бакинских большевиков информации об указании Ленина опровергаются свидетельствами Сурена Шаумяна, который в своих воспоминаниях приводит телеграмму Сталина, зачитанную его отцом на заседании от 25 июля 1918 г.: «Я требую от Бакинского СНК <...> решительной борьбы с агентами иноземного капитала вплоть до ареста членов соответствующих комиссий» [3/6]. Но Степан Шаумян сразу же заявил о возможности ухода комиссаров со своих постов. Не высказывая вслух истинных причин нежелания выполнить указание центра, С. Шаумян обосновал это тем, что Совнарком «предпочел не открывать гражданской войны в минуту вторжения врага в город, а прибегнуть к парламентскому приему отказа от власти» [5/6]. Из этой цитаты следует, что мартовскую бойню против безоружных азербайджанцев армянские силы устроили из-за отсутствия «внешней» поддержки у коренного населения Баку.

Как бы то ни было, «армянское движение», вне зависимости от партийной принадлежности, ретировалось с поля боя. Но если дашнаки отказались сопротивляться туркам, то большевики – англичанам. Любовь к идеям социализма и обязательность следования указаниям Ленина оказались для лидеров СНК менее значимыми, чем желание «подставить» турок под британцев (допустить к Абшеронской нефти Лондон). Естественно, Степан Шаумян попытался «сыграть» на опережение. Через 10 дней после отставки он писал: «Мы объявили войну именно германотуркам. Ленин требовал от нас принять все меры, чтобы в случае занятия немцами Баку они не могли получить здесь нефтяных запасов» [6]. Но С. Шаумян юлил. Ленин требовал совершенно другое, и С. Шаумян знал это на основе неоднократно получаемой от Сталина информации. Да и никому бакинские большевики войну не объявляли.

Следовательно, вполне правдоподобной выглядит версия о заинтересованности Шаумяна и Ко в приглашении англичан, хотя оно было осуждено решением Баксовета от 25 июля 1918 г. Но неужели,

лицемерно заявляя о нежелании Ленина «делиться» нефтью с Берлином, С. Шаумян надеялся обмануть его? По-видимому, игнорирование бакинским СНК указаний центрального правительства вызвало всплеск негодования Ленина, что проявилось в его разговоре по прямому проводу с членом Астраханского Военного Совета Элиовичем 29 июля: Элиович: «Когда ожидать Астрахани помощи для Баку, в каком размере, чтобы заготовить шхуны и продовольствие?» Ленин: «Не можем обещать наверное, ибо здесь тоже недостаток в войске» [7].

Все коротко и ясно. Можно по-разному трактовать слова Ленина, но лейтмотивом могло быть следующее: пусть будет с комиссарами то, что будет, «кто не с нами, тот против нас». Большевистский почерк раскрыл и Денстервиль: «В Баку множество прежних большевиков сделалось с нашим приходом самыми искренними доброжелателями английского правительства» [2/г].

После окончательного сложения большевиками своих властных полномочий (31 июля 1918 г.) власть в Баку перешла к так называемой «Диктатуре Центрокаспия» (ДЦ) с основным представительством меньшевиков и эсеров. Комиссаром же по военно-морским делам и начальником штаба войск были все те же А. Багратуни и З. Аветисов. В тот же день бывшие комиссары морским путем направились в советскую Астрахань, причем, со слов петербургской журналистки Елены Прудниковой, «бросив войска на фронте», не предупредив «даже тех своих товарищей» в Баку, которые были заняты или выполняли какое-либо задание» [8].

Однако через пару часов новые власти, спохватившись, что истинные большевики-наркомы «прихватили» с собой в Астрахань городскую казну и вооружение, выслали за ними войска. На следующий день, после прорыва 1 августа на окраины Баку османских войск, комиссары предприняли вторую попытку выезда из города, на этот раз «отоварившись» ценностями и имуществом Госбанка, но в очередной раз были задержаны правительственными войсками, а 4 августа в Баку высадились англичане. Спустя 10 дней, по согласованию с ДЦ комиссары вновь отплывают в Астрахань, «не забыв» прихватить имевшиеся в их руках вооружение и финансы. А новые власти в очередной раз возвращают пароход с большевиками, но на этот раз перенаправив их в тюрьму.

Запах нефти и приостановление наступления османских войск на Баку

А где же османские войска? Неужели Берлин приостановил наступление на Баку? Ответ отчасти можно почерпнуть из довольно

любопытной телеграммы Ленина председателю Туркестанского Совнаркома Федору Колесову от 23 августа 1918 г.: «В Баку высадились англичане, и положение там неустойчивое. Немцы согласны гарантировать ненаступление на Баку, если мы выгоним оттуда англичан» [9].

Следовательно, вхождение турок в Баку тормозилось Берлином – ввиду важных российско-германских договоренностей в форме подписанного 27 августа 1918 г. в Москве дополнительного договора (к Брест-Литовскому).

В нем зафиксировано, что до тех пор, пока Донецкий бассейн занят германскими войсками, Россия «из добытого там количества угля получает ежемесячно число тонн, в три раза превышающее число тонн нефти или нефтяных продуктов из Бакинской области». При этом Россия содействует Германии в «добыче» нефти на Абшере и предоставляет ей 25% «добытого количества» (количество тонн определяется ежемесячно). Берлин, в свою очередь, обязывался оказать «свое воздействие», чтобы не допустить переход боевых сил «третьей державы» линии от реки Кура «до точки, на которой сходятся границы Бакинского, Шемахинского и Кубинского уездов, затем по северной границе Бакинского уезда до моря». Россия же соглашалась с признанием Германией Грузии «самостоятельным государственным организмом» [10].

Ленин так трактовал эту договоренность: «Смешно и называть интервенцией или помощью то, что мы продолжаем как раз лавирование, предоставляя немцам взять уже взятое Антантой и тем затрудняя и оттягивая англо-американо-японское удушение России» [11].

В то же время, как отмечает представитель Верховного главнокомандования при германской дипмиссии в Москве Карл фон Ботмер, российско-германские договоренности «обидели» турок, так как «мы не известили их об этом». Но «нам было крайне необходимо их согласие с пунктом об оставлении ими Баку и с рядом других политических и экономических соглашений с заинтересованными державами», вследствие чего «мы брали бы на себя обязательства и дальше играть роль защитника советской республики» [12]. Дж. Киракосян со ссылкой на рукопись Л. Туманова «Дипломатическая история республики Армении», хранившуюся в архиве Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма, пишет, что в свете происходящего Турция «грозила сорвать союз с Германией и войти в Антанту. В конечном счете Германия предоставила Турции заем в 45 млн лир, и последняя примирилась с русско-германским дополнительным договором» [13].

Как бы то ни было, 15 сентября 1918 г. азербайджано-турецкие войска все же вошли в Баку, и вслед за властью Совнаркома пала «Диктатура Центрокаспия». 17 сентября азербайджанское правительство во главе с Фатали Хан-Хойским переехало из Гянджи в Баку. Хотя Л. Троцкий и говорил о предоставлении Грузией своих железных дорог «для перевозки в Азербайджан турецких войск», с помощью которых «была низвергнута в Баку Советская власть» [14], как мы видели выше, Бакинский СНК сложил свои полномочия без какого-то давления с чьей-либо стороны, причем вопреки требованиям Ленина.

А вступлением османов в Баку (ну не самостоятельно же турки оказались в нефтяном центре) Берлин, скорее всего, намеревался оказать давление на Россию, способную придать забвению дополнительный договор от 27 августа 1918 г. В ответ же на ноту Наркомата иностранных дел РСФСР Стамбулу, 21 сентября Талаат-паша заявил полномочному представителю России в Германии А. Иоффе о согласии на отвод войск, но без передачи азербайджанских территорий советским властям. А англичане ретировались с Абшерона еще 14 сентября. Денстервиль объяснял этот «феномен» отсутствием «помощи со стороны армянских резервных частей», обнаживших «наш правый фланг». «Уход армянского батальона» открыл «неприятелю и левый фланг» [2/д].

Однако начавшееся в июле наступление Германии на Западном фронте к сентябрю окончательно захлебнулось. Следовательно, как пишет российский исследователь Александр Иголкин, англичане «выполнили свою задачу», лишив Германию источников нефти, в связи с чем немцы «оказались лишенными нефтепродуктов в самый критический момент» [14].

Нельзя не согласиться с А. Иголкиным. Так, по данным азербайджанского историка Нигяр Максвелл, по договору между Азербайджаном и османами Баку обязался «предоставить последним на сумму 1 млн лир нефть, хлопок, шерсть и др.». «Одновременно из Баку через Батум пошли поезда с нефтяными цистернами для Турции и Германии, не менее 23 цистерн в день» [15]. Но азербайджанская нефть уже не могла помочь Берлину, задыхавшемуся от отсутствия горючего. А это как раз и являлось результатом 40-дневной оккупации Абшеронского полуострова британцами. Как пишет российский историк Александр Горянин, «возьми турки Баку хотя бы тремя месяцами раньше, последнее и решающее немецкое наступление на Западном фронте, начатое 15 июля, вполне могло оказаться успешным» [16]. История, однако, не терпит сослагательного наклонения.

Анастас Микоян и миф о 26 бакинских комиссарах

Ну а каковой оказалась судьба бакинских народных комиссаров? Откуда в отношении их возникла воспетая в поэме русского лирика Сергея Есенина цифра «26», нередко превращающаяся в 27? Какова роль в гибели реальных комиссаров Анастаса Микояна (тогдашнего члена Баксовета рабочих депутатов и будущего Председателя Президиума Верховного Совета СССР), с легкой руки которого советская историография запустила миф о «26 бакинских комиссарах»?

Краткая фабула событий со слов А. Микояна (с небольшими авторскими замечками-вопросами в скобках) выглядит так. В связи с приближением азербайджано-турецких войск к Баку 14 сентября 1918 г. ему было поручено потребовать от властей «Диктатуры Центрокаспия» освобождения комиссаров из тюрьмы. Предварительно он получил добро команды советского парохода «Севан», что после выполнения задания все они направятся на нем в большевистскую Астрахань. В результате переговоров с членом ДЦ Велунцем А. Микоян смог получить от заместителя «начальника контрразведки» Далина письменное распоряжение, поручавшее ему «вместе с предоставленной» охраной «эвакуировать из Баку арестованных бакинских комиссаров». Вместе с последними тюрьму покинули и другие заключенные (а на них было письменное разрешение? Если нет, то для чего тогда оно понадобилось вообще? Да и большевиками ли были «примкнувшие»?)). Подойдя к причалу, они не обнаружили «Севан» в условленном месте. «Повстречавшийся» им дашнак Татевос Амиров сообщил о возможности эвакуироваться на пароходе «Туркмен». Большевики согласились. Отчалив от пристани, А. Микоян довел до Степана Шаумяна информацию о предписании команде парохода, набитого беженцами и вооруженными солдатами, следовать в Петровск (Махачкала), где хозяйничали не большевики и «куда эвакуировалось правительство Центрокаспия» (а заблаговременно нельзя было уточнить маршрут?). Попытка перенаправить движение парохода успехом не увенчалась, так как, обнаружив отклонение от курса, состоявший из эсеров судовой комитет принял решение повернуть на эсеровский Красноводск. 16 сентября «Туркмен» причалил к этому городу, где большевиков переместили в тюрьму.

В ночь с 19 на 20 сентября из арестантов были отобраны 26 человек, якобы для отправки в ашхабадскую областную тюрьму. А. Микоян объясняет данную цифру тем, что старостой камеры бакинской тюрьмы, в которой содержались комиссары до их освобождения, являлся совнаркомовский комиссар Георгий Корганов. Всего в камере находились 25 человек, а староста, отвечавший за распределение еды, всегда держал при себе список всех заключенных. Так вот, именно этот список и был обнаружен при обыске в красноводской тюрьме у Г.

Корганова (но по какой причине Г. Корганов не уничтожил список? Где его большевистская конспирация?). Все 25 человек были вывезены в ночь на 20 сентября из красноводской тюрьмы и расстреляны. А 26-м оказался не кто иной, как дашнак Татевос Амиров, благодаря этому вошедший в советскую историю не как активнейший участник мартовских избиений азербайджанцев, а как бакинский комиссар (!).

Все дело в том, что такая версия событий была изложена в воспоминаниях А. Микояна, увидевших свет в начале 1970-х гг. [17]. В 1919 же году не кто иной, как Сталин, писал о гибели комиссаров в ином ключе. По его словам, бакинские большевики «решили эвакуироваться в Петровск, ближайший пункт Советской власти, с согласия вновь образовавшейся тогда в Баку английско-эсеро-меньшевистской власти». Но на пути «пароход с бакинскими большевиками и их семьями был обстрелян погнавшимися за ним английскими судами и отведен в Красноводск» [18].

Фотография в альбоме

Официально останки этих 26-ти были захоронены в 1920 г. в Баку во время проведения I съезда народов Востока. Но возникают вопросы. Кого хоронили? Кто был предан земле? Да и был ли? По какой причине фотография А. Микояна хранилась в семейном фотоальбоме начальника контрразведки Генштаба Российской армии генерала Алексея Мартынова?

Определенный ответ (или сомнения) на эти вопросы можно получить из ряда источников, согласно которым при эвакуации из Баку «по дороге на Астрахань (занятую красными), команда парохода под руководством морских офицеров свернула на г. Петровск, занятый белыми». Поэтому «все 27 «комиссаров» (не отсюда ли появляется цифра 27?) растворились» внутри парохода «среди всех 600 беженцев».

По прибытии в Петровск, «во время паспортного контроля органами военной контрразведки тов. Микоян был пойман за незаконное ношение оружия и помещен в следственный изолятор временного содержания». Генерал Алексей Мартынов, начальник штаба командующего войсками «Диктатуры Центрокаспия» Лазаря Бичерахова, он же начальник контрразведки Генерального штаба, во время допросов «предложил А. Микояну сотрудничество: сделку – жизнь в обмен на помощь в отборе среди беженцев» всех «комиссаров». Благодаря его согласию «все 26» были «задержаны и преданы суду», а по окончании следствия – «приговорены к смертной казни через расстрел». Микоян же был «отпущен под честное слово не заниматься антиправительственной деятельностью». По свидетельству генерала А. Мартынова, в чьем

семейном архиве запечатлена фотография А. Микояна, тот «оказал неоценимую помощь следствию» [19].

Возможно, этим и объясняется таинственная фраза, оброненная И. Сталиным в 1937 г. в адрес будущего члена Политбюро ЦК КПСС Анастаса Ивановича: «История о том, как были расстреляны 26 бакинских комиссаров и только один из них – Микоян – остался в живых, темна и запутана. И ты, Анастас, не заставляй нас распутывать эту историю» [20].

Здесь же можно сослаться на воспоминания заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), будущего секретаря ЦК КПСС Дмитрия Шепилова. По его словам, на одном из заседаний Политбюро 1949 г., рассматривавшем вопрос о присуждении Сталинских премий, «Сталин вникал в каждое предложение», удивив «всех присутствовавших своей оценкой одного исторического факта, противоречившей оценке, сложившейся в общественной науке». Подчеркивая, что на Сталинскую премию «была выдвинута одна работа по истории», Д. Шепилов приводит диалог, состоявшийся между ним и Сталиным, который мы посчитали возможным привести полностью, не сопровождая комментариями:

Обращаясь ко мне, Сталин сказал:

– Я не успел прочитать эту книгу. А вы читали? Я сказал, что прочитал.

Сталин:

– И что вы предлагаете?

Я сказал, что Агитпроп поддерживает предложение премировать эту работу.

– Скажите, а там есть что-нибудь о бакинских комиссарах?

– Да, есть.

– И что же, их деятельность оценивается положительно?

– Да, безусловно.

– Тогда нельзя давать премию за эту книгу. Бакинские комиссары не заслуживают положительного отзыва. Их не нужно афишировать. Они бросили власть, сдали её врагу без боя. Сели на пароход и уехали. Мы их щадим. Мы их не критикуем. Почему? Они приняли мученическую смерть, были расстреляны англичанами. И мы щадим их память. Но они заслуживают суровой оценки. Они оказались плохими политиками. И когда пишется история, нужно говорить правду. Одно дело чтить память. Мы это делаем. Другое дело правдивая оценка исторического факта [21].

Не имея под рукой архивных данных, конечно-же, очень сложно (если не сказать невозможно) утвердительно говорить о судьбе «26ти». Будет

ли это» белое (или темное?) «пятно» когда-нибудь раскрыто, после чего достоянием мировой общественности станет реальная картина, а не разрисованная А. Микояном «Красноводская эпопея»? А ведь ряд источников утверждают даже о «переброске» некоторых лиц из числа «26-ти» в Индию (не британский ли след?) [22].

1. Цит. по: Ментешашвили А. Из истории взаимоотношений Грузинской Демократической Республики с советской Россией и Антантой. 1918–1921 гг.
<http://sisauri.tripod.com/politic/index2.html>
2. Генерал-майор Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии. 1917–1918 гг. Воспоминания. Тифлис, 1925
а/ с. 159;
б/ с. 190;
в/ с. 204;
г/ с. 238;
д/ с. 239.
3. Шаумян Сурен. Бакинская Коммуна. Баку, 1927
а/ с. 41;
б/ с. 46.
4. Цит по: Стенограмма Чрезвычайного заседания Бакинского совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов совместно с районными советами, судовыми комитетами и Военно-революционным комитетом Кавказской Красной Армии от 25 июля 1918 г. – В кн.: Шаумян С. Г. Статьи и речи 1917–1918 гг. Баку, 1929, с. 271–272, 277, 283, 287–288.
5. Шаумян Степан. Воззвание к бакинским рабочим. В кн.: Шаумян С. Г. Статьи и речи 1917–1918 гг. Баку, 1929
а/ с. 230;
б/ с. 233.
6. Шаумян С. Г. Избранные произведения. Т. 2, с. 371.
7. Из разговора по прямому проводу В. Ленина с членом Астраханского Военного Совета Элиовичем (29 июля 1918 г.)
<http://vilenin.eu/t50/p130>
8. Прудникова Е. Берия. Преступления, которых не было
<http://usatruth.by.ru/c4.files/mify78.htm>
9. Ленин В. И. Телеграмма Федору Колесову от 23 августа 1918 г.
<http://vilenin.eu/t50/p166>
<http://vilenin.eu/t50/p168>

10. Документы внешней политики СССР. Том 1. 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 г.
<http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/01/index.html>
11. Ленин В. И. Телеграмма полпреду России в Германии А. Иоффе от 3 августа 1918 г.
<http://vilenin.eu/t50/p134>
12. Барон Карл фон Ботмер. С графом Мирбахом в Москве
<http://botmer-b.planetaknig.ru/read/32983-139.html>
13. Киракосян Дж. Младотурки перед судом истории
<http://www.armenianhouse.org/kirakosyan/youngturks-ru/chapter07.html>
14. Иголкин А., Горжалцан Ю. Русская нефть, о которой мы так мало знаем
http://economics.pravda.ru/economics/2003/7/24/72/8989_oil.html
15. Максвелл Н. Нефтяной вопрос в политике азербайджанского демократического правительства (1918–1920 гг.). В кн. «Материалы Первой международной конференции по истории нефтяной промышленности Азербайджана. 7 июня 1996 г.», Баку, 1996, с. 39.
16. Горянин А. Очень черное золото. Кто имеет нефть, имеет приключения
<http://www.globalrus.ru/opinions/134413/>
17. Микоян А. Так было
<http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/01.html>
18. Сталин И. В. К расстрелу 26 бакинских товарищей агентами английского империализма
<http://www.hrono.ru/libris/stalin/4-16.html>
19. Анастасий Микоян – сотрудник контрразведки генерала Мартынова
<http://www.info4.ru/mus-r-fsb2.php>
20. Медведев Р. Они окружали Сталина
<http://www.litportal.ru/genre23/author4585/read/page/12/book20372.html>
21. Шепилов Д. Непримкнувший
<https://litlife.club/br/?b=26729&p=27>
22. См. подр.: Гунин Л. Другой Холокост
http://samlib.ru/g/gunin_1_m/10drugoj-xolokost.shtml

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, «ФАКТОР» ГЕНЕРАЛА А. ДЕНИКИНА И НОВЫЕ ОЧЕРТАНИЯ «АРМЯНСКОГО ВОПРОСА»

Абшеронская нефть вновь под контролем Лондона

Мудросское перемирие между Османской империей и странами Антанты, подписанное 30 октября 1918 г. на фоне ослабления Германии, предусматривало, в частности, вывод османских войск из объявленного сферой влияния британцев Южного Кавказа (ст. 5), оставляя АДР без какой-либо внешней поддержки. При этом Лондон и его союзники получили право ввести войска в любой стратегический пункт Османской империи, в том числе и «армянонаселенные вилайеты», «в случае беспорядков в одном из них»; ст. 16 устанавливался вывод османских войск из Киликии. Так «армянский вопрос» получил новый формат, тем более что по условиям перемирия предстоял сбор в Стамбуле всех военнопленных и интернированных армян в целях их передачи «без всяких условий» союзникам [1].

А уже 9 ноября 1918 г. в Германии происходит революция, в результате чего монархия объявляется республикой, с которой 11 ноября страны Антанты заключают Компьенское перемирие. Оно предусматривало немедленный вывод германских войск со всех оккупированных территорий. Франция сразу же перебросила в Киликию так называемый «Армянский («Восточный») легион», влившийся во французскую армию для участия в боевых действиях против Османской империи еще в 1916 г. (Париж обещал поддержать создание независимого «Киликийского армянского государства»). С армянской стороны соглашение о создании Киликийского государства подписывал Погос Нубар [2], который, по словам британского премьера в 1916–1922 гг. Дэвида Ллойд Джорджа, «был армянином, пользовавшимся благоволением султана, и благодаря этому скопил значительное состояние» [3]. Довольно любопытна еще одна характеристика, данная впоследствии Д. Ллойд Джорджем П. Нубару: «Когда у него запросили точные данные, которые позволили бы союзникам судить о возможности образования независимого армянского государства, он засыпал нас отнюдь не цифрами более или менее надежными, а красочными, но фантастическими рассказами о числе и героических качествах армянских богатырей, готовых схватиться за оружие, если оно будет поставлено союзниками» [3].

Активность Парижа в ближневосточном регионе советский историк, вице-адмирал флота СССР Александр Шталь обосновывал тем, что, предоставляя Франции «играть первую скрипку на западном фронте», Англия имела свои виды на завершение войны на Востоке, «желая

безраздельно закрепить за собой турецкое наследство», поэтому в 1918 г. она «форсирует свои операции на всех участках турецкого фронта» [4].

В результате англичане получили возможность оккупировать Баку. По словам командующего английским оккупационным корпусом генерала Джорджа Мильна, «это рассматривалось как превентивная мера для изгнания турок и немцев с Кавказа, что составляло задачу находящихся под моим командованием войск» [5]. 17 ноября 1918 г. в Баку из персидского Энзели «приплыла» 39-я британская пехотная бригада, и английские войска численностью в 20 тыс. человек, по словам Уинстона Черчилля, «оказались обладателями одной из самых больших стратегических линий в мире» [6].

Заставив спустить вывешенный на пристани флаг АДР, В. Томсон, объявивший себя военным генерал-губернатором Баку, первым делом переподчинил суда Каспийского флота, «принял» управление спешно созданной полицией и дал приказ о перебазировании Военного министерства (с формирующимися частями азербайджанской армии) в Гянджу. Также британцы наложили запрет на вывоз Абшеронского «черного золота» азербайджанскими властями. Однако в целях беспроблемного контроля нефтяного «поля» англичане нуждались в политической стабильности в регионе. Не случайно в приказе именуемого начальником «особого ударного отряда» Андраника Озаняна от 19 ноября 1918 г., через два (!) дня после вхождения в Баку англичан, «военным главнокомандующим, всем комиссарам и армянскому населению» предписывалось «немедленно приостановить военные действия». При этом он ссылался на предупреждение В. Томсона, что «отныне всякие враждебные действия могут плохо отозваться на решении армянского вопроса» [7]. Г. Махмурян со ссылкой на «Национальный архив Армении» подтверждает наличие телеграммы в адрес Андраника [8].

Мягкость тона Андраника была неслучайной. По-видимому, британское командование изначально предоставило «армянскому движению» гарантии урегулирования «спорных» территориальных вопросов в их интересах. По-другому и быть не могло, так как прогерманская Грузия и проосманский Азербайджан никоим образом не могли считаться для Лондона «своими», а вот посредством четко управляемой армянской стороны англичане рассчитывали вести собственные игры по укреплению позиций в нефтяном регионе.

Но британцы должны были «подсластить» и Баку. Поэтому они заявили о признании правительства АДР «единственно законной властью в Азербайджане», инициировав решение (15 января 1919 г.) о создании Карабахского генерал-губернаторства в составе Джеванширского,

Шушинского, Джебрайильского и Зангезурского уездов, с назначением временным генерал-губернатором Карабаха Хосров-бека Султанова.

Однако спустя шесть дней правительство Армении постановляет: «1) Армянские районы Зангезура и Карабаха, составляя нераздельную часть Республики Армении, управляются через посредство органов, учрежденных центральным правительством республики, и на основании действующих в Армении законов. 2) Ввиду трудностей сообщения общее управление краем временно поручается существующему Армянскому национальному совету Зангезура» [9].

А уже 23 января 1919 г. уездный начальник Зангезурского уезда Мелик Намазалиев отмечал, что отрядом Андраника «разгромлено, с преданием огню, и расхищено имущества более 30 мусульманских селений». Ввиду этого он ходатайствовал об удалении Андраника «с его отрядами» из пределов Зангезура и наказании «виновных для восстановления нормальной жизни» [10]. Управделами Зангезурского уезда Ш. Махмудбеков в телеграмме в Баку сообщал, что «британская миссия в Шуше и Герюсах не предпринимает никаких решительных мер по предотвращению насилий, чинимых армянами» [11].

Следует отметить, что факт убийств азербайджанцев в тот период признает и армянская сторона. В так называемом «Заключении по делу товарища Бакунца⁷⁴ от 1927 г.» отмечается, что «политика Андраника за указанный период была политикой арменизации Зангезура, резни, грабежей, бесконечных нападений на Азербайджанские границы и т. д.» [12].

Что касается других территорий Азербайджана, по словам Дж. Мильна, «Нахичеванский район оставался под управлением британского офицера, являвшегося военным губернатором, до начала мая 1919 г., когда закончился процесс установления в районе армянского правления» [5]. Свидетель тех событий Ованнес Ахназарян трактует происшедшее так, что «после отступления турецкой армии и возвращения англичан Нахичеванская область была воссоединена с новообразованной независимой Арменией» [13].

В целом, для продвижения своей линии в регионе Лондон благоволил к армянам, покуда такая тактика давала плоды. Внешне же, вследствие политики поднаторевшей в этих «восточных» игровых хитросплетениях Британии, складывалось впечатление, будто бы «карабахский канат» «перетягивают» между собой армяне и азербайджанцы. Но кто со стороны вдался (да и вдается сегодня) во все эти геополитические коллизии?

⁷⁴ Арс. Бакунц – секретарь и член Президиума ЦК КП(б) Армении, в 1919 г. – заведомо юстиции и земотдела так называемого «Зангезурского Совета». – прим. авт.

«Фактор» генерала А. Деникина

В январе 1919 г. главнокомандующим так называемых Вооруженных сил Юга России (антибольшевистское сопротивление) стал генерал Антон Деникин. Первоначально Лондон поддержал движение, в надежде «утвердить» расчленение России посредством прихода А. Деникина к власти. Однако генерал все чаще стал использовать лозунг «единой и неделимой России», а министр иностранных дел правительства А. Деникина, экс-министр иностранных дел Российской империи Сергей Сазонов на Парижской мирной конференции (ПМК) ратовал за восстановление прежних российских границ, настаивая на возврате к соблюдению англо-франко-российских договоренностей по разделу сфер влияния.

Требования такого рода не могли сохранить первоначальные симпатии Англии к А. Деникину, тем более что он проигнорировал установленную англичанами так называемую «демаркационную линию», заняв весь Дагестан. Англичане тем временем зафиксировали проденикинские настроения в армянской среде, которые были неслучайны, так как, по словам армянского историка Геворга Язычяна, «среди высшего и старшего офицерского состава Первой Республики⁷⁵» значительную часть составляли «офицеры царской армии неармянского происхождения – Зинкевич, Орловский, Нестеровский и др.» [14]. Г. Язычян пишет, что когда летом 1919 г. ряд офицеров узнали о назначении полковника Зинкевича дипломатическим представителем А. Деникина в Армении, сразу же запели гимн царской России «Боже царя храни».

Данная информация подтверждается российским исследователем Сергеем Волковым – «армянские власти относились к русским вполне лояльно, и на службу широко принимались не только армяне, а все русское офицерство» [15]. А многие из высших командиров армянского происхождения «были чужими на своей родине», мечтая о вводе русских войск в Армению и называя армянскую армию «воинской частью русской Добровольческой армии» [14].

Но «азербайджано-деникинские» отношения развивались в ином, пробританском русле. По свидетельству того же С. Волкова, в Азербайджане отношение к русским офицерам было «в целом весьма недоброжелательным», многие из них сидели в тюрьмах «по обвинению в шпионаже в пользу Добровольческой армии» [15]. В Баку распространилась листовка о том, что на Северном Кавказе «свободолюбивые горцы» истекают кровью «в неравной схватке с реакционными силами Деникина и Ко. Геройская защита горцами своей

⁷⁵ Имеется в виду провозглашенная 28 мая 1918 г. Республика Армения. – прим. авт.

независимости должна пробудить в гражданах Азербайджана сознание, что генерал Деникин, представитель мрака и порабощения, не пощадит самостоятельности и Азербайджана» [16].

Вышеизложенные события заставили Лондон пересмотреть свою политику в регионе, так как, со слов Г. Махмурян, «надежд на самостоятельную роль Республики Армения Великие Державы не возлагали» [8]. Скорее всего, в этом стоит искать причину встречи представителя британского командования на Кавказе майора Гиббона с Андраником по поводу условий вывода из Зангезура его отряда. Вероятно, «мирные» предложения британца несли такой ультимативный характер, что формирование Андраника 25 марта 1919 г. покинуло Зангезур. А он сам, распустив отряд, выехал за рубеж.

Возможно, из-за пророссийского настроения армянского офицерства Лондон был уверен, что Андраник, предлагавший как-то свои услуги большевикам, также перекинется к русским. Впоследствии армянские большевики, признав факт истребления азербайджанцев отрядами Андраника, утверждали, что его, мол, выгнало крестьянство, которое было против политики «макризма» (очистки территории Армении от тюркского населения), «проводимой дашнаками под руководством Андраника» [12]. Однако, как мы видели, к его изгнанию армянские крестьяне не имели никакого отношения.

Довольно интересно по этому поводу высказался генерал запаса Службы национальной безопасности Армении Давид Оганян: «Принятие решений о выводе (или о вводе) войск с территории других государств является прерогативой исключительно политического руководства любой страны. Вспомним хотя бы, какие энергичность и согласованность проявили англичане при выводе войск генерала Андраника из Зангезура и их разоружении. Поэтому каждый раз, когда встречаешь в литературе выражение типа “свою негативную роль для Армении сыграла промусульманская позиция, скажем, генерала Томпсона”, диву даешься. Английский генерал может иметь только одну позицию – английскую. Интересы Англии превыше всего, и это доказано всей историей Британской империи, поэтому Томпсону, как и всем остальным, в принципе, все равно, кого притеснять, а кого поддерживать – армян, азербайджанцев, грузин (далее по этнодемографическому справочнику), ведь мнение или участь аборигенов значения не имеют» [17].

Сложно не согласиться с этим мнением. Газета «Гардиан», например, некоторое время назад процитировала британского министра иностранных дел в 1916–1919 гг. Артура Бальфура: «Единственное, что интересует меня на Кавказе, это железная дорога, по которой нефть из Баку доставляют в Батуми. Местные жители могут резать друг друга на куски, меня это не волнует» [18].

Таким образом, в ситуацию на Южном Кавказе в 1919 г. «вмешалось» денкикинское движение с его идеей на возрождение России. Неслучайно британское командование позволило азербайджанским воинским частям передислоцироваться из Гянджи в Баку. После этого последовал еще один организованный шаг: 23 апреля 1919 г. V «съезд армян Карабаха», хоть и с некоторыми оговорками, но признал власть Баку в лице генерал-губернатора.

Передача «эстафетной палочки» новому куратору региона

Чтобы умерить аппетиты Франции при дележе османского «наследства», еще в конце 1918 г. Лондон пригласил к «пирогу» американцев. Так что с марта 1919 г., по взаимному соглашению между британским премьером Дж. Ллойд Джорджем, французским премьером Жоржем Клемансо и личным советником американского президента Э. М. Хаузом о будущем распределении мандатов, сферой влияния Лондона стали Палестина и Месопотамия, Парижа – Сирия и часть Киликии, США – Стамбул с Проливами и армянонаселенные территории Османской империи [19]. Однако Вашингтон не был согласен на «фрагментарное» вхождение в регион, заявив в декабре 1918 г. устами сенатора Генри К. Лоджа, что «США должны иметь полную власть над всей той территорией, где живут армяне» [20]. После чего на парламентское обсуждение была внесена резолюция, «включающая» в состав «единой» Армении шесть османских вилайетов, Киликию, собственно Армению и северо-западную часть Персии.

По-видимому, Лондон пожертвовал Южным Кавказом в пользу Ближнего и Среднего Востока. Также не исключено, что Британия оставляла Азербайджан, предвидя столкновение с центральной российской властью, кто бы при ней ни находился – В. Ленин или новые «люди в погонах». А Лондону это было ни к чему, в особенности с учетом военных неудач в Афганистане. Такой внешнеполитический разворот Великобритании косвенно подтверждает Дж. Мильн, раскрывший цели своей миссии в Нахичеванской зоне: к началу лета 1919 г. Армения «завершила оккупацию (Нахичеванского) района», результатом чего стало «открытие телеграфного и железнодорожного сообщения между Кавказом и Персией» [5].

После любезной «уступки» Лондоном Южного Кавказа Вашингтону летом 1919 г. полковнику главного штаба армии США Уильяму Гаскелю (Хаскелю) Советом ПМК был присвоен титул верховного комиссара в Армении.

Но США-то претендовали на контроль над «общей» Арменией, и поэтому армянское правительство 29 мая 1919 г., ровно через год после

провозглашения независимости, приняло так называемый «Акт декларации независимости Объединенной Армении», гласивший, что во имя восстановления целостности «расчлененные части Армении объединены навечно в независимое государство» [21].

А англичане до окончательной передачи эстафеты США продолжили свою игру, внешне выглядевшую проазербайджански. Для начала нужно было «втихую» отстранить проденикинских армян от управления приграничного с Персией Нахичевана. Будто по мановению волшебной палочки «вдруг» обострилось армяно-азербайджанское противостояние. В июле 1919 г. вновь возобновились военные действия вблизи Еревана. К «концу месяца азербайджанцы захватили весь участок железной дороги от Джульфы до Шатахты. Армянский гарнизон покинул Нахичевань» [5], и дело сделано.

А далее наступила очередь мирного решения задач, выгодных в тот момент Британии. 25 июня 1919 г. «для решения спорных вопросов» Баку предложил армянской стороне образовать смешанную правительственно-парламентскую комиссию, естественно, при участии третьих стран. Ну и сразу же, как по команде, «Съезд армян Карабаха» начал обсуждение варианта соглашения о вертикальном подчинении региона.

В июле 1919 г. член азербайджанского парламента Шафи-бек Рустамбеков принял участие в работе VI «форума» карабахских армян в качестве представителя центрального правительства (все оказалось легко и просто). Вслед за этим англичане укрепили «антиденикинский фронт»: в том же июле между Баку и Тифлисом было заключено соглашение о совместном вооруженном выступлении в случае продвижения к региону деникинской армии. Армения, естественно, к нему не присоединилась, заключив тайный военный союз с А. Деникиным. Интересно то, что данные коллизии сыграли немаловажную роль для региона и в другом ракурсе.

Международное признание независимости стран Южного Кавказа

Антиденикинский демарш несколько смягчил отношение центрального большевистского правительства к Азербайджану, тем более что это отвечало «восточной» политике В. Ленина, мечтавшего распространить большевистские веяния в мусульманские «вотчины» Британии. В августовском (1919 г.) письме наркому иностранных дел РСФСР Георгию Чичерину Сталин сетовал на то, что «представителями нашей партии» в Турцию «посылаются армяне». Наличие в Наркомате иностранных дел Льва Карахана, «армянина по национальности», нарушает «гармонию в нашей восточной политике». В связи с чем он

предложил Ленину «возбудить вопрос в ЦК о замене Карахана кем-либо из мусульман», и тот выразил «свое полное согласие». Одним из таких азербайджанских большевиков Сталину виделся Нариман Нариманов, правда, с учетом важнейшего уточнения: Нариманов «важен как флаг» и «декорация», ведь «политику будет делать» не он, «а ЦК». «Мусульманин нужен нам» для облегчения проникновения «в Индию через Афганистан, через Персию и через мусульман Индостана» [22].

В том же 1919 году Н. Нариманов был назначен заведующим отделом Ближнего Востока Наркомата иностранных дел. Так что Баку уже не казался Ленину враждебным. Мало того, еще ранее устами все того же Анастаса Микояна, являвшегося в тот период членом Кавказского крайкома РКП(б), было заявлено, что «дашнаки – агенты армянского правительства добиваются присоединения Карабаха к Армении, но это для населения Карабаха значило бы лишиться источника жизни в Баку и связаться с Эриванью, с которой никогда и ничем не были связаны» [23].

Поэтому неудивительно, что в конце августа VII съезд армян Нагорного Карабаха принял «Временное соглашение с Азербайджанским правительством». В нем сказано, что «Нагорная часть Карабаха Шушинского, Джеванширского и Джебраильского уездов (Дизак, Варанда, Хачен и Джраберт), населенных армянами, считает себя временно в пределах Азербайджанской республики». При карабахском генерал-губернаторстве учреждался совет из «трех армян и трех мусульман»; «армяне Карабаха» наделялись «правом культурного самоопределения». На правительство Азербайджана возлагалось оказание материально-моральной поддержки региону по скорейшему восстановлению «разоренных селений мусульман и армян». Предусматривался периодический созыв общих и местных армяно-азербайджанских съездов. Соглашение вступало в силу с момента его принятия VII съездом [24]. Вместе с тем, из документа следует, что «временное соглашение принимается» до обсуждения «этого вопроса на мирной конференции», решение которой в обязательном порядке будет «одинаково для обеих сторон».

На фоне этих событий британская миссия завершила деятельность, к концу лета покинув регион (с декабря 1918 г. по август 1919 г. англичане вывезли из Баку до 30 млн пудов нефти на сумму в 113,5 млн рублей). А подписанием в Тегеране в том же августе англо-персидского соглашения «О британской помощи для содействия прогрессу и благополучию Персии» Лондон фактически установил свой протекторат над Персией.

После очередного ухода англичан из Азербайджана так называемый Совет десяти Парижской мирной конференции в качестве промежуточного решения предложил мандат на Южный Кавказ Италии.

В Баку прибыла миссия полковника Габбы, однако смена кабинета в Италии прервала «кавказский вектор» политики Рима.

Но разве может «пустовать» богатейший нефтью Кавказ? И вслед за итальянцами в Баку появляется не кто иной, как верховный комиссар США на Южном Кавказе У. Гаскель. В регионе сменились политические декорации, после чего Шарурский и Нахичеванский округа вошли в «зону союзного управления под начальством американского губернатора». А 23 ноября, при американском посредничестве, между Азербайджаном и Арменией было заключено соглашение, обязавшее стороны прекратить боевые действия, а Армению – вывести войска из Зангезура. Декабрьская конференция подтвердила итоги ноябрьского соглашения, однако Зангезур вновь подвергся нападению. Возможно, что оно было уже сигналом официальному Баку со стороны набравших силу большевистских властей, вслед за чем 6 января 1920 г. правительство РСФСР предложило Азербайджану и Грузии заключить антиденикинское военное соглашение (обе страны ответили отказом).

Как бы то ни было, 12 января 1920 г. Верховный совет союзных держав по инициативе министра иностранных дел Великобритании лорда Джорджа Керзона единогласно принял решение о признании независимости Азербайджана, Армении и Грузии. По-видимому, такое решение, появившееся после явного поражения деникинских войск, было далеко не случайным. Еще в сентябре 1919 г. в письме главе азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции Али Мардан-беку Топчибашеву американский сенатор Вальтер М. Чандлер писал о своей «твердой вере» в поражение движения А. Деникина, после чего «США и другим державам не останется ничего другого, как признать независимость малых нерусских государств, в том числе Азербайджан и Грузию» [25].

Так что мировой политический бомонд признал независимость южно-кавказских стран вовсе не из-за защиты интересов их народов, а лишь из собственных геополитических выгод.

Факт же признания ведущими странами (за исключением США) независимости южно-кавказских стран закрепил Карабах за Азербайджаном. Такой вывод следует из отсутствия на Парижской мирной конференции каких-либо конкретизаций по этому вопросу. Что, с учетом практического признания территориальной целостности Азербайджана (с Нагорным Карабахом включительно) августовскими (1919 г.) решениями VII съезда армян Карабаха, не может подразумевать иных трактовок.

1. Мудросское перемирие 1918 г.

<http://www.genocide.ru/enc/mudros.htm>

2. Тонунц С. Армения – Запад. Искусство наступать на грабли...
<http://russmir.info/pol/print:page,1,2911-armeniya-zapad-iskusstvonastupat-na-grabli.html>
3. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. В 2-х т.
<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4805114>
4. Шталь А. В. Малые войны 1920–1930-х годов
<http://militera.lib.ru/h/shtal/01.html>
5. О событиях в Закавказье и Средней Азии. Донесение генерала Джорджа Мильна
<http://filobiblon.narod.ru/ПРОЕКТ/MILN/GeneralMILN.html>
6. Черчилль У. Мировой кризис
<http://grachev62.narod.ru/churchill/chapt09.htm>
7. Приказ Андраника. № 640 от 19 ноября 1918 г.
<http://www.karabakh-doc.azerall.info/ru/arxdoc/ad019.htm>
8. Махмуриян Г. Губернаторство Карабах-Зангезур и британская политика 1918–1919 гг. в Карабахе
http://research.sci.am/gmakhmourian/rus_main.htm
9. Цит. по: Сурен Золян. Нагорный Карабах: Проблема и конфликт
<http://armenianhouse.org/zolyan/nf-ru/karabakh/2.html>
10. Намазалиев М. Телеграмма в адрес азербайджанского правительства. Газета «Азербайджан», № 14, среда, 22 (9) января 1919 г.
<http://genotsida-net.narod.ru/az/14.htm>
11. Цит. по: Джамал С. Карабахская хроника. Реконструкция этнической истории Карабаха по архивным материалам (1805–1905 гг.).
http://sheki.kimostra.ru/p_garabag_xron_2.htm
12. Заключение по делу товарища Бакунца от 1927 года.
http://www.knowbysight.info/5_DOC/08398.asp
13. Цит. по: Епремян Л. Распятый Агулис
<http://www.nv.am/13dec/lica.htm>
14. Язычян Г. Падение Карса (в оригинале «Истинные причины падения Карса в 1920 году») с комментариями К. Агеяна и Р. Арзуманяна
<http://ar-vest.livejournal.com/16911.html>
15. Волков С. Трагедия русского офицерства
<http://www.white-guard.ru/go.php?n=12&aa1=487&aa2=2>
16. Цит. по: Зубов А. Политическое будущее Кавказа: опыт ретроспективно-сравнительного анализа
<http://magazines.russ.ru/znamia/2000/4/zubov.html>

17. Оганян Д. В плену коварных стереотипов
<http://www.analitika.at.ua/news/2008-06-17-803>
18. Цит по: Джон Лафлэнд (John Laughland). С Грузией на уме. Статья в газете "The Guardian" (Великобритания) от 1 апреля 2004 г. (перевод представлен на российском сайте inopressa.ru)
<http://armenianhouse.org/kirakosyan/youngturks-ru/chapter07.html>
19. См. подр.: Махмурян Г. Англо-американские противоречия и Республика Армения 1918–1920 гг.
<http://karabah.h18.ru/history/adr/02.html>
20. Цит. по: Киракосян Д. Младотурки перед судом истории
<http://www.armenianhouse.org/kirakosyan/youngturks-ru/chapter01.html>
21. Цит. по: Меликян В. Армянский вопрос на съездах западных армян в 1917 и 1919 годах
<http://www.hayastan.ru/Vestnik/vestnik.phtml?var=Arkhiv/2002/1-2/statya2&number=-1-2+2002Ф>
22. Сталин И. В. Письмо наркоминделу РСФСР Г. Чичерину (Смоленск, 16 августа 1919 г.) Цит. по: Юрий Барсегов. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0648-0685.htm#651>
23. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 461, оп. 1, док. № 45252, л. 1. Цит. по: Азер Гасанли. О сущности Карабахского межнационального кризиса
<http://ethnoglobus.com/index.php?page=full&id=120>
24. Временное соглашение армян Нагорного Карабаха с Азербайджанским правительством. В кн.: «К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. 1918–1925»
<http://axc.preslib.az/ebooks/pdf/78.pdf>
25. Чандлер Вальтер М. Письмо Али Мардан-беку Топчибашеву
<http://kitab.odlar-yurdu.ru/publ/50-1-0-872>

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ «ВОСТОЧНОЙ» ПОЛИТИКИ ЛЕНИНА

Стамбул под сапогом Запада

Весной 1919 г. Парижская мирная конференция приняла решение о создании Лиги Наций. Мандатная система предусматривала передачу ей германских и османских владений с последующей выдачей крупным державам мандатов на их управление. США, в частности, получили мандат на «Армению и Константинополь» – территорию, предположительно включавшую всю зону Проливов, и «объединение турецкой, персидской, русской Армении» от Черного до Средиземного моря [1]. В связи с этим летом того же года данная зона оказалась в центре внимания двух американских миссий: так называемой миссии Кинга – Крейна (гражданский аспект) и генерала Джеймса Харборда (военный аспект). По результатам поездки миссия Кинга – Крейна представила рекомендации об образовании «отдельного» армянского государства с включением в него Киликии.

Однако Лига Наций оказалась в сфере влияния Англии, получившей, наряду с Францией, важнейшие мандаты. Поэтому Вашингтон, почувствовавший себя «обделенным» в результате нового передела мира, не ратифицировал в марте 1920 г. Версальский договор. Это означало завершение «мандатной эпопеи» во взаимоотношениях Армении и США.

Для более детального понимания происходящего отметим, что Мудросское перемирие 1918 г. предусматривало «открытие Проливов для военных флотов Антанты и предоставление союзникам права оккупировать форты Босфора и Дарданеллы»; немедленную «демобилизацию османской армии»; согласие Стамбула «на оккупацию союзниками» любого «стратегического пункта» в Турции, «если обстоятельства сделались бы угрожающими для безопасности союзников»; предоставление «союзникам права пользоваться всеми портами и причалами» и др. [2].

Как результат, в ноябре 1918 г. в Стамбул вошли войска Антанты, установившей в городе военную администрацию. В мае 1919 г. при поддержке ведущих держав Антанты в Измир (Смирну) вступила греческая армия. Как отмечает советский историк, один из организаторов востоковедческой науки в СССР Михаил Павлович-Вельтман, «греческие войска тут же на набережной начали массовое избиение турок и продолжали его на глазах офицеров и экипажа союзного флота» [3]. По словам турецкого дипломата того времени, управляющего делами МИД Турции в 1930-х гг. Эсата Дж. Пакера, Стамбул «стонал под сапогом оккупантов». Жители «избегали выходить на улицу», дома «именитых

граждан были конфискованы», на каждом шагу штрафовали граждан. В те «черные дни мусульманское население» города больше всего «страдало от безобразий, творимых стамбульскими греками»; всячески «притесняли» мусульманское население армяне, «служившие офицерами и солдатами связи в оккупационных войсках» [4].

Оккупация Измира послужила началом войны за независимость Турции. В мае 1919 г. в качестве инспектора 3-й армии в Самсун для наблюдения за ходом демобилизации прибыл Мустафа Кемаль-паша [5]. Однако вместо контроля демобилизационного процесса он занялся организацией сопротивления оккупантам [6].

Состоявшийся вскоре конгресс «Общества защиты прав восточных вилайетов» не признал границы, определенные Мудросским перемирием [7], и избрал Представительский (Исполнительный) комитет во главе с М. Кемалем, явившийся «по существу первым временным правительством новой Турции». Его главный штаб располагался в Анкаре [5].

В начале 1920 г. Исполнительный совет обнаружил «Национальный обет», должный, по словам А. Шталя, «стать фундаментом нового турецкого государства». Кемалисты отказывались от всяких притязаний на арабские земли Османской империи, но настаивали на том, чтобы области, «большинство населения которых составляют турки-мусульмане, объединяемые общей религией, общей расой и общими целями, образовали как по существу, так и по форме одно целое, не допускающее дележа на части в силу каких бы то ни было соображений» [5].

В этой связи, как пишет Н. Корсун, Лондон принял решение «ликвидировать всякое сопротивление» со стороны Анкарского правительства, тем более что «борьба турецких партизан и кемалистских войск тревожила английские части, занимавшие район Дарданелл и Мраморного моря». В марте 1920 г. английские войска, захватив Стамбул, «разогнали штыками турецкий парламент, арестовали и сослали десятки националистов на остров Мальту» [8].

Ввиду фактической оккупации Лондоном Стамбула, который при первичном разделении мандатов на управление регионами, как мы помним, «принадлежал» США, нет ничего удивительно в отказе Вашингтона ратифицировать Версальский договор.

Сложившуюся ситуацию выразительно описал Лев Троцкий: «Под флагом Лиги Наций США сделали попытку свой опыт федеративного объединения больших и разноплеменных масс населения распространить на другую сторону океана, прикрепить к своей золотой колеснице народы Европы и других частей света, обеспечив над ними управление из Вашингтона. Лига Наций должна была стать по существу мировой монопольной фирмой “Янки и К^о”. Оскорбленный американский мессия

отрекся от Лиги Наций, которую Англия превратила в одну из своих дипломатических канцелярий, и повернулся к Европе спиной» [9].

Судьба Азербайджанской Демократической Республики в руках М. Кемаля?

В свете признания странами Запада независимости государств Южного Кавказа лидеры Азербайджанской Демократической Республики (АДР) неоднократно обращались к России с аналогичной просьбой. Но безрезультатно. Мало того, в феврале 1920 г. И. Сталин в письме Г. Чичерину «безусловное и категорическое признание независимости Азербайджана» счел «недопустимым» [10]. Чуть позже он разъяснил, что «важное значение Кавказа» для революции определяется не только его ролью в качестве источника «сырья, топлива и продовольствия», но и положением между Европой и Азией, в частности между Россией и Турцией, а также наличием «важнейших экономических и стратегических дорог» (Батум – Баку, Батум – Тавриз – Эрзурум). Все это, по словам Сталина, «учитывается Антантой», которая, «владея ныне Константинополем, этим ключом Черного моря», хотела бы сохранить «прямую дорогу на Восток через Закавказье». «Кто утвердится в конце концов на Кавказе, кто будет пользоваться нефтью и наиважнейшими дорогами, ведущими вглубь Азии, революция или Антанта, – и этом весь вопрос», – резюмировал Сталин [11].

По этой же причине Ленин 17 марта 1920 г. в зашифрованной телеграмме в Реввоенсовет (РВС) Кавказского фронта Ивару Смилге и Георгию (Серго) Орджоникидзе призывал: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо» [12].

Состоявшийся в феврале 1920 г. в Баку съезд коммунистических организаций Азербайджана, провозгласивший создание Азербайджанской коммунистической партии (большевиков), прошел под лозунгом подготовки вооруженного восстания против законного правительства.

Таким образом, разгром большевиками внутри России вооруженной антибольшевистской оппозиции, наложившись на внешние факторы, способствовал изменению ситуации вокруг Южного Кавказа. Благо 16 января 1920 г. Верховный совет Антанты, высказавшись за разрешение на товарообмен между Россией и союзными и нейтральными странами, практически призвал к прекращению блокады большевистского режима. А 2 февраля большевиками был подписан мир с Эстонией, охарактеризованный Лениным как «окно, пробитое русскими рабочими в Западную Европу». Тем самым путь к абшеронскому «черному золоту» оказался в зоне видимости Ленина.

Как по заказу, с началом продвижения к границам Азербайджана 11-й Красной армии, в марте 1920 г. «армянское движение» организовало вооруженные выступления в Зангезурском и Шушинском уездах, вынудив официальный Баку направить значительные силы азербайджанской армии в район Карабаха. Беспрепятственное продвижение большевиков к Баку на фоне происходивших вокруг Стамбула событий может свидетельствовать о некоем разделе сфер влияния между Москвой и Лондоном.

Тонкость тут в том, что по итогам апрельской (1920 г.) международной конференции в итальянском Сан-Ремо Великобритания получила мандат на Палестину и Ирак, а Франция – на Сирию (включая современный Ливан). В связи с чем Лондон и Париж могли спокойно наблюдать за продвижением российских войск к Баку, тем более что формально эта зона все еще находилась в ведении США.

На фоне происходящего в Турции усиливалось национально-освободительное движение. 23 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль со своими сподвижниками провозгласил образование в Анкаре «Центрального комитета защиты прав», преобразованного в Великое национальное собрание Турции (ВНСТ). М. Кемаль стал председателем ВНСТ, сосредоточившим в своих руках законодательную и исполнительную власть, а также главнокомандующим армии.

Как пишет тот же Ллойд Джордж, Кемаль «разбудил прежнюю гордость в правящей касте, чья военная доблесть некогда помогла разгромить арабов и Византийскую империю, довела победоносные армии до самого сердца Европы». Поэтому под его знамена «толпами стекались добровольцы», вдохновленные решимостью Мустафы Кемала «до последней капли крови сопротивляться расчленению страны» [13]. Вторит Ллойд Джорджу и Уинстон Черчилль: «Турки были еще живы. В их груди билось сердце расы, бросавшей некогда вызов всему миру и в течение столетий успешно оборонявшейся от всех пришельцев». К тому же во главе их находился вождь, стоящий рядом с «четырьмя или пятью людьми», выдвинувшимися «на первый план во время мирового катаклизма» [14].

Оценку М. Кемалю знаменитыми британцами можно использовать в качестве ответа директору Армянского института международного права и политологии в Москве Юрию Барсегову, утверждавшему, что «кемализм идейно сформировался как антиармянская сила, имевшая целью довершить геноцид армян и сохранить результаты этого преступления» [15]. М. Кемаль же, еще не предполагая, кто и каким образом будет в будущем оценивать его действия, заручался поддержкой ленинской России.

Томас Эдвард Лоуренс (Лоуренс Аравийский), выдающийся британский разведчик и аналитик⁷⁶, сообщает, что с точки зрения «новой концепции национального будущего» для Турции были важны земли Анатолии от Мраморного моря до Диярбакыра, Эрзурума, Вана, Азербайджана и дальше – до Каспийского моря, а «кто владеет Смирной, будет влиять на положение в регионе в целом». М. Кемаль, продолжает Лоуренс Аравийский, пытался договориться с Италией, Францией и Англией, «однако обнаружил, что в первом случае договоренности мало что дают, во втором – за них придется заплатить слишком высокую цену, в третьем – партнеры настаивали на абсолютной легитимности всех действий». Сейчас он блокирован греками со стороны Эгейского моря и поставлен перед выбором: либо сдать на милость греческой армии, либо заключить договор о дружбе с Россией. Тогда бы Турции «не страшны были ни атаки греческой армии, ни блокада союзников – нужно лишь договориться с Россией на восточном фланге» [16].

М. Кемаль так и сделал. В письме ВНСТ большевистским лидерам России от 26 апреля 1920 г. подчеркивалось, что «если советские силы предполагают военные операции против Грузии или дипломатическим путем, посредством своего влияния, заставят Грузию войти в союз и предпринять изгнание англичан с территории Кавказа», турецкое правительство «берет на себя военные операции против империалистской Армении», обязуясь «заставить Азербайджанскую республику войти в круг советских государств». В целях изгнания империалистических сил, занимающих «нашу территорию», М. Кемаль обращался к большевикам с просьбой «в виде первой помощи» предоставить «пять миллионов турецких лир золотом», оружие «для наших войск, которые, согласно требованию Советской власти, должны будут действовать на востоке» [17/a].

В комментариях к этому письму на портале российского посольства в Турции подчеркивается, что оно «шло в Москву более месяца и было доставлено только 1 июня 1920 г.» [18]. Однако фраза из письма «согласно требованию Советской власти» указывает на наличие более ранних контактов между Анкарой и Москвой, т. е. о том, что связь между ними уже была налажена.

Эти факты подводят ряд аналитиков к выводу о том, что АДР в одночасье сошла с исторической арены вследствие договоренностей с М. Кемалем. Действительно, операция по взятию Баку была разыграна как по нотам, и 27 апреля 1920 г. 11-я Красная армия бескровно переступила азербайджанскую границу. Согласно некоторым источникам, отсутствие сопротивления азербайджанцев было обеспечено Анкарой посредством

⁷⁶ Действовавший под прикрытием английского «Бюро по арабским делам в Каире». – прим. авт.

находившейся в Баку группы лиц во главе с османским генералом Халил-пашой. Косвенным свидетельством близости Халил-паши к большевистскому руководству России являются материалы заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 15 мая 1920 г., на котором в постановлении по вопросу «О Халил-паше» сказано: «Если т. Чичерин найдет необходимым, считать возможным прием Халилпаши у т. Ленина» [17/б].

Однако можно признать, что даже без согласия М. Кемалья ввод российских войск в Баку состоялся бы без особых проблем. Предшествующее развитие ситуации вокруг Азербайджана свидетельствует, что Ленин стремительно и без препятствий двигался к бакинской нефти. Вряд ли сколь-нибудь реальное сопротивление могли оказать большевистским войскам остатки азербайджанских войск, бóльшую часть которых «пятая колонна» в лице «армянского движения» отвлекала на карабахском направлении. К тому же от турок, теснимых со всех сторон Западом, напрямую ничего в тот момент не зависело. Так могла ли Анкара дать свое «собственное» геополитическое согласие (или отказ) набравшим силу большевикам? Вероятнее всего, что нет. Тогда встает вопрос об иных причинах для сближения Ленина с М. Кемалем. Может быть, у Анкары были особые договоренности с большевиками, из-за которых они не спешили со вводом войск в Грузию и Армению, хотя письмом от 26 апреля 1920 г. данный нюанс предусматривался? Попытаемся разобраться в этих хитросплетениях, хотя бы на основе доступной информации.

Большевистские виды на Турцию как звено мировой революции

Еще в марте 1919 г. в целях реализации ленинского лозунга о «победе коммунизма во всем мире» и «основания Всемирной Федеративной Республики Советов» родился III Коммунистический Интернационал (Коминтерн). Одной из задач этого «штаба мировой революции» являлась реализация «восточной» политики Ленина в плане привнесения коммунистических идей на мусульманский Восток. Как отмечал тот же Л. Троцкий, «многообещающее сближение мусульманских и немусульманских народов, скованных общими цепями великобританского и вообще чужеземного владычества», превращает растущую армию колониального восстания в «могущественный резерв мирового пролетариата» [9].

Никто лучше Турции не подходил под роль «моста» между Россией и Востоком. Даже А. Микоян, будучи членом Кавказского краевого комитета РКП(б), в декабре 1919 г. отмечал, что «поддерживать идею независимой Турецкой Армении» означает быть с Лигой Наций против «всколыхнувшегося моря мусульманской Анатолии и многомиллионного

мусульманского Востока», тормозить «дело восстания мусульман Востока против империализма» [17/в].

Такое отношение к «Турецкой Армении» может объясняться только тем, что в свете идей Коминтерна по мировому распространению большевистской революции большевики рассматривали всю Турцию как свою «социалистическую вотчину». Поэтому Москва и нацелилась на Анкару.

Наверняка, М. Кемаль располагал информацией, что в качестве проводника «восточных» планов Москва стала готовить на роль лидера «коммунистической» Турции члена РСДРП(б) с 1915 г., участника I конгресса Коминтерна Мустафу Субхи. М. Кемаль не мог не знать и о состоявшейся в том же 1919 г. встрече экс-военного министра Османской империи Энвера с одним из сподвижников Ленина – Карлом Радеком, на которой было достигнуто их взаимопонимание на основе антибританских интересов. Энвер даже выступил с инициативой создания «Лиги исламского единства» – филиала Коминтерна.

По-видимому, понимая пагубность таких планов для Турции (да и для него лично), М. Кемаль решил сыграть на опережение, представив себя большевикам чуть ли не основным турецким сторонником осуществления идеи мировой коммунистической революции. Ведь не случайно же он отправил послание Ленину за день до захвата большевиками Баку (и в день завершения конференции в Сан-Ремо). Так что «турецкий фактор» в бакинских событиях должен был «свидетельствовать» о реальных намерениях М. Кемаля сблизиться с Россией.

Однако, имелись, наверное, и иные «темы», могущие усилить симпатии Москвы к М. Кемалю. В условиях, когда большевики в любой момент могли отдать предпочтение в ставке на Анкару другому турку, сомнения в лояльности которого России были наименьшими, М. Кемаль должен был предоставить Москве какую-то значительную гарантию. Его вполне мог быть отказ Анкары от дальнейших «притязаний» на Азербайджан. Именно на это обратил внимание все тот же Т. Э. Лоуренс: «Союз с Россией заставит Турцию лет на тридцать забыть мечту об автономии Туркестана и ограничит ее территорию пределами Анатолии» [16].

Очевидно, Ленин довольно серьезно отнесся к шагам М. Кемаля и не торопился советизировать Армению и Грузию. Когда под боком «советская» (в ближайшей перспективе) Турция, вопрос Тифлиса и Эривани – лишь дело времени. Не верящие в такую версию спросят: неужели британцы, оккупировавшие Стамбул, могли так запросто согласиться с продвижением русских на Восток? Дело в том, что вполне могли, если вспомнить о мандатах на все ближневосточные территории

бывшей Османской империи: когда все они были распределены между ведущими западными странами, «Турецкая Армения» оказалась без «хозяина». Хотя союзники предоставили США арбитражное право на определение «армянских» границ, это не означало, что Вашингтон мгновенно им воспользуется. А в Лондоне понимали, что Россия вряд ли упустит случай осуществить выход к «Турецкой Армении», так как османские армянонаселенные вилайеты Россия всегда считала своей «законной» вотчиной (наряду со Стамбулом-Константинополем, взятым англичанами в первую очередь).

Прогнозируемое при таком развитии событий столкновение интересов Вашингтона и Москвы вполне устраивало Лондон. Поэтому с учетом опыта мастерских геополитических игр Великобритании нельзя исключать, что именно Лондон своим молчаливым согласием мог подталкивать Москву к османским армянам – как раз для ослабления позиций в регионе США. Ведь не только профессионал Т. Э. Лоуренс демонстрирует прекрасную осведомленность британцев о ходе переговоров между Анкарой и Москвой. Еще в марте Верховный комиссар Великобритании в Закавказье Уордроп направил в МИД страны информацию о соглашении, заключенном Кемалем с Лениным, которое давало «большевикам свободу рук на Северном Кавказе и в Азербайджане с целью обеспечить свободный провоз оружия для него» в обмен на согласие Кемалья «досаждать британцам в Месопотамии». При этом отмечалось, что в Баку известно о гарантиях Антанты безопасности «закавказских республик и что с Советами ведутся переговоры на этот счет» [17/г].

По всей видимости, Лондон считал возможным в нужный для себя момент остановить продвижение русских вглубь Турции силами М. Кемалья. Так, Дж. Киракосян приводит данные об апрельских контактах с ним британских парламентариев [19]. Наверняка Кемаль англичанам отказал, и Великобритания поддержала движение нового командующего «Вооруженными силами Юга России», оппозиционного большевикам генерала Петра Врангеля. П. Врангель, отказавшийся от лозунга «единой и неделимой России», прибыл из контролируемого англичанами Стамбула в Севастополь на британском эсминце “Emperor of India”.

Анализ шагов, предпринятых М. Кемалем в тот период, безоговорочно свидетельствует об избрании им четкой линии поведения с большевиками (в некоторых случаях с вынужденными ходами). Поэтому, по мнению автора, утверждения о том, что турецкая сторона тогда «пожертвовала» Азербайджаном в собственных интересах, выглядят несколько натянутыми, поскольку контроль над абшеронской нефтью и без российско-турецких договоренностей плавно перешел бы к России, а Турция в сегодняшних границах вообще могла не появиться.

По этой причине сближение М. Кемалья с Россией имело огромное геополитическое значение для всего тюркского мира. Он гроссмейстерски просчитал возможность оказания со стороны России помощи туркам в их сопротивлении западным странам. Величие Ататюрка в том и состоит, что за счет своего невероятного таланта стратега и тактика он прекрасно играл на противоречиях мировых держав, нередко предпринимая единственно верные шаги. Добившись впоследствии создания Турецкого государства и сохранения турецкой нации, Ататюрк в начале 1920-х гг. предпринял усилия, укрепившие и позиции Азербайджана.

1. История США в четырех томах. Севостьянов Г. Н. (гл. ред.). Том III
<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4954864>
2. Мудросское перемирие 1918 года
<http://doc20vek.ru/node/3459>
3. Павлович-Вельтман М. Кемалистское движение в Турции
<http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/20.html>
4. Эсат Дж. Пакер. 40 лет на дипломатической службе. М., 1971, с. 8, 80.
5. Шталь А. В. Малые войны 1920–1930-х годов
<http://militera.lib.ru/h/shtal/01.html>
6. Кесмеджи П. Вторая греко-турецкая или малоазийская война
<https://rua.gr/greece/14371-vtoraya-greko-turetskaya-ili-maloazijskayavojna-chast-tretya.html>
7. Кемалистское движение
<http://www.genocide.ru/enc/kemalism.htm>
8. Корсун Н. Г. Греко-турецкая война 1919–1922 гг. Оперативно-стратегический очерк
http://militera.lib.ru/h/korsun_ng5/01.html
9. Троцкий Л. Манифест второго конгресса Коммунистического Интернационала
<http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl517.htm>
10. Цит. по: Константинов С. В. Сталин в борьбе за единство России
<http://www.whiteworld.ru/rubriki/000102/002/01010508.htm#r43>
11. Сталин И. В. Положение на Кавказе. Беседа с сотрудником газеты «Правда». Газета «Правда» № 269 от 30 ноября 1920 г.
<http://petrograd.biz/stalin/4-57.php>
12. Ленин В. И. Телеграмма в Реввоенсовет (РВС) Кавказского фронта И. Т. Смильге и Г. К. Орджоникидзе от 17 марта 1920 г.
<http://libelli.ru/library/tema/sc/marxism/lenin.htm>; т.51

13. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. В 2-х т.
<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4805114>
14. Черчилль У. Мировой кризис
<http://grachev62.narod.ru/churchill/chapt17.htm>
15. Барсегов Ю. Г. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-2/289-321.htm#7>
16. Лоуренс Т. Э. Перемены на Востоке
<http://magazines.russ.ru/inostran/1999/3/lour.html>
17. а/ Первое предложение Большого Национального собрания Турции российскому Советскому правительству (26 апреля 1920 г.)
б/ Из протокола № 10 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 15 мая 1920 г.
в/ Направленные В. Ленину тезисы доклада члена кавказского краевого комитета РКП(б) А. Микояна «К кавказскому вопросу» (начало декабря 1919 г.)
г/ Дешеша Верховного комиссара Великобритании в Закавказье Уордропа лорду Керзону от 12 марта 1920 г. Цит. по: Барсегов Ю. Г. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0648-0685.htm>
18. Статья на сайте российского посольства в Турции
<http://www.turkey.mid.ru/20-30gg.html>
19. Киракосян Дж. Младотурки перед судом истории
<http://www.armenianhouse.org/kirakosyan/youngturks-ru/chapter09.html>

ТРУДНОСТИ АНКАРЫ И НАДЕЖДЫ «АРМЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ»

Достижение успеха на восточном направлении через переговоры с Англией?

Для Москвы май 1920 года оказался геополитически важным в противоположном от восточного направлении. 4 мая правительство РСФСР выразило готовность принять посреднические услуги Великобритании при проведении мирных переговоров с Польшей, предусматривающих признание линии ее временной восточной границы, утвержденной Верховным советом Антанты в 1919 г. Но для большей сговорчивости Москвы Лондон решил поднажать, и 6 мая польские войска заняли Киев. Перепал им и Гомель, а также другие небольшие территории.

На фоне последовавших попеременных военных успехов 25 мая 1920 г. Россия все же приступила к неафишируемым переговорам со своим извечным геополитическим противником – Великобританией, сразу же призвавшей большевиков к отказу от проведения военных действий в Персии, поддержки Мустафы Кемаля и организации антибританских выступлений в восточных зонах ее влияния. Политический торг был серьезным, поскольку в тот же день Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение задержать предполагаемое наступление на Крым, контролируемый армией под командованием Петра Врангеля. Вместе с этим Наркомату иностранных дел (НКИД) поручалось «принять все меры к широкому оповещению Западной Европы» о готовности Москвы предоставить «действительные» гарантии «величайшего миролюбия по отношению к Англии на Востоке».

Однако любезности в сторону Лондона не означали отказ от прежних планов, о чем свидетельствует прозвучавшее на том же заседании Политбюро одобрение политики НКИД об оказании поддержки «освободительному движению народов Востока» [1]. А 2 июня 1920 г. в ответном письме Г. Чичерина на предложение М. Кемаля от 26 апреля о сотрудничестве признавалась независимость страны плюс «включение в состав Турецкого государства бесспорно турецких территорий» и предлагалось «немедленно же установить дипломатическое и консульское представительства» в целях установления дружественных отношений и прочной дружбы между Турцией и Россией [2/а].

Другое дело, что большевики вели на восточном направлении тактическую игру, о чем свидетельствует телеграмма председателя Революционного военного совета, наркома по военным и морским делам РСФСР Льва Троцкого (от 4 июня 1920 г.) в НКИД и ЦК РКП(б).

Учитывая то, что советская республика не способна «стоять на собственных ногах» даже в Азербайджане, он писал, что «экспедиция на Востоке может оказаться не менее опасной, чем война на Западе». В связи с этим «потенциальная советская революция на Востоке для нас сейчас выгодна главным образом как важнейший предмет дипломатического товарообмена с Англией». Поэтому, организуя и вооружая, например, персидских повстанцев, нужно всячески предостерегать их от шагов, которые должны «повлечь за собой нашу военную поддержку» и всемерно «подчеркивать по всем путям нашу готовность столкнуться с Англией относительно Востока» [3].

Следовательно, Москва, поддерживая переговорный процесс с Англией, не исключала и применение силы. Это позволяло в перспективе говорить с Лондоном значительно увереннее. А вот насколько увереннее, могло показать лишь время. Ленин как-то надиктовал (правда, чуть позднее) вольный русский перевод фразы Наполеона: “On s’engage et puis on voit” – «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там видно будет», вслед за чем признал, что большевики «ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели» новые «детали развития». И резюмировал: «В основном мы одержали победу» [4].

Так что планы Ленина «ввязаться» в бой с Англией через «восточный фронт» (т. е. не напрямую) вполне очевидны, а уже в зависимости от результатов «видно будет», как именно вести окончательную фазу российско-британских переговоров. Отсюда – поддержка «освободительного движения» на востоке на фоне активных заявлений о мире. Итак, Россия сделала ставки в этой геополитической партии и для ее выигрыша оставалось лишь привлечь на свою сторону правительство дашнаков Армении, что обеспечило бы ей географический коридор для доставки оружия силам М. Кемалю.

Игры вокруг «коридора» для Анкары

Поэтому на упомянутом выше майском 1920 г. заседании Политбюро ЦК РКП(б) было заявлено о продолжении переговоров России с несветской Арменией, но без «инициативы немедленной советизации с помощью русских войск» [1]. А в письме наркоминдела Г. Чичерина М. Кемалю Россия соглашалась принять на себя обязанности посредника при определении границ между Турцией, Арменией и Персией [2/а].

Но проблема была в том, что, как докладывал в Центр член Кавказского бюро ЦК РКП(б) и Реввоенсовета (РВС) Кавказского фронта Григорий (Серго) Орджоникидзе, дашнакские власти не соглашались «на пропуск наших войск и вооружения для Турции», связывая его с разрешением всех спорных моментов между ними и турками «в области

Турецкой Армении» под «нашим председательством» [5]. Поэтому большевики решили наладить взаимопонимание с армянской стороной путем территориального умиротворения «армянского движения». Осуществиться же это могло только за счет азербайджанских земель. В качестве промежуточного шага Г. Орджоникидзе озвучил возможность занять «пока» российскими войсками «район Нахичевани, Ордубат, Джульфу, а там *видно будет*» (курсив наш) [5].

Далее, в 20-х числах июня 1920 г. Г. Орджоникидзе, сообщая в центр, что Армения настаивает «на немедленном и безоговорочном присоединении Карабаха и Зангезура», подчеркивал, что заставит Баку «объявить автономию этих областей, но это должно исходить от Азербайджана» [2/6]. В разъяснениях Ленину Г. Чичерин осуждал потворствование «мусульманским тенденциям», подразумевая позицию главы Азревкома Наримана Нариманова, противопоставляя ей наступательную политику Г. Орджоникидзе и Петра Мдивани⁷⁷ [2/в], т. е. членов Кавказского бюро ЦК РКП(б), посчитавших данные территории «спорными». На фоне начавшихся 20 июня в Москве российско-армянских (Левон Шант, Левон Зарифян и др.) переговоров такой подход не удивителен. Для их успешного завершения Россия отказывалась даже от организации вооруженных акций внутри Армении. Это и понятно: Москва намеревалась решить задачу доставки оружия Мустафе Кемалю скорейшими темпами в мирных условиях, так как ситуация вокруг Турции резко обострилась.

Турция под политико-религиозным прицелом Запада

Открытое российско-турецкое сближение встретило противодействие со стороны Запада.

В подготовленном Л. Троцким проекте постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 4 июня 1920 г. отмечено, что польское командование перебрасывает дивизии «с германской границы» на «наш фронт» и страны Антанты оказывают содействие Врангелю в целях согласования «с поляками операции». Это осложняет положение на фронтах, требуя принятия «исключительных мер». Хотя в протоколе ближайшего заседания Политбюро (8 июня) записей об утверждении проекта нет и не обнаружены документы об его обсуждении членами Политбюро [5], реальная ситуация и так понятна.

Ну а 21 июня 1920 г. Булонская конференция Верховного совета Антанты отказалась удовлетворить просьбу турецкой делегации о продлении времени для ответа на Мирный договор союзников с Турцией

⁷⁷ Полномочный представитель России в Анкаре. – прим. авт.

(положительным фактором для Анкары была лишь поддержка турецкого заявления французской делегацией, в отличие от английской). На следующий день греческая армия при поддержке британского флота атаковала позиции кемалистов. Позднее экс-премьеры Великобритании Герберт Асквит и Стэнли Болдуин, а также протестантский священник Ноэль Бакстон (“British Armenian Committee”) признавали, что война Греции против Турции «была начата и продолжалась при непосредственном попустительстве Британского правительства» [2/г].

Ставка на Грецию была сделана Лондоном явно сознательно. Британцы прекрасно понимали, что «проект» греческого премьера Элефтериоса Венизелоса по созданию «Великой Греции» путем реставрации Византийской империи позволит придать военным действиям со стороны греков идейно-конфессиональную основу. Однако религиозная «оправа» этой войны была окрашена далеко не в православные тона, что естественно.

Священник Димитрий Успенский сообщает, что еще в январе 1920 г. местоблюститель Константинопольского Патриаршего престола Брусский митрополит Дорофей опубликовал послание-энциклику «К Христовым Церквам всего мира» экуменистического характера с призывом к объединению всех христианских церквей независимо от их догматических различий. Как подчеркивает Д. Успенский, цель ставленника Э. Венизелоса Мелетия IV (Метаксакис), чуть позже занявшего престол Константинопольского Патриарха, «состояла в объединении Востока и Запада» не на «догматической основе Православия» [7]. Ее осуществление означало бы конец важнейшей для России геополитической идеи – «Москва – Третий Рим»). Поэтому англичане пытались выбить у России как у православной «правопреемницы» Византии религиозный козырь в отношении Константинополя-Стамбула.

«Карабахская карта» в большевистско-дашнакских переговорах

Атаки греческих войск на позиции кемалистов подтолкнули ЦК РКП(б) к скорейшему решению проблемы армянского «коридора». Поэтому одновременно с переговорами с армянской стороной Москва принимала и турецкую делегацию. Скорее всего, большевики планировали заключить трехстороннее соглашение. Но если проект советско-турецкого Договора о дружбе был парафирован (24 июня 1920 г.), от Армении положительного решения не прозвучало. По словам Дж. Киракосяна, дашнакское правительство «вступило на путь безответственной волокиты и проволочек», идя на поводу Англии и Франции, представители которых в Тифлисе и Ереване стремились

помешать «подписанию договора». В частности, армянский посол в Тифлисе Т. Бекзадян говорил о выигрыше времени для получения боеприпасов из Англии, вслед за чем появится возможность «сопротивляться даже русским войскам» [8].

С другой стороны, оргсекретарь Британского армянского комитета и специальный корреспондент «Манчестер Гардиан» С. Лииз утверждал, что кемалисты предложили дашнакам прямые переговоры. Однако «после консультаций с британским Главным комиссаром в Закавказье» Армения «ответила отказом». Как отмечает Г. Махмуриян, вместо немедленных переговоров с Советской Россией и кемалистской Турцией армянские лидеры «надеялись на мифическое вмешательство Лиги или конкретных союзников» [9].

Возможно, дашнаков обнадеживало то, что, по словам сотрудника Наркомата по делам национальностей (Наркомнац) РСФСР М. Павловича-Вельтмана, страны Антанты «усердно снабжали дашнакцаканское правительство, подготавливая наступление против советской России на Кавказе» [10]. За июнь-июль 1920 г. из Великобритании в Армению было доставлено «25 тысяч винтовок и 40 тысяч комплектов обмундирования» [11]. Как следствие, с подачи Лондона армянская сторона притормозила переговорный процесс с большевистским правительством России.

И тут же изменилась ситуация вокруг азербайджанских территорий. Если за день до начала армяно-российских переговоров Г. Чичерин писал, что «Карабах, Зангезур, Нахичевань, Джульфа не должны присоединиться ни к Армении, ни к Азербайджану, а должны быть под российскими оккупационными войсками с согласия местных советов» [12], то после их провала Сталин подчеркивал: «Нельзя без конца лавировать между сторонами, нужно поддержать одну из сторон определенно, и в данном случае, конечно, Азербайджан с Турцией. Я говорил с Лениным, он не возражает» [13].

Вслед за этим появляется постановление заседания бюро ЦК Азербайджанской коммунистической партии (АКП(б)) от 15 июля 1920 г.: «1. Карабах и Зангезур должны быть присоединены к Азербайджану. 2. От Нахичевани и других отказаться, предложить оккупировать русскими войсками» [14]. Понятно, что эти пункты не были самостоятельным решением азербайджанских большевиков, так как еще 30 июня Ленин возложил на Г. Орджоникидзе не только «руководство всей внешней и внутренней политикой Азербайджана», но и «наблюдение за выполнением директив Цека и Наркоминдела по отношению к Персии, Армении и Грузии» [15]. Само же заседание проходило под контролем представителей Реввоенсовета 11-й Красной армии.

По-видимому, второй пункт постановления ЦК АКП(б) от 15 июля 1920 г. рассматривался Москвой в качестве сигнала дашнакскому правительству Армении о возможности продолжить переговорный процесс. Дело в том, что в поступившей чуть ранее на имя Г. Чичерина телеграмме от председателя Азревкома Н. Нариманова, члена Кавкрайкома П. Мдивани, члена ЦК АКП А. Микояна, члена ЦК КП Армении Нуридджаняна говорилось: «Что же касается якобы спорных Зангезура и Карабаха, уже вошедших в состав Советского Азербайджана, категорически заявляем, что эти места бесспорно и впредь должны находиться в пределах Азербайджана. Джульфинский и Нахичеванский районы, сплошь заселенные мусульманами, уже больше года оторвавшиеся и силами местного населения оборонявшиеся против дашнакского правительства, как в видах военных, также в целях непосредственной связи с Турцией, должны быть заняты нашими войсками и присоединены к Азербайджану» [16].

Говоря другими словами, зона Нахичевана была использована Москвой в качестве «наживки» для дашнаков. Но она не сработала: Армения под диктовку Лондона перешла в наступление одновременно с греческими войсками. 21 июля 1920 г. полномочный представитель РСФСР в Армении Борис Легран отмечал «враждебные действия» дашнаков против Турции: «нападения в районе Ольты, Зангибасар», продвижение армянских войск на Нахичевань [2/д]. Дашнакские части (во главе с Дро⁷⁸) перешли в наступление и на азербайджанские позиции. Однако уже через несколько дней Г. Чичерин отмечал: «Турки, взяв Нахичевань, ввели там советскую власть и предлагают, чтобы наши войска туда вошли. Приказ о занятии Нахичевани нашими войсками уже давно дан» [2/е].

Положение же самой Турции в то время было критическим, особенно после занятия греческой армией Адрианополя.

В записке в Политбюро от 30 июля 1920 г. Г. Чичерин высказался о «настоятельной необходимости» советизации Армении, без чего «у нас нет настоящего контакта с Турцией», а «гибель кемалистов нанесла бы нам сильнейший удар на Востоке» [2/ж]. Большевицские войска стали быстро продвигаться к Карабаху, Зангезуру и Нахичевану. Командование 11-й Красной армии потребовало от Армении их беспрепятственного пропуска, установив сроком исполнения ультиматума 5 августа 1920 г.

В последние дни июля 1920 г. Нахичеван оказывается в руках «объединенных войск РСФСР и красной Турции». Но именно в этот момент дальнейшее продвижение Красной армии приостановилось. Тем

⁷⁸ Драстамат Канаян, в период I Мировой войны возглавлял один из армянских отрядов в составе российских войск на Кавказском фронте. — прим. авт.

временем так называемый Высший национальный совет турецкого города Адана 4 августа 1920 г. провозгласил Киликию независимой республикой, что дало правительству дашнакской Армении повод потребовать от Москвы безоговорочного признания независимости страны.

Наверное, внезапная «смена настроения» большевиков в отношении «армянского коридора» произошла не на пустом месте?

Запад предпочтительнее Востока?

По-видимому, значимую роль в приостановке движения Красной армии на востоке сыграл июльский (1920 г.) успех большевистских войск под командованием Михаила Тухачевского в войне с поляками. Переход военных действий за этнические границы Польши вызвал прилив эйфории в Москве в плане экспорта пролетарской революции в Европу по маршруту «Варшава – Берлин» и далее. «Стало складываться и крепчать настроение в пользу того, – писал Л. Троцкий, – чтоб войну, которая началась как оборонительная, превратить в наступательную революционную войну» [17]. В предвкушении победного социалистического «марша» были даже проигнорированы миротворческие предложения англичан, призвавших провести так называемый «рубеж перемирия» по «линии Керзона».

На такой «радостной» ноте в июле 1920 г. в Москве открылся II конгресс Коминтерна⁷⁹. В направленной во время его работы телеграмме Ленину (в ответ на его «записку № 371») Сталин писал, что при наличии Коминтерна, побежденной Польши, «более или менее» сносной Красной армии, «в очередь дня» нужно поставить вопрос «об организации восстания в Италии и в таких неокрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придется разбить)» [18].

Но действия на западе (в Европе) виделись коминтерновцам как начальный шаг к мировому революционному пожару, за которым должен последовать и восток. В «Тезисах ко II конгрессу Коммунистического Интернационала» задачей Коминтерна Ленин поставил сближение трудящихся «всех наций и стран для совместной революционной борьбы» за свержение капитализма. А так как все «национально-освободительные движения колоний» убеждаются в собственном спасении исключительно посредством победы Советской власти над империализмом, необходим их союз с Россией [19].

⁷⁹ Коммунистический интернационал (Коминтерн, 3-й Интернационал) – международная организация, объединявшая коммунистические партии. Действовал с 1919 по 1943 год. – прим. авт.

Принятый конгрессом устав целью Коминтерна назвал борьбу, в том числе и вооруженную, «за низвержение международной буржуазии и создание Международной Советской республики» [20]. Обнародованный Манифест провозгласил, что «международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию советских республик всего мира» [21]. Ленин подытоживал: на конгрессе «свою организацию» и «подробную программу действий» получила «всемирная армия революционного пролетариата», стоящая за коммунизм и «свержение ига капитализма», что произойдет «во всех странах земли» [22].

Вместе с тем, как следует из работы Сталина «К вопросам китайской революции», на II конгрессе Коминтерна были обнародованы «Дополнительные тезисы» «по национальному и колониальному вопросу», призывавшие к ведению на Востоке усиленной пропаганды коммунистических идей и учреждению рабоче-крестьянских советов. Данные тезисы, принятые в «дополнение» к ленинским, «прошли на II конгрессе, как тезисы Роя» [23]. Речь идет о прибывшем на конгресс по личному приглашению Ленина индийском революционере Манабендре Натх Рое (Бхаттачария), который принимал участие в работе спецкомитета по выработке политической доктрины Коминтерна в отношении Азии. Рой был избран в Исполком Коминтерна, осуществляя деятельность в качестве одного из руководителей Восточной комиссии (под именем Рой Аллен).

Таким образом, Конгресс огласил лозунг мировой революции, важнейшими объектами которой стали страны «третьего мира», в основной массе контролируемые британцами. Но в них еще предстояла борьба «с панисламизмом и подобными течениями», пытающимися «соединить освободительное движение» с «укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.» [19].

Другое дело, что после занятия Красной армией польского Белостока, где начал действовать Временный революционный комитет Польши (при членстве председателя ВЧК Феликса Дзержинского), большевики уже не сомневались в успехе начального (западного) пути к планетарному социализму. Потому и было приостановлено «восточное движение» (в сторону Турции), за которым, как, наверное, казалось в Москве, дело не станет. Кроме того, советское правительство проигнорировало очередное предложение Керзона о конференции по урегулированию польско-русского противостояния.

Ну а как могло быть иначе, если 12 августа 1920 г. Красная армия подошла к Варшаве? Внешне все шло к падению польской столицы, открывающему путь к дальнейшему распространению большевизма в Европе.

Смена декораций и эйфория в стане «армянского движения»

Однако произошло все совсем наоборот – началось успешное контрнаступление польских войск, осуществленное под командованием французского генерала Максима Вейгана (возглавлял прибывшую 25 июля 1920 г. в Варшаву англо-французскую миссию для оказания помощи польской армии) и окрещенное «Чудом на Висле». Наложившись на атаку войск Петра Врангеля в Северной Таврии, «чудо» привело Россию к катастрофическому поражению.

Несмотря на открытие 17 августа 1920 г. в Минске советскопольской мирной конференции, поляки продолжали наступать. А 10 августа правительство Франции официально заявило о признании П. Врангеля «правителем Юга России», что было неслучайно. Еще весной он, используя помощь Великобритании, «решительно отклонил ее предложения ограничить военные действия обороной Крыма», и «руководство южнорусской контрреволюцией перешло к Франции», снабжавшей войска Врангеля оружием, боеприпасами и обмундированием [24].

Россия получила геополитический удар не только от Польши и Врангеля, но и по результатам мирного договора стран Антанты и присоединившихся к ним государств с султанским правительством Турции, подписанного в парижском предместье Севр 10 августа 1920 г. По Севрскому договору Великобритания (в особенности), Франция (чуть в меньшей степени), Италия и Греция стали обладателями территорий, входивших в состав Османской империи. Стамбул и демилитаризованная зона Проливов передавались под международное управление. Предполагалось создание независимого Курдистана. Турецкая сторона признавала Армению «свободным и независимым государством». Обе страны подтвердили, что принимают проведенные президентом США Вудро Вильсоном границы в пределах вилайетов Ван, Битлис, Эрзурум и Трапезунд, а также его условие относительно доступа Армении к Черному морю (через Батум). Новой Турции отводился клочок земли, лишенный выхода к Средиземному морю [25].

Результаты Сервского договора обрадовали «армянское движение», но не только они. Все того же 10 августа 1920 г. дашнаки подписали договор о мире с Россией, благодаря которому они смогли не только занять линию Шахтахты – Султанбек, но и эксплуатировать железнодорожные ветки на участке Шахтахты – Джульфа [2/3].

Все внешне складывалось в пользу «армянского движения», позволив ему начать очередной виток антиазербайджанских акций, что зафиксировано армянскими источниками. По свидетельству Арсена

Хойлунца⁸⁰, «с конца 1919 г. по июль 1921 г. Нжде в Зангезуре являлся командующим дашнакскими вооруженными силами Кафанского района». В 1919–1920 гг. под его руководством «были уничтожены десятки азербайджанских сел Кафанского и близлежащих районов и истреблены тысячи мирных жителей». Другой свидетель, Авак Джанунц, также подтверждает, что «в 1920 г. Нжде организовал и совместно с Дро руководил грабежом более 100 азербайджанских сел Кубатлинского района», вслед за чем они «были сожжены» [26].

Бесчинства того периода признаются и армянской литературой. Проживающий в Лос-Анджелесе армянский журналист-международник Григор Апоян, ссылаясь на поэму «великого армянского революционного поэта Егише Чаренца “Хмбапет Шаварш”», пишет, что «хмбапет» «по-армянски означает начальник группы». Так «в период безвременья 1917–1922 гг. именовались армянские полевые командиры», может, и сыгравшие «какую-то роль в становлении первой армянской республики», но больше оставшиеся «в памяти народной, как разбойники и грабители». Е. Чаренц писал о бесчинствах самого Шаварша, «тонкая бескомпромиссная душа поэта более всего не могла примириться с тем, что его соотечественник и брат мог потерять человеческое лицо, пусть даже в самых нечеловеческих условиях». Поэтому он создал поэму в качестве покаяния «за неведомого ему хмбапета Шаварша и за все другие преступления с армянской стороны» как «призыв к нашей совести», завещание потомкам, которые всегда должны «помнить и не повторять непростительных ошибок не лучших своих представителей» [27].

Однако эйфория лидеров «армянского движения» были преждевременными. Дело в том, что нежелание США признавать геополитическое лидерство Англии сблизило позиции Вашингтона и ленинского правительства. В результате в день подписания Севрского договора появилось заявление американского госсекретаря Бейнбриджа Колби в поддержку «единой России». Хотя речь здесь шла о границах 1914 г., но без включения в нее Польши, Финляндии и Армении. В связи с последней Б. Колби подчеркнул, что «окончательное определение границ» этой страны не должно произойти «без сотрудничества и согласия России». Чтобы «оставаться независимой и свободной», Армении «необходима добрая воля и дружественное покровительство» Москвы [2/и].

Но тревожный звонок из Вашингтона не был услышан армянской стороной. Не учитывалось ею и недовольство Франции, которая по результатам Севрского договора не только потеряла политический вес,

⁸⁰ Допрос в Министерстве государственной безопасности Армянской ССР 16 сентября 1947 г. по делу Нжде – Гарегина Тер-Арутюняна, генерала дашнакской армии. – прим. авт.

но и потерпела экономическое поражение: переход под контроль союзников зон экс-Османской империи ударил по финансовым интересам французских компаний. Наверное, не до конца уловили дашнаки и условия некоторых пунктов договора о мире с Россией, в частности то, что войска РСФСР занимают «спорные районы – Карабах, Зангезур и Нахичеван», за исключением полосы для расположения войск Республики Армения. Хотя, по документу, «временным (!) занятием» этих территорий Россия планировала создать «благоприятные условия для мирного разрешения территориальных споров между Арменией и Азербайджаном», Москва получала явные возможности манипулирования ситуацией в собственных интересах [2/3]. А тут еще Великое национальное собрание Турции отказалось ратифицировать Севрский договор.

На горизонте маячил «восточный» революционный экспресс.

1. Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) <http://genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0648-0685.htm>
2. а/ Письмо Народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. Чичерина Президенту Великого Национального Собрания Турции Мустафе Кемалю от 4 июня 1920 г.
- б/ Телеграмма члена Кавказского бюро ЦК РКП(б) и РВС Кавказского фронта Г. Орджоникидзе Народному комиссару иностранных дел РСФСР Г. Чичерину.
- в/ Отзыв Г. В. Чичерина на письмо Н. Нариманова Ленину от 27 июня 1920 г.
- г/ Предложение Г. Асквита, С. Болдуина и Н. Бакстона премьер-министру Великобритании Р. Макдональду.
- д/ Дешеша Полномочного представителя РСФСР в Армении Б. Леграна Народному комиссару иностранных дел Г. Чичерину и члену Кавказского бюро ЦК РКП(б) и РВС Кавказского фронта Г. Орджоникидзе от 21 июля 1920 г.
- е/ Дешеша Народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. Чичерина в Акстафу С. Кирову для Полномочного представителя в Армении Б. Леграна от 27 июля 1920 г.
- ж/ Записка Народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) от 30 июля 1920 г.
- з/ Соглашение о мире между Республикой Армения и РСФСР.
- и/ Б. Колби. Заявление итальянскому послу Авеццане.
- к/ Нота руководителя делегации правительства ВНСТ Бекира Сами Народному комиссару иностранных дел РСФСР Г. Чичерину от 26 августа 1920 г. Все цит. по: Барсегов Ю. Г. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества.

- а–в: <http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0686-0718.htm>
- г: <http://genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v1/565-584.htm>
- д–ж: <http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0719-0761.htm>
- з: <http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0762-0794.htm>
- и: http://www.genocide.ru/lib/barseghov/resp/443-460.htm#449_450
3. Цит. по: Краснов В., Дайнес. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт
<http://www.onlinedisk.ru/file/713779/>
4. Ленин В. И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)
<http://revarchiv.narod.ru/vladimilitch/lenin45/suhanov.html>
5. Телеграмма Орджоникидзе
<http://genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0648-0685.htm>
6. Ленин В. И. Неизвестные документы (1891–1922). Документы 1920 г.
http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=3655:dokumenty-1920-g-iyun&catid=99:v-i-leninneizvestnyedokumenty-1891-1922&Itemid=53
7. Священник Димитрий Успенский. Старый стиль лучше новых двух
[http://www.christian-spirit.ru/v22/22.\(10\).htm](http://www.christian-spirit.ru/v22/22.(10).htm)
8. Киракосян Дж. Младотурки перед судом истории
<http://armenianhouse.org/kirakosyan/youngturks-ru/chapter09.html>
9. Махмуриян Г. Г. Лига Наций, Армянский вопрос и Республика Армения
<http://research.sci.am/gmakhmourian/books/League.htm>
10. Павлович М. Кемалистское движение в Турции
<http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/20.html>
11. Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши
<http://www.rus-sky.com/history/library/arutnv3.htm>
12. ЦИА ИМЛ ф. 64, оп. 2, л. 5, л. 19. Цит. по: Мамедова Ф. Причинноследственная связь карабахской проблемы. Историческая справка
<http://www.karabakh-doc.azerall.info/ru/azerpeople/ap006.htm>
13. Телеграмма И. Сталина члену Кавказского бюро ЦК РКП(б) и РВС Кавказского фронта Г. Орджоникидзе
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0719-0761.htm>

14. К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР
<http://www.karabakh-doc.azerall.info/ru/istoch/is011-4.php>
15. Ленин В. И. Телеграмма Г. К. Орджоникидзе от 29 или 30 июня 1920 г.
<http://libelli.ru/library/tema/sc/marxism/lenin/lenincw9.htm>; т.52
16. Телеграмма Г. Чичерину
<http://www.karabakh-doc.azerall.info/ru/arxdoc/ad025.htm>
17. Троцкий Л. Моя жизнь
<http://www.revkom.com/biblioteka/marxism/trotsky/my%20life/XXXVII.htm>
18. Сталин И. В. Телеграмма В. Ленину от 24 июля 1920 г.
<http://stalinism.ru/content/view/1308/9/>
19. Ленин В. И. Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала
http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=1211:tezisy-ko-ii-kongressu-kommunisticheskogointernacionala&catid=80:tom-41&Itemid=53
20. Устав Коминтерна
<http://agitclub.ru/front/com/congress022.htm>
21. Троцкий Л. Манифест второго конгресса коммунистического интернационала
<http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl517.htm>
22. Ленин В. Второй конгресс Коммунистического Интернационала
http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=1214:vtoroj-kongress-kommunisticheskogointernacionala&catid=80:tom-41&Itemid=53
23. Сталин И. В. К вопросам китайской революции. Ответ т. Марчулину
<http://www.magister.msk.ru/library/stalin/9-7.htm>
24. Врангелевщина. Статья в Большой Советской Энциклопедии
<http://lib.rus.ec/b/152521/read>
25. Севрский мирный договор
<http://www.genocide.ru/enc/sevres.htm>
26. Цит. по: Ваче Овсепян. Гарегин Нжде и КГБ. Воспоминания разведчика
<http://www.ceghakron.com/pages/menu/menu3/kgb7.htm>
27. Апоян Г. Предать вдохновение
<http://www.lebed.com/2005/art4055.htm>

І СЪЕЗД НАРОДОВ ВОСТОКА И РОЖДЕНИЕ ЛОЗУНГА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ГАЗАВАТА

«Восточный экспресс» снова на ходу

Одновременные уколы с нескольких сторон вновь повернули Россию на восток. Тем более что и здесь Москве грозило геополитическое поражение, а именно утеря «своей» в перспективе Турции, еще пару недель назад находившейся в зоне «социалистической» видимости.

Большевики начали навестывать упущенное. В богатых на события десятых числа августа 1920 г. в Москве вновь оказался экс-военный министр Османской империи Энвер-паша. На этот раз по линии германского генералитета, а именно Ганса фон Секта, с которым у него сложились доверительные отношения с того времени, как тот находился в генштабе османской армии во время I мировой войны. Карл Радек, с которым в 1919 г. Энвер обсуждал вопросы совместной антибританской борьбы по линии Коминтерна, в свое время непосредственно через турок осуществил выход на Берлин для лоббирования союза Германии с большевистской Россией (хотя глобально цели Энвера и ленинцев были различны). В отличие от других ведущих европейских держав Берлин занял нейтральную позицию в период продвижения России к Варшаве, отказавшись разрешить транзит оружия из Франции в Польшу. А непосредственно главнокомандующий рейхсвером Ганс фон Сект – даже несмотря на то, что Москва направила сотни немецких коммунистов в приграничье с Польшей для работы в будущей «социалистической» Германии – готов был идти на контакт с большевиками в целях ликвидации последствий антигерманских условий Версальского мира. С этим он и командировал Энвера в Москву.

Но поражение России от Польши спугало все карты, и Энвер был ориентирован большевиками на восток, становившийся основным направлением для экспорта социалистической революции. При его непосредственном участии началась активная проработка вопроса о поставках оружия из Германии в Россию для Турции.

А 24 августа 1920 г., через несколько дней после сокрушительного поражения от Польши, РСФСР и (ВНСТ) подписывают соглашение о сотрудничестве, согласно которому российское правительство соглашалось «ни в коем случае не признавать никаких международных актов, касающихся Турции и не признанных Национальным Правительством Турции, представленным ныне» кемалистами. Подразумевался здесь, естественно, прежде всего Севрский договор.

Кроме того, в документе озвучивалось намерение «обеспечить открытие проливов и свободное прохождение через них для торговых

сношений всех народов»; посредством соглашения обеих стран «передать окончательную выработку международного статуса Черного моря и проливов особой Конференции из делегатов прибрежных стран» (именно прибрежных, но не Британии!), при условии ненанесения «ущерба полному суверенитету» и безопасности Турции. Важнейшим пунктом являлась констатация обязательств сторон обеспечить «беспрепятственное железнодорожное движение» между странами в целях использования «в наикратчайший срок» средств сообщения «для перевозки людей и товаров» [1].

Что касается этого пункта, то соглашение предусматривало предоставление помощи ВНСТ от России вооружением, боеприпасами, материалами и деньгами, а в случае необходимости – путем совместных военных действий. Денежная помощь была согласована в сумме 10 млн золотых рублей (1,25 млн османских золотых лир). Однако еще до заключения соглашения первая партия помощи поступила «турецким товарищам» посредством все того же генерала Халил-паши. Занимаясь в России «организацией репатриации турецких военнопленных», он сформировал из их числа «боевую часть, готовую к службе в рядах турецких националистов», организовав отправку «первой партии оружия морским путем к Трабзону и российского золота сухопутно через Азербайджан» [2].

26 августа 1920 г. руководитель делегации правительства ВНСТ Бекир Сами известил Г. Чичерина о согласии Анкары на российское предложение о посредничестве «для проведения пограничной линии на границе Армении на основах справедливости и законности». Это было связано с тем, что «армянское правительство» предъявило «свои империалистические требования на принадлежащие» туркам «восточные провинции Анатолии» (следовательно, предусмотренный Севрским договором арбитраж президента США В. Вильсона в «территориальных» вопросах становился номинальным).

Спустя несколько дней Г. Чичерин сообщил, что если ранее «армянская делегация заявляла» о согласии «признать спорным только Карабах, но не Зангезур и не остальные», теперь она признает спорными «и Карабах, и Зангезур», хотя «речь шла о признании спорности, но не о немедленной и полной передаче». А по словам наркома, цель Москвы – «быть объективной высшей силой», с учетом решения «о занятии спорных местностей нашими частями» [3].

Коротко и ясно. В особенности в свете заявления тогдашнего полпреда РСФСР в Грузии Сергея Кирова⁸¹, что «Нахичеванский уезд, Ордубад, Джульфу, Зангезур, Карабах, азербайджанцы считают безусловно

⁸¹ Впоследствии 1-й секретарь ЦК КП Азербайджана. – прим. авт.

своим», тогда как «представители Армении категорически претендуют на эти области». В связи с этим «сейчас создается весьма благоприятный момент» для использования российского авторитета на Ближнем Востоке, «в частности, в решении армянского вопроса» [4].

Важнейшим фактором здесь стало занятие турками Шахтахты и Сарыкамыша при неафишируемом согласии российской стороны. Все дело в том, что, как отмечалось выше, по соглашению России с дашнакской (читай: пробританской) Арменией эти населенные пункты находились под контролем армянского правительства, блокируя прямую границу между «своими» для большевиков Баку и кемалистской Анкарой.

Тем самым в вопросе экспорта социалистической революции (а также в целях продолжения переговоров с англичанами с позиции силы) большевистская власть России, потерпев поражение в западном направлении, вплотную приблизилась к восточным воротам, открывавшим доступ к контролируемой Великобританией зоне. Идеологическим рупором (обоснованием) этого пути стал I съезд народов Востока, проходивший в Баку с 1 по 8 сентября 1920 г. и принявший почти 2000 делегатов, представлявших около 30 народностей.

Мировая революция против Британии посредством джихада

Уже в своих первых выступлениях [5] лидеры Коминтерна Г. Зиновьев и К. Радек⁸² назвали российско-британское противостояние главным фактором геополитики, «узловым пунктом» которого стала польская кампания, нанеся поражение Красной армии вследствие оказания помощи польскому капитализму со стороны англичан и «буржуазии всего мира». В этой связи «Советская Россия, т. е. мировой пролетариат» была противопоставлена мировому капитализму, в первую очередь английскому, и, как следствие, мировая (в перспективе) коммунистическая система (в лице России) – планетарной капиталистической (в образе Англии). Покончить с властью капитала «во всем мире» возможно лишь при едином союзе трудящихся планеты. Поэтому до нового наступления на Западе необходимо вести войну «трудящихся народов Востока против наших общих угнетателей», так как империалисты «должны услышать» решительный протест региона против перспективы оставаться «ареной эксплуатации мировых хищников». При этом была озвучена поддержка коммунистами движения Мустафы Кемаля, хотя оно «не есть коммунистическое», так как «мы

⁸² Председательствовавший на съезде в ранге главы Исполкома Коминтерна. – прим. авт.

готовы помогать всякой революционной борьбе против английского правительства».

В связи с этим лидеры Коминтерна указывали на огромное значение «ненависти к угнетателям», основанной на понимании сущности «борьбы между английским капитализмом и помещичье-капиталистическим царским правительством России за обладание» Турцией, Персией, Средней Азией, их богатствами, имевшей место в истории XIX столетия. Лондон же, с выгодой для себя, то защищал Турцию с Персией «против царизма», желающего «поглотить эти народы», то, сговорившись с российской властью, выдвинул «лозунг уничтожения» Турции. Последнее было для них необходимо, «дабы английские капиталисты могли соединить железной дорогой, идущей через Аравию и Месопотамию, владения в Африке с владениями в Египте и в Индии», в целях господства британского капитала «над сотнями миллионов африканских и азиатских народностей». Поэтому делегаты съезда должны понять истинные цели захвата англичанами Месопотамии – это освобождение арабов не «от турецкого засилья», а «от нефти», могущей «сделать их богатой национальностью на Востоке». Т. е. эксплуатация природных ресурсов региона осуществляется «не для развития культуры» его населения, а для «своей наживы». Достигаются такие цели через создание в этих странах ситуации, когда «одна часть населения борется против другой за господство английского капитала».

Оба докладчика отвергли обвинения в существовании большевистского империализма, так как коммунисты не преследуют в регионе «захватных целей», а желают сформировать «красный Восток», совместно с рабочими Европы способный создать «новую культуру под знаменем коммунизма». Если раньше народы Востока «проливали свою кровь» ради победы той или иной капиталистической державы, коммунисты желают «помочь им выбраться из-под ига» капитала для построения новой жизни. Но победить они могут только в связке с рабочими Запада, которые научат их «овладеть оружием», обращенным «против белых цивилизованных зверей», сидящих «в конторах Лондона и Парижа». Отсюда – «великое значение начинающейся революции на Востоке», но не для того, чтобы вместо ног «английских империалистов» на столе были удобно разложены аналогичные конечности местных богачей. Поэтому, как провозгласил Г. Зиновьев, «панисламизм, мусаватизм» не являются «нашими течениями».

Большевики вели речь о национальной борьбе не с точки зрения создания независимых государств, а в плане провозглашенной Лениным еще в 1915 г. идеи о Соединенных Штатах Мира как формы «объединения и свободы наций», связываемой с социализмом: «Пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению

всякого, в том числе и демократического, государства» [6]. При этом Г. Зиновьев, критикуя панисламизм, объединение наций («национальное движение Турции, Персии» и др. стран) пропагандировал с точки зрения необходимости «зажечь настоящую священную войну против английских и французских капиталистов».

Отметим, что все речи ораторов, будь то на русском или английском языке, в обязательном порядке переводились на азербайджанский, турецкий и персидский, а иногда и на другие. И термин советских большевиков «священная война» переводился как «джихад» – своего рода путь к созданию «Соединенных Штатов Мира» на коммунистической основе. Т. е. в представлении мировых коммунистических лидеров «джихад» являлся производной от пролетарского единения мусульманских масс с целью свержения капиталистического строя при помощи созданной на Востоке Красной армии, благодаря которой приверженцы ислама «сумеют устроить в тылу у англичан восстание».

В свете этого Г. Зиновьев обратился к собравшимся как к братьям, которых Коминтерн призывает «к священной войне, прежде всего против английского империализма!» Сухой стенографический отчет фиксирует, что в этот момент раздалась «буря аплодисментов, долгие крики «ура». Члены съезда встают, потрясая оружием. Оратор долго не может продолжать. Все члены стоят и аплодируют. Крики: «Клянемся!» «Пусть услышат сегодняшнее заявление в Лондоне, Париже и во всех городах, где у власти еще стоят капиталисты, – резюмировал он, – торжественную клятву представителей десятков миллионов трудящихся Востока о том, что на Востоке не будет больше власти угнетателей-англичан, не будет гнета капиталистов над трудящимися Востока».

Как писал русский советский писатель Илья Эренбург, «в большом зале сидели кавказцы в черкесках, афганцы с чалмами, в клеенчатых халатах, бухарцы и ярких тибетейках, персы», на груди которых были приколоты «портреты Карла Маркса». В середине «восседал товарищ просто в пиджаке и читал резолюции», делегаты «кивали головами, прикладывали руку к сердцу и всячески одобряли мудрые тезисы». «Я слышал, – пишет И. Эренбург, – как один перс, сидевший в заднем ряду, выслушав доклад о последствиях экономического кризиса, любезно сказал молодому индийцу: “Очень приятно англичан резать”, на что тот, приложив руку к губам, шепнул: “Очень”» [7].

Таким образом, советские коммунисты посредством мусульманского Востока фактически объявили Англии «политический джихад».

Религиозный фон I съезда народов Востока в иной ипостаси

В целом, озвученные на съезде идеи, вложенные в религиозную оправу, были направлены на политизацию ислама. Так, по словам сотрудника Наркомата по национальным вопросам А. Скачко, «различные султаны, шахи, ханы и беки, владельцы восточных стран и земель, утопают в сказочной роскоши», хотя в исламе заложены «принципы религиозного коммунизма» и «все религиозные учреждения главной своей заботой должны иметь попечение о сирых и неимущих». Однако «только Богу принадлежащая земля была объявлена принадлежащей властителям, султанам и шахам, а потом перешла во владение феодалов и капиталистов». В свою очередь, «вакуфные земли, отданные мечетям и духовенству с тем, чтобы на доходы с них содержались благотворительные и полезные народу учреждения, постепенно утратили свое первоначальное назначение и сделались землями, принадлежащими духовенству и частным лицам», а доходы с них, вместо принесения пользы неимущим, «пошли светским и духовным властителям», эксплуатирующим бедняков. Одна из причин этого такова, что духовные лица – «не защитники» мусульманской религии, «а ее искажители», поэтому они «такие же паразиты», как «помещики-феодалы», да плюс «еще и лицемеры, прикрывающие белой чалмой и священной книгой Корана» свою «угнетательскую сущность». А. Скачко призвал «сорвать» с них «священную маску», «беспощадно отобрать» принадлежащие им земли и «отдать трудовому крестьянству». Добиться этого возможно только путем избавления от векового гнета как «чужеземных капиталистов-эксплуататоров», так и «своих угнетателей».

Понятно, что озвученная А. Скачко позиция четко соответствовала линии Ленина, обнаруженной, как отмечалось выше, в подготовленных им Тезисах ко II конгрессу Коминтерна. Мы упомянули об его выступлении, поскольку оно прямо касается нашей темы. Ведь местные феодалы и капиталисты, к которым большевики причислили и высшие духовные чины, подлежали экспроприации (во имя победы мировой революции) как откровенные пособники западных (в основном британских) империалистов. Об этом, хотя и с иных позиций, было сказано и в другом выступлении.

Нефтяной фактор и международная роль США в понимании Джона Рида

Речь идет о докладе знаменитого американского социалиста, журналиста Джона Рида, автора нестареющего произведения «Десять

дней, которые потрясли мир», в документально-художественном виде отразившего ноябрьские события 1917 г. в России.⁸³

В своем начальном слове Д. Рид сказал и об Азербайджане, подчеркнув, что Баку – это нефть, а американский капитализм стремится установить мировую монополию на это природное богатство, поработая народы, им обладающие. Отметив, что после провозглашения Советской власти в Баку здесь нет капиталистов, которым нефть «больше не принадлежит», Д. Рид уверил, что с пробуждением Востока рухнут «последние основы капитализма» и массы подойдут к общественному строю, «при котором не только нефть, но все, созданное руками человечества, будет принадлежать трудящимся». В этой связи он подчеркнул, что «народы Востока еще не испытывали на себе власти Америки». Вы знаете и ненавидите английских, французских и итальянских империалистов, сказал американский журналист и, вероятно, поэтому считаете, что «свободная Америка» освободит колониальные народы, будет их кормить и защищать. Однако многие народы знают, что такое жить под властью «свободной Америки», когда объявление независимости «не означает» уход из государства американских капиталистов. Так происходит, поскольку они дают местным «вождям части прибыли» (государственных постов, земель и денег), а также в связи с возникновением внутреннего капиталистического класса, заинтересованного в содержании подданных «в рабстве».

Вслед за этим Д. Рид добавил, что, обращаясь «в настоящее время» к народам Ближнего Востока «с дружескими словами, с обещанием помощи и продовольствия», США так же действуют в отношении к Армении, и «много армян теперь ожидает помощи от дяди Сэма». Причиной такого интереса американцев к этой стране Д. Рид назвал наличие в ней минеральных богатств, могущих «быть эксплуатируемыми американскими капиталистами». Но разве Вашингтон что-то сделал «для армян помимо голословных деклараций?», – обратился с вопросом в зал Д. Рид. После чего призвал не верить обещаниям американцев, а объединяться с русскими рабочими и крестьянами, следуя «за красной звездой» Коминтерна.

Манифест I съезда народов Востока

⁸³ По словам Ленина, он хотел бы видеть эту книгу «распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки», так как она правдиво излагает события, важные с точки зрения понимания характера пролетарской революции [8]. Данная оценка весьма показательна, так как в своем труде Д. Рид ставил Ленина и Троцкого почти что на один уровень в качестве лидеров ноябрьских событий. – прим. авт.

Вышеизложенные взгляды нашли отражение в принятом делегатами съезда «Манифесте к народам Востока». В нем под антибританскими нотками фактически был задан курс на мировую революцию посредством мусульман планеты. «Вы знаете, что сделала Англия в Индии?», – спрашивалось в документе, с заменой в следующих абзацах названия Индии на Турцию, Персию, Египет, Месопотамию, Аравию и др. Следом за чем упоминалось, что приверженцы ислама живут на плодороднейших и обширнейших землях, некогда бывших «колыбелью всего человечества» и способных прокормить «все население мира». Однако Лондон планирует своими «хищными зубами и ногтями» впитаться в «кровящееся ранами тело Востока». За художественным вступлением следовал план ленинской России по использованию приверженцев ислама для недопущения укрепления геополитических позиций Великобритании.

Подчеркивая пробуждение мусульман от «многовекового сна», Манифест настаивал на подъеме организованной мощи «крестьян и рабочих народов Востока» против Англии. Произойти же это должно на основе услышанного ими призыва к «священной войне, к “газавату”⁸⁴», призыва «первого съезда представителей народов Востока, объединившихся с революционным пролетариатом Запада» под знаменем Коминтерна.

Отметим, что в переводе с арабского термин «газават» означает «сражение». В Большом русско-английском словаре он переводится на английский как *jihad* (джихад); Д. Ушаков определяет его как священную войну «против христиан», а С. Ожегов – «против иноверцев», что неудивительно, поскольку в XIX в. освободительная война на Кавказе против Российской империи шла под лозунгом газавата. Большевики же призвали мусульман «к первой настоящей священной войне под красным знаменем Коминтерна» за «собственное благо, свободу, жизнь». Объектом газавата, естественно, становились «английские завоеватели», мечтающие «обратить народы Востока в своих рабов» [9].

Говоря иными словами, контролируемое российскими большевиками мировое коммунистическое движение «освятило» джихад в форме революционной борьбы мусульман против капиталистического (читай – британского) гнета. Хотя в рамки газавата была включена и борьба с внутренними врагами (о чем мы чуть выше уже говорили), что обозначено в тезисах съезда по аграрному вопросу: «Для освобождения от невыносимого бремени угнетения» и создания «возможности дальнейшего развития крестьянам стран Востока необходимо» (в том числе) сбросить «власть иностранных завоевателей-капиталистов» и

⁸⁴ Так в тексте! – прим. авт.

своих собственных деспотов-тиранов, взяв ее в руки со всеми «административными, хозяйственными и финансовыми организациями» путем образования «местных и центральных крестьянских советов». На перспективу же предполагалось «создание крестьянских советских республик Востока, связанных в одну мощную неразрывную федерацию с советскими республиками стран Запада» [10].

В целях реализации провозглашенных задач был образован «Совет пропаганды и действия народов Востока» (в дальнейшем – «Совет пропаганды»), в который вошли М. Павлович-Вельтман, А. Скачко, Г. Орджоникидзе, Н. Нариманов и другие.

В центре внимания «Совета пропаганды» – «армянский вопрос»

Одной из главных сил по проведению в южно-кавказском регионе британской политики на съезде была определена дашнакская власть в Армении. В оглашенном заявлении «представителя Ангорского правительства» (т. е. ВНСТ, находящегося в Анкаре) Ибрагима Тали правившие в Армении дашнаки были названы восточными пособниками «западного капитализма», сторонниками Венизелоса⁸⁵ и приспешниками царедворцев, использующих «султанский двор в интересах английского капитализма». Все они, как один, «бросились к Антанте», а «анатолийские революционеры обернулись к восходящей красной революции», принимая «с полной искренностью» протянутую ей «Советской Россией дружескую руку» (резолуция съезда выразила «сочувствие всем турецким борцам» против империализма).

Затронул тему дашнакского правительства и М. Павлович-Вельтман, подчеркнувший, что «Армения заявляет претензии на Карабах и Зангезур (известно секретное письмо генерала Дро⁸⁶ об их занятии 4 августа 1920 г.)».

Ну а вскоре после съезда появилось неафишируемое «Заключение» Президиума Совета пропаганды. В нем сказано об организации британцами «против нас» вооруженных сил и деятельную готовность получающей «военное снабжение от англичан» дашнакской власти «к войне с нами»; о том, что «агенты дашнакского правительства, работающие под маской коммунистов в Азербайджане, особенно в Карабахе, Зангезуре и Казахе, деятельно подготавливают почву для дашнакского наступления, захватывая Советскую власть на местах в свои руки и заботясь об обезоруживании местного мусульманского

⁸⁵ Понимается греческий премьер Элефтериос Венизелос, автор проекта создания «Великой Греции» путем реставрации Византийской империи. – прим. авт.

⁸⁶ Впоследствии военный министр дашнакского правительства. – прим. авт.

населения». Если с учетом продвижения греческих войск «в глубь Малой Азии» в течение сентября «не будет установлена связь с Советской Россией» и «со стороны последней» не будет оказана материально-моральная поддержка национальному движению в Турции, оно окажется подавленным.

В «Заключении» подчеркнута, что поскольку Лондон в ближайшее время готовит наступление «на Советский Азербайджан соединенными силами англо-персидских войск, Армении, а может быть, и Грузии» (под флагом освобождения «Азербайджана от большевистского гнета» и с целью отнятия Баку у Советской России), необходимо «самым экстренным образом поддержать угасающее национальное движение в Турции», предупреждая «соединение сил англо-шахских войск, Армении и Грузии». Это можно обеспечить исключительно «путем наступления в союзе с националистическими турецкими войсками на Армению под флагом свержения ига дашнаков, угнетающих свой народ, и с целью соединения с революционной Турцией». При таком развитии событий «военные операции не потребуют никаких добавочных сил с нашей стороны», так как «по существу» они осуществляются «турецким эрзерумским корпусом», а российское наступление будет «почти что демонстрационное».

Далее, «с дипломатической стороны для предотвращения бури общественного негодования в Западной Европе», вместе с наступлением турецких войск на Армению «мы во всей нашей печати и при помощи всех наших органов гласности в Европе поднимем страшный шум о новой армяно-турецкой резне и о необходимости ее прекращения раз навсегда». Для этого «наши войска вступят в Армению через оголенную от ее войск восточную границу» и вместо низложенной «будет установлена Советская власть». Затем «мы выдворим турецкие войска из пределов Армении (чему турки подчинятся беспрекословно)» и «для предотвращения всякой возможности дальнейших столкновений между армянами и турками займем армяно-турецкую границу своими войсками». В глазах западноевропейского пролетариата «мы окажемся» в «чрезвычайно благородной роли умиротворителей, двинувшихся на Армению», чтобы «положить конец резне и спасти остатки армянского народа от окончательного уничтожения».

Завершалось «Заключение» констатацией неизбежности войны, так как в случае промедления «через две недели» Армения осуществит «наступление на Советский Азербайджан», что «будет для нас обозначать потерю Баку». Оно было передано на рассмотрение Президиума Исполкома Коминтерна и ЦК РКП(б), с доведением его копии до НКВД РСФСР [11]. Как свидетельствуют последующие

события, вышеуказанные инстанции положительно отреагировали на все предложения Совета пропаганды.

Первые шаги по претворению в жизнь решений I съезда народов Востока и пунктов «Заключения» Совета пропаганды

Принятые бакинским съездом решения стали реализовываться по горячим следам незамедлительно. Уже 8 сентября 1920 г. 1-й секретарь Представительства РСФСР в Ангоре (Анкаре) Н. Упмал передал турецкой стороне «три ящика золота», «общим весом двести килограмм 635 или 900 грамм» [12]. В своем январском (2012 г.) выступлении в парламенте Турции президент Кыргызстана Алмазбек Атамбаев подчеркивал, что «когда вражескими войсками» были захвачены турецкие города, «тюркские народы Средней Азии, и в том числе кыргызы, пришли на помощь братьям». Ими, в частности, было «собрано и передано через Советское правительство 10 миллионов золотом» [13].

9 сентября 1920 г. за подписью замнаркома иностранных дел России Льва Карахана в ЦК РКП(б) поступает письмо, сообщающее о неудаче «дела революции в Гилянской провинции» (Персия), однако признающее невозможность «терять Персию и предоставить ее англичанам», так как это «было бы серьезным ударом нам и в международном отношении» и означало бы для Лондона, «что нас на Востоке нечего бояться». Рассматривая два пути действий России, Л. Карахан предлагал остановиться на наиболее агрессивном – вступление в Тегеран, свержение шахского правительства, изгнание англичан из Персии и образование там некоммунистического, «но советского типа» правительства. Со слов Л. Карахана, такое развитие событий «докажет, что мы являемся для Англии серьезной и непосредственной опасностью», ставя «нашу агрессию на Востоке в прямую зависимость от политики Англии к нам: на удар отвечаем ударом». Спустя сутки Кавказское Бюро ЦК РКП(б) приняло решение направить в Персию вооруженный отряд в количестве 1200 человек [14].

13 сентября 1920 г. в Кабуле был подписан предварительный договор между Россией и Афганистаном, послуживший рождению новой идеи. По данным бывшего советского дипломата Юрия Дроздова и ведущего сотрудника Центра индийских исследований Института востоковедения РАН Бориса Клюева, Натх Рой, о котором мы говорили в связи с II конгрессом Коминтерна, предложил создать на территории Центральной Азии освободительную экспедиционную армию (путем вербовки индийцев), предназначенную для вторжения в Индию. Вторжение планировалось осуществить через Афганистан, где, по мнению Роя, к созданной им армии присоединятся воинственные афганские племена и

помогут Индии сбросить господство англичан. Одновременно, по замыслу Роя, на территории Индии должны были вспыхнуть тщательно подготовленные народные восстания. Идея получила принципиальное одобрение Ленина [15].

Восточные ворота для антибританской мировой революции приоткрылись и с другой стороны, причем очень скоро. Значимость событий заслуживает их более детального отражения. 13 сентября 1920 г. МИД Армении довел до своего представителя в Грузии информацию о переходе «с рассветом» турецких войск в атаку «на Ольгинском направлении, а также на правый фланг сарикамышского отряда». «Наступление турок продолжается», о чем надлежит «немедленно сообщить всем союзным представителям в Тифлисе», опротестовать эти действия, «нарушающих самые основы» Севрского договора [16].

15 сентября 1920 г. началось сосредоточение армянских войск на границах с Азербайджаном [17], ввиду чего Г. Чичерин указал на необходимость энергичного использования на Востоке периода «развязанных рук» в целях дальнейшей подготовки «к соглашению с Англией без вреда для дальнейшего развития событий» в регионе. Основным является «вопрос о нашем отношении к Турции», на которую «перенесен центр тяжести нашей восточной политики», в связи с чем необходимо «приложить все усилия» к удовлетворению «пожелания турок постольку, поскольку наше собственное положение это допускает» [12].

Примечательно, что с началом боевых действий между Арменией и Турцией ЦК КП(б) Армении своей инструкцией предписывал развернуть «широкую пропаганду против войны», разъясняя, что «кемалистская Турция», не будучи прежней, султанской, «не преследует в отношении Армении агрессивных целей» и, как «союзница Советской России», борется «за свое освобождение против империалистических держав – Англии, Франции, Греции». Поражение турок «будет означать усиление империализма на Ближнем Востоке», ставя под угрозу победу «революции в Закавказье», посему «задачей армянских большевиков-коммунистов должно быть ускорение поражения» Армении, что «ускорит советизацию» страны. С этой целью необходимо «убеждать солдат на фронтах не стрелять» по наступающим турецким войскам, «покидать позиции и возвращаться домой»; внушать армянским солдатам, что «победоносный турецкий аскер – это революционный аскер», не позволяющий «какого-либо насилия по отношению к побежденной стране», который не только не причинит вреда мирному населению, но и «поможет трудовому армянскому народу» освободиться от господства пособников империалистов – дашнаков. Данную

инструкцию предписывалось «читать в закрытых собраниях и сразу по прочтении сжигать» [18].

23 сентября 1920 г. Б. Легран высказывает В. Ленину и Г. Чичерину мнение о возможности «настаивать на присоединении» Карабаха к Азербайджану, но при условии передачи Армении Зангезура и Нахичевани, так как «если ничего не уступить Армении, то нечего ждать с ее стороны уступок». Предложение Б. Леграна прозвучало тотчас по достижении «дипломатическим путем» соглашения с Арменией о предоставлении России «свободного транзита» в Турцию [19]. Но уже 24 сентября Армения объявила Турции войну. Армянские соединения на восточном фронте начали наступление на Баркыз и Кетек [20]. Кроме того, по свидетельству В. Гурко-Кряжина, дашнаки, используя полученное «от англичан оружие», устроили «массовый погром мусульманского населения во всей Карсской области и Эриванской губернии, обратив в пепелища» районы Шурагел, Шаруро-Даралагеза, Саракамыша. «Обеспечив себе таким образом тыл», они повели наступление на Ольты и Кагызман [21].

В таких условиях «дружественную политику по отношению к кемалистам» Г. Чичерин называет «чрезвычайно для нас важной», так как «они представляют прогрессивный и демократический элемент в мусульманстве», а «их гибель может повести к временному, но чрезвычайно сильному развитию самого реакционного панисламизма и фанатизма с заострением против революции против нас». По словам наркома, «объявление священной войны с султаном во главе в Малой Азии против нас в случае победы этих реакционных элементов» над кемалистами «может подвергнуть и Баку, и вообще наше положение на юго-востоке новым серьезным испытаниям». Спустя несколько суток Г. Чичерин, говоря о нахождении железной дороги «Шахтахты-Джюльфа в руках турок-повстанцев», конкретизирует, что «мы ее занимать не будем, не наше дело ее осваивать для армян», благо договор от 10 августа 1920 г. «не требует от нас войны с турками». Ну а раз «не мы занимаем желдорогу, мы умываем руки». Другое дело, что «спорные области должны пока оставаться в нашей оккупации, без передачи той или другой стране» [12].

Заседание же пленума ЦК РКП(б) от 29 сентября 1920 г., заслушав доклад «О восточных делах», постановило (в том числе) «оказать фактическую помощь деньгами и оружием кемалистам» и «утвердить договор с Азербайджаном». Также было одобрено «предложение т. Чичерина об ассигновании золота для кемалистов», с дальнейшим рассмотрением деталей и количества [22]. Одновременно с этим РСФСР подписала с Азербайджаном договор о взаимопомощи в военной, хозяйственной, финансовой и внешнеэкономической области. При этом

Г. Чичерин указал на наличие в центре многочисленных сведений о том, что страны Антанты доставляют «в весьма большом количестве» вооружение и военное снаряжение в Армению, из которой они создают «свою цитадель». В связи с усилением позиций Англии на Востоке и взятия Арменией на себя роли «орудия Англии» вопрос о границе с Турцией и «спорных местностях с Азербайджаном» приходится «оставить открытым». Турецкое же наступление может сделать дашнаков «более сговорчивыми».

5 октября 1920 г. глава НКВД приоткрыл карты С. Орджоникидзе, доведя до него информацию, что в связи с наступлением турок, беспокоившим Грузию и Армению, можно указать «грузинам и армянам на нашу готовность быть посредниками между ними и кемалистами» [12].

Этот шаг был обоснован успехами турецких войск, дашнаки же, не идя на контакт с Москвой, обратились за помощью к Западу. 6 октября председатель армянского парламента Аветис Агаронян, ссылаясь на «исключительно серьезные обстоятельства», в конечном итоге подвергающие «опасности интересы самих Союзных Держав», обратился «с настоятельным призывом» к Лиге Наций о вмешательстве «в любой форме, которую она сочтет желательной» [23].

Англо-российское сближение на фоне активизации большевиков на Востоке

Предварительный договор о перемирии, заключенный 12 октября 1920 г. между РСФСР, Польшей и Украиной, обеспечил Ленину возможность для более активных действий в восточном направлении. Согласно откровениям А. Скачко, до сих пор прямое российское «вмешательство в дела Армении не состоялось» по причине использования вооруженных сил «на Западном и врангелевском фронте», вследствие чего они не могли быть задействованы на Кавказе. Передышка же в польском направлении предоставляет «нам возможность перебросить на Кавказ значительные силы, легко ликвидировать дашнаков» [24].

До того момента обстановка на Южном Кавказе внешне определялась армяно-турецкими военными действиями, хотя всю партию вела Россия. Благодаря этому А. Скачко мог с уверенностью говорить, что с уничтожением власти дашнаков «Мустафа Кемаль не будет настаивать на оккупации Армении турецкими войсками» и в дальнейшем судьба страны решится с учетом «свободного желания армянского народа», поддержанного «всеми силами Советской России». Ведь «как только от лица Армении заговорит Армянская Советская власть», турки прекратят наступление, ибо возглавляемая коммунистами Армения станет «не

враждебной, а дружественной страной Турции, ведущей борьбу с Антантой».

Высвобождение Красной армии из войны с Польшей способствовало укреплению позиций России на Южном Кавказе, что привело к продолжению англо-российских переговоров уже под другим углом (а не эту ли задачу ставили большевики?). 18 октября 1920 г. совещание британских министров получило совет от канцлера казначейства не участвовать в финансовых гарантиях Лиги Наций для Армении. Кроме того, совещание отказало Армении в доступе в Лигу Наций, не желая решать вопрос об обеспечении ее защиты. Далее, внешнеполитическое ведомство Англии, отказав Армении (впрочем, как и Грузии) в признании де-юре, также отказалось от посредничества между дашнакским правительством и кемалистской Анкарой [25].

В связи с происходившим можно отметить, что отказ Лондона от поддержки Армении объяснялся и экономическими причинами. К тому времени Россией были заключены контракты с рядом британских фирм о поставке в страну нескольких сотен автомобилей, ремонте российских паровозов и т. д. В том же октябре 1920 г. возникло первое англо-русское СП Аркос (“All-Russian Cooperative Society”).

Как бы то ни было, брошенная в одиночестве Армения 28 октября 1920 г. подписывает с Россией проект мирного договора, согласно которому правительства РСФСР и Азербайджана «признают незыблемые права Республики Армении на территории спорных областей – Нахичеванского и Зангезурского уездов – и выведут из пределов этих уездов все войсковые части», находящиеся в подчинении их командования; Армения «безоговорочно откажется от всяких притязаний на области так называемого Карабаха, за исключением угла, образуемого восточной границей Ново-Баязетского уезда и частью восточной границы Шарур-Даралаязского уезда»; Россия ввиду бедственного положения «трудового народа» предоставит Армении «безвозвратную ссуду в размере два с половиной миллиона руб. золотом» [26].

Данный договор можно рассматривать в качестве маневра большевиков, вызванного необходимостью выиграть время для окончательной перегруппировки сил. Поскольку тот же А. Скачко поддержку дашнаков против турок характеризовал как нанесение вреда «делу мировой революции», способного привести «к полному краху нашей политики на Востоке». В интересах России «оказывать всемерную поддержку национальной революционной» Турции – «единственной восточной стране, открыто борющейся с Антантой», уничтожив власть дашнаков – очага «влияния Антанты на Кавказе». Только этот «единственный путь» позволит «прийти к быстрому проведению противоимпериалистической революции на Востоке», которую

провозгласил I съезд народов Востока, призвав к «священной войне против Англии». В записке в Президиум Совета народов Востока «О политическом положении на Ближнем Востоке» А. Скачко подчеркнул необходимость «нашего вооруженного вмешательства с целью ниспровержения власти дашнаков и установления Советского строя в Армении» [24].

Поэтому неслучайно уже 4 ноября 1920 г. появилось постановление совместного заседания Политбюро ЦК АКП(б) и членов Кавбюро ЦК РКП(б), в котором до центра доводилось мнение, что предложенный в проекте мирного договора между Россией и Арменией пункт о передаче последней «Нахичевани и Зангезура не выгоден ни в политическом, ни в стратегическом отношении и может быть произведен лишь в крайнем случае» [27].

Смена лозунга «коммунистического джихада» на «коммунистические концессии»

6 ноября 1920 г. Г. Чичерин сообщил находящемуся в Баку И. Сталину, что «вследствие продолжающегося наступления турок Армения обратилась к нашему посредничеству». Вслед за этим он поставил в известность Мустафу Кемалю о принятии Россией на себя этой миссии, в связи с чем правительство страны «рассчитывает» на приостановление дальнейших военных действий [28]. Уже через два дня турки, овладевшие к тому времени Карсом и даже Александрополем⁸⁷, развивая наступление на Эривань, предложили армянской стороне, за два месяца боевых действий уступившей им 2/3 территории, условия перемирия, которые, однако, не были приняты.

Но спустя неделю дашнаки согласились практически со всеми предложениями, включая и отвод армянских войск за линию Сурмала – Алагез – Новомихайловка [29]. Как откровенничал по поводу турецкого продвижения к столице Армении Сталин, «драться с кемалистами из-за Карса не следует» [30].

19 ноября 1920 г. военные действия были приостановлены. А могло ли быть по-другому, если Британия уже и не думала вмешиваться в действия России на Южном Кавказе и даже чуть дальше? Да и для чего Лондону нужно было обострять отношения с Москвой из-за Армении, если Ленин продолжал политику уступок западному капиталу внутри страны? Так, появившийся 23 ноября 1920 г. Декрет «Об экономических и юридических условиях концессий» предусматривал, в частности, «гарантии правительства от национализации, конфискации и

⁸⁷ Сегодня Гюмри – прим. авт.

реквизиции» и «недопустимости одностороннего изменения концессионного договора» [31].

Данный документ фактически позволял акулам капитализма иметь в ленинской России мощный бизнес-интерес. Этот раунд взаимопонимания с английскими империалистами, которым буквально пару месяцев назад коммунисты объявили революционный джихад, Ленин преподнес в таком ключе, что-де «мы – всего лишь звено в цепи мировой революции и никогда не ставили себе целью победить в одиночку». Но до окончательной победы над капитализмом «буржуазный капитал нам пригодится», так как концессии – это тоже война «в нашу пользу», ведущаяся, однако, на экономическом фронте. «Мы наметили правильный путь к мировой революции», просто он «виляет зигзагами» [32].

Как писал в этой связи Э. Саттон, «утверждается партнерство международного монополистического капитализма и международного революционного социализма, направленное к их взаимной выгоде» [33]. С формулировкой сложно не согласиться, так как, по словам наркома внешней торговли России, тогдашнего полпреда и торгпреда России в Великобритании Леонида Красина, в ноябре 1920 г. «русская делегация имела за собой довольно сильную группу в английском Сити» [34].

В итоге в целях защиты интересов своей недавней союзницы Армении заседание Лиги Наций (15–22 ноября 1920 г.) ограничилось выделением лишь 3 комиссаров для выяснения судьбы «около 100 тыс. армянских женщин и детей» в турецких гаремах [25].

Беспроблемная советизация Армении

На этом фоне 23 ноября 1920 г. правительство Армении уходит в отставку. Во главе новой дашнакской коалиции оказывается Симон Врацян, ратующий за прямые переговоры с турецкой стороной любой ценой, благо Мустафа Кемаль телеграфировал ему о «выгодных двусторонних отношениях между Турцией и Арменией», что дало бы возможность защищать Армению от «внешних пагубных воздействий» [35]. Хотя это свидетельствует об отказе от российского предложения о посредничестве как со стороны армян, так и турок, однако с Анкарой здесь далеко не все так однозначно. Чтобы отбить у Армении желание на «самостоятельность» в мирных переговорах с Турцией, Россия «запускает» в дело 11-ю Красную армию, уже имеющую опыт советизации в южно-кавказском регионе (на примере Баку в апреле 1920-го). 29 ноября 1920 г. Г. Орджоникидзе сообщил члену Реввоенсовета армии Валентину Трифонову, что в Александрополе действует поддерживаемый турецкой стороной (!) Революционный комитет

Советской Армении. При этом «турки настаивают на вводе наших войск в Армению для утверждения Советской власти, считая это гарантией для своего тыла» и переброски «своих войск на запад против Антанты» [36]. Так не с российского ли согласия действовали турки, идя на прямые переговоры с Арменией и тем самым подставляя ее под большевиков?

Все того же 29 ноября Ревком Армении заявил, что полностью верит в сочувствие «к нему со стороны трудового крестьянства Турции, призванного сыграть крупную роль в революционизировании Востока». Ревком также выразил убежденность, что «нам» будет протянута братская рука освобождающейся «от империалистического ига» трудовой Турции после свержения «общего нашего врага» и совместной борьбы «против хищников Антанты» [37].

Спустя сутки армянские большевики поставили в известность Ленина о продвижении «вперед в полной надежде, что освободительница угнетенных народов Востока – героическая Красная Армия Великой Социалистической России окажет нам реальную помощь в этой нашей трудной борьбе».

Признаем, что обращение за вооруженной помощью к России – значительно больше, чем ее «простое» посредничество. Поэтому Москва не просто доводит до армянского правительства решение ЦК РКП(б) о советизации Армении, а предлагает добровольно уступить кресла коммунистам, которых российские власти поддерживают посредством приращения армянской территории, легализуя это, естественно, партийными решениями с мест. Так, 30 ноября 1920 г. постановление объединенного заседания Политбюро и Оргбюро ЦК Азербайджанской компартии направляет приветствие в Эривань с указанием, что «между Советским Азербайджаном и Советской Арменией никаких границ не существует». Кроме того, в документе отмечено: «Зангезур отходит к Армении, Нагорной части Карабаха предоставляется право самоопределения» [38].

Вполне очевидно, что постановление было принято по указке центра для поощрения армянских коммунистов и усиления симпатий местного населения к пророссийской ориентации. 1 декабря 1920 г. бюро партии «Дашнакцутюн», парламентская фракция и армянское правительство приняли предложение ЦК РКП(б) о советизации страны. 2 декабря полномочный представитель РСФСР Б. Легран, небезызвестный «товарищ Дро⁸⁸» и Тертерьян от имени Правительства Армянской Республики заключили соглашение о провозглашении Армении «независимой Социалистической Советской Республикой» с переходом всей власти к новообразованному временному Военно-революционному

⁸⁸ О котором на съезде говорил М. Павлович-Вельтман. – прим. авт

комитету. Российское правительство признало вхождение в состав территории республики «бесспорно» Эриванской губернии, «со всеми своими уездами», Зангезурского уезда Елизаветпольской губернии, «границы которой определены соглашением от 10 августа» [39].

Присовокупив международный аспект к последним событиям, хронологически их очень четко описал Л. Троцкий:

Ноябрь 29. Английское правительство вручает советскому представителю в Лондоне тов. Красину проект английско-советского торгового договора.

Ноябрь 30. Восстание армянских трудящихся масс против дашнакского правительства. Образование Ревкома Армении.

Декабрь 2. Занятие революционными повстанцами Эривани и провозглашение Советской власти в Армении [40].

Довольно выразительно подытожил происшедшее и Сталин: «Дашнакская Армения пала, несомненно, жертвой провокации Антанты, натравившей ее на Турцию и потом позорно покинувшей ее на растерзание турок. Едва ли можно сомневаться в том, что у Армении не осталось никаких возможностей спасения, кроме одной: союза с Советской Россией» [41].

Дашнаки же трактовали события совершенно иначе. В 1925 г. в открытом письме Г. Чичерину А. Агаронян отмечал, что после 10 августа «рокового для Армении» 1920 г., когда «благодаря победе союзников, нация-мученица обрела, наконец, Хартию своей свободы – Севрский договор, признавший свободную, независимую и единую Армению», Россия появилась «на Кавказе рука об руку со своими союзниками – турками», как «враг освобождения армянского народа», что является предательством «по отношению к Армении». После «конгресса народов Востока» в Баку Анкара получила добро на движение в сторону Армении. Одновременно «для успешного проведения турецкого нашествия» Россия деморализовала «армянскую армию», снабдив «турок военными специалистами, боеприпасами, золотом и продовольствием». Русские «военные агенты усиленно содействовали падению Карса», а в целях «разгрома нашего продолжающегося сопротивления» «двойным нападением» Красная армия «вошла в Армению с севера, в то время как турецкая армия двинулась с юга» [42].

Возвращаясь же к 2 декабря 1920 года, заметим, что, спустя буквально несколько часов после заключения соглашения с советской Россией армянская сторона второй рукой подписала с Турцией Александропольский договор, согласно которому к туркам отошли Карская область и Сурмалинский уезд (около 2 тыс. кв. км), а Нахичевань, Шарур и Шахтагты объявлялись временно находящимися под протекторатом Турции, где впоследствии «посредством плебисцита

будет установлена особая администрация» (Эривань лишалась права вмешиваться в ее дела). Кроме того, Армения признавала аннулированным Севрский мирный договор.

Анализ всех предшествовавших шагов Турции однозначно свидетельствует о четком взаимодействии Анкары с Москвой. Следовательно, турки, достигшие при морально-материальной поддержке российских большевиков значительных территориальных успехов, вряд ли рискнули бы позволить себе несанкционированную игру в зоне интересов России. С этой точки зрения подписание Александропольского договора между Турцией и Арменией также могло быть частью сценария. Дело в том, что 4 декабря 1920 г. армянский ревком добрался до Эривани (Ереван), став обладателем реальной власти. Два дня спустя вступила в город и 11-я Красная армия. А практически первым решением Москвы в отношении советской Армении стало заявление о непризнании Александропольского договора, так как он был подписан дашнакским представителем. То есть большевики с первых часов пребывания в Эривани попытались предстать в глазах населения Армении истинными радетелями интересов армянского народа.

Мало того, в поддержку новой Армении центр инициировал «братский привет» армянским коммунистам от азербайджанских. Н. Нариманов объявил, что «отныне никакие территориальные вопросы не могут стать причиной взаимного кровопускания двух вековых соседних народов»; трудовому крестьянству Нагорного Карабаха «предоставляется полное право самоопределения»; «все военные действия в пределах Зангезура приостанавливаются, а войска Советского Азербайджана выводятся» [43].

Таким образом, фабула событий, обозначенная на I съезде народов Востока и конкретизированная в постсъездовских документах, была четко претворена в жизнь всеми без исключения политическими силами. Как говорил в интересном и поучительном российском фильме «Классик» герой нестареющего Владимира Этуша, «очень красивая партия. Очень».

1. Проект договора между РСФСР и кемалистской Турцией
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0795-0837.htm>
2. Анкара – главный штаб новой власти
<http://www.people-stories.ru/ankara-headquarters-of-the-newgovernment.html>
3. Письмо Г. Чичерина С. Орджоникидзе
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0795-0837.htm>
4. Письмо С. Кирова Г. Чичерину
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0795-0837.htm>

5. Все цитаты из выступлений участников съезда приводятся по: I съезд народов Востока. Баку, 1–8 сентября 1920 г. Стенографические отчеты. Петроград, 1920.
6. Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы
<http://www.marxists.org/russkij/lenin/1915/08/10a.htm>
7. Эренбург И. Необычайные похождения Хулио Хуренито
<http://www.svbkzs.info/1/13/50.php>
8. Из предисловия к американскому изданию: Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М.: Госполитиздат, 1957
<http://lib.rus.ec/b/92648/read>
9. Манифест к народам Востока. Журнал «Народы Востока», 1920 г., № 1, октябрь, с. 57–61. Цит. по: Соркин Г. З. Первый съезд народов Востока. М., 1961.
10. Тезисы по аграрному вопросу. Журнал «Народы Востока», 1920 г., № 1, октябрь, с. 39–41. Цит. по: Соркин Г. З. Первый съезд народов Востока. М., 1961.
11. ЦГАНИ РА, ф. 113, оп. 3, д. 7, л. 1–2 и об. 3. Цит. по: Заключение Президиума Совета действия и пропаганды народов Востока
<http://www.hayastan.ru/Vestnik/vestnik.phtml?var=Arkhiv/2002/1-2/statya19&number=-1-2+2002Ф>.
12. Из телеграмм Чичерина
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0795-0837.htm>
13. Текст выступления Алмазбека Атамбаева в парламенте Турции
<http://www.kabar.kg/rus/politics/full/25339>
14. См. подр.: Гасанлы Джамиль. Восточная политика Советской России и Азербайджан в 1920–1921 годах
<http://pda.regnum.ru/news/1461494.html>
15. Дроздов Ю., Ключев Б. Индийская полиция. Сохраненное наследие
<http://proletar.org.ua/artlist/6598/indiiskii-pokhodlenina-izpredystorii-sovremennykh-naksalitov>
16. Телеграмма о наступлении
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0795-0837.htm>
17. Пискунов С. Армяно-азербайджанские конфликты 1919–1920 гг.
<http://www.hronos.km.ru/sobyit/1919arm.html>
18. Инструкция коммунистов
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0795-0837.htm>
19. Письмо Лепрана
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0795-0837.htm>

20. Хронология событий в Турции за 1920-й год
<http://www.kultur.gov.tr/RU/BelgeGoster.aspx?1C04EA51480895DAA79D6F5E6C1B43FF04C841C36B5D3393>
21. Гурко-Кряжин В. Армянский вопрос. Статья из Большой Советской Энциклопедии. Изд. 1, т. 3, М., 1926, с. 437–440.
22. Протокол № 8 (46) заседания пленума ЦК РКП(б) от 29 сентября 1920 г.
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0795-0837.htm>
23. Агаронян А. Письмо председателю Совета ЛН П. Гимансу от 6 октября 1920 г.
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/resp/443-460.htm>
24. Заявление А. Скачко
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0905-0944.htm>
25. См.: Махмурян Г. Лига Наций и Республика Армения во второй половине 1919–1920 гг.
<http://karabah.h18.ru/history/adr/11.html>
26. Протокол постановления мирных делегаций РСФСР и Армении
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0838-0863.htm>
27. Протокол № 4 заседания Политбюро ЦК АКП(б) совместно с членами Кавбюро ЦК РКП(б)
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0864-0904.htm>
28. Радиграмма Г. Чичерина Мустафе Кемалю
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0864-0904.htm>
29. Телеграмма заместителя Полномочного представителя РСФСР в Армении О. Силина И. Сталину
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0905-0944.htm>
30. Телеграмма Сталина
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0945-0977.htm>
31. Приложение к статье
<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17572>
32. Ленин В. И. Речь на собрании секретарей коммунистических ячеек в г. Москве 26 ноября 1920 г. Цит. по: Поспеловский Д. Тоталитаризм и вероисповедание
<http://www.krotov.info/history/20/pospelovs/page23.htm>
33. Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция
http://www.rus-sky.org/history/library/sutton/sutton1.htm#_Тoc520273882
34. Цит. по: Сироткин В. Зарубежные Клондайки России
<http://www.pseudology.org/Sirotkin/6-2.htm>
35. Аветисян Г. К вопросу о «Кавказском Доме» и пантюркистских устремлениях.

<http://www.hayastan.ru/Vestnik/vestnik.phtml?var=Arkhiv/1999/1-2/statya30&number=?1-2+1999т>

36. Разговор Г. Орджоникидзе и В. Трифонова

<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0905-0944.htm>

37. Декларации ревкома Армении

<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0905-0944.htm>

38. ЦГАОР АзССР, ф. 28, оп. 1, д. 99, л. 115. Цит.по:

<http://www.karabakh-doc.azerall.info/ru/arxdoc/ad025.htm>

39. Соглашение между РСФСР и Арменией

<http://rudocs.exdat.com/docs/index-19585.html?page=13>

40. Хроника сорбытий. В кн.: Троицкий Л. Советская Республика и капиталистический мир. Часть II

<http://www.wonder.ru/alex/leon/trotl842.htm>

41. Сталин И. В. Положение на Кавказе. Беседа с сотрудником газеты «Правда»

<http://petrograd.biz/stalin/4-57.php>

42. Открытое письмо А. Агароняна Г. Чичерину

http://karabah88.ru/history/armenia_sovetskaya/08_pyat_predatelstv_sovetskoy_rossii.html

43. Нариманов Н. Выступление на торжественном заседании Баксовета

<http://www.karabakh-doc.azerall.info/ru/istoch/is011-4.php>

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТОЛКНОВЕНИЯ ЗА ТУРЦИЮ

«Когда в товарищах согласия нет»

Успешная поддержка ленинской Россией движения Мустафы Кемала вынудила страны Антанты несколько ослабить «турецкую хватку», чтобы не способствовать дальнейшему сползанию Турции в объятия РСФСР. Тем временем наступил очередной этап разрешения российско-западных противоречий на «дипломатическо-экономическом» поле, где прежде всего активизировалась Великобритания.

По словам К. Радека, «конец января 1921 г. принес радиотелеграмму о постановлении Союзного Совета снять блокаду с России», и Англия приступила к действиям по преодолению «политических препятствий к хозяйственным сношениям» между странами [1]. По ироничному предположению Наримана Нариманова, британский премьер Д. Ллойд Джордж, получив «фотографическую карточку» с I съезда народов Востока, «где представители народов Востока, держа в руках обнаженные кинжалы, револьверы, шашки и ножи», угрожают европейскому капиталу, «улыбнулся и написал тов. Чичерину: “Мы согласны вести переговоры с Советской Россией по поводу торговых сношений”» [2].

Однако именно данная линия на сближение Лондона и Москвы обострила внутриазападное противостояние, которое проявилось в антибританских шагах Франции и Италии. По словам М. Павловича-Вельтмана, Италия не только отказалась принимать участие в активных военных действиях против армий Кемала «и отозвала свои войска с малоазийского фронта», но стала «контрабандным образом снабжать турецкие повстанческие войска оружием и боевыми припасами». Франция была недовольна результатами предыдущих международных конференций, вынудивших Париж «отказаться в пользу Англии от Мосульских нефтяных источников» [3].

Как отмечал А. Шталь, Севрский договор, служа исключительно интересам Англии, совершенно не удовлетворял Францию, согласившуюся с ним только по причине подписания Лондоном невыгодного для него профранцузского Версальского договора. Отсюда – смена геополитического настроения Парижа в пользу М. Кемала, что проявилось в морально-материальной поддержке возглавляемого им движения, которая должна была «ограничить преимущество Англии» и обеспечить «симпатии обновленной Турции» с перспективами получения экономических выгод (при отрыве Анкары от возможного союза с Россией) [4]. Поэтому, отмечал Ллойд Джордж, Франция за спиной

Англии вела переговоры с Кемалем «о тайном договоре», а Италия продавала ему «оружие для борьбы с греками». А «закупки оплачивались деньгами, ссужаемыми Москвой» [5].

В связи с этим неудивительно, что на открывшейся в конце февраля 1921 г. в Лондоне международной конференции Турция оказалась представленной как «законным» султанским, так и кемалистским правительством. Перед М. Кемалем замаячили перспективы его официального признания ВСНГ ведущими европейскими державами, но многое зависело от его восприимчивости к сигналам Запада о необходимости сворачивания связей с Москвой, с которой кемалисты тогда вели переговоры.

Из присутствовавших на конференции крупных держав лишь Англия была заинтересована в сохранении Севрского договора. Однако грамотная увязка Лондоном комплекса восточных проблем с вопросом о репарациях (пост-итог I мировой войны), который не мог быть решен в пользу Парижа без поддержки англичан, не позволила Франции добиться пересмотра севрских договоренностей. Поэтому турецкие предложения по восстановлению страны в границах 1913 г. (без арабских стран) и гарантиям ее суверенитета остались нереализованными.

Но французы пошли «другим путем», заключив во время конференции (9 марта 1921 г.) соглашение с кемалистским правительством: Париж получал по нему концессии, предполагающие «монополию или привилегию», а турки – некоторые послабления в Севрском договоре [6]. Сама же конференция закончилась провалом, поскольку совместные англо-французские предложения по обеспечению мира между Грецией и Турцией не были приняты ни одной из сторон.

А для чего М. Кемалю нужно было соглашаться с антитурецкими положениями предлагаемых условий, если он уверенно контактировал с Россией?

16 марта 1921 г. Новая экономическая политика и англо-советское торговое соглашение

На X съезде РКП(б), открывшемся 8 марта 1921 г., то есть в последние дни Лондонской конференции, Сталин отметил, что Турция, столкнувшись с попыткой «империалистических групп разделить и прекратить ее государственное существование», подняла «знамя борьбы и сплотила вокруг себя народы Востока против империализма» [7].

А уже 16 марта 1921 г. был подписан российско-турецкий договор о дружбе и братстве. В его преддверии в печатном органе возглавляемого И. Сталиным Наркомата по делам национальностей – газете «Жизнь национальностей» – была размещена статья А. Скачко, написанная на

основе его брошюры «Восточный и национальный вопросы». В ней подчеркивалось, что «предъявленное Советроссией к Турецкому Ангорскому правительству требование об уступке Армении Ванского и Битлисского вилайетов, надлежит признать совершенно ошибочными и вредящими развитию мировой революции». Вслед за чем разъяснялось, что Россия и Армения «именно в этом случае» должны осуществлять принципы «величайших национальных жертв во имя интересов мировой революции», так как Турция «безусловно играет руководящую и решающую роль в борьбе восточных народов против западного империализма» [8]. Поэтому подписанный между Москвой и Анкарой договор, аннулировавший Севрский договор, подтвердил переход к Турции (в том числе) от Армении Карсской области и Сурмалинского уезда.

По российско-турецкому договору о дружбе и братстве Анкара освобождалась от всяких «денежных или иных обязательств, основанных на международных актах, ранее заключенных между Турцией и царским правительством». Цель и характер подписанного документа определялись в его преамбуле, где было записано, что он заключен сторонами на основе солидарности «в борьбе против империализма» и желания установить «постоянные сердечные взаимоотношения» [9].)

Но принятие этого антибританского по сути договора не помешало России в тот же день подписать в Лондоне англо-советское торговое соглашение. По свидетельству Г. Чичерина, «категорически настоял на подписании» договора непосредственно Ленин [10]. Правительства обеих стран обязывались воздерживаться от всяких враждебных действий и пропаганды друг против друга (!). Огромное значение для большевиков имела оценка соглашения, данная Ллойд Джорджем 23 марта 1921 г. в Палате общин, как фактического признания Великобританией Советской России. Согласно ряду источников, заключению соглашения способствовала его же идея о возможности внутреннего перерождения большевизма посредством торговли с Западом.

Экономическая политика России и в самом деле менялась. Так, X съезд РКП(б) – первый из съездов большевиков на российской территории, проведенный в условиях отсутствия на ней «вражеских войск, поддерживаемых» империалистами «всего мира» [11] – принял решение о новой экономической политике (НЭП) с ленинской конкретизацией о невозможности без «помощи капитала» сохранить ситуацию, позволяющую «удержать пролетарскую власть в стране». Подчеркивая, что трудно пробить брешь в «кольце экономической блокады», Ленин указывал на допустимость концессий, способствующих получению помощи от «крупного передового капитализма». При этом он

определял «природу концессий» как экономического союза («блок») с «финансовым капиталом» западных государств [12/а, б]. Позже он отмечал, что «концессии с заграничными капиталистами», аренда «частных капиталистов» подразумевают «прямое восстановление капитализма», что «связано с корнями» НЭПа [13].

В России тем временем уже довольно активно работало предприятие «Аркос» – британская компания с советскими акционерами [14]. Но хотя в политике России начала проявляться линия на взаимопонимание с Британией, далеко не все было столь однозначно. Так, в Тезисах об основах заключения соглашения с Англией Ленин писал, что ответственные сотрудники аппарата НКВД должны напоминать послам «в каждой» ноте, «тайно и открыто» об их обязанности «следить за тем, чтобы ничего не делалось против Англии», но при этом «вскользь» упомянул о важности создания Хорасанской советской республики. В то же время были командированы «специальные послы» в Баку и Ташкент для объяснения важности усиления нападений на «британский империализм», но «не от нашего имени», а от имени Азербайджана и от Бухары, и сообщать «восточным народам» «только устно», без «единой бумажки», что «мы надует Англию» [15].

Так, экономические интересы оказались локомотивом значительных геополитических изменений. Однако сопровождавшие их подводные течения не обещали тишь та гладь в англо-российских отношениях.

«Армянский вопрос» через призму российско-британского сближения

Грузинские историки подчеркивают, что англо-российское торговое соглашение решило «судьбу Грузии», так как после его заключения «использование Англии против России» было «исключено». Шедшие навстречу России западные страны не могли быть «союзниками Грузии в деле ее освобождения» и «независимость Грузии стала жертвой большой политики [16].

Статус «свободного и независимого» армянского государства, предусмотренный Севрским договором 1920 г., уже во время обсуждений на Лондонской конференции 1921 г. превратился в обтекаемую формулировку о создании армянского «национального очага» в пределах восточных областей Турции. Нереализованным осталось даже предложение об «административной автономии» для Киликии, находившейся в сфере влияния Франции [17].

По словам Д. Ллойд Джорджа, «независимое армянское государство превратилось в безнадежный проект». Ответственность за это британский премьер попытался переложить на Соединенные Штаты, отбросившие «всякую мысль» о принятии мандата на Армению,

предусмотренном севрскими решениями [5]. Действительно, Вашингтон отошел от дел в тот период, будучи недоволен итогами англо-французского соглашения в Сан-Ремо (1920 г.), отстранившего США от дележа ближневосточной нефти.

Тем временем американцы налаживали экономические отношения с Россией. Так, в начале марта 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б), Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) и Совет обороны России приняли решение о передаче практически неработавшего Московского автомобильного завода (АМО) в аренду американцам, приехавшим по линии Общества технической помощи России. Вслед за этим Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) направил Конгрессу США и президенту Уоррену Гардингу обращение с предложением установить нормальные деловые и торговые отношения между двумя странами [18].

В контексте происходящего, Г. Махмурян, говоря о надеждах находившихся у власти в Армении до декабря 1920 г. дашнаков на внешнее вмешательство для реализации «армянского вопроса», называет это ошибкой, равнозначной преступлению. По ее мнению, главной причиной такой политики, создававшей угрозу «всему, включая жизнь нации», являлась односторонняя ориентация лидеров «Дашнакцутюн» на Запад. Г. Махмурян определяет последний фактор единственным, продлевающим «их власть в имевшихся условиях» [19]. Директор Кавказского института СМИ Александр Искандарян, считающий причиной происшедшего «поведение самих армян», также утверждает, что к такому развитию ситуации подвела «однозначная, одновекторная ориентация тогдашнего армянского правительства». Был расчет на одну силу и она не смогла или не захотела нам помочь, пишет он, и в результате другая сила нас съела [20].

Международные последствия политики концессий и турецкий вектор Парижа

Ну а Ленин продолжал свою «концессионную» игру на «надувательство»⁸⁹ геополитических оппонентов. Завершив эту партию на внутреннем поле, он спокойно перевел ее в международно-коммунистический масштаб.

На состоявшемся в июне-июле 1921 г. III конгрессе Коминтерна Ленин охарактеризовал международное положение РСФСР как равновесное и создающее, даже при всей своей неустойчивости, «своеобразную конъюнктуру всемирной политики», проявившейся в обострении

⁸⁹ Терминология его же – прим. авт.

противоречий между различными империалистскими странами. Именно они обеспечивали равновесие в отношениях между Советской Россией и «международной буржуазией», являвшейся «гораздо сильнее нашей республики». В связи с чем Ленин призвал «использовать эту передышку», что важно «политически». Затем глава России сразу же перешел к теме концессий. По его словам, передача государством в аренду рудников, нефтепромыслов и т. д. иностранным капиталистам, позволяющая «получить от них добавочное оборудование», приведет к ускорению восстановления крупной промышленности. Ленин признал, что фактор «выплаты концессионерам в виде доли высокоценных продуктов» является «несомненно, данью рабочего государства мировой буржуазии». Но эта линия выгодна Советам, так как мы «выигрываем время, а выиграть время – значит выиграть все, особенно в эпоху равновесия», резюмировал Ленин, заявив, что «отступление должно служить подготовке наступления» [21].

По словам известного деятеля германского и международного коммунистического движения Клары Цеткин, линия на концессии в период спада первой волны «мировой революции» позволяла «с полной энергией использовать ближайшую надвигающуюся революционную волну» [22]. То есть К. Цеткин подтвердила тезис Ленина о «надувательстве» с точки зрения наступившей «паузы мира».

Но, кроме того, большевикам нужно было продемонстрировать мировому сообществу реальные подвижки в вопросе о концессиях. Т. е. жертвовать в определенных направлениях не только территориально-политическим, но и людским фактором. Так, «концессионная передышка» привела к выводу с июня 1921 г. советских войск из персидского Гиляна. Как отмечает в этой связи исследователь Михаил Крутихин, за признание де-факто Советской России и налаживание торговли с «империалистическим оплотом» большевики «продали шаху Советскую республику Гиляна, а англичанам – все остальные народы Азии» [23].

Таким образом, в результате передела сфер влияния Россия смогла включить в подконтрольную ей зону весь Южный Кавказ. Но в то же время Москва вынуждена была свернуть активность в Персии, попутно ослабив хватку в Турции.

Неслучайно в начале июля 1921 г. контролируемые англичанами греки перешли в наступление на турецкие позиции, овладев Эскишехиром.

Пристально следивший за всеми событиями М. Кемаль вполне мог предвидеть, что российско-британское торговое соглашение от 1921 г. отрицательно скажется на политико-военных отношениях Анкары с Москвой, как минимум в период объявленной Лениным «концессионной

паузы». Поэтому Кемаль также начал менять внешнеполитические приоритеты.

В частности, он пошел на сближение с Парижем, благо геосоперничество Парижа и Лондона достигло апогея. Хотя ВНСТ не ратифицировало заключенные на Лондонской конференции соглашения с Францией и Италией (заявив об ущемлении ими суверенитета страны), еще в мае 1921 г. Анкара предложила французам экономические пути для вхождения в Турцию (капиталовложения, торговлю и т. д.). Но такое предложение требовало политических договоренностей, к которым шли обе стороны. Франция, в свою очередь, гарантировала поддержку М. Кемалю в деле восстановления бывших закавказских правительств, но последний, будучи блестящим политиком, опрометчивых поступков не предпринимал. В любом случае, 21 июня 1921 г. Анкара и Париж заключили временное соглашение о прекращении военных действий в районе Киликии [6].

Энвер вместо М. Кемаля?

Одним из факторов охлаждения российско-турецких отношений в тот период явилась проработка большевиками вопроса о подготовке возможного «сменщика» М. Кемалю в лице Энвера. К тому времени последний настолько стал своим для большевиков, что ему дали возможность выступить на I съезде народов Востока в Баку с собственной декларацией. Тогда Энвер, в частности, сказал, что турки вынуждены были «воевать на стороне германского империализма», желая «сохранить свою независимость». Но он лично ненавидит английских империалистов точно так, как и германских, а вот Советская Россия «содействовала» открытию нового пути «для спасения мира» [24].

Уже 22 апреля 1921 г., то есть спустя чуть больше месяца (!) после подписания российско-турецкого договора о «дружбе и братстве», Г. Чичерин призвал создать организацию «турецких националистов – не кемалистов», обосновав это полезностью «быть в контакте с параллельным [Кемалю] турецким центром». Энвера он назвал тончайшим политиком («лучше кемалистов»), который ориентируется «в нынешней действительности» и понимает «нашу роль». В связи с чем, пользуясь его содействием и «политическими услугами», необходимо «сохранить с ним дружбу» и привязывать «к нам» [25]. Поэтому Политбюро ЦК РКП(б) положительно рассмотрело вопрос о субсидиях «группе Энвера», а также одобрило издание им в России двух газет на турецком языке.

Кемалю уже приходилось сталкиваться с двойной игрой большевиков, когда Москва, одной рукой налаживая контакты с ним, другой готовила

в Баку ядро коммунистической партии во главе с Мустафой Субхи (как ведущей партии в «Советской Турции»). Тогда, в январе 1921 г. «М. Субхи и Ко» направились в страну в целях подготовки необходимых условий для революции, однако кемалисты не пропустили их дальше Карса и Эрзурума. Они возвратились через Трабзон в Баку, но, отплыв на лодке, 28 января были убиты (каких-либо доказательств о причастности к убийству турецкой стороны обнаружить не удалось).

На этот раз М. Кемаль грамотно доводил до Москвы информацию о понимании складывающейся ситуации. Так, сотрудник посольства РСФСР в Анкаре Б. Пискунов сообщал в центр о неоднократных жалобах Кемалю «на оказываемую Москвой поддержку и помощь Энвер-паше и на какие-то военные приготовления, направленные против Турции, закавказских республик» [26]. Как отмечает турецкий исследователь Мустафа Озтюрк, кемалисты всерьез опасались, что в случае неудачи их военной операции против греческой армии Энвер постарается вернуть себе утраченные позиции и Анатолия снова окажется в ситуации двоевластия, на этот раз уже не с кабинетом Стамбульского правительства, а с Энвером и его сторонниками. Для М. Кемалю это был критический момент: греческая армия к осени 1921 г. находилась менее чем в 230 км от Анкары и ходили упорные слухи, что Энверпаша на кавказско-турецкой границе ожидает приказа о вступлении в страну [27]. Слухи были небеспопченны. По сообщению некоторых источников, 5–8 сентября Энвер организовал в Батуме собрание так называемой «Народной советской партии», представив ее «авангардом социалистической революции, итогом которой станет образование Советской Турции» [28].

Однако успех М. Кемалю под Сакарией, где он 13 сентября 1921 г. разгромил греческие войска, резко изменил ход греко-турецкой войны, а вместе с ним и геополитическое положение Турции.

Дашнаки не сдаются

Лето 1921 г. оказалось значимым и для «армянского вопроса». Согласно мартовскому российско-турецкому договору, Нахичеванский уезд передавался Азербайджану, а бывший Зангезурский – Армении. В начале апреля Г. Чичерин отметил, что преследуемые коммунистами «остатки котрреволюционных дашнаков» бежали в Зангезур [29]. 3 июня рассматривавший «Зангезурский вопрос» Пленум Кавказского бюро ЦК РКП(б) постановил «Зангезур ликвидировать в конце июня», в связи с чем «немедленно приступить к подготовке военных действий» [30].

Вслед за этим Пленум Кавказского бюро ЦК РКП(б) (5 июля 1921 г.) принял решение о Нагорном Карабахе. Специальное постановление по

этому поводу гласило: «Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи верхнего и нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном, Нагорный Карабах оставить в пределах Азербайджанской ССР, предоставив ему широкую областную автономию с административным центром в гор. Шуша, входящем в состав автономной области» [31].

Что касается связки «дашнаки – Зангезур», она получила интересное развитие на июльских переговорах в Риге между делегациями ЦК РКП(б) (известный советский дипломат Адольф Иоффе, Тер-Габриэлян, Тер-Ваганян) и «Дашнакцутюн» (В. Папазян и др.). Армянская сторона выдвинула предложение о создании «независимой и самостоятельной Армении» на основе территориального объединения «так называемой Русской Армении с так называемой Турецкой Арменией». 14 июля 1921 г. представители Москвы парафировали российско-армянские договоренности, обязавшись воздействовать «на правительство РСФСР в принятии им на себя почина и содействия осуществлению» этого пункта. В письме Г. Чичерину А. Иоффе высказал мнение, что «выработанное нами соглашение и формально, и по существу вполне целесообразно и должно быть Вами принято». Предвидя возражение о возможном ухудшении отношений «с кемалистами, так как покушаемся на их территории», А. Иоффе уточнил, что покушаясь на нее «не для себя, а для независимой Армении», «мы проучим Кемалья, доказав» ему невозможность «вести свою политику за нашей спиной» и отсутствие намерения оказывать помощь Анкаре «при враждебном отношении к нам».

Однако Чичерин назвал парафированное соглашение совершенно неприемлемым, поскольку в случае ратификации оно приведет к «серьезным осложнениям» для восточной политики, имея «для нас роковые последствия» [32]. 24 июля 1921 г. в телефонограмме в Политбюро Ленин, высказав согласие с доводами Чичерина, предложил «решительно и немедленно отклонить» рижские договоренности [33]. Что и было сделано (протокол № 53А заседания Политбюро от 26 июля 1921 г.).

Так, угроза территориальной безопасности Турции была снята с повестки дня, и в меморандуме от 4 августа 1921 г. министр иностранных дел правительства ВНСТ Юсуф Кемаль, заявив о возможности освобождения восточных народов «от ига империализма» только в случае российско-турецкого блока «против западных правительств», направил обращение ВНСТ к большевикам «с предложением своего сотрудничества во всех вопросах, где цели и интересы обоих Правительств достаточно близки, чтобы их можно было бы рассматривать как тождественные» [34].

В конце августа ВНСТ положительно отреагировало на просьбу Москвы о принятии Анкарой делегации Украины во главе с членом ЦК РКП(б) и Реввоенсовета Кавказского фронта, главнокомандующим вооруженными силами Украины Михаилом Фрунзе. Сентябрьский же перелом на греко-турецком фронте способствовал еще большему взаимопониманию между Россией и Турцией.

Игры вокруг фигуры Врангеля

С начала 1921 г. в Стамбуле находились эвакуированные из России 140 тыс. военных и гражданских лиц, включая участников «Белого движения». Решение Анкары принять в конце 1920 г. большинство представителей возглавляемых П. Врангелем «Вооруженных сил Юга России» (ВСЮР) (после их поражения от большевиков), скорее всего, было согласовано с Москвой. К тому времени Стамбул по-прежнему был вне власти Кемалья, фактически «принадлежал» англичанам. Т. е. тема Врангеля, обиженного на Запад за неоказание должной поддержки в борьбе с большевиками, могла всплыть самым неожиданным образом.

В последние дни апреля 1921 г. коллегия НКВД высказалась за принятие предложения некоего «тов. Е. относительно Константинополя» об использовании антиантантовских настроений врангелевцев для возможного захвата ими Стамбула. В связи с этим указывалось на необходимость организовать «политический аппарат», чтобы забросить его в Турцию для контроля складывающейся обстановки, вслед за чем предлагалось передать Стамбул «его законным владельцам туркам», но «не ангорским кемалистам», а «константинопольским», «гораздо более левым», т. е. «рабочему элементу, который мы организуем и вооружим. Формально же Константинополь будет нами передан турецкому государству» [25].

Между тем, согласно ряду источников, еще весной-летом 1920 г. лица из окружения П. Врангеля вели переговоры с М. Кемалем для заключения союза против англичан. Ничего сверхъестественного в этом не было, поскольку контролировали врангелевское движение французы, искавшие пути для ослабления британцев.

М. Кемаль великолепно лавировал между сильными мира сего. Он наверняка был прекрасно осведомлен о внутренней ситуации в странах, как его союзницах, так и противницах. Об этом свидетельствует его активное участие в играх вокруг Врангеля. Русский публицист, депутат II–IV Госдумы Василий Шульгин так описывал ситуацию: «Каковы эти замыслы – кто их знает? Хотят ли действительно, чтобы генерал Врангель занял Константинополь? Во всяком случае вчера торжественно и официально опровергалось известие, пущенное турецкими газетами:

“Генерал Врангель, во главе 10 000 отряда и имея в тылу 30 000 отборного войска, занял Фракию. Греческие войска бегут в панике”. При этом был помещен портрет генерала. Это характерно для того, в каком направлении работает мысль. Эти газеты как будто толкают: “Выйдя из лагерей, займи Фракию, греки побегут... И путь на Константинополь свободен. – Харош, урус, харош. Твой щит на вратах Цареграда”» [35].

Прекрасно разбираясь, кто есть кто в российской политике, М. Кемаль сознательно равнял в глазах турецкого населения «всех» русских в качестве друзей новой Турции (возможно, желая в нужный момент воспользоваться той или иной стороной). Тот же В. Шульгин, говоря о переживаемом русскими и турками медовом месяце, отмечал некое «расовое влечение» между ними: «Случаев удивительно доброго, сердечного отношения – не перечесать, русским уступают очереди, <...> меньше берут в магазинах» [35]. Известный русский советский писатель Николай Раевский, находившийся в рядах врангелевской армии, в том числе и в Стамбуле, также сообщает о подобном: «Мальчишки помчались ко мне со всех сторон с громкими криками “Кемаль-паша хорош”. (Это в Малой Азии, кажется, служит сейчас чем-то вроде приветствия русским). Мальчик постарше твердил: “Врангель-паша хорош, Кемаль-паша хорош”» [36]. И невдомек было основной массе турок, что есть ленинцы-большевики, а есть представители «Белого движения». Потому что М. Кемаль оказался «своим» для тех и для других (а они – для него).

В любом случае, сентябрьский успех Кемалья под Сакарией изменил ситуацию вокруг него. В начале октября, командирова в Турцию М. Фрунзе, Г. Чичерин подчеркнул, что хотя он едет в Анкару «официально от Украины», политическая подоплека его нахождения в стране будет оцениваться «как проявление дружественных отношений вообще советских республик и, прежде всего, России» [37]. В это же время на заседании Политбюро ЦК РКП(б) рассматривалось ходатайство правительства Турции о займе в размере 30 млн рублей золотом [38], а по прибытии в Трабзон М. Фрунзе предоставил турецким властям 100 тыс. руб. золотом (по официальной версии, в целях «организации приюта для детей») [39].

15 октября 1921 г. яхта «Лукулл», на которой после прибытия в Стамбул жил П. Врангель, оказалась протараненной шедшим из Батума итальянским пассажирским пароходом «Адриа». Незадолго до инцидента генерал с семьей сошли на берег, яхта же затонула, унеся с собой находившихся на ней людей, архивы и ценное имущество, принадлежавшее семье Врангеля, а также, по некоторым данным, деньги, принадлежавшие русской армии (вывезенные из Крыма) [40]. Так Врангель столкнулся с сигналом об окончании эпопеи негласного взаимопонимания с ним большевиков и вскоре передислоцировал свои

войска на территорию Болгарии и Сербии. Мустафа Кемаль вновь был с большевиками.

Французы рядом

Дружба и взаимопонимание между Москвой и М. Кемалем тем временем продолжались: 13 октября 1921 г. в Карсе был заключен договор между Турцией и советскими республиками Южного Кавказа. Важнейшей для Анкары являлась статья, согласно которой стороны не признавали никакой договор или международный акт, навязываемый посредством силы. Это означало отказ Советской Армении от признания Севрского договора [41].

В свою очередь, 16 октября 1921 г. советский посол в Турции Сергей Напаренус выразил сильное беспокойство наличием у М. Кемалю подробных сведений об Энвере, вплоть до поддельной фамилии Багиров, его пребывании в Батуме с намерением «пробраться в Анатолию». Он указывал, что это может «подлить масла в огонь», угрожая русско-турецким отношениям и ставя «все наше дело на Востоке» в большую опасность. Поэтому необходимо «пытаться поправить то, что можно, быстрыми и решительными мерами» [42]. Спустя сутки Сталин в письме Г. Чичерину признал, что «мы взяли на себя грех, позволив Энверу интриговать против Кемалю и на минутку предав последнего». Ввиду этого он счел целесообразным «загладить вину и поправить положение, показав вместе с тем всему так называемому Востоку, что Турция обязана своими победами России (несомненно, Восток так именно и поймет наше выступление против зверств, и не только Восток). Предлагаю не упускать случая (благоприятного во всех смыслах)» [43].

В итоге Москва вывела Энвера из игры, командировав его «решать вопросы» в Центральной Азии (там он, убедившись в окончательной ставке большевиков на Кемалю, взял на себя миссию объединителя разрозненных национальных отрядов в борьбе с советской властью).

Ну а геополитический передел турецких территорий закончился подписанием Анкарой 20 октября 1921 г. договора с Парижем, по которому Турция «оставила» Сирию Франции в обмен на вывод ее военных сил из Киликии. При этом Франция, де-юре признавшая правительство Анкары и разместившая в Турции 50% своих иностранных вложений, передала туркам военные запасы французских оккупационных войск на сумму в 200 млн франков.

Москва наверняка не была категорически против против франко-турецкого соглашения из-за его антибританской направленности. По словам К. Радека, на Ближнем Востоке Франция «всеми силами подрывает влияние английского империализма». Поддерживая

«возрождение Турции», Париж пытается не допустить осуществления английской мечты – создания «территориальной связи между Египтом и Индией». По этой причине Лондон вынужден «стремиться к усилению России, как континентальной силы, враждебной Франции» [44].

Другое дело, что в преддверии заключения франко-турецкого договора Г. Чичерин направил в Политбюро ЦК РКП(б) записку по поводу просьбы С. Нацаренуса указать линию поведения в связи с наличием информации о включении в него статей, направленных против России. По словам Нацаренуса, хотя в беседе с ним Кемаль категорически отклонил наличие таких пунктов, полпред дал понять турецкой стороне, что присутствие в договоре антироссийских ноток заставит большевиков принять меры к непризнанию документа Англией и укрепить военные силы на советско-турецкой границе. В этой связи Ленин положительно оценил предложение Г. Чичерина о принятии Политбюро постановления, подтверждающего правильность действий Нацаренуса и признающего их достаточными, чиркнув на записке наркома резолюцию: «Согласиться с Чичериным» [45].

В то же время предложение Парижа М. Кемалю аннулировать Московский договор вынудило Москву удостовериться в реальных планах Анкары, в связи с чем в конце октября Г. Чичерин озвучил планы приостановить запланированную передачу М. Кемалю оружия и 1 млн 100 тыс. рублей золотом. Начался очередной период раскачивания турецких качелей. К Кемалю устремились англичане, обещая ему «уступить» Стамбул при сохранении контроля над Проливами. М. Кемаль умело маневрировал между сторонами, в результате чего в конце декабря Г. Чичерин в письме М. Фрунзе назвал «линию дружбы» с Турцией «неразрывной составной частью» советской политики.

Чуть позже полпред РСФСР в Анкаре Б. Михайлов в телеграмме наркому иностранных дел сообщал, что главнейшим политическим выводом, к которому совместно пришли он, Фрунзе и постпред Азербайджана в Анкаре Ибрагим Абилов, является важность ставки «всерьез и надолго» на Кемалю. «Батумская история»⁹⁰, указывалось в документе, сыграла «печальную роль в отношениях с Турцией», способствовал «в значительной мере» подготовке Кемалем договора с Францией. В связи с чем на сегодня «необходима открытая, твердая поддержка» власти Кемалю [46].

В первые дни января 1922 г. в письме Ленину М. Кемаль, гроссмейстерски определив последние франко-турецкие договоренности «необходимостью, продиктованной обстоятельствами» (проведа аналогию с российско-британским торговым договором), подчеркнул,

⁹⁰ Фактор Энвера – прим. авт.

что Анкара «значительно ближе к советскому, чем к капиталистическому режиму», в особенности ближе «к России последних месяцев, чем к Западной Европе». Основой для дальнейшего сближения он определил борьбу «против западноевропейского империализма, базиса и опоры капиталистического режима». Вслед за чем «самым категорическим и самым торжественным образом» заверил Ленина, что ВНСТ «ни в коем случае» не отступит от политики, постоянно проводимой в отношении большевистского правительства. При этом М. Кемаль отметил, что Анкара никогда не заключит соглашения и не вступит «ни в какие союзы, направленные либо непосредственно, либо косвенно против Советской России» [47]. На следующий день, напутствуя направляющегося полпредом РСФСР в Турцию Семена Аралова, Ленин подчеркнул, что «турки дерутся за свое национальное освобождение. Поэтому ЦК посылает вас туда, как знающего военное дело» [48].

Российско-турецкое взаимопонимание было восстановлено, продолжились поставки оружия и боеприпасов в Турцию.

1. Радек К. Третий год борьбы Советской республики против мирового капитала
<http://www.magister.msk.ru/library/revolt/radek004.htm>
2. Цит. по: Гасанлы Дж. Шейх Мухаммед Хиябани и провозглашение государства Азадистан
<http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2011/11/m270631.htm>
3. Павлович М. Кемалистское движение в Турции
<http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/20.html>
4. Шталь А. В. Малые войны 1920–1930-х годов
<http://militera.lib.ru/h/shtal/01.html>
5. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. В 2-х т.
<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4805114>
6. Саакян Р. Г. Франко-турецкие отношения и Киликия в 1918–1923 гг.
<http://www.genocide.ru/lib/sahakyan/2.htm>
7. Сталин И. В. Доклад на X съезде РКП(б)
http://grachev62.narod.ru/stalin/t5/t5_04_1.htm
8. Скачков А. Восточный и национальный вопросы
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/1053-1081.htm#1076>
9. Договор между Россией и Турцией от 16 марта 1921 г.
<http://www.genocide.ru/lib/treaties/19.htm>

10. Чичерин Г. Ленин и внешняя политика
http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=3518: lenin-ivneshnyaya-politika&catid=25:memory&Itemid=2
11. Ленин В. И. Речь при открытии съезда 8 марта
<http://vi-lenin.ru/?p=1152>
12. а/ Ленин В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом
<http://vi-lenin.ru/?p=1156>
б/ Ленин В. И. Заключительное слово по докладу
<http://vi-lenin.ru/?p=1157>
13. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов
<http://chkrpf.narod.ru/Texts/VIL44-155.htm>
14. All Russian Co-operative Society
http://en.wikipedia.org/wiki/All_Russian_Co-operative_Society
15. Тезисы Ленина
<http://genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/1132-1162.htm#1136>
16. Вачнадзе М., Гурули В. История Грузии (с древнейших времен до наших дней)
<http://www.nukri.org/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=283>
17. Лондонская конференция 1921 г.
<http://www.genocide.ru/enc/london-conference.htm>
18. Иванян Э. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века
<http://www.usembassy.ru/links/historyr.php>
19. Махмурян Г. Лига Наций и Республика Армения во второй половине 1919–1920 гг.
<http://karabah.h18.ru/history/adr/11.html>
20. Искандарян А. Интервью Интернет-сайту армянского еженедельника «Еркир»
<http://www.yerkir.am/rus/index.php?sub=interview&id=37>
21. Ленин В. И. Доклад о тактике РКП(б)
http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php/Ленин_В.И._Полное_собрание_сочинений_Том_44_III_КОНГРЕСС_КОММУНИСТИЧЕСКОГО_ИНТЕРНАЦИОНАЛА#.D0.A0.D0.95.D0.A7.D0.AC_.D0.92_.D0.97.D0.90.D0.A9.D0.98.D0.A2.D0.A3_.D0.A2.D0.90.D0.9A.D0.A2.D0.98.D0.9A.D0.98_.D0.9A.D0.9E.D0.9C.D0.9C.D0.A3.D0.9D.D0.98.D0.A1.D0.A2.D0.98.D0.A7.D0.95.D0.A1.D0.9A.D0.9E.D0.93.D0.9E_.D0.98.D0.9D.D0.A2.D0.95.D0.A0.D0.9D.D0.90.D0.A6.D0.98.D0.9E.D0.9D.D0.90.D0.9B.D0.90

22. Цеткин К. Воспоминания о Ленине
http://hrono.rspu.ryazan.ru/libris/lib_c/cetkin_lenin.html
23. Крутихин М. Иранские очерки
<http://www.rusenergy.com/politics/a20102001.htm>
24. I съезд народов Востока. Баку, 1–8 сентября 1920 г. Стенографические отчеты. Петроград, 1920, с. 109–110.
25. Цит. по: Казанджян Р. Большевики и младотурки. История любви и новые документы
http://ardvin.do.am/news/bolsheviki_i_mladoturki_istorija_ljubvi_i_novye_dokumenty/2011-07-12-52
26. Из доклада сотрудника посольства РСФСР в Ангоре Б. Пискунова
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/1200-1228.htm>
27. Озтюрк М. Взаимные сомнения и недоверие между большевиками и кемалистами в период становления советско-турецких отношений в 1920–1922 годы
[http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0084\(03_\\$05-2010\)&xsl=showArticle.xslt&id=a25&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0084(03_$05-2010)&xsl=showArticle.xslt&id=a25&doc=../content.jsp)
28. Калишевский М. «Наполеон» – «Наполеончик» – «Летучий голландец»
<http://www.fergananews.com/article.php?id=7190>
29. Нота Г. Чичерина Послу Правительства ВНСТ
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/1163-1199.htm>
30. Постановление Пленума
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/1163-1199.htm>
31. РГАСПИ, ф. 64, оп. 2, д. 1, л. 118, 121.122. Цит. по: Джамал С. Карабахская хроника. Реконструкция этнической истории Карабаха по архивным материалам (1805–1905 гг.)
http://sheki.kimostra.ru/p_garabag_xron_3.htm
32. Предложения «Дашнакцутюн»
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/1200-1228.htm#1207>
33. Ленин В. И. Телефонграмма в Политбюро
http://politazbuka.ru/downloads/Knigi/Lenin__SoW_5th_edition_RU_vol_53.pdf
34. Меморандум Ю. Кемалю
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/1200-1228>.
35. Шульгин В. 1920 год. Очерки
http://www.xx13.ru/belie/shulgin_vv/20.html
36. Раевский Н. Дневник галлиполийца
<http://prstr.narod.ru/texts/num0202/2rae0202.htm>

37. Инструкции Г. Чичерина
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/1229-1261.htm>
38. Биохроника Ленина. Октябрь 1921 (первая декада)
http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=3961:oktyabr-1921-pervaya-dekada&catid=111:tom-xi-iyulnoyabr1921&Itemid=61
39. Из редакционной статьи на сайте Посольства РФ в Турции
<http://www.turkey.mid.ru/20-30gg.html>
40. Петросова А. Покушение на генерала Врангеля
http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/pokushenie_na_generala_vrangelya_a_2008-05-12.htm
41. Карсский договор 1921 г. Статья из энциклопедии сайта «genocide.ru»
<http://www.genocide.ru/enc/kars-agreement.htm>
42. Из доклада Нацаренуса
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/1229-1261.htm>
43. Письмо И. Сталина Г. Чичерину от 17 октября 1921 г.
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/1229-1261.htm>
44. Радек К. Генуэзская и Гаагская конференции
http://hrono.info/libris/lib_r/radek_genuya.html
45. Ленин В. И. Записка членам Политбюро
http://politazbuka.ru/downloads/Knigi/Lenin__SoW_5th_edition_RU_vol_53.pdf
46. О необходимости всемерно поддерживать М. Кемаля
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/1262-1296.htm>
47. Письмо М. Кемаля Ленину
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/1262-1296.htm>
48. Из редакционной статьи на сайте Посольства РФ в Турции
<http://www.turkey.mid.ru/20-30gg.html>

НЕФТЯНОЙ ОТТЕНОК ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Россия раскрывает объятия Западу

Еще летом 1921 г. Москва обратилась к ведущим западным странам с просьбой оказать содействие в борьбе с голодом в Поволжье. Октябрьская встреча стран-лидеров Европы в Брюсселе поставила выделение кредитов для России в зависимость от признания Москвой долгов царского и Временного правительств.

Характеризуя сложившуюся ситуацию, Лев Троцкий отмечает, что обострившееся противостояние между ведущими капиталистическими странами (не сумевшими свергнуть большевистский режим), наложившись на их экономическое положение, вынудило эти государства «вступить в сношения с Советской Россией, во имя ее сырья, рынка и платежей». При этом они попытались возложить на большевиков «тяжелую дань», заставив «заплатить как можно больше возмещений»; шире раздвинув «на советской территории рамки частной собственности», создать иностранным и русским финансистам большие преимущества над пролетариями. Ранее служившие «прикрытием этих требований» понятия «демократия», «право», «свобода»⁹¹ оказались выброшенными «буржуазной дипломатией» аналогично тому, как «купец отбрасывает бумажную оболочку с куска ткани, когда приходится показывать товар, торговаться и мерить на аршин» [1].

28 октября 1921 г. Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) направил ноты в Лондон, Париж, Рим, Токио и Вашингтон («Декларация о признании долгов»), подтверждающие готовность Москвы «признать за собой обязательства перед другими государствами и их гражданами» по госзаймам, заключенным царским правительством до 1914 г.». Условиями этого большевики ставили как предоставление льгот, обеспечивающих «практическую возможность выполнения» обязательств, так и прекращение любых действий, угрожающих безопасности советских республик. В целях заключения окончательного всеобщего мира с западными странами и признания России Москва предложила провести встречу на высшем уровне для выработки окончательного мирного договора [2].

На фоне этого представители американской «Фаундейшн компани» в беседе с наркомом внешней торговли РСФСР Леонидом Красиным в Лондоне выразили интерес к постройке нефтепровода Грозный – Черное море с возможностью осуществления строительства «в кредит с оплатой

⁹¹ Кавычки Л. Троцкого – прим. авт.

долевым отчислением перекачиваемой нефти». По его словам, «Фаундейшн Ко» – одна «из крупнейших американских строительных компаний, обслуживающая специально крупнейшие» нефтяные фирмы «Стандарт ойл», «Ройял Датч-Шелл», в связи с чем он (Красин) придавал «величайшее значение этому делу, как первой серьезной деловой связи с крайне авторитетными американскими кругами» [3]. Ленин согласился выделить средства на этот проект, так как посчитал «гигантски важным привлечь американский капитал» на постройку (в том числе) нефтепровода: «Просим двинуть это дело с максимальной быстротой и энергией» [4]. Но переговоры о строительстве нефтепровода завершились безрезультатно.

В ноябре 1921 г., на вопрос о гарантиях Советского правительства под возможный заем Л. Красин озвучил готовность «предоставить концессии на разработку нефти, рудников, лесов» и т. д. [5]. 7 января 1922 г., по результатам переговоров с Дальневосточной Республикой (ДВР), американская нефтяная компания «Синклер ойл» Гарри Синклера получила в концессию на территории Северного Сахалина участки земли размером до 1000 кв. верст для добычи нефти (при условии неприкосновенности территории и признания суверенитета ДВР и РСФСР).

По данным известного американского исследователя Уильяма Ф. Энгдала, Гарри Синклер, «игравший роль независимого нефтяного добытчика из Оклахомы», являлся «удобным посредником» для «Стандарт Ойл», когда заходила речь о выходе компании на мировые рынки, но ее прямое участие «могло вызвать подозрения, в первую очередь» со стороны «Ройл Датч Шелл» Генри Детердинга. В начале 1920-х гг. в совет директоров «Синклер Рефайнинг Компани» входил (в том числе) У. Б. Томпсон, директор принадлежавшего Джону Рокфеллеру нью-йоркского «Чейз Банка», обслуживавшего его же «Стандарт Ойл» [6]. (Отметим, что «Стандарт ойл» получила одобрение персидского меджлиса на концессии в северных районах Персии, несмотря на протесты Англо-персидской нефтяной компании (ныне BP), чуть ранее приобретшей права на добычу нефти в том ареале. К тому времени по требованию американского правительства (1911 г.) компания «Стандарт Ойл» была разделена. Так, в течение некоторого времени возникли корпорации «Стандарт Ойл» в нескольких штатах: Sohio, Jersey Standard (Standard Oil Company of New Jersey, в будущем Exxon), Socony (Standard Oil Company of New York, в будущем Mobil) и др.).

На пути к Генуэзской конференции

Тем временем Мустафа Кемаль, «диверсифицировав» свою внешнеполитическую деятельность, начал принимать западные сигналы не только от Франции, но и от Великобритании, стремившейся вывести Анкару из-под влияния Москвы и Парижа. В качестве пробного шара на взаимопонимание Лондон обещал туркам не только обеспечить возможность обсуждения вопросов о Стамбуле, проливах Босфор и Дарданеллы (подконтрольных в тот период странам Антанты), но и рассмотреть финансовую помощь Англии после признания Турцией ряда британских условий. Вопросы включали поддержку Анкарой советских республик Южного Кавказа «в деле их изоляции от Советской России»; содействие распространению влияния Лондона на эту зону; признание суверенитета Греции во Фракии и Смирне и др. Турецкая сторона отвергла практически все пункты [7].

Ну а январское 1922 г. заседание Верховного совета Антанты в Каннах приняло решение созвать в Женеве общеевропейскую конференцию по восстановлению экономики Европы с участием всех европейских стран, включая Россию. Однако единство рядов «друзей» было эфемерным. По словам М. Павловича-Вельтмана, Франция мечтала об увеличении своих морских и сухопутных вооружений. Англия же, склонявшаяся к двустороннему оборонительному союзу против Германии, настаивала на отказе Парижа от усиления подводного флота и роста численности сухопутной армии [8].

Что касается Германии, то 26 января 1922 г. в телеграмме начальнику Главного управления по топливу Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) Ивару Смилга Ленин указывает на абсолютную (!) необходимость концессии «с немцами в Грозном, а если возможно, и в других топливных центрах», которая важна «по соображениям не только экономическим, но и политическим». Поэтому «необходимо действовать быстро, чтобы до Женевы иметь позитивные результаты» [9].

Уже 31 января 1922 г. И. Смилга сообщал, что в беседе с представителями Deutsche Bank о нефтяных концессиях он и торгпред РСФСР в Берлине Борис Стомоняков дали «принципиальное согласие на ведение переговоров по всему Грозному и по Биби-Эйбатскому району в Баку», в связи с чем И. Смилга просил указаний об условиях переговоров [10].

Скорее всего, ввиду активности Москвы Великобритания направила предложения Франции об обоюдной защите интересов «старых кредиторов России» и «пострадавших от революции иностранных капиталистов». Взамен Лондон потребовал отказа Парижа «от враждебной Англии политики на Ближнем Востоке» [11]. Французский премьер Аристид Бриан принял позицию Великобритании, из-за чего был вынужден подать в отставку (правительство возглавил Анри Пуанкаре).

Развитие геополитической конъюнктуры в тот период привело к потеплению климата вокруг Анкары, поскольку обострение ситуации в регионе, тем более с военной точки зрения, не было выгодно ни одной из крупных держав. По мнению У. Черчилля, тогдашнего британского министра по делам колоний, причиной приостановки военных действий между Грецией и Турцией было предложение мартовской (1922 г.) Парижской конференции союзных держав о заключении сторонами перемирия. В числе его условий значилось «требование об очищении греками Малой Азии», что было естественным, так как Франция «горячо поддерживала турок и перевооружала их армию, а Англия отнюдь не обнаруживала склонности ввязываться в осложнения ради Греции» [12].

Без сомнений, предложение Запада о греко-турецком перемирии вызрело вследствие грамотных шагов М. Кемалья. Так, экипажи турецких военных кораблей пополнялись командным составом российского Черноморского флота, а советские военные эксперты инструктировали командование турецких сухопутных частей [13]. Более того, в марте 1922 г. М. Кемаль пригласил С. Аралова, военного атташе посольства РСФСР в Турции Константина Звонарева⁹² и первого посла Азербайджана в стране И. Абилова посетить части действующей турецкой армии. Гости, побывавшие в штабах двух корпусов, поприсутствовали на празднике годовщины национальной армии, после митинга раздав военнослужащим подарки с надписью на турецком языке: «Турецкому солдату от Красной Армии Советской России». А в апреле С. Аралов передал в дар турецкой армии 20 тысяч лир. Сумма, как отмечается, была предоставлена на приобретение походных типографий и киноустановок [14], но только ли для этого?

Все это не могло остаться незамеченным Западом, который в одночасье усилил протурецкую линию. Англия, Франция и Италия, «угрожая пустить в ход свои войска, запретили грекам», хотя и согласившимся на перемирие с Турцией, но ничего не ответившим «относительно условий мира», занимать Константинополь [13]. Подобный подход один к одному напоминает отношение Запада к «армянскому вопросу». Используя греков, как и армян, для давления на османские власти, западные лидеры меняют геополитические декорации, а вслед за этим и свою позицию.

Однако, несмотря на ультиматум об отказе от оккупации Стамбула, греческий верховный комиссар в Смирне заявил об автономии населенной греками части Османской империи, что происходило уже на фоне подготовки конференции в Генуе.

⁹² Оба – будущие создатели Главного разведывательного управления (ГРУ) Министерства обороны СССР. – прим. авт.

Рапальский акцент Генеу

Естественно, в отношении Анкары Запад действовал не только пряником, но и кнутом. Несмотря на требование России пригласить Турцию на конференцию в Генеу, открывшуюся 10 апреля 1922 г., этого не произошло. В ее преддверии совместная англо-французская комиссия экспертов подготовила так называемый Лондонский меморандум, в основу которого были положены требования о признании Москвой довоенных и военных долгов России, возвращении иностранным владельцам всех национализированных предприятий, отказе советского правительства от контрпретензий, связанных с интервенцией Запада и т. д. По оценке министра иностранных дел СССР Андрея Громыко, документ настаивал на предоставлении иностранцам в России «прав экстерриториальности», т. е. на установлении режима, обычно навязываемого «колониальным странам» [15].

Смысл политики Лондона в Генеу К. Радек видел в том, что британцы, осознавая невозможность «скинуть» большевиков, предполагали социальную капитуляцию Советской страны из-за экономических трудностей. Поэтому они выдвинули предложение не только о возвращении «английским капиталистам фабрик», но и о предоставлении концессий, могущих перечеркнуть «возможность развития Сов. России, как социалистической державы» [16]. В связи с этим Ленин говорил, что советская делегация направляется в Генеу «за попыткой соглашения» («не только торговое, но и политическое») с «пацифистской частью» буржуазного лагеря, параллельно решая задачу «разъединить между собой объединенные в Генеу против нас» капиталистические страны [17] – что было достигнуто за счет подписания советской делегацией в дни саммита (16 апреля) Рапальского договора с Германией, предусматривавшего восстановление дипломатических отношений между странами.

По словам будущего рейхсканцлера Веймарской республики Франца фон Папена⁹³, Версальский договор⁹⁴ сохранял за Россией возможность требовать от Германии «репараций и возмещения убытков на тех же условиях, что и союзные державы». Но в январе 1922 г. большевики довели до Берлина информацию о поступившем Москве предложении из Парижа примкнуть «к кругу врагов Германии» в обмен на «признание революционного режима *de jure*» и «коммерческие кредиты» [18]. И Германия приняла сигнал из Москвы.

⁹³ В тот период депутат прусского ландтага. – прим. авт.

⁹⁴ Официально завершивший I мировую войну. – прим. авт.

Для России договор в Рапалло стал первым полномасштабным признанием государства де-юре. Стороны отказывались от претензий на возмещение военных расходов; Берлин соглашался с большевистской национализацией государственной и частной собственности Германии в РСФСР и отказом от претензий в этом вопросе при неудовлетворении Москвой аналогичных претензий других стран. Красной армии передавалась возможность использовать технические достижения военной промышленности Германии и изучать современные организационные методы германского генштаба; рейхсвер получал право готовить летчиков, танкистов, обучая своих офицеров обращению с новым оружием, изготовление и владение которым было запрещено Германии.

Раскол единства западных стран, особо проявившийся в связи с Рапалльским договором, позволил российской делегации заявить об отказе от признания Лондонского меморандума.

Генуэзский запах нефти

Как это ни покажется кому-то сомнительным, решения Генуэзской конференции определялись все тем же нефтяным фактором. Дело в том, что, требуя от РСФСР признания прав иностранных граждан на возвращение национализированного имущества и уплаты долгов, британский премьер Дэвид Ллойд Джордж намекал на возможность согласия Запада на «компенсацию в форме долгосрочной аренды концессии» вместо реституции (возврата) собственности [15].

В связи с этим, по словам К. Радека, «с глубочайшим недоверием» за происходящим в Генуе следила американская «Стандарт ойл», опасаясь, что по итогам конференции будет подписано соглашение между британской «Ройял Датч Шелл» и Москвой. «Агенты» «Стандарт ойл» были убеждены, что «большое коварство Ллойд Джорджа» несет отрицательную для американцев перспективу передачи Москвой нефтяных участков, «принадлежащих в прошлом одним капиталистическим группам, – другим» (посредством уплаты пострадавшим возмещения). Поэтому «Шелл» оказывалась «в состоянии собрать в своих руках большое количество» нефтеучастков [11].

О чем здесь идет речь? Еще в марте 1921 г. большевиками были определены исходные положения нефтяных концессий: 25-тилетний срок с правом досрочного выкупа через 15 лет. Первой в концессионное пользование предлагалась «промысловая площадь Биби-Эйбата» в Баку, затем шла «вся западная половина Старо-Грозненской нефтеносной площади». Условием «сдачи Биби-Эйбата» ставилось (в том числе)

«проведение 10-дюймового нефтепровода от Петровска⁹⁵ до Москвы». «По сооружении» нефтепроводов, заводов и электростанций предполагалось их поступление «в распоряжение правительства РСФСР» [19]. Однако, признавая за зарубежными экссобственниками российских предприятий «преимущественное право» на эксплуатацию принадлежавшего им ранее имущества (в случае предоставления концессий), будь то «в форме аренды [или] смешанного общества» (организуемого государством при участии иностранного капитала), советская делегация заявила о невозможности «обязательной» сдачи «рудников, фабрик» и др. предприятий «в аренду прежним владельцам», поскольку это означало нарушение суверенитета России).

Совершенно иная позиция была изложена в меморандуме, представленном 2 мая 1921 г. Великобританией (совместно с поддерживавшей ее Италией), который требовал от России «возвратить, восстановить <...> возместить» нанесенный иностранным компаниям ущерб от «конфискации или реквизиции имущества». Согласно документу, в случае отсутствия у России возможности «возвратить прежнее имущество» она «утрачивает право впоследствии отдать его другим концессионерам». Вслед за чем под понятиями «прежний или бывший владелец» меморандум определил «русские финансовые, промышленные или коммерческие товарищества, состоявшие в момент национализации под контролем иностранных подданных или в которых таковые состояли в то время крупными участниками» [20].

Если бы конференция приняла подготовленный Великобританией документ, «Ройял Датч Шелл» действительно получила бы первенство в экономическо-концессионном вхождении западных стран в Россию. Ведь если эта компания активно присутствовала на российском нефтяном поле в добольшевицкий период, то «Стандарт ойл оф Нью-Джерси», как и основная часть французских компаний, оказались собственниками владений бывших нефтемagnатов лишь после декретов Советской власти (лето 1918 г.) о национализации нефтяной и всей крупной промышленности («Стандарт Ойл оф Нью Джерси» купил крупный пакет акций «Товарищества братьев Нобель» в 1920 г. [21]).

Вполне очевидно, что это привело бы к взаимопониманию между Парижем (соперником Лондона) и Вашингтоном. По меткому замечанию Мухаммеда Асад бека, «нефтяная политика Франции» в те годы шла «в фарватере у американцев», которым «незачем появляться на поле битвы», так как «они отвоюют свои бакинские сорок процентов руками французов». Но при этом Белый дом использовал идеологические

⁹⁵ Махачкала – прим. авт.

средства. Со слов К. Радека, чтобы не допустить выгодных для британцев сделок, «Стандарт Ойл» «пустил известие о якобы уже состоявшемся соглашении» между Россией и «Шелл» на передачу «англичанам чуть ли не монопольного владения русской нефтью», подняв «на ноги французское и бельгийское правительства» [11]. Тем временем американские СМИ распространили заявление главы внешнеполитического ведомства США Чарльза Юза об отказе Вашингтона признать любое соглашение, исключаящее американский капитал из участия в русских нефтяных концессиях» [22]. Ну и, как следствие, Париж, на пару с Брюсселем, прокатили меморандум Англии от 2 мая 1921 г.

Такое развитие событий полностью устраивало российскую делегацию, претворявшую в жизнь план Ленина по разъединению объединенных «против нас» капиталистических стран. Поэтому 11 мая 1921 г. российская сторона отвергла вышеупомянутый меморандум – предположительно из-за требований о долгах и возвращении экссобственности иностранцам. Однако Ленин, наказывая в телеграмме Г. Чичерину: «Непременно рвите и скорее на новом меморандуме союзников, ибо на уступку собственникам мы не пойдем, а лучше момента не найти», отметил, что имея «в руках германский договор, мы ни за что не откажемся теперь от длительной попытки стоять только на его основе». К слову, Ленин также призывал и «архиосторожно флиртовать с Италией» [23].

Кроме того, российский меморандум гласил, что присутствие на конференции Турции способствовало бы восстановлению мира в Малой Азии». Требуемый же Западом от России «строгий нейтралитет» в «происходящей на территории Турции» войне не может быть иным, чем тот, к которому все державы обязывают «международное право и соглашения» [24].

Зашедшая в тупик Генуэзская конференция прервалась на месяц, ограничившись созданием «нерусской» и «русской» комиссий, которые продолжают работу в следующем ее раунде в Гааге (Голландия) с 26 июня 1921 г.

Золото для Турции и фактор Энвера

До перехода к теме Гааги отметим, что во исполнение обязательств советского меморандума о соблюдении «международного права и соглашений» в мае 1921 г. российская сторона (посредством С. Аралова) передала правительству Анкары 3,5 млн золотых рублей – последний взнос из 10 млн, обещанных Москвой при подписании договора 1921 г. [25].

Тогда же Л. Карахан поручил С. Аралову подтвердить М. Кемалю неизменность дружественного отношения Москвы к Анкаре, доказательством чего является «наша помощь оружием и золотом». Вслед за чем С. Аралов должен был напомнить М. Кемалю о недопущении Москвой в 1921 г. «авантюры против ангорского правительства» со стороны Энвера.

Хотя Л. Карахан наверняка что-то недоговаривал М. Кемалю насчет Энвера, упоминание о нем было отнюдь не случайным. Будучи направлен Москвой в Центральную Азию, Энвер предложил сформировать национальные части в российской армии, должные во взаимодействии с местными отрядами выступить против эмира. Но он в корне изменил свою позицию, как только понял, что большевики сделали ставку на М. Кемалю и вернуться в Турцию победителем он не сможет. Он потребовал от Москвы уважения независимости Бухарской Советской Народной Республики (БСНР) с последующим выводом с ее территории войск Красной армии. Вслед за чем возглавил повстанческое движение в регионе против советской власти, определив свой титул как «Главкомандующий вооруженными силами ислама, и наместник эмира Бухарского». В первой половине 1922 г. возглавляемая им армия заняла Душанбе и почти всю зону Восточной Бухары.

В связи с этим Л. Карахан наказывал С. Аралову передать М. Кемалю, что «единый русско-турецкий фронт против Энвера будет лучшим доказательством со стороны турок действительности их дружбы с нами». С. Аралов должен был попросить лидера правительства Анкары подготовить декларацию, определяющую отношение Турции «к действиям Энвера в Бухаре».

Ну а к концу мая 1922 г., в свете обсуждавшегося торгового договора с Турцией, Москва, заявив о возможности предложить Анкаре (в том числе) «керосин, бензин и другие нефтяные продукты», сочла желательным «основать Русско-Турецкий торговый дом», отвечающий за реализацию в стране «русских экспортных товаров» и ввоз турецкой продукции в Россию. Еще до ответа из Анкары российская сторона сообщила, что берет на себя доставку «керосина для Военного Комиссариата по очень низкой цене», подчеркнув убежденность в укреплении связи между странами, основанной «на экономических узах» [26].

Гаагский запах нефти

С 15 июня 1922 г., т. е. на десять (!) дней раньше официального открытия гаагской части Генуэзской конференции, представители «нерусской» комиссии приступили к проработке предусмотренных ею

вопросов, намереваясь как-то «совместить» собственные позиции. Но разве легко было осуществить задуманное? Так, того же 15 июня прошла информация о создании франко-бельгийского нефтяного синдиката Лоран-Эйнака (по имени представителя французского правительства), владеющего пакетом акций Кавказских нефтепромыслов [27].

В свою очередь, накануне выезда в Нидерланды глава российской делегации, замнаркома по иностранным делам Максим Литвинов заявил, что на переговорах «о восстановлении частной собственности не может быть и речи»; Москва готова предоставить концессии, но лишь при условии их соответствия интересам страны, не нуждающейся в кредитах посредством закабаления [28]. В Гааге Москва, проявив готовность на паритетный отказ сторон от военных долгов (Запад) и претензий за ущерб от интервенции (Россия), представила список концессионных объектов, включая и нефтяные месторождения. Владение ими предусматривалось как для экс-хозяев нефтепромыслов, так и для субъектов, ранее не обладавших собственностью в России. Но на этот раз Запад все же попытался выступить против большевиков единым фронтом, хотя повод для этого у сторон был разным. Г. Детердинг выдвинул предложение о создании единого консорциума для ведения переговоров о нефтяных концессиях. По словам К. Радека, создание франко-бельгийского синдиката ослабило позиции «Шелл», вынужденной согласиться на допуск Франции «к участию в эксплуатации нефти в Месопотамии и на Кавказе». Договоренности могли привести и «к консолидации фронта союзников» и к их совместной сделке с большевиками.

Последняя ремарка оказывалась для США «еще более опасна», чем сделка, «заключенная только» Англией. Поэтому «Стандарт Ойл» «нажал» на Париж и Брюссель. Ввиду «зависимости Франции от Америки при будущем разрешении ее финансовых затруднений» идея Г. Детердинга провалилась. При чем бельгийский делегат, «высказываясь за отклонение компромисса», открыто сослался «на совет американского посла» [11].

Устами представителя Бельгии американцы инициировали принятие конференцией резолюции, призывающей все представленные на ней правительства не поддерживать «своих подданных в их попытках приобрести в России имущество, ранее принадлежавшее» иностранцам и конфискованное после прихода к власти большевиков («без согласия их иностранных владельцев или концессионеров») [29].

Данная формулировка означала провал конференции в Гааге. 19 июля 1922 г. было объявлено о завершении ее работы. Спустя два дня «Стандарт ойл оф Нью-Джерси», «Ройал Датч Шелл» и «Бранобель» приняли совместное решение бойкотировать Россию. В воздухе замаячили признаки войны: в день окончания конференции Москва

обнародовала ноту правительствам Великобритании, Франции, Италии, называя военной блокадой охрану греческими судами «анатолийского побережья», поскольку грузы, перевозимые на российских судах в турецкие порты, конфискуются. В ней было заявлено, что «союзное морское командование в Константинополе, ответственное за прохождение судов через Дарданеллы, не ставит никаких препятствий незаконным действиям греческого флота в Черном море, причиняя тем самым ущерб делу мира на Ближнем Востоке». Выражая по этому поводу протест, ответственность за происходящее Россия возложила на правительства стран, осуществляющих «контроль над Дарданеллами и Босфором». В ответной ноте Лондон заявил, что протестуя против неприятия союзниками мер по предотвращению враждебных действий Греции, Россия со своей стороны не прилагает усилий, «чтобы помешать правительству Ангоры продолжать военные операции» [30].

Так Запад и Россия оказались на пороге войны, но не напрямую, а через греко-турецкий конфликт.

Возобновление греко-турецкой войны

26 августа 1922 г. турецкая армия атаковала греческие позиции, вынудив греков отступать к Смирне. По образному выражению У. Черчилля, «турки, подобно восставшим из мертвых, шли на Дарданеллы, Константинополь и на Европу» [12]. По словам английского писателя XX в. Эрика Амблера, «в последующие дни отступление превратилось в беспорядочное бегство. Греки вымещали горечь поражения на турецких мирных жителях: от Алашехра до Смирны дымились развалины, под которыми были погребены старики, женщины и дети» [31]. Джордж Вандеман, христианский телепроповедник, основатель и ведущий транслирующихся по всему миру телевизионных программ «Так говорит Библия», также отмечает, что греки отступали, «грабя и поджигая все», попадавшееся на пути. «В своем безудержном отступлении они выгоняли из домов греков и армян», заставляли их бежать к берегу. «Все дороги к морю были переполнены беженцами, а потом, хотите – верьте, хотите – нет, думая только о собственной безопасности, греческие солдаты погрузились на корабли и отплыли, бросив беженцев на произвол судьбы» [32].

По сведениям Амблера, в ряды турецкой армии «вливались анатолийские крестьяне, горевшие желанием отомстить грекам за причиненные ими страдания». Постепенно «трупы турецких мирных жителей стали чередоваться с трупами зверски замученных греческих солдат». 9 сентября 1922 г. турки захватили Смирну. За период турецкого наступления в городе, «в основном населенном греками и армянами,

скопилось огромное число беженцев», стекавшихся сюда, «полагая, что греческие войска будут защищать» его. Но «Смирна оказалась для них ловушкой. В руки турок попал список членов Армянской лиги обороны Малой Азии, и в ночь на 10 сентября кварталы города, в которых проживали армяне, были заняты вооруженными отрядами» [31]. Израильский исследователь Илья Гирип отмечает, что «из нетурецких кварталов не пострадал только еврейский». С его слов, «евреи ни в коей мере не приветствовали греков, антисемитизм которых им был хорошо известен по судьбе своих салоникских братьев, а потому они справедливо считались сторонниками новой кемалистской Турции». Кроме того, итальянцы, поддерживавшие «кемалистов во время всей войны» и имевшие «из-за этого привилегированный статус у турок, получили гарантии» безопасности евреев [33].

У. Черчилль свидетельствует, что «в течение двух недель» греческая армия, вступившая «в Анатолию по требованию Великобритании, Соединенных Штатов и Франции» и «на протяжении трех лет» являвшаяся «базисом союзной политики по отношению к Турции и объектом между союзническими интригами», была «уничтожена или прогнана за море». То есть знаменитый британский политик фактически признает, что победа турок была обеспечена невмешательством Запада. Если ранее Англия, совместно с Францией и Италией, «задержала греческое наступление на Константинополь», задается вопросом У. Черчилль, разве эти державы не должны были защищать «границы, которые они совместно установили и обязались охранять?» Но этого не произошло, и Турция вновь оказалась «единственной владычицей Малой Азии» [12].

Успех турок в первые дни войны вынудил, прежде всего, Англию окончательно определиться в своих геополитических устремлениях. По всей видимости, значительно бóльшие дивиденды Лондон увидел не от военной поддержки Афин, а от невмешательства в победу Турции, по вполне очевидной причине: втягиванию в длительную войну на истощение, которая способствовала бы дальнейшему укреплению российско-турецких взаимоотношений, Лондон предпочел полный вывод Анкары из-под контроля Москвы. Дело в том, что Москва оценила войну «как борьбу турецкого народа за свое существование и независимость», в которой «все симпатии русского народа на стороне Турции». Мало того, Россия озвучила несогласие не только со свободным проходом «военных судов всех наций» через Босфор и Дарданеллы, но и, «особенно», с регулированием режима Проливов Великобританией «без согласия и вопреки желанием» причерноморских государств [34].

Таким образом, Лондон, предвидя для себя сложности в случае российско-турецкой «тандемной» войны с «греко-западом», просчитал,

что проблемы с Россией, касающиеся режима Проливов (и не только), выгоднее решить с помощью своего вчерашнего заклятого врага – Турции.

Перетягивание Турции в Европу

Для привлечения Анкары на свою сторону англичанам нужно было выбить козыри у Москвы. Первым значительным шагом в этой игре как раз и стало невмешательство Британии в разгром Турцией союзной ей Греции. А 23 сентября 1922 г. Лондон, Париж и Рим довели до Анкары инициативу созыва мирной конференции, предполагавшей возврат Турции Восточной Фракии при условии прекращения дальнейшего наступления турецких войск. Вступление в силу мирного договора гарантировало вывод войск стран Антанты из оккупированного ими Константинополя. Союзники также обещали помочь Турции вступить в Лигу Наций.

Уже на следующий день Москва заявила о нежелании Запада «вернуть Турции бесспорно принадлежащие ей земли и проливы» во имя «дальнейшего господства в них». Ссылаясь на пункты российско-турецкого договора 1921 г., Москва выразила протест «против узурпации прав России и союзных с ней Республик европейскими державами», в связи с чем РСФСР «не признает никакого решения», принимаемого «без ее участия и вопреки ее интересам» [35]. Действительно, по Московскому договору 1921 г. в целях обеспечения открытия Босфора и Дарданелл и свободы прохождения в этих водах «торговых судов для всех народов» Анкара и Москва «соглашаются передать окончательную выработку международного статута Черного моря и проливов будущей Конференции из делегатов прибрежных государств», при условии, что ее решения не нанесут ущерб «полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столице Константинополю» [36].

Однако Турция не поддержала российскую позицию, приняв предложение Великобритании. 29 сентября 1922 г. Анкара объявила о приостановлении наступления войск, согласившись и с другими пунктами европейских держав. Такой удар по амбициям России еще более раскрепостил Великобританию, благо собравшиеся на конференцию в Париже представители франко-бельгийского нефтяного синдиката, Англо-Персидской корпорации, экс-российские нефтепромышленники и др. приняли решение о запрете на участие иностранных компаний в российской нефтяной промышленности до согласия Москвы на полное восстановление прав частных владельцев [37].

Большевики ответили незамедлительно: в том же сентябре 1922 г. американская «Интернэйшнл Барнсдолл корпорейшн» подписала договор с производственным объединением «Азнефть» (созданным в Баку в 1920 г. в целях разведки и разработки в Азербайджане нефтяных и газовых месторождений на суше), по которому американцы получили в эксплуатацию нефтяные скважины на Балаханской промысловой площади сроком на 15,5 лет [38].

Однако этот эпизод не слишком озадачил Англию, видевшую положительные для себя перспективы на предстоящей мирной конференции. Предварительно же в Муданье 3 октября 1922 г. начались переговоры о перемирии между Турцией и Грецией, но без участия... греков. Решение за Афины принимали все те же Лондон, Париж и Рим. 6 октября турецкая делегация заявила, что если греческие войска не покинут Восточную Фракию до открытия конференции, Анкара не примет в ней участия. Союзники восприняли турецкий демарш [39], и 11 октября 1922 г. было подписано Муданийское перемирие, поставившее точку в военных действиях между греками и турками. Оккупация европейскими державами Константинополя и зоны Проливов после этого сохранялась, но гражданская власть в Восточной Фракии, откуда эвакуировались греки, вскоре должна была перейти к турецкой стороне; сюда вводилась турецкая жандармерия. Так что итоги Мудании оказались в пользу Турции.

Спустя же два дня после подписания договора свою подпись под ним поставила и Греция, что означало одно: греки в очередной раз оказались брошены своими благодетелями. По словам знаменитого американского писателя Эрнеста Хемингуэя, в тот период корреспондента «Toronto Daily Star», европейские страны-лидеры «отдали Восточную Фракию туркам», предоставив грекам «три дня на подготовку к отходу». Войска не верили, «что правительство подпишет Муданское соглашение», но «король Константин предал свою армию», покидающую зону сражений «по приказу». По наблюдению Э. Хемингуэя, в отступающих греческих солдатах, еще сохранявших «воинский дух и вид», присутствовала «та упорная стойкость», что могла бы дать «себя знать, если бы кемалистам пришлось драться за Фракию, а не получать ее в подарок по договору в Мудании» [40]. Ну а Ллойд Джорджу дорого обошлась смена позиции в отношении Анкары с гнева на милость. Через неделю после соглашения в Мудании он вынужден был подать в отставку.

Франция, на фоне развития британо-турецких отношений терявшая влияние на Анкару, приступила к зондированию российской почвы на предмет геополитического взаимопонимания. В октябре 1922 г. в Россию направился (формально в качестве частного лица) тогдашний сенатор и лидер французской радикал-социалистической партии Эдуард Эррио в

сопровождении своего секретаря Эдуарда Даладьё⁹⁶. Вернувшись, Э. Эррио написал, что в российских властных структурах царит «строгая дисциплина», а Красная армия создана, что свидетельствует об устойчивости режима и смерти старой России «навсегда». Вслед за чем стал ратовать за восстановление «нормальных отношений между Парижем и Москвой». Однако «никто не присоединился к моим словам» [41].

Ленин, в свою очередь, использовал этот визит для сигнала Лондону. Отметив, в частности, что «сближение» с Францией «ни в малейшей степени» не означает «обязательности какой-либо перемены нашей политики по отношению к Англии», поскольку «нашу цель» составляют «вполне дружественные отношения с обеими державами», Ленин добавил, что окончание греко-турецкой войны, «которая поддерживалась Англией», увеличивает шансы «на заключение англо-русского соглашения» [42].

Для доказательства серьезности своих намерений Москва предприняла очередной шаг к узакониванию концессий: в том же октябре 1922 г. увидел свет Гражданский кодекс РСФСР. Один из его разработчиков, советский юрист Петр Стучка⁹⁷ считал гражданское право продуктом развитого товарного хозяйства и «характерным признаком капиталистического общества». Потому он оценивал текст кодекса как заимствование «буржуазного права Запада в его чистом виде», при этом, однако, допуская частную собственность исключительно внутри «государственной социалистической собственности», с соблюдением «предпосылок развития экономики СССР на социалистических началах» [43].

В целом, Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. таковым и являлся. С одной стороны, им устанавливались правовые рамки для рынка, разнообразные формы предпринимательской деятельности, а наряду с государственной признавалась кооперативная и частная собственности. С другой – закреплялась концентрация в руках государства основных средств производства с безусловным преимуществом госсобственности, в частности на недра, землю, леса, железные дороги и т. д. Вполне очевидно, что отражение в документе признаков капиталистических отношений в РСФСР было необходимо Москве ввиду нового этапа взаимоотношений с западным миром.

Но Ленин не был бы Лениным, если бы Запад олицетворялся для него лишь одним государством. В том же 1922 г. было подписано соглашение

⁹⁶ Оба будущие премьер-министры Франции. – прим. авт.

⁹⁷ Впоследствии первый председатель Верховного Суда СССР. – прим. авт.

между РСФСР и консорциумом германских фирм о создании «Русско-Германского торгового акционерного общества» («Русгерторг»).

На пути к Лозанне

На планируемой в ноябре 1922 г. международной конференции в Лозанне Англия готовилась разложить на геополитической шахматной доске новую политико-экономическую партию. Прежде всего, Лондон заручился поддержкой Парижа и Рима в проведении проекта, предусматривавшего право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы военных кораблей любой страны в мирное и военное время. Параллельно Британия лоббировала идею о демилитаризации побережья Проливов, с передачей контроля над ними международной комиссии (а не только стран черноморского бассейна) под эгидой Лиги Наций.

Чтобы выиграть эту партию, нужно было нейтрализовать Россию – милостиво допустив ее к участию лишь в заседаниях конференции, посвященных вопросам о Проливах.

Цели Москвы на конференции Ленин определил исходя из тезиса большевиков о перманентной угрозе черноморскому побережью страны в случае реализации британского проекта. Главными задачами он назвал следующие: добиться закрытия Проливов «для всех военных кораблей в мирное и военное время»; обеспечить возможность полной свободы «торгового мореплавания»; удовлетворить национальные стремления Турции. Ввиду «отрицательного отношения» большевиков к Лиге Наций Ленин фактически высказался против контроля ею Босфора и Дарданелл. Эта позиция совпадала с американской в том плане, что Белый дом полностью поддерживал режим свободного плавания военных судов в Проливах, благо это позволяло США направлять свои корабли в Черное море.

В то же время турки, после Муданийского перемирия (11 октября 1922 г.) вздохнувшие посвободнее благодаря не Москве, а Западу, не опротестовали решение о недопустимости участия РСФСР во всей работе конференции. Мало того, 24 октября Комиссариат иностранных дел Правительства ВНСТ потребовал, чтобы представительство российского Внешторга, ранее торжественно открытое в стране, немедленно прекратило все свои операции до заключения торгового договора, переговоры о котором должны были начаться в Анкаре 28 октября 1922 г. Российская же сторона заявила, что реализация подобной меры означала бы «разрыв устанавливаемых экономических отношений» между Россией и Турцией

30 октября 1922 г. Москва уведомила Анкару, что «убедительным свидетельством и самым неотложным» выражением российско-турецкой

дружбы может быть «только категорическое требование» Турцией обеспечения участия России в работе Лозаннской конференции «на равных основаниях», без «всякого ограничения», что «отвечает интересам Турции». Анкара, сославшись на то, что такой вопрос ею уже ранее ставился, ограничилась обещанием «настойчиво» требовать его разрешения во время конференции.

Вслед за этим М. Кемаль, воспользовавшись тем, что устроители Лозаннской конференции направили султану-халифу письмо по поводу участия турецких делегатов на конференции, настоял на принятии ВНСТ закона, разделявшего титулы султана и халифа. С 1 ноября 1922 г., сразу после провозглашения страны республикой (на учрежденную должность президента депутаты избрали М. Кемалья), султанская власть была упразднена. Османская империя стала достоянием истории.

Москва, приветствовав «братский турецкий народ» по случаю «низложения деспотической монархической власти» и передачи всей полноты власти ВНСТ, продолжила направлять в европейские столицы ноты, требовавшие допуска РСФСР к полноценному участию на конференции. «Упорное нежелание приглашающих держав» согласиться с российским требованием Москва объясняла планами Запада «лишить за столом конференции турецкий народ плодов его побед и его героических усилий».

Но сблизившиеся с Западом турки уже не нуждались в поддержке России, прилагая усилия для прекращения деятельности в стране Внешторга РСФСР. В итоге за два дня до открытия конференции отправка российских товаров в Турцию по линии Внешторга была прекращена. В ответ на это Россия заявила, что вынуждена рассмотреть вопрос о запрещении «турецким торговцам поднимать турецкий флаг» [44].

На таком геополитическом фоне 20 ноября 1922 г. открылась Лозанская конференция.

Лозаннские страсти

На Лозаннской конференции проявились открытые и закулисные игры ее участников. Россия, в конце концов согласившись принять участие только в работе Комиссии по Проливам, заявила, что любое решение, одобренное без учета ее интересов, «обречено заранее остаться мертвой буквой». Началась позиционная борьба по вопросам прохождения в Босфоре, Мраморном море и Дарданеллах военных кораблей и обеспечения свободы торгового судоходства.

Британия настаивала на свободном проходе через Проливы военных судов всех стран в мирное и в военное (в случае нейтралитета Турции)

время; при участии Анкары в войне – военных судов нейтральных государств; на демилитаризации Проливов (уничтожение береговых укреплений) с установлением над ними международного контроля, отмечая, что данный аспект «не касается» Москвы.

Россия, указывая на принадлежность Проливов Турции, требовала не только сохранения «прав турецкого народа» на территорию страны и «водные пространства», но и допустимости для Анкары «укреплять и вооружать свои берега, располагать военным флотом и применять для защиты Проливов и Мраморного моря все средства современной военной техники». Члены российской делегации отмечали, что черноморский вопрос «существует лишь постольку», поскольку предложения европейских держав «автоматически ведут к изменениям в режиме Черного моря» [45].

Что касается турецкой делегации (которую возглавлял Исмет-паша), то в переписке британских официальных лиц во время конференции фигурировала информация о постоянном и тесном контакте между французами и турками, поселившимися в одной гостинице [39]. Глава российской делегации Г. Чичерин сообщал в центр, что «разговоры между турецкими и союзными экспертами приняли характер настоящих сепаратных переговоров», где ведется «настоящий торг». Он писал, что министр иностранных дел Англии лорд Джордж Керзон намерен «подписать договор с турками, и чтобы в то же время Россия этого договора не подписала». Г. Чичерин не исключал наличия в договоре пунктов, по которым западно-турецкое «соглашение [уже] состоялось», в частности об обязательстве Анкары «не укреплять проливов и в некоторых пределах пропускать вооруженные суда». По его словам, турки требовали следующего: столица страны сохранится в Анкаре; «настоящая Турция будет в Малой Азии, и только отчасти во Фракии»; при любом развитии событий «в проливах, настоящая, т. е. сухопутная, Турция останется независимой от этого и не будет вовлечена в войну».

Но это не соответствовало позиции России, настаивавшей на том, что отсутствие «безопасности для Константинополя без закрытия проливов» отрицательно отразится на безопасности «юга России». Ведь в случае британо-российской войны Анкаре «будет трудно» противостоять требованиям Лондона о «пропуске английского флота». Турки же планируют «махнуть рукой на проливы, поскольку защищены внутренние территории Турции»; с их точки зрения, при военных действиях между Англией и Россией Анкара, соблюдая «свою выгоду», окажется сторонним наблюдателем, «ибо Турция не есть Константинополь», а «внутренняя территория Малой Азии».

Именно эта «теория» проскальзывает в словах турецких делегатов, «довольно последовательно» воплощаясь «в якобы вынужденных

уступках турок». Главным для себя они сочли избавление («путем договора») от «занимающих Константинополь союзных войск и английского флота», вслед за чем, «немного окрепнув», продолжают войну, «чтобы совершенно выкинуть вон союзников». Турецкая сторона, резюмировал Г. Чичерин, не выполняет «по отношению к нам своего долга», хлопоча «лишь о безопасности своих внутренних территорий и не ведя борьбу по вопросу о прохождении судов через проливы в Черное море». Кроме того, «они готовы подписать договор даже и без нас», утверждая, что «вопрос о запрещении прохождения военных судов» через Проливы российско-турецким договором 1921 г. не предусматривался.

Понятно, что Турция отказалась поддерживать российские требования неслучайно: Западом был обещан беспрепятственный проход турецкого флота через Проливы с возможностью причаливания «повсюду, даже в демилитаризованных зонах»; с «азиатского берега Мраморного моря» планировалось убрать «все ограничения», с позволением туркам устанавливать там «какую угодно крупную артиллерию».

Ситуацию, сложившуюся на конференции к середине декабря 1922 г., лорд Керзон в беседе с Г. Чичериным охарактеризовал так, что в связи с недопустимостью для Англии возможности «превращения Черного моря в русское озеро» Лондон «очень далеко» пошел «навстречу туркам». Поэтому они согласились «на наше предложение» и «у вас отнят фундамент вашего проекта».

Действительно, принятие Турцией предложений Запада ослабило позиции РСФСР. Поэтому участники конференции оставили без внимания заявление Г. Чичерина от 18 декабря 1922 г., что, «предоставляя Турции какую-то иллюзию защиты, новый проект сохраняет в себе угрозу войны против России»; что в Босфоре и Дарданеллах создается «плацдарм против» Москвы, являющийся «стратегическим ключом к Центральной России» (из-за господства в Проливах обладателя наиболее мощного флота); что Россия не согласна с предложением о создании международной комиссии, подчиненной пробританской Лиге Наций. (Контроль этой организацией доступа военных кораблей в Черное море Россия оценила как явное нарушение «суверенитета и независимости Турции», являющегося «неприемлемым с точки зрения элементарных требований безопасности России и ее союзников».)

Далее Г. Чичерин озвучил позицию Москвы, признав возможным наделение Анкары правом «в отдельных случаях и для определенных целей» пропускать «легкие военные суда, но никоим образом не для военных целей», предложив создать международную комиссию по Проливам для обеспечения торгового судоходства, но «без нарушения суверенитета и независимости Турции и без поручения комиссии

функций, принадлежащих суверенному над проливами государству». 30 декабря 1922 г., в день провозглашения СССР, Москва заранее объявила «лишенной юридической и моральной силы всякую уступку», вырванную у Турции «в результате давления» блока держав, «увлекаемых старым духом привилегий, предоставляемых режимом так называемых капитуляций».

В январе 1923 г. советская делегация опротестовала сепаратное совещание западных делегаций с Турцией, параллельно предприняв ряд геополитических шагов. Так, Россия дала положительный ответ на запрос американского бизнеса об угольной концессии на Сахалине. С другой стороны, продолжилось налаживание мостов между Москвой и Парижем, что не могло не насторожить Берлин. В этой связи Г. Чичерин указал на «желательность успокоения германского правительства в связи с процедурой нашего сближения с Францией», так как Москва ничего не предпримет и не поддержит, «что носило бы характер агрессивной политики против Германии» [45].

Дипломатия, конечно, дипломатией, но Лозанну накрыл нефтяной дымок, имеющий непосредственное отношение к антигерманской агрессии.

Нефтяной запах Лозанны

По данным У. Ф. Энгдаля, в свете Раппальского договора Берлин организовывал сеть совместных немецко-советских центров распределения нефти и бензина для продажи в Германии советского «черного золота» под маркой фирмы «Дойч-Руссисхе Петролеумгезельшафт». Это позволяло немцам уменьшить зависимость от англоамериканских нефтяных компаний, в тот период обладавших полной монополией на торговлю в стране нефтепродуктами [6].

Могли ли потерпеть такое в Лондоне и Вашингтоне? Вопрос риторический. Но разве британцы когда-нибудь проводили свои геополитические операции «открыто»? Так что к антигерманской партии присоединился извечный геосоперник Германии – Франция. Под предлогом нарушения Берлином репарационных обязательств с 11 по 16 января 1923 г. франко-бельгийские войска оккупировали Рурский регион Германии (около 7% послевоенной территории страны), добывающий 72% угля и производящий свыше 50% чугуна и стали.

Но только ли антигерманским настроением была вызвана эта молчаливо наблюдаемая Англией акция? Чтобы ответить на этот вопрос, вернемся к Лозаннской конференции. 21 января 1922 г. Г. Чичерин сообщил в Москву о появившемся в прессе тексте письма лорда Керзона к Исмет-паше, из которого следует, что Анкара изначально была настроена в Лозанне на

сепаратные переговоры с англичанами о нефтеносном Мосуле. Иسمет-паша настаивал на внесении решения по этому вопросу в итоговый документ конференции. А Керзон, предлагая туркам вынести на конференцию вопрос о южной границе Турции, затронул и тему Сирии, ссылаясь на Иسمет-пашу. Тот, принимая предложение британцев, сообщал, что инициатива постановки вопроса о сирийской границе исходит не из Анкары

По словам Г. Чичерина, «в разговорах турки говорят», что упоминанием о Сирии Керзон, очевидно, хотел «вбить клин между турками и французами». Вслед за чем глава российского внешнеполитического ведомства отмечал: факты постановки в турецком Межджлесе вопроса «возвращения Александретты»⁹⁸ туркам» и требования Иسمет-паши по уточнению пунктов франко-турецкого соглашения об особом административном режиме для этого города свидетельствуют, что «под этим соусом будет проводиться какая-нибудь английская интрига, ибо там кончается нефтепровод». В этой связи Г. Чичерин обратил внимание на «самое большое удовольствие» Керзона от согласия турок вступить в Лигу Наций. За этим, отметил он, скрывается маневр англичан. С учетом включения Мосула в состав Ирака, подмандатного Лиге Наций, после вступления в нее Турции мандат может оказаться у Анкары. За всем этим, сообщал Г. Чичерин, «скрываются переговоры о сохранении концессий на нефть или о передаче концессий на нефть обществу “Тюркиш петролеум компании”, где англичане имеют громадное большинство»⁹⁹. Поэтому англичане могут предложить Турции варианты «соглашения о нефти: раздел территории или передача туркам 25% прибыли». Их смысл заключается «в устранении американцев от этой нефти», в связи с чем «раздаются крики о том, что конференция в опасности, ибо обиженные американские нефтяники добьются-де» ее срыва.

Для оценки вышеотмеченного стоит обратить внимание еще на один документ из Лозанны, на первый взгляд вроде как и не имеющий отношения к теме. 30 января 1922 г. Г. Чичерин сообщил в Москву о том, что по поручению короля Хусейна с ним встретился представитель Геджаса (Хиджаз) при Лозаннской конференции д-р Азил. Хусейн ибн Али аль-Хашими вел родословную от хашимитов¹⁰⁰. Озвучив положительный настрой короля по отношению к России, д-р Азил сообщил о нежелании Хусейна «быть признаваемым как король

⁹⁸ Совр. Искендерун – прим. авт.

⁹⁹ Среди акционеров Turkish Petroleum Company (TPC) находились Royal Dutch Shell и Англо-персидская нефтяная компания. – прим. авт.

¹⁰⁰ Влиятельного мекканского клана Хашим, принадлежащего к племени курейш, из которого происходил пророк Мухаммед (да благословит его Аллах и приветствует). – прим. авт.

Геджаса», поскольку данный титул означает согласие «на всю английскую систему распределения арабских стран, их взаимного возбуждения и отказа от национального единства». Хусейн претендует на его признание в качестве верховного главы «всех арабских стран» (как ему обещали британцы), с созданием конфедерации при сохранении в отдельных государствах их правителей. Услышав ответ от Г. Чичерина, что все это «дело самого арабского народа», д-р Азил несколько изменил формулировку, заявив о желании Хусейна быть официально признанным в качестве главы арабского хашимитского правительства. Здесь разговор застопорился, поскольку Г. Чичерин сообщил о необходимости для российской стороны «выяснить, что сей титул означает»; так как «мы не можем признать претензий», являющихся «спорными», что означало бы «вмешательство в дела арабского народа» [45].

Ну а 31 января 1922 г. на имя стран-участниц Лозаннской конференции поступила нота короля Фейсала I с констатацией, что Мосул является неотъемлемой частью Ирака [46]. В целях понимания причин происходящего в Лозанне стоит совершить небольшой исторический экскурс.

В 1915 г. между британским верховным комиссаром Египта Генри Мак-Магоном и Хусейном (в тот период – эмир Мекки) было заключено так называемое «Соглашение Мак-Магон – Хусейн», согласно которому Великобритания обязывалась признать независимость будущего арабского государства во главе с Хусейном. Это было нужно Лондону для организации арабского восстания против Османской империи, над расчленением которой англичане в тот период усиленно работали.

По соглашению же Сайкса – Пико (май 1916 г.), предусматривавшему раздел Османской империи, нефтеносный Мосул оказывался в зоне влияния Парижа. Правда, согласно Томасу Э. Лоуренсу (Лоуренс Аравийский), договор «в возмещение предусматривал создание независимых арабских государств в Дамаске, Алеппо и Мосуле, так как в противном случае эти районы попали бы под неограниченный контроль Франции» [47].

Дело в том, что вся подконтрольная французам территория (часть Сирии, Ливан, турецкие области до Мосула) воспринималась в Лондоне как клин между зонами, контролируемые Великобританией (в том числе Заиорданье, Центральная Месопотамия), и «предусмотренными» для России Константинополем, проливами Босфор и Дарданеллы, «Турецкой Арменией», в целях сдерживания аппетитов Петербурга.

Не имея ни малейшей информации о договоренностях, разделивших «единое арабское государство» между Англией и Францией, в ноябре 1916 г. Хусейн поднял антиосманское восстание, провозгласив себя королем арабов. Но французы его в таком качестве не принимали;

отмалчивался от обещанного признания и Лондон. Британское правительство ограничилось лишь тем, что направило Хусейну в 1918 г. спецпослание о поддержке странами Антанты идеи предоставления «арабской расе полной возможности для повторного образования нации в мире», но с решительным отказом признать подчинение «одного народа другому». Поэтому делегация образованного в Дамаске правительства нового арабского государства во главе с эмиром Фейсалом (сын Хусейна) на Парижской мирной конференции 1919 г. была признана лишь как делегация Хиджаза. В марте 1920 г. Фейсал был провозглашен королем Сирии.

На конференции в Сан-Ремо того же года Великобритании, войска которой в 1918 г. оккупировали Мосул, удалось получить мандат на весь Ирак, гарантировав Франции 25% будущей добычи нефти и получение мандата на Сирию [48]. В будущем англичане предусматривали присоединение Сирии к Ираку, но на том этапе первостепенным для них было обладание Мосулом. Еще в 1920-х гг. Н. Корсун указывал на значение Мосула не только как важнейшего нефтепроводного¹⁰¹ и железнодорожного центра на пути к побережью Средиземного моря, но и как перспективнейшей шоссейной «точки» на пути из Персии к той же... Александретте [49/a].

Подписанный же в октябре 1922 г. британо-иракский договор независимость Ирака делал исключительно номинальной, поскольку за Лондоном утверждалось право контролировать финансы и внешнюю политику Ирака, размещать здесь войска и военные базы. Королем же Ирака с 1921 г. являлся все тот же... Фейсал, в 1920 г. высланный из Сирии после занятия Дамаска французами.

По-видимому, в Лозанне могла произойти определенная геополитическая рокировка. Дав Франции молчаливое добро на оккупацию немецкого Рурского бассейна, англичане открыли себе путь к вожделенной Сирии (впридачу к Мосулу), которую Париж мог «обменять» на невмешательство Британии в рурский кризис. Поэтому Великобритания, выведя на Г. Чичерина короля Хусейна с вопросом о согласии России на его признание главой «всех арабов», могла зондировать мнение русских насчет фактически легального распространения ее влияния на всем Арабском Востоке.

Г. Чичерин, информированный обо всех этих хитросплетениях, дипломатически устранился от участия в проекте «хашимитского правительства» Хусейна потому, что не желал подыграть Британии. На фоне этого Лондон посредством ноты Фейсала I в адрес участников Лозанны («инициатива с мест») тут же заявил, что Мосул является

¹⁰¹ Вспомним замечание Г. Чичерина о Мосуле и нефтепроводе. – прим. авт.

неотъемлемой частью Ирака, что неслучайно. Мало ли как будет развиваться ситуация вокруг Сирии.

Ближневосточный нефтяной вопрос настолько главенствовал в английской политике, что вслед за постановкой в Лозанне вопроса о Мосуле британская печать, со слов Г. Чичерина, призвала к окончанию конференции, а вопрос «о созыве Проливной комиссии остается открытым: ни да, ни нет» [45].

Другое дело, что англичане напрямую не нуждались в осуществлении «мосульско-сирийской» комбинации, благо Турция стала им дружественнее. Скорее всего, это и способствовало «утечке» в СМИ информации о сепаратных переговорах Анкары и Лондона о Мосуле и сирийской границе. А игра вполне могла начаться с темы Александретты в турецком Меджлисе (на что обращал внимание Г. Чичерин). Важно то, что эвакуация французских войск из Киликии согласно франко-турецкому договору 1921 г. не распространялась на санджак¹⁰² Александретты, остававшейся под французским управлением (с предоставлением турецкому населению культурной автономии). Говоря другими словами, в Лозанне Лондон попытался решить вопрос с французским присутствием на Ближнем Востоке при внешнем лидерстве Анкары.

Так что нефтяная тема была не просто частью Лозаннской конференции, а ее неотъемлемой составляющей. По поводу итогов Лозанны также отметим, что этот форум фактически аннулировал пункт Севрского договора 1920 г. о создании независимого Курдистана.

От Лозанны нефтяной к Лозанне дипломатической

Но «чисто» дипломатические вопросы Лозаннской конференции никто не отменял. 1 февраля 1923 г. российской делегации вручили «Проект конвенции по вопросу о режиме проливов». Отстраненная от участия в подготовке документа Россия устами Г. Чичерина назвала его результатом «подпольных переговоров», настаивая на совместном попутном рассмотрении проекта.

Западные делегации, конечно, не согласились. А Турция тем временем отвергла окончательную редакцию полного текста мирного договора. Поэтому неудивительно, что 4 февраля 1923 г. конференция приостановила работу. На СССР посыпались обвинения ее срыве, в связи с чем Москва разъяснила, что позиция советского государства «понята неверно», так как глава делегации заявил не об отказе «подписать соглашение», а об его неприемлемости. Центр наказывал Г. Чичерину

¹⁰² Административная единица в Османской империи. – прим. авт.

довести ситуацию до турецкой стороны, ведь «из этого вытекает наше право принять участие в дальнейших переговорах, а их обязанность – не вести без нас переговоров и требовать нашего участия» при возобновлении конференции.

23 апреля 1923 г. конференция возобновила работу без России. Ее секретариат оповестил Москву о возможности получить приглашение только при обязательстве подписать конвенцию о Проливах. В целях дальнейшего давления на Россию 8 мая 1923 г. Советскому правительству была вручена нота правительства Великобритании, известная как ультиматум Керзона. Документ требовал от Москвы исполнения в 10-дневный срок условий русско-английского торгового соглашения от 16 марта 1921 г., согласно которому Россия обязывалась воздерживаться от поощрения любых военно-дипломатических и иных действий, враждебных британским интересам в Индии и Афганистане (вспомним постдоговорные откровения Ленина, что «мы надует Англию»). Среди требований Лондона также значилось освобождение английских рыболовных траулеров, арестованных по указанию Москвы и др.

Примечательно, что через день после появления ультиматума Париж дал согласие на поездку в Марсель российской делегации по линии Красного Креста, которая «до этого полгода ждала разрешения» [45]. Скорее всего, такой шаг французов был вызван ослаблением позиции страны на переговорах в целом. Имея серьезнейшего соперника в лице Великобритании, французы стали терять позиции и во взаимоотношениях с опережающей на глазах (ввиду фактической поддержки англичан) Турцией. В период перерыва в работе Лозаннской конференции М. Кемаль, резко критикуя через СМИ пункты французской программы о капитуляциях, пригрозил интервенцией в Александретту, попытавшись подстрекнуть Сирию к антифранцузским шагам. А 9 апреля 1921 г. ВНСТ перешел к конкретным действиям, приняв решение о предоставлении концессий на строительство железных дорог, портов и эксплуатацию недр двум американским предпринимателям [39].

11 мая 1923 г. Москва отвергла ультиматум Керзона, но ровно на 11 дней. 23 мая, под предлогом нежелания допустить последствий, могущих «произойти для всеобщего мира от разрыва между Англией и Россией», РСФСР выразила согласие пойти «на новые уступки». Коснулись они рыбной ловли, финансовой компенсации супруге расстрелянного британского подданного и арестованной в связи с обвинениями в шпионаже журналистки С. Гардинг. Однако при этом Москва отклонила обвинения в нарушении ряда условий российского-британского торгового соглашения 1921 года. В результате последовавшего обмена нотами и меморандумами стороны согласились подписать декларацию,

подтверждавшую положения «политической» части соглашения 1921 г. Причем Великобритания принимала на себя обязательство отказа от прямой поддержки действий, имеющих целью ниспровержение существующего в России строя.

Вслед за этим Москва сделала еще одну уступку, чтобы не оказаться вне лозаннских игр. 19 июля 1921 г. Москва заявила, что несмотря на несогласие с предлагаемым для Проливов режимом, Советский Союз, ставя «выше всего интересы мира и уважение международных конфликтов», полагает возможным содействовать «своим участием в проведении в жизнь» конвенции о Проливах «защите прав и интересов восточных народов». С учетом согласия Анкары на предложения Запада на СССР «ни в малейшей мере не падает ответственность» за «нарушения прав и интересов турецкого народа», соблюдение которых Москва продолжит отстаивать. Вместе с тем, предпринятый шаг советское правительство обосновывало целесообразностью контроля реализации конвенции о режиме черноморских проливов, «дабы устранять по мере возможности» условия, «угрожающие безопасности» государства.

Итоги? Или промежуточный финиш?

Конвенция о режиме черноморских проливов, вступившая в силу 4 июля 1923 г., провозгласила принцип «свободы прохода и судоходства по морю и в воздухе в Дарданелльском проливе, Мраморном море и Босфоре» с гарантией осуществления, «каковы бы ни были флаг и груз», в мирное время и в военное, если Турция нейтральна. В случае участия Турции в военных действиях предусматривалась «свобода судоходства для нейтральных судов и нейтральных невоенных воздушных кораблей» с предоставлением Анкаре полного права «принимать такие меры, какие она сочтет необходимыми, чтобы воспрепятствовать неприятельским судам пользоваться Проливами».

Оба берега Дарданелл и Босфора подлежали демилитаризации, с сохранением для Турции права проводить по ним транзитом свои вооруженные силы. Турецкой стороне дозволялось осуществлять наблюдение («при помощи аэропланов или воздушных шаров») поверхности и глубинной части моря. Турецкие воздушные корабли получили возможность постоянного полета над водами Проливов и демилитаризованными зонами, «совершенно свободно» спускаясь там «повсюду» на землю или море. «Комиссия проливов», должная осуществлять «свою миссию под наблюдением Лиги Наций», учреждалась в Стамбуле под председательством Турции [45].

Конвенция была подписана в тот же день. 14 августа 1923 г. в Риме свою подпись под ней поставил и полпред СССР в Италии Николай

Иорданский. Согласно ряду источников, Москва пошла на это, поскольку конвенцию подписала Турция, а также из-за отсутствия возможности заключить иное, лучшее, соглашение на Ближнем Востоке. Подписав конвенцию «в виде опыта сотрудничества» с западными странами, Москва заявила, что при недостаточных гарантиях практики ее применения интересам торговли и безопасности СССР, а также всеобщего мира она возбудит вопрос о прекращении ее действия. Однако конвенция все же не была ратифицирована Москвой, поскольку она нарушала законные права СССР и не обеспечивала гарантии мира и безопасности черноморских стран [50].

24 июля 1923 г. был подписан Лозаннский мирный договор, включивший практически все основные предложения Лондона. Признание свободы прохода через Босфор и Дарданеллы военных судов в мирное и военное время, вкупе с демилитаризацией Проливов, означало возможность появления в любой момент британских кораблей перед черноморскими портами СССР. Турция согласилась с этими пунктами, так как документ оказался в немалой степени выигрышным для Анкары. Совсем недавно «ликвидированная» страна фактически заново обрела утраченные было территории. Греция обязывалась возместить ущерб, причиненный «в Анатолии противными законам войны действиями эллинской армии или эллинской администрации» [51].

Согласно статьям особого протокола, приложенного к Лозаннскому договору, предусматривалась эвакуация оккупировавших Стамбул гарнизонов европейских стран в шестинедельный срок после ратификации Турцией договора. По мнению А. Шталя, главным для Анкары стало признание «суверенных прав Турции». Решения Лозанны означали «полный триумф турецких националистов», так как вместо севрского раздела Турции устанавливалась власть государства «над всей Анатолией, Константинополем и Восточной Фракией»; христианские меньшинства страны лишались автономии: миллионы греков подлежали выселению в Грецию; Турция «впервые за свое историческое существование становится нацией» [50].

Что касается судьбы Мосула, то Н. Корсун, приводя статьи Лозаннского договора, обращал внимание на пункт, обязывающий установить границу между Турцией и Ираком «дружественным соглашением» обеих стран «в течение 9 месяцев» со дня подписания документа. В случае его неисполнения «разрешение спора должно быть передано в Лигу Наций», с обязательством Лондона и Анкары «не предпринимать военных или других действий, могущих изменить» статускво [49/a].

Но разве не такой ход событий прогнозировал Г. Чичерин (на что обращалось внимание выше)? А что, спрашивается, мешало англичанам

путем различного рода уловок затянуть решение вопроса об иракотурецкой границе, чтобы передать его в ведение «своей» Лиги Наций? Да ничего. Поэтому, чуть забежав вперед, отметим, что в 1924 г. Лига Наций установила демаркационную линию, оставившую Мосул в пределах Ирака, британский контроль над которым был признан англо-турецким договором 1926 г. Что касается отказа Турции в Лозанне от Александреттского санджака, он был обусловлен французской гарантией его автономного статуса.

По мнению профессора Виктора Израэляна, работающего в Пенсильванском университете (США), отмена режима капитуляций в Турции, экономической и политической привилегии иностранцев, международного финансового контроля над страной свидетельствовали о международном признании «возникшего в результате Кемалистской революции независимого турецкого государства» [52]. Как писал У. Черчилль, если к 1920 г. «союзные армии одержали над Турцией абсолютную и бесспорную победу», спустя четыре года «болтуны превратили победу в поражение» [12].

Согласно А. Шталю, в деле возрождения Турции, вышедшей «победительницей из неравной борьбы», немалую роль сыграли противоречия между крупнейшими империалистическими державами. По его убеждению, главным в судьбе турецкого народа являлось то, что «за ней стоял мощный и дружественный сосед – Советская Россия». Это прекрасно осознавали и в Турции. Так, по указанию М. Кемаля (Ататюрк) память о Михаиле Фрунзе увековечена в монументе Республики на центральной площади Стамбула. Скульптура прославленного российского военачальника, облаченного в военную форму, стоит в одном ряду с героями национально-освободительной войны, причем рядом со скульптурой первого турецкого президента. Возле Фрунзе нашлось место и для другого советского военачальника – Климента Ворошилова, в качестве военного советника также внесшего свою лепту в победу турецкой армии [53]. Эти памятники сохранились даже после распада СССР в смутные 1990-е, что свидетельствует не просто о благодарности турок России, но об их уникальной исторической памяти и объективном взгляде на историю страны.

Читатель может спросить, почему вышло так, что Турция на Лозаннской конференции выпала из сферы влияния России. Ведь говоря в мае 1923 г. об успехах «Востока в лице Турции», их первопричину Г. Чичерин видел в едином дипломатическом фронте с Россией. Вслед за чем, указывая на несогласие Москвы с «уступкой, сделанной Турцией западным державам» в вопросе об открытии Проливов для чужих военных судов, он подчеркивал, что Анкара связала «себя в этом отношении еще задолго» до конференции [45]. Но давайте признаем:

истощенная годами интервенции и гражданской войны Россия (СССР) была не в силах повлиять на заключительный этап геополитической игры вокруг Анкары, поскольку с трудом защищала саму себя. Мог ли М. Кемаль быть уверен, что лозаннский союз с Россией не создаст для Турции проблем, да еще на фоне нужды Ленина в английских кредитах? А мог ли он забыть российские игры вокруг фигуры Энвера? Поэтому Анкара, взвесив все «за» и «против», значительно активнее стала работать с Западом, добившись политико-экономических дивидендов.

Что касается «армянского движения», то Лозаннская конференция проигнорировала вопрос о создании «национального очага» армян в Турции. Как отмечает В. Дадрян, Запад «изъял все ссылки на Армению и армян», начисто отвергнув попытки армянской стороны «обсудить судьбу армян» [54]. По свидетельству главы парламента Армении в добольшевистский период, участника Лозанны Аветиса Агароняна, подписанный в Швейцарии договор «порождает обман чувств, поскольку он заключен таким образом, будто бы армян не существует, он якобы не знает о существовании армян и молчит о них» [55]. Хотя, по свидетельству Ллойд Джорджа, «в действительности армяне не имели права предаваться необоснованным надеждам» [56].

На этом печальном для «армянского движения» фоне Москва дала ему новые надежды. В том же июле 1923 г. декретом Азербайджанского центрального исполнительного комитета (АзЦИК, высший орган власти на территории республики) «из армянской части Нагорного Карабаха» была образована Нагорно-Карабахская автономная область как составная часть Азербайджанской ССР «с центром в местечке Ханкенди» [57]. Этот документ значительно отличался от Постановления Пленума Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 г., определявшего центром будущей автономии азербайджанскую Шушу и не рассматривавшего создание автономной области из «армянской части» [58]. А уже в сентябре 1923 г. решением областного комитета РКП(б) Ханкенди был переименован в Степанакерт – в честь Степана Шаумяна.

Тем самым под территорию Азербайджана была заложена мина замедленного действия, которая, взорвавшись спустя 65 лет, стала одним из знамений краха СССР. Гримасы истории, однако.

Стремительный политико-нефтяной ритм не спадает

С открытием в 1927 г. в иракском Киркуке крупного нефтяного месторождения Ирак стал еще более притягателен для внешних сил. Там всюю заактивничала Великобритания, которая планировала сооружение железнодорожных путей и нефтепроводов из Ирака к побережью Средиземного моря; проработку проекта трансперсидской железной

дороги к границам Индии; прокладку автотранспортного пути из Ирака до этнически азербайджанских территорий Персии; создание аэролинии Лондон – Каир – Багдад – Карачи – Австралия и т. д. Как подчеркивал в связи с этим Н. Корсун, становление Ирака было «одним из примечательнейших факторов на Ближнем Востоке». В целях прикрытия Ирака с его нефтеносным районом со стороны Турции, Персии и СССР возник план создания «буферного Курдского государства» [49/а, б].

Вскоре в регион устремились США, и в 1928 г. родилось так называемое соглашение «Красной линии» о разграничении территорий разведки нефтяных месторождений, заключенное крупнейшими нефтедобывающими компаниями западных стран: “Royal Dutch Shell”; “Near East Development Corporation”, “Jersey Standard”, “Socony”, Англо-Персидской компанией и французской “Compagnie Francaise des Petroles” (нынешняя “Total”).

Тогда же Бюро агитации и пропаганды Коминтерна и командование Красной армии подготовили памятку «Вооруженное восстание» – своеобразное теоретическое пособие, что вкупе с тезисами VI конгресса Коминтерна (1928 г.) о наличии «объективной возможности некапиталистического пути развития отсталых колоний» (при поддержке «победоносной пролетарской диктатуры других стран») [59] не могло не тревожить Великобританию.

Тем временем в 1928 г. в г. Исмаилия (Египет), находившимся тогда под оккупацией Лондона, возникла организация «Аль-ихван аль-муслимун» («Братья мусульмане»). Основавший партию Хасан аль-Банна мусульманскую умму видел единым целым, а исламский мир – единой родиной. «Мусульманское братство» противопоставлялось советской идеологии «некапиталистического пути отсталых колоний», и тиражирование идей о «единой мировой умме» происходило на фоне принятия Политбюро ЦК РКП(б) решений о нецелесообразности открытия богословских школ (медресе) [60].

Заинтересованные силы могли прекрасно обыгрывать идеи Х. Аль-Банна в нужном направлении, т. е. политизируя и радикализуя в нужный момент движение «братьев-мусульман», например во время обострения борьбы за обладание природными богатствами. А таковая предвиделась, тем более что в 1930 г. Англия благодаря договору «О дружбе и союзе» с Багдадом получила фактический контроль над Ираком. Да, независимость Ирака признавалась, но Лондон становился обладателем двух военных баз в стране, контролируя иракскую армию.

А в 1934 г., на следующий год после приобретения Socal (нынешняя Chevron) права на разработку месторождений в Саудовской Аравии и прихода в регион Техасо, Великобритания добилась реализации проекта запуска нефтепровода Мосул – Триполи. В 1935 г. заработал и другой

трубопроводный «маршрут» Киркук – Триполи – Хайфа. В связи с этим многие исследователи того периода отмечали, что с учетом расположения Ирака и Сирии у стыка границ Турции, Ирана и СССР территории прокладки нефтепровода являлись не только подступом к Индии, но и превращались в плацдарм для возможных военных действий против этих стран. При этом планировалось продолжить линию от Хайфы до Тебриза, что «в сочетании с железной дорогой Тебриз – Джульфа устанавливало прямую связь и кратчайший сухопутный маршрут от средиземноморского побережья до берегов Каспийского и Черного морей к границам СССР» [61].

К концу 1930-х гг. международная обстановка резко изменилась. После провала советско-турецких переговоров, в 1939 г. Турция подписала тройственный Договор о взаимопомощи с Великобританией и Францией. Однако он оказался краткосрочным, и с конца 1940 г., на фоне обострения советско-германских отношений, Турция оказалась в зоне влияния Германии. Приближалась II мировая война.

1. Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции
<http://lib.rus.ec/b/169693/read>
2. Проект Декларации о признании долгов
<http://vilenin.eu/t44/p186>
3. Телеграмма Л. Красина Г. В. Чичерину. Копия – В. И. Ленину. 19 октября 1921 г. (в сб. «Документы внешней политики СССР», т. IV)
<http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/04/index.html>
4. Записка В. М. Михайлову с проектом телеграммы Л. Б. Красину от 28 октября 1921 г.
<http://vilenin.eu/t44/p187>
5. Ответы Л. Б. Красина на вопросы группы руководящих деятелей лейбористского движения (в сб. «Документы внешней политики СССР», т. IV)
<http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/04/index.html>
6. Энгдаль У. Ф. Столетие войны. Англо-американская нефтяная политика и Новый Мировой Порядок
<http://lib.rus.ec/b/163663/read>
7. Информация об англо-турецких переговорах в Инеболи
<http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/1262-1296.htm>
8. Павлович М. Вашингтонская конференция и международное положение
<http://www.magister.msk.ru/library/revolt/pavlm001.htm>

9. Ленин В. И. Телеграмма И. Т. Смилге
http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=226:letters-1-22&catid=38:tom-54&Itemid=53
10. Цит. по: Примечания к т. 54 полного собрания сочинений В. И. Ленина
http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=215:primechanie&catid=38:tom-54&Itemid=53
11. Радек К. Генуэзская и Гаагская конференции
http://hrono.info/libris/lib_r/radek_genuya.html
12. Черчилль У. С. Мировой кризис
<http://grachev62.narod.ru/churchill/chapt19.htm>
13. Гурьев А. А. Внешняя и внутренняя политика Турции в апреле 2005 г.
<http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/04-05-05.htm>
14. Из редакционной статьи на сайте Посольства РФ в Турции
<http://www.turkey.mid.ru/20-30gg.html>
15. Громыко А. А., Пономарев Б. Н. История внешней политики СССР. Том первый
http://sbiblio.com/biblio/archive/gromika_istorija/05.aspx
16. Радек К. Эра демократического пацифизма
http://hrono.info/biograf/bio_r/radek_karl.php
17. Проект постановления ЦК РКП(б) о задачах советской делегации в Генуе
http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=3294:proekt-postanovleniya-czk-rkpb-o-zadachaxsovetskoj-delegaczii-vgenue&catid=83:tom-44&Itemid=53
18. Папен. Ф. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947
http://militera.lib.ru/memo/german/papen_f01/text.html
19. Радиограмма Правительства РСФСР Л. Б. Красину (в сб. «Документы внешней политики СССР», т. IV)
<http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/04/index.html>
20. Из меморандумов советской делегации и союзных держав на Генуэзской конференции (в сб. «Документы внешней политики СССР», т. V)
<http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/05/index.html>
21. См. Энциклопедия советского экспорта. Том второй. Нефть. [Всё о добыче, переработке, потреблении и мировой торговле нефтью и нефтепродуктами до 1930 г. и их технологических свойствах]
<http://istmat.info/node/51731>

22. Дипломатия в новейшее время (1919–1939 гг.)
http://www.ereading.org.ua/chapter.php/1002146/23/Potemkin_Vladimir_-_Diplomatiya_v_noveyshee_vremya__1919-1939_gg._.html
23. Ленин В. И. Проект телеграммы Г. В. Чичерину
http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=472:proekttelegrammi-chicherinu-45&catid=84:tom-45&Itemid=53
24. Меморандум Советской делегации на Генуэзской конференции от 11 мая 1922 г. (в сб. «Документы внешней политики СССР», т. V)
<http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/05/index.html>
25. Из редакционной статьи на сайте Посольства РФ в Турции
<http://www.turkey.mid.ru/20-30gg.html>
26. Из телеграмм Л. Карахана, нот С. Аралова; (примечание 33 в сб. «Документы внешней политики СССР», т. V)
<http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/05/index.html>
27. Бельгия в 20-е годы XX века
http://www.hrono.ru/land/192_belg.html
28. Шейнис З. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек
http://jewish-library.ru/sheynis/maksim_maksimovich_litvinov_revolyutsioner_diplomat_chelovek/14-2.htm?page=3
29. Потемкин В. История дипломатии. Том 3: Дипломатия в новейшее время (1919–1939 гг.)
<http://lib.rus.ec/b/270422/read>
30. Из нот правительств РФ и Великобритании (в сб. «Документы внешней политики СССР», т. V)
<http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/05/index.html>
31. Амблер Э. Маска Димитриоса
<http://www.fb2book.com/?kniga=573&strn=5&cht=1>
32. Вандеман Дж. Удивительные пророчества Библии
<http://lib.rus.ec/b/122352/read>
33. Гирин И. (Буквоед). Трансфер как «опиум народа»
<http://berkovich-zametki.com/2005/Zametki/Nomer1/Girin1.htm>
34. Нота Л. Карахана лорду Керзону (в сб. «Документы внешней политики СССР», т. V)
<http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/05/index.html>
35. Нота Правительства РСФСР (в сб. «Документы внешней политики СССР», т. V)
<http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/05/index.html>
36. Московский договор 1921 г.
<http://www.genocide.ru/lib/treaties/19.htm>

37. Косторниченко В. Иностраный капитал в советской нефтяной промышленности, 1918–1932 гг.
<http://referat-shop.com/c/c-19614.htm>
38. Примечание 144 в сб. «Документы внешней политики СССР», т. V
<http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/05/index.html>
39. Саакян Р. Г. Франко-турецкие отношения и Киликия в 1918–1923 гг.
<http://www.genocide.ru/lib/sahakyan/5.htm>
40. Хемингуэй Э. Предательство, разгром... и восстание
<http://psujourn.narod.ru/lib/betrayal.htm>
41. Эррио Э. Из прошлого: Между двумя войнами. 1914–1936
http://militera.lib.ru/memo/french/herriot_e/04.html
42. Интервью В. И. Ленина корреспонденту газет «Обсервер» и «Манчестер гардиан» М. Фарбману
http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=506:u ntervykorrespondentu-observer-45&catid=84:tom-45&Itemid=53
43. Цит. по: Рассказов О. Юридические лица в сфере предпринимательской (хозяйственной) деятельности в Российском государстве: теоретический и историко-правовой анализ
<http://pravouch.com/predprinimatelskoe-pravo-besplatno/formirovanierazvitie-hozyaystvenno-pravovoy.html>
44. Из нот С. Аралова и НКВД Комиссариату ИД Правительства ВНСТ; правительства России (в сб. «Документы внешней политики СССР», т. V)
<http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/05/index.html>
45. Из материалов Лозаннской конференции (в сб. «Документы внешней политики СССР», т. VI)
<http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/06/index.html>
46. Ирак в XX веке (основные события)
<http://www.hrono.ru/land/landi/1900irak.php>
47. Лоуренс Т. Э. Семь столпов мудрости
http://lib.ru/INPROZ/LOURENS_T/arawia.txt
48. См. подр.: Атаев Т. Битва за «кровоаво-черное золото» Ирака продолжается
<http://www.islamrf.ru/news/analytics/politics/7330/>
49. Корсун Н. Г. Арабский Восток. I
 а/ <http://www.rummuseum.ru/portal/node/566>
 б/ <http://www.rummuseum.ru/portal/node/561>
50. Шталь А. Малые войны 1920–1930-х годов
<http://militera.lib.ru/h/shtal/01.html>

51. Потемкин В. История дипломатии. Том 3: Дипломатия в новейшее время (1919–1939 гг.)
<http://lib.rus.ec/b/270422/read>
52. Израэлян В. Л. Лозаннский мирный договор 1923 г.
<http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/071/142.htm>
53. Баранов Ю. Тайная миссия «купца Михайлова»
<http://vif2.ru:2003/nvk/forum/archive/83/83866>
54. Дадрян В. Турецко-армянские отношения в свете исторических и политических последствий геноцида армян
<http://books.nt.am/readbook.php?LangID=5&ID=104>
55. Цит. по: Нерсисян С. Огонь под пеплом еще не угас
http://www.golos.am/2000/may_2005/26/st06.html
56. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. В 2-х т.
<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4805114>
57. Декрет АзЦИК от 7 июля 1923 г.
<http://www.karabakh-doc.azerall.info/ru/hisdoc/hd013.htm>
58. Из протокола заседания Пленума Кавказского Бюро ЦК РКП(б)
<http://www.supremecourt.gov.az/?mod=2&cat=301&c=1&id=43&lang=ru&t=g>
59. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934, с. 59.
60. Религия и государство в Среднем Поволжье
http://1997-2011.tatarstan.ru/?DNSID=1dac0308a3f1fa03b75efe72dc5c68d8&node_id=2176
61. См. Валиахметова Г. Н. Англо-французское соперничество на Ближнем Востоке и строительство иракского нефтепровода (1928–1934)
[http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0047\(01_12-2006\)&xsln=showArticle.xslt&id=a35&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0047(01_12-2006)&xsln=showArticle.xslt&id=a35&doc=../content.jsp)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ II МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ КАВКАЗА И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Вторая мировая война и нефтяные интересы союзников в Иране

С началом II мировой войны, в августе 1941 г. в Иран были введены войска СССР (в северную часть) и Великобритании (в центральные провинции). После этого Вашингтон и Лондон подписали Атлантическую хартию, один из пунктов которой провозглашал стремление этих государств «обеспечить» доступ всех стран «на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран» [1]. В сентябре к хартии присоединилась Москва, правда, с оговоркой о применении принципов в соответствии с «нуждами и историческими обстоятельствами той или другой страны».

Поскольку главным назначением хартии было обеспечение доступа к «чужому» сырью, вслед за Москвой и Лондоном в Иран устремился и Вашингтон. После заявления американского президента Франклина Д. Рузвельта, что «защита Ирана для США является важной стратегической задачей», Тегеран посетил его спецпредставитель Уиллки Уэнделл (Willkie Wendell). Американские советники находились в иранской армии, жандармерии, полиции; «главным управляющим финансами» стал экономический советник Госдепа США Артур Мильспо (миссия Мильспо), получивший «полномочия в делах приобретения и распределения» всех сырьевых и производимых товаров; их экспорта и импорта; выдачи лицензий на производство и продажу» [2]. К середине 1943 г. был принят закон о предоставлении чрезвычайных полномочий А. Мильспо, обеспечивший беспошлинный ввоз американских товаров в Иран. Но главной целью являлись концессии на разведку и добычу нефти, в связи с чем Вашингтон намеревалась потеснить конкурентов в лице Лондона. Хотя поддержавшие «беспошлинный» закон англичане были допущены в состав американской миссии и надеялись на определенные экономические преференции.

Согласно ряду источников, 18 февраля 1944 г. Ф. Рузвельт заявил британскому послу в Вашингтоне Эдуарду Галифаксу о «принадлежности» нефти Ирана и Саудовской Аравии, соответственно, Англии и США, при паритетном дележе «черного золота» Ирака и Кувейта. Спустя два дня британский премьер Уильям Черчилль высказал опасение «определенных кругов» стремлением США «отнять все наши нефтяные активы на Ближнем Востоке». Лишь после подтверждения

Вашингтоном отсутствия претензий «на ваши нефтяные месторождения в Ираке или Иране» разгоравшийся был конфликт был улажен [3].

Но США перехитрили англичан, проведя в том же году через иранский парламент (меджлис) закон, запрещающий правительству выдавать нефтяные концессии иностранцам. Парламентарии также озвучили недовольство деятельностью Англо-иранской (персидской) нефтяной компании (впоследствии ВР) [4]. Ослабевший к концу войны Лондон в сентябре 1944 г. вынужден был подписать соглашение с США, признавшее право американцев на «ничем не ограниченный доступ» к источникам нефти во всех районах земного шара, свободное изыскание и развитие нефтяных ресурсов и т. д. Правда, с констатацией необходимости «справедливого распределения» между договаривающимися сторонами «уровня производства нефти» [5]. Последний пункт, естественно, не удовлетворял американских нефтепромышленников, но легитимизация экономического «внедрения» США на «английские» территории ближневосточного региона тем не менее началась.

Мог ли И. Сталин безучастно следить за этими играми, тем более после получения от иранского правительства ответа, что рассмотрение предложения СССР о предоставлении концессии на месторождения в северных районах Ирана (Гилян, Мазандаран и др.) откладывается до окончания войны? В том же 1944 г. нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов ознакомил Сталина с запиской своего заместителя Ивана Майского «По вопросам будущего мира и послевоенного устройства», гласившей, что послевоенным оружием «американской экспансии» будет не столько «территориальная аннексия», сколько «финансово-экономическая». В этой связи предлагалось «создание такого положения, при котором в течение длительного срока была бы гарантирована безопасность СССР», что требовало обеспечения гарантий свободного «использования транзитных путей через Иран к Персидскому заливу». Для осуществления этого (в том числе) «должно быть обращено особое внимание на освоение северного Ирана с помощью целого ряда экономических, культурных и политических мероприятий». Другой актуальной внешнеполитической задачей ставилось препятствование усилению Турции, посредством использования всех доступных методов и средства для ослабления ее позиции как «часового» на Проливах [6].

Вполне очевидно, что одними декларациями желаемого не достичь, и СССР взялся за организацию необходимых «постановочных» акций.

Использование «армянского фактора» в религиозной плоскости как первый шаг в давлении на Турцию

Вслед за денонсацией Москвой в марте 1945 г. советско-турецкого Договора о дружбе и нейтралитете (от 1925 г.) И. Сталин решил задействовать религиозный инструмент, а именно армянскую церковь, с 1938 г. существовавшую без своего главы. «Выпускника же Эчмиадзинской духовной семинарии, Лейпцигского университета и Лейпцигской консерватории епископа [Геворга] Чорекчяна, – отмечает армянский исследователь Арис Казинян, – Сталин знал давно; в 1922–1927 годах именно он руководил Грузинской епархией Армянской Апостольской церкви» [7]. Его Сталин и решает использовать в антитурецких целях, во время беседы с ним в апреле 1945 г. пообещав решить ряд вопросов в пользу Армянской церкви [8]. Вслед за этим «большое национально-церковное собрание 22 июня 1945 г. единогласно избрало Чорекчяна католикосом всех армян, а 24 июня состоялось его освящение и восшествие на престол» [9] под именем Геворга VI. Не приходится сомневаться, что Г. Чорекчян четко воспринял все директивы Сталина по предстоящему включению армянской церкви в геополитическую игру, в связи с чем армянские источники подчеркивают великую роль Геворга VI в «возбуждении вопроса о возвращении Армении захваченных Турцией западноармянских территорий» [9]. Так был запущен один из механизмов реализации «армянского вопроса».

Работа Потсдамской конференции под аккомпанемент ядерной бомбы

Иранское и турецкое направления стали самостоятельными внешнеполитическими приоритетами Москвы в силу ряда обстоятельств. Дело в том, что с весны 1945 г. в американо-советских взаимоотношениях возникла напряженность, причину чего многие аналитики связывают с изменениями в Белом доме: скончавшегося в апреле выдающегося Ф. Рузвельта сменил Гарри Трумэн. По словам тогдашнего советского посла в США, будущего министра иностранных дел СССР Андрея Громыко, со смертью «с большим уважением» относившегося к Советскому Союзу Ф. Рузвельта «в советско-американских отношениях почти сразу же стали проявляться серьезные натянутости». На открывшейся в конце апреля конференции в Сан-Франциско (по вопросу учреждения ООН) А. Громыко «с трудом узнал» в Г. Трумэне человека, «еще недавно» источавшего любезности. Он «все отвергал», пытаясь «обострить встречу». Основу такой метаморфозы А. Громыко усматривал в появлении на горизонте американской атомной бомбы: Г. Трумэну «явно казалось, что, получив в руки такое оружие, Америка сможет диктовать свою волю» Москве. Поэтому президент США переносил открытие Потсдамской конференции, должной рассматривать направления

политики США, Англии и СССР в отношении послевоенной Европы и др. регионов мира. Он ожидал «результаты испытания» и, получив сообщение, что оно состоялось, 16 июля 1945 г., за день до открытия конференции, счел необходимым «проявить жесткость по обсуждавшимся вопросам» [10].

Под «вопросами» подразумевалась прежде всего Европа, на значительной части которой к концу войны закрепилась советская армия. Г. Трумэн признает, что на заседании 24-го июля «самый заядлый спор» возник из-за предложения Сталина «признать марионеточные правительства» в странах, «захваченных русскими армиями». Выразив обеспокоенность «трудностями», с которыми сталкиваются американские посольства в Румынии и Болгарии, вслед за высказываниями Сталина о «предпринимаемых попытках» дискредитировать Советский Союз Г. Трумэн предложил передать вопрос министрам иностранных дел для дальнейших обсуждений [11]. Г. Трумэн имел для этого все основания, поскольку, согласно многим источникам, именно 24 июля 1945 г. он уведомил И. Сталина об обладании Вашингтоном ядерным оружием (на что И. Сталин отреагировал очень сдержанно.)

Американский исследователь Гар Алпровиц (Gar Alperovitz) отмечает, что атомная бомба «в значительной степени определила поворот Трумэна к политике с позиции силы, ставящей своей целью вынудить Советский Союз согласиться с американскими планами в отношении Восточной и Центральной Европы» [12/а].

Но Москва не отказалась от собственной геополитической линии, не дав Вашингтону ни единого шанса надеяться на смену внешнеполитических ориентиров СССР. По-видимому, по этой причине спустя неделю после окончания конференции, в августе 1945 г. США сбросили ядерную бомбу на японские города Хиросиму и Нагасаки, вслед за чем Г. Трумэн обратился с посланием к американскому народу, посвященным итогам Потсдама, заявив, в частности, что балканские страны «не должны быть сферами влияния какой-либо одной державы» [12/б].

Здесь стоит отметить, что известный американский историк и публицист Артур Шлезингер «страшно заманчивую» концепцию Г. Алпровица «о том, что Трумэн отказался от политики Рузвельта», назвал мифом, не усматривая изменений во внешней политике США. Но при этом А. Шлезингер признает отказ США от «идеи стабилизации мира путем разделения сфер влияния», поскольку если бы СССР смог беспрепятственно «распространить свое влияние на Восточную Европу», возникла бы «большая вероятность» использования Москвой своей зоны безопасности «в качестве трамплина для нападения на Западную

Европу». В связи с этим Белый дом заявил «о своих интересах в зоне», полагавшейся Советами «“очень важной” для их безопасности» [13]. Однако геополитическая «речь» шла далеко не только о Европе.

Развитие «армянского вопроса» на фоне ядерного шантажа США (с краткой исторической ретроспективой)

На фоне новых тенденций в американско-советских отношениях в Потсдаме в очередной раз был поднят «армянский вопрос». По воспоминаниям Г. Трумэна, на конференции В. Молотов отметил, что в «1921 г. часть русской территории была отторгнута от Советской Армении и Советской Грузии, и он настаивает» на решении этого вопроса «еще до заключения союзного договора [с Турцией]» [11]. В. Молотов заявил, что турки, воспользовавшись «слабостью Советского государства», отторгли Карс, Артвин и Ардаган. «Армяне в Советском Союзе чувствуют себя обиженными, – заключил он, – территория, о которой идет речь, не принадлежит туркам. Они поступили несправедливо, отняв ее». Непосредственно Сталин, назвав границу в регионе неправильной, подчеркнул, что при намерении Турции «заключить с нами союз» нужно ее «исправить», иначе «вопрос о союзе» отпадает [14].

Однако, как отмечалось в предыдущих главах, подписанный в 1921 г. российско-турецкий договор аннулировал положения Севрского мирного договора 1920 г., и к Турции отошли центральная часть Батумской области и Артвин – от Грузии, Карсская область и Сурмалинский уезд – от Армении [15]. Мало того, мы уже обращали внимание, что накануне заключения российско-турецкого договора в газете «Жизнь национальностей»¹⁰³ была размещена статья, признавшая предъявленные «Советроссией к Турецкому Ангорскому правительству» требования «об уступке Армении Ванского и Битлисского вилайетов» Турции «совершенно ошибочными и вредящими развитию мировой революции» [16].

Как отмечает в свете происходившего в Потсдаме автор учебников по российской истории Леонид Кацва, в начале 1920-х гг. именно большевистское правительство заигрывало с Мустафой Кемалем, стремясь ослабить армянских дашнаков. «Теперь же Армения была в составе СССР» и отношение Москвы к статусу «Турецкой Армении» изменилось [17].

¹⁰³ Печатный орган Народного комиссариата по делам национальностей, возглавляемого в тот период И. Сталиным.
– прим. авт.

Поэтому не удивительно, что на Потсдамской конференции Москва заявила о своих правах на турецкие территории, а также о планах «учреждения в зоне Проливов военно-морской базы для обеспечения свободного прохода по ним советских военных кораблей. Тем самым, Босфор и Дарданеллы перешли бы под контроль СССР» [18]. Хотя официальное заключение по данному вопросу на конференции не прозвучало, 18 сентября 1945 г.¹⁰⁴ Объединенный комитет начальников штабов США одобрил директиву 1496/2 «Основы формулирования военной политики», где СССР был назван в качестве противника» Вашингтона [19].

Но Москва решила подобраться к Турции через «армянский вопрос». Для начала была задействована «карабахская тема». 28 ноября 1945 г. секретарь ЦК ВКП(б) Георгий Маленков направил телеграмму руководителю ЦК компартии Азербайджана Мир-Джафару Багирову с просьбой сообщить «мнение по поводу предложения» главы КП Армении Григория Арутинова. Речь шла о внесении Ереваном (с учетом «желания населения» автономии) на рассмотрение ЦК ВКП(б) вопроса о включении Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджана в состав Армянской ССР. В переписке с Г. Маленковым М. Багиров согласился с предложением (без Шушинского района области), но при включении в состав Азербайджанской ССР трех азербайджанонаселенных районов Армении, «примыкающих» к Азербайджану и «населенных преимущественно азербайджанцами» [20].

На следующий день в дело был пущен уже подготовленный «религиозный фактор». Геворк VI обратился к главам правительств СССР, США, и Великобритании «с требованием о присоединении к Советской Армении армянских вилайетов Турции» [21]. Вслед за чем к «делу» подключились и ученые. 20 декабря 1945 г. газета «Правда» (орган ЦК КПСС) перепечатала опубликованное в грузинском «Коммунисте» (орган ЦК коммунистической партии Грузии) письмо академиков С. Джанашиа и Н. Бердзенишвили под заголовком «О наших законных требованиях к Турции». В письме, утверждавшем, что в 1920–1921 гг. «турки вторглись и оккупировали» Ардаганский, Олтинский, Артвинский округа и южный сектор Батумского округа, предъявлялись территориальные претензии к Турции, в частности, на районы Ардагана, Артвина, Олты, Трабзона и др. [22].

Весьма показательно, что очередной раунд «армянского вопроса» совпал во времени с организованными Кремлем событиями в Иране.

¹⁰⁴ Вслед за окончанием II мировой войны (Япония капитулировала 2 сентября 1945 г.). – прим. авт.

Возникновение в Иране Демократической Республики Азербайджан. Использование Москвой «курдского фактора» для ослабления Ирана

Речь идет о планах Москвы по созданию на севере Ирана просоветского режима. В сентябре 1945 года в Тебризе и других регионах прозвучало первое воззвание к населяющим Иран азербайджанцам со стороны созданной «Демократической партии Азербайджана», возглавляемой экс-членом ЦК Компартии Ирана Сеидом Джафаром Пишевари, прошедшим школу революционной борьбы в Баку. В одном из выступлений С. Д. Пишевари произнес: «Мы против персидского шовинизма, мы за то, чтобы иметь автономию в пределах Ирана» [23]. Большинство аналитиков видят в этом событии стремление Москвы к политическому закреплению в Иране, упуская его нефтяную подоплеку.

Дело в том, что согласно договору о союзе, подписанному в 1942 г. между Тегераном, Москвой и Лондоном, британские и советские войска в течение 6 месяцев по завершении II мировой войны должны были покинуть Иран. С учетом окончания войны 2 сентября 1945 г. данный срок истекал 2 марта 1946 г. Вполне очевидно, что посредством деятельности «Демократической партии Азербайджана» Москва намеревалась добиться от контролируемого Вашингтоном Тегерана положительного ответа на обращение о получении нефтяных концессий на севере страны.

Как следствие, после появления директивы 1496/2 (см. выше) 24 сентября 1945 г. США подписали новое нефтяное соглашение с Великобританией, отменявшее любые ограничения и полностью признавшее «принцип равных возможностей» [5]. Кремль в ответ пошел в «атаку» на Иран. В ноябре были проведены выборы в Национальный меджлис Азербайджана, а в следующем месяце сформировано азербайджанское правительство провозглашенной Демократической Республики Азербайджан (ДРА). 5 февраля 1946 г. на базе частей 77-й советской дивизии ДРА создала свою армию. Были введены национальные деньги, азербайджанский язык объявлен государственным.

Для давления на Тегеран (и США) Кремль также задействовал «курдский фактор». В октябре 1945 г. возникла Демократическая партия Иранского Курдистана, а 22 января 1946 г. было провозглашено образование «Курдской Народной Республики» (Мехабадская республика). Ее президентом стал Кази Мухаммед, а вооруженные силы через некоторое время возглавил Мустафа Барзани.

«Курдский вопрос» возник далеко не вдруг. Согласно воспоминаниям сына Лаврентия Берии Серго, по окончании разведшколы оказавшегося в 1941 г. в Иране по линии Генштаба, «находясь в контакте с курдами, мы

передали им огромное количество оружия. Отдельные отряды были направлены в Азербайджан или Грузию для получения там специальной подготовки». На вопрос сына о причинах интереса Москвы к курдам Л. Берия сообщил: «Первоначально эта идея возникла у англичан. Курды – это острый кинжал, который можно направить против Турции, Ирана или Ирака. Пока дела идут хорошо, англичане поддерживают разногласия между иракскими, иранскими и турецкими курдами. Но они имеют подпольную сеть в каждой из этих групп, и при желании могут их объединить, чтоб создать хорошо вооруженное, богатое нефтью и сырьем государство. Что же касается нас, то мы не могли оставить эту монополию англичанам. Нам было необходимо, чтобы Турция вела себя спокойной» [24].

Так что «курдский фактор», используемый СССР для ослабления Ирана, был направлен и против Анкары.

Локализация иранского кризиса

В декабре 1945 г. СССР отказался от ратификации Бреттон-Вудских соглашений¹⁰⁵. А 9 февраля 1946 г. И. Сталин выступил с программной речью, осветившей внутри- и внешнеполитические акценты СССР. Данное выступление рассматривается западными аналитиками как демонстрация «советской угрозы» – на основании того, что глава СССР счел «лучшей формой организации общества» советский строй (по сравнению с «несоветским»), и его фразы, что «Красная Армия является не “колоссом на глиняных ногах”, а первоклассной армией нашего времени». Говоря о несоциалистической части мира, И. Сталин, в свою очередь, указал на возможность «избегнуть военной катастрофы» в случае периодического «перераспределения сырья и рынков сбыта между странами сообразно с их экономическим весом в порядке принятия согласованных и мирных решений». Добавив, что «это невозможно осуществить при нынешних капиталистических условиях развития мирового хозяйства» [25].

Чуть менее чем через две недели после выступления И. Сталина тогдашний советник американского посольства в Москве Джордж Кеннан¹⁰⁶ в телеграмме в Вашингтон включил Турцию и Северный Иран в число регионов «первостепенной стратегической необходимости». Отметив «негативный и разрушительный» характер «всех» усилий СССР «на неофициальном международном уровне», Дж. Кеннан указал, что «в

¹⁰⁵ Международная система организации денежных отношений и торговых расчетов, положившая начало Международному валютному фонду и Международному банку реконструкции и развития. – прим. авт.

¹⁰⁶ Будущий посол США в СССР, объявленный МИД СССР персоной нон грата. – прим. авт.

основе советского мировоззрения» отсутствует возможность «компромисса с государствами-соперниками», так как «конструктивная деятельность может начаться» лишь тогда, когда «коммунистическая власть станет доминирующей». После чего он упомянул о «фанатичной вере» Кремля в «невозможность неизменного сосуществования» с США и о необходимости «представления» Вашингтоном мировому сообществу «более позитивной и конструктивной картины» [26].

Позиции сторон были озвучены.

Что касается Ирана, то если Великобритания ко 2 марта 1946 г. вывела свои войска из страны, СССР это делать не торопился. По свидетельству американского консула в Тебризе того периода Роберта Россоу (Robert Rossow), 4 марта 1946 г. «15 советских бронеприков вошли в Азербайджанскую провинцию на северо-западе Ирана», начав от ирано-турецкой границы «продвигаться к центру». Еще одна такая же армия из Болгарии направилась к европейским границам Турции. Первая фаза «предполагала покорение Турции, выход на берега Средиземного моря, к Суэцкому каналу, к нефтяным залежам Персидского залива и сближение с Индией» [27].

В условиях реальной угрозы своим интересам Англия и США забыли о взаимных противоречиях. 5 марта 1946 г., в присутствии Г. Трумэна, в американском Фултоне со знаменитой речью выступил Уинстон Черчилль. Заявив об «особых отношениях» между Лондоном и Вашингтоном, он использовал такие термины как «железный занавес» (за которым обосновались послевоенные промосковские европейские режимы), «советская сфера», «советское влияние», «возрастающий контроль Москвы». А определив компартии других стран в качестве «пятой колонны, представляющей собой все возрастающий вызов и опасность для христианской цивилизации», резюмировал: «Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям» [28]. Именно данное выступление принято считать началом «холодной войны» между Западом и СССР, хотя, как мы видели, ее истоки проявились значительно ранее. Оценив сказанное британским премьером как «опасный акт» с «установкой на войну» с СССР, И. Сталин подчеркнул, что в случае «нового похода» капиталистического мира против Восточной Европы, он будет бит «так же, как в прошлом» [29].

Фултонская речь У. Черчилля однозначно означала поддержку Западом Ирана и Турции, что позволило Тегерану на заседании Совета Безопасности ООН 18 марта 1946 г. поставить вопрос об эвакуации с территории страны всех советских войск. Спустя шесть дней

военнослужащие СССР начали покидать страну. Но вся логика предшествующих событий свидетельствует об отсутствии у СССР намерения ослабить иранскую хватку. Следовательно, у Москвы могли появиться веские причины для свертывания активности в направлении Ирана.

Немало источников причиной происшедшего называют некий ультиматум Г. Трумэна И. Сталину о применении ядерной бомбы. Но этим вся информация исчерпывается. Да и реакция Кремля на предшествовавшие ядерные угрозы со стороны США демонстрирует уверенность И. Сталина в неприменении Вашингтоном данного вида оружия.

По-видимому, в очередной раз сыграл свою роль нефтяной фактор. Вывод советских войск осуществлялся на фоне создания советскоиранского общества по разведке и эксплуатации нефтяных месторождений в Северном Иране. В течение первых 25 лет 49% акций этого общества должны были принадлежать иранской стороне и 51% – советской. Прибыли подлежали распределению соответственно количеству акций у каждой из них. В течение последующих 25 лет обе стороны становились обладателями 50% акций. Иранское правительство обязалось «не сдавать в концессию иностранным компаниям или иранским обществам с участием иностранцев земли, расположенные к западу от границы территории», предназначенной для советскоиранского общества [30].

Вот так. Владующий атомной бомбой Вашингтон поделился иранской нефтью с Москвой, и конфликт вокруг Ирана в одночасье оказался локализован. Правда, иранский Меджлис так и не ратифицировал создание советско-иранского общества, но, как мы увидим ниже, это не особо расстроило советские власти, так как Кремль рвался в другие нефтеносные ареалы. На пути к которым СССР уже не интересовался созданными им автономными образованиями в Иране, бросив их на произвол судьбы (в руки иранского шаха). Так, по сведениям газеты «Мардом» от 5 июля 1947 года, за несколько месяцев на территории, входившей в Демократическую Республику Азербайджан, «было расстреляно и повешено 760 человек», несколько тысяч подверглись убийству «в результате самочинных расправ» [31].

Одновременно с уходом советской армии из Ирана тот же Дж. Кеннан «краеугольным камнем политики США по отношению к Советскому Союзу» назвал «твердое сдерживание экспансионистских тенденций России» [32]. Автор внешнеполитической «доктрины сдерживания» раскрыл причины важности этой тактики: «Надо было переходить к инспирированию и поддержке сопротивления попыткам Советов к расширению регионов своего политического влияния и установлению

там доминирующего положения, ожидая ослабления советской мощи и обуздания советских амбиций и поведения» [33]. Упоминаемыми Дж. Кеннаном регионами принято считать Восточную Европу и Турцию. Но важнейшую роль в этом «списке» играл и Ближний Восток.

Вокруг Ближнего и Среднего Востока

С нормализацией обстановки вокруг Ирана интересы Вашингтона и Москвы столкнулись в Турции. Но ситуация там была противоположна той, которая существовала в 20-х годах XX в., когда Запад расчленил Османскую империю. Теперь уже капиталистический мир был заинтересован не просто в сохранении территории Турции, а в ее укреплении. Уж слишком стратегическим был (и остается) турецкий регион.

7 августа 1946 г. Москва потребовала от Анкары пересмотра режима Проливов на основе соглашения только черноморских держав. При этом предлагалось организовать советско-турецкую оборону Проливов для предотвращения их использования «враждебными государствами». Однако американцы считали, что отношения с Турцией были для СССР промежуточным звеном в борьбе за обладание природными богатствами Ближнего Востока. Американский исследователь, профессор Стэнфордского университета Дэвид Холловэй отмечает, что августовские требования Кремля Белый дом расценил как попытку получить контроль над Турцией, открыв «путь советскому продвижению в Персидский залив и район Суэцкого канала». Но после того как исполнявший обязанности госсекретаря США Дин Ачесон проинформировал советское правительство о том, что режим Проливов является предметом обеспокоенности США, и американские военноморские силы были направлены в Восточное Средиземноморье, «Советский Союз снял свои требования» [34].

Так что политические интересы вокруг Турции и Ближнего Востока в немалой степени определялись нефтяным фактором. А как иначе? Еще в марте 1945 г. на стол В. Молотова легла записка его заместителя Сергея Кавтарадзе, обосновывавшая открытие советского консульства в Палестине расположением региона «на линии важных мировых коммуникаций». В ней отмечалось, что через данную территорию предположительно проходят новые мощные нефтепроводы, «в связи с чем английский и американский капитал проявляют к Палестине повышенный интерес» [35].

Действительно, акционерами “Arabian American Oil Company” (Aramco) являлись “Socal” (нынешняя “Chevron”), “Jersey Standard”, “Socony” и “Техасо”. Усилившийся к концу войны Вашингтон вскоре

предпринял успешную попытку выйти из соглашения «Красной линии», и состав акционеров “Iraq Petroleum Company” (IPC) изменился: после II мировой войны в ней главенствовали те же “Socony” и “Jersey Standard”, вкуче с Англо-персидской компанией и “Royal Dutch Shell”.

Поэтому возросший геополитический интерес Сталина к Ближнему Востоку во второй половине 1940-х гг. был неслучаен. Прорваться же в нефтеносный регион Кремль решил, использовав контролируемый англичанами «палестинский вопрос». Вполне очевидно, что Вашингтон, даже при единстве «фултоновской позиции», был заинтересован в ослаблении ближневосточного влияния Лондона¹⁰⁷. В этом интересе США и СССР сошлись.

Известный советский разведчик Павел Судоплатов¹⁰⁸ свидетельствует, что в апреле 1946 г., т. е. сразу после начала вывода советских войск из Ирана, заместители наркома по иностранным делам Владимир Деканозов и Андрей Вышинский подготовили служебную записку о необходимости проведения «политики благоприятного отношения к созданию еврейского государства в Палестине» в целях «усиления советских позиций на Ближнем Востоке» и подрыва «британского влияния в арабских странах». О серьезности намерений говорит тот факт, что идеи создания «демократического еврейского государства» были изложены даже на страницах журнала «Новое время». «Одновременно с предпринимавшимися политическими шагами, – продолжает П. Судоплатов, – было получено указание забросить наших агентов в Палестину через Румынию» (для создания «нелегальной агентурной сети» во имя проведения «диверсионных операций против англичан») [36/а].

В результате с начала 1947 г. «палестинский вопрос» оказался в центре внимания ООН. Лондон выступил с инициативой раздела Палестины на еврейский, арабский и британский (с Иерусалимом) секторы с сохранением верховного контроля Великобритании в течение следующих четырех лет. Что, естественно, не было одобрено ни Вашингтоном, ни Москвой. На специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (апрель 1947 г.) Кремль официально предложил либо создать «единое арабско-еврейское государство», либо разделить Палестину на два независимых демократических государства – арабское и еврейское. Через образованную специальную комиссию было проведено решение о приемлемости второго варианта.

¹⁰⁷ После создания в США в 1944 г. «Совета по делам еврейских беженцев» по всему Ближнему Востоку прокатились антибританские террористические акции. – прим. авт.

¹⁰⁸ Впоследствии замначальника Первого Главного управления (ПГУ) МВД СССР. – прим. авт.

Таким образом, становятся очевидными причины резкого снижения интереса Москвы к «Азербайджанской демократической республике» в Иране: СССР теперь намеревался войти на Ближний Восток через будущий «социалистический Израиль». Но с учетом особой важности Турции в этом регионе Кремль не снял с повестки дня и «армянский вопрос», изменив лишь форму его «подачи».

«Армянский вопрос» в новых геополитических условиях

С конца 1946 г. геополитическая борьба между СССР и США приняла открытый характер. В декабре в Вашингтоне было заключено соглашение о слиянии американской и английской зон оккупации в Германии, в преддверии чего Москва устами секретаря ЦК ВКП(б) Андрея Жданова заявила о планах «реакционных сил и кругов» расчистить путь для экспансии, агрессии и «завоевания мирового господства» [37].

На этом фоне Москва начинает новый розыгрыш «армянской партии», дав ход постановлению «О практических мероприятиях по переселению армян из-за границы в Советскую Армению», подготовленному правительством и утвержденному Политбюро ЦК ВКП(б) 22 февраля 1946 г. Началась кампания по «репатриации армян». Вполне очевидно, что она нужна была Москве для аннексии турецких земель под предлогом нехватки «места» для расселения армян, вернувшихся на «историческую родину» (в СССР?!) из арабских стран, ранее входивших в Османскую империю. При этом, по замыслу Москвы, территориальные претензии к Турции должны прозвучать из уст самих репатриантов в виде призыва к объединению привычной для их слуха «Западной (Турецкой) Армении» с Армянской ССР.

По признанию историка Армена Давтяна, «коммунисты подбивали многих зарубежных армян» ехать в Армению. «Советский миф» гласил о «репатриации вынужденно перемещенных армян», но репатриацией «это не было, поскольку Армения в границах Армянской ССР никогда не была родиной их предков – выходцев именно из Западной Армении» [38].

Тем самым проект репатриации армян изначально имел антитурецкий и антизападный характер. Поэтому неудивительно, что СССР и Запад, прежде всего в лице разведсообществ, начинают борьбу за «голоса» армян, проживавших за пределами Армянской ССР. С. Лурье и А. Давтян отмечают, что «прагматичная» армянская националистическая партия «Рамкавар-Азатакан» изначально поддержала идею репатриации, «в какой-то момент, в видах политической конъюнктуры послевоенного мира, зародившейся в советских спецслужбах». Вслед за чем «проект» «подхватила и Дашнакцутюн», находившаяся «в острой конфронтации и к советскому режиму» [39].

Однако с поддержкой идеи репатриации зарубежными армянами было далеко не все так однозначно. Заинтересованные структуры на Западе формировали в армянской среде совершенно противоположные взгляды, используя для этого религиозный фактор. Так, в том же 1946 г. Папа Пий XII даровал Григор Петросу Агаджаняну кардинальское достоинство с титулом *S. Bartholomaei in Insula*. Как раз он и мог удерживать паству от репатриации, поскольку впоследствии Геворг VI так характеризовал его деятельность: «Сей любимый кардинал Пия XII открыто выступает против великого и гуманнейшего дела репатриации и против воссоединения захваченных Турцией армянских вилайетов с Армянской ССР. Духовно разложить и национально обезличить армян-скитальцев, так сильно тоскующих по любимой Родине, широко открывшей свои двери перед братьями по крови и культуре – такова тактика Агаджаняна» [40].

Москва, в свою очередь, в январе 1947 г. выводит на арену все того же Нжде (Гарегин Тер-Арутюнян), о котором мы говорили в предыдущих главах. Как отмечается в его биографии, в 1942–1943 гг. Нжде сотрудничал «с германскими военными властями и розыскными структурами в вопросе о восстановлении свободы и независимости Армении». В то же время, являясь с 1943 г. главой основанного в Софии «Благотворительного братства русскоармян», 9 сентября 1944 г., после вступления на территорию Болгарии советских войск, Нжде «направляет письмо командующему 3-м Украинским фронтом Федору Толбухину с «предложением помощи Советскому Союзу в военных действиях против Турции». После разъяснений, что он «свои предложения должен лично предоставить высшему правительству СССР, советская контрразведка Смерш переправляет его в Москву», где с ним «беседует представитель Госбезопасности СССР» [41].

В ноябре 1946 г. из Лубянской тюрьмы Нжде переводят в Ереван. В январе 1947 г. в тюрьме Нжде пишет (ну не самостоятельно же!), что «дашнакская интеллигенция последнего периода, находящаяся в плену» у «европеизма», «ныне делает попытки сблизиться с турками», хотя попытка «найти общий язык» с ними «означает морально проиграть армянский вопрос». «Дашнакцутюн» находится перед альтернативой, «с кем он будет – с турками или с великим русским народом», но, не ответив «решительно: с русскими против Турции», партия станет «изменником». Именно «эту политическую ориентацию требуют наши национальное и человеческое достоинство», интересы обеспечения «физического существования армянского народа» [42].

СССР и Запад неслучайно взялись за перетягивание на свою сторону армянского «зарубежья», поскольку на май 1947 г. в Нью-Йорке планировался Всемирный армянский конгресс, который должен был

определить политическую позицию мирового армянства в вопросе турецких территорий. Немаловажное значение на нем имел фактор подготовленного Москвой католикоса всех армян Геворга VI. Там же было зачитано «обращение правительства Советской Армении» о территориальных претензиях к Турции [7].

Но конкретных решений по этому вопросу принято не было, так как битва за Турцию велась в иной плоскости. Еще в своей исторической речи 12 марта 1947 г. в Конгрессе («Доктрина Трумэна»), говоря о Турции, американский президент заявил, что она нуждается «в нашей поддержке» в целях осуществления необходимой модернизации «для сохранения ее территориальной целостности». Отметив, что неоказание Анкаре помощи «в этот роковой час» возымеет «далеко идущие последствия как для Запада, так и для Востока», Г. Трумэн попросил «депутатский корпус» согласиться с предоставлением материальной помощи Турции и отправкой в страну американского «гражданского и военного персонала» – на основании того, что будущее Турции «как независимой и экономически значимой страны» является важным «для демократического мира» [43]. Кроме того, Ближний и Средний Восток были объявлены Г. Трумэном сферой жизненно важных интересов США, а с лета началась реализация его планов. В 1947 г. Турция стала членом Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР), заключив военное соглашение с США. В одном из оперативных документов Объединенного комитета начальников штабов того периода сообщалось, что контроль над Восточным Средиземноморьем «мог бы быть обеспечен в случае, если Советский Союз не сможет прорваться в Турцию. Тогда Турция могла бы быть использована как военная база для союзников или служить прикрытием для такой базы, с которой союзники смогли бы не только наносить удары по жизненно важным районам СССР, но и блокировать наземные коммуникации противника, ведущие к нефтяным ресурсам Среднего Востока и в район Каир-Суэц» [44]. Заметим, что осенью того же года аналогичный договор с США заключил и Иран. Позиции СССР в направлении Анкары начали резко ослабевать.

Что касается процесса репатриации армян, то он продолжался. Как отмечает глава израильской исторической школы Шмуэль Эттингер, армянам «не только было разрешено сконцентрировать своих местных и зарубежных собратьев в Советской Армении, но этот план неоднократно пропагандировался и поощрялся правительственными кругами», хотя идея «основания еврейского территориального центра в границах Советского Союза рассматривалась в ту пору как серьезное преступление» [45]. Политическая подоплека данного процесса видна из воспоминаний непосредственных репатриантов. Мурад Бояджян, семья

которого репатрировалась в Армению летом 1947 г., признает, что, «пожив в Ереване и поговорив» с первыми репатриантами, мы увидели отсутствие «перспектив», да и «ссуда на постройку собственного дома в пригороде, где селятся выходцы из Киликии, чересчур мала» [46]. Откровений такого рода – масса.

Однако возникает вполне резонный вопрос: по какой причине Кремль, вполне отчетливо осознававший невозможность объединения двух «исторических Армений», продолжал настаивать на репатриации? Можно, конечно, предположить, что И. Сталин работал на будущее. Однако на поверку все оказалось значительно прозаичнее. Как часто бывало до и после подобных событий, решение Москвой «армянского вопроса» ударило по азербайджанцам, напрямую затронув и судьбу исконных азербайджанских территорий.

Официальная депортация азербайджанского населения из Армянской ССР

Изданное в конце декабря 1947 г. постановление Совета Министров СССР «О переселении колхозников и другого населения из Армянской ССР на Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР» ставило задачу «переселить в 1948–1950 гг. на добровольных началах в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР 100 тыс. колхозников и другое азербайджанское население из Армянской ССР, из них: 10 тысяч человек – в 1948 г., 40 тыс. – в 1949 г. и 50 тыс. – в 1950 г.». Документ обязывал «руководителей министерств и ведомств, учреждений и предприятий освободить от работы лиц, переселяющихся из Армянской ССР». На министерство путей сообщения возлагалось обеспечение перевозки «специально сформированными эшелонами» азербайджанского населения, их имущества и скота. Совмину Армянской ССР «освобождаемые азербайджанским населением постройки и жилые дома» разрешалось использовать «для расселения зарубежных армян» [47]. Следующее постановление от 10 марта 1948 г. обязало Совмины Армении и Азербайджана «оказывать помощь переселенцам-колхозникам, а рабочим и служащим, переселяющимся из Армянской ССР <...> в продаже принадлежащих домов в местах выхода» [48].

Текст обоих документов исключал возможность для возврата азербайджанского населения на свои территории. Здесь же можно предположить, что и на исторические места проживания турок-месхетинцев в Грузии, выселенных в 1944 г. (наряду с чеченцами, ингушами, карачаевцами, балкарцами и др.), также предусматривалось заселять армян (на сегодня в Месхетии, входящей в Самцхе-Джавахетию, армянское население преобладает).

Следовательно, И. Сталин успешно продолжил политику российских правителей начиная с Петра I, направленную на заселение Южного Кавказа армянами из сопредельных стран. Согласно Православной энциклопедии, «за 1946–1948 гг. в Армению переехали 89,7 тыс. армян из Сирии, Греции, Болгарии, Румынии, Ливана, Ирана, Ирака, Франции, США» [49] (по другим данным – свыше 100 тыс.). Так, обострение советско-турецких (советско-западных) взаимоотношений по окончании II мировой войны, затрагивающих советское приграничье, обернулось страданиями мусульманских народов СССР. Это подтверждает и указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 ноября 1948 г., согласно которому депортированные во время II мировой войны калмыки, ингуши, чеченцы и другие навечно оставались на спецпоселении (нарушение которого влекло 20-летний срок лагерных работ). Репатриация же армян привела к официальному выселению более 100 тыс. азербайджанцев из Армении. Но трагедия депортированных азербайджанцев, лишившихся привычного образа жизни, связей с родственниками и землей предков, никого не интересовала. Многие до сих пор ничего не знают об этой антиазербайджанской акции Кремля, происшедшей в мирное время.

Игра же в репатриацию завершилась довольно своеобразно. Летом 1948 г. из Нью-Йорка в Одессу взял курс теплоход «Победа». Во время плавания капитан корабля получил радиограмму, предписывавшую принять на борт армян-репатриантов из Александрии (Египет), следующих в Батуми (чуть более 2 тыс. человек). Доставив 31 августа армянских пассажиров по назначению, 1 сентября теплоход направился в Одессу. Но вследствие пожара, случившегося на судне на пути к городу, «Победа» до Одессы не дошла. Хотя официальной версией пожара явилось возгорание киноплёнки, поползли слухи о причастности к «диверсии» западных агентов, просочившихся в число армян-репатриантов. Постановлением Совета Министров СССР от 14 сентября 1948 г. репатриация в СССР была «полностью и немедленно» отменена, а в 1949 г. немало армян-репатриантов выслали в Алтайский край.

«Израильская» катастрофа И. Сталина

Одновременно с фактической депортацией азербайджанского населения из Армении Москва продолжала пробивать «израильское окно» на Ближний Восток, задействовав для этого «курдский фактор».

По данным П. Судоплатова, летом 1947 г. вооруженные отряды курдов под командованием Мустафы Барзани (до 2 тыс. бойцов) «перешли нашу границу с Ираном и оказались на территории Азербайджана». М. Барзани и его окружению создали условия для прохождения «спецобучения в наших военных училищах и академии». Что интересно, тогдашний

министр госбезопасности СССР Виктор Абакумов запретил «сообщать руководителю компартии Азербайджана Багирову о содержании переговоров с Барзани и особенно о согласии Сталина предоставить возможность курдским офицерам пройти [военную] подготовку». А это говорит лишь о том, что планы использования курдов на Ближнем Востоке держались в строжайшей тайне. П. Судоплатов конкретизирует: «Багиров стремился использовать Барзани и его людей для дестабилизации обстановки в Иранском Азербайджане. Однако в Москве полагали, что Барзани сможет сыграть более важную роль в свержении проанглийского режима в Ираке. И, кроме того, что особенно важно, с помощью курдов мы могли надолго вывести из строя нефтепромыслы в Ираке (Мосул), имевшие тогда исключительно важное значение в снабжении нефтепродуктами всей англо-американской военной группировки на Ближнем Востоке и в Средиземноморье» [36/б].

Как уже отмечалось, укрепиться в ближневосточной зоне Москва планировала при помощи проекта «Израиль», предвкусывая в перспективе приближение к Ирану и Турции. В ноябре 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о разделе Палестины на еврейское и арабское государства, а также международную зону (Иерусалим и Вифлеем), что, со слов занявшего к тому времени должность постоянного представителя СССР при ООН А. Громыко, «соответствует коренным национальным интересам» как еврейского, так и арабского народа» [50].

Так канула в лету мандатная форма управления Палестиной. Но СССР и США, не заинтересованные в провозглашении арабского государства (поскольку «арабское движение» контролировалось Великобританией), понимали, что Лондон приложит все силы, чтобы не допустить создания «не своего» Израйля (организовав арабо-еврейский вооруженный конфликт). Поэтому Москва и Вашингтон стали снабжать еврейскую сторону оружием, но, конечно же, не напрямую.

Объявив эмбарго на поставку вооружений в ближневосточный регион, Белый дом оказался «бессилен» перед американскими евреями. Как свидетельствует первый посол Израйля в СССР, впоследствии премьер-министр Голда Меир, в марте 1948 г. она вернулась из США «в Палестину, собрав 50 000 000 долларов, немедленно ассигнованные на тайные закупки в Европе оружия». «Кто знает, устояли бы мы, если бы не оружие и боеприпасы, которые мы смогли закупить в Чехословакии¹⁰⁹ и транспортировать через Югославию и другие балканские страны», – добавляет она. Создание Израйля было провозглашено 15 мая 1948 г. «Признание Америки стало для нас величайшим событием этой ночи», советское признание Израйля 18 мая «имело для нас огромное значение»,

¹⁰⁹ В той же Чехословакии проходили практику израильские пилоты. – прим. авт.

так как впервые после II мировой войны «две величайшие державы пришли к согласию в вопросе о поддержке еврейского государства» [51].

Безусловно, Кремль рассматривал Тель-Авив как потенциального участника социалистического блока государств и важнейшее звено в решении геополитических задач на Ближнем Востоке, в связи с чем продолжил произраильскую линию. На заседании Генеральной Ассамблеи ООН (июнь 1948 г.) советская делегация не поддержала план посредника ООН (Фольке Бернадотт) о совместном управлении Израилем и Иорданией, предусмотренный для создания арабского государства части Палестины. Кроме того, одоббив пункт внесенной американцами резолюции о прекращении войны в Палестине, советская группа возразила «против демилитаризации Иерусалима и широких прав» посредника ООН, что давало «возможность Англии и США в дальнейшем проводить закулисные махинации». Вследствие прозвучавшего предложения «оставить в Палестине урезанное в своих суверенных правах государство Израиль» Ближневосточный отдел МИД СССР указывал на возможную договоренность Лондона и Вашингтона «по вопросу о дальнейшей судьбе Палестины», поэтому «необходимо отклонить любое предложение о расширении Трансиордании за [ее] счет» [52].

То есть в очередной раз была продемонстрирована поддержка Москвой Тель-Авива. Парадокс (если в геополитике уместно использование этого термина), однако, заключался в том, что к осени 1948 г. Израиль «ненавязчиво» оказался в зоне контроля Вашингтона. По результатам беседы с министром иностранных дел Израиля Моше Шертоком постпред Украинской ССР в СБ ООН Дмитрий Мануильский обращал внимание на «некоторые новые моменты, свидетельствующие» о «согласовании» им «своей позиции с представителями Госдепартамента США». Самым «непривлекательным» для Кремля предложением М. Шертока наверняка оказалось следующее: «Нефтеочистительные заводы, принадлежащие частным компаниям в Хайфе с вложенным капиталом США, Франции и Великобритании, должны остаться в [их] руках». Это, а также согласие Тель-Авива на учреждение «согласительной комиссии с ограниченными полномочиями» по определению границ Израиля с участием США и Великобритании [53], свидетельствовало о смене Израилем внешнеполитических ориентиров.

Потерпевшая фиаско Москва сразу же свернула произраильский курс, одновременно проведя в СССР ряд идеологических антиеврейских акций (так называемое «дело врачей», кампания «борьбы с космополитизмом»). Хотя, как признает российский историк Георгий Литвин, «позиция Сталина в еврейском вопросе до осени 1948 г. была достаточно

спокойной и имела сдержанный характер» [54]. Согласно оценке, данной в Еврейской электронной энциклопедии, Сталин начал проводить явно антиизраильскую политику, «убедившись, насколько иллюзорна надежда превратить Израиль в советский сателлит на Ближнем Востоке». Опасаясь, что поддержка Москвой Израиля приведет к росту «национального самосознания советских евреев и их солидарности с евреями других стран», Сталин не только отказался от поддержки еврейского государства на международной арене, но и усилил преследования евреев внутри страны [55].

Потерпев сокрушительное геополитическое поражение на «израильском фронте», ради «открытия» которого Москва «пожертвовала» азербайджанским и курдским «движениями» на иранском и турецком направлениях (ею же и инициированными), СССР потерял прямой выход на Ближний Восток и с «другого края». Но при этом И. Сталин готовился осуществить новый внешнеполитический «выход» на Европу, т. к. весной 1948 г. советская разведка получила ценнейшую информацию о сверхбомбе (проект «классический супер»). В этом же направлении уже долгое время работала группа советских физиков, и к концу года знаменитый академик Андрей Сахаров стал разрабатывать комбинированную бомбу, схема которой стала известна как «слойка». Так что у И. Сталина была уверенность в скорейшем появлении собственного атомного оружия.

Поэтому Москва развернулась лицом к Европе. В январе 1949 г. под эгидой Москвы был создан Совет Экономической Взаимопомощи (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, и Чехословакия), явившийся первым шагом к политическому единству европейского социалистического лагеря. Не исключено, что для окончательного оформления социалистического блока Кремль ждал информацию о завершении «пуска» бомбы. Поэтому в том же январе последовало предложение СССР о заключении Пакта мира между пятью великими державами. Но Запад не среагировал. В феврале при его содействии было заключено перемирие Израиля с Египтом, чуть позже – с Ливаном и Трансиорданией.

Апофеозом геополитического столкновения СССР и США явилось образование 4 апреля 1949 г. Североатлантического союза (НАТО) с участием все тех же США, Великобритании, Франции. Договор предусматривал оказание взаимной помощи в случае агрессии. А уже 23 мая 1949 г., после слияния французской оккупационной зоны в Германии с объединенной зоной США и Англии, образовалось новое государство – Федеративная Республика Германии (ФРГ). Принятый в США Закон об иностранной помощи предусматривал выделение ок. 5,5 млрд долларов

под программу восстановления Европы. В этом же году Турция вступила в Совет Европы.

Тем временем в августе 1949 г. на Семипалатинском полигоне была испытана первая советская атомная бомба – «ядерный ответ» Вашингтону Москвой был дан. Начался новый этап позиционной борьбы между социалистическим и капиталистическим мирами, определяемый ядерным паритетом. В 1952 г. Турция стала полноправным членом НАТО, а весной 1953 г. Москва заявила об отказе от территориальных претензий к Турции «во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности» [21].

Что касается азербайджанского населения в Армении, то часть азербайджанцев смогла остаться на своей исторической родине лишь благодаря приостановленной осенью 1948 г. репатриации армян. Но ровно на 40 лет, когда «армянский вопрос» возник уже в совершенно новых условиях.

1. Англо-американская декларация (Атлантическая хартия)
<http://www.lawmix.ru/abro.php?id=1545>
2. Сулеймани А. Вторая командировка Мильспо в Иран
<http://dspace.khazar.org/jspui/bitstream/123456789/250/1/Afshar.doc>.
3. Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть
<http://ek-lit.narod.ru/oil020.htm>
4. Родригес А. М. Новейшая история стран Азии и Африки. XX век. Часть 3
<http://www.middleeast.org.ua/modern/iran2.htm>
5. Суржик Д. Борьба за саудовскую нефть (с момента открытия до 1945 года)
<http://www.it2b.ru/it2b2.view11.page7.html>
6. Записка руководителя Комиссии Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками, И. М. Майского народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову по вопросам будущего мира и послевоенного устройства
<http://www.pereplet.ru/history/Russia/USSR/1941-1945/maisk.html>
7. Казинян А. В мире национальных грез
<http://www.armtown.com/news/ru/gol/20060422/2006042206/>
8. Симонян М. История армянской диаспоры Кубани
http://www.mashtots.ru/archive/history_4.htm
9. Деятели Армянской церкви. Статья на сайте «armenica.info»
<http://armenica.info/church/deyat/44.htm>

10. Громыко А. А. Памятное. Книга первая. М., 1988, с. 211, 212, 213, 220.
11. Трумэн Гарри С. Воспоминания
<http://vlastitel.com.ru/stalin/vov/truman.htm>
12. Алпровиц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968 а/ с. 8; б/ с. 200, 202.
13. Шлезингер А. Циклы американской истории
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/shlez/08.php
14. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с министром иностранных дел Великобритании. Потсдам 16 июля 1945 г.
<http://www.genocide.ru/lib/treaties/21.htm>
15. Договор между Россией и Турцией от 16 марта 1921 г.
<http://www.genocide.ru/lib/treaties/19.htm>
16. Скачков А. Восточный и национальный вопросы
<http://ruvwww.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/1053-1081.htm#1076>
17. Кацва Л. История России. Советский период. (1917–1991)
<http://som.fi.org.ru/Resources/Drachlerab/2005/08/55.htm>
18. Поцхверия Б. М. Заключительная глава коллективной монографии «Россия на Черном море: история и геополитика»
<http://www.auditorium.ru/books/551/r3g14.pdf>
19. История США. Т. 4
http://www.history.vuzlib.net/book_i002_page_14.html
20. Из переписки Маленкова с М. Багировым
http://www.history.azerall.info/ts_gen/rus/eyt/eyt5.htm
21. Армянский вопрос. Статья из энциклопедии сайта «genocide.ru»
<http://www.genocide.ru/enc/arm-question.htm>
22. О наших законных требованиях к Турции. Письмо С. Джанашиа и Н. Бердзенишвили в редакцию газеты «Коммунист» // Газета «Правда», 20 декабря 1945 г.
<http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/24/7640776e521379e76aed243d48610a13d8f6b520.pdf>
23. Цит. по: Салех Алиев. История Ирана. XX век
https://books.google.az/books?id=vShuAAAAMAAJ&q=%D0%BF%D0%B8%D1%88%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8+%D0%B7%D0%B0%D1%8F%D0%B2%D0%B8%D0%BB&dq=%D0%BF%D0%B8%D1%88%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8+%D0%B7%D0%B0%D1%8F%D0%B2%D0%B8%D0%BB&lr=&ei=TfqMS5qBKOOGyASMyqX3DQ&hl=ru&output=html&cd=2&redir_esc=y

24. Берия С. Мой отец Берия: в коридорах сталинской власти
http://books.google.az/books?id=LK9_-UlrSQcC&pg=PA106&lp=PA106&dq=%D0%9A%D1%83%D1%80%D0%B4%D1%8B+%E2%80%94%D1%8D%D1%82%D0%BE+%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D1%8B%D0%B9+%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B6%D0%B0%D0%BB,+%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%D0%B9+%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE+%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D1%8C+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2+%D0%A2%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D0%B8,+%D0%98%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B0+%D0%B8%D0%BB%D0%B8+%D0%98%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B0&source=bl&ots=iz6x1v3R3x&sig=DVQQVMlumIRCTFuwIWxh6SIVEnQ&hl=ru&ei=uNS4ScjWC5GSsAbf7fS4CA&sa=X&oi=book_result&resnum=1&ct=result
25. Сталин И. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 года
<http://www.hrono.info/libris/stalin/16-58.html>
26. Кеннан Дж. Длинная телеграмма
<http://www.coldwar.ru/bases/telegramm.php>
27. Гасанлы Д. Южный Азербайджан: начало холодной войны
<http://karabakh-doc.azerall.info/ru/azerpeople/ap052-13.php>
28. Фултонская речь Черчилля
http://ru.wikisource.org/wiki/Фул-тонская_речь_Черчилля
29. Интервью И. В. Сталина газете «Правда» о речи Черчилля в Фултоне (14 марта 1946 года)
http://www.coldwar.ru/stalin/about_churchill.php
30. Советско-иранские договоры и соглашения
http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/1152/%D0%A1%D0%9E%D0%92%D0%95%D0%A2%D0%A1%D0%9A%D0%9E-%D0%98%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%95
31. Цит. по: Окорочков А. Секретные войны Советского Союза
http://www.e-reading.club/chapter.php/95319/14/Okorokov_-_Sekretnye_voiny_Sovetskogo_Soyuza.html#_ftn740
32. Кеннан Дж. Истоки советского поведения
<http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/istoki-sovetskogopovedeniya.php>
33. Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана
<http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>

34. Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939–1956 гг.
http://hirosima.scepsis.ru/library/lib_63.html
35. Записка заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С. И. Кавтарадзе народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову
<http://ricolor.org/russia/me/z1/>
36. Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы
 а/ http://militera.lib.ru/memo/russian/sudoplatov_pa/10.html
 б/ http://militera.lib.ru/memo/russian/sudoplatov_pa/08.html
37. 29-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. Доклад А. А. Жданова на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1946 года. В журнале «Наука и жизнь», 1946, № 11–12.
http://publ.lib.ru/ARCHIVES/N/'Nauka_i_jizn'/'_'Nauka_i_jizn''_1946_.html
38. Давтян А. История. Праздник формирования культуры
<http://svlourie.narod.ru/civilization/history.htm>
39. Давтян А., Лурье С. Ереван: мифология современного города
<http://svlourie.narod.ru/armenian-myth/erevan.htm>
40. Деяния совещаний глав и представителей автокефальных православных церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии. 1948 год
http://www.krotov.info/history/20/1940/1948_04.htm
41. Хронология жизни и деятельности Гарегина Нжде
<http://www.ceghakron.com/pages/menu/menu2/xrono.htm>
42. Тер-Арутюнян Г. Исторические условия возникновения «Дашнакцутюн» и ее характеристика
<http://www.ceghakron.com/pages/menu/menu4/ist.htm>
43. Речь Г. Трумэна на заседании Конгресса 12 марта 1947 г. – «Доктрина Трумэна»
<http://www.coldwar.ru/truman/doctrine.php>
44. Директивы по вопросам стратегического планирования. Документ Объединенного комитета начальников штабов (1.5.1947 г.). Цит. по: Грайнер Б., Штайнхаус К. На пути к 3-й мировой войне? Военные планы США против СССР. М., 1982, с. 88–89.
45. Эттингер Ш. Очерк истории еврейского народа
<http://www.il4u.org.il/il4u/history/jew-book/ettinger2/ettinger-8.html>

46. Цит. по: Кантарджян С. Разные судьбы. Хроника жизни одной семьи
<http://www.armenianhouse.org/ghantarjyan/fates/ch3.html>
47. Постановление № 4083 Совета министров СССР от 23 декабря 1947 г. «О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР» <http://www.iravan.info/sened23/>
48. Постановление № 754 Совета министров СССР от 10 марта 1948 г. Москва, Кремль «О мероприятиях по переселению колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР»
<http://www.iravan.info/ru/sened24/>
49. Армения. Статья из «Православной энциклопедии»
<http://pravenc.ru/text/76104.html>
50. Выступление постоянного представителя СССР при ООН А. А. Громько на пленарном заседании Второй Сессии Генеральной Ассамблеи ООН
<http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issuesdoc/62026/59380>
51. Меир Г. Моя жизнь
<http://www.lib.ru/MEMUARY/MEADEAST/meir.txt>
52. Из справки ближневосточного отдела МИД СССР «Палестинский вопрос после решения ООН о разделе Палестины и окончания английского мандата (29 ноября 1947 г. – 20 июля 1948 г.)» 22.07.1948
<http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issuesdoc/62026/59420>
53. Запись беседы министра иностранных дел УССР Д. З. Мануильского с министром иностранных дел Израиля М. Шертоком. 22.10.1948
<http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issuesdoc/62026/59447>
54. Литвин Г. А. На развалинах третьего рейха, или маятник войны
http://militera.lib.ru/memo/russian/litvin_ga3/03.html
55. Сталин И. Статья в «Электронной еврейской энциклопедии»
<http://www.eleven.co.il/article/13935>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Каспийский интерес Петра I	4
Кавказское ответвление «Греческого проекта» Екатерины II	25
Овладение Россией Южным Кавказом как составляющая европейских геополитических баталий	42
Новая оболочка православных идей на фоне российско-османского сближения в 1830–1840 гг.	93
Османская империя под зорким оком Европы и «административная» активизация России на Южном Кавказе	103
«Крымское» фиаско России и нефтяной фон Баку	111
Идеологические и практические тональности в преддверии русско-османской войны 1877–1878 гг.	124
Отдельные нюансы русско-османской войны 1877–1878 гг. Фактор Исмаила Хана Нахичеванского на восточном фронте	135
От Адрианополя в Берлин с остановкой в Сан-Стефано	146
Геополитическое обрамление «армянского вопроса» к концу XIX века	155
Борьба мировых гигантов за бакинскую нефть в последней трети XIX века	168
Отражение мирового нефтяного столкновения в дальневосточном направлении	179
Организация властями рабочего движения на фоне перспектив экономического роста Российской империи	192
Погромы как дестабилизационный фактор Российской империи в начале XX века	204
Стачное лето 1903-го. Тревожный сигнал для нефтяных перспектив Российской империи	210

	513
Пружины дезинтеграции империи Романовых	221
Российская империя под проливным дестабилизационным дождем	230
Пожары на бакинских промыслах.....	242
Еврейские погромы – часть дестабилизационного пакета?.....	279
«Армянский» и другие вопросы как ответвления «Младотурецкой революции»	305
Имел ли место геноцид в Османской империи?	328
Большевистско-дашнакский тандем. Бакинская резня 1918 г.....	345
Ленин, нефть и судьба Эривани	357
Кто и почему приглашал англичан к бакинской нефти в 1918 г. Миф о 26 бакинских комиссарах	367
Великобритания, «фактор» генерала А. Деникина и новые очертания «армянского вопроса»	378
О некоторых особенностях «восточной» политики Ленина	389
Трудности Анкары и надежды «армянского движения».....	399
I съезд народов Востока и рождение лозунга коммунистического газавата.....	412
Экономическая составляющая геополитического столкновения за Турцию	435
Нефтяной оттенок геополитической борьбы в первой половине 1920-х гг.....	452
Геополитические итоги II мировой войны и их последствия для Кавказа и Ближнего Востока.....	487

Теймур Атаев

Кавказские коллизии России

От Петра I до Иосифа Сталина

Подписано в печать 31.05.2017 г.
Формат 60x90x16. Гарнитура Times New Roman.
Тираж 500. Заказ №80

Отпечатано в типографии ООО «Наш формат»
02105, Киев, пр. Мира, 7, к. 45
Реестрационное свидетельство ДК № 4540 от 7 мая 2013 г.

Теймур Атаев – азербайджанский политолог, теолог, публицист. В своих статьях он касается проблем геополитики, истории, религии, литературы, искусства. Избранные труды: «Светско-религиозный тандем в геополитике, или глобализационное миссионерство: история и современность» (2009), «Из истории геополитической борьбы за территории России, Украины, Беларуси и Балтии» (2017). В предлагаемой книге автор исследует вопросы, связанные с кавказским интересом России, во взаимосвязи с мировой

геополитической конъюнктурой, что позволяет по-новому взглянуть на некоторые эпизоды мировой истории, имеющие отношение к региону. Особо важен акцент на нефтяную составляющую перманентных геополитических игр вокруг Кавказа. Т. Атаев выдвигает собственную версию обострения ситуации в Российской империи в первые годы XX века, связывая ее с борьбой ведущих нефтяных магнатов. Отдельные события 1905 г. (русско-японская война, августовская волна армяно-азербайджанского столкновения в Баку и еврейские погромы в Южном регионе России) он рассматривает как звенья единой дестабилизационной цепи. Затрагивает Т. Атаев и такие вопросы как причины создания Россией «христианского пояса безопасности» на ее южных рубежах начиная с периода правления Петра I; движущие силы большевистско-дашнакского тандема в Баку в 1918 г.; призыв I съезда народов Востока к коммунистическому газавату; рождение «курдского движения»; «израильская» катастрофа Сталина, санкционированная советским правительством официальная депортация азербайджанского населения из Армении в середине прошлого столетия и многие другие.

Книга, написанная в научно-публицистическом стиле, предназначена как для профессиональных историков, политологов, журналистов, студентов гуманитарных факультетов, так и для широкого круга читателей.